

Андрей
Санковский

БОЖЬИ ВОИНЫ

Annotation

Новые приключения чернокнижника Рейневана, уже знакомого любителям фантастики по роману «Башня Шутов». На этот раз он под личиной скромного лекаря появляется в Чехии, охваченной пламенем религиозных войн, дабы исполнить там тайную миссию. Однако у мастера Рейневана немало врагов. За каждым его шагом следят. И самая мелкая его ошибка может стать роковой.

- [Анджей Сапковский](#)
  -
  - [ГЛАВА ПЕРВАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ВТОРАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ,](#)
  - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ПЯТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ШЕСТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
  - [ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,](#)
  - [ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АВТОРА](#)

- [НЕКОТОРЫЕ ПОЯСНЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)

- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)

- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)

- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)

- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)

- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)

- [272](#)
  - [273](#)
  - [274](#)
  - [275](#)
  - [276](#)
  - [277](#)
  - [278](#)
  - [279](#)
  - [280](#)
  - [281](#)
  - [282](#)
  - [283](#)
  - [284](#)
  - [285](#)
  - [286](#)
  - [287](#)
  - [288](#)
  - [289](#)
  - [290](#)
  - [291](#)
  - [292](#)
  - [293](#)
  - [294](#)
  - [295](#)
  - [296](#)
  - [297](#)
  - [298](#)
  - [299](#)
  - [300](#)
  - [301](#)
  - [302](#)
  - [303](#)
  - [304](#)
  - [305](#)
  - [306](#)
  - [307](#)
  - [308](#)
-

Анджей Сапковский

Божьи воины

Мир, милостивые государи, за последнее время взял, да и увеличился. Но в то же время как бы и уменьшился.

Вы смеетесь? Дескать, я глупости болтаю? Одно-де противоречит другому? Сейчас докажу вам, что отнюдь.

Выгляньте, господа, в окно. И что вы видите, какая картина перед вами? Овин, ответите вы, не отступая от истины, и отхожее место за ним. А что расположено дальше, ну, за отхожим местом? Так вот если я спрошу девушку, которая спешит к нам с пивом, она ответит, что за отхожим местом ржаное поле, за ржаным полем — Яхимова заграда, за заградой — смолокурня, а дальше-то уж, пожалуй, и Малая Козолупа.

Достаточно спросить нашего корчмаря, и тот как человек весьма знающий добавит, что и это вовсе не конец, что за Малой Козолупой есть еще и Большая Козолупа, за ними имение Коцмыров, за Коцмыровом селение Лазы, за Лазами — Гоц, а за Гоцем, пожалуй, уже будет Твардогура. Но заметьте, чем более ученого человека я стану спрашивать, к примеру, вас, тем дальше мы отойдем от нашего овина, нашего отхожего места и обеих Козолуп — ибо более посвященному уму известно, что Твардогурой мир тоже не ограничивается, что дальше лежат Олесьница, Бжег, Немодлин, Ниса, Глубчицы, Опава, Новый Ийчин, Тренчин, Нитра, Остжыгом, Буда, Белград. Рагуза, Янина, Коринф, Крит, Александрия, Каир, Мемфис, Птолемей, Фивы... Ну что? Разве мир не увеличивается? Не становится все больше?

Но и это еще не конец. Двигаясь от Фив вверх по Нилу, который в виде реки Гихон вытекает из источника в земном рае, мы дойдем до земель эфиопов, за которыми, как известно, раскинулась пустынная Нубия, жаркая страна Куш, златобогатый Офир и вся неизмеримая *Africae Terra, ubi sunt leones*^[1]. А дальше океан, окружающий всю землю. Целиком. Но и на этом океане острова имеются — как то: Катай, Тапробана, Брагин, Оксидрат, Гинософы и Чипангу, в коем климат изумительно урожайный, а драгоценности горами навалены, о чем пишет ученый Гуго из Святого Виктора и Петр д'Алилли, а также его милость Жан де Мандевилль, коий собственными очами чудеса оные обозрел.

Таким образом мы доказали, что на протяжении нескольких

миновавших столетий мир весьма существенно расширился. Разумеется, в определенном смысле. Ибо даже если материи как таковой в мире и не прибавилось, то названий новых уж прибыло наверняка.

Как же, спросите вы, согласовать с этим утверждение, будто наш мир уменьшился? А я вам незамедлительно это докажу. Только прошу не насмехаться — и не перебивать, ибо то, что я сейчас скажу, вовсе не плод моей фантазии, а сведения, почерпнутые из книг. А над книгами хихикать негоже, ибо для того, чтобы они возникли, кому-то пришлось потрудиться в поте лица.

Как известно, наш мир есть плоскость суши, имеющей форму круглого блина, в центре коего расположен Иерусалим. Блин тот со всех сторон океаном окружен. На востоке край земли образуют Кальпа и Абила, Геркулесовы Столпы и ущелье Аида между ними.

На юге, как я только что показал, за Африкой распростирается океан, На южном востоке твердую землю завершает подчиняющаяся князю Иоанну *India inferior*, тако же земли Гога и Магога. В северной стороне света последним краешком земли шляется *Ultima Thule*^[2], там же, *ubi oriens iungitur aquiloni*^[3], лежит земля Могаль, или Тартар. На востоке же свет оканчивается Кавказом, чуть подальше Киева.

А теперь мы подходим к сути дела, то есть к португальцам. А конкретно — к инфанту Генриху, князю Висеу, сыну короля Иоанна. Португалия, что уж тут скрывать, есть королевство не из больших, инфант же этот лишь третий по счету сын, посему неудивительно, что из своей резиденции в Сагрише он чаще и с надеждой превеликой на море поглядывал, нежели на Лиссабон. Собрал он в Сагрише астрономов и картографов, мудрых евреев, мореходов и капитанов, мастеров-корабелов... И началось.

В Год Господень 1418-й добрался капитан Жоао Гонсальвеш Шарко до островов, именуемых *Insulas Canarias*, Канарскими, а название оттуда пошло, что собак было там обнаружено превеликое множество. Вскоре после этого, в 1420 году, тот же Гонсальвеш Шарко совместно с Тристаном Ваш Тейксеиру доплыл до острова, окрещенного Мадейрой. В 1427-м каравеллы Диего де Сильвеша дошли до островов, кои назвали Азорами — откуда такое название взялось, одному Диеге и Богу ведомо. Едва несколько лет тому назад, б 1434 году, очередной португалец, Жиль Эанеш, обошел полуостров Боядор. А шел слух, что уже готовится предпринять плавание инфант дон Генрих, которого некоторые уже начинают называть «мореходом» — *El Navegador*.

С великим изумлением и уважением отношусь я к оным мореходцам. Неустрашимые они люди. Ведь сущий же ужас отправляться на океан под парусами. Шквалы там и штормы, скалы подводные, горы магнетические, кипящие и клейкие моря, постоянно если не водовороты, так турбуленция, а если не турбуленция, так течения. Чудовища кишмя кишат, полно там драконов водных, морских серпенсов, змей, тритонов, гиппокампов, сиренов, дельфинов и пластуг. Роятся в море *sanguissugae, polypi, octopi, locustae, cancri, pistrixi*^[4] разные и прочее. Самое страшное, в конце — ибо там, где оканчивается океан, за краем самым, начинается Пекло. Вы думаете, почему солнце на заходе бывает таким красным? Так вот потому как окунается оно в огни адские. А по всему океану рассеяны дыры; наплывет каравелла по нечаянности на такую дыру и напрямик в ад проваливается, тут ей со всем, что на ней, конец приходит. Видать, таким это образом было сотворено, чтобы не дать смертному человеку по морям плавать. Ад есть пекло для тех, кто запреты нарушает.

Но, насколько я знаю жизнь, португальцев это не остановит.

Ибо *navigare necesse est*^[5], а за горизонтом есть острова, которые надо открывать. Необходимо нанести на карту далекую Тапробану, описать в *roteiros*^[6] путь к таинственному Чипанг, обозначить *Insole fortunate*, Счастливые острова. Надобно же плыть далее, по тропе святого Брендана, дорогой мечты, к Ги Брасиль, к неведомому. Затем, чтобы неведомое обратить в ведомое и знакомое.

И вот — *quod erat demonstrandum*^[7] — мир наш уменьшается и сокращается, ибо еще немного, и все уже окажется на картах, на портуланах^[8] и в ротейрос. И неожиданно все окажется близко.

Мир уменьшается, и в нем остается все меньше места для легенд. Чем дальше отплывают португальские каравеллы, чем больше становится количество открытых и названных островов, тем меньше остается легенд. То и дело какая-либо развенчивается, словно дым. И у нас остается все меньше иллюзий. А когда умирает мечта, то тьма заполняет опустевшее место. В темноте же, особенно если вдобавок еще и разум уснет, сразу пробуждаются чудовища. Что? Кто-то это уже сказал? До меня? Милостивый государь, а разве есть что-то такое, чего бы кто-то уже когда-то не сказал? Однако в горле у меня что-то пересохло... Вы спрашиваете, не побрезгую ли я пивом? Конечно, нет.

Что вы сказали, благочестивый брат от святого Доминика? Ага, что пора кончать треп не на тему и вернуться к рассказу? К Рейневану, Шарлею, Самсону и другим? Истинная правда, брат. Самое время. Так что

возвращаюсь.

Наступил год Господень 1427-й. Помните, что он принес? А как же! Забыть невозможно. Но все же напомним.

В ту весну, кажись, в марте, наверняка перед Пасхой, огласил папа Мартин V буллу *Salvatoris omnium*, в которой заявил о необходимости очередного крестового похода против еретиков-чехов. Вместо Джордано Орсинни папа Мартин назначил кардиналом и легатом *a latere* Генриха Бофора, епископа Винчестерского, единоутробного брата короля Англии. Бофор рьяно принялся за дело. Безотлагательно объявили крестовый поход, дабы мечом и огнем покарать гуситских вероотступников. Тщательно подготовили экспедицию, набрали деньги — дело в войне одно из важнейших. На этот раз — вот уж чудо из чудес! — никто этих денег не разворовал. Одни хроникеры считают, что крестоносцы вдруг стали честными, другие — что деньги на этот раз охраняли получше.

Главкомандующим оного похода франкфуртский сейм назначил Оттона фон Цигенхайна, архиепископа Тревира. Призвали кого удалось под оружие и знаки крестовы. И вот тебе — армия готова. Выставил войско Фридрих Гогенцоллерн Старший, электор бранденбургский. Встали баварцы под командой князя Генриха Богатого, встал пфальцграф Отто из Мосбаха и его брат пфальцграф Иоганн из Ноймаркта. Прибыли на сборный пункт малолетний Фридрих Веттин, сын уложенного немощью в постель Фридриха Храброго, электора Саксонии. Прибыли, каждый с солидной ратью, Рабан фон Хельмштетт, епископ Спейера, Анзельм фон Неннинген, епископ Аугсбурга, Фридрих фон Ауфсесс, епископ Вамберга, Иоган фон Брун, епископ Вюрцбурга. Депольт де Ружемон, архиепископ Безансона. Прибыли вооруженные из Швабии, Гессена, Тюрингии, из северных городов Ганзы.

Двинулось крестовое воинство в поход в начале июля, через неделю после Петра и Павла^[9], перешло границу и потянулось в глубь Чехии, помечая путь свой трупами и пожарами. В среду перед Якубом^[10] крестоносцы, подкрепленные силами католического чешского ландфрида, встали под Стжибором, где сидел гуситский пан Пшибик де Кленове, и осадили город, очень изнурительно обстреливая его из чешских бомбард. Однако пан Пшибик держался стойко и сдаваться не думал. Осада длилась, время уходило. Нервничал бранденбургский курфюрст Фридрих. «Это же крестовый поход», — кричал он, советуя немедленно двигаться вперед, атаковать Прагу. «Прага, — кричал он, — это *caput regni*^[11], а у кого в руках Прага, у того и Чехия...»

Жаркое, знойное было лето 1427 года.

А как, спрашиваете, на все это реагировали Божьи воины? Как, спрашиваете, Прага?

Прага...

Прага смердила кровью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Прага смердит кровью, Рейневан чувствует за собой слежку, а потом — поочередно — мается рутинной, вспоминает, тоскует, празднует, борется за жизнь и утопает в перине. А меж тем история Европы резвится, кувыркается, притоптывает и пищит на поворотах.

Прага смердила кровью.

Рейневан обнюхал рукава куртки. Он только что вышел из больницы, а в больнице, как в любом заведении такого рода, практически всем и каждому делали кровопускание и регулярно вскрывали язвы, да и ампутации следовали одна за другой с прискорбной регулярностью. Одежда могла пропитаться вонью, и в этом не было ничего необычного. Однако курточка источала только запах курточки. И ничего более.

Он поднял голову. Принюхался. С севера, с левого берега Влтавы, долетал запах травы и прелых листьев, сжигаемых в садах и виноградниках. Вдобавок от реки несло тинной и падалью — стояла жара, вода сильно упала, обнажившиеся берега и высохшие луга уже долгое время поставляли городу незабываемые обонятельные впечатления. Но на сей раз воняла не тина. Рейневан был в этом уверен.

Легкий переменчивый ветерок дул с востока, со стороны Пожичских ворот. Со стороны Виткова. А земля под Витковским взгорьем вполне могла источать запах крови. Потому как крови в землю эту впиталось немало.

Однако это, пожалуй, невероятно. Рейневан поправил на плече ремень торбы и резво направился дальше. Не может быть, чтобы этот запах крови — от Виткова. Во-первых, это довольно далеко. Во-вторых, бои шли летом 1420 года. То есть семь лет назад. Семь долгих лет.

Он, ускорив шаг, миновал уже церковь Святого Креста. А запах крови не развеялся. Совсем наоборот. Усилился. Потому что вдруг, для разнообразия, повеяло с запада.

«Хм, — подумал он, глядя в сторону недалекого гетто. — Камень — не земля, старые кирпичи и штукатурка помнят многое, многое может в них продержаться. Все, что они впитают, пахнет долго. А там, у синагоги, в улочках и домах, кровь лилась еще обильнее, чем в Виткове. И в несколько менее отдаленные времена. В 1422 году, во время кровавого погрома, во

время смуты, бушевавшей в Праге после расправы с Яном Желивским^[12]. Разъяренный казнью своего любимого трибуна народ Праги восстал, чтобы мстить, жечь и убивать. При этом больше всего, как обычно, досталось еврейскому району. У евреев не было ничего общего с казнью Желивского. И они уж никоим образом не были виновны в его судьбе. Но кого это заботило?

Рейневан свернул за Свентокшиским кладбищем, прошел мимо больницы, вышел на Старый Угольный Тарг, пересек небольшую площадь и углубился в арки и тесные закоулки, ведущие к Длинной Твиде. Запах крови улетучился, скрылся в море других ароматов. Арки и закоулки воняли всем, что только можно себе вообразить.

Зато Длинная Твида встретила его главенствующим над всем — и прямо-таки ошеломляющим запахом пекарских изделий. В пекарских лавочках, на прилавках и лавках золотились, красовались и аппетитно пахли знаменитые пражские выпечки. Хоть в больнице он позавтракал и голода не чувствовал, но не удержался и в первой же пекарне купил две свежайшие булки. Булки, которые здесь называли цалтами, имели столь навязчиво эротичную форму, что Рейневан долгое время шествовал по Длинной Твиде слово во сне, натываясь на палатки, погрузившись в жаркие, как пустынный самум, мысли о Никоlette. О Катажине Биберштайн. Среди прохожих, на которых он налетал и в задумчивости толкал, было несколько вполне привлекательных пражанок различного возраста. Он их не замечал. Рассеянно извинялся и шел дальше, попеременно то кусая цалту, то словно загипнотизированный всматриваясь в нее.

Старогродский рынок привел его в чувство запахом крови.

„Да, — подумал Рейневан, поедая цалту, — здесь-то, возможно, и неудивительно. Для этих-то булыжников кровь не в новинку“. Яна Желивского и девятерых его сподвижников обезглавили как раз здесь, у Старогродской ратуши, приманив сюда в тот мартовский понедельник. Когда после предательской казни отмывали от крови полы, красная пена текла из-под ворот ручьями, стекая, кажется, к самому стоящему посередине рынка позорному столбу и образуя там гигантскую лужу. А вскоре после этого, когда весть о смерти трибуна вызвала в Праге взрыв гнева и жажду мести, кровь потекла по всем тамошним сточным канавам.

В сторону Божьей Матери у Тына шли люди, они толпились под сводом ворот. „Будет проповедовать Рокицана, — подумал Рейневан. — Надо бы послушать, что может сказать Ян Рокицана“. Слушать проповеди Яна Рокицаны всегда стоило. Всегда. Особенно же теперь, во времена,

когда так называемый ход событий поставлял темы для проповедей прямо-таки в ужасающем темпе. Было, ох, было, о чем проповедовать. И стоило слушать.

„Нет времени, — сообразил он. — Есть более срочные дела. И есть проблема... Состоящая в том, что за мной следят“.

В том, что за ним следят, Рейневан убедился уже давно. Сразу после выхода из больницы у Святого Креста. Следящие были весьма ловкими» держались незаметно, очень искусно прятались. Но Рейневан их заметил. Потому что это было не в первый раз.

В принципе он знал, кто за ним следил и по чьему приказу. Однако это не имело особого значения.

От шпионов надо было отделаться. У него даже был план.

Он вышел на людный и вонючий Скотный Тарг, смешался с толпой, идущей в сторону Влтавы и Каменного Моста. Он хотел скрыться, а на Мосту, в узкой горловине, тесном перешейке, соединяющем Старе Место с Малой Страной и Градчанами, в шуме и толчее была реальная возможность исчезнуть. Рейневан пробирался в толпе, задевая прохожих и нарываясь на оскорбления.

— Рейнмар! — Один из тех, кого он задел, вместо того, чтобы, как другие, обозвать его курвиным сыном, поприветствовал его, назвав по имени. — Господи! Ты здесь?

— Я здесь. Послушай, Радим... Господи, почему ты так воняешь?

— Это, — Радим Тврдик, невысокий и не очень молодой, указал на ведро, которое тащил, — это глина и ил. С берега реки. Они мне необходимы... Сам знаешь зачем.

— Знаю. — Рейневан беспокойно осмотрелся. — А как же.

Радим Тврдик был, как знали все посвященные, чернокнижником. Радим Тврдик был также, как знали некоторые посвященные, пленен идеей создания искусственного человека. Голема. Все, даже малопосвященные, знали, что единственного до сих пор голема удалось в очень-очень давние времена создать некоему пражскому раввину, которого в сохранившихся документах называли, вероятно, искаженным именем Вар Галеви. Древнему еврею, как говорят документы, сырьем для создания голема послужили глина, ил и тина, взятые со дна Влтавы. Тврдик — единственный, — однако, считал, что роль активизирующего фактора здесь сыграли не обряды и заклинания, кстати, известные, а некая определенная астрологическая конъюнкция, влияющая на конкретный ил и данную глину, на их магические свойства. Однако, не имея ни малейшего понятия, о каком

именно расположении планет идет речь, Тврдик действовал методом проб и ошибок; набирал глину настолько часто, насколько мог, — в надежде, что когда-нибудь нападет на необходимую. Брал из различных мест, Сегодня явно «перебрал»: судя по вони, он взял «сырье» непосредственно из-под какого-то отхожего места.

— Ты не на работе, Рейнмар? — спросил Тврдик, вытирая лоб тыльной стороной ладони, — Не в больнице?

— Я смог уйти пораньше. Работы не было. Спокойный день.

— Дай Бог, — колдун поставил ведро, — чтобы не последний. Потому как время такое...

Все в Праге знали, в чем дело, о каком времени шла речь. Но об этом предпочитали не болтать лишнего. Фразы не договаривали. Это вдруг сделалось всеобщим и модным. Обычай требовал в ответ на такое недоговаривание сделать мудрую мину, вздохнуть и многозначительно покачать головой. Но у Рейневана не было на это времени.

— Иди своим путем, Радим, — сказал он, оглянувшись. — Я не могу здесь стоять. А лучше б и ты не стоял.

— Э-э-э?

— За мной следят. Поэтому я не могу идти на Суконническую.

— Следят, — повторил Радим Тврдик. — Те, что обычно?

— Наверное. Бывай.

— Погоди.

— Чего ради?

— Неразумно пытаться уйти от хвоста.

— Почему бы?

— Для следящих, — пояснил на удивление толково чех, — попытки отделаться от хвоста явный знак, что у того, за кем следят, не все в порядке с совестью и есть что скрывать. На воре шапка горит. То, что ты не идешь на Суконническую, — мудро. Но не крути, не сбегай, не скрывайся. Делай то, что делаешь всегда. Заставь шпикив заскучать от нудной повседневной рутины.

— Например?

— У меня в глотке пересохло от копания ила. Пошли «Под рака». Выпьем пива.

— За мной следят, — напомнил Рейнван. — Ты не боишься...

— А чего? — Колдун поднял свое ведро. — Чего бояться-то?

Рейнван вздохнул. Пражские магики поражали его не в первый раз. Он не знал, то ли это заслуживающее удивления хладнокровие, то ли тривиальное отсутствие воображения, но некоторые местные чародеи

часто, казалось, не принимали во внимание тот факт, что занимающимся чёрной магией людям гуситы были гораздо страшнее инквизиции. *Maleficium*, колдовство, входило в перечень смертных грехов, которые, следуя четвертой пражской догме, карались смертью. Когда речь шла о пражских догмах, с гуситами шуточки шутить не приходилось. Считающиеся умеренными пражские каликстинцы отнюдь не уступали в этом таборитским радикалам и фанатикам сиротам. Пойманного колдуна засовывали в бочку и сжигали на костре.

Они повернули в сторону рынка, пересекли Ножовницкую, потом улицу Злотников, затем Сватоийильскую. Шли медленно. Твёрдик останавливался около лавочек, обменивался со знакомыми лавочниками парой-другой сплетен. По принятому стандарту фразы прерывали после «теперь, когда такое время...». Несколько раз в ответ следовала мудрая улыбка, вздох и многозначительный кивок головой. Рейневан осматривался, но шпигов не замечал. Они прятались очень хорошо. Он не знал, что чувствовали они, но его самого это нудное однообразие начинало донимать весьма и весьма.

На счастье, вскоре, свернув со Сватоийильской во двор и под арку, они вышли прямо на каменный дом «Под красным раком». И на корчмушку, хозяин которой ничтоже сумняшеся назвал ее точно так же.

— Эй, гляньте-ка! Это ж Рейневан!

За столом на стоящей за столбами невысокой скамье сидели четверо. Все были усаы, широкоплечи, в рыцарских дентнерах. Двоих Рейневан знал, они были поляками. Если б не знал, то догадался бы: как все поляки за границей, в чужой стране они вели себя шумно, нагло и демонстративно хамски. Что по их собственному мнению должно было подчеркивать статус и высокое общественное положение. Забавным было то, что после Пасхи статус поляков в Праге сильно понизился, а их положение упало и того ниже.

— Отлично! Приветствуем тебя, уважаемый наш Эскулап! — встретил его один из поляков, знакомый Рейневана Адам Вейднар герба Равич.

— Присаживайся! Садитесь оба! Приглашаем и угощаем!

— А чего это ты так охотно приглашаешь? — поморщился с демонстративным отвращением другой поляк, тоже великопольчанин, тоже знакомый Рейневану Николай Жировский герба Чевоя. — У тебя избыток деньги, что ли? К тому же он травник, у прокаженных работает! Заразит нас лепрой-то! А то и чем похуже!

— Я больше не работаю в лепрозории, — терпеливо пояснил Рейневан, делавший эго уже не в первый раз. — Я сейчас лечу в больнице

богословов. Здесь, в Старом Месте. При церковке Святых Симеона и Юдифи.

— Ладно, ладно, — махнул рукой Жировский, который все это знал. — Что выпьете? Ага, зараза, простите. Познакомьтесь. Посвященные в рыцари господа: Ян Куропатва из Ланцухова, герба Шренява, и Ежи Скирмунт, герба Одровонж. Прошу прощения, но чем тут так, мать ее, воняет?

— Тиной. Из Влтавы.

Рейневан и Радим Тврдик пили пиво. Поляки пили ракусское вино и ели тушеную баранину, заедая хлебом. При этом разговаривали демонстративно громко по-польски, рассказывая друг другу различные глупости и каждую по отдельности отмечая громким хохотом. Прохожие оборачивались, ругались себе под нос. Иногда сплевывали.

С Пасхи, точнее, с Великого четверга, мнение о поляках среди чехов было не из лучших, а их положение в Праге не из высоких. И то, и другое проявляло тенденцию к понижению.

С Зигмунтом Корибутовичем, для краткости именуемым Корибутом, племянником Ягеллы, кандидатом в чешские короли, в первый раз в Прагу приехали общим счетом около пяти тысяч польских рыцарей, во второй — каких-нибудь пять сотен. В Корибуге многие усматривали надежду и спасение гуситской Чехии, а поляки отважно бились за Чашу и право Божие, не жалели крови под Карлштайном, под Иглавой, под Ретцом и под Усти. Несмотря на это, их не любили даже чешские товарищи по оружию. Разве можно любить типов, которые фыркали, услышав, что их чешские соратники носят имена Пицек из Псикоусов, или Садло из Старе Кобзи? Которые диким хохотом реагировали на такие имена, как Цвок (для них звучащее как непристойность) из Халупы или Доупа (Ха! Ха! Задница — вот так имечко!).

Предательство Корибуты, ясное дело, очень серьезно навредило польскому делу. Надежда чехов провалилась по всей линии, гуситский король *in spe*^[13] столкнулся с католическими панами, предал дело причастия *sub utraque specie*, нарушил четыре догмы, которыми поклялся. Заговор раскрыли. И племянник Ягеллы вместо чешского трона попал в узилище, а на поляков стали смотреть явно враждебно. Многие из них тут же покинули Чехию. Некоторые, однако, остались. Как бы подтверждая этим порицание предательства Корибуты, как бы демонстрируя приверженность Чаше, как бы декларируя готовность продолжать борьбу за каликстинское дело. И что? Их все равно не любили. Подозревали — не без оснований, —

что каликстинская проблема придает им шарма, утверждали, что они остались, так как, *primo*^[14] возвращаться им было некуда и не к чему. В Чехию они отправились уже будучи преследуемыми судами и секвестрами за растраты, а теперь вдобавок над всеми ими, включая и Коруьбута, нависла угроза проклятия и отлучения. Так как, *secundo*^[15], в Чехии они воюют исключительно ради наживы, трофеев к имуществу. Так как, *tertio*^[16], они вообще не воюют, а воспользовавшись отсутствием воюющих чехов, трахают их жен.

Все эти утверждения соответствовали истине.

Слыша польскую речь, проходивший мимо пражанин сплюнул на землю.

— Ох, что-то не любят они нас, не любят, — заметил, смешно потягиваясь, Ежи Скирмунт герба Одровонж. — Почему бы это? Удивительно.

— А хрен с ними. — Жировский выпятил грудь, украшенную серебряными подковами Чевоев. Как каждый поляк, он придерживался бессмысленной точки зрения, что, будучи гербованным, хоть и абсолютным голодранцем, он в Чехии является ровней чуть ли не Рожмберкам, Коловратам, Штернберкам и всем другим влиятельным родам вместе взятым.

— Может, и хрен, — согласился Скирмунт. — Но все равно странно, дорогуша.

— Этих людей удивляет, — у Радима Тврдика голос был спокойный, но Рейневан знал его достаточно хорошо, — этих людей удивляет внешность рыцарственных и боевых панов, беспечно распивающих вино за столом в корчме. В такие дни. Сейчас, когда такое время...

Он не договорил. В соответствии с обычаем. Но полякам не было свойственно придерживаться обычаев.

— Такое время, — захохотал Жировский, — когда на вас идут крестоносцы, да? Что идут большой силой, что несут вам меч и огонь, что оставляют за собой земли и воды? Что того и гляди, как...

— Тише, — прервал его Адам Вейднар. — А вам, господин чех, я скажу так: не к месту ваши намеки. Потому что на Новом Месте сейчас, и верно, пусто, пусто, безлюдно. Потому что настали, как вы изволили заметить, такие дни, когда новоместчане гурьбой потянулись вслед за Прокопом Голым на оборону страны. Так что, если б это мне кто-нибудь из новоместских сказал, я б смолчал. Но отсюда, из Старого Места, не пошел вообще никто. В общем, *pardon*, чья бы корова мычала, а ваша б молчала.

— Сила, — повторил Жировский, — идет с запада, вся Европа. Не удержаться вам на сей раз. Будет вам конец, кончилось ваше время.

— Нам, — ядовито повторил Рейневан. — А вам нет?

— Нам тоже, — угрюмо ответил Вейднар, жестом успокаивая Жировского. — Нам тоже. Увы. Не ту, получается, мы сторону в этом конфликте выбрали. Надо было послушаться епископа Ласкара.

— Верно, — вздохнул Ян Куропатва. — Надо было и мне слушать Збышка Олесьницкого. А теперь торчим мы здесь, словно скотина в скотобойне, и только делаем, что ждем резника. Идет на нас, напоминая господам, крестовый поход, какого свет не видел. Восьмидесятитысячная армия. Курфюрсты, герцоги, пфальцграфы, баварцы, саксонцы, вооруженный люд из Швабии, из Тюрингии, из ганзейских городов, к тому же весь пльзенский ландгриф. да что там, даже какие-то заморские чудаки. Перешли границу в начале июля, обложили Стжибро, который вот-вот падет, а может, и уже пал. А как далеко от Стжибра до нас? Чуть побольше двадцати миль. Вот и посчитайте. Они будут здесь через пять дней. Сегодня у нас понедельник. В пятницу, попомните мои слова, мы увидим их кресты у Праги.

— Не удержит их Прокоп, они его в поле разобьют. Он не выстоит. Их слишком много.

— Мадиямитяне и амаликитяне, когда напали на Галаад, — сказал Радим Тврдик, — были многочисленны, как саранча; верблюдам их не было числа, много было их, как песку на берегу моря^[17]. А Гедеон во главе всего трехсот воинов разбил их и рассеял. Ибо боролся во имя Господа Бога, с Его именем на устах.

— Да, да, конечно. А сапожник Скуба победил вавельского дракона. Не смешивайте, милостивый пан, сказок с реальностью.

— Опыт учит, — добавил с кислой ухмылкой Вейднар, — что Господь, если уж вообще вмешивается, то встает скорее всего на сторону более сильных.

— Не сдержит крестовиков Прокоп, — задумчиво повторил Жировский, — Да, на сей раз, пан чех, даже сам Жижка вас не спас бы.

— Нет у Прокопа шансов! — фыркнул Куропатва. — На что угодно спорю. Слишком большая сила идет. С крестоносцами идут рыцари из Йоргеншильда, ордена Щита Святого Георгия, цвет европейского рыцарства. А папский легат ведет, кажется, сотни английских лучников. Ты, чех, слышал когда-нибудь об английских лучниках? У них луки с мужика длиной, бьют на пятьсот шагов. С такого расстояния продырявливают латы, пробивают кольчуги словно льняные рубашки, Хо-хо! Такой лучник

ухитрится...

— А ухитрится, — спокойно прервал Тврдик, — такой лучник устоять на ногах, когда получит цепом по башке? Являлись уже сюда к нам разные способные, приходили всякой масти рыцари, но пока что ни один лоб не выдержал удара чешского цепа. Не пожелаете ли поспорить на это, господин поляк? Учтите, я утверждаю, что если заморский англичанин получит цепом по темечку, то второй уже раз заморский англичанин тетивы не натянет, потому как заморский англичанин уже будет заморским покойником. Если получится иначе — выигрыш ваш. На что поспорим?

— Они шапками вас закидают.

— Уже пытались, — заметил Рейневан. — Год назад. В воскресенье после святого Вита. Под Усти. Ты же был под Усти, господин Адам?

— Факт, — признал великопольчанин. — Был. Все мы были. И ты там был, Рейневан. Не забыл?

— Нет. Не забыл.

Солнце припекало жутко, с неба лился жар. Не было ничего видно. Туча пыли, поднятая копытами лошадей наступающего рыцарства, смешалась с плотным пороховым дымом, после залпа окутавшим весь внешний квадрат вагенбурга. По-над ревом бойцов и ржанием коней неожиданно взвился треск ломаемого дерева и крики торжества. Рейневан увидел, как из дыма помчались убегающие.

— Прорвались, — громко вздохнул Дзивиш Божек из Милетинка. — Разорвали телеги...

Гинек из Кольштейна выругался. Рогач из Дубе пытался усмирить хрипящего коня. У Прокопа Голого лицо было словно высечено из камня. Зигмунт Корубутович побледнел до невозможности.

Из дыма с ревом ринулась броневая кавалерия, железные рыцари настигали бегущих гуситов, давили лошадьми, рубили и резали тех, кто не сумел спрятаться за внутренний квадрат телег. В пролом толпой врывались очередные тяжелые конники.

И в эту сбившуюся и толпящуюся в проломе гущу, прямо в морды коням, прямо в лица наездникам вдруг полыхнули пламенем и свинцом хуфницы и тарасницы, загрохотали гаковницы, гукнули пищали, плотной тучей сыпанули болты из арбалетов. Рухнули всадники с седел, рухнули кони, рухнули люди вместе с лошадьми, кавалерия сбилась в кучу с еще более смертоубийственным результатом. До покрытого дымом внутреннего четырехугольника добрались лишь немногочисленные латники, их тут же прикончили алебардами и цепами. Сразу после этого чехи с дикими

воплями вывалились из-за телег, бурной контратакой ошеломив немцев и мгновенно вытеснив их за пределы пролома. Пролом тут же забаррикадировали телегами, на телеги взгромоздились арбалетки и цепники. Снова загрохотали хуфницы, задымились стволы гаковниц. Загорелась ослепительным золотым огнем воздетая над тележным валом дароносица, сверкнул белизной штандарт с Чашей.

Ktoz jsu bozi bojovniki
a zakona jeho!
Prostez od Boha pomoci
A doufejte neho!

Пение гудело, крепчало и торжествующе несло по-над вагенбургом. Пыль оседала за отступающей бронированной кавалерией.

Рогач из Дубе, уже зная, повернулся к ожидающим в строю конным гуситам, поднял булаву. Через мгновение то же самое проделал в сторону польской конницы Добко Пухала. Конным моравцам дал знак Ян Товачовский. Гинек из Кольштейна захлопнул забрало шлема.

С поля были слышны крики саксонских командиров, призывающих латников к очередной атаке на телеги. Но латники отступали, заворачивали лошадей.

— Бегуууууут! Немцы убегают!

— Вперед! Дави их! Гыр на них!! Прокоп Голый вздохнул, поднял голову.

— Теперь... — Он тяжело засопел. — Теперь уж их задницы — наши.

Рейневан покинул общество поляков и Радима довольно неожиданно — просто вдруг поднялся, распрощался и ушел. Коротким многозначительным взглядом объяснил Тврдику причину своего поведения, колдун моргнул. Он понял.

Район снова смердел кровью. «Вероятно, — подумал Рейневан, — несет от недалеких мясных лавок, со стороны Койцев и от Мясного Фримарка^[18]. А может, нет? Может, это другая кровь».

Может, та, которая вспенила окружающие сточные канавы в сентябре 1422-го, когда улочка Железна и переулки вокруг нее стали ареной братоубийственных боев, когда антагонизм между Старым Мястом и Табором в очередной раз породил вооруженный конфликт. Много тогда пролилось на Желязной чешской крови. Достаточно много, чтобы все еще

продолжать смердить.

Именно этот запах крови повысил его бдительность. Шпиков он не обнаружил, не заметил ничего подозрительного, никто из шагающих по улочкам чехов на шпика не походил. И все же Рейневан непрестанно чувствовал спиной чей-то взгляд. Получалось, что те, кто следил за ним, еще не устали от нудной рутины. «Хорошо, — подумал он. — Хорошо, паршивцы, я подброшу вам побольше этой рутины. Столько, что вам худо станет».

Он пошел по Козьной, узкой от кожевеннических лавчонок и мастерских. Несколько раз останавливался, прикидываясь, что заинтересовался товаром, украдкой оглядывался. Не заметил никого, похожего на шпика. Но знал, что где-то там они были.

Не доходя до Святого Гавла, свернул, зашел в проулок. Он направлялся к Каролинуму, своей родной школе. Ведь делая все как обычно, он направлялся именно туда, надеясь послушать какой-нибудь диспут. Он любил ходить на университетские диспуты и *quodlibet*^[19]. Потому что, после того, как он в воскресенье *Quasimodogeniti*^[20] принял первое после Пасхи 1426 года причастие в обеих видах, он приходил в *lectorium ordinarium* регулярно. Как истинный неопит он хотел как можно глубже познать тайники и сложности своей новой религии, а они как-то особенно легко усваивались им во время догматических споров, которые регулярно вели представители умеренного и консервативного крыла, сгруппировавшиеся вокруг мэтра Яна с Пшибрама, с представителями радикального крыла, то есть людьми из окружения Яна Рокицаны и Питера Пайна, англичанина, лолларда и виклифиста. Однако истинно взрывчатыми были те диспуты, на которые сходились стальные радикалы, те, что с Нового Мяста. Только тогда начиналось настоящее веселье. Рейневан был свидетелем того, как защищающего какую-то виклифскую догму Пайна называли «скурвившимся инглишем» и закидали буряками. Как старика Кристиана из Прахатиц, почетного ректора университета, грозились утопить во Влтаве. Как бросили дохлого кота в седенького Петра из Младонович. Собравшаяся публика регулярно била друг друга по мордам, расквашивала носы и выбивала зубы не только внутри университета, но также и снаружи, перед Каролинумом, на Мясном Фримарке.

С тех времен, однако, кое-что изменилось. Яна с Пшибрама и людей из его окружения разоблачили как замешанных в заговор Кобыту и наказали изгнанием из Праги. Однако же, поскольку природа не терпит пустоты, диспуты продолжались и дальше, но в качестве умеренных и

консервативных неожиданно начали выступать Рокицана и Пайн. Новоградцы по-прежнему «работали» радикалами. Чертовскими радикалами. На диспутах по-прежнему дрались, перебрасывались грязными словами и кошками.

— Пан.

Он обернулся. Стоящий за ним невысокий человечек был весь серый. Серая физиономия, серая курточка, черная шапка, черные штаны. Во всей его особе единственным живым пятном была новенькая, выточенная из светлого дерева палка.

Он осмотрелся, услышав шум за спиной. У загораживающего ему выход из закоулка типчика тоже была палка. Он был лишь немного повыше и лишь чуточку красочнее. Зато рожа была гораздо противнее.

— Идемте, пан, — повторил, не поднимая глаз, Серый.

— И куда же? И зачем?

— Не сопротивляйтесь, пан.

— Кто вам приказал?

— Его милость пан Неплах. Идемте.

Как оказалось, идти пришлось совсем недалеко. До одного из каменных домов в южной части Староместского рынка. Рейневан не очень хорошо знал, в которой; шпики проводили его с тыла, темными и отдающими плесневеющим ячменем полуподвалами, дворами, сенями, ступенями. Внутри жилье было достаточно богатым — как большинство домовладений в этом районе, оно тоже было унаследовано после зажиточных немцев, сбежавших из Праги после 1420 года.

Богухвал Неплах, называемый еще Флютеком, ждал его в гостиной. Под светлым бревенчатым потолком за одну из балок была зацеплена вожжа. На вожже раскачивался висельник. Носками модных туфель он касался пола. Почти, Недоставало около двух дюймов.

Не тратя времени на приветствия и другие мелкопомещанские пережитки, почти не удостоив Рейневана взглядом, Флютек указал пальцем на повешенного. Рейневан знал, что он имел в виду.

— Нет... — Он сглотнул. — Это не тот. Пожалуй... Скорее всего нет.

— Взгляни внимательнее.

Рейневан присматривался уже достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что врезавшаяся в распухшую шею веревка, перекошенное лицо, вытаращенные глаза и вывалившийся изо рта черный язык будут вспоминаться ему во время нескольких будущих обедов.

— Нет... Не тот... Впрочем, откуда мне знать... Я того видел со

спины...

Неклах щелкнул пальцами. Находящиеся в гостиной слуги повернули повешенного спиной к Рейневану.

— Тот сидел. И был в плаще.

Неплах щелкнул пальцами. Почти тотчас же отрезанный от веревки труп, покрытый, плащом, сидел на карле — в позе довольно жуткой, учитывая *rigor mortis*^[21].

— Нет, — покрутил головой Рейневан. — Пожалуй, нет. Того... Хм-м-м... По голосу я узнал бы наверняка...

— Сожалею. — Голос Флютека был холоден как февральский вихрь. — Этого сделать не удастся. Если б он мог подать голос, ты мне вообще не был бы нужен. А-ну уберите отсюда эту пададь.

Приказ был выполнен мгновенно. Приказы Флютека всегда, выполнялись мгновенно. Богухвал Неплах, по прозвищу Флютек, был начальником разведки и контрразведки Табора, подчинялся напрямую Прокопу Голому. А когда еще был жив Жижка, то непосредственно Жижке.

— Садись, Рейневан.

— У меня нет вре...

— Сядь, Рейневан.

— Кто был этот...

— Висельник? В данный момент это не имеет никакого значения.

— Предатель? Католический шпион? Насколько я понимаю, он был виновен?

— Что?

— Я спрашиваю, он был виновен?

— Ты имеешь в виду, — Флютек глянул неприятно, — эсхатологию? Окончательное решение вопроса? Если так, то я могу лишь сослаться на никейское *credo*: распятый при Понтии Пилате Иисус умер, но воскрес и явится вновь, дабы судить живых и мертвых. Каждый будет судим за свои мысли и дела. И тогда выяснится, кто виновен, а кто невиновен. Установится это, я так скажу, окончательно.

Рейневан вздохнул и покачал головой. Он был сам виноват. Он знал Флютека. Можно было не спрашивать.

— Посему не имеет значения, — Флютек указал головой на балку и обрезанную веревку, — кем он был. Важно, что успел повеситься, когда мы выламывали двери, и что я не смогу заставить его говорить. А ты его не идентифицировал. Ты утверждаешь, что это не тот. Не тот, которого ты якобы подслушал, когда он вступал в заговор с вроцлавским епископом. Правда?

— Правда.

Флютек смерил его мерзким взглядом. Глаза Флютека, черные, как у куницы, узко посаженные по сторонам длинного носа, словно отверстия стволов двух гаковниц, способны были глядеть исключительно мерзко. Случалось, в черных глазах Флютека появлялись два маленьких золотых чертика, которые неожиданно, словно по команде, одновременно начинали кувыркаться. Рейневан уже видел нечто подобное.

Такое обычно было предвестником весьма малоприятных вещей.

— А я думаю, — сказал Флютек, — что неправда. Я думаю, ты врешь. Что врал с самого начала, Рейневан.

Откуда Флютек взялся у Жижки, не знал никто. Разумеется, сплетни ходили. В соответствии с одними Богухвал Неплах, истинное имя — Йехорам бен Исхак, — был евреем, учеником раввинской школы, которого просто так, каприза ради, пощадили во время резни в Хомутовском гетто в марте 1421 года. По другим его действительно звали Богухвал, но не Неплах, а Готтлоб, и был он немцем, купцом из Пльзени. В соответствии с третьими, он — монах-доминиканец, которого Жижка — по неведомым причинам — лично спас во время избиения и уничтожения священников и монахов в Беруне. Четвертые утверждали, что Флютек был чеславицким приходским священником, который своевременно учуял конъюнктуру, примкнул к гуситам и с неопитским жаром забираясь Жижке в жопу так рьяно, что доскребся до этой должности. Рейневан был склонен верить именно последнему — Флютек должен был быть попом, в пользу этого говорили его мерзопакостная лживость, двуличность, жуткий эгоизм и прямо-таки невообразимая алчность.

Собственно, именно жадности Богухвал Неплах был обязан своим прозвищем. Потому что когда в 1419 году католические паны завладели Кутной горой, главнейшим в Чехии центром добычи руды, отрезанная от кутногорских шахт и монетных дворов гуситская Прага начала штамповать собственные деньги, медяки с исчезающе малым количеством серебра. Это были никудышные деньги, практически ничего не стоящие, с паритетом почти равным нулю. Пражскими монетками пренебрегали и презрительно называли их «флютками»^[22]. Поэтому когда Богухвал Неплах начал исполнять у Жижки обязанности шефа разведки, прозвище «Флютек» мгновенно прилипло к нему. Ибо вскоре оказалось, что Богухвал Неплах не пропустит okazji украсть или присвоить любой плохо или хорошо лежащий флютек. Любое мало-мальски ценное дерьмо.

Каким чудом Флютек удержался при Жижке, который в своем Новом Таборе расхитителей карал сурово и железной рукой давил воровство,

оставалось загадкой. Загадкой оставалось, почему Неплах позже терпел не менее принципиальный Прокоп Голый. Напрашивалось одно объяснение — в том, что он делал для Табора, Богухвал Неплах был профессионалом. А найти профессионала нелегко. Поэтому приходится многое прощать.

— Если ты хочешь знать, — начал Флютек, — то твой рассказ, как, впрочем, и твоя личность, с самого начала пользовались у меня весьма небольшим кредитом доверия. Тайные сборища, секретные совещания, всемирные заговоры — все это хорошо в литературе, приличествуют этакому, скажем, Вольфраму фон Эшенбаху, у Вольфрама действительно приятно читать о тайнах и заговорах... о мистерии Грааля, о Терре Сальбэше^[23], о всяческих Клингзорах, Флагетанисах, Файрефизах и прочих Титурелях. В твоём рассказе было немного многовато такой литературщины. Иными словами, я подозреваю, что ты просто-напросто налгал.

Рейневан ничего не сказал, только пожал плечами. Явно демонстративно.

— Поводы для твоих выдумок, — продолжал Неплах, — могут быть различными. Ты сбежал из Силезии, как утверждаешь, потому что тебя преследовали и тебе грозила смерть. Если это правда, то у тебя действительно не было другого выбора, как втереться в доверие Амброжу. А как сделать это поудачней, если не предостеречь его о готовящемся на него покушении? Потом тебя привели к Прокопу. Прокоп в беглецах из Силезии обычно видит шпионов, поэтому вешает всех подряд, и *per saldo*^[24] выходит одно на одно. Так как же спасти свою шкуру? Ну, хотя бы взять и рассказать о тайном совете и заговоре. Что скажешь, Рейневан? Как это звучит? Вольфрам фон Эшенбах позавидовал бы. А турнир в Вартбурге ты выиграл бы как пить дать... Так что причин сочинять, — спокойно продолжал Флютек, — у тебя было достаточно. Но в действительности, я думаю, была только одна.

— Конечно. — Рейневан прекрасно знал, о чем речь. — Одна.

— Мне, — в глазах Флютека появились два желтых чертика, — больше всего по сердцу та гипотеза, что твое плутовство имеет целью отвлечь внимание от действительно существенной проблемы. То есть от пятисот гривен^[25], реквизированных у ограбленного сборщика податей. Что ты на это скажешь, медик?

— То же, что обычно. — Рейневан зевнул. — Ведь мы это уже проходили. На твои заезженные и нудные вопросы я, как всегда, дал столь же заезженные и нудные ответы. Нет, брат Неплах, я не поделюсь с тобой

деньгами, реквизированными у ограбленного колектора. Причин тому несколько. Во-первых, у меня нет этих денег, поскольку не я их «реквизировал». Во-вторых...

— А кто?

— Нужный ответ: понятия не имею.

Золотые чертики подпрыгнули и кувыркнулись.

— Лжешь.

— Конечно. Можно идти?

— У меня есть доказательство тому, что ты лжешь.

— Ишь ты.

— Ты продолжаешь утверждать, что тот мифический съезд, — Флютек просверлил его взглядом, — происходил тринадцатого сентября и что в нем принимал участие Кашпар Шлик. Так вот из вполне достоверных источников я знаю, что тринадцатого сентября 1425 года Кашпар Шлик находился в Буде. А значит, не мог быть в Силезии.

— Хреновые у тебя источники, Неплах. Впрочем, нет, это провокация. Пробиешь меня подловить. Кстати, уже не в первый раз. Верно?

— Верно. — У Флютека даже веко не дрогнуло. — Садись, Рейневан, я с тобой еще не закончил.

— У меня нет денег колектора и я не знаю...

— Замолкни.

Какое-то время они молчали. Чертики в глазах Флютека успокоились, почти исчезли. Но Рейневан не дал себя обмануть. Флютек почесал нос.

— Если бы не Прокоп... — сказал он тихо. — Если б не то, что Прокоп запретил мне вас пальцем тронуть, тебя и твоего Шарлея, я бы уж выжал из тебя, что надо. У меня в конце концов говорят все, не было такого, кто молчал бы. Ты тоже, будь уверен, сказал бы, где находятся эти деньги.

У Рейневана уже был опыт, напугать себя он не дал. Пожал плечами.

— Да-а, — начал после очередной паузы Неплах, глядя на свисающую с потолка веревку. — И тот тоже бы заговорил, я б и из него вытянул признание. Такая жалость, что он успел повеситься. Знаешь, совсем недавно я действительно думал, что, возможно, он был в той грангии... Очень меня разочаровало, что ты его не признал...

— Я снова тебя разочарую. Мне действительно жаль.

Чертики слегка подпрыгнули.

— Серьезно?

— Серьезно. Ты меня подозреваешь, приказываешь за мной следить, подкарауливаешь, провоцируешь. Пытаешься выяснить мои мотивы и постоянно забываешь о главном и единственном: чех, который занимался

заговорами в грангии, предал моего брата, выдал его на смерть палачам вроцлавского епископа. Вдобавок еще похвалялся этим перед епископом. Так что если б именно он висел на балке, я не пожалел бы денег на благодарственную мессу. Поверь, я тоже сожалею, что это не он. И никто из тех, которых в других случаях ты мне показывал и рекомендовал идентифицировать.

— Верно, — задумчиво согласился Флютек. Наверняка лживо. — Когда-то я ставил на Дзивиша Божка из Милетинка. Вторым был Гинек из Колштейна... Но это ни тот, ни другой...

— Ты спрашиваешь или утверждаешь? Ведь я повторял тебе сто раз: никто из них.

— Да, этих-то двух ты рассмотрел как следует... Тогда. Когда я забрал тебя с собой...

— Под Усти? Помню.

Весь пологий склон был усеян трупами, но по-настоящему чудовищную картину они увидели над текущей по низу долины речкой Здижницей. Здесь, в красной от крови тине, громоздились горы тел, людских останков и лошадей. Было ясно, что тут произошло. Болотистые берега сдержали бегущих с поля боя саксонцев и майсенцев, задержали их на время, достаточно долгое, чтобы их сумела догнать вначале таборитская конница, а чуть погодя и бегущая за нею воющая орда пехоты. Конные чехи, поляки и моравцы не остались здесь надолго, порубили, кто попался, быстро организовали погоню за рыцарями, удирающими в сторону города Усти. Пешие же табориты, гуситы и сироты задержались у реки надолго. Вырезали и забили всех немцев. Систематически, соблюдая порядок, окружали их, сбивали в кучи, потом в дело шли цепи, моргенштерны, палицы, алебарды, гизармы, судлицы, окши, пики и вилы. Не пропускали никого. Возвращающиеся с побоища группы орущих, распевающих, с ног до головы окровавленных Божьих воинов не вели с собой ни одного пленного.

На другом берегу Здижницы, в районе устинского тракта, конники и пехота тоже не бездельничали. Из туч пыли прорывался лязг железа, гул, крики. По земле стелился черный дым, горели Пшедлицы и Грбовицы, захудалые деревушки на другом берегу речки. Там тоже, судя по звукам, продолжалась бойня.

Кони фыркали, выворачивали головы, прижимали уши, капризничали, топали. Докучала жара.

С грохотом, взбивая пыль, к ним подскакали конники, с ними Рогач из

Дубе, Вышек Рачинский, Ян Блех из Тешницы, Пухала.

— Почти конец. — Рогач харкнул, сплюнул, отер губы тыльной стороной ладони. — Их было тысяч тринадцать. По предварительным подсчетам, мы прикончили тысячи три с половиной. Пока что. Там все еще идет работа. Кони у саксов измучены, не уйдут. Ну и мы еще добавим к счету. Добьем, думаю, что-нибудь тысячи четыре.

— Может, это не Грюнвальд, — ощерился Добко Пухала. Венявы на его щите почти не было видно из-под кровавой грязи. — Может, не Грюнвальд, но тоже недурно. Что, милостивый князь?

— Пан Прокоп, — Кобытович словно его не слышал, — не пора ли подумать о христианском милосердии?

Прокоп Голый не ответил. Направил коня вниз по склону, к Здижнице. Между трупам.

— Милосердие милосердием, — зло бросил едущий немного позади Якубек из Вжесовиц, гейтман Билины, — а деньги деньгами! Это ж чистый убыток. Ну гляньте, вот тот, без головы, на щите золотые скрещенные вилы. Значит, Калкройт. Выкуп самое меньшее сто коп дореволюционных грошей. А вон тот, с кишками наверху, виноградные ножи на косом зеленом поле, это Дитрихштайн. Знатный род, минимум триста...

У самой речки обдирающие трупы Сиротки вытащили из-под кучи трупов живого юношу в латах и яке с гербом. Юноша упал на колени, сложил руки, умолял. Потом начал кричать. Получил топором. Замолчал.

— На черном поле брус серебряный, — без всяких эмоций заметил Якубек из Вжесовиц, знаток, как видно, геральдики и экономии. — Значит, Нессельроде. Из графьев. За мальчишку пятьсот было бы. Эх, транжирим мы здесь деньги, брат Прокоп.

Прокоп Голый повернул к нему свое крестьянское лицо.

— Бог судья, — хрипло сказал. — У тех, что здесь лежат, не было его печати на челе. Не было их имен в книге живых... К тому же, — добавил он после недолгого тяжелого молчания, — мы их сюда не приглашали.

— Неплах?

— Что?

— Ты все время приказываешь за мной следить, твои шпики постоянно ходят за мной по пятам. И долго это будет продолжаться?

— А что?

— Мне кажется, в этом нет необходимости...

— Рейневан, я тебя учу, как ставить пиявки?

Они помолчали. Флютек то и дело поглядывал на обрезанную веревку,

свисающую с балки.

— Крысы, — задумчиво сказал он, — бегут с тонущего корабля. Не только в Силезии крысы готовят заговоры по грангиям и замкам, пытаются заполучить заграничных покровителей, лижут задницы епископам и герцогам. Потому что их корабль тонет, потому что страх-то — вот он, у самой жопы, потому что приходит конец тщетным надеждам. Потому что мы идем вверх, а они летят вниз, в клоаку. Корибутович скопытился, под Усти погром и резня, ракушцы разбиты наголову и уничтожены под Цветтлем, на Лужицах пожары аж до самого Згожельца. Угерский Брод и Пресбург в ужасе, Оломунец и Тырнава трясутся за своими стенами. Прокоп торжествует...

— Пока что.

— Что «пока что»?

— Там, под Стжибором... В городе говорят...

— Я знаю, что говорят в городе.

— На нас надвигается крестовый поход.

— Нормально.

— Кажется, вся Европа...

— Не вся.

— Восемьдесят тысяч вооруженных людей...

— Ерунда. Самое большее — тридцать...

— Но говорят...

— Рейневан, — спокойно прервал Флютек, — подумай. Если б было действительно опасно, ты бы меня здесь видел?

Какое-то время помолчали.

— Впрочем, в любой момент, — проговорил шеф таборитской разведки, — все станет ясно. Услышишь.

— Что? Как? Откуда?

Неплах успокоил его жестом. Указал на окно. Показал, чтобы он прислушался.

Заговорили пражские колокола.

Начало Нове Место. Первой была Мария на Газоне, сразу за ней Слованы на Эмаузах, затем ударили колокола церкви Святого Вацлава на Здере, к хору присоединился Стефан, за ним Войцех и Михаил, после них звонко и певуче — Дева Мария Снежная. Чуть погодя наполнилось колокольным звоном Старе Место — первым заговорил Исаак, за ним Гавел, наконец, громко и торжественно, храм Тынский. Потом раззвонились колокольни Градчан — у Бенедикта, у Георгия, у Всех

Святых. Наконец, самый благороднейший, самый глубокий, самый бронзовый, ударил и поплыл над городом голос колокола Кафедрального собора.

Злата Прага пела колоколами.

* * *

На Староместском рынке была чудовищная суматоха и толкотня. К ратуше валила масса народа, у ворот клубилась толпа. Колокола продолжали звонить. Стоял необычный хаос. Люди толкались, перекрикивали друг друга, жестикулировали, вокруг виднелись только потные, красные от натуги и возбуждения лица, разверстые рты. Лихорадочно горящие глаза.

— В чем дело? — Рейневан схватил за рукав какого-то воняющего мокрой кожей кожевенника. — Известия? Есть известия?

— Брат Прокоп разбил крестовников под Таховом! Наголову разбил, разгромил!

— Был крупный бой?

— Какой там бой? — крикнул рядом тип, выбежавший, видимо, прямо от цирюльника, лицо было наполовину намылено. — Какая там битва! Драпанули! Во всю прыть! В панике! Паписты бежали!

— Бросили все! — взвыл какой-то возбужденный подмастерье. — Оружие, пушки, добро, провизию! И драпанули! Драпанули от Тахова! Брат Прокоп победитель! Чаша — победительница!

— Что вы плетете? Сбежали? Без боя?

— Бежали, бежали! И когда бежали, наши их жутко посекали! Тахов окружен, паны из Ландфрида окружены в замке. Брат Прокоп крушит стены бомбардами, не сегодня-завтра захватит город! Брат Якубек из Вжесовиц гонит и громит господина Генриха фон Плейена!

— Тихааааа! Тише все! Идет брат Ян!

— Брат Ян! Брат Ян! И советники!

Ворота ратуши распахнулись, на ступени вышла группа людей.

В голове шел Ян Рокицана, пробощ от Марии Перед Тыном, невысокий, с благородным, чтобы не сказать — воодушевленным лицом. И нестарый. Ведущему идеологу утраквистской революции было тридцать пять лет. На десять больше, чем Рейневану. Рядом со своим уже знаменитым учеником, тяжело дыша — одышка! — шел Якобеллус Стжыбский, университетский мэтр. Отставая на шаг, держался Питер

Пайн, англичанин с лицом аскета. Дальше шли староградские советники — могучий Ян Велвар, Матей Смоляр, Вацлав Гедвика. И другие. Рокицана остановился.

— Братья чехи! — крикнул он, воздевая обе руки. — Пражане! Бог с нами! И Бог над нами!

Рев толпы сначала возвысился, потом опал, утих. Колокола церковей один за другим умолкали. Рокицана не опускал рук.

— Повержены, — крикнул он еще громче, — еретики! Те, которые обесчестили Святой Крест, возложив его по наущению Рима на свои преступные латы. Постигла их кара Божья. Виктория в руках брата Прокопа!

Люди заревели в один голос, слышались крики «ура». Проповедник успокоил толпу.

— Хоть нашли на нас орды адовы, — продолжал он, — хоть протянули к нам окровавленные когти Вавилона, хоть вновь угрожала истинной религии ярость римского антихриста, Бог над нами! Господь Небес простер свою десницу, дабы уничтожить силу вражью! Тот самый Господь, коий утопил войска фараона в Чермном море, который принудил к бегству от Гедеона неисчислимые полчища мадианитян! Господь, ангел коего за одну ночь побил сто восемьдесят пять тысяч ассирийцев. И тот же Господь Небес поразил страхом сердца врагов наших! Как войска святотатца Сеннахерима^[26] убегали от Иерусалима, так пораженная ужасом папская банда разбежалась в панике из-под Стжибора и Тахова!

— Как только узрели, — тоненько вторил ему Якобеллус, — слуги дьявольские Чашу на знаменах брата Прокопа, как только слышали хорал Божьих воинов, разбежались и панике так, что и двух вместе не осталось! Были они как прах, разметаемый ветром^[27].

— *Deus vicit!* — крикнул Питер Пайн. — *Veritas vicit!*^[28]

— *Te Deum laudamus!*^[29]

В тот вечер, четвертого августа 1427 года, Прага громко и шумно праздновала победу, пражане сумасшедшим спонтанным праздником отыгрывались за недели страха и неуверенности. Пели на улицах, плясали вокруг костров на площадях, пили в садах и дворах. Самые религиозные чтили Прокопову викторию во время молений, осуществляемых *impromptu*^[30] во всех пражских церквях. У менее религиозных был на выбор широкий круг других мероприятий. Всюду — в Старом и Новом Мясте, все еще в основном остающейся пепелищем Малой Стране, на

Градчанах, — почти всюду корчмари отмечали победу над круцьятой тем, что всем желающим давали даром, за счет заведения, и предлагали еду. По всей Праге вылетели из бочек и бочонков пробки и затычки, запахло мясом решетки, шампуров и котлы. Как обычно, ловкие кабатчики воспользовались оказией, чтобы, прикрывшись щедростью, освободиться от продуктов, готовых вот-вот прокиснуть либо испортиться, а также тех, которым это уже не грозило. Но кто станет обращать внимание! Крестовники разбиты! Опасность миновала. Ликуй, народ!

По всей Праге веселились и пили. Возглашали тосты в честь мужественного Прокопа Голого и Божьих воинов и на погибель сбежавшим из-под Тахова крестоносцам. В особенности главы похода Оттона фон Цигенхайма, архиепископа Тревира, желали, чтобы по дороге домой он сдох или по крайней мере заболел. Распевали заранее сложенные куплеты о том, как при виде Прокоповых знамен папский легат Генрих де Бофор от страха наклеил в портки.

Рейневан присоединился к веселью. Вначале на Староместском рынке, потом вместе со случайной — и довольно многочисленной — компанией перебрался на Перштын. В корчму «Под медвежонком» неподалеку от церковки Святого Мартина-в-Стене. Потом развеселившееся братство переправилось на Нове Место. Прихватив по пути несколько пьяниц с кладбища у Девы Марии Снежной, выпивохы Двинулись на Конский Тарг. Здесь поочередно посетили два заведения — «Под белой кобылой» и «У Мейзлика».

Рейневан верно сопровождал компанию. Сам, что тут говорить, жаждал утехи празднования, откровенно радовался таховским победам и меньше опасался за Шарлея. Маршрут его устраивал, ведь жил он на Новом Месте. А на Суконническую, в аптеку «Под архангелом», где надеялся встретить Самсона Медка, пойти не мог. Это намерение он решительно отверг. Боялся раскрыть тайную квартиру и деконспирировать чешских алхимиков и магов. А то и подвергнуть их кое-чему еще более страшному. А такой риск существовал. В веселящейся толпе «Под кобылой» несколько раз мелькнула серая фигурка, серый капюшон и серое лицо шпики. Флютек, это было ясно, никогда не отказывался от задуманного.

Поэтому Рейневан веселился, но скромно, не перебирал с выпивкой, хотя принятые на Суконнической магические декокты делали его почти невосприимчивым ко всяческим токсинам, в том числе и к алкоголю. Однако в конце концов решил покинуть компанию. Веселье «У Мейзлика» уже доходило (а частично даже дошло) до того этапа, который

Шарлей называл: «Вино, песни». Женщины были неслучайно исключены из перечня.

Рейневан вышел на улицу, вздохнул. Прага утихала. Отголоски буйных забав понемногу уступали место хорам надвлтавских лягушек и сверчков в монастырских садах.

Он направился в сторону Конских ворот. Из домов и подвальных, мимо которых он проходил, сочились кислые ароматы, слышался звон посуды, девичьи попискивания, уже немного туповатые выкрики и все менее стройное пение.

Ja reznik, ty reznik, oba reznici
Pudem za Prahu pro jalovici
Jak budu kupovat, ty budeš smlouvat
Budem si panenky hezky namlouvat!

Повеял ветерок, неся запахи цветов, листьев, тины, дыма и бог весть чего еще.

И крови.

Прага продолжала смердеть кровью. Рейневан постоянно чувствовал этот преследующий, не покидавший его смрад. И вызванное этим смрадом беспокойство. Прохожие встречались все реже. Неплаховых шпииков поблизости видно не было. Но беспокойство не проходило.

Он свернул на Старую Пасижскую, потом с Пасижской на улицу, носившую название «В Яме». Мысли его уносились к Никоlette, к Катажине Биберштайн. Он думал о ней неотрывно и результаты не замедлили сказаться. Воспоминания вставали перед глазами такими живыми и реальными, с такими деталями, что в конце концов это стало просто невыносимо. Рейневан невольно остановился и осмотрелся. Невольно, потому что ведь знал: все равно идти некуда. Уже в августе 1419 года, всего через двадцать дней после дефенестрации, в Праге прикрыли все до единого бордели, а всех до единой веселых девиц изгнали за пределы городских стен.

Во всем, что касалось строгости нравов, гуситы были чрезвычайно суровы.

Реалистические и очень детальные воспоминания о Катажине вызвали и другие ассоциации. Хозяйкой жилья в доме на углу улиц Святого Стефана и На Рыбничке, которые Рейневан делил с Самсоном Медком, была пани Блажена Поспихалова, вдова, изобилующая прелестями женщина с

милыми голубыми глазами. Глаза эти несколько раз останавливались на Рейневане столь выразительно, что он начал подозревал ее милость Блажену в желании свершить, а может, и свершать далее то, что Шарлей привык весьма пространно именовать «связью, зиждящейся исключительно на страсти к слиянию, не санкционированному Церковью». Остальная часть мира называла это гораздо короче и значительно сочнее. А к столь сочно определяемым вещам гуситы, как уже сказано, относились чрезвычайно сурово. Обычно, правда, это делали скорее напоказ, но ведь никогда не известно заранее, из чего и из кого исполнители пожелают сделать объект демонстрации. Поэтому, хоть Рейневан и понимал взгляды ее милости Блажены, тем не менее делал вид, будто не понимает. Частично из нежелания навлечь на свою голову неприятности, частично — и это даже скорее — из желания сохранить верность своей возлюбленной Николетте.

Из задумчивости его вывело яростное мяуканье, из темного проулка справа выскочил и помчался по улице рыжий котик. Рейневан немедленно ускорил шаг. Кота вполне могли спугнуть шпики Флютека. Но это могли быть и обычные грабители, поджидающие одинокого прохожего. Смеркалось, пусто, а когда становилось темно, новоямские улочки переставали быть безопасными. Особенно теперь, когда большую часть городской стражи призывали в армию Прокопа, не следовало в одиночку болтаться по Новому Мясту.

По сему случаю Рейневан решил покончить с одиночеством. В нескольких шагах перед ним шли двое пражан. Чтобы их догнать, надо было как следует поднапрячься, они шли быстро, а услышав звуки его шагов, заметно заторопились. И резко свернули в переулок. Он вошел вслед за ними.

— Эй, братцы, не пугайтесь! Я только хотел...

Они обернулись. У одного рядом с носом был набухший гноем нарыв. А в руке нож, обычный мясницкий нож. Другой — пониже, крепенький — был вооружен тесаком с изогнутой ручкой. И это были не шпики Флютека.

Третий, тот, который шел следом, спугнувший кота, седоватый, шпигом не был тоже. Он держал дагу^[31], тонкую и острую, как игла.

Рейневан попятился, прижался спиной к стене. Протянул грабителям свою медицинскую сумку.

— Господа... — пробормотал он, звеня зубами. — Братцы... Берите... Больше у меня ничего нет... Сми... Сми... Смидитесь... Не убивайте...

Морды грабителей, до того жесткие и напряженные, расслабились, расплылись в презрительных гримасах. В глазах, до того холодных и

настороженных, появилась пренебрежительная жестокость. Они подошли, поднимая оружие, к легкой и достойной презрения жертве.

А Рейневан перешел ко второй фазе. После психологической прелюдии *a la* Шарлей пришло время использовать другие методы. Которым он научился у других учителей.

Первый тип совершенно не ожидал ни нападения, ни того, что получит медицинской сумкой прямо в прыщеватый нос. Второй получил удар ногой по голени. Третий, тот, крепенький, удивился, когда его тесак рассек воздух, а сам он рухнул на кучу мусора, споткнувшись о ловко подставленную ногу. Видя, что остальные двое прыгают к нему, Рейневан бросил сумку, мгновенно выхватил из-за пояса стилет, нырнул под руку с ножом, применил рычаг из запястья и локтя, точно так, как учила «*Das Fechtbuch*» авторства Ганса Тальхоффера. Толкнул одного противника на другого, отскочил, напал с фланга финтом, рекомендуемым в подобных случаях «*Flos duellatorum*»^[32] пера Фьоре да Чивидале, том, посвященный драке на ножах, глава первая. Когда грабитель механически высоко парировал, Рейневан коротко хватанул его по бедру — в соответствии с главой второй того же справочника. Грабитель взвыл, упал на колено. Рейневан отпрыгнул, одновременно ударив ногой того, который поднимался с кучи мусора, снова отскочил от удара, прикинулся, будто спотыкается, теряет равновесие. Седоволосый грабитель с дагой явно не читал классиков и не слышал о финтах, потому что ринулся в резкое и бестолковое нападение, целясь в Рейневана как цапля клювом. Рейневан спокойно подбил ему предплечье, подвернул руку, схватил как учила «*Das Fechtbuch*» за плечо, блокировал, припер к стене. Стремясь высвободиться, разбойник нанес левым кулаком резкий удар — угодив прямехонько на острие стилета, подставленного в соответствии с указаниями «*Flos duellatorum*». Узкое лезвие вошло глубоко, Рейневан слышал хруст рассекаемых костей кисти. Грабитель тонко завизжал, рухнул на колени, прижимая к животу раненую руку.

Третий нападающий, тот, крепкий, быстро шел на него, криво размахивая тесаком, наискось, лево-право, очень опасно. Рейневан пятился, парируя и отскакивая, выжидая какой-нибудь рекомендуемой справочниками позиции либо положения. Но ни *Meister* Тальхоффер, ни *messer* Чивидале в тот день ему уже негодились. Из-за спины грабителя с тесаком неожиданно выдвинулось нечто серое, в сером капюшоне, серой куртке и серых штанах. Свистнула выточенная из светлого дерева палка, глухим ударом извещающая об энергичном контакте с затылком. Серый был очень быстр. Прежде чем грабитель упал, он успел садануть его еще раз. В

переулок вошли Флютек и несколько его агентов.

— Ну и что? — спросил он. — Ты все еще считаешь, что нет поводов за тобой следить?

Рейневан глубоко дышал, открытым ртом ловил воздух. В глазах потемнело так, что пришлось прислониться к стене.

Флютек подошел, пригляделся, наклонившись к постанывающему разбойнику с перебитой рукой. Быстрыми движениями симитировал примененный Рейневаном немецкий блок и итальянский контролчок.

— Ну-ну, — одобрительно и одновременно недоверчиво покрутил он головой. — Ловко сделано, ловко. Кто бы подумал, что ты натренируешься аж до такой степени. Я знал, что ты ходишь к фехтовальщицкому мастеру. Но у него две дочки. Поэтому я полагал, что ты тренируешься с одной из них. А может, и с обеими.

Он дал знак связать стонущего и окровавленного, поискал глазами того, который получил в бедро, но тот, оказывается, успел под шумок сбежать. Приказал поднять получившего удар палкой. Тот все еще был ошеломлен, пускал слюну и никак не мог сфокусировать взгляд. Глаза у него разбегались и все время норовили уплыть куда-то в глубь черепа.

— Кто вас нанял?

Грабитель закосел и хотел сплюнуть. Не получилось. Флютек кивнул, грабитель получил палкой по почкам. Когда он со свистом втягивал воздух, получил снова. Флютек небрежно махнул рукой, дал знать, чтобы его забрали.

— Скажешь, — пообещал он на прощание. — Все скажешь. У меня не было такого, который бы молчал. Спрашивать, — Флютек повернулся ко все еще опирающемуся о стену Рейневану, — догадываешься ли ты, значило бы оскорблять твой интеллект. Поэтому спрошу так: ты догадался, чья это работа?

Рейневан кивнул. Флютек тоже кивнул. Одобрительно.

— Убийцы скажут. У меня не было такого, кто молчит. У меня в конце концов говорил даже Мартинек Локвис, а твердый и упрямый был коротышка, идейный, истинный мученик за свое дело. Паршивцы, нанятые за несколько довоенных грошей, расскажут все, как только увидят инструменты. Но я все равно прикажу их припекать. Из чистой симпатии к тебе, их несостоявшейся жертве. Благодарить не надо.

Рейневан не поблагодарил.

— Из чистой симпатии, — продолжил Флютек, — я сделаю для тебя еще кое-что. Позволю лично, своей собственной рукой отомстить за брата. Да, да, ты верно слышишь. Не благодари.

Рейневан не поблагодарил и на этот раз. Впрочем, слова Флютека еще не вполне до него доходили.

— Через некоторое время к тебе обратится мой человек. Скажет, чтобы ты отправился на рынок, к дому «Под золотой лошадкой», тому, в котором мы сегодня с тобой беседовали. Приди туда незамедлительно. И возьми с собой арбалет. Запомнил? Хорошо. Пока.

— Пока, Неплах.

Дальше все прошло без каких-либо приключений. Уже совсем стемнело, когда Рейневан добрался до угла Щепана и На Рыбничке, к дому с комнаткой в мансарде, которую они вместе с Самсоном Медком снимали у пани Блажены Поспихаловой.

Насчитывающей каких-нибудь тридцать лет вдове Поспихала, *requiescat in pace*^[33]. И Бог с ним, кем бы он ни был, что делал, как жил и за что умер.

Осторожно открыв калитку в садик, он вошел в сени, где стояла тьма хоть глаз коли. Постарался, чтобы дверь не скрипела, а ступени старой лестницы не потрескивали. Он старался так делать всегда, возвращаясь в темноте. Не хотел будить пани Блажену. Немного опасался последствий, к которым могла привести встреча с пани Блаженой, случись таковая во мраке.

Ступенька вопреки его стараниям затрещала жутко. Раскрылась дверь, повеяло лавандовой водой, розой, вином, воском, повидлом, старым деревом, свежевыстиранной постелью. Рейневан почувствовал, как шею ему оплетают пухлые руки, а полные груди притискивают к перилам лестницы.

— Мы сегодня празднуем, — шепнула ему прямо в ухо пани Блажена Поспихалова. — Сегодня праздник, мальчик.

— Пани Блажена... Разве... Надо...

— Тише. Пошли.

— Но...

— Тише.

— Я люблю другую!

Вдова втянула его в эркер, толкнула на ложе. Он погрузился в пахнущие крахмалом пучины перины, утонул, лишенный сил пухлой мягкостью.

— Я... люблю... другую...

— Ну и люби себе на здоровье.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой Флютек сдерживает слово, Гинек из Кольштейна дарит Праге святой покой, а история ранит и калечит, принуждая медиков тяжело трудиться.

Флютек сдержал слово, совершенно поразив этим Рейневана.

Прошел месяц после того разговора — со дня праздника по случаю победы под Таховом. После нападения. И после инцидента с пани Блаженной Поспихаловой, случившегося в ночь с четвертого на пятое августа. Инцидент с пани Блаженной, что уж тут скрывать, повторился потом еще несколько раз и в принципе доставил Рейневану больше приятного, нежели неприятного. К первому относились — в частности — вкусные и обильные обеды, которыми после пятого августа пани Блажена потчевала своих постояльцев. Рейневан и Самсон, до того питавшиеся нерегулярно и скудно, после четвертого августа стали ходить по своим делам сытыми и вполне довольными жизнью, мило улыбались ближним и весело посвистывали, припоминая вкус булочек, сыра, зеленого лука, печеночки, огурчиков и яичницы с тертым сельдереем. Яичницу с сельдереем пани Блажена подавала особенно часто. Яйца, говаривала она, одаряя Рейневана голубыми как альпийские эдельвейсы взглядами, повышают силу. А сельдерей, добавляла она, усиливает желание.

Спустя месяц после тех событий, уже в сентябре, шестого, в субботу перед Рождеством Девы Марии, когда Рейневан и Самсон уплетали яичницу с сельдереем, в дом тихо, как серая тень, явился знакомый Рейневану серый типчик в серых штанах.

— Его милость ожидают, — проговорил он тихо. — В «Золотой лошадке». Сейчас же, господин.

Пражские улицы были исключительно малолюдны, даже пустынные. Чувствовалось напряжение, пульс города был нервным, беспокойным и прерывистым. Крыши блестели от дождя, прошедшего перед рассветом.

Они молчали. Самсон Медок заговорил первым.

— Почти точно два года назад, — сказал он, — мы были в Зембицах. Восьмого сентября 1425 года ты прибыл в Зембицы. С благородным намерением спасти возлюбленную. Помнишь?

Вместо того чтобы ответить или прокомментировать, Рейневан пошел быстрее.

— За эти два года ты подвергся существенным метаморфозам, — не сдавался Самсон. — Сменил — дело немалое — религию и мировоззрение. Защищая то и другое, ты порой ходил в бой с оружием в руках, порой позволял политикам, шпионам и мерзавцам использовать себя. И руководила тобою уже не возвышенная идея спасения любимой, а нечто совсем иное: слепая месть. Месть, которая, если даже каким-то чудом она настигает действительно виновных людей, все равно не вернет жизнь твоему брату.

Рейневан остановился.

— Мы это уже обсуждали, — твердо ответил он. — Мои мотивы тебе известны. И ты обещал помочь. Поэтому я не понимаю...

— Почему я к этому возвращаюсь? Потому что к такому всегда стоит возвращаться. Всегда стоит повторять. А вдруг да подействует, а вдруг у человека откроются глаза и разум восторжествует. Но ты прав. Я обещал помочь. И помогу. Пошли.

У ворот Святого Гавла — удивительное дело — не было стражи. Ни одного вооруженного. Это выглядело весьма странно, поскольку и ворота, и мостик над рвом были главной связью между Новым и Старым Городом, а отношения между районами бывали порой настолько напряженными, что это оправдывало содержание при воротах вооруженных отрядов. Сегодня не было никого, проход под аркой ворот был совершенно пуст. Как бы приглашал войти. Неискренне. Как ловушка.

Пустовато было и на улочках за Святым Гавлом, обычно заполненных лавчонками и прилавками, удивительная тишина стояла на Рыбном рынке. А Староградский рынок будто вымер. Две собаки, одна кошка и штук тридцать голубей в согласии и гармонии пили воду из лужи около позорного столба, не обращая внимания на немногочисленных прохожих, крадущихся вдоль стен домов.

Блестели омытые дождем шары на башенках Тынского храма. Словно золотой трезубец горела башня ратуши, как всегда скрежетал, звенел и что-то указывал ратушевый горологиум — башенные часы. Как обычно, не очень-то было ясно, что указывал, зачем указывал и сколь точно указывал. Судя по положению солнца, только что миновала терция.

Флютек ожидал в доме «Под золотой лошадкой», в той же комнате, что и раньше. Однако на сей раз обошлось без висельника.

Стоя у окна, таборитский главный шпион выслушивал донесения

людей, выглядевших агентами, а также людей, агентами не выглядевших. Увидел Рейневана. Поморщился при виде Самсона.

— Пришел?

— Пришел.

— Арбалета не взял, — кисло заметил Неплах. — Возможно, оно и лучше. Еще стрельнул бы во что-нибудь. А что, твой дурачок обязательно должен присутствовать?

— Не должен. Спустишь вниз, Самсон. И жди.

— Встань туда, — приказал Флютек, когда Самсон вышел. — Там, у окна. Стой, молчи, наблюдай.

Он стоял, молчал, наблюдал. На рынке по-прежнему было пусто. У лужи при позорном столбе чесалась собака, кошка вылизывала хвост. Голуби топтались по краю воды. Откуда-то со стороны Унгельта и церкви Святого Иакова донеслись звуки рога. Чуть погодя такой же звук долетел с востока, от разрушенного Святого Клементия, бывшего монастыря бывших доминиканцев.

В комнату влетел задыхающийся агент. Флютек выслушал донесение.

— Подъезжают, — сообщил он, подходя к соседнему окну. — Около пятисот коней. Слышишь, Рейнмар? Пятьюстами конями они хотят захватить Прагу, шуты. Пятьюстами хотят захватить власть, самонадеянные спесивцы.

— Кто? Ты наконец скажешь, в чем дело?

— Крысы бегут с тонущего корабля. Подойди к окну. Присмотрись. Смотри внимательно. Ты знаешь, кого должен выследить.

От позорного столба вдруг сбежали собаки, за ними помчалась кошка. Голуби сорвались трепещущей крыльями тучей, спугнутые усиливающимся цокотом подков. Конный отряд приближался с юга, со стороны рва, со стороны пустых ворот Святого Гавла. Вскоре конники — среди них многочисленные тяжеловооруженные — начали с бряцанием и шумом вливаться на рынок.

— Колинская дружина Даивиша Божка, — распознал цвета и знаки Флютек. — Вооруженные люди Путы из Частоловиц, паноши Яна Местецкого из Опочна, латники Яна Михальца из Михаловиц. Конники Оттона де Бергова, господина Тросок... А во главе?

Во главе рати ехал рыцарь в полных латах, но без шлема. На белой яке герб: золотой, стоящий на задних лапах лев на голубом поле. Рейневан видел уже и рыцаря, и герб. В битве под Усти.

— Гинек из Кольштейна, — проговорил сквозь сжатые зубы Флютек. — Из Щепанинской линии Вальдштейнов, из рода великих

Марквартичей. Герой из-под Вышеграда, сейчас владетель Камыка, литомерицкий гейтман. Далекий прошел путь, от величия до предательства. Посмотри на его спутников, Рейневан. Смотри внимательнее. Что-то подсказывает мне, что кого-то ты узнаешь.

Староместский рынок гудел от подков, лязг и бряцание отражались эхом от стен, вздымались над крышами. Гинек из Колштейна, рыцарь со львом, поднял на дыбы своего коня перед самым порталом староместской ратуши.

— Святой мир! — рявкнул он. — Пришло время святого мира! Довольно крови, насилия и преступлений! Освободить арестованных! Освободить Зигмунта Кобыту, истинного господина нашего и короля!

— Достаточно правления кровавых клик! Конец насилию, предательствам и войне! Я принес вам мир!

— Святой мир! — конники хором подхватывали его слова. — Святой мир! *Pax sancta!*

— Народ города Праги! — орал Гинек. — Столица королевства Чешского и все верные этому королевству! К нам!

— Пан бургомистр Святого Мяста! Господа советники! Господа присяжные! К нам! Присоединяйтесь!

Двери ратуши не приоткрылись ни на дюйм.

— Прага! — крикнул Гинек. — Свободная Прага!

И Прага ответила.

С грохотом раскрывались ставни, из-за них выглянули стрелы и луки арбалетов, стволы гаковниц, трубы пищалей. Разом, словно по команде, Староместский рынок утонул в оглушительном грохоте выстрелов, в дыме и вони пороха. На теснящихся на площади вооруженных людей обрушился рад пуль и болтов. Взорвался и вознесся крик, рев, вой раненых людей, ржание и истошный визг покалеченных лошадей. Конники закружились в беспорядке, сталкивались, переворачивались, топтали тех, которые свалились с седел. Часть с места послала коней в галоп, но с рынка невозможно было убежать. Улицы неожиданно забаррикадировали бревнами, перегородили натянутыми поперек цепями. Из-за заслонов сыпанули болты. А со всех сторон, с Железной, с Михальской, с Длинной Тжиды, с Телячьей, от Тына на рынок бежали вооруженные люди.

Конники, заслоняясь щитами, сбились в кучу у ратуши. Охрипший от крика Гинек из Колштейна пытался навести порядок. А из домов все стреляли. Пули и болты летели из окон окружающих Староместский рынок каменных домов — из «Единорога», из «Красных дверей», из «Барашка», из «Каменного колокола», из «Лебеда». Стреляли из окон и оконеч, с

крытых балконов, с крыш, из сеней и ворот. Рыцари и панюши один за другим слетали с седел на землю, валились дергающиеся в агонии кони.

— Хорошо, — повторял сквозь зубы Флютек. — Хорошо, пражане! Так держать! Ох не уйдешь ты отсюда живым, пан Колштейнский из Вальдштейнов, Не унесешь головы.

Гинеке из Колштейна словно услышал, потому что его рать неожиданно разделилась на две части. Одна, примерно в сто коней, под командой рыцаря с серебряно-черным щитом, помчалась галопом в сторону церкви Святого Николая. Другая во главе с самим Гинеком ударила на толпу, напирющую от Длинной Тжиды.

Первый отряд исчез из поля зрения Рейневана, и он мог только по шуму и лязгу судить о том, что конники пытаются пробиться сквозь баррикады, прорубить себе дорогу на мост и Малу Страну. Зато он видел, как группа Гинека налетела на вооруженных горожан, как уложила на землю первую линию, как рассеяла вторую. И как увязла на третьей, напорвшись на заслон из гизарм, дзид и вил. Пражане стояли твердо, не дали себя испугать. Их было много. Они были сильны. Они верили в себя.

Потому что все время прибывали новые.

— Смерть предателям! — орали они, атакуя. — Во Влтаву их!

— Бить, бить, никого не оставлять в живых!

Ржали, вставая на дыбы, раненые верховые кони, валились на уже скользкую от крови землю всадники. А из окон продолжали лететь болты, болты, болты.

— Бей предателей! Во Влтаву их!

Конники отступили, вернулись на площадь, рассеялись, помчались небольшими группами, чтобы собственными силами пробиваться сквозь баррикады и цепи у Святого Николая и в Михальской. Но Гинека с ними не было. Под героем Вышеграда и Усти пал конь, получивший косой по передним ногам. Рыцарь успел вовремя спрыгнуть, не выпустил меча, напавших на него изрубил. Привалившись спиной к стене дома «Под слоном», скликал к себе нескольких тоже спешившихся, однако, видя, что они падают, скошенные болтами, прыгнул под арку, выбил плечом дверь. Пражане кучей ввалились следом за ним внутрь дома. У Гинека не было шансов. Прошло немного времени, и окровавленное тело в яке, украшенной львом Марквартичей, вылетело из окна первого этажа и свалилось на пражскую брусчатку.

— Дефенестрация! — расхохотался демонически скривившийся Флютек. — Вторая дефенестрация! Это мне, черт побери, нравится! Возмездие и символика!

Выкинутый из окна Гинек еще подавал признаки жизни. Пражане обступили его. Какое-то время колебались. Наконец кто-то переборол неуверенность и ткнул рыцаря пикой. Другой рубанул топором. А потом принялись тыкать и рубить все.

— Да! — засмеялся Неплах. — Символика! Ну как, Рейневан? Что скажешь...

Он осекся. Рейневана в комнате не было.

Надо было признать, что рыцарь со щитом, косо поделенным на серебряное и черное поля, спасал свою жизнь рассудительно и логично. Во-первых, приметный щит он отбросил еще на рынке. Когда же оттиснутые от баррикад у Овощного Тарга конники выбрались за церквушку Святого Лингарта, где снова наткнулись на пражан и ввязались в яростный бой, черно-серебряный рыцарь, не раздумывая, развернул коня и умчался в улочки, в галопе сбрасывая с плеч плащ с богатым шитьем. Выехал, распугивая уток и нищих, на небольшую площадь с названием «У лужи». Слыша крики мчащейся с рынка погони, он выругался, соскочил с седла, шлепнул коня по крупу, сам погрузился в тесный и темный проход, ведущий к улице Платнерской. Пражане с криками помчались вслед за стуком копыт коня, бегущего в сторону доминиканского монастыря и Влтавы. Реки, в глубинах которой, как следовало из уже нудно повторяющихся выкриков толпы, вот-вот найдут конец бунтари и предатели.

Отголоски утихали, удалялись. Рыцарь вздохнул, усмехнулся в усы. Он уже был почти уверен, что ему повезет.

И как знать, возможно бы, и повезло, если б не то, что Рейневан прекрасно знал район. Улица Платнерская и отходящие от нее переулки приютили в предреволюционные времена несколько уютных и недорогих борделиков, так что места эти прекрасно знал каждый студент и каждый бакалавр Карлова университета. К тому же Рейневан и Самсон Медок пользовались магией. Телепатическими амулетами. Очень простыми, но вполне достаточными для примитивной телекоммуникации. Для отслеживания и погони.

Серебряно-черный рыцарь немного переждал, использовал время на то, чтобы прикрыть латы лоскутом найденной ткани. Он прижался к стене, слыша цокот подков, но это просто бежал конь без седока, буланый с окровавленным боком. За конем бежала, покачиваясь и мыча, пестрая корова — откуда она здесь взялась, одному Богу известно.

Когда утихло, рыцарь быстро двинулся в сторону Платнерской. Вышел

на улицу, немного постоял, осмотрелся, прислушиваясь к угасающим отголоскам боя и резни. Потом вошел в первый попавшийся навес и во двор, здесь принялся снимать латы, которые могли его выдать. Стянул сохнувшую на веревке рубаху, сильно изношенную и просторную, явно шитую для беременной либо просто от рождения толстой бабы. Когда натягивал рубаху через голову, несколько мгновений ничего не видел.

Рейневан с Самсоном воспользовались этим.

Рейневан с размаху саданул рыцаря поднятой с земли доской. Самсон схватил саданутого за плечи, тряхнул, поднял, крепко толкнул на стену. О диво, вместо того, чтобы бессильно сползти по этой стене, рыцарь оттолкнулся от нее, выхватил из ножен корд и напал. Самсон отскочил. Рейневан замахнулся доской, рыцарь ловко отбил ее, ткнул острием так быстро и профессионально, что, если бы не уроки фехтования, Рейневан распрощался бы с печенью и жизнью. Рыцарь умело повернул корд в руке и быстро резанул, если бы не выученный раньше нырок, лезвие распорол бы Рейневану кадык аж по шейные позвонки. Опасное положение свел на нет Самсон, ударом палки выбивший у рыцаря оружие, а его самого поваливший на землю ударом кулака. Удар был сильный, но рыцарь и на сей раз не пожелал остаться лежать там, куда упал. Он вскочил, обеими руками схватил пустую бочку, поднял, крикнул и, покраснев от натуги, бросил словно снаряд в Самсона Медка. Но и здесь нашла коса на камень. Самсон поймал бочку в полете и откинул словно мячик. Рыцарь рухнул, сбитый с ног, на кучу соломы.

Подняться он уже не сумел. Рейневан и Самсон навалились на него, придавили и схватили за руки. Обмотали голову женской рубахой. Спутали ноги в щиколотках длинной вожжой. И втащили в ближайший дом, волоча за вожжу. Цацкаться с ним они не стали. Не обращали внимание на то, что голова рыцаря ритмично колотится о каменные ступени, а сам он стонет и ругается.

Свалившись на кочаны капусты, рыцарь сел, постанывая и лаясь. Когда Рейневан сорвал у него с головы тряпку, он заморгал. У подвала было оконце, поэтому кое-что увидеть удалось. Рыцарь долго всматривался в Рейневана. Не так долго в Самсона. И сразу понял, что из этих двух только один может быть партнером для переговоров. Он взглянул Рейневану прямо в глаза, откашлялся.

— Разумно. — Он сумел-таки улыбнуться. — Ловко, брат. Зачем делиться с другими, если можно все взять себе одному? Времена теперь тяжелые и неустойчивые, чтобы пренебрегать деньгой. А деньги тебе в мощну попадут, обещаю.

Рейневан украдкой облегченно вздохнул. Стопроцентной уверенности у него до сих пор не было, и он уже на всякий случай озлоблялся, чуя последствия возможной ошибки. Но когда рыцарь заговорил, об ошибке уже не было речи. Этот голос он слышал два года назад, тринадцатого сентября, в Силезии, в цистерцианской грангии. В Дембовце.

— Ты заслужил... — Серебряно-черный рыцарь облизнул губы, глянул на Рейневана. — Ты заслужил награду. Хотя бы уже за прыткость. Прытко ты меня схватил, что уж говорить. Голова у тебя, что уж говорить, есть на плечах...

Он осекся. Сообразил, что говорит впустую, а его слова не производят на слушателя ни малейшего впечатления. Он немедленно сменил тактику. Состроил гордую мину и сменил тон. На господский и повелительный.

— Я Ян Смижицкий из Смижиц. Ты понимаешь, парень? Ян Смижицкий! Выкуп за меня...

— Там, на рынке, — прервал Рейневан, — труп твоего дружка Гинека уже висит на позорном столбе, ободранный донага. Рядом есть еще свободное место.

Рыцарь не опустил глаз. Рейневан понял, с кем имеет дело, но придерживался принятой стратегии. По-прежнему пытался напугать и утратить.

— Из остальных твоих дружков уцелели только те, которых защитил Рокицана, заслонив собственной грудью от пик толпы. Этим затащили в тюрьму ратуши. Предварительно прогнав заранее придуманной «тропой добродетели» через шпалеру людей с палками и топорами. Не все прошли этот путь живыми. Погоня за остальными продолжается, а толпа все еще ожидает у ратуши. Ты соображаешь, к чему я все это говорю? К тому, что мне жутко хочется оттащить тебя туда, на рынок, выдать пражанам и посмотреть, как ты будешь бежать под палками. И знаешь, откуда у меня такое желание? Может, догадываешься?

Рыцарь прищурился. Потом широко раскрыл глаза.

— Это ты... Теперь узнаю.

— Ты предал моего брата, Ян Смижицкий из Смижиц, послал его на смерть. За это ты заплатишь. Собственно, сейчас я думаю, каким образом. Могу, так сказать, передать тебя в руки пражан. Могу здесь, на месте, собственноручно всадить тебе нож под ребра.

— Нож? — К рыцарю быстро вернулась самонадеянность, он презрительно выпятил губы. — Ты? Под ребро? Ха, ну давай, младший хозяин из Беявы.

— Не провоцируй меня.

— Провоцировать? — Ян Смижицкий фыркнул и сплюнул. — Я не провоцирую. Я издеваюсь! Я разбираюсь в людях, умею через глаза в душу заглянуть. К тебе заглянул и вот что скажу: ты даже курицу не убьешь.

— Я могу, сказал, затащить тебя к ратуше. Там ожидает целая толпа менее сентиментальных людей.

— А еще можешь поцеловать меня в задницу. Именно это я тебе предлагаю. И искренне рекомендую.

— А могу и отпустить.

Смижицкий повернул голову. Не настолько быстро, чтобы Рейневан не уловил вспышку в его глазах.

— Значит, все-таки, — спросил он немного погодя, — выкуп?

— Можно и так сказать. Ответишь мне на несколько вопросов.

Рыцарь взглянул на него. Долго молчал.

— Ты сопляк, — сказал наконец, кривя губы и затягивая слова. — Ты силезская немчура. Ты знахарь. Ты думаешь, с кем имеешь дело? Я Ян Смижицкий из Смижиц, чешский дворянин, пан, посвященный в рыцари, гейтман мелиницкий и рудницкий, мои предки дрались под Леньяно и Миланом, под Аскалоном и Арсуфом. Мой дед покрыл себя славой под Мюльдорфом и Креси. Отвечать на вопросы? Тебе? Да пошел ты, молокосос!

— Ты, благородный пан Смижицкий, словно простой разбойник, готовил предательство против собственных земляков. Тех, которые сделали тебя гейтманом, посадили на Мелинки и Рудницы. В благодарность за это ты вступил против них в заговор с Конрадом из Слесьницы, епископом Вроцлава. Два года назад, в Силезии, в цистерцианской грангии. Прошло целых два года, но ты наверняка помнишь. Потому что я-то ведь помню. Каждое произнесенное там слово.

Смижицкий впился в него глазами. Долго молчал, несколько раз сглотнул слюну. Когда заговорил, в его голосе, кроме изумления, прозвучало искренне восхищение.

— Так это ты... Ты был там. Ты подслушал... Чтоб тебя черти!.. Надо признать, ты широко и запросто возвращаешься в мире. Восхищаюсь и сочувствую одновременно. Такие умирают молодыми и обычно скверной смертью.

Самсон Медок при помощи магического амулета послал какой-то ментальный сигнал. Но хотя во время погони связь у них получалась сносно, сейчас, на расстоянии двух шагов, сигнал был почти неразборчивым. То есть неразборчивым было содержание, зато явно интенсивным. Рейневан воспринял это как пожелание действовать

решительно.

— Ответишь на мои вопросы, пан Смижицкий.

— Нет, не отвечу. Тебе сдается, что у тебя есть нечто такое, чем ты можешь меня напугать, шантажировать? Ни хрена у тебя нет, младший господин Белява. А знаешь почему? Потому что наступили исторические времена. Каждый день приносит изменения. В такие времена, коновал, шантажисты должны действовать очень быстро, иначе их шантаж оборачивается всего лишь насмешкой. Ты не заметил, что сегодня творилось на улицах? Я въехал в Прагу рядом с Гинеком из Кольштейна. Мы приехали прямо из Колина, от пана Дзивиша Божка, он же дал нам своих вооруженных. Рука об руку с нами шли дружинники таких заядлых католиков и гуситобойцев, как Пута из Частоловиц и Отто де Бергов. Нет никакой тайны в том, зачем мы прибыли. Мы намеревались захватить ратушу и взять в свои руки власть, потому что Прага это *caput regni*^[34], у кого в руках Прага, у того и Чехия. Мы хотели освободить Корыбута и провозгласить его королем. То есть истинным королем, одобренным Римом. Мы хотели договориться с папой, склонным, как говорят, к компромиссу относительно литургии, готовым уступить в отношении Чаши и причащения *sub utraque specie*. Готовым к переговорам. Но не с Табором, не с радикалами, не с людьми, руки которых обагрены кровью священников. Объединившись с Ольдржихом из Рожмберка и панами из Ландфрида, мы хотели прикончить радикалов, перебить сирот, ликвидировать Табор, вернуть лад в Чешское Королевство. Ты понимаешь?

— Мы въехали в Прагу, — Смижицкий не ждал, пока Рейневан подтвердит, — явно и с открытым забралом. Яснее, пожалуй, я не могу показать, чего хочу, против кого и против чего стою. С кем держусь, с кем в союзе. Сегодня все стало ясно. Так что ты хочешь сделать? Сейчас, когда вылезло шило из мешка на всю длину, ты пойдешь в Табор и заявишь: «Слышите, братья, я сообщу вам новость: Ян из Смижиц — ваш враг, сговаривается против вас с католиками?» Прошлогодний снег, господин из Белявы, прошлогодний снег! Ты ошибся, ты опоздал. Конечно, еще год, еще месяц назад...

— Еще месяц назад, — закончил со зловещей ухмылкой Рейневан, — я мог тебя разоблачить, я был опасен. Поэтому ты наслал на меня убийц. Воистину по-рыцарски, пан из Смижиц, по-благородному. Воистину гордиться должны в ином мире покрытые славой пращуры, герои Аскалона и Креси.

— Если ты думаешь, что я стану перед тобой из-за этого каяться, то хреново думаешь.

— Ответь мне на вопросы.

— Я, помнится, тебе уже предлагал поцеловать меня в задницу? А посему повторяю предложение.

Самсон Медок резко поднялся. А Рейневан мог поклясться, что Ян Смижицкий испугался.

— Это война! — выкрикнул он, подтверждая тем самым уверенность Рейневана. — Война, парень! Кто может тебе навредить, тот враг, а врага уничтожают! Твой брат работал на Табор, на Жижку, на Швамберка и Гвезду, значит, он был моим врагом, мог вредить и вредил. А вроцлавский епископ, наоборот, был ценным союзником, был смысл его привлечь к себе. Епископ хотел знать имена таборитских шпионов, действующих в Силезии, поэтому и получил их список. Впрочем, епископ уже давно подозревал твоего брата, так что взял бы его и без моей помощи. У вроцлавского епископа есть свои средства и методы. Ты удивишься, узнав, насколько эффективные.

— Не удивлюсь. Я видел кое-что. Эффективности действия тоже не отрицаю. Мертвы уже упомянутые тобою Ян Гвезда, мертв Богуслав из Швамберка. И это ты тогда, в цистерцианской грангии, назвал их обоих в качестве цели епископских убийц. Швамберк из высокого рода. Пожалуй, самого высокого и гораздо более старого, нежели твой, хоть ты и похваляешься предками. За Богуслава Швамберка тебя ждет эшафот, уж его родня позаботится об этом.

Самсон снова послал сигнал. Рейневан понял.

— Гвезда и Швамберк, — заявил тем временем Смижицкий, — умерли от ран, полученных в бою. Болтай, обвиняй, никто не поверит...

— Никто не поверит в черную магию? — закончил Рейневан. — Ты это хотел сказать?

Смижицкий умолк.

— Чего ты, черт побери, хочешь, — взорвался он наконец. — Мести? Ну так мсти! Убей меня. Да, я предал твоего брата, хоть он доверял мне как Христос доверял Иуде. Ты доволен? Конечно, я солгал, я твоего брата никогда в глаза не видел, слышал о нем от... Не имеет значения, от кого. Но я выдал его епископу, поэтому он погиб. А тебя я считал шпионом Неплаха, провокатором и возможным шантажистом. Надо было что-то с тобой делать. Нанятый арбалетчик, ты не согласишься, промахнулся. Я дважды пытался тебя отравить, но, похоже, яд на тебя не действует. Я нанял трех убийц, не знаю, что с ними случилось. Они исчезли. Сплошь счастливые стечения обстоятельств, младший господин из Беявы. Удивительно странные счастливые стечения обстоятельств. Кто-то тут

недавно, случайно, не говорил ли о черной магии?

Флютек, подумал Рейневан, принудил пойманных разбойников говорить. Наверняка к нему уже раньше поступали сигналы о готовящемся путче, разбойники под пыткой досказали остальное, подтвердили подозрения. Заговорщиков ожидала засада, у них не было шансов. Нанимая против меня убийц, Ян Смижицкий проиграл Прагу. А Гинек и Кольштейн проиграли жизнь.

— Крысы, бегущие с тонущего корабля, — сказал он скорее себе, чем рыцарю. — После Тахова в связи с возрастающей мощью Прокопа и Табора это был ваш единственный шанс. Переворот, захват власти, освобождение и возведение на трон Корибута, договоренность с папством и ландфридом. Вы все поставили на одну карту. Что ж, не получилось.

— Да, не получилось, — без особых эмоций ответил рыцарь, продолжая смотреть на Самсона, а не на Рейневана. — Я проиграл. С какой стороны ни взглянуть, получается, что я сложу голову. Хорошо, чему быть, того не миновать. Убей меня, выдай Неплаху, брось под нож толпе, делай, что хочешь. С меня уже достаточно. У меня есть только одна просьба, только об одном я покорно прошу... У меня в Праге девушка. Низкого происхождения. Отдайте ей мой перстень и крестик. И кошель. Если можно просить, я знаю — ваша добыча... Но это бедная девушка...

— Ответь на мои вопросы, — Рейневан снова послушался телепатического указания Самсона, — и ты сам все это отдашь. Сегодня же.

Смижицкий прикрыл глаза, чтобы скрыть их блеск.

— Ты поймал меня в силки. Ты мне не простишь. Не откажешься отомстить за брата.

— Ты его лишь предал. Мечами дырявили его другие. Я хочу знать их имена. Давай поторгуюсь, выторгуешь что-нибудь. Дай мне возможность отплатить им, и я не стану мстить тебе.

— Какая у меня гарантия, что ты не обманываешь?

— Никакой.

Рыцарь какое-то время молчал, было слышно, как он сглатывает слюну. Наконец сказал:

— Спрашивай.

— Гвезда и Швамберк. Их убили, верно?

— Верно... — Он запнулся. — Кажется... Не знаю. Предполагаю, но не знаю. Это возможно.

— Черная магия?

— Вероятно.

— В разговоре с епископом участвовал еще один человек. Высокий. Худощавый. Черные волосы до плеч. Птичье лицо.

— Епископский советник, помощник и доверенное лицо. Не сверли меня глазами. Ведь знаешь или догадываешься. Это он выполняет для епископа грязную работу. Несомненно, он убил Петра из Белявы. И многих других. Вспомни девяностый псалом...

— Стрела, летящая днем. *Timor nocturus*. Демон, уничтожающий в полдень...

— Ты сказал, — кривил губы Смижицкий. — Ты проговорил это слово. И пожалуй, попал в точку. Хочешь хорошего совета, парень? Держишь от него подальше. От него и от...

— Черных всадников, кричащих «*Adaumus*». Одурманивающих, как асасины, таинственными арабскими веществами. Пользующихся черной магией.

— Это сказал ты. Не нарывайся на них. Поверь мне и послушай совет. Не пытайся даже приближаться к ним. А если они попробуют приблизиться к тебе, беги. Как можно дальше и как можно быстрее.

— Его имя? Епископского доверенного.

— Его, это наверняка, боится сам епископ.

— Его имя.

— Он знает о тебе.

— Его имя.

— Биркарт фон Грелленорт.

Рейневан достал стилет. Рыцарь невольно закрыл глаза. Но тут же открыл их, смело взглянул.

— Это все, пан Ян Смижицкий. Ты свободен. Прощай. И не пытайся меня ловить.

— Он не будет пытаться, — неожиданно сказал Самсон Медок.

Глаза Яна из Смижиц широко раскрылись.

— Тебе, — спокойно продолжал Самсон, совершенно не радуясь произведенному впечатлению, — тебе, Ян из Смижиц, предательства и заговоры добра не приносят. Не оплачиваются. В будущем будет то же. Опасайся предательств и заговоров. У тебя столько мыслей, столько планов. Столько амбиций. Воистину тебе пригодился бы кто-нибудь, кто стоит за спиной, кто-то, кто вполголоса советует, подсказывает, напоминает. *Rescipiens post te, hominem memento te, cave, ne cadas. Cave, ne cadas*, пан Ян Смижицкий. Слушай, если имеешь уши. *Nescis, mi fili, diem neque horam*. Твои амбиции, пан Смижицкий, приведут тебя к падению. Но ты не знаешь ни дня, ни часа этого падения.

Когда Рейневан вышел из дома, Самсон куда-то пропал, но через мгновение появился. Они направились переулками к улице Платнерской.

— Думаешь, — начал Рейневан, — это было умно? Твои заключительные слова? Что они, собственно, значили? Пророчество?

— Пророчество? — Самсон повернул к нему лицо идиота. — Нет. Так у меня как-то сказало. А было ли это умно? Нет ничего умного. Во всяком случае, здесь, в твоём мире.

— Ага. И как же я сразу-то не догадался. Ну, коли уж мы здесь, ты идёшь на Суконническую?

— Разумеется. А ты нет?

— Нет. Наверняка есть много раненых, насколько я знаю Рокицану, он приказал сносить их в церкви. Будет уйма работы, понадобится каждый лекарь. Кроме того, Неплах станет меня искать. Я не могу допустить, чтобы он пошёл вслед за мной «Под архангела».

— Понимаю.

Они вышли на рынок. На позорном столбе уже не висел зверски искалеченный труп Гинека из Кольштейна, господина в Камыке, гейтмана литомерского, рыцаря из щепаницкой линии Вальдштейнов из рода великих Марквартичей. Наверняка снять его оттуда приказал Рокицана.

Рокицана, хоть и делал это с болью, убийство допускал и официально даже одобрял, разумеется, до определенных границ, разумеется, во имя справедливого дела и только тогда, когда цель оправдывала средства.

Но осквернять тела он не позволял никогда. Ну, скажем, почти никогда.

— Ну, бывай, Рейнмар. Дай амулет. Ты можешь его потерять, тогда Телесма мне голову оторвет.

— Бывай, Самсон. Да, забыл тебя поблагодарить. За переданные телепатические подсказки. Именно благодаря им у нас так все гладко получилось со Смижицким.

Самсон взглянул на него, и его кретинскую физиономию неожиданно осветила широкая кретинская улыбка.

— Гладко прошло, — сказал он, — благодаря твоей прыти и уму. Я мало помог, ничего не сделал, если не считать брошенной в Смижицкого бочки. Что же касается подсказок, то я не давал тебе никаких. Только телепатически поторапливал, просил поспешить. Потому что мне чертовски хотелось отлить.

Работы было действительно невпроворот, как оказалось, требовался и пригодился каждый разбирающийся в лечении.

Ранеными заполнили оба боковых нефа Девы Марии у Тына, а из того, что слышал Рейневан, он понял, что многочисленные пациенты лежали также у Святого Николая. Почти до самой ночи Рейневан вместе с другими медиками сращивал переломы, останавливал кровотечения и сшивал то, что удавалось зашить.

А когда окончил, когда встал, когда распрямил ноющую спину, когда очередной раз подавил тошноту, вызванную запахом крови и ладана, когда собирался наконец пойти умыться, словно из-под земли, словно дух пред ним явился серый типчик в серых штанах. Рейневан вздохнул и пошел за ним. Не споря и ни о чем не спрашивая.

Богухвал Неплах ожидал его в расположенной на улице Телячьей корчме «Под чешским львом». Корчма варила прекрасное собственное пиво и славилась кухней, но свое реноме включала в цены блюд, поэтому Рейневан тут не бывал, он не мог себе этого позволить ни в студенческие времена, ни теперь. Сегодня он в первый раз получил возможность ознакомиться с обстановкой помещения и кухонными ароматами, надо признать, весьма аппетитными.

Шеф таборитской разведки ужинал в одиночестве, в углу, тщательно и деловито обрабатывая печеного гуся, совершенно не обращая внимания на тот факт, что жир пачкает ему манжеты и капает на грудь вамса, украшенного серебряной нитью. Он увидел Рейневана, дал ему знак сесть, проделал он это, кстати сказать, наполненным кубком пива, которым запивал гусятину. И продолжал есть, не поднимая глаз. О том, чтобы предложить Рейневану еду или напиток, он вообще и не подумал.

Он съел всего гуся, даже гузку, оставленную на десерт. Где все это в нем умещается, подумал Рейневан. Сам тощага, хоть аппетит как у крокодила. Хм, наверно, тому виной нервная работа. Или паразиты. В кишках.

Флютек окинул взглядом остатки гуся и решил, что они уже настолько малопривлекательны, что можно уделить внимание чему-то другому. Поднял глаза.

— Ну и что? — Он стер жир с подбородка. — Можешь мне что-то сказать? Передать? Сообщить? Позволь угадать: не можешь.

— Ты угадал.

В черных глазах Флютека проснулись два золотых чертика. Оба подскочили и кувыркнулись. Как только появились.

— Я преследовал одного типа. — Рейневан сделал вид, что не заметил. — Почти уже поймал. Но он сбежал у Валентина.

— Вот беда, — равнодушно сказал Неплах. — Ты его хотя бы узнал? Это тот, кто вступал в заговор с вроцлавским епископом?

— Тот. Так я думаю.

— Но сбежал?

— Сбежал.

— Значит, опять. — Флютек отхлебнул из кубка. — Пропал твой шанс отомстить. Ну, прямо-таки неудачник ты, неудачник. Ну, никак не награждает тебя судьба, ну, никак не хочет помочь. Многие давно бы уж отступились, постоянно сталкиваясь с такими неудачами. Но гляжу я на тебя и вижу, что ты достойно переносишь свои провалы. Прямо-таки удивительно. И завидно... Но, — продолжил он, не дождавшись реакции, — у меня для тебя есть хорошая новость. То, что не удалось тебе, удалось мне. Схватил я мерзавца. Действительно, неподалеку от церкви Святого Валентина, что однозначно свидетельствует о твоей искренности. Ты рад, Рейневан? Ты благодарен? Может, настолько, чтобы искренне поговорить о пятистах гривнах сборщика податей?

— Пощади, Неплах.

— Прости, совсем забыл, ты же о приключении со сборщиком не знаешь ничего, ты человек невиновный и незнающий. Поэтому вернемся к мерзавцу, которого я поймал. Представь себе, это ни больше ни меньше, а сам Ян Смижицкий из Смижиц, гейтман Мельника и Рудниц. Представил себе?

— Представил.

— И что?

— И ничего.

Похоже, чертики кувыркнутся. Но нет, не кувыркнулись.

— Твое донесение об участии Яна из Смижиц в силезском заговоре, — переждав немного, начал Флютек, — это уже, к сожалению, прошлогодний снег. Потеряло актуальность. Настало историческое время, творится многое, каждый день приносит изменения, то, что вчера было важным, сегодня не имеет значения, а завтра будет стоить меньше собачьего дерьма. Думаю, ты это понимаешь?

— А как же.

— Это хорошо. Впрочем, в так называемом широком масштабе это не имеет значения, в конце концов, не все ли равно, за что Смижицкого посадят, осудят на смерть и обезглавят. За заговор, за предательство, за революцию? Один хрен. Чему суждено висеть, то не утонет. Твой брат будет отмищен. Ты доволен? Ты благодарен?

— Умоляю, Неплах, прошу тебя, только не говори о пятистах гривнах

сборщика податей.

Флютек отставил кубок, посмотрел Рейневану прямо в глаза.

— Я не стану о них говорить. Конечно, весьма печально, но Смижицкий сбежал.

— Что?

— То, что ты слышишь. Смижицкий драпанул. Сбежал из тюрьмы. Подробности я пока что не знаю, известно только одно: сбежать ему помогла любовница, дочка пражского ткача. Дело воистину за сердце берет. Сам посуди. Рыцарь высокого рода и его метресса, плебейка, ткачева дочка. Она не могла не знать, что служит для него всего лишь игрушкой, что ничего из этой связи получиться не может. И все-таки рискнула ради любовника жизнью. Он что, ее любовным зельем опоил?

— А может, — Рейневан выдержал взгляд, — достаточно человечности? Глас за спиной, напоминающий: *hominememento te*^[35].

— Ты себя хорошо чувствуешь, Рейневан?

— Устал.

— Выпьешь?

— Благодарю, но на пустой желудок...

— Ха. Ценю, доктор. Эй, хозяин! Поди сюда!

В четверг после Рождества Марии, одиннадцатого сентября, через пять дней после переворота, явился под Прагу Прокоп Голый, победитель под Таховом и Стжибором. С ним прибыла вся армия, Табор, Сироты, пражане и их приверженцы, боевые телеги, артиллерия, пехота и кавалерия. Общим счетом этого было *in toto*^[36] двенадцать тысяч вооруженных людей.

И с ними был Шарлей.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой Рейневан узнает, что должен остерегаться баб и дев.

— А знаешь, — сказал Шарлей, — яичница была вполне... Вкус, правда, немного портил сыр, совершенно не сочетающийся с яйцами. Кто, господи прости, и зачем добавляет в яичницу тертый сыр? Какая-то чрезмерно разросшаяся кулинарная фантазия нашей милой хозяйки. Впрочем, зачем брюзжать, главное — живот набит. А хозяйка, кстати сказать, женщина ничего себе... Формы Юноны, движения пантеры, в глазах блеск, ха, не исключено, что я сниму у нее комнату и малость поживу. Я имею в виду зиму, сейчас побуду здесь недолго, потому что завтра-послезавтра Прокоп прикажет выходить, потянемся, как говорят, под Колин, отплатить за предательство пану Божку из Милетинка... Эй, Рейнмар, а мы в нужную сторону идем? Прагу я знаю так себе, но не надо ли идти туда, за Новоградскую ратушу, в сторону монастыря кармелитов?

— Мы идем через Здераз к пристани у Дровяного Тарга. Поплывем на лодке.

— По Влтаве?

— Совершенно верно. Я последнее время всегда так делаю. Я же говорил: работаю в Богуславовой больнице, это недалеко от Франтишка. Чтобы туда добраться, надо топать через весь город. А это больше получаса хода, а в торговые дни надо добавить еще и полчаса стоянки в толпе у забитых народом и телегами ворот Святого Гавла. Лодкой быстрее. И удобнее.

— Поэтому ты купил лодку. — Шарлей кивнул головой с плохо скрываемой серьезностью. — Вижу, недурно здесь живетсЯ медикам. Одеваются шикарно, живут роскошно, питаются обильно, обслуживают их приятные вдовушки. У каждого на манер венецианских патрициев собственная гондола. Пошли, пошли, мне не терпится ее увидеть.

Пришвартованная к набережной широкая плоскодонная лодка ничем, пожалуй, не походила на венецианскую гондолу, возможно, потому, что служила для перевозки овощей. Шарлей, не скрыв разочарования, ловко прыгнул на палубу и уселся между корзинами. Рейневан поздоровался с лодочником. Полгода назад он вылечил ему ногу, жутко придавленную бортами двух барок, за что ежедневно курсирующий из Пшар до Бубнов

лодочник оплачивал ему бесплатной перевозкой. Ну, скажем, почти бесплатной — за минувшее полугодие Рейневан сподобился лечить лодочникову жену и двух его детей. Из шестерых.

Через минуту тяжелый от моркови, репы и капусты плашкоут отвалил от берега и, глубоко погрузившись, поплыл по течению.

Вода, кроме щепок и сучков, несла множество разноцветных листьев. Стоял сентябрь. Правда, исключительно теплый.

Они отделились от берега, проплыли через водосливную плотину и быстрину, вокруг которой шустро вились жерехи, преследующие стайки уклек.

— Среди многочисленных положительных сторон такого плавания, — быстро заметил Шарлей, — не менее важной является возможность поболтать, не опасаясь, что кто-нибудь подслушает. Так что можно продолжить вчерашнюю вечернюю беседу.

Вчерашняя беседа началась вечером и затянулась глубоко за полночь. Касалась она, разумеется, в основном событий последних месяцев — от таховской битвы до недавнего путча Гинека из Кольштейна и его последствий. Рейневан пересказал Шарлею все, что неделю назад узнал от Яна из Смижиц. И рассказал о своих намерениях. Намерений этих, как и следовало ожидать, Шарлей совершенно не одобрял. Не одобрял их ни вчера, ни сегодня.

— Это неразумно, — повторил он свое мнение. — Совершенное безумие возвращаться в Силезию и искать возможности отомстить. Если б я не знал тебя лучше, то подумал бы, что ты нисколько не поумнел за последние два года, да что уж там, решил бы, что еще больше поглупел. Но ведь все не так. Ты поумнел, Рейнмар, что доказывает твой поступок со Смижицким. Он был в твоих руках. И что? Ты отпустил его. Раздосадованный смертью брата, жаждущий реванша, а выпустил. Потому что, полагаю, заполучив его, ты понял всю бессмысленность такой мести. Ведь в смерти твоего брата виновен не Смижицкий. Биркарт фон Грелленорт, хоть, возможно, и убил Петерлина собственноручно, епископ вроцлавский Конрад, отдавший приказ, тоже не несут ответственности. Ибо убило-то Петерлина историческое время. Именно историческое время тогда, в 1425 году, привело Амброжа под Радков и Бардо. История, а не жители Кутной Горы, сбрасывала пойманных гуситов в шахтные стволы. Не Венгрия Люксембуржца, а история насиловала и резала баб в захваченных Лоунах. И не Жижка, а история убивала и сжигала живьем людей в Хомутове, Беруне и Чешском Броде. И именно история убила Гинека и Кольштейна. Ты хочешь мстить истории? Бичевать, как царь

Ксеркс батогами хлестал море?

Рейневан pokrutil головой. Но молчал.

Подплыли к острову Травник. С левого берега все еще несло гарью. В мае 1420 года, во время яростных боев с верным королю войском, Малу Страну подожгли настолько эффективно, что она почти целиком превратилась в пепелище — и фактически оставалась таковым по сей день. Правда, ее пытались отстроить, но как-то без сердца и запала. Ведь было бесчисленное множество других забот, история строго следила за тем, чтобы в них не случилось недостатка.

— В свете исторических процессов, — заговорил Шарлей, глядя на черные останки прибрежных мельниц, — можно принять, что ты уже отомстил за брата. Ибо идешь по его стопам, продолжаешь дело, которое не закончил он. Как наследство от брата принял причащение *subtraquespecie* и стал гуситом. Петерелин, я знаю, до меня дошли сведения, фактически был верующим утравкистом, искренне и по убеждению служил делу Чаши. Я говорю об этом, потому что не было недостатка в таких, которые делали это из других побуждений, порой весьма грязных и всегда весьма прозаичных. Но, повторяю, это не относится ни к твоему брату, ни, как мне думается, к тебе. Ведь ты искренне и вдохновенно, без тени расчетливости, борешься за дело веры, во имя которой твой брат позволил себя убить.

— Не знаю, как это получается, Шарлей, но в твоих устах самые возвышенные слова начинают звучать какой-то трактирной шуточкой. Я знаю, ты не привык уважать святое, но...

— Святое? — прервал демерит. — Рейнмар? Уж не ослышался ли я?

— Не приписывай мне, пожалуйста, — стиснул губы Рейневан, — ни вероломства, ни отсутствия собственного мнения. Да, меня сблизил с гуситами тот факт, что Петерелин погиб ради них, я знаю, каким человеком был мой брат, не колеблясь встаю на ту сторону, которую выбрал он. Но у меня есть свой ум, свой собственный. Я все обдумал и рассудил в душе. Комунию с Чашей я принял с полной убежденностью. Поскольку поддерживаю учение Виклифа, поддерживаю гуситов в вопросах литургии и интерпретации Библии. Я поддерживаю их мировоззрение и программу построения общественной справедливости.

— Какой, прости, справедливости?

— *Omnia sunt communia*, Шарлей! «Все — общее», в этих словах уместается вся божеская справедливость. Нет великих, нет малых, нет богатых, нет бедных. Все общее. Коммунизм! Разве это не звучит прекрасно?

— Давненько я не слышал чего-либо столь прекрасно звучащего.

— К чему такой сарказм?

— Не обращай внимания. Продолжай. Чем еще привлекли тебя виклифисты?

— Я всей душой и сердцем поддерживаю принцип *sola Scriptura* — только Писание!

— Ага.

— К Священному Писанию добавлять ничего не надо и невозможно, Писание достаточно прозрачно, чтобы каждый верующий мог понять его без комментариев с амвона. Между верующими и богом не требуются посредники. Пред Создателем все мы равны. Авторитет папы и церковных сановников можно признавать только в том случае, если он согласуется с волей Всевышнего и Священным Писанием. Особенное же положение дано священникам для того, чтобы исполнять обязанности, наложенные Христом и Писанием. Если священники не справляются с этими обязанностями, если грешат, то имущество и положение у них следует отобрать.

— О! — оживился Шарлей. — Отобрать? Прекрасно звучит. Такое звучание мне нравится.

— Не ехидничай. Ты никогда не задумывался, почему именно здесь, в Чехии, в Праге, от разнесенных константским костром искр загорелся такой пожар? Я скажу тебе: знаешь ли ты, сколько было священников в пражской диоцезии? Шесть тысяч! Сколько было монастырей? Сто шестьдесят! А знаешь ли ты, что в самой Праге каждый двадцатый человек носил рясу или сутану? А сколько было в Праге приходов? Сорок четыре. Во Вроцлаве, напомним, их девять. В одной только кафедре Святого Вита было ровно триста церковных должностей. Ты представляешь себе, какие деньги они вытянули из пребенд и аннат^[37]? Нет, Шарлей, дальше так продолжаться не могло и не может. Секуляризация церковных богатств абсолютно необходима. Клир владеет слишком большими ценностями и благами. Речь уже не о заветах Христа, о возвращении к евангельской бедности, к тому, как жили Иисус и апостолы. Столь гигантская концентрация благ и власти должна вызывать гнев и социальное напряжение. Это должно кончиться: их богатство, их алчность, их высокомерие, их спесь, их власть. Они должны возвратиться к тому, чем были, чем наказал им быть Христос: бедными и покорными слугами. И не Иоахим Флорский первым пришел к этому, не Оккам, не Вальдхаузер, ни Виклиф и не Гус, а Франциск Ассизский. Церковь должна измениться, реформироваться. Из церкви магнатов и политиков, гордецов и глупцов, мракобесов и лицемеров, из церкви инквизиторов, преступников,

выходящих из церкви во главе крестовых походов, из церкви таких тварей, как наш вроцлавский епископ Конрад, она должна преобразоваться в церковь Францисков.

— Ты горишь свой талант по госпиталям. Тебе надо быть проповедником. Однако же, разговаривая со мной, убавь немного пыл. В Таборе проповедников достаточно, и даже чрезмерно, до пресыщения, бывает, ради проповеди и обед отменяют. Так что смилуйся же над яичницей с сыром и малость попридержи язык. А то ты уже готов переехать на симонию и распущенность.

— Потому что и это правда! Никто не придерживается церковных обрядов и порядков. От Рима до самого низа, до самого захудалого прихода — ничего, только симония, распущенность, пьянство, деморализация. Тебя не удивляет, что возникают аналогии с Вавилоном и Содомом, что рождаются аналогии с Антихристом? Что в ходу поговорка: *omne malum a clero*^[38]? Поэтому я стою за реформу, и даже самую наирадикальнейшую.

Шарлей оторвал взгляд от пепелища иоаннитского приората и закопченных стен церкви Девы Марии.

— Говоришь, ты за реформу? Так я порадую твои уши рассказом о том, как мы, Божьи воины, воплощаем теорию в жизнь. В мае этого года, ты, вероятно об этом слышал, двинулись мы под предводительством Прокопа Голого с рейдом на Лужицы. Сожгли и разграбили несколько святынь, в том числе церквушки и монастырчики в Гиршфельде, в Остритце и в Бернштадте, а также, что тебя может заинтересовать, около Фридланда, во владениях Ульриха Биберштайна, кажется, дяди твоей любимой Катажины. Згорелец, хоть мы и штурмовали, взять нам не удалось, но в Любани, взятой в пятницу перед воскресеньем *cantate*, прихватили мы несколько попов и монахов, в том числе беглецов из Чехии, доминиканцев, которые в Любани нашли убежище. Этих Прокоп приказал обезглавить, ну, мы и обезглавили. Чешских попов сожгли, немецких забили или утопили в Квисе. Такую же по размерам бойню учинили четыремя днями позже в Злоторые... Что-то у тебя странное выражение лица. Я тебе наскучил?

— Нет. Но сдается мне, мы говорим о совершенно разных вещах.

— Неужто? Так, говоришь, ты хочешь изменить церковь? Вот я тебе и рассказываю, как мы ее изменяем. Напомню тебе, разнузданных прелатов уже реформировали даже короли: польский Болеслав Храбрый, английский Генрих II Плантагенет, Вацлав IV здесь, в Праге. Но что это дало? Один обезглавленный смутьян Станислав из Щепанова, один зарезанный наглый поп Томас Бекет, один утопленный аферист Ян из Помука. Капля в море!

Слишком нерадикально, розница вместо опта. Что до меня, то я предпочитаю методы Жижки, Прокопа, Амброжа. Явно видимые результаты. Ты говорил, что до революции каждый двадцатый пражанин ходил в сутане или рясе. А скольких ты сегодня встречаешь на улице?

— Немного. Осторожнее, wpłyваем под Каменный Мост, с него всегда плюют. А порой и... прости, ссут.

Действительно, на балюстрадах моста аж кипело от сорванцов, старающихся оплевать либо описать каждую проплывающую лодку, баржу. К счастью, внизу проплывало слишком много лодок, чтобы мальчишки успевали одарить всех. Лодке Рейневана и Шарлея подвалило счастье.

Течение несло их ближе к левому берегу. Они проплыли около зверски обезображенного дворца архиепископа и руин монастыря августинцев. А дальше, под малостранским пепелищем, над рекой вздымалась скала Градчан, гордо увенчанная Градом и остроконечными башнями кафедрального собора Святого Вита.

Лодочник толкнул шестом лодку в главное течение, они поплыли быстрее. Правый берег, за стеной, уже заполняла плотная староградская застройка, левый берег был более сельский — его почти полностью занимали виноградники. Некогда, до революции, они в основном принадлежали монастырям.

— Перед нами, — демерит указал на церковную башню на правом берегу, — Франциск, если я не ошибаюсь. Вылезаем?

— Еще нет. Подплывем к плотине. Оттуда до Суконнической три шага.

— Шарлей.

— Слушаю?

— Помедленнее немного. Нам не к спеху, а я хотел бы...

Шарлей остановился, помахал девушкам в мельнице, вызвав концерт пискливого смеха. Продемонстрировал согнутый локоть детворе, высовывающей языки и выкрикивающей детские оскорбления. Потянулся, глянул на солнце, посматривающее из-за церкви.

— Догадываюсь, чего б ты хотел.

— Я выслушал твои рассуждения об исторических процессах. Что, мол, месть — вещь бесплодная, Самсон повторяет это изо дня в день. Царь Ксеркс, бичующий море, жалок и смешон. Тем не менее...

— Внимательно слушаю. С возрастающим беспокойством.

— Я с колоссальным желанием добрался бы до сукиных сынов, убивших Петерлина. Особенно до того Биркарта Грелленорта.

Шарлей покачал головой, вдохнул.

— Именно этого я опасался, что ты это скажешь. Вспоминаешь ли ты, дорогой Рейнмар, Силезию двухлетней давности? Черных всадников, орущих: «Мы здесь!» Нетопырей в Цистерском бору? Тогда наши задницы спас Гуон фон Сагар. Если б тогда Гуон не подоспел вовремя, то кожа с наших задниц висела бы сейчас, прекрасно высушенная, у этого Биркарта над камином. Я уж не говорю о том мелком факте, что Биркарт скорее всего служит епископу Конраду, самой могущественной личности во всей Силезии, человеку, которому достаточно мизинцем шевельнуть, чтобы нас насадили на колья. Да и сам Грелленорт тоже не какой-нибудь обычный разбойник или колдун. Он ухитряется превращаться в птицу. Ты говоришь, хочешь до него добраться? А как, любопытно бы знать?

— Можно найти способ. Он всегда найдется, достаточно искреннего желания. И немного сметки. Я знаю, сумасшествие — возвращаться в Силезию. Но даже сумасшедшие предприятия могут осуществиться, если сумасшествовать по обдуманному плану. Правда?

Шарлей быстро взглянул на него.

— Замечаю, — заметил он, — явное и любопытное влияние твоих новых знакомств. Я говорю, разумеется, об известной компании из аптеки «Под архангелом». Не сомневаюсь, что у них можно многому научиться. Дело в том, чтобы уметь из множества выделить то, чему следует учиться серьезно. Как у тебя с этим?

— Стараюсь.

— Похвально. А скажи, как ты вообще стакнулся с ними? Было, наверно, нелегко?

— Верно, нелегко. — Рейневан улыбнулся своим воспоминаниям. — Правду говоря, понадобился граничащий с чудом случай, стечение обстоятельств. И представь себе, нечто такое случилось. В некий жаркий день лета Господня 1426-го.

Сватоплук Фраундинст, главный врач госпиталя Крестоносцев со Звездой у Каменного моста, был мужчиной в самом соку, статным и красивым настолько, что мог без особых усилий соблазнять и при любой возможности трахать работающих в госпитале дореволюционных бенедиктинок, изгнанных гуситами из их собственного монастыря. Не было практически ни одной недели, чтобы не удавалось услышать, как охает, стонет и призывает всех святых девушка, которую доктор затащил к себе в кабинет.

То, что Сватоплук Фраундинст был чародеем, Рейневан подозревал с самого начала, с того дня, когда начал работать у госпитальеров и

ассистировать хирургу при операции. Во-первых, Сватоплук Фраундинст, бывший вышеградский каноник, *doctor medicinae* Карлова университета, имеющий *licentia docendi*^[39], близкого сотрудника знаменитого Бруно из Осенбруге. Мэтр Бруно из Осенбруге был в свое время ходячей легендой европейской медицины, а Матфея из Бехини сильно подозревали в тяге к алхимии и магии — как белой, так и черной. Сам факт, что Сватоплук Фраундинст занимается хирургией, тоже говорил о многом — университетские медики рук хирургией не пачкали, предоставляя это палачам и цирюльникам, не опускались даже до флеботомии^[40], возносимой с собственных кафедр как ремедиум против всего. Лекари же, будучи магами, хирургии не сторонились и были в ней знатоками — а Фраундинст был хирургом прямо-таки невероятно хорошим. Если к этому добавить типичные маньеризмы в речи и жестах, если приплюсовать совершенно открыто носимый перстень с пентаграммой, если прибавить на первый взгляд несущественные и как бы случайные намеки, то можно было быть почти уверенным в данном вопросе. То есть в том, что Сватоплук Фраундинст поддерживает с чернокнижниками контакт более чем мимолетный и что пытается прощупать Рейневана на подобные обстоятельства. Естественно, Рейневан был осторожен, лавировал и обходил ловушки по возможности ловко. Времена были трудные, и уверенным нельзя было быть ни в чем и ни в ком.

Но однажды, в июле, в канун Святого Иакова Апостола^[41] случилось, что в больницу принесли с близлежащей лесопилки пыльщика, серьезно раненного зубом пилы. Кровь хлестала как из ведра, а Фраундинст, Рейневан и дореволюционная бенедиктинка делали все, что могли, чтобы ее остановить. Дело шло неважно, возможно, из-за размеров раны, возможно, просто день был неудачный. Когда в очередной раз кровь из артерии брызнула Сватоплуку прямо в глаз, доктор так безобразно, так грязно выругался, что бенедиктинка сначала покачнулась, а потом и вовсе убежала. А доктор применял вяжущее заклинание, именуемое также «чарой Алкмены». Он сделал это одним жестом и одним словом, Рейневан в жизни не видел столь ловко брошенного заклинания. Артерия закрылась немедленно, кровь моментально начала чернеть и сворачиваться. Фраундинст повернул к Рейневану залитое кровью лицо. Было ясно, чего он хочет. Рейневан вздохнул.

— *Quare insidiaris animae meae?* — пробормотал он. — Зачем тебе моя жизнь, Саул?

— Я выдал себя, ты тоже должен, — ощерился колдун. — Ну,

осторожная Аэндорская волшебница. Не бойся. *Non veniet quicquam mali*.

Они произнесли заклинание вместе, *unisono*, силой мощной коллективной магии связав и приведя в порядок все сосуды.

— И этот *doctor medicinae*, — догадался Шарлей, — ввел тебя в конгрегацию магов, собирающихся в аптеке «Под архангелом». Ту, к которой мы сейчас приближаемся.

Шарлей правильно догадался. Они были на Суконнической, аптеку уже было видно за рядами прядильных и ткацких мастерских и мануфактурных лавок. Над входом высоко над дверью нависал эркер с узенькими оконцами, украшенный деревянной фигурой крылатого архангела. Фигуру достаточно крепко погрызли зубья времени, и трудно было узнать, который это из архангелов. Рейневан никогда не спрашивал. Ни в первый раз, когда Фраундинст привел его сюда в 1426 году, в четверг, пришедшийся на день казни Иоанна Крестителя^[42], ни позже.

— Прежде чем мы войдем, — Рейневан снова остановил Шарлея, — еще вот что. Просьба. Очень прошу тебя сдерживаться.

Шарлей топнул, чтобы оторвать от башмака остатки кучи, на первый взгляд, вроде бы собачьей, хотя уверенности не было, кругом вертелись и дети тоже.

— Мы, — проговорил с нажимом Рейневан, — кое-что должны Самсону.

— Во-первых, — Шарлей поднял голову, — ты это уже говорил. Во-вторых, это не подлежит сомнению. Он наш друг, этих слов вполне достаточно.

— Я рад, что ты так к этому подходишь. Веришь или не веришь, сомневаешься или нет, но смирись с фактом. Самсон заперт в нашем мире. Он словно инклюз заключен в чуждую ему телесную оболочку, согласись, не самую лучшую. Он делает все, чтобы высвободиться, ищет помощи... Быть может, наконец найдет ее здесь, в Праге, «Под архангелом», быть может, именно сегодня... Потому что как раз...

— Потому что как раз, — с легким признаком нетерпения прервал демерит, — прибыл из Зальцбурга и остановился «Под архангелом» всемирной славы магик, *magnus nigromanticus*^[43]. То, что не удалось пражским колдунам, быть может, удастся ему. Ты об этом уже говорил. По меньшей мере несколько раз.

— А ты всякий раз фыркал и строил ехидные мины.

— Это у меня непроизвольно. Так я реагирую, когда слышу о магии,

об инклюзах...

— Поэтому я прошу тебя, — довольно резко отрезал Рейневан, — сегодня сдержать свои порывы. Чтобы ты, помня о дружбе с Самсоном, не фыркал и не строил мин. Обещаешь?

— Обещаю. Не буду строить мин. Лицо мое — камень. Ни разу, пусть накажет меня Бог, не рассмеюсь, когда речь пойдет о чарах, о демонах, о параллельных мирах и бытиях, об астральных телах, о...

— Шарлей!

— Молчу. Заходим?

— Заходим.

В аптеке было темно, ощущение мрака усиливал цвет обивки и мебели; когдаходишь с солнца, как они сейчас, несколько мгновений не видишь абсолютно ничего. Можешь только стоять, моргать и вдыхать тяжелый запах пыли, камфоры, мяты, меда, амбры, селитры и скипидара.

— К вашим услугам, милостивые государи... К услугам... Ваши милости желают?

Из-за прилавка — точно так же, как год назад, в день усекновения главы Иоанна Крестителя, проявился, поблескивая в полумраке лысиной, Бенег Кейвал.

— И чем же, — спросил он точно так же, как тогда. — И чем же я могу служить?

— *Cremor tartari*^[44], — равнодушно спросил Сватоплук Фраундинст, — у вашей милости есть?

— *Cremor*, — аптекарь потер лысину, — *tartari*?

— Именно. Кроме того, мне нужно немного *unguentum populeum*^[45].

Рейневан от изумления сглотнул. Из того, что он услышал, было ясно, что Сватоплук Фраундинст должен был быть в аптеке «Под архангелом» посетителем знакомым и уважаемым, а меж тем лысый аптекарь, казалось, делал вид, будто встречает его впервые в жизни.

— Есть *unguentum*, свежеприготовленный. А вот с *cremor tartari* сейчас туговато... Много надо?

— Десять драхм.

— Десять? Ну, столько-то, возможно, найдется. Поищу. Входите, господа, внутрь.

Лишь гораздо позже Рейневан узнал, что приветственный ритуал, с виду идиотский, был вполне обоснованным. Конгрегация аптеки «Под архангелом» действовала в глубокой тайне. Если все было в порядке, то

посетитель просил два, всегда два лекарства. Если просил одно, это значило, что его шантажируют либо за ним следят. Если в самой аптеке была засада и ловушка, Бенеш Кейвал сказал бы, что они смогут получить только половину из запрошенных количеств.

За прилавком, за дубовыми дверями, скрывалась настоящая аптека — с типичным для аптеки содержанием: не обошлось тут, конечно, без тысячи ящичков, в избытке имелись баночки и бутылки темного стекла, латунные ступки, а также весы. С бревенчатого потолка свисал на шнуре высушенный уродец, стандартная декорация чародейских мастерских, аптек и шарлатанских домишек — сирена, полуженщина-полурыба, в действительности оказывавшаяся препарированным скатом. Соответственно разделанная, разложенная на доске и высушенная рыба действительно обретала «сиренью» внешность — ноздри изображали глаза, а выломанные хрящи плавников — руки. Фальшивки изготавливали в Антверпене и Генуе, куда скаты попадали от арабских купцов или предприимчивых португальских моряков. Некоторые были выполнены так искусно, что только с величайшим трудом их удавалось отличить от реальных морских сирен. Однако существовал безотказный критерий аутентичности — реальные сирены были по меньшей мере в сто раз дороже подделок и ни одна аптека была не в состоянии их купить.

— Антверпенская работа. — Шарлей глазом знатока оценил высушенную мерзость. — Я когда-то сам загнал несколько подобных. Шли запросто. Во Вроцлаве в аптеке «Под золотым яблоком» одна висит до сих пор.

Бенеш Кейвал с интересом взглянул на него. Единственный из магиков «Архангела», он не был университетским сотрудником. И даже не обучался там. Аптеку он просто унаследовал. Однако был он несравненным фармацевтом и мастером приготовления лекарств — чародейских и обычных. Его специальностью был афродизиак из истертых в порошок пластинчатых грибов, орешков пинии, кориандра и перца. Шутили, что после употребления этого препарата даже покойник с катафалка соскакивал и вприпрыжку мчался в бордель.

— Проходите, господа, в заднюю комнату. Все уже там. Ждут вас.

— А ты, Бенеш? Не пойдешь?

— Хотелось бы, — вздохнул аптекарь, — но мое место за прилавком. Люди приходят непрерывно. Предсказываю скверную судьбу этому свету, если в нем столько больных, болезненных и осужденных на лекарства.

— А может, — усмехнулся Шарлей, — это всего лишь ипохондрия?

— Тогда могу предсказать этому свету еще более худшую судьбу. Поторопитесь, господа. Да, Рейневан, осторожнее с книгами.

— Буду осторожен.

Из аптеки выход вел во двор. Зеленый от мха колодец насыщал воздух нездоровой влажностью, ему активно помогал в этом осеняющий стену сучковатый куст черной бузины, вырастающий, казалось, не из земли, а из кучи подгнивших листьев. Куст прекрасно маскировал небольшую дверцу. Дверная коробка была почти целиком затянута паутиной. Толсто и густо. Было ясно, что сквозь эту дверь никто не проходил долгие годы.

— Иллюзия, — спокойно пояснил доктор Сватоплук, погружая руку в дебри паутины. — Иллюзорная магия. Впрочем, простая. Прямо-таки школьная.

Дверь, стоило ее толкнуть, отворилась внутрь — вместе с иллюзорной паутиной, выглядевшей после того, как дверь открыли, словно вырезанный ножом шмат толстого войлока. За дверью была винтовая лестница, ведущая вверх. Ступени были крутые и настолько узкие, что поднимающиеся по ним никак не могли избежать того, чтобы не испачкать плечи штукатуркой со стен. Через несколько минут подъема оказывались перед очередной дверью. Эту уже никому не хотелось маскировать.

За дверью была библиотека. Полная книг. Кроме книг, свитков, папирусов и нескольких странных экспонатов, там не было ничего. На большее не хватило места.

Кучи инкунабул лежали прямо-таки везде, невозможно было шага ступить, чтобы не споткнуться о что-нибудь вроде «*Summarium philosophicum*» Николаса Фламея, «*Kitab al-Mansuri*» Разеса, «*De expositione specierum*» Мориенуса или «*De imagine mundi*» Гервазия из Тильбури. При каждом неосторожном шаге болезненно ранил щиколотку окованный угол переплета произведения такого веса, как «*Semita recta*» Альберта Великого, «*Perxpectiva*» Уителона или «*Illustria miracula*» Цезаря из Хайстербаха. Достаточно было невнимательно задеть стеллаж, и на голову валилась, увлекая облака пыли, «*Philosophia de arte occulta*» Артефия, «*De universo*» Вильгельма из Оверни либо «*Opus de natura rerum*» Томаса из Кантимпре.

Во всем этом бедламе можно было случайно налететь на что-то, что не рекомендовалось трогать, не соблюдая надлежащей осторожности. Потому что случалось, что гримуары, трактаты о магии и списки заклинаний выделяли чары сами и самопроизвольно, достаточно было невнимательно

тронуть, ударить, толкнуть — и несчастье тут как тут. Особенно опасен был в этом смысле «Grand Grimoire». Очень опасными могли оказаться также «Aldaraia» и «Lemegeton». Уже во время второго посещения «Под архангелом» Рейневану случалось сбросить с заваленного книгами и свитками стола толстенный томище, который оказался ни много ни мало «Liber de Nyarlathotep». В тот самый момент, когда древняя и липкая от жирной пыли инкунабула ударилась о пол, стены задрожали, и взорвались четыре из стоявших на шкафу банок с гомункулусами. Один гомункулус превратился в бесперую птицу, второй — во что-то вроде осьминога, третий — в пурпурного и агрессивного скорпиона, а четвертый — в миниатюрненького папу римского в торжественном облачении. Прежде чем кто-либо успел что-либо предпринять, все четверо превратились в зеленую отвратно воняющую мазь, причем карликовый папа еще успел выкрикнуть: «*Beati immaculati, Gthulhufhtagn!*» Убирать пришлось чертовски много.

Инцидент развеселил большинство архангельских чародеев, однако некоторые не грешили чувством юмора, и Рейневан, мягко говоря, не вырос в их глазах. Но только один из магиков еще долго после случившегося смотрел на него волком и крепко давал ему почувствовать, что такое антипатия.

Этим последним был, как легко догадаться, библиотекарь, он же смотритель.

— Привет, Щепан!

Щепан из Драготуш, смотритель, оторвал глаза от богато иллюстрированных страниц «*Archidoxo magicum*» Аполония Тианского.

— Привет, Рейневан, — улыбнулся он. — Приятно снова тебя видеть. Давненько ты не заходил.

Крепко пришлось Рейневану потрудиться, чтобы после библиотечного происшествия оздоровить отношения со Щепаном из Драготуш. Но он сделал это, причем с результатом, превышающим все ожидания.

— А это, — библиотекарь почесал нос пальцами, грязными от пыли, — похоже, пан Шарлей, о котором я столько слышал? Приветствую, приветствую.

Происходивший из старинной моравской шляхты Щепан из Драготуш был юристом, августинцем и — разумеется — чернокнижником. С магами конгрегации «Архангела» знался давным-давно, еще с университета, но навсегда перебрался в аптекарский тайник лишь в 1420 году, после того, как его градчанский монастырь был разрушен и сожжен. В отличие от остальных магиков аптеку — вернее, библиотеку, — он не покидал почти

никогда, в городе не бывал. Он был ходячим библиотечным каталогом, знал о каждой книге и каждую мог быстро отыскать — в условиях царящего в помещении хаоса это была способность просто неоценимая. Рейневан очень ценил дружбу с моравцем и проводил в библиотеке долгие часы. Его интересовали траволечение и фармацевтика, а книгохранилище «Архангела» в этом смысле было неоценимой кладезью знаний. Кроме травников, перечней лекарств, классических и знаменитых фармакопей авторства Диоскурида, Страбона, Авиценны, Хильдегарды из Бингена или Николая Пшеложонего, библиотека скрывала истинные богатства. Была там «Kitab sirr al Asar» Гебера, была «Sefer Ha-Mirkahot» Шаббетая Донноло, были неизвестные произведения Маймонида, Хали, Апулея, Геррады из Ландсберга и другие *antidotaria, dispensatoria, ricettaria*, каких Рейневан до того никогда не видел и о каких никогда не слышал. И сомневался, чтобы о них слышали в университетах.

— Ладно. — Щепан из Драготуш закрыл книгу и встал. — Пошли в нижнюю комнату. Пожалуй, мы попадем в самое время, потому что, наверно, скоро будет конец. Вообще-то это довольно экстравагантно, начинать конъюрацию не в полночь, как делает каждый нормальный и уважающий себя чародей, а в первый час дня, но что ж... Не мне критиковать действия такого человека, как *valde venerandus et eximius*^[46] Винцент Реффин Акслебен из Зальцбурга, живая легенда, ходячая слава и мэтр мэтров. Ха, действительно любопытствую, что мэтр мэтров будет делать с Самсоном.

— Он прибыл вчера?

— Вчера под вечер. Поел, выпил, поинтересовался, в чем мог бы нам помочь. Ну так мы представили ему Самсона. Недостижимый вскочил и собрался уходить, убежденный, что мы издеваемся над ним. Самсон использовал ту же самую штучку, что сыграл с нами в прошлом году: пожелал ему здоровья по-латыни, а повторил на койне^[47]. И по-арамейски. Надо было видеть мину почтенного мэтра Винцента! Но это подействовало так же, как некогда на нас. Почтенный Винцент Реффин взглянул на Самсона любопытнее и ласковее и даже улыбнулся. Настолько, насколько ему позволяли мускулы лица, перманентно застывшие в гримасе столь же угрюмой, сколь и пренебрежительной. Потом они вдвоем заперлись в *occultum*^[48].

— Только вдвоем?

— Мэтр мэтров, — усмехнулся моравец, — экстравагантен и в этом. Больше всего почитает деликатность. Даже если это очень близко к

бестактности, чтобы не сказать — издевке. Старый знахарь у нас здесь, зараза его возьми, оказался в качестве гостя. Мне это не мешает, я чихал на это, Бездиховский выше этого, но Фраундинст, Теггендорф, Телесма... Аккуратно говоря, взбесились. И от всего сердца желают Акслебену поражения. Мне кажется, их пожелание исполнится.

— То есть?

— Он совершает ту же ошибку, что и мы в Трех Королях. Помнишь, Рейнмар?

— Помню.

— Посему поспешим. Сюда, пан Шарлей.

Из библиотеки выход вел на галереи — по лестнице вниз на нижний этаж, где оказывались перед окованной железом дверью. Дверь была помечена рисунком: овалом, в котором размещался бронзовый змей Моисея, *serpens mercurialis*^[49]. Над змеем была изображена чаша, из которой вырастали Солнце и Луна. Ниже поблескивали литеры V.I.T.R.I.O.L., означающие *Visita Inferiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem*, тайная трансмутирующая формула алхимиков.

Щепан из Драготуш дотронулся до двери, проговорил заклинание. Дверь с лязгом и скрежетом отворилась. Они вошли. Шарлей глубоко вздохнул.

— Недурно, — проворчал он, оглядываясь. — Недурно... Признаю.

— Я, — усмехнулся Рейневан, — в первый раз тоже был поражен. Потом привык.

В занимающей огромный винодельческий подвал алхимической лаборатории работа не прекращалась, всегда что-нибудь да происходило, независимо от того, было ли это в праздник, в пятницу или в воскресенье. Тут работали не покладая рук. Никогда не угасали печи и атаноры^[50], грея немилосердно, что было приятно зимней порой, да и летом тоже, если на улице холодало. В атанорах происходило кальцинирование и выпаривание, самые различнейшие вещества переходили от фазы *albedo* к фазе *nigredo*, выделяя при переходе чудовищную вонь. В колбах постоянно что-то фильтровалось, дистиллировалось или экстрагировалось, чему сопутствовали бурные эфervesценции^[51] и еще большая вонь. В огромных алюделях^[52] кислоты воздействовали на металлы, после чего металлы неблагородные трансмутировали в благородные, с лучшим или худшим эффектом. В тиглях кипел ртуть, то есть *argentum vivum*^[53], плавилась в купелях сера, выделялась в ретортах нитра^[54] и осаждалась соль, а

испарения выжимали слезы из глаз. Что-то там растворялось, что-то сублимировалось, во все стороны брызгала кислота, проедаая дыры в страницах лежащих на столах бесценных экземпляров «De quinta essentia» Раймонда Луллия, «Speculum alchemiae» Роджера Бэкона и «Theatrum chemicum» Арнольда Виллановы. На полу стояли, ужасно воняя, котлы, наполненные *caput mortuum*^[55].

Обычно — также и тогда, когда Сватоплук Фраундинст привел сюда Рейневана в первый раз — в лаборатории работали по меньшей мере три или четыре алхимика. Сегодня — исключение! — был только один.

— День добрый, мэтр Эдлингер!

— Пожалуйста, не подходите, — проворчал алхимик, не отрывая глаз от большой колбы, стоящей на подогреваемом песке. — В любой момент может взорваться!

С Эдлингером Бремом, лицензиатом из Гейдельберга, познакомился в Майнце, пригласил и привез в Глубчицы князь Вацлав, сын Пжемка Оповского. Какое-то время мэтр Эдлингер знакомил юного князя с алхимической теорией и практикой. У Вацлава — как у многих современных ему княжеских отпрысков — был бзик на пунктике алхимии и философского камня, поэтому Брем жил в пышности и благополучии до тех пор, пока на него не обратила особого внимания Инквизиция. Когда в глубчицком воздухе запахло костром, алхимик сбежал в Пражский университет, где его застала буря 1419 года. Выделяющемуся, чужому, не говорящему по-чешски немцу наверняка выпали бы на долю тяжкие времена. Но с ним познакомилась и спасли магии из «Архангела».

Эдлингер Брем схватил колбу железными клещами и влил кипящую синюю жидкость в чашу, полную чего-то, что напоминало лягушачью икру. Зашипело, задымилло, чудовищно засмердело.

— *Sakradonnerwetterhimmelkreuzalleluja!*^[56] — Было ясно, что алхимик ожидал гораздо лучшего эффекта. — *Eine totalz kurvene Sache! Scheisse, Scheisse und noch einmal Scheisse!*^[57] Вы еще здесь? Я занят! Ага, понимаю... Идете посмотреть, как у Акслебена получилось с Самсоном?

— Именно так, — подтвердил Щепан из Драготуш. — Идем. А ты — нет?

— В принципе... — Эдлингер Брем вытер руки о тряпку; взором, полным сожаления, глянул на чашу дымящейся икры. — В принципе-то могу пойти. Здесь меня уже ничто не держит.

В глубине алхимической лаборатории, в скромном уголке за скромной

занавесью, прятались дверцы. Для непосвященного — если б таковой когда-либо ухитрился сюда проникнуть — это был чуланчик, забитый горшками, ящиками, бочонками и бутылками. Посвященные поворачивали скрытый в одном из бочонков рычаг, проговаривали заклинание, и стена отодвигалась, являя взорам темное отверстие, из которого несло могилой. Во всяком случае, таким было впечатление при первом посещении.

Эдлингер Брем магически зажег магический фонарь, пошел первым. Щепан из Драготуш, Рейневан и Шарлей вошли следом, вступили на ступени лестницы, спиралью извивающейся вдоль стен мрачной и, казалось, бездонной шахты. Снизу несло холодом. И влагой.

Щепан из Драготуш повернулся.

— Помнишь, Рейневан?.. Мы были с ним не посреди чертога; // То был, верней, естественный подвал // С неровным дном, и свет мерцал убого [58].

— Самсон Медок, — тут же догадался Шарлей, — то есть я хотел сказать Данте Алигьери, «Божественная комедия». Любимое поэтическое произведение нашего друга.

— Несомненно, — улыбнулся моравец, — любимое. Ибо очень часто повторяемое. Здесь, на этих ступенях, вашему другу вспоминалась не одна цитата из *Inferno* [59]. Ты, ваша милость, как вижу, хорошо знаешь его с этой стороны.

— Я узнал бы его по этому на краю света.

По лестнице они спускались неглубоко, всего на два этажа, шахта была гораздо глубже, Ступени скрывались в черном мраке, из которого долетал плеск воды. Естественная пещера, история которой терялась в глубине веков, достигала уровня Влтавы. Кто и когда обнаружил пещеру, кто и для чего ее использовал, чьей собственностью было стоящее здесь на протяжении веков маскирующее вход строение — не знал никто. Многие указывало на кельтов — стены пещеры были покрыты полустершимися, заросшими мхом рельефами и изображениями, среди которых преобладали характерные мистерии, перепутавшиеся орнаменты и заполненные извивающимися линиями круги. Тут и там появлялись не менее характерные кабаны, олени, кони и рогатые человеческие фигуры.

Эдлингер Брем толкнул массивную дверь. Они вошли.

В подземной комнате, именуемой «нижняя», за накрытым столом сидели остальные маги «Архангела» — Сватоплук Фраундинст, Радим Тврдик, Йошт Дун, Вальтер фон Теггендорф. А также Ян Бездеховский из

Бездехова.

Йошт Дун, по прозвищу Телесма, был, как и Щепан из Драготуш, некогда монахом — это выдавали волосы, торчащие после того, как тонзура отросла, бестолково, прядями над ушами, из-за чего обладатель прически немного напоминал филина. Из того, что Рейневан знал о нем, Телесма с юных лет занимался тем, что *ora et labora*^[60] в монастыре бенедиктинцев в Опатовицах, там же вступил в первые контакты с тайными науками. Потом учился в Гейдельберге, где совершенствовал магические знания. Он был абсолютным авторитетом, когда речь шла о талисманах, как в области теоретических знаний предмета, так и в практическом изготовлении амулетов. Он составлял также вполне удачные гороскопы, которые продавал различным лжепророкам, псевдоастрологам и какбыворожеем, неплохо на этом зарабатывая. Наряду с поступлениями от аптеки заработка Йошта Дуна составляли основной источник доходов конгрегации.

Немолодой уже Вальтер фон Теггендорф проходил курс наук в Вене, Болонье, Коимбре и Саламанке, имел *facultas docendi*^[61] во всех этих учебных заведениях. Его отличало огромное, прямо-таки благоговейное отношение к медицине, алхимии и арабской магии, особенно к Геберу и Алькинди или, как говорил он сам, к Мусе Зафару эль Суфи Аль Джабиру и Йа'кубу ибн Саббаху аль Кинди. Увлечения Теггендорфа нашли выход в его подходе в проблеме Самсона. По его мнению, всему виной были джинны. Самсон в его теперешнем обличье, утверждал он, является маджуном, то есть человеком, в тело которого более могущественный джинн заключил — в качестве наказания — побежденного меньшего джинна. Против таких «заключений», заявил немецкий чародей, способов не существует. Единственное, что можно сделать, это «культурно» вести себя и ожидать высвобождения.

Reverendissimus doctor^[62] Ян Бездеховский из Бездехова был самым старшим, самым опытным и самым решительным из чернокнижников «Архангела». Мало кто знал о нем что-нибудь ближе, сам он о себе говорить не любил и не говорил. Лет ему было — что уже само по себе граничило с чудом и свидетельствовало о весьма недюжинных магических силах — не меньше семидесяти, поскольку было известно, что он преподавал в Сорбонне во время правления Карла V Мудрого, умершего в 1380 году, а в соответствии с положением университетский преподаватель не мог быть моложе двадцати одного года. Среди заведений, в которых он обучался и в которых обучал, наверняка были Париж, Падуя, Монпелье и Прага — и этими четырьмя список скорее всего не исчерпывался. Ходил

слух, что в Праге Бездеховский ввязался в серьезный спор и резкую частную перепалку с ректором, знаменитым Яном Шинделем. Истоки конфликта, о котором Рейневан слышал уже во время учебы в академии, известны не были, однако это стало причиной ухода Бездеховского из университета и разрыва всех контактов с ним. После 1427 года Бездеховский просто исчез. Все ломали себе головы, пытаясь узнать, куда он подевался. Рейневан ломал тоже. А теперь уже знал.

— Привет, юноша, — сказал Бездеховский. Один он из всего общества не называл Рейневана по имени. — Приветствую и тебя, пан Шарлей, слава твоя тебя опередила. Дошло до нас, что ты уже второй год сидишь у таборитов. Как там, на войне? Что слышно?

Ян Бездеховский единственный из сообщества не интересовался политикой. Военные события, которыми жила вся Прага, тоже были старику безразличны. Спрашивал он исключительно из вежливости.

— Ну что ж, на войне все хорошо, — вежливо ответил Шарлей. — Наши бьют ненаших. Я хотел сказать: хорошие бьют плохих. Иначе говоря, Порядок побеждает Хаос. А бог, стало быть, ликует.

— Ах, ах, — обрадовался пожилой чародей. — Это воистину прекрасно! Садись со мной, пан Шарлей, расскажи...

Рейневан подсел к остальным магам. Радик Тврдик налил ему вина, судя по букету — испанского алиготе.

— Как дела? — спросил Щепан из Драготуш, движением головы указывая на закрытую дверь, ведущую в *Occultum*, залы дивинаций^[63] и конъюраций. — Есть результаты? Или хотя бы знаки на небе и земле?

Сватоплук Фраундинст фыркнул. Телесма тоже, причем не оторвал глаз от тщательно полируемого пастой талисмана.

— *Herr Meister* Акслебен, — сказал Теггендорф, — предпочитает работать в одиночестве. Он не любит, когда к нему заглядывают через плечо. Он тщательно оберегает свои таинственные методы.

— Даже от тех, у кого гостит, — кисло прокомментировал Фраундинст. — Тем самым показывая, кем их считает. Ворюгами, угрожающими его секретам. Не иначе как перед сном прячет под подушку кошель и туфли, чтобы мы их не сперли.

— Он начал на восходе солнца, — заметил Радим Тврдик, видя, что Рейневана больше интересует Самсон Медок, чем мнение собравшихся о Акслебене. — Действительно, он — один на один с объектом, то бишь с Самсоном. Он не хотел помощи, хоть мы предлагали. Не просил ни о чем, ни об инструментах, ни о кадиле, ни об *aspergillum*^[64]. Вероятно, у него

есть какой-то могучий артефакт.

— Или правда то, — добавил Брем, — что говорят о *Manus fortis*^[65].

— Мы его не недооцениваем, — заверил Телесма. — Ведь, несмотря ни на что, это Винцент Акслебен, *magnus experimentator et nigromanticus*^[66]. В знаниях магии у него недостатка наверняка нет. Это грассмейстер. Так что он вправе быть несколько экстравагантным.

— Какое трудное слово, — поморщился Фраундинст. — В Малой Шмедаве, моем селе, таких, как Акслебен, не называли экстравагантными. А говорили прямо, просто и обыкновенно: зазнавшийся, надутый.

— Идеальных людей не бывает, — констатировал Теггендорф. — Винцент Акслебен — человек. А то, что методы работы у него странные? Ну что ж, посмотрим, как оправдаются такие методы. Узнаем и оценим, как велит Писание: *ex fructibus eorum*^[67].

— Побьюсь об заклад, — не сдавался Сватоплук, — фрукты эти будут кислые и неудачные. Кто хочет поспорить?

— Я — точно нет, — пожал плечами Щепан из Драготуш. — Потому что не снимают виноград с терновника или с чертополоха фиг^[68]. У Акслена ничего не получится с Самсоном, результат будет такой же, как у нас в «Трех Царях». То есть никакой. Акслена погубит то же, что погубило нас: спесь и тщеславие.

На железной треноге тлело и испускало тонкую струйку дыма фумигационное кадило — классическая, рекомендуемая большинством справочников смесь алое и мускатного ореха. Самсон, погруженный в транс, лежал на большом дубовом столе. Он был совершенно гол, на его огромном, почти безволосом теле виднелись различные чародейские и кабалистические знаки, выписанные магическим инкаустом из цинобра, алука и куперваса^[69]. Он лежал так, чтобы голова, руки и ноги касались соответствующих точек на Кругу Соломона — гербайских литер Ламед, Вав, Йод, Каф и Нун. Окружали его девять черных свечей, мисочка с солью и чаша с водой.

Стоящие на противоположных углах стола Теггендорф и Брем, оба в свободных церемониальных одеяниях, читали вполголоса требуемые псалмы. Сейчас они оканчивали *Esse quam bonum*^[70] и начинали *Dominus in luminatio mea*^[71].

Бездеховский приблизился. На нем было белое одеяние и длинный, в локоть, остроконечный, покрытый иероглифами колпак. Он держал *athame*: обоюдоострый кинжал с рукоятью из слоновой кости, абсолютно

необходимый при гоэции^[72] реквизит.

— *Athame*, — громко проговорил он. — Ты, коий есть Атанатос, не знающий смерти, и коий есть *Al-dhame*, знак крови! *Conjuro te cito mihi obedire! Hodomos! Helon, Heon, Homonoreum! Dominus inluminatio mea et salus mea, quem timebo? Dominus protector vitae meae a quo trepidabo?*

Бездеховский поочередно коснулся острием *athame* пламени, воды и соли.

— Заклинаю тебя, — проговаривал он всякий раз, — Сущность Огня, во имя Силы: да отойдет от тебя призрак и фантом ночной. Заклинаю тебя, Сущность Воды, во имя Силы, изринь из себя нечистость и пороки всяческие. Во имя Силы, во имя Амбриеля и Эгесатиеля, будь благословенна, Сущность Соли, да покинет тебя злая воля демонов. И да возвратится на ее место добро Творца...

Ассистирующий старцу Сватоплук Фраундинст приблизился, подал ему *arctrave*, нож, оканчивающийся крюком. Бездеховский проделал им в воздухе четыре ритуальные движения.

— Всеми именами Бога, Адонаи, Эль, Элоим, Элоэ, Зебаоф, Элион, Эскерзис, Йах, Тетраграмматон, Садаи, приказываем вам, демоны, кружащие здесь и пребывающие в своем астральном виде, встать пред нами в приличном, человеческом обличье, не искаженном никакой деформацией или чудовищностью, способными к речи складной и разумной, способными отвечать на вопросы, кои будут вам заданы. Прибудьте и будьте нам послушны, приказываю вам именами Даниеля, Гедиеля и Фесдониеля, именами Кларимума, Хабданума и Инглотума! Прибудьте!

Разумеется, ничего не случилось, никто не прибыл и никто не явился. Но на этом этапе конъюрации такое было скорее всего нормально.

— *Ego vos invoco arctrave et invocando vos conjure per eum cui obediunt omnes creaturae, et per hoc nomen ineffabile, Tetragrammaton Jehovah, in quo est plasmatum omne saeculum, quo audito elementa corruunt, ar concutitur, mare retrograditur, ignis extinguitur, terra tremit, omnesque exercitus Coelestium, Terrestrium et Infernorum tremunt et turbantur!*

— *Venite, venite, quid tardatis? Imperat vobis Rex regum!* Титеип, Азия, Ген, Джен, Миносель, Ахадан, Вай, Эй, Хаа, Эйе, Эксе, Эль, Эль, Ва, Ваа, Бааааа!

По мере произнесения заклинаний голос мага крепчал, уходил во все более высокие регистры, под конец это уже был почти вой, нечеловеческий, противоестественный визг. Воздух ощутимо дрожал, свечи начали искрить и пригасли. Неожиданно запахло зверинцем, повеяло смрадом гниения и

львиной мочи. Мрак, заполнивший комнату, сгустился, принял какую-то форму, вздулся словно кучевое облако. Внутри облака что-то шевелилось, переливалось, извивалось словно угри в мешке, словно клубок змей, Рейневан видел, как в этом клубке неожиданно загорелись кроваво-красные глаза, как защелкали страшные зубатые пасти, как замаячили чудовищные физиономии. Его изумление быстро начало сменяться паникой. Не только от страха перед этой кошмарной чудовищностью. Но и от мысли, что Самсона действительно может с нею что-то связывать.

Но Ян Бездеховский из Бездехова — несомненно — был могущественным магом, держал проблему под контролем. От силы его заклинания посыпалась штукатурка с потолка, огни свечей сменили цвет на красный, потом на синий. Раздался рык и гул, ужасающий шлейф превратился в антрацитово-черный шар, поверхность которого, казалось, поглощает свет. После следующего заклинания шар со свистом исчез. Лежащий на столе Самсон Медок напрягся, задрожал. А потом ослаб и лежал неподвижно.

— Именем Кратареса, — проговорил Бездеховский. — Именем Канителя! Призываю тебя, существо, говори, кто ты есть. Правдиво и без лживости говори, кто и что ты!

Тело Самсона снова сильно задрожало.

— *Verum, sine mendacio, certum et verissimum*, — проговорил его немного измененный голос. — *Quod est inferius est sicut quod est superius, et quod est superius est sicut quod est inferius, ad perpetranda Miracula Rei Unius.*

Сидящий около Рейневана Радим Тврдик громко вдохнул. Щепан из Драготуш выругался себе под нос.

— Это, — пояснил он шепотом, видя вопрошающий взгляд Тврдика, — это *Tabula Smaragdina*. Он говорит словами Гермеса Трисмегиста. Словно... Словно...

— Словно насмехается над нами, — шепотом закончил Йошт Дун.

— Именем Альфагора, — воздел руки Ян Бездеховский. — Именем Бедримубала! *Per signum Domini Tau!*^[73] Кто ты? Говори! Где истина?

— Отделяй землю от огня, — почти немедленно ответил голос Самсона. — С величайшим тщанием отделяй то, что... от того, что густо. А Сила воздымет тебя с земли в небо, после чего вновь опустит на землю и примет в себя силы всех существ высших и низших. И тогда охватит тебя благодать этого света. А всяческая тьма бежит тебя.

— Вазотас, Замарат, Катипа! — закричал Бездеховский. — Астрошио, Абедумабал, Асаф! Говори! Призываю тебя говорить!

Долгое время стояла тишина, прерываемая исключительно потрескиванием свечей.

— *Completum est...* — раздался наконец спокойный голос Самсона. — *Completum est quod dixi de Operatione Solis.*

Не помогли ни заклинания именем Бога, не помог ни Астрошио, ни Абедумабал. Не помогли ритуальные жесты, проделываемые над Самсоном с помощью *athame* и *arctrave*. Не помогли кадельные суфумигации. Не помог аспергиллум из вербены, барвинка, шалфея, мяты и розмарина. Бессильными оказались равно Большой, как и Малый Ключи Соломона, не лучше сработали Энхиридрион и «Grand Grimoire». Магия чуть не взорвала строение, но Самсон больше уже не произнес ни слова.

Чародеи «Архангела» прикинулись, что не разочарованы этим фактом, говорили, дескать, это ничего не значит, мол, первый блик всегда комом и что еще будет видно. Ян Бездеховский, которому труднее всех было изображать равнодушие, смог только вспомнить несколько подобных случаев смены личности — в частности, речь шла о *casus*'е Поппо фон Остерна, великого магистра Ордена Крестоносцев. Повеяло пессимизмом, поскольку в том случае все манипуляции прусских чародеев окончились ничем: Поппо фон Остерн до конца жизни, до самой смерти в 1256 году, был «другим» — о чем, впрочем, никто не сожалел, истинный Поппо был тем еще сукиным сыном.

Теггендорф не расстроился, *infortunium*^[74] приписывал обычному невезению, ссылаясь на Алькинди и неутомимо болтал о шайтанах, гулях, джиннах и ифритах. Фраундинст и Эдлингер Брем винили *dies egiptiaci*, неудачные египетские дни, к которым, по их мнению, относилась памятная пятница тридцать первого августа, день экзорцизмов в силезском монастыре бенедиктинцев. Тогда, говорили они, скверная «египетская» аура исказила экзорцизм и его эффекты, из-за этого все стало крайне нетипичным, и обратить это будет сложно. Телесма в свою очередь считал, что ничего не получится без талисманов, и обещал изготовить соответствующие образцы. Радим Тврдик, пока его не отругали, болтал что-то о големах и шемах^[75].

Щепан из Драготуш же раскритиковал *in tota* принятую магами стратегию и тактику. Ошибка, утверждал он, не столько в методе, ибо он вторичен, сколько в цели, которую они себе поставили. При простой и не подлежащей обсуждению предпосылке, что личность и дух Самсона Медка были неведомой силой перетрансплантированы в тело глуповатого

верзилы, усилия должны быть направлены в сторону обращения процесса, иными словами — обнаружение действующего фактора, поскольку *nihil fit sine causa*^[76]. Обнаружив оную *causa efficiens*^[77], удастся, быть может, процесс обратить. А что делают маги «Архангела»? Концентрируются на попытках развеять тайну, раскрыть секрет, который сам Самсон явным образом выдать не хочет либо не может. Пытаясь понять, кто — или что — такое есть Самсон, чародеи стремятся удовлетворить собственное любопытство и тщету, поступая как лекари, диагностирующие и исследующие загадочную болезнь ради самого познания, совершенно не учитывая состояние больного и нисколько не сочувствуя человеку, затронутому этой болезнью.

Магики обрушились и накричали на моравца. Прежде чем приступать к лечению, воспользовались они метафорой, необходимо глубоко распознать болезнь, «*Scire*, — цитировали они Аристотеля, — *est causam rei cognoscere*»^[78]. То, кем — либо чем — в действительности является Самсон, *есть* ключевой элемент. И — используя медицинские сравнения — секрет и инкогнито Самсона есть не только проявления, но и сам *nexus*, само ядро, сама сущность болезни, если болезнь должна быть вылечена, секрет надлежит раскрыть.

И его раскрывали. С жаром и пылом. И без видимого результата.

Тем временем Самсон успел подружиться со всеми магиками «Архангела». С Яном Бездеховским он часами дискутировал о Боге и Природе. С Эдлингером Бремом целыми днями стоял у реторт и перегонных аппаратов со словами «*Solve et coagula*»^[79] на устах. С Теггендорфом обсуждал теории арабских хакимов и еврейских каббалистов. Со Щепаном из Драготуш просиживал над незнакомыми и крепко поврежденными манускриптами Пьера ди Абано и Кекка д'Асколи. С Йоштом Дуном изготавливал талисманы, которые затем оба испытывали в городе. С Радимом Тврдиком ходил к Влтаве за илом для изготовления големов. Для Бенеша Кейвала делал — как придурок — интервенционные закупки в конкурирующих аптеках.

Со всеми играл в карты, пил и пел.

Чародеи полюбили Самсона Медка. Рейневан не мог отделаться от мысли, что полюбили настолько сильно, что запустили в ход процессы, которые могли бы привести к расставанию с ним.

Двери, ведущие в *occultum*, раскрылись, и оттуда вышел Винцент Реффин Акслебен. Подобрал фалды черного одеяния, сел за стол, одним

духом выпил фужер аликанте. Сидел в тишине и молчании, сам тоже не произнес ни слова. Он был бледен и потен, пот прилепил ему редкие волосы к темени и щеке.

Винцент Реффин Акслебен гостил в Праге проездом. Из Зальцбурга, где жил, он направлялся в Краков с серией лекций в тамошней Академии. Из Кракова чародей намеревался ехать в Гданьск, оттуда же через Крулевец^[80] в Ригу, Дерпт и Парну. Из того, что слышал Рейневан, последним пунктом путешествия Акслебена была Уппсала. Слышал он и другое. То, что Акслебен, хоть был он чародеем зажиточным, способным и знаменитым, не пользовался уважением, поскольку занимался неодобряемой многими некромантией и демономантией, а игры с трупами и злыми духами принесли ему во многих кругах общественный бойкот. Сплетни приписывали ему знание и умение пользоваться «Manusfortis», Рукой Силы, невероятно сильной чарой, которую можно было бросить одним движением руки. Слухи превращали Акслебена в одного из главарей и основного идеолога восточноевропейских вальденсов и сторонников учения Иоахима Флорского, связывали с ломбардской Стрегерией. Известны были также весьма близкие связи Акслебена с Братством Свободного Духа — чернокнижников «Архангела» весьма удивляло, что во время пребывания в Праге Акслебен пользовался гостеприимством у них, а не в доме «Под черной розой», тайной пражской резиденцией Братства. Одни приписывали это дружеским отношением Акслебена с Яном Бездеховским. Другие подозревали, что некромант проворачивает какое-то собственное дельце.

— О том, — Акслебен поднял наконец голову, повел по собравшимся взглядом, — чтобы вы отдали мне вашего Самсона навсегда, не может быть и речи, так?

Рейневан уже собрался ответить как можно резче, но его удержал тычок Шарлея. Некромант этого даже не заметил, ответ, казалось, он искал исключительно в глазах и лице Яна Бездеховского. Увидев ответ, поморщился.

— Ну ясно, понимаю. А жаль. Я б охотно с этим... субъектом еще побеседовал. Начитанный субъект... И очень любопытный. С прекрасной речью. Очень остроумный. Очень, очень остроумный.

— Bravo, Самсон, — шепнул Фраундинст.

— Он его попотчевал, — шепнул Телесма, — Изумрудной Скрижалью...

— Вы не поверите, — Акслебен решил сделать вид, будто шепотков не слышал, — узнав, что он сказал мне, когда спал. Именно поэтому я

сохраню это для себя, зачем болтать, если вы все равно не поверите. Скажу только, что, будучи в трансе, он дал мне несколько советов. Некоторыми я действительно попытаюсь воспользоваться, посмотрим, что из этого получится.

— Эрудит и полиглот с физиономией дебила, — продолжил он немного погодя, когда покончил с аликанте. — Он угостил меня — кроме всего прочего — длинной цитатой из «Божественной комедии». Напомнил, чтобы я не поддавался искушениям и суетности. Чтобы помнить, что все есть суета сует и ни одна провинность не останется безнаказанной. Хотя из чародеев Данте и встречает в Раю Альберта Великого^[81], но Микеле Скотто, Гвидо Бонатти, Азденте^[82], наказанные за некромантию, пребывают в Четвертом Рву Злых Щелей Восьмого Круга Ада.

Они стенают там и рыдают, истекают бурными слезами, а сатана, претворяя в жизнь предписанные муки, сворачивает им шеи и головы задом наперед, поэтому слезы стекают у них по задницам, между ягодицами, милая перспектива, а? А декламировал мне это, надо добавить, ваш Самсон с чистейшим тосканским акцентом.

Щепан Драготуш и Шарлей обменялись усмешками и многозначительными взглядами. Акслебен покосился на них обведенными кругами глазами, дал Тврдику знак, что ему снова можно наполнить кубок.

— В какой-то момент, — заявил он, — у меня мелькнула мысль: а что, если это дьявол? Само воплощение дьявола? Ха, не говорите, что у вас не возникала такая мыслишка. Ведь это истинно дьявольский фокус, прямо из учебника: обжегорить, одурачить, обмануть видимостью, *Diabolus potest*, как говорят классики, *sensum hominis exteriorem immutare et illudere*^[83]. Он может сделать это различными способами, например, преобразовав сам орган чувств, то есть наш глаз, примешав что-либо в глазное вещество, из-за чего предмет, на который мы смотрим, мы видим таким, каким того хочет демон. Об этом писали много лет назад Бонавентура, Пселл, Петр Ломбардский, писал Вителон, писал Николай Большой из Явора, не помешало бы вспомнить произведения перечисленных.

— Болван, — шепнул Фраундист, Акслебен снова сделал вид, что не слышит.

— Однако я утверждаю, — он подчеркнул свои слова ударом пальцем по столу, — что мы здесь не имеем дела со случаем демонической одержимости. Вмешательство демонов в человеческую жизнь возможно и случается довольно часто. Мы видели достаточно, чтобы в этом не сомневаться. Но это явление, согласное с волей Творца, который допускает

его *ad gloriae sue ostensionem vel ad peccati poenitentiam sive ad peccantis correccionem sive ad nostram erudicionem*^[84]. Сам по себе демон не является исполнителем. Демон это *incentor, excitator, impellator*, пособник, возбудитель, стимулятор, он усиливает спящее в нас зло и подталкивает на злые деяния нашу грешную натуру. А я... я, — закончил он, — не нахожу ничего злого в человеке, которого вы поручили мне исследовать. В нем, я знаю, это звучит смешно, нет даже признаков, крупниц зла. Впрочем, я вижу по вашим лицам, что вы и сами пришли к такому же выводу. И вижу четко выписанное еще одно: колоссальное желание, чтобы я признал свое поражение. Признал себя побежденным. Согласился с тем, что ничего не добился. Да, признаюсь: я потерпел поражение, я ничего не добился. Вы удовлетворены? Прекрасно. Тогда пойдемте в какую-нибудь корчму. Я проголодался. С последнего посещения Праги я только и мечтаю, что о здешних кнедликах и капусте... Что у вас за мины такие? Я знал, что вас обрадует мое поражение.

— Да что вы, мэтр Винцент, — неискренне улыбнулся Фраундинст. — Нас беспокоит другое. Если вы были не в состоянии понять сущности явления...

— Кто сказал, — выпрямился некромант, — что был не в состоянии? Был и понял.

— Позитивный перисприт, — сказал он, натешившись полной напряжения и ожидания тишиной. — Вам о чем-нибудь это говорит? Впрочем, я напрасно спрашиваю. Наверняка говорит. О том, что существует нечто такое, как перисприт циркуляционный, вы также наверняка слышали. Все это достаточно хорошо описано в специальных книгах, в которые я искренне вам советую заглянуть. Советую, — продолжал Акслебен, которого несколько не расстроили ненавидящие взгляды чародеев «Архангела», — изучить случай Поппо фон Остерна, великого магистра Ордена Девы Марии Немецкого Дома. Как столь же подобный, более того, идентичный по своей природе *casus* Люциллии, дочери Марка Аврелия. Возможно, вы помните? Нет? Ну так припомните. С этим вашим... Самсоном приключилось то же, что с Люциллией и Поппоном. Сущность явления — позитивный перисприт и перисприт циркуляционный. Именно так. Я это знаю. К сожалению, знания оказалось недостаточно. Я ничего с этим поделать не могу. То есть не смог и не смогу помочь вашему Самсону. Пошли обедать.

— Если вы не смогли, — прищурился Щепан из Драготуш, — тогда кто же сможет?

— Рупилиус Силезец, — незамедлительно ответил Акслебен. — И

никто больше.

— Так он, — прервал довольно смущенное молчание Теггендорф, — еще жив?

— И вообще существует? — шепнул Телесме Тврдик.

— Жив. И является наивеличайшим живым специалистом по проблемам, касающимся астральных тел и бытий. Если кто-то и может здесь помочь, так только он. Пошли обедать. Да... Совсем было забыл...

Некромант отыскал глазами Рейневана, глянул ему в глаза.

— Ты — его друг, юноша, — отметил он, а не спросил. — Тебя зовут Рейневан.

Рейневан сглотнул, подтвердил кивком головы.

— Будучи в трансе, этот Самсон вещал, — бесстрастно проговорил Акслебен. — Вещание было несколько раз повторено, четко, внятно, подробно. Касалось именно тебя. Ты должен остерегаться Бабы и Девы. Так складывается, — некромант приморозил взглядом насмешливые ухмылки Шарлея и Тврдика, — так складывается, что я знаю, в чем дело. Баба И Дева — две знаменитые башни. Не менее знаменитого замка Троски в Подкарконошах. Берегись замка Троски, юноша по имени Рейневан.

— По счастливой случайности, — выдавил с трудом Рейневан, — я не собираюсь ехать в те края.

— Случайностью является нечто иное, — бросил через плечо Акслебен, направляясь к двери. — То, что Рупилиус Силезец, единственная особа, которая, по моему мнению, может помочь твоему Самсону, уже добрых десять лет проживает в Чехии. И как раз в замке Троски.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой под Колином бомбарды шпалят и грохочут, а планы рождаются, одни великие, другие поменьше, одни более, другие менее утопические и фантастические — но что в действительности является утопией и фантазией, покажет лишь время.

— Брат Прокоп! Брат Прокоп! Бомбарда остыла! Жиганем еще раз?

Мужчина, к которому обратился с вопросом старший над пушками, был стройным и плечистым. Румяное лицо с простыми чертами, нос картошкой и пышные черные усы делали его крестьянином, довольным урожаем.

Рейневан уже видывал этого мужчину. Несколько раз. И всегда с интересом его разглядывал.

До революции Прокоп был священником, говорили, что родом он из Праги, из семьи староградских патрициев. К гуситам он примкнул сразу после дефенестрации, но до 1425 года был всего лишь одним из многих таборитских проповедников, среди которых выделялся не только рассудительностью, хладнокровием и терпимостью, но и тем, что вопреки велениям гуситской литургии не носил апостольской бороды и каждое утро педантично брился, хотя только свои знаменитые усы. Именно из-за этого бриться он и получил прозвище Голый. После смерти Богуслава из Швамберка Прокопа совершенно неожиданно избрали верховным гейтманом, главнокомандующим Тabora и высшим Исполнителем — так переводили титул *director operationum Thaboritarum*. Вскоре после назначения Прокоп обрел и второе прозвище: Великий. И дело было не только в его росте. Прокоп оказался действительно великим вождем и стратегом, что доказывали его эффектные победы под Усти, под Цветтлем^[85], под Таховом и Стжибром. Звезда Прокопа Голого светила ярко.

— Брат Прокоп! — напомнил о себе бомбардир. — Жиганем?

Прокоп Голый взглянул на стены и башни Колина, прекрасно сочетающиеся с красными черепицами крыш и осенней колористикой листьев окружающих лесов и зарослей.

— И что вам так, — ответил он вопросом, — приспичило с этим жиганием? Разрушением? Это чешский город, Господи прости! Погодите

еще немного, вот пойдем на соседние края, там постреляете вдоволь да поразрушаете. А Колин мне нужен целый и малоповрежденный. Таким мы его и возьмем.

Колин, совсем так, словно хотел выразить несогласие и неудовольствие, ответил. Со стен гроыхнуло, гукнуло, на крепостных стенах расцвели дымы, засвистели каменные шары. Все зарылись в землю в каких-нибудь двадцати шагах от валов первой линии осады. Окруженный в Колине Дзивиш Божек из Милетинка давал знать, что у него все еще нет недостатка ни в порохе, ни в желании драться.

— Пана Дзивиша Божка, — опередил вопрос Прокоп, — мы заставим сдаться. И примем город без разрушений, без резни после штурма, без разграбления. Чтобы колинские жители возлюбили брата Гертвика, который вскоре будет здесь гейтманом.

Окружающие Прокопа гуситские командиры залились хохотом. Рейневан знал многих из них. Не всех. Не знал он Яна Гертвика из Рушинова, назначенного уже, как оказалось, гейтманом Колина. Из других сирот он уже встречал Яна Краловца из Градка. Йиру из Жечицы, в светловолосом и широко улыбающемся гиганте угадывал Яна Колду из Жампаха. Из руководителей Табора узнавал Ярослава из Буковины, Якоба Кромешина, Отика из Лозы, Яна Блеха из Тешницы.

— Поэтому, — Прокоп выпрямился, осмотрелся, чтобы было ясно, что обращается он не только к пушкарю, но и к остальным, — поэтому прошу не торопить меня, не вырываться вперед, пороха не тратить...

— А просто так вот стоять? — спросил с явным неудовольствием Ян Колда. — Под этими стенами? В бездействии?

— Кто сказал, — Прокоп оперся о частокол, — бездействии? Брат Ярослав?

— Слушаюсь!

— Флю... То есть брат Неплах наконец прислал своих стенторов^[86].

— Прислал, — подтвердил Ярослав из Буковины. — Десятерых. Ух и страшные же мордасы... Водкой и луком несет от них так, что и большого мужика свалит. Но голоса — ну прям колокола...

— Так пусть идут к стенам и кричат. Днем и ночью. Особливо ночью, ночью это действует лучше всего. У пана Божка есть дети в Колине?

— Дочка.

— Пусть побольше орут об этой дочке. А ты, брат Колда, поскольку не любишь бездействие...

— Что прикажешь?

— Возьмешь своих конников, объедешь села по этой и по той стороне

Лабы. Еще раз протрубишь по всему району, что если кто попытается доставить городу пропитание, то тяжко пожалеет. Если схватим хотя бы с одной лепешкой, хотя бы с мешочком крупы — обе руки и обе ноги долой.

— Слушаюсь, брат Прокоп!

— Тогда — за дело. По подразделениям, больше никого не задерживаю... А ты, брат, почему все еще здесь?

— Жахнуть бы, — простонал старший над пушкой, — из большой бомбарды... Хоть бы еще разок... Перед вечерней...

— Знал я, — вздохнул Прокоп, — что не удержишься. Ладно. Но сначала пойдем со мной, осмотрю я твое хозяйство. Поглядим, как и на что пушки направлены. Привет, Шарлей. Приветствую и тебя, брат Белява. Пошли со мной. Уделю вам немного времени.

Рейневан пытался вспомнить, откуда взялось это знакомство. Прокоп Голый и Шарлей узнали друг друга при первой же встрече, в масленицу 1426 года, в городе Нимбурк, куда отослали команду из Градца Кралове. Как знать, не спасло ли это всем им шкуру; вынюхивающие всюду шпионов и провокаторов вначале градецкие, а потом нимбуркские Божьи воины становились все более подозрительными и все менее симпатичными. Ссылки на Петерлина и Горна не помогали, оказывается, Петерлин и Горн были настолько секретными сотрудниками, что их имена мало кому что-нибудь говорили и защиты не давали. Неизвестно, что было бы, если б не явился Прокоп. На шею Шарлею он не кинулся, чересчур многословно не приветствовал, но было ясно, что эти двое знакомы. Откуда, оставалось тайной — ни один не торопился с объяснениями и откровениями. Было известно, что Прокоп обучался в Каролинуме^[87], ездил в заграничные учебные заведения. Рейневан полагал, что он познакомился с Шарлеем во время одной из таких поездок.

Они пошли — Рейневан, Шарлей и Самсон — за Прокопом и пушкарем вдоль линии рвов, частоколов и фашинных преград, Прокоп контролировал бомбарды и мортиры, разговаривал с пушкарями и щитоносцами, похлопывал по плечам арбалетчиков, простецки шутил у костров с цепниками, выпрашивал алебардников, нет ли у них в чем потребности. Нашел время заговорить с хлопочущими у котлов женщинами, отведал солдатской каши, не упустил возможности вздохнуть чубы крутящихся у кухни ребят. Скромно поднимал руки, когда Божьи воины начинали рукоплескать в его честь.

Это длилось достаточно долго. Но и о них Прокоп не забыл.

Они вернулись в пригород.

Прокопова армия подтянулась к Колину неожиданно быстро, не

оставив обитателям пригорода много времени, они успели спастись бегством за городские стены буквально с тем, что успели схватить в руки, оставив таборитам и сиротам значительные запасы пищи, много инвентаря и, к тому же, хаты с почти всем содержимым. Поэтому неудивительно, что именно здесь возник главный лагерь Божьих воинов, окруженный валом из телег и загородью для лошадей. Между халупами и клетями пылали многочисленные костры, звенели молоты в кузницах, стучали молотки в мастерских колесников. На веревках сушилась одежда. Визжали кони, блеяли овцы. Воняли выгребные ямы.

— А так вообще-то зачем ты, брат Беява, сюда приехал?
Рейневан украдкой вздохнул. Такого вопроса он ожидал.

Решение поехать в замок Троски принял Рейневан. Принял он его довольно спонтанно, надо сказать, с колоссальным и горячим, словно юная вдова, энтузиазмом. Энтузиазм этот и стихийность не очень-то пришлись по вкусу магикам из «Архангела», особенно Фраундинсту и Щепану из Драготуш. Оба подвергли сомнению и сообщения Акслебена о легендарных способностях легендарного Рупилиуса Силезца. Акслебен, утверждали они, фантазирует, чтобы отвлечь внимание от своего компрометирующего поражения в деле Самсона. Рупилиуса Силезца в замке Троски, вероятнее всего, нет. А если б даже Рупилиус Силезец в замке Троски случайно и оказался, то шанс, что он согласится помочь, равен нулю: по примерным подсчетам, Рупилиусу Силезцу уже стукнуло лет девяносто. Чего ж ожидать от такого старого хрыча?

Однако сторону Рейневана принял Телесма. Телесма слышал о Рупилиусе Силезце, когда-то даже мимолетно встречался с ним, подтвержденной и проверенной уже полвека назад считал его квалификацию в области спиритизма и астральных бытий. Испробовать, заявил он, не мешает. Для Самсона Медка поездка в Троски — это шанс, который следует использовать, причем поскорее. У Рупилиуса, и верно, уже девять десятков годков позади. А в таком возрасте известно: простудишься, чихнешь, пукнешь и не знаешь, когда перенесешься в астральное бытие.

Телесму поддержал Бездеховский. Престарелый чернокнижник о Рупилиусе не только слышал, но и познакомился с ним лично много лет назад в Падуе. Рупилиус, предполагал он, вполне может помочь Самсону. Однако неизвестно, захочет ли, потому что в Падуе он был известен как наглый и несговорчивый засранец.

Довольно скептически и холодно, как ни странно, отнесся к проекту сам Самсон. Самсон не участвовал в дискуссии, а если и участвовал, то

весьма инертно. Не высказывался ни за, ни против. По большей части молчал. Но Рейневан знал его уже достаточно хорошо. Самсон просто-напросто не верил в успех поездки. Когда он в конце концов согласился, Рейневан не мог отделаться от ощущения, что сделал он это исключительно из вежливости.

Оставался Шарлей. Мнение Шарлея о мероприятии Рейневан знал еще до того, как спросил его. Но спросил. Ради проформы.

— Это обычный идиотизм, — спокойно заявил Шарлей. — Кроме того, это начинает напоминать мне Силезию двухлетней давности, полную запала одиссею с госпожой Аделью. Поездка в Троски походит на столь же продуманную и осуществляется точно так же. И я уже очами души моей вижу ее результат. Похоже, ты никогда не поумнеешь, Рейнмар. У нас, как ты утверждаешь, — продолжал он немного тише и серьезней, — обязанности перед Самсоном, мы ему кое-что должны. Возможно, и так, не возражаю. Однако жизнь остается жизнью, а основной закон жизни рекомендует забыть о таких долгах, вычеркнуть их из памяти. Жизнь отличается, в частности, тем, что своя рубашка ближе к телу.

Помогать ближним, конечно, неплохо, но не за свой собственный счет. Мы, я утверждаю, сделали для Самсона достаточно, подвернется случай — сделаем больше. А случай подвернется, я уверен, рано или поздно, достаточно присесть и терпеливо подождать. Так что давай подождем случая. Зачем его искать, получая при этом шишки? Давай думать о собственной рубашке, Рейнмар, и о своем теле, ибо это самое важное. А на что ты собираешься выставить наши тела, парень? Куда собираешься нас вести? Продолжается заваруха, война, пожары, хаос, беспорядок и беззаконие. неподходящее время для сумасбродных экспедиций. Без подготовки вдобавок.

— Так вот ты ошибаешься, — возразил Рейневан. — Я совершенно не согласен с тобой. И не только относительно циничных жизненных законов и отнюдь не в отношении того, что считать в жизни самым важным. Я не согласен с твоей оценкой ситуации. Ибо время не только благоприятствует поездке, но и подгоняет. Подъештедь и Йичинское Погорье захвачены нашими войсками, немногочисленные католические хозяйчики в этом районе напуганы, их мораль надломлена поражением крестоносцев под Таховом. Они сейчас словно окуренные пчелы. Поэтому если отправляться, то именно сейчас, прежде чем они очухаются и снова сумеют жалить. Что ты на это скажешь?

— Ничего.

— А вот в отношении подготовки ты прав. Давай подготовимся. Что

ты предлагаешь?

Шарлей вдохнул.

Рейневан и Самсон выехали из Праги десятого ноября, в пришедшееся в этом году на пятницу поминание святого Гереона и его спутников-мучеников. Город они покинули ранним утром. Когда пересекали Пожичские Ворота, из-за туч выглянуло солнце, залив сказочным светом играющие блеском Витков и Шпитальское Поле. Радующую сердце картину Рейневан счел добрым предзнаменованием.

Ни он, ни Самсон не чувствовали себя уж слишком хорошо. У обоих за спиной было многословное и зашедшее глубоко за полночь прощание с магиками из аптеки «Под архангелом». Рейневан вздыхал и вертелся в седле — ему досталось дополнительно свершить прощальную церемонию с пани Блаженной Поспихаловой.

Они направлялись к Колику, с середины сентября осажденному Табором, сиротами и пражанами. Осадой командовал Прокоп Голый. В армии Прокопа Голого был Шарлей. Прошедший после расставания с ними месяц Шарлей должен был использовать для приготовления экспедиции. Он утверждал, что имеет такую возможность. Рейневан верил. У Шарлея были и возможности, и средства. Демерит не скрывал — больше того, ему случалось даже похвастаться, что он борется в таборитской полевой армии ради трофеев и обогащения и что у него уже много чего отложено по разным тайникам.

Солнце скрылось за надвигающимися с севера черными тучами. Сделалось мрачно и грустно. Прямо-таки зловеще.

Рейневан решил, что приметы — предрассудок.

Казалось, Прокоп не слушает. Но это только казалось.

— Дать отпуск брату Шарлею, — повторил он. — В военное время освободить от службы в армии? Ради твоих личных дел, брат Беява? Иными словами, сначала — личное, а обязанности перед родиной и Богом — потом. Так?

Рейневан не ответил. Только громко сглотнул. Прокоп хмыкнул.

— Согласен. Даю согласие. Поводов к тому три, — продолжал он, явно тешась их изумлением. — Во-первых, брат Шарлей служит в рядах Табора уже больше года и отпуск заслужил. Во-вторых, брат Неплах сообщил мне о твоих заслугах, брат Беява. Ты самоотверженно преследовал врагов нашего дела, кажется, геройски боролся с бунтарями в Праге шестого августа. Лечил раненых, не пил, не ел и не спал. Это, несомненно,

заслуживает награды. А в-третьих, и самое главное...

Он замолчал, обернулся. Они уже были около амбара, служившего сейчас главной квартирой и резиденцией штаба осады.

— О третьем и самом главном вы узнаете позже, мы еще вернемся к этому. А сейчас у меня другие дела. Впрочем, вы узнаете какие. Услышите, поскольку я оставляю вас при себе.

— Брат...

— Это приказ. Пошли. А ваш слуга... О, я уже вижу, чем он занялся. Это хорошо. Не помешает.

Самсон Медок, как всегда, делая вид, что ничего не слышит и не понимает, уселся у стены амбара, достал складной нож и принялся стругать найденный колышек. Самсон часто стругал колышки. Во-первых, он выяснил, что это работа в самый раз для идиота, каким он многим кажется. Во-вторых, говорил он, выстругивание колышков успокаивает, положительно влияет на нервную систему и систему пищеварения. В-третьих, толковал он, резание дерева помогает ему в то время, когда он вынужден прислушиваться к спорам о политике и религии, поскольку аромат свежих стружек смягчает приступы тошноты.

Они вошли в амбар, в большое помещение, которое, хотя оно уже некоторое время тому назад было выбрано под штаб, все еще по-прежнему приятно пахло зерном. Внутри, за столом, ожидали два человека, склонившихся над картами. Один был небольшой и тощий, одетый в черное по моде гуситских священнослужителей. Второй, более молодой, в рыцарской одежде, был более могучего телосложения и светловолос. Его немного херувимоватое, а немного суровое утомленное лицо приводило на мысль фламандские миниатюры из «Tres riches heures du duc de Berry»^[88].

— Наконец-то, — сказал маленький, черный. — Мы уже немного заждались, брат Прокоп.

— Дела, брат Прокоп.

В отличие от своего тезки второй Прокоп носил бороду, правда, скупую, неряшливую и более смешную. Из-за роста его также наделили прозвищем — называли Прокопом Малым либо Прокоупеком. Вначале простой проповедник меж прочих проповедников, он выделился среди гуситов — точнее, сирот, — после смерти Яна Жижки из Троцнова. Вместе с градецким Амброжем Прокоупек был у смертного одра Жижки, а свидетелей последних минут своего обожаемого вождя сироты почитали чуть ли не святыми, бывало, перед ними опускались на колени и целовали подол одежды, случалось, что матери приносили к ним температуривших детей. Уважение выдвинуло Прокоупека на должность главного духовного

вождя — так что он занимался у сирот тем же, чем Прокоп Голый в Таборе до того, как занял положение Исполнителя.

— Дела, — повторил Прокоп Большой, указывая, в общем, в сторону осажденного города. Его слова сопровождал мощный гул, стены задрожали, с потолка посыпалась пыль. Старший пушкарь наконец-то громыхнул из своей двухсотфунтовой бомбарды. Это означало одновременно покой до утра — такая бомбарда после выстрела должна была остывать минимум шесть часов.

— Прости, брат, что заставил ждать. И ты, брат Вышек.

Вышека Рачинского Рейневан встречал уже раньше, под Усти, в коннице Яна Рогача из Дубе. Путь поляка к гуситам был нетипичен — Вышек появился в Праге в 1421 году в качестве посланника литовского князя Витольда, на службе у которого состоял. В посольстве речь шла, как сегодня уже известно, о короне для Корибутовича. Рачинскому понравилась чешская революция, тем более после встречи с Жижкой, Рогачем и таборитами, которые пришлись поляку по вкусу гораздо больше, чем умеренные каликстинцы, с которыми он обсуждал Витольдово послание. Рачинский мигом примкнул к таборитам, а с Рогачем их связала искренняя дружба.

По данному Прокопом знаку все расселись вокруг заваленного картами стола. Рейневан чувствовал себя неловко, понимая, сколь чужеродным телом он является в собравшейся за столом компании. Его самочувствие отнюдь не улучшала бесцеремонная развязность Шарлея, всегда и везде чувствовавшего себя как дома. Не помогал и тот факт, что Прокоупек и Рачинский без оговорок принимали их присутствие.

Они были к этому привычны. У Прокопа под рукой всегда были всякой масти разведчики, послы, эмиссары и люди для специальных и даже очень специальных поручений.

— Осада не будет краткосрочной, — прервал молчание Прокоп Голый. — Мы сидим под Колином с Крестовоздвиженья^[89], и я буду считать успехом, если город сдастся до адвента^[90]. Может случиться и так, брат Вышек, что, вернувшись из Польши, ты еще застанешь меня здесь. Когда отправляешься?

— Завтра на рассвете. Через Одры, потом через Чешин в Затор.

— Ехать не боишься? Сейчас в Польше не только Олесьницкий, а любой старостишка может тебя в яму посадить. По законам, которые объявил Ягелло. В результате болезни живота, вероятно.

Все, в том числе и Рейневан, знали, в чем дело. С апреля 1424 года в

Польском королевстве действовал велуньский эдикт, изданный под нажимом епископа Олесьницкого, Люксембуржца и папских легатов. Эдикт — хоть в нем не было ни имени Гуса, ни слова «гуситы» — говорил, однако, *expressis verbis*^[91] о Чехии как о территории, «зараженной ересью», запрещал полякам торговать с Чехией и вообще выезжать в Чехию. Тем же, кто там пребывал, приказывал немедленно вернуться. Непослушных ждала инфамия^[92] и конфискация имущества. Сверх того в отношении кацеров^[93] эдикт принципиально изменил правовую квалификацию — из отступления, ранее каравшегося в Польше церковными судами, еретизм превратился в преступление против королевства и короля, в *crimen laesae majestatis*^[94] и государственную измену. Такое определение охватило преследованием и наказанием за кацерство и весь государственный аппарат, а для признанных виновными означало смертный приговор.

Чехов, естественно, это обозлило — Польшу они считали братской страной, а тут вместо ожидаемого общего фронта против «немчуры» такое оскорбление вместо фронта — афронт. Однако большинство понимало побуждения Ягеллы и правила запутанной игры, которую он вынужден был вести. Вскоре стало ясно, что эдикт был грозным исключительно по букве — и буквами кончался. Именно поэтому, когда чех говорил «велуньский эдикт», он многозначительно подмигивал или издевательски похмыкивал. Как Прокоп сейчас.

— Это ничего, стоит крестоносцам за Дрвенцу двинуться, Ягелло тут же о своем шумном эдикте забудет. Ибо знает, если придется помощь против немцев просить, то скорее всего не у Рима.

— Угу, — ответил Рачинский. — Факт, не возражаю. Но чтобы я не боялся, тоже не скажу. Еду, правда, тайно. Но вы сами знаете, как там с новым законом: каждый тут же наперегонки бежит, каждый хочет похвалиться энтузиазмом, выскочить и проявиться, а вдруг оценят и продвинут. Так что у Збышка Олесьницкого на услугах целая армия доносителей. А у того Йенджея Мышки, епископского викария, у этого паршивца и сукина сына, нос как у пса, и он им словно пес вынюхивает, нет ли рядом с королем Владиславом какого-нито гусита... Простите, я хотел сказать...

— Ты хотел сказать «какого-нито гусита», — холодно оборвал Прокоп. — Не будем прятать голову в песок.

— Верно... Но я к королю скорее всего не приближусь. В Заторе встречусь с Яном Мэнжиком из Домбровы, партизаном нашего дела, мы вместе поедem до Песчаной Скалы, там тайно встретимся с господином

Петром Шафранцем, краковским подкоморным. А Петр относится к нам доброжелательно, передаст Владиславу послание.

— Ну, ну, — задумчиво проговорил Прокоп, крутя ус. — Самому Ягелле сейчас не до послов. У него теперь другие заботы.

Присутствующие обменялись многозначительными взглядами. Знали, в чем дело, известие разошлось быстро и широко. Королеву Сонку, жену Ягеллы, обвинили в вероломстве и людоедстве. Спустила с поводка свой супружний стыд по меньшей мере с семью рыцарями. По Кракову шли аресты и следствия, а Ягелло, обычно спокойный, тоже разбушевался.

— Огромная на тебе, брат Вышек, лежит ответственность. До сих пор наши посольства в Польшу кончались скверно. Достаточно вспомнить Гинка из Кольштейна. Поэтому первым делом передай, прошу, господину Шафранцу, что если король Владислав позволит, то вскоре в Вавель поклониться его величеству прибудет чешское посольство, во главе которого буду лично я. Самое главное в твоей миссии — подготовить мою. Так и скажешь: ты являешься моим полномочным послом.

Вышек Рачинский поклонился.

— На твое решение и понимание оставляю, — продолжал Прокоп Гольй, — с кем еще ты в Польше поговоришь, с кем сблизись. Кого выпросишь. Потому что ты должен знать, что я еще не решил, к кому со своим посольством направлюсь. Хотел бы к Ягелле. Но при неблагоприятных обстоятельствах не исключаю Витольда.

Рачинский открыл рот, но смолчал.

— С князем Витольдом, — проговорил Прокоупек, — у нас один путь. Одинаковые у нас планы.

— В чем одинаковые?

— Чехия от моря до моря. Такая у нас программа.

Лицо Вышка явно говорило о многом, потому что Прокоупек тут же поспешил пояснить.

— Бранденбургия, — заявил он, тыча пальцем в каргу. — Эта земля искони принадлежала Чешской Короне. Люксембурги просто отступили Бранденбургию Гогенцоллернам, так что вполне можно этот торг признать недействительным. Зигмунта Люксембуржца мы не признали королем, не признаем и его гешефты. Отберем то, что нам принадлежит. А если немчура воспротивится, то отправимся туда с телегами и по заднице их отлупим.

— Понимаю, — сказал Рачинский.

Но выражение его лица почти не изменилось. Прокоупек это видел.

— Получив Бранденбургия, — продолжал он, — возьмемся за Орден,

за Крестоносцев. Отгоним проклятых тевтонцев от Балтики. И вот оно — море. Не так, что ли?

— А Польша? — холодно спросил Вышек.

— Польше, — спокойно включился Прокоп Голый, — Балтика не нужна, это стало видно по Грюнвальду. И видно было по мельненскому миру^[95]. Это так же четко видно по теперешней политике Ягеллы, вернее, Витольда, потому что Ягелло... Что делать, это неприятно, но такова жизнь, каждый из нас когда-нибудь упадет в детство. А что касается интересов Витольда, то они — на востоке, а не на севере. Поэтому мы возьмем себе Балтику, ибо... Как ты это говоришь, Шарлей?

— *Res nullius cedit primo occupanti*.^[96]

— Ясно, — кивнул головой Вышек. — Итак, одно море уже есть. А второе?

— Разобьем турок, — пожал плечами Прокоупек, — вот вам и Черное море. Чехия станет морской державой, и все тут.

— Как видишь, брат Вышек, — улыбнувшись, подхватил Прокоп Голый, — мы народ надежный. Нам со всеми по пути, да и с нами всем удобно и выгодно. Ягеллу мы обезопасим от ордена, Витольду предоставим свободу рук на востоке. Пусть завоевывает и захватывает там что захочет, хоть Москву, хоть Новгород Великий и Переяславль Рязанский. Папе тоже будет неплохо, если мы уничтожим крестоносцев, чересчур уж разбушевавшихся и гордых, реализуем пророчество святой Бригитты, на сей раз полностью и до конца. А когда возьмемся за турок, то Отец Святой тоже скорее обрадуется, чем будет недоволен, правда? Как ты думаешь?

Вышек Рачинский придержал свои мысли при себе.

— Передать все это, — спросил он, — Шафранцу?

— Брат Вышек, — посерьезнел Прокоп. — Ты прекрасно знаешь, что надо передать. Ты же наш человек, истинный христианин, причастие принимаешь из Чаши, как и мы. Но ты поляк и патриот, поэтому делай так, чтобы Польша тоже выгадала. Ведь крестоносцы — постоянная угроза для Польши. Грюнвальд не очень помог, Тевтонский орден по-прежнему висит над вами словно дамоклов меч. Если король Владислав прислушается к папским жалобам и мольбам, присоединится к крестовому походу, вышлет на нас польское войско, то и крестоносцы тут же с севера ударят. Ударят брандербужцы и силезские князья. И Польше — конец. Конец Польше, брат Вышек.

— Король Владислав знает об этом, — ответил Рачинский. — И не думаю, чтобы он присоединился к крестовому походу. Однако польский

король не может в открытую пойти против папы. И без того множатся пасквилы, и без того Мальборк^[97] нашептывает, что, мол, Ягелло язычник и идолопоклонник в душе, что с язычниками якшается, что с дьяволом в сговоре. Так что польский король стремится к миру. К согласию между Чехией и Римом. А Рим к такому согласию почти готов...

— Готов, готов, — съязвил поляк. — Если бы папа мог вас... то есть нас взять под меч и огонь, то взял бы. Отсекали бы головы, мучили, конями топтали, живьем сжигали, топили и при этом воспевали бы *Gloria in excelsis*^[98]. С нами сделали бы то же, что с альбигойцами, заявили бы, что это во славу Божию. Но оказалось, что не могут. Силенок маловато. Поэтому согласны на переговоры.

— Знаю я, чего они хотят, — презрительно фыркнул Прокоупек. — Но мы-то почему должны хотеть? Ведь не они нас, а мы их по заднице лупим.

— Брат, — Рачинский воздел руки в жесте отчаяния, — брат, ты повторяешь мне то, что я и сам знаю. Позволь я скажу тебе, что знает польский король Владислав. Что знает каждый христианский король в христианской Европе. Пока что церковь владеет миром и держит два меча: духовный и светский. Проще сказать: именно у папы вся светская власть, а у короля в руках всего лишь доверенность. Еще проще: королевство Чешское не будет королевством до тех пор, пока папа не утвердит чешского короля. Только тогда наступит мир и порядок, а Чехия вернется в Европу как христианское королевство.

— В Европу? То есть в Рим? Хорошо, вернемся, но не ценой потери суверенности! И нашей религии! Наших христианских ценностей! Сначала Рим, то есть Европа, должна принять христианские ценности. Кратко говоря, должна воспринять истинную веру. Иначе говоря: нашу. Итак, *primo*: Европа должна одобрить и принять причастие из Чаши. *Secundo*: должна присягнуть четырем пражским догмам *Tertio*...

— Скорее всего, — Рачинский не стал дожидаться *tertio*, — сомневаюсь, чтобы Европа пошла на это. Не говоря уж о папе.

— Вот увидим, — взъерепенился Прокоупек. — Сколько отсюда до Рима? Миль двести? Самое большее за месяц дойдем. Тогда и поговорим! Как увидит римский антихрист наши телеги за Тибром, так хвост подожмет.

— Спокойно, спокойно, брат. — Прокоп Голый уперся кулаком в стол. — Мы за мир, ты забыл? Наш ученый брат Петр Хелчицкий учит, что ничто не может оправдать пятого завета. «Не убий» — свято и ненаруσιμο. Мы не хотим войны и готовы на переговоры.

— Эта готовность, — сказал Рачинский, — обрадует польского короля.

— Я думаю. Но пусть Рим так-то уж голову не задирает, не лезет на пьедестал, не болтает о двух мечях. Ибо нам, истинным чехам, трудно, брат Вышек, принять, что плодящиеся в последнее время как кролики папы, — законные наместники Бога на Земле, и что два меча держат хорошие и праведные руки. Потому что в последнее время что ни папа, то все большая дрянь. Если не кретин, так вор, если не вор, так мерзавец, если не мерзавец, то пьянчуга, распутник. А порой все вместе взятое. При всей моей доброй воле я, хоть и послушен как овечка, таким пастырям послушным не буду, таких главой Церкви не признаю, всевластия таких не приму, пусть мне хоть сто Константиновых даров покажут. Мэтр Ян Гус учил, что не может быть истинным наследником апостола Петра папа, живущий по законам, противным Петру. Такой папа является викарием не Бога, а Иуды Искарота. Поэтому, вместо того, чтобы слушать, его надо за шиворот хватать и с амвона сбрасывать, привилегий лишать и имущество отбирать. И так — начиная с Ватикана и до каждого деревенского прихода.

— Говоришь, брат Вышек, что *curia Romana* охотно бы чехов как заблудших сынов с прощением приветствовала, вновь зачислила в ряды европейского христианского сообщества? И мы этого хотим. Но сначала пусть они изменят свои обычаи и веру. На истинную. Какой мэтр Виклиф и мэтр Гус научали. Ибо истинная вера, вера апостольская, согласная с буквой Библии, это та, которую исповедуем мы. Европейское *christianitas* хочет видеть нас в своем лоне? Так пусть сначала это лоно очистит.

Есть такие люди, как Петр Хельчицкий, как Микулаш из Пелgrimова, как твой родственник, Павел Владковиц, защищающие свободу совести. Дай Бог, обратится римская церковь, поняв свои ошибки, именно к этим людям. Дай Бог, послушает их учение.

— А не послушает учения, — dokonчил с холодной усмешкой Прокоупек, — так послушается наших цепов.

Молчание длилось долго. Прервал его Вышек Рачинский.

— Все это, — сказал он, а не спросил, — я должен передать Шафранцу. Вы этого хотите?

— Если б не хотел, — подкрутил ус Прокоп, — то разве б стал говорить?

Перед амбаром Рачинского ожидал Ян Рогач из Дубе, известный чаславский гейтман. С конным эскортом.

Поляк запрыгнул в седло, взял у слуги доху. Тогда к нему подошел Прокоп.

— Бывай, брат Вышек, — он протянул руку, — да води тебя Бог. И передай, пожалуйста, через Шафранца королю Владиславу от меня пожелания здоровья. Чтобы ему везло счастье...

— ...в супружестве с Сонкой, — осклабился Прокоупек, но Голый осадил его резким взглядом.

— Чтобы емучастливилось на охоте, — закончил он. — Знаю, он любит охотиться. Однако пусть будет внимательным. Ему семьдесят семь лет. В таком возрасте легко застудиться и умереть.

Рачинский поклонился, чмокнул коню. Вскоре они уже ехали рысью к переправе через Лабу, он и Ян Рогач из Дубе. Два друга, соратника, товарищи по оружию. Впереди у них, Рогача и Вышка, поляка и чеха, было еще много битв, столкновений и стычек, во время которых они будут биться плечом к плечу. И вместе умрут — в один день, на одном эшафоте, чудовищно замученные, потом повешенные. Но тогда никто не мог этого предвидеть.

Большая бомбарда к утру остыла, а полный энтузиазма пушкарь не упустил возможности грохотнуть из нее точно на восходе солнца. Гул и сотрясение грунта были такими, что Рейневан свалился с высоких нар, на которых спал. А мелкая солома и пыль сыпались с потолка еще не меньше трех пачежей.

Следом за огромной бомбардой, как за матерью, пошли бомбарды поменьше, мечущие цветнарковые и полуцветнарковые шары.

Гудело. Грунт дрожал. Разбуженный Рейневан пытался вспомнить сон, а вспоминать было что: ему опять снилась Николетта, Катажина фон Биберштайн. В деталях.

Орудия грохотали. Осада продолжалась.

Третью и основную причину своего согласия на отпуск Шарлея Прокоп сообщил им около полудня. У них тут же испортилось настроение.

— Вы нужны мне будете в Силезии. Оба. Я хочу, чтобы вы туда вернулись. В августе, — продолжал Прокоп, не обращая внимания на их мины и не ожидая ответа, — в августе, когда мы сопротивлялись крестовому походу под Стжибром, вроцлавский епископ очередной раз всадил нам нож в спину. Войско епископа и силезских князей, традиционно поддерживаемое Альбрехтом Колдицем и Путой из Частоловиц, снова ударило на Находско. Снова там рекой лилась чешская кровь, снова пожар уничтожал дома и крестьянские дворы. Снова творили неопишемые зверства.

Уже не меньше года по Силезии идет волна страшного террора. Всюду пылают костры. Ужасно измывается немчура над нашими братьями славянами. Мы не можем спокойно взирать на это. Отправимся в Силезию с братской помощью. С мирной и стабилизирующей миссией.

Однако такую миссию, — Прокоп по-прежнему не давал им слова сказать, — необходимо подготовить. И в этом будет состоять ваша задача. Когда вы покончите с личными делами, теми, на которые я великодушно дал согласие, вы отправитесь к Белой Горе, к брату Неплаху. Брат Неплах подготовит вас к заданию. Которое вы, я не сомневаюсь, выполните с великой самоотверженностью во имя Бога, веры и отчизны. Как и пристало Божиим воинам... Ты, Шарлей, хочешь что-то сказать, я вижу. Говори.

— В Силезии, — откашлялся Шарлей, — нас знают. Мы — люди известные.

— Знаю.

— Нас там знают многие. Многие затаили на нас злость. Многие хотели бы видеть нас мертвыми.

— Это хорошо. Это гарантия, что вы будете действовать осторожно и обдуманно.

— Инквизиция...

— И не предадите. Конец дискуссии, Шарлей. Конец болтовне! Вы получили приказ. У вас есть задача, которую вы должны выполнить. А теперь идите и заканчивайте свои личные дела. Выполните, советую, все и тщательно. Ваша задача, согласен, рискованная и небезопасная. Перед этим следует урегулировать все личное. Вернуть долги друзьям и тем, кого вы любите. Получить долги с тех, кто должен вам... Он резко оборвал.

— Рейнмар из Беявы, — заговорил он чуть погодя и взглянул так, что по спине у Рейневана пробежали мурашки. — А нет ли случайно у твоих личных дел чего-то общего с мстью за смерть брата?

Рейнван отрицательно pokrutil головой, потому что горло у него вдруг так пересохло, что он не смог издать ни звука.

— О-о-о, — сложил руки Прокоп Голый. — Это хорошо. Это прекрасно. Так и держать. Библия гласит: уповай на Бога, — проговорил он снова. — А что касается твоего брата, то можешь дополнительно положиться на меня, Прокопа. Этой проблемой займусь я лично. И уже занялся. Твой брат, память которого я чту, был одним из наших убитых в Силезии союзников. Разбойничья рука достала многих симпатизировавших нам людей, многих, которые нам помогали. Эти преступления не останутся безнаказанными. На террор мы ответим террором в соответствии с Божеским заветом: око за око, зуб за зуб, рука за руку, нога за ногу, рана за

рану. Твой брат будет отмщен, можешь быть уверен. Но лично мстить я тебе запрещаю. Я понимаю твои чувства, но ты должен сдержаться. Понять, что в этом деле существует иерархия, очередность реванша, и ты в этой иерархии оказался далеко от ее начала. А ты знаешь, кто стоит во главе? Я тебе скажу: я! Прокоп по прозвищу Голый. Силезские преступники поместили меня в свой перечень, ты думаешь, я позволю, чтобы это им обошлось? Клянусь Отцом и Сыном, что те, кто пролил кровь, заплатят собственной кровью. Как говорит Писание: «я рассеиваю их, как прах пред лицом ветра, как уличную грязь, попираю их»^[99] «и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их»^[100]. Те, которые вступили в сговор с дьяволом, которые скрытно готовили преступления, которые во тьме совершали предательские удары, уже сейчас тревожно оглядываются, уже сейчас чувствуют на шее чей-то взгляд. Уже сейчас эти порождения тьмы боятся того, что поджидает во тьме их самих. Они видели себя волками, сеющими ужас среди беззащитных овец. А теперь задрожат сами, слыша вой идущего следом за ними волка.

Резюмирую: подготовка нашего наступления на Силезию в данный момент вопрос ключевого значения для всего нашего дела. Это операция не менее важная, чем теперешняя осада Колина или намечаемый на конец года удар по Венгрии. Повторяю: если в результате твоих попыток личной мести операция кончится провалом, я сделаю выводы. Суровые. Безжалостные. Помни об этом. Ты будешь помнить?

— Я буду помнить.

— Прекрасно. А теперь... Рейнмар, брат Неплах доносит мне, что ты — спец по медицине... хм... неконвенционной. А у меня зверски ломит кости... Ты можешь это заговорить? Вылечить каким-нибудь заклинанием?

— Брат Прокоп... Магия запрещена. Колдовство — это *peccatum mortalium*^[101]. Четвертая пражская догма...

— Перестань трепаться, ладно? Я спросил, ты можешь меня вылечить?

— Могу. Покажи, где болит.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой мы ненадолго оставляем наших героев и переносимся из Чехии в Силезию, чтобы посмотреть, что примерно в это же время поделывают некоторые старые — и новые — знакомые.

«Я его где-то видел? — думал, глядя на гостя, Вендель Домараск, *magister scholarum*^[102] коллегиатской школы^[103] Святого Креста в Ополе. — Или я его нигде не видел? А если да, то где? В Кракове? В Дрездене? В Опаве?»

Из-за окна долетали голоса учеников, хором читающих строфы «Thebais»^[104] Стация. Декламацию то и дело прерывал визг — это присматривающий за классом помощник учителя поправлял кому-то латынь и поощрял учить прилежнее.

Посетитель был высок, худощав до предела, но в нем чувствовалась сила. Седоватые волосы он прикрывал по моде клира войлочной шапкой. Вендель Домараск мог бы поспорить на что угодно, что под ней скрывалась тонзура или ее следы. Пришелец мог бы также — об этом магистр тоже готов был поспорить — по-монашески опустить глаза, покорно склонить голову, сложить руки и бормотать молитвы. Мог бы. Если б хотел. Сейчас он определенно не хотел. Смотрел магистру прямо в глаза.

Глаза у пришельца были очень странные. Своей неподвижной пронзительностью они беспокоили, пробуждали тысячи мурашек за воротником и на спине. Но самым странным был их цвет — у них был цвет стали, цвет старого, потемневшего клинка. Реальность усиливали огоньки на радужках — тютелька в тютельку крапинки ржавчины.

— *Ecce sub occiduas versae iam Noctis habenas astrorumque obitus, ubi primum maxima Tethys imi... impulit...* Ай! О Иисусе!

Вендель Домараск, *magister scholarum* коллегиатской школы Святого Креста в Ополе, а одновременно главный резидент таборитской разведки, шеф и координатор шпионской сети в Силезии, тихо вздохнул. Он знал, кем был пришелец, его предупредили, что тот вскоре прибудет. Он знал, по чьему приказу гость явился и кого представляет. Знал, каковы полномочия гостя, знал, что тот имеет право приказывать, знал также, что грозит за невыполнение его приказов. Большого Домараск не знал. Ничего больше. Не знал он и как зовут пришельца.

— Ну да, сударь, — решил он наконец применить форму столь же вежливую, сколь и безопасно нейтральную, — нелегко нам здесь, в Силезии, в последнее время. Ох нелегко. Я, поймите, говорю это не для того, чтобы отвертеться от заданий или оправдать бездеятельность, нет, уж что нет, то нет: я прилагаю старания, брат Прокоп может быть уверен...

Он осекся. Стальной взгляд гостя, оказывается, кроме прочих, имел еще поразительную способность перекрывать поток излияний.

— В феврале прошлого года, — Вендель Домараск перешел к кратким и более конкретным фразам, — возник, как вы наверняка знаете, Отшелинский Союз. Силезские князья, старосты и рады^[105] Вроцлава, Свидницы, Явора и Клодска. Цель: мобилизация армии для удара на Чехию. А вначале, перед мобилизацией, ликвидация действующих в Силезии чешских сетей.

Посетитель кивнул в знак того, что знает. Но выражение стальных глаз не изменилось.

— Ударили по нам сильно, — без всякого выражения начал шпион. — Епископская инквизиция, контрразведка Альбрехта Колдица и Путы из Частоловиц. Аббаты из Генрикова, Каменца и Кшешова. Осенью поймали свидницкого резидента и нескольких наших людей во Вроцлаве. Кого-то заставили давать показания или кто-то предал, потому что уже во вторую неделю адвента выловили группу из Явора. Зимой арестовали большинство агентов в районе Нисы. А в этом году не проходит месяца, чтобы кто-нибудь не попался... Или кого-нибудь не убили. Террор ширится... Страх охватил людей. Вербовать новых агентов в таких условиях трудно, проникать трудно, риск предательства и провокации возрастает... Брата Прокопа, я понимаю, интересуют не трудности, а результаты, следствия... Передайте, что мы делаем все, что можем. Делаем свое. Я делаю свое. Придерживаюсь принципов ремесла и делаю свое...

— Я приехал сюда не инспектировать, — спокойно вставил сталеглазый. — У меня в Силезии свои задачи. Вас я навел по трем причинам. Во-первых, вы лучше законспирированы, а мне важна собственная безопасность. Во-вторых, мне нужна ваша помощь.

Магистр вздохнул, сглотнул слюну, смелее поднял голову.

— А в-третьих?

— Вам нужна помощь Прокопа. Вот она.

Сталеглазый развязал свой узелок, достал из него крупный сверток, обернутый овечьей шкурой и ремешком. Брошенный сверток тяжело ударился о стол, свидетельствуя о содержимом приглушенным звоном. Шпион протянул костлявую, покрытую старческими пятнами руку. Рука

походила на петушиную шпору.

— Именно это, — сказал он, не прикасаясь к свертку, — нам необходимо. Золото и победный дух. Пусть Прокоп даст мне больше золота и еще парочку побед вроде Таховской, и через год Силезия будет его.

— *Numquam tibi sanguinis huius ius erit aut magno feries impre... imperdita Tydeo pectora; vado equidem exsul... exsultans...* Ой! Ай!

— Вы упоминали, — *magister scholarum* прикрыл оконце, — что ждете моей помощи.

— Вот перечень того, что мне будет необходимо. Постарайтесь сделать это побыстрее.

— Хм-м... Будет сделано.

— Мне также необходимо встретиться с Урбаном Горном. Уведомите его. Пусть прибудет в Ополе.

— Горна нет в Силезии. Ему пришлось бежать. Кто-то донес, его уже почти схватили. Он убил в Миличе епископского убийцу и тяжело ранил другого... Ха, как в рыцарском романе. Сейчас он, пожалуй, в Великопольше. Точно не знаю. Как специальный агент Горн мне не подчиняется и ни о чем не докладывает.

— В таком случае — Тибальд Раабе. Притащите его сюда.

— С этим тоже будут проблемы. Тибальд сидит в тюрьме.

— Где? У кого?

— В замке Шварцвальдау. У господина Германа Цеттрица.

— Найдите мне хорошего коня.

* * *

Рыцарь Цеттриц-младший, хозяин Шварцвальдау, сидел, раскинувшись на напоминающем трон кресле. Стену за его спиной покрывал немного закопченный гобелен, изображающий, судя по всему, райский сад. У ног рыцаря лежали две невероятно грязные борзые. Рядом, за заставленным столом, сидела свита рыцаря, лишь немногим менее грязная, чем борзые, состоящая из пяти вооруженных бургманов и двух женщин легко угадываемой профессии.

Герман фон Цеттриц стряхнул крошки хлеба с живота и родового герба — красно-серебряной турьей головы — глянул сверху на священника, стоящего перед ним в униженной позе просителя.

— Да, — повторил он. — Конечно, да, поп. Как тебя звать? Забыл.

— Отец Апфельбаум. — Священник поднял глаза. У глаз, как отметил

Цеттриц, был цвет стали.

— Значит, — он выдвинул челюсть, — так оно и есть. Да, поп Апфельбаум. Упомянутый Тибальд Раабе сидит у меня в яме. Я арестовал мерзавца. Ибо он еретик.

— Серьезно?

— Он распевал пасквилы на попов, насмехался над Святым Отцом. Картинку такую потешную показывал, дескать, папа Мартин V в хлеву за свинками присматривает, папа — это тот третий, с тиарой на голове, третий слева. Хааа-ха-ха-хааа-ха-ха!

Цеттриц аж прослезился от смеха, с ним разом и его бургманы. Одна из борзых залаяла, получила пинка. Сталеглазый пришелец страдальчески улыбнулся.

— Однако ж я его предупреждал, — посерьезнел рыцарь, — чтобы он мне подданных не подстрекал. Пой, говорю ему, курва мать, сколь угодно песенки о Виллисе и Антихристе, называй сколько влезет попов пиявками, потому как они и есть пиявки. Но не втолковывай черни, курва твоя мать, что перед Богом все равны и что вскоре **все** будет общим, включая и мое имущество, мой бург и мою сокровищницу. И что дань замку вообще платить не надо, потому что приближающийся справедливый божеский порядок упразднит и ликвидирует всякие подати и повинности. Я предупреждал, предостерегал. Он не послушался, вот я и посадил его в яму. Еще не решил, что с ним делать. Может, велю повесить. Может, только выпороть. Может, поставлю под прангер на рынке в Ландесхуте. Может, выдам в руки вроцлавского епископа. Мне надо смягчать отношения с епископатом, потому что мы в последнее время малость пособачились, хаааа-ха-ха!

Сталеглазый священник, конечно, знал, в чем дело, Знал о нападении на монастырь цистерцианцев в Кшешове, которое Цеттриц совершил летом прошлого года. Из хохота людей за столом он сделал вывод, что они наверняка участвовали в грабеже. Возможно, он слишком внимательно присматривался, возможно, что-то было в его лице, потому что хозяин Шварцвальдау неожиданно выпрямился и хватанул рукой по поручню кресла.

— Кшешовский аббат спалил у меня трех мальчишек! — рывкнул он так, что не постыдился бы и гербовый тур. — Вопреки мне проделал. Не поладил со мной, курва его мать, хоть я его предупреждал, что так этого не оставлю! Бездоказательно обвинил парней в содействии и сочувствии гуситам, отправил на костер! А все только для того, чтобы меня обидеть. Думал, я не решусь, думал, у меня сил нет, чтобы на монастырь ударить. Ну

так я ему показал, где раки зимуют!

— Демонстрация, — священник снова поднял глаза, — прошла, если я не ошибаюсь, с помощью и при участии трутновских сирот под началом Яна Баштина из Поростле.

Рыцарь наклонился. Просверлил его взглядом.

— Кто ты такой, поп?

— А вы не догадываетесь?

— Догадываюсь, верно, — кашлянул Цеттриц. — Да и то правда, что я аббата научил повиновению с вашей неоценимой гуситской помощью. Но разве это делает меня гуситом? Я принимаю причастие по католическому образцу, верю в чистилище, а при необходимости призываю святых. У меня нет с вами ничего общего.

— За исключением добычи, награбленной в Кшешове, поделенной пополам с Баштином. Кони, скот, свиньи, деньги в золоте и серебре, вина, литургические сосуды... думаете, господин, епископ Конрад отпустит вам грехи в обмен на какого-то уличного певца?

— Не слишком ли, — Цеттриц прищурился, — смело начинаешь? Поосторожней. А то и тебя добавлю к расчету. Ох обрадовался бы тебе епископ, обрадовался бы. Однако вижу, что ты пройдоха, а не какой-то губошлеп. Только ни голоса, ни глаз не поднимай. Перед рыцарем стоишь! Перед хозяином.

— Знаю. И предлагаю по-рыцарски прикрыть дело. Приличный выкуп за оруженосца — десять коп грошей. Певец больше оруженосца не стоит. Я заплачу за него.

Цеттриц посмотрел на бургманов, те как по команде ощерились.

— Ты привез сюда серебро? Оно у тебя во вьюках, да? А конь — в конюшне? В моей конюшне? В моем замке?

— Точно. В вашей конюшне, в вашем замке. Но вы не дали мне договорить. Я дам вам за Тибальда еще кое-что.

— Интересно знать что?

— Гарантию. Когда Божьи воины придут в Силезию, а это случится вот-вот, когда начнут жечь здесь все до голой земли, ни с вашей конюшней, ни с вашим замком, ни с имуществом ваших подданных не случится ничего плохого. Мы в принципе не сжигаем имущества дружественных нам людей. А тем более союзников.

Долго стояла тишина. Было так тихо, что можно было слышать, как чешутся борзые, укрывающие в шерсти блох.

— Все вон! — неожиданно рывкнул своей свите рыцарь. — Прочь! Вон! Все! Да побыстрее!

— Касательно союза и дружбы, — проговорил, когда они остались одни, Герман Цеттриц-младший, хозяин Шварцвальдау. — Касательно будущего сотрудничества... Будущей общей борьбы и братства по оружию... И дележа добычи, естественно... Можно ли, брат чех, поговорить поподробнее?

Сразу за воротами они дали коням шпоры, пошли галопом. Небо на западе темнело, даже чернело. Вихрь выл и свистел в кронах пихт, срывал сухие листья с дубов и грабов.

— Пан Влк.

— Что?

— Благодарю. Благодарю за освобождение!

Сталеглазый священник повернулся в седле.

— Ты мне нужен, Тибальд Раабе. Мне нужна информация.

— Понимаю.

— Сомневаюсь. Да, Раабе, еще одно.

— Слушаю, пан Влк.

— Никогда больше не смей произносить вслух мое имя.

Деревушка должна была лежать как раз на пути отрядов Баштина из Поростле, которые после прошлогоднего нападения на кшешовский монастырь грабили районы между Ландешутом и Валбжихом. Деревня чем-то, видимо, насолела гуситам, потому что от нее осталась черная выгоревшая земля, из которой только кое-где что-то торчало. Мало что осталось также от местной церквушки — ну ровно столько, чтобы можно было понять, что это была церквушка. Единственное, что уцелело, был придорожный крест да лежащее за пепелищем храма кладбище, спрятавшееся в ольховнике.

Дул ветер, прочесывал покрытые лесом склоны гор, затягивал небо черно-синим покрывалом туч.

Сталеглазый священник придержал коня, повернулся, подождал, пока подъедет Тибальд Раабе.

— Слезай, — сказал он тихо. — Я сказал, ты должен дать мне некоторые сведения. Здесь и сейчас.

— Здесь? На этом зловещем урочище? Точно рядом с кладбищем? В полутьме? Под голым небом, с которого того и гляди ливанет? Нельзя поговорить в корчме, за кружкой пива?

— Я уже достаточно из-за тебя раскрылся. Не хочу, чтобы меня видели рядом с тобой. И как-то связывали. Поэтому...

Он замолчал, видя, как глаза голиарда расширяются от страха.

То, что они увидели прежде всего, была туча черных птиц, взлетевших с зарослей вокруг кладбища. Потом увидели пляшущих.

Один за другим, шеренгой, держась за руки, из-за забора кладбища выходили скелеты, отплясывали в диких и гротескных подскоках. Некоторые были голыми, некоторые неполные, некоторые приукрашены рваными истлевшими саванами, они плясали, раскачиваясь и подпрыгивая, высоко выбрасывая костлявые ступни, голени и берцовые кости, ритмично щелкая при этом щербатыми челюстями. Был ветер, завывал как проклятый, свистел между ребрами и тазовыми костями, играл на черепах, как на окаринах.

— *Totentanz*^[106]... — вздохнул Тибальд Раабе. — *Dance macabre*^[107]...

Хоровод скелетов трижды обошел кладбище, потом, продолжая держаться за руки, скелеты направились в лес, растущий на склоне, по-прежнему пляшущим шагом, подскакивая и отплясывая. Они шли, подпрыгивая и постукивая, в пыли листьев и заварухе поднятого с пожарища пепла. Тучи черных птиц сопровождали их все время. Даже тогда, когда призрачные танцоры скрылись в зарослях, бушующие над верхушками деревьев птицы отмечали путь их движения.

— Знак... — пробормотал голиард, — примета! Навалится зараза... Либо война...

— Или и то, и другое, — пожал плечами сталеглазый. — Выходит, хилиасты были правы. У этого мира нет шансов дождаться конца второго тысячелетия, гибель, судя по всем видимым знакам, захватит его гораздо раньше. Скоро, сказал бы я даже. По коням, Тибальд. Я раздумал. Давай все-таки поищем какую-нибудь корчму. Где-нибудь подальше отсюда.

— Э-э-эх, пан, — сказал Тибальд Раабе. Рот у него был забит горохом и капустой. — А где мне взять такую информацию? Да о том, что я знаю, я рассказать вам могу в подробностях. О Петерлине из Белявы. О его брате Рейневане и о романе Рейневана с Аделью Стерчевой, о том, что из этого получилось. О том, что произошло в раубритерском селе Кромолине и на турнире в Зембицах. О том, как Рейневан... Кстати, как там у Рейневана? Здоров? Как чувствует себя? Он? Самсон? Шарлей?

— Не уклоняйся от темы. Но коли уж мы об этом заговорили, кто он такой, этот Шарлей?

— Не знаете? Это, вероятно, монах или порочный священник, сбежавший вроде бы из монастырской тюрьмы. Говорят также, конкретно-то говорил мне об этом некий Тассило де Тресков, что Шарлей участвовал

во вроцлавском бунте 1418 года. Знаете, восемнадцатого июля, когда взбунтовавшиеся резники и сапожники убили бургомистра Фрейбергера и шестерых присяжных. Тридцать бунтарских голов тогда пали под палаческим топором на вроцлавском рынке, а тридцать осудили на изгнание. А раз Шарлей до сих пор голову на плечах носит, значит, должен был быть среди этих тридцати. Я думаю...

— Достаточно, — прервал сталеглазый. — Давай дальше. То, о чем я просил. О нападении на сборщика налогов и на сопровождавший его конвой. Конвой, в котором был Рейневан. И ты, Тибальд.

— Верно, верно. — Голиард зачерпнул ложку гороха. — Что знаю, то знаю. И расскажу, почему бы нет. Но обо всех других вещах...

— О Черных всадниках, кричавших «Adsumus» и, кажется, пользовавшихся арабским веществом, называемым гашиш'иш.

— Именно. Я не видел и не знаю об этом вообще ничего. Где б я мог получить такие сведения? Откуда их взять?

— Попытайся, — голос сталеглазого опасно изменился, — поискать в той тарелке, которая стоит у тебя перед носом. Между горохом и шкварками. Найдешь — твоя польза. Сэкономишь время и усилия.

— Понимаю.

— Это очень хорошо. Все сведения, Тибальд. Все, что можно. Факты, слухи, то, о чем болтают по корчмам, на базарах, ярмарках, в монастырях, казармах и замтузах. О чем плетут попы в проповедях, верующие на процессах, советники по ратушам, а бабы у колодцев. Ясно?

— Как солнце.

— Сегодня канун святой Ядвиги, четырнадцатое октября, вторник. Через пять дней, в воскресенье, мы встретимся в Свиднице. После мессы, перед церковью Станислава и Вацлава. Увидишь меня — не подходи. Я отойду, а ты иди следом. Понял?

— Да, пан Влк... Кх-кх... Простите.

— На этот раз еще прощаю. В следующий — убью.

*...Tempora cum causis Latium digesta per annum
lapsaque sub terras orta que signa canam...*^[108]

Ученики коллегиатской школы Святого Крестя в Ополе получили на сегодня в качестве задания «Fasti»^[109] Овидия. От Млыновки доносились крики рыбаков и визги ругающихся прачек. Вендель Домараск, *magister scholarum*, убрал в тайник донесения агентов. Содержание большинства

рапортов беспокоило.

Что-то надвигалось.

«Тип со стальными глазами, — подумал Вендель Домараск, — ох будут из-за него неприятности. Я понял это сразу, как только его увидел. Ясно, зачем его прислали. Это убийца. Террорист, тайный убийца. Присланный для того, чтобы кого-то прикончить. А после этого всегда начинаются облавы, развязывается дикий террор. И нельзя спокойно работать. Шпионство требует покоя, не терпит насилия и суматохи. Особенно же оно не любит людей для специальных заданий. Почему, — магистр оперся подбородком на сплетенные пальцы, — почему он спрашивал о Фогельзанге?»

— Фогельзанг. Вам о чем-нибудь говорит это название?

— Разумеется. — Домараск взял себя в руки, не позволил себе никак выразить волнение. — Естественно, говорит.

— Посему слушаю.

— Криптотим «Фогельзанг», — магистр постарался, чтобы его тон был деловым, а голос равнодушным, — придали тайной группе для специальных действий, подчиняющейся непосредственно Жижке. У группы был координатор и связной. Когда он погиб при странных обстоятельствах, контакт прервался. Фогельзанг попросту исчез. Я получил приказ группу отыскать. Предпринял действия. И поиски. Безрезультатно.

Он не опустил глаз, хотя стальные глаза кололи как иглы.

— Факты мне известны. — В голосе пришельца не было и следа возбуждения. — Меня интересует ваше личное мнение касательно этой проблемы. И выводы.

«Выводы, — подумал Домараск, — уже давным-давно сделаны. И сделал их Флютек, Богухвал Неплах, который сейчас лихорадочно разыскивает виновных. Потому что Фогельзанг, и это никакая не тайна, получил из Табора фонды. Колоссальные деньги, которые должны были послужить финансированию „специальных операций“. Деньги явно были слишком большими, а завербованные в Фогельзанг люди чрезвычайно специфичными. Эффект: исчезли деньги, исчезли люди. И скорее всего исчезли безвозвратно».

— Связной и координатор Фогельзанга, — сказал он, поторапливаемый, подгоняемый взглядом, — был, как я сказал, убит. Обстоятельства убийства были не только загадочными. Они были угрожающими, а слухи превратили их прямо-таки в кошмар. Страх перед смертью может пересилить лояльность и приверженность делу. При

большой тревоге за жизнь о лояльности забывают.

— О лояльности забывают, — медленно повторил пришелец. — Вы о своей забыли бы?

— Моя непоколебима.

— Понимаю.

«Надеюсь, так оно и есть, — подумал Домараск. — Надеюсь, он понял. Потому что я знаю, какие в окружении Прокопа и Флютека ходят слухи о предательстве, о заговоре. Заговор — это хорошо. Формируется некая секретная „специальная группа“, в нее завербовывают исключительных мерзавцев, которые при первом признаке опасности дезертируют, уворовывая доверенные им деньги. А потом их хозяева начинают вынюхивать заговоры.

И высылают в Силезию убийцу».

Прачки над Млыновкой ругались и обвиняли одна другую в проституции. Рыбаки ругались. Ученики декламировали Овидия.

*Adnue conanti per laudes ire tuorum
deque meo pavidos excute corde metus...* [\[110\]](#)

«Интересно, — подумал магистр, прикрывая окно, — где сейчас этот тип?»

— Ты знаешь эту женщину? — спросил друга Парсифаль Рахенау. — И эту девушку?

— Ты же видел, что я с ней здоровался, — проворчал, немного ослабив пояс, Генрик Барут по прозвищу Скворушка, — что в ручку чмокал. Думаешь, я привык чужие бабьи руки целовать? Это моя тетка, Грозвита, должно быть, едет куда-то. А та толстощекая — ее служанка. А та, что в чепце, — ее экономка.

— А девушка?

— Теткина дочка, моя кузинка, стало быть. Тетка — жена моего дяди Генрика, который в Смарховицах сидит и которого звать Гейеманом, и не того Генрика, с Голой Горы, по прозвищу Журавль, а того третьего, младшего брата отца, которого зовут...

— Генрик, — угадал не отрывавший глаз от светловолосой девочки Парсифаль Рахенау.

— Ты его знаешь? Значит, все в порядке. Значит, он — мой дядька,

тетка — его жена, а девчонка — их дочка. Ее зовут Офка. А чего ты так на нее пялишься, а?

— Я... — Мальчик покраснел. — Да нет. Я просто так...

Офка фон Барут только прикидывалась, будто ей больше всего нравится вертеться на корчмовой лавке, дрыгать ногами, постукивать ложкой по тарелке, рассматривать бревенчатый потолок и тербить конец косы. В действительности она уже давно заметила интерес паренька и вдруг решила прореагировать. Показав ему язык.

— Коза, — с отвращением прокомментировал Скворушка. Парсифаль смолчал. Он был целиком увлечен. Единственное, что его беспокоило, это проблема кровного родства. Рахенау состояли в родстве с Барутами, одна из сестер дяди Гавейна была, кажется, кузиной тетки жены Генрика по прозвищу Журавль. Это наверняка требовало соблюдения церковных предписаний, а с ними бывало по-всякому. Парсифаль думал о женитьбе как о малоприятной обязанности, если даже не наказании, но сейчас вне всякого сомнения, понимал, что если уж это придется делать, то он в тысячу раз больше хотел бы светловолосую Офку фон Барут, чем тощую как щепка и прыщастую Зузанну, которую настойчиво сватал Рахенау ее отец, старый Альбрехт фон Хакеборн, хозяин Пшевоза. Парсифаль твердо решил тянуть с женитьбой сколько удастся. А с течением лет Зузанна Хакеборн могла, самое большее, увеличить количество своих прыщей, у Офки же были перспективы стать красивой девушкой. Очень красивой девушкой...

Красивая *inspe* девушка, явно довольная проявлением к ней интересом, сначала приоткрыла нижние зубки, а потом снова высунула на подбородок язычок. Сидевшая рядом матрона в чепце резко одернула ее. Офка показала зубы, для разнообразия — верхние...

— Сколько... — пробормотал Парсифаль Рахенау, — сколько ей годков?

— А мне-то какое дело? — фыркнул Скворушка. — Да и тебе тоже, раз уж мы об этом заговорили. Ешь быстрее свою кашу, надо ехать. Господин Пута будет злиться, если мы вовремя в Клодск не приедем.

— Если не ошибаюсь, — раздалось рядом с ними, — я имею честь общаться с благородными господами рыцарями Генриком Барутой и Парсифалем фон Рахенау?

Они подняли головы. Рядом стоял священник, высокий, седоволосый, с глазами цвета стали. А может, они только казались такими в задымленном помещении корчмы?

— Воистину, — Парсифаль Рахенау наклонил голову, — воистину, святой отец. Это мы. Но мы не рыцари. Нас еще не посвящали...

— Однако, — улыбнулся священник, — это всего лишь вопрос времени. Причем, уверен, недолгого. Позвольте представиться. Я отец Шлосскнехт, слуга Божий... Ну и холод нынче... Хорошо б выпить подогретого винца... Господа рыцари окажут мне честь и не будут возражать, если я принесу по кружечке и для них? Желание есть?

Скворушка и Парсифаль переглянулись, сглотнули. Желание было, к тому же большое. С наличными было хуже.

— Отец Шлосскнехт, — снова назвал себя слуга Божий, ставя на стол кружки, — ныне при бжегской коллегии. Некогда был капелланом рыцаря Оттона Кауффунга, упокой Господи душу его...

— Капеллан господина Кауффунга! — Парсифаль Рахенау оторвал взгляд от Офки фон Барут, чуть не поперхнулся подогретым вином. — Клянусь головой святого Тибурция! Так ведь он, зарубленный в бою, на моих руках преставился! Два года тому назад это было, в сентябре, в Голеньевских Борах. Я был в той его свите, на которую напали разбойники! Когда они двух девушек похитили, Биберштайновну и Апольдовну. Чтобы потом их обеих опозорить, безбожники.

— Господь, будь милостив, — сложил руки священник. — Невинных дев опозорили? Сколько ж зла в этом мире... Сколько зла... Сколько греха... Кто ж мог на такое решиться?

— Рыцари-разбойники. Атаманом у них был Рейнмар Беляу. Мерзавец и колдун.

— Колдун? Невероятно!

— Поверите, когда я расскажу. Я собственными глазами видел... Да и слышал многое...

— Я тоже много чего рассказать могу! — Скворушка отхлебнул из кубка. Щеки у него уже крепко порозовели. — Ибо видел и я колдовские дела этого Белявы! Ведьм видел, летящих на шабаш! И людей, побитых на тракте под Франкенштайном, у Гороховой Горы!

— Не может быть!

— Может, может, — усердно закивал Скворушка. — Я правду говорю! Людей госпожи Держки де Вирсинг, торговли лошадьми, побили черные всадники. Рота Смерти. Дьяволы! У этого Белявы сами черти на посылках! Вы не поверите, когда я вам расскажу!

Сталеглазый священник заверил, что поверит. Подогретое вино ударяло в головы. Развязывало языки.

— Что вы сказали, преподобный? — наморщил лоб Фричко Ностиц, закидывая седло на балку. — Как вас зовут?

— Отец Хабершбрак, — тихо повторил священник. — Каноник у Пресвятой Девы в Рачибуже.

— Как же, как же, я слышал о вас, — подтвердил с совершенно уверенной миной Фричко. — И какое же у вас ко мне дело? Настолько срочное, что вы меня аж в конюшне отыскиваете? Если речь о Гедвиське Страховне, той, что из Рачибужа, то клянусь, пусть меня святой Антоний сожжет, она лжет. Отцом ее бекарта я никак быть не могу, ибо всего только один раз ее трахал, да и то в зад.

— Ах нет, нет, — быстро сказал священник, — речь, уверяю вас, совершенно о другом, не о Страховне. Хотя, я бы сказал, столь же деликатном. Я хотел бы узнать... Хотел бы узнать обстоятельства смерти моего близкого родственника. Ах, может, все же не... Я предпочитал бы...

— Что б вы предпочли?

— Поговорить об этом с кем-нибудь другим. Поскольку...

— Что-то ты крутишь, святой отец. Или говори, или пошел вон! Мне в дом пора, други ждут. Знаешь, что такое други? Дружина? Ну! Давай говори, в чем дело!

— А вы ответите, когда я спрошу?

— А это, — выпятил губы Фричко Ностиц, — будет видно. Потому что слишком уж часто вы, попы, не в свои дела нос суετε. Слишком часто. Вместо того чтобы на свой нос смотреть. И в молитвенники. Богу молиться, бедным помогать, как закон велит.

— Так я и думал, — спокойно ответил священник, поднимая глаза, у которых, как оказалось, был цвет стали. — Предвидел, что вы так ответите. Поэтому хотел вас просить только о посредничестве. А поговорить я хотел бы с вашим другом, тем итальянцем... Его мне особенно рекомендовали. Как самого мудрого и опытного среди вас.

Фричко расхохотался так громко, что кони пришлось хрипеть и топать.

— Надо же! Ну, дела! Подшутили над тобой, патер, посмеялись. Вителодэо Гаэтани самый опытнейший? В чем? В пьянке, пожалуй. Самый мудрый? Это кобель пьемонтский, тупица, болван неученый. Единственное, что может сказать, это *cazzo, fanculo, puttana porca madonna*^[111]. Ничего больше он не умеет. Ты хочешь правду узнать? Тогда у других спрашивай! У меня, чтобы далеко не ходить!

— Ежели на то ваша воля, — священник прищурился, — тогда спрошу. Как и при каких обстоятельствах погиб господин Гануш Трост, купец, убитый два года назад в районе Серебряной Горы?

— Ха! — хохотнул Фричко. — Чего-то подобного я ожидал. Но обещал, так что скажу.

Он присел на конюшенной лавке, указал священнику другую.

— В августе месяце это было как раз два года назад, — начал он. — Выехали мы из Кромелина и тут глядим, кто-то следом едет. Ну, засаду устроили, поймали. И кто ж, видим, в руки попался? Не угадаешь: Рейневан де Беляу. Тот колдун и разбойник, растлитель девиц. Ты слышал о Рейневане де Беляу, растлителе девиц?

— Что общего у растлителя девиц со смертью Троста?

— Щас расскажу. Ну, удивлю тебя, патер. Удивлю...

— Брат Кантор? Анджей Кантор?

— Я. — Дьякон в Воздвижении Святого Креста аж подскочил, услышав голос за спиной. — Это я...

На стоящем за ним мужчине был черный плащ с цветочной вышивкой, серый зауженный в талии дублет и берет с перьями, одежда на манер богатых купцов и патрициев. Но было в мужчине что-то, что никак не ассоциировалось ни с купцами, ни с мещанами. Дьякон не знал что. Может, странная гримаса? Может, голос? Может, глаза... Странные... цвета стали...

— У меня здесь для вас, — сталеглазый достал из-за пазухи мешочек, — плата. За то, что вы выдали в руки Священной Инквизиции Рейнмара фон Беляу. Койй факт имел место, как отмечено в наших книгах, здесь, в городе Франкенштайн, *quintadecima die mensis Septembris Anno Domini 1425*^[112]. Выплата немного задержалась, но, увы, так работает наша бухгалтерия.

Дьякон и не подумал спрашивать, что это за «наши книги» и «наша бухгалтерия». Он догадывался. Взял из рук мужчины кошелек. Гораздо более легкий, чем он ожидал. Однако решил, что нет смысла спорить о процентах.

— Я... — отважился он. — Я завсегда... Священная Инквизиция завсегда может на меня положиться... Я только как подозрительного узрю... Сразу же доношу... Вприпрыг к приору лечу... Вот не дале как в прошлый четверг крутился по суконницам один тип...

— За этого Беляву, — прервал сталеглазый, — мы особо благодарны. Это был крупный преступник.

— Ну! — возбудился Кантор. — Разбойник! Колдун! Говорят, людей убивал! Травил, говорят. На самого зембицкого князя руку поднял. В Олесьнице замужних женщин магией одурманивал, одурманенных

порочил, потом магически делал так, что они все забывали, А дочку господина Яна Биберштайна взял и похитил, а потом насильно... это... насильно.

— Насильно, — повторил, кривя рот, сталеглазый. — А ведь мог бы, будучи колдуном, магией одурманить, одурманенную насильно спереди и сзади, потом магически сделать так, чтобы она обо всем забыла... Что-то тут, дружок, логики маловато, тебе не кажется?

Дьякон молчал, раскрыв рот. Он не очень знал, что такое «логика». Но подозревал самое худшее.

— А если ты такой внимательный, как хвалишься, — довольно равнодушно проговорил сталеглазый, — то не выпрашивал ли кто о Беяве? Уже после его ареста? Это мог быть сообщник, гусит.

— Вы... спра... шивал один, — вопреки желанию пробормотал Кантор. Он боялся новых вопросов. В основном одного: почему не донес на того, кто пытал. А не донес из-за страха. Из-за опасности, которую вызывал у него выпрашивавший. Черноволосый, одетый в черное, с как бы птичьей физиономией. И взглядом дьявола.

— Как он выглядел? — сладко спросил сталеглазый. — Опиши. Как можно точнее. Прошу.

* * *

В приходской церкви — к удовольствию человека со стальными глазами — не было ни души. На пустую и пахнущую кадилом пресвитерию взирала с центральной доски триптиха покровительница, святая Катерина Александрийская, окруженная выглядывающими из-за облачков пухлыми ангелочками.

Сталеглазый опустил на одно колено перед алтарем и лампадкой над ларцом со святыми дарами, встал, быстрыми шагами направился к укрытой в тени бокового нефа исповедальне. Однако, прежде чем он успел присесть, со стороны ризницы долетело громкое чихание и несколько более тихое ругательство, а после ругательства полное отчаяния «Господи, прости». Сталеглазый тоже выругался. Но «Господи, прости» попридержал. Потом полез под плащ за кошельком, поскольку походило на то, что без взятки тут не обойдется.

Приближающимся оказался согбенный священничек в косматой сутане, вероятно, исповедник, поскольку шел он именно в сторону исповедальни. Увидев сталеглазого священника, он словно вкопанный

остановился и раскрыл рот.

— Слава Всевышнему, — поздоровался сталеглазый, изображая на лице по возможности приятную гримасу. — Приветствую, отец. У меня к вам...

Он осекся.

— Брат... — Лицо исповедника вдруг обмякло, обвисло в удивлении. — Брат Маркус! Ты? Ты! Уцелел! Выжил? Глазам своим не верю!

— И правильно делаешь, — холодно ответил священник с глазами цвета стали. — Ибо ошибаешься, отче. Меня зовут Кнойфель. Отец Ян Кнойфель.

— Я брат Каетан! Ты меня не узнаешь?.. Но я тебя узнаю. — Старичок исповедник сложил руки. — Как ни говори, мы четыре года провели в монастыре в Хрудиме... Мы ежедневно молились в одной и той же церкви и вкушали в одной и той же трапезной. Ежедневно встречались на хорах. До того ужасного дня, когда к монастырю подошли еретические орды...

— Ты путаешь меня с кем-то.

Исповедник немного помолчал. Наконец лицо у него просветлело, а губы сложились в улыбку.

— Понимаю! — сказал он. — Инкогнито! Опасаешься слуг дьявольских с длинными и мстительными руками. Напрасно, брат, напрасно! Не знаю, Божий странник, какие тебя привели к нам дороги, но ныне ты среди своих. Нас здесь много, нас тут целая группа, целая *communitas*^[113] несчастных беглецов, изгнанных с родины, изгнанных из своих разграбленных монастырей и обесчещенных храмов. Здесь брат Гелиодор, который еле живым ушел из Хомутова, аббат Вецхоузен из Кладрубов, есть беглецы из Страхова, из Яромира и Бжевнова... Хозяин этих земель, человек благородный и богобоязненный, благоволит к нам. Позволяет нам вести здесь школу, читать проповеди о преступлениях кацеров... Хранит нас и защищает. Я знаю, что ты пришел, брат, понимаю, что не хочешь раскрываться. Если такова твоя воля, я соблюду тайну. Слова не произнесу. Захочешь идти дальше — никому не скажу, что видел тебя.

Сталеглазый священник какое-то время глядел на него.

— Конечно, — сказал наконец, — не скажешь.

Молниеносное движение, удар, усиленный всей мощью плеча. Вооруженная зубатым кастетом пятерня ударила исповедника прямо в кадык и вбила его глубоко в раздавленную гортань и трахею. Брат Каетан захрипел, схватился за горло, глаза вылезли из орбит. Он пережил резню, которую табориты Жижки устроили Хрудимскому монастырю

доминиканцев в апреле 1421 года. Но этого удара он перенести не мог.

Святая Катерина и пухленькие ангелочки равнодушно наблюдали за тем, как он умирает.

Священник со стальными глазами снял с пальцев кастет, наклонился, ухватил труп за сутану и затащил за исповедальню. Сам присел на лавочке, прикрыв лицо капюшоном. Он сидел в полной тишине, в запахе кадил и свечей. Ждал.

Около полудня сюда, в приходскую церковь, носящую имя своей покровительницы, должна была прийти — вместе с ребенком — Катажина Биберштайн, дочь Яна Биберштайна, хозяина Огольца. Сталеглазого интересовали грешные мысли девы Катажины Биберштайн. Ее грешные деяния. И определенно исключительно грешные факты ее биографии.

В городе Свиднице, в воскресенье девятнадцатого октября, вскоре после мессы, пение и звуки лютни привлекали прохожих на улицу Котлярскую, в район лавочки горшечника, находящейся сразу у переулка, ведущего к синагоге. Стоящий на бочке немолодой голиард в красном капюшоне и каbate с зубчатой бейкой тренькал на струнах и напевал.

Nie patrzajac na biskupy,
Ktorzy maja zlotych kupy;
Boc nam ci wiare zelzyti,
Boze daj, by sie polepszyli...

С каждым новым куплетом слушателей прибывало. Небольшая толпа, окружающая голиарда, росла и плотнела. Правда, были и такие, которые спешно сбегали, сообразив, что голиардская песенка говорит не о сексе, как они ожидали, а об опасной в последнее время политике.

Dwor nam pokasil kaplany,
Kanoniki i dziekany;
Wszystko w kosciele zdworzalo,
Nabozenstwa bardzo malo..

— Правда, правда, святая правда! — выкрикнули несколько голосов из толпы. И моментально начался спор. Одни бросились яро критиковать клир и Рим, другие — наоборот — принялись их защищать, заявляя, что если не

Рим, то что? А голиард воспользовался оказией и потихоньку смылся.

Он свернул в Хмельные Арки, потом в улицу Замковую, направляясь к подвалу у Гродских ворот. Вскоре увидел цель похода: вывеску дома «Под красным грифом».

— Хорошо пел, Тибальд, — услышал он за спиной. Голиард приоткрыл капюшон, довольно вызывающе глянул прямо в глаза цвета стали.

— Часа два, — проговорил с укором, — я ждал вас после мессы у церкви. Вы не соизволили показаться.

— Хорошо пел. — Сталеглазый, сегодня одетый в рясу минорита, не счел нужным ни оправдываться, ни извиняться. — Мне понравилось. Только немного опасно. Не боишься, что тебя снова в темницу?

— Во-первых, — надул губы Тибальд Раабе, — *pictoribus atque poetis quod libet audendi semper fuit aequa potestas*^[114]. Во-вторых, а как мне другому работать для нашего дела? Я не шпион, скрывающийся во тьме либо переодетый. Я агитатор, моя задача — быть с народом.

— Хорошо, хорошо. Излагай.

— Давайте присядем где-нибудь.

— Обязательно здесь?

— Здесь отличное пиво.

— Тех черных всадников, о которых вы спрашивали, — начал голиард, когда они уселись за стол, — в Силезии видели неоднократно. Конкретно, что любопытно, их встречали как под Стшелином, когда убили господина Барта, так и в районах Собатки, когда погиб господин Чамбор из Гессельштайна. В первом случае их видел придурок пастух, во втором — пьяный органист, то есть, как легко догадаться, ни тому, ни другому не поверили. Более достойными доверия я считаю конюхов и машталеров госпожи Дзержки де Вирсинг, торговли лошадьми, на свиту которой рыцари в черных латах напали и разгромили под Франкенштайном. Есть много свидетелей этого события. Интересные вещи рассказывают также оруженосцы инквизиции...

— Ты расспрашивал оруженосцев инквизиции?

— Да что вы. Не сам. Через доверенных. Оруженосцы выболтали, что папский инквизитор, преподобный Гжегож Гейнче, уже по меньшей мере два года ведет интенсивные розыски по делу каких-то демонических всадников, разъезжающих по Силезии на черных конях. Им даже название дали — Рота Смерти, или библейское: Демоны Полуденной Поры. И еще их называют... Мстители. Но так, чтобы инквизитор не слышал. Потому

что уже давно стало ясно, что Рота Смерти убивает людей, подозреваемых в содействии гуситам, торговле с ними, доставке провианта, оружия, пороха, свинца... Либо коней, как, например, упомянутая Дзержка де Вирсинг. Следовательно, черные рыцари наши союзники, а не враги, шепчутся за спиной инквизитора его люди. Зачем их преследовать, зачем им мешать? Благодаря им у нас меньше работы.

— А нападение на сборщика, везшего подати? Как ни говори, предназначенные для войны с гуситами.

— Неизвестно, напала ли на сборщика Рота. Об этом деле ничего не известно.

Сталеглазый довольно долго молчал. Наконец сказал:

— Меня интересует, мог ли кто-нибудь после этого нападения остаться живым.

— Не думаю.

— Ты остался.

Тибальд Раабе слегка усмехнулся.

— Опыт. Я непрерывно или скрываюсь, или убегаяю. Так часто, что у меня выработался инстинкт. С того времени, как я покинул краковскую *Alma Mater* ради бродяжничества, лютни и песни. Вы знаете, как все обстоит, пан Влк: поэт — все равно что черт в женском монастыре, на него всегда все свалят, всегда его во всем обвинят. Надо уметь убегать. Инстинктивно, как косуля. Чуть что, сразу ноги в руки, недолго думая. Впрочем...

— Что «впрочем»?

— Тогда, на Черной Порубке, мне здорово повезло. Понос меня замучил.

— Что-что?

— Была в свите девушка, я говорил вам, рыцарская дочка... Никак нельзя было поблизости от девушки, стыдно... Поэтому я пошел опростаться подальше, в камыши, к самому озерку. Когда случилось нападение, я сбежал через болото. Нападавших даже не видел...

Сталеглазый долго молчал.

— Почему, — спросил он наконец, — ты мне раньше не сказал, что там было озерко?

Утопец был очень чуткий. Даже обитая в затерянном среди лесов озерке у Счиборовей Порубки, на пустоши, даже в сумерках, когда вероятность встретить кого-либо была практически равна нулю, он вел себя сверхосторожно. Выныривая, поднимал волну не крупнее рыбьей, если б не

то, что зеркало воды было совсем гладким, притаившийся в зарослях сталеглазый мог бы совсем не заметить расходящихся кругов. Вылезая на поросший камышами берег, существо едва хлюпнуло, едва зашелестело, можно было подумать, что это выдра. Но сталеглазый знал, что это не выдра.

Оказавшись уже на сухом месте и удостоверившись, что ему ничто не угрожает, утопец стал вести себя поувереннее. Выпрямился, затопал большими ступнями, подскочил, при этом вода и тина обильно и с плеском полились из-под его зеленого балахона. Уже совсем осмелевший утопец стрельнул водой из жабр, раззявил лягушачью пасть и заскрежетал громко, напоминая окружающей природе о том, кто здесь командует.

Природа не отреагировала. Утопец немного покрутился среди трав, покопался в грязи, наконец двинулся вверх к лесу. И попал прямо в ловушку. Он скрипнул, видя перед собой насыпанный из песка полукрут. Поднес плоскую ступню, попятился, изумленный. Неожиданно сообразил, в чем дело, громко заквакал и вернулся, чтобы бежать. Однако было уже поздно. Сталеглазый выскочил из зарослей и замкнул магический круг насыпанным из мешка песком. Замкнув, уселся на подгнившем стволе.

— Добрый вечер, — вежливо сказал он. — Хотелось бы поговорить.

Утопец — сталеглазый уже видел, что название «водяной» вполне подходит существу, — несколько раз попытался перескочить через магический круг — конечно, безрезультатно. Отчаявшись, он энергично потряхнул плоской головой, при этом масса воды вылилась у него из ушей.

— Бреек-рек, — заскрипел он. — Бхреkk-кекекекс.

— Выплюнь тину и повтори, пожалуйста.

— Бхреkkгрег-грег-грег.

— Изображаешь из себя идиота? Или из меня?

— Куак-квааакс.

— Пропадает талант, господин водяной. Меня не поймаетшь. Я прекрасно знаю, что вы понимаете и умеете говорить по-человечески.

Водяной заморгал двойными веками и раскрыл рот, широкий, как у жабы.

— По-человечески... — забулькал он, плюясь водой. — По-человечески, а что ж, могу. Только почему по-немецки?

— Один-ноль в твою пользу. По-чешски пойдет?

— Пожалуй, да.

— Как тебя зовут?

— Если скажу, ты меня выпустишь?

— Нет.

— Тогда иди на хрен.

Какое-то время стояла тишина. Прервал ее сталеглазый.

— Есть кое-что интересное, господин водяной. Я хочу, чтобы ты кое-что мне дал. Нет, не дал. Скажем так: открыл доступ.

— И не думай.

— Я и не думал, — усмехнулся сталеглазый, — что ты согласишься сразу. Был уверен, что над этим придется поработать. Я терпелив. Время у меня есть.

Утопец подпрыгнул, затопотал. Из-под его балахона снова полилась вода, похоже, ее там был солидный запас.

— Чего ты хочешь? — заскрипел он. — Зачем меня мучаешь? Что я тебе сделал? Чего ты от меня хочешь?

— От тебя — ничего. Скорее от твоей жены. Она же слышит нашу беседу, она там, у самого берега, я видел, как шевелились камыши и задрожали кувшинки. Добрый вечер, госпожа водяная! Пожалуйста, не уходите, вы будете нужны.

Из-под берега раздался всплеск, словно поплыл бобр, по воде пошли круги. Плененный утопец громко загудел. Звук был такой, будто трубит выпь, погружившая клюв в тину. Потом сильно раздул жабры и громко заскрипел. Сталеглазый спокойно рассматривал его.

— Два года назад, — сказал он не повышая голоса, — в сентябре месяце, который вы называете *Mheanh*, здесь, в Счиборовской Порубке, имело место нападение, драка и убийство.

Водяной снова надулся, фыркнул. Из жабр обильно брызнуло.

— А мне-то что? Я в ваши аферы не вмешиваюсь.

— Жертвы, нагруженные камнями, забросили в этот пруд, Я уверен в том, что хотя бы одна из жертв была еще жива, когда ее кидали в воду. И умерла именно и только потому, что утонула. А если все было именно так, то она у тебя хранится там, на дне, в твоём *rehoengan'e*, подводной берлоге и сокровищнице. Она у тебя там содержится в качестве *hevai*.

— В качестве чего? Не понимаю.

— Понимаешь, понимаешь. *Hevai* — того, который утонул. Она у тебя в сокровищнице. Пошли за ней жену. Вели принести.

— Ты тут чушь несешь, человек, а у меня жабры сохнут, — захрипело существо. — Я задыхаюсь... Умираю...

— Не пытайся сделать из меня глупца. Ты можешь дышать атмосферным воздухом словно рак, ничего с тобой не случится. Но вот когда солнце взойдет и начнет ветер... Когда у тебя начнет лопаться кожа...

— Ядзька! — жахнул водник. — Тащи сюда *hevai*. Знаешь, которую?

— А, так ты, значит, и по-польски говоришь.

Водяной закашлялся, брызнул водой из носа.

— Жена у меня полька, — неохотно ответил он, — из Гопла. Мы можем поговорить серьезно?

— Разумеется.

— Тогда послушай, смертный человеке. Ты верно догадался. Из тех шестнадцати, которых тогда здесь поубивали и закинули в пруд... один, хоть и крепко продырявленный, еще был жив. Сердце билось он шел ко дну в туче крови и пузырей. Заполнил легкие водой и умер, но... об этом ты тоже догадался... я успел оказаться рядом с ним, прежде чем это произошло, и у меня его... У меня есть его *hevai*. Когда я тебе ее дам... Поклянешься, что выпустишь меня?

— Поклянусь. Клянусь.

— Даже если окажется... Потому что, если ты столько знаешь, то, вероятно, не веришь в сказки и суеверия? Не вернуть утопленника к жизни, разбив *hevai*. Это глупость, предрассудок, выдумка. Ты ничего не достигнешь, только рассеешь его ауру. Заставишь погибнуть вторично в муках, таких, что аура может не вытерпеть и умереть. Поэтому если это был кто-то из твоих близких...

— Это не был никто близкий, — отрезал сталеглазый. — И я не верю в предрассудки. Предоставь мне *hevai* всего на несколько мгновений. Потом я верну ее тебе нетронутой. А тебя освобожу.

— Хм, — заморгал веками водяной. — Коли так, то на кой же... это, хрен... понадобилась ловушка? Зачем ты меня ловил, подвергал опасности стресса и нервного расстройства? Надо было прийти, попросить...

— В следующий раз.

Около берега что-то заплескалось, дыхнуло тиной и дохлой рыбой. И почти сразу, подходя медленно и опасно, словно болотная черепаха, рядом с ними оказалась жена водяного. Сталеглазый с интересом присмотрелся к ней. Он впервые в жизни видел гопляну^[115]. На первый взгляд она мало чем отличалась от супруга, но опытный глаз священника мог улавливать даже малозаметные детали. Если силезский водяной был в общем-то лягушкой, то польская водяница скорее походила на заколдованную в лягушку княжну.

Водяной взял у жены что-то похожее на большую беззубку, обросшую бахромой водорослей. Но сквозь водоросли пробивался свет. Беззубка светилась. Фосфоресцировала. словно трухлявое дерево. Или цветок папоротника.

Сталеглазый ногой разбросал песок магического круга, освобождая водяного из ловушки. Потом взял *hevai* из его рук. И тут же почувствовал, как сосуд пульсирует и дрожит, как пульсация и дрожь переходит с руки на все тело, как проникает и пронизывает его, наконец, заползает на шею и пробирается в мозг. Он услышал голос, вначале тихий, как жужжание насекомого, потом все более громкий и внятный.

— ...час смерти нашей... Сейчас и в час смерти нашей... Эленча, дитя мое... Дитя мое...

Конечно, это не был чей-то голос, это не было существо, способное говорить, с которым можно было бы разговаривать, которому можно было бы, по примеру некромантов, задавать вопросы. Как в Амсете, Хепе, Туаметефе, Квебхсенуфе, египетских канонах, как в *anquim'е*, друидском яйце, как в кристалле *oglain-nan-Druigh*, так и в *hevai* или другом аналогичном сосуде была заключена аура или, вернее, фрагмент ауры, помнящий только одно — момент, предвещающий смерть. Для ауры этот момент длился бесконечно. Уходил в вечную и абсолютную бесконечность.

— Спасите мое дитя! Пощадите! Сейчас и в час... Спасите мое дитя... Спасите мою дочь... Беги, беги, Эленча, не оглядывайся! Спрячься, спрячься, заберись в пущу... Они найдут, убьют... Смилуйся над нами... Молись о нас, грешных, сейчас и в час нашей смерти... Моя дочь... Матерь Пресветлая... В час смерти нашей, аминь... Эленча! Беги, Эленча! Беги! Беги!

Священник наклонился и положил пульсирующую внутренним светом *hevai* на берег озерка. Нежно и осторожно. Чтобы не разбить. Не нарушить. Не повредить, не порушить покой вечности.

— Рыцарь Хартвиг Штетенкрон, — сразу же угадал Тибальд Раабе. — И его дочь. Но следует ли отсюда, что она выжила? Что ей удалось убежать или скрыться? Они могли убить ее позже, когда его уже утопили.

— Баланс не сходится, — холодно ответил сталеглазый. — Утопец насчитал шестнадцать брошенных в озеро тел. Сборщик, Штетенкрон, шестеро солдат эскорта, четверо монахов, четверо пилигримов. Недостаёт одной штуки. Эленчи фон Штетенкрон.

— Они могли ее забрать. Знаете, для потехи... Поиграли, перерезали горло, бросили где-нибудь в лесу, в какую-нибудь яму от ввороченного дерева. Так могло быть.

— Она уцелела.

— Откуда вы знаете?

— Не задавай вопросов, Раабе. Найди ее. Я сейчас уеду, а когда

вернусь...

— И куда ж вы едете?

Сталеглазый взглянул на него так, что Тибальд Раабе вопроса не повторил.

Гжегож Гейнче, *inquisitor a Sede Apostolica specialiter deputatus* во вроцлавской диоцезии, долго раздумывал, идти на экзекуцию или нет. Долго взвешивал все «за» и «против». «Против» было явно больше — хотя бы то, что экзекуция была результатом деятельности епископской, то есть конкурирующей инквизиции. Аргумент «за» был в принципе только один: это было близко. Признанных виновными в ереси и содействии гуситам должны были сжигать там же, где и всегда, — на площади за церковью Святого Войцеха, вытопанной догола ногами сотен любителей наблюдать за чужими мучениями и смертью.

Взвесив «за» и «против», немного удивляясь самому себе, Гжегож Гейнче, однако, на экзекуцию пошел. Инкогнито, смешавшись с группой доминиканцев, вместе с которыми занял место на возвышении, предназначенном для духовных лиц и зрителей высшего общественного или имущественного положения. Среди этих на центральной трибуне, на скамье, обитой ярко-красным атласом, рассаживал Конрад из Олесьницы, епископ Вроцлава, автор и спонсор сегодняшнего спектакля. Его сопровождали несколько духовных лиц — среди них престарелый нотариус Ежи Лихтенберг и Гуго Ватценроде, недавно сменивший отправленного в отставку Оттона Беесса на должности препозита у Святого Иоанна Крестителя. Был там, естественно, и Ян Снешевич, епископский викарий *inspiritualibus*. Был охранник епископа Кучера фон Гунт. Не было Биркарта Грелленорта.

Подготовка к экзекуции зашла уже довольно далеко, осужденных — восемь человек — палаческие подручные затащили по лесенкам на костры и прикрепили цепями к обложенным охапками хвороста и бревнами столбам. Костры? по последней моде, были непривычно высокими.

Если б даже Гжегож Гейнче хотя б минуту и сомневался в намерениях епископа Конрада, то теперь сомневаться перестал.

Но инквизитор не сомневался. Он с самого начала знал, что епископский спектакль был представлением, направленным лично против него.

Узнавая некоторых осужденных на кострах, Гжегож Гейнче утвердился в правильности своего мнения.

Он знал трех. Один, альтарист^[116] в Святой Елизавете, болтал о

Виклефе, Иоахиме Флорском, Святом Духе и реформе Церкви, однако на следствии быстро отказался от своих ошибок, сожалел о них и после формального *revocatio et abiuratio*^[117] был осужден на ношение в течение недели покаянной одежды с крестом. Второй, художник, один из создателей прекрасных полиптихов, украшающих алтарь в Святом Идзи, угодил под инквизиторский трибунал в результате доноса, а когда донос оказался безосновательным, его освободили. Третий — инквизитор едва его узнал, потому что у него были изувечены уши и вырваны ноздри, — был еврей, некогда осужденный за богохульство и осквернение облаток. Обвинение было ложным, поэтому освободили и его. Тем не менее известие как-то дошло до епископа и Снешевича, потому что все трое стояли на кострах, привязанные цепями к столбам. И не догадывались, что своей судьбой они обязаны антагонизму между епископской и папской инквизициями. Что епископ вот-вот прикажет поджечь у них под ногами хворост. Назло папскому инквизитору.

Которым из остальных осужденных предстояло сегодня умереть исключительно ради демонстрации, Гейнче не знал. Он не помнил никого. Ни одно лица. Ни остриженной наголо женщины с потрескавшимися губами, ни дылды, ноги которого были обмотаны окровавленными тряпками. Ни седого старца с внешностью библейского пророка, вырывающегося у подсобников из рук и выкрикивающего...

— Ваше преподобие. — Он повернулся, отогнул с лица краешек капюшона. — Его милость епископ Конрад, — поклонился молоденький клирик, — приглашает к себе. Извольте следовать за мной, ваше преподобие. Я проведу.

Делать было нечего.

Епископ, увидев его, сделал краткий и скорее пренебрежительный жест рукой, указал на место рядом с собой. Его взгляд быстро пробежал по лицу инквизитора, пытаясь отыскать на нем следы чего-нибудь для себя приятного. Не нашел. Гжегож Гейнче бывал в Риме — уже научился делать хорошие мины при самой плохой игре.

— Через минуту, — проворчал епископ, — мы порадуем здесь Иисуса и Божью Матерь. А ты, отец инквизитор? Радуетесь ли?

— Невероятно.

Епископ снова буркнул что-то, втянул воздух, выругался себе под нос. Было видно, что он зол, и ясно было почему. Оказавшись на публике, он не мог напиться, а полдень уже миновал.

— Ну, тогда смотри, инквизитор. Смотри. И учись.

— Братья! — верещал на своем костре седоволосый старец, дергаясь у столба. — Опамятуйтесь! Почему вы убиваете пророков своих? Зачем пачкаете руки кровью мучеников ваших? Браааатья!

Один из подсобников — как бы случайно — ударил его локтем под дых. Пророк согнулся, захрипел, закашлялся, некоторое время было тихо. Не очень долго.

— Вы сгинете, — завыл он к явной радости толпы. — Сгииииинете! И приидет люд языческий, одних убьет, других уведет в рабство, размножатся против вас прожорливые волки и тьма, коя погрузит вас в глубины морские. Говорит Господь: поэтому скину я тебя с горы Божией... Среди камня огненного погублю тебя. И ударю тебя о землю, а пред лицом королей положу тебя, яко башмак скрипящий.

Сброд рычал и разрывался от радости.

— Господь прольет дождь на неверующих! Укрытия лжи сметет град, а укрытия зальют воды!

— А нельзя было психу заткнуть рот? — не выдержал инквизитор. — Или заставить молчать другим методом?

— А зачем? — широко усмехнулся Конрад Олесьницкий. — Пусть люди послушают его бред. Пусть посмеются. Народ трудится в поте лица, истово молится. Недоедает, особенно во время постов. Ему полагается хоть немного увеселения. Смех снимает напряжение.

Толпа явнее явного придерживалась такого же мнения, каждый новый выкрик пророка сопровождался взрывами смеха. Первые ряды ротозеев аж корчились от удовольствия.

— Сгiiiiiiiiинете!

— Никому? — снова не выдержал Гжегож Гейнче, видя, что творится. — Никому не будет оказано милосердие? Палачи не получили указаний?

— Ну как же, получили. — Епископ наконец оказал ему честь, взглянув на него глазами, в которых было торжество. — И строго придерживаются их буквы. Ибо здесь, Гжесь, не потворствуют.

Прислужники сняли лесенки, отошли. Палач подошел с зажженным от мазницы факелом. Поочередно поджег костры, в хворосте с потрескиванием оживал огонек, подымались струйки дыма. Осужденные реагировали по-разному. Некоторые начали молиться. Другие выть как шакалы. Альтарист из Елизаветы дергался, рвался, орал, бился затылком о столб. Глаза художника ожили, просветлели, вид пламени и удушье дыма вывели его из оцепенения. Остриженная женщина начала вопить, из носа у нее вытекла длинная сопля, изо рта — слюна. Пророк продолжал

выкрикивать всякий бред, но голос у него изменился. Делался писклявее, выше — тем сильнее, чем выше взбирался огонь.

— Братья! Церковь — это проститутка! Папа — антихрист! Толпа выла, орала, аплодировала. Дым густел, заслонял вид. Языки пламени ползли по дровам, взбирались вверх. Но костры были высокие. Их специально уложили так. Чтобы продлить зрелище.

— Смотрите! Вот приближается антихрист! Смотрите! Не видите? Неужели очи ваши ослепли? Он из колена Данова! Три с половиной года будет властвовать! В Иерусалиме церковь его будет! Имя его шесть, шесть и шесть, Эванфас, Латейнос, Теитан! Обличье его как у дикого зверя! Правое око его — звезда, взошедшая на рассвете, уста его шириной в локоть, зубы — в пядь! Братья! Неужто ж вы не видите! Браааа...

Огонь преодолел и наконец победил инертное сопротивление влажного дерева, прорвался, вспыхнул, загудел, над кострами вознесся чудовищный, нечеловеческий крик. Волна жара разогнала дым, на мгновение, на краткий миг в красном аду удалось увидеть дергающиеся у столбов тела людей. Огонь, казалось, вырывается у них прямо из раскрытых в крике ртов.

Ветер милостиво для Гжегожа Гейнче относил смрад в противоположную сторону.

Четыре притененные арками стороны сада монастыря Премонстратенсов^[118] на Олбине призваны были помогать медитированию, напоминая о четырех реках в раю, о четырех евангелистах и четырех основных добродетелях. Это, как его именовал святой Бернард, прибежище дисциплины отличалось порядком и эстетикой, дышало покоем.

— Что-то ты молчалив, Гжесь, — заметил Конрад Олесьницкий, епископ Вроцлава, внимательно присматриваясь к инквизитору. — Неужто нездоров? Совесть мучает или желудок?

Монастырь. Сад. Смирение. Покой. Надо сохранять спокойствие.

— С достойной удивления последовательностью и упорством ваше епископское преосвященство изволит обращаться ко мне особо фамильярно. Позволю себе и я быть последовательным: в очередной раз напомню, что я папский инквизитор, делегат апостольской столицы во вроцлавской диоцезии. А это предполагает при обращении ко мне определенное уважение и соответствующее положению титулование. «Гжесем», «Ясем», «Пасем» или «Песем» ваша милость может именовать своих слуг, каноников, исповедников и прихвостней.

— Ваше инквизиторское преподобие, — епископ вложил в сказанное столько презрительного преувеличения, сколько смог, — не должно мне

напоминать, что я могу, а чего не могу. Я сам знаю это гораздо лучше. Все очень просто: я могу все. Однако во избежание недомолвок скажу вашему преподобию, что я веду переписку с Римом. Именно с апостольской столицей. Результат переписки может быть таким, что, казалось бы, многообещающая карьера вашего преподобия может оказаться не прочнее рыбьего пузыря. Пук! И нет его. Тогда самое высокое положение, на которое наше преподобие может рассчитывать в диоцезии, это работа у меня в качестве слуги, каноника либо, как ваше преподобие выразилось, прихвостня со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и фамильным именем Гжесь. Либо Песь, если я так захочу. Ибо альтернативой будет имя «брат Грегориус» в каком-нибудь уединенном монастыре, среди живописных густых лесов, практически столь же далеко от Вроцлава, как, скажем, Армения.

— Действительно, — Гжегож Гейнче сплел пальцы, тоже оперся об арку, но глаз не опустил. — Действительно, много недомолвок ваша епископская милость не оставила. Однако старания эти весьма тщетны, поскольку факт обмена письмами между вашей милостью и Римом мне прекрасно известен. Я знаю также, что результаты этой переписки менее чем скромны, а точнее — нулевые. Никто, естественно, не запретит вашей милости кропать новые эпистолы, ибо капля камень точит, как знать, авось кто-нибудь из кардиналов наконец поддастся, возможно, меня наконец отзовут. Лично я в этом сомневаюсь, однако все в руке Божией.

— Аминь. — Епископ Конрад усмехнулся и вздохнул, радуясь стабилизации уровня беседы. — Аминь, Гжесь. А ты неглупый парень, знаешь? Это я в тебе люблю. Жаль, что только одно это.

— Воистину жаль.

— Не юродствуй. Ты прекрасно знаешь, какие у меня к тебе претензии и почему я хочу, чтобы тебя отозвали. Ты слишком мягок, Гжесь, слишком милосерден. Действуешь малорешительно, вяло и беспланово. А время этому не благоприятствует. *Haereses ac multa hala hic in nostra dioecesi surrex erunt.*^[119] Расцветают кацерство и идолопоклонство. Вокруг аж в глазах рябит от гуситских шпионов. Колдуньи, кобольды, призраки и прочие адские чудовища измываются над нами, устраивают свои шабаши на Слензе, в пяти милях от Вроцлава. Отвратительные деяния и культ сатаны процветают ночами на Гороховой, на Клодской горе, на Железняке, под вершиной Прадеда, в сотнях других мест. Поднимают головы бегинки. Насмехается над законом Божиим безбожная секта Сестер Свободного Духа, безнаказная, потому что в ней действуют и верховодят дворянки, патрицианки и настоятельницы богатейших монастырей. А ты, инквизитор,

чем можешь похвалиться? У тебя из рук выскальзывает Урбан Горн, вероотступник, предатель и гуситский шпион. Хоть был у тебя в руках, сбегает Рейнмар фон Беляу, чародей и преступник. Один за другим выскальзывают торгующие с гуситами купчики: Барт, Трост, Ноймаркт, Пфефферкорн и другие. Правда, кара настигла их, но ведь не тобой назначенная и осуществленная. Кто-то тебя выручил. Кто-то постоянно тебя выручает. Разве это порядок, чтобы инквизитора кто-то выручал? А? Гжесь?

— Вскоре, уверяю вашу милость, я положу конец этим выручательствам.

— Ты все время только уверяешь. Уже два года тому назад, в декабре, ты якобы нашел свидетеля, показания которого должны были раскрыть какую-то опасную, прямо-таки демоническую организацию или секту, виновную в многочисленных убийствах. Этого свидетеля, кажется, дьякона намысловской коллегии, ты наскреб, ха-ха, в сумасшедшем доме. Я напряженно ждал, чтобы послушать показания твоего психа. И что? Ты не сумел довести его до Вроцлава.

— Не сумел, — согласился Гейнче. — В пути он был коварно убит. Тем, кто занимается черной магией.

— Ах, ах! Черная магия.

— И это доказывает, — спокойно продолжал инквизитор, — что кому-то было важно, чтобы он молчал. Ибо если б заговорил, то его показания сильно кому-то повредили бы. Он был очевидцем убийства купца Пфефферкорна. Возможно, узнал бы убийцу, если б ему его показали.

— Может, да. А может, нет. Этого мы не знаем. А почему не знаем? Потому что папский инквизитор не умеет оградить свидетеля. Даже если этот свидетель — псих из Башни Шутов. Конфуз, Гжесь. Компрометация.

— У тебя под самым боком, — продолжал епископ, не дождавшись реакции, — расцветает преступность, никто не может считать себя в безопасности. Грабители-рыцари на пару с гуситами грабят монастыри. Евреи оскверняют облатки и могилы. Еретики уворовывают подати, обескровливающие бедный люд. Дочь Яна Биберштайна, рыцаря и вельможи, оказывается похищенной и изнасилованной явно гуситами в порядке мести за то, что Биберштайн — добрый католик. А ты что? Снова тебя приходится выручать. Я, епископ Вроцлава, у которого на шее неисчислимое множество проблем, касающихся веры, вынужден вместо тебя сжигать виновных.

— Среди сожженных сегодня, — поднял брови инквизитор, — были виновные? Что-то я не заметил.

— Способность замечать, — парировал епископ, — отнюдь не самая сильная твоя сторона, Гжесь. Несомненно, очень многого ты не замечаешь. А это, увы, вредит Силезии. И Церкви. И *Sanctum Officium*^[120], которой ты как-никак служишь.

— Святой Инквизиции вредят бессмысленные и демонстративные экзекуции. Вредит несправедливость. Именно благодаря таким действиям возникает черная легенда, миф о жестокой инквизиции, льется вода на мельницу еретической пропаганды. Я с ужасом думаю о том, что через сто лет останется только эта легенда, мрачная и чудовищная повесть о ямах, пытках и кострах. Легенда, в которую поверят все.

— Не знаешь ты ни людей, ни исторических процессов, — холодно ответил Конрад из Олесьницы. — А это перехеривает тебя как инквизитора. Тебе следует знать, Гжесь, что во всем существуют два полюса. Если возникнет чудовищная легенда, то появится и античудовищная. Контрлегенда. Еще более чудовищная. Если я сожгу сто человек, то через сто лет одни будут утверждать, что я сжег тысячу. Другие — что не сжег ни одного. Через пятьсот лет, если этот свет проживет так долго, на каждых трех, взхлеб болтающих о ямах, пытках и кострах, придется по меньшей мере один шут, который станет утверждать, что никаких ям не было, пыток не совершали, инквизиция была полна милосердия и справедлива, а если и наказывала, то как отец, увещающий нашалившее чадо, а все разговоры о кострах — не более чем вымысел и еретический обман. Поэтому делай свое дело, Гжесь, а остальное оставь истории. И людям, ее понимающим. И не пудри мне мозги разговорами о справедливости. Не ради справедливости была создана инквизиция, в которой ты работаешь. Справедливость — это *droit de seigneur*. Ergo — справедливость это я, ибо я здесь синьор, я господин, я Пяст, я князь. Князь Церкви, но такой, который *habet omnia iuratam quam dux*^[121]. Ты же, Гжесь, всего лишь, прости, слуга.

— Божий.

— Ерунда. Ты слуга, рядовой инквизиции, организации, которая призвана душировать мысль в зародыше и устрашать мыслящих, порицать и поработать вольные умы, сеять ужас и террор, делать так, чтобы сброд боялся мыслить. Ибо именно для того была создана эта организация. Жаль, что мало кто помнит об этом. Потому как распространяется и расцветает кацерство. Расцветает благодаря тебе подобным, одержимым и не отрывающим глаз от неба, ползающим босыми и копающимся в ими же придуманном исследовании Христу. Таким, которые болтают о вере и

покорности, о службе Божией, позволяют ездить на себе и гадить на себя птичкам. И время от времени получающим стигматы. Ты веришь в стигматы, Гжесь? В знамения?

— Нет, ваша милость. Не верю.

— Это уже что-то. Продолжаю: то, что ты видишь вокруг себя, отец инквизитор, есть не Божественный театр, не Божий игры. Это мир, которым надо управлять. Владеть. А власть — привилегия князей. Господ. Мир — это доминиум, который должен подчиняться владыкам и с низким поклоном принимать *droit de seigneur*, власть сеньора. И вполне естественно, что сеньорами являются князья Церкви. Как и их сыновья. Да, да, Гжесь. Миром правим мы, от нас примут власть наши сыновья. Сыновья королей, князей, пап, кардиналов и епископов. А сыновья мануфактурных купцов, прости за искренность, есть и будут вассалами. Подданными. Слугами. Они должны служить. Служить! Ты понял, Гжегож Гейнче, сын свидницкого купчишки? Понял?

— Лучше, чем полагает ваша милость.

— Так иди и служи. Будь чутким к проявлениям кацерства, как на то должно указывать твое имя: Грегорикус. Будь непримирим к еретикам, безбожникам, отщепенцам, монстрам, колдуньям и евреям. Будь немилосердным с теми, которые осмеливаются поднимать мысль, глаза, голос и руки на мою власть и на мое имущество. Служи. *Ad maiorem gloriam Dei*^[122]

— В отношении последнего ваша милость может полностью на меня рассчитывать.

— И помни. — Конрад снова поднял два пальца, но на этот раз в его жесте не было ничего от благословения. — Помни: кто не со мной, *contra me est*^[123]. Либо со мной, либо против меня, *tertium non datur*^[124]. Кто потворствует моим вратам, тот сам — мой враг.

— Понимаю.

— Это хорошо. Посему перечеркнем толстой чертой то, что было. Начнем с нового, чистого листа. *Sapienti sat dictum est*^[125] для начала договоримся так: на следующей неделе очередной десяток сожжешь ты, инквизитор Гжесь. Пусть Силезия на мгновение замрет. Пусть грешники вспомнят об адском огне. Пусть нестойкие укрепятся в вере, увидев альтернативу. Пусть доносители вспомнят, что надобно доносить, доносить много и на кого удастся. Прежде чем кто-нибудь не донесет на них. Пришло время террора и ужаса! Необходимо железной десницей и ежовой рукавицей схватить за горло змею еретичества. Сжать и не отпускать! Ибо

именно тому, что когда-то отпустили, что проявили слабость, мы обязаны теперешним расцветом ереси.

— Ересь в Церкви, — тихо сказал инквизитор, — существовала веками. Всегда. Ибо Церковь всегда была оплотом и пристанищем для людей глубоко верующих, но и живо мыслящих. Будучи одновременно, к сожалению, всегда укрытием, податливой почвой и полем для действия таких креатур, как ваша милость.

— Люблю в тебе, — сказал после долгого молчания епископ, — твой интеллект и твою искренность. Воистину жаль, что ничего более. Кроме этого.

Отец Фелициан, для мира некогда Ганис Гвисдек по прозвищу Вешка, грелся в солнечном пятне в конце монастырского сада, наблюдая из-за куста терна за погруженными в тихую беседу епископом и инквизитором. «Как знать, — думал он, — может, вскоре и меня допустят к таким беседам, может, и я смогу принять в них участие? Как равный? Ведь я иду в гору. В гору».

Отец Фелициан действительно шел в гору. Епископ отличал его за заслуги. Состоящие в основном из доносов на предыдущего подчиненного, каноника Отто Беесса. Когда в результате доносов Отто Беесс попал в немилость, на епископском дворе стали иначе смотреть на отца Фелициана. Совершенно иначе. Отцу Фелициану казалось, что с удивлением.

«Иду в гору. Ха! Иду в гору».

— Отче.

Он вздрогнул, повернулся. Монах, подошедший к нему так беззвучно, не был премонстратенсом, носил белую доминиканскую рясу. Отец Фелициан не знал его. Значит, это был человек инквизитора.

«Человек инквизитора, — подумал отец Фелициан, немедленно удаляясь. — Доминиканец, один из известных распоясавшихся и всесильных „белых преосвященств“. Этот властный, словно у самого епископа, голос. Эти глаза».

Глаза цвета стали.

Зембицкий приют Сердца Иисусова располагался вне городских стен, неподалеку от Ткацкой Калитки. Когда они туда добрались, было время трапезы. Исхудавшие и покрытые гноящимися чирьями бедняки поднимались с лежанок, брали трясущимися руками миски, макали в них хлеб, размякшие куски засовывали в беззубые рты. Тибальд Раабе откашлялся, отер глаза, прикрыл нос манжетом перчатки. Сталеглазый

священник даже внимания не обратил. Нужда и страдания не оказывали на него впечатления и перестали интересовать уже давным-давно.

Надо было ждать. Девушка, к которой они пришли, была занята в уютной кухне.

Из кухни несло воню.

Прошло некоторое время, прежде чем она вышла к ним.

«Значит, вот она, Эленча фон Штетенкрон, — подумал сталеглазый. — Не очень привлекательна». Сутулая, серая, узкогубая. С водянистым взглядом. С волосами, милостиво скрываемыми чепцом и платком. С медленно отрастающими, некогда модно выщипанными бровями. Эленча Штетенкрон, уцелевшая, во время бойни, в которой погибло шестнадцать мужчин. Единственная выжившая. Мужчины, в том числе вооруженные солдаты, погибли. Сутулая дурнушка выжила. Вывод напрашивался сам собой. Сутулая дурнушка не была простой сутулой дурнушкой.

— Благородная госпожа фон Штетенкрон.

— Пожалуйста, не называйте меня так.

— Хм-м... девица Эленча...

Эленча. Имя тоже необычное. Редко встречающееся. Тибальд Раабе проследил его происхождение — такое имя было у дочери Владислава, бытомского князя. Дед Хартвига Штетенкрона, служивший бытомскому князю, дал такое имя одной из дочерей. Родилась традиция. Хартвиг окрестил свое единственное чадо в соответствии с традицией.

Он дал знак глазами Тибальду Раабе. Голиард кашлянул.

— Девушка, — сказал он серьезно. — В прошлый раз я предупредил вас. Мне надо задать вам несколько вопросов, касающихся... Счиборовой Порубки.

— Не хочу об этом говорить. Не хочу помнить.

— Надо, — сказал слишком резко сталеглазый.

Девушка съежилась, совсем так, словно он замахнулся на нее, погрозил кулаком.

— Надо, — Священник смягчил тон. — Речь идет о жизни и смерти. Мы должны знать. Молодой дворянин, который за два дня до того присоединился к вашему эскорту и вскоре от эскорта отделился... Он был среди напавших на Порубке? Вы слышите, Эленча? Среди нападавших был Рейнмар из Беявы?

— Молодой дворянин, — пояснил Раабе, — которого ты знаешь как Рейнмара фон Хагенау.

— Рейнмар Хагенау... — Глаза Эленчи Штетенкрон расширились. —

Это... был... Рейнмар из Беявы?

— Он самый. — Сталеглазый сдержал нетерпение. — Ты его узнала? Он был среди нападавших?

— Нет! Конечно же, нет...

— Почему «конечно»?

— Потому... Потому что он... — Девушка запнулась, умоляюще взглянула на Тибальда. — Ведь он не мог бы... Милостивый государь Раабе... О Рейнмаре из Беявы... Ходят слухи... Якобы... он опозорил... дочку господина Биберштайна... Милостивый государь Раабе! Это не может быть правдой!

«Очарование, — подумал сталеглазый, сдерживая гримасу. — Очарование дурнушки, влюбленной в мечту, в образ, в строфы из „Тристана“^[126] или „Эрека“^[127]. Еще одна в нашей коллекции. Что они в нем видят? Кто поймет женщину, тот дьявола съест».

— Значит, среди нападавших не было, — удостоверился он, — Рейнмара из Беявы?

— Не было.

— Наверняка?

— Наверняка. Я бы узнала.

— А на нападавших были черные латы и плащи? Они кричали «Adsumus», то есть «Мы здесь»?

— Нет.

— Нет?

— Нет.

Они помолчали. Кто-то из бедняков неожиданно расплакался. Всхлипывающего успокаивала няня, полная монашенка в рясе клариски.

Сталеглазый не отвернулся. И не отвел глаз.

— Мазель Эленча. Атвоя мать... Мачеха... Оставшаяся вдовой после отца, она знает, что ты здесь?

Девушка отрицательно покачала головой. Губы у нее заметно вздрогнули. Сталеглазый знал, в чем дело. Тибальд Раабе докопался до истины. В тот злосчастный день рыцарь Хартвиг Штетенкрон вез дочь к живущим в Барде родственникам. Он вез ее, забрал из собственного — впрочем, очень бедного, — имения, чтобы освободить от завистливой и зловредной тирании мачехи, своей второй жены. Чтобы забрать из поля досягаемости потных лап двух сыновей мачехи, бездельников и пьяниц, которые после того, как опозорили всех местных и близлежащих служанок и дворовых девок, начинали уже многозначительно поглядывать на Эленчу.

— Ты не думала вернуться?

— Мне здесь хорошо.

«Ей здесь хорошо, — мысленно повторил он. — У родственников, до которых она добралась после бегства и бродяжничества, она пробыла недолго. Не успела ни обосноваться, ни привыкнуть, не говоря уж о том, чтобы полюбить. Уже в декабре Бардо захватили, обобрали и сожгли гуситы, градецкие Сиротки Амброжа. Родственники, оба, муж и жена, погибли во время резни. Несчастье преследует эту девушку. Фатум. Злой рок».

Из сожженного Бардо Эленча попала в приют в Зембицах. Осталась там недолго. Вначале как пациентка, погруженная в глубокую, граничащую со ступором апатию. Потом, выздоровев, занялась другими больными. В последнее время — пронырливый и вездесущий Тибальд Раабе узнал и это — ею заинтересовались штшелинские клариски, а Эленча совершенно серьезно подумывала о послушничестве.

— Значит, — сделал вывод сталеглазый, — остаешься здесь.

— Останусь.

«Останься, — подумал сталеглазый. — Останься. Совершенно необходимо, чтобы ты осталась. Эленча Штеттенкрон».

— Брат Анджей Кантор?

— Я... — Дьякон Воздвижения Креста подскочил, слыша неожиданный голос за спиной. — Это я... Ох... Матерь Божья! Это вы!

Стоявший у него за спиной мужчина был весь в черном — черный плащ, черный камзол, черные брюки, черные, доходящие до плеч волосы. Птичье лицо, нос как птичий клюв.

И взгляд дьявола.

— Это мы, — с усмешкой подтвердил птицеликий, а его усмешка заставила застыть кровь в жилах дьякона. — Давненько мы не виделись, Кантор. Я забежал в Франкенштайн, чтобы узнать, не...

Дьякон сглотнул слюну.

— Не выспрашивал ли последнее время кто-нибудь обо мне?

Установилось незыблемое правило: в те дни, когда Конрад Олесьницкий, епископ Вроцлава, прибывал в Отмуховский замок, дабы «отвести душу», двери в епископские покои охранялись особо тщательно. Так, чтобы никто не смел их ни отворить, ни тем более войти в них. Поэтому епископ обмер, когда двери неожиданно с грохотом раскрылись и в спальню ворвалась группа из нескольких человек.

Епископ выругался необычно грязно. Одна из монашенок,

веснушчатая, рыжая и коротко остриженная, с писком выскользнула из межляжечных глубин епископа, вторая монашенка, также совершенно нагая, юркнула под перину, прикрыв голову и обильные прелести верхней половины тела, но выставив при этом на публичное обозрение гораздо более интимные части нижней половины.

Тем временем группа на пороге распалась на Кучеру фон Гунту, епископского телохранителя, двух отмуховских стражников и Биркарта Грелленорта.

— Ваша милость... — выдохнул Кучера фон Гунт. — Я пытался...

— Пытался, — подтвердил Стенолаз, сплюнув кровь с разбитой губы. — Но дело, с которым я прибыл, не терпит отлагательства. Я сказал ему это, но он не хотел слушать...

— Вон! — рявкнул епископ. — Все вон! Грелленорт остается!

Стражники, сутулясь, вышли вслед за Кучерой фон Гунтом. За ними, шлепая босыми ступнями, побежали обе монашенки, стараясь прикрыть рясами и рубашками как можно больше из того, что удавалось прикрыть. Стенолаз захлопнул за ними двери.

Епископ не поднялся с ложа утехи, лежал развальясь, только прикрыл самое суть, то, над чем еще недавно усердно трудилась рыжая монашенка.

— Хорошо, чтобы это действительно было срочно, Грелленорт, — зловеще предупредил епископ. — Чтобы это действительно было важно. Так или иначе, мне уже начинает надоедать твоя наглость. Думаю, пора отказаться от дурной манеры влетать ко мне через окно или проникать сквозь стены. Это может вызвать нездоровые толки. Ну ладно. Слушаю!

— Нет уж. Это я слушаю.

— Даже так?

— А у вашей епископской милости, — процедил Стенолаз, — нет ли случайно, чего-то, что следовало бы мне сообщить?

— Ты что, белены объелся, Биркарт?

— Не утаиваешь ли ты, случаем, от меня чего-то, папочка? Что-то важное? Что-то, что, хоть оно и содержится в тайне, может стать известно всему миру?

— Что за бред! И слушать не хочу!

— Ты забыл Библию, князь епископ? Слова евангелиста? «Нет ничего тайного, что не стало бы явным»^[128]. Любезно сообщаю, что отыскан свидетель нападения на сборщика податей, совершенного неподалеку от Бардо тринадцатого сентября *Anno Domini* 1425-го.

— Ну, ну, — ощерился Конрад из Олесьницы. — Свидетель. Нашелся. И что показал? Кто, интересно бы узнать, напал на сборщика?

Глаза Стенолаза блеснули.

— Раскрытие исполнителей — это лишь вопрос времени, — буркнул он. — Ибо так складывается, что того свидетеля нашли люди, к нам не расположенные. А имея свидетеля, они по нитке доберутся до клубка, и все вылезет наружу. В том числе и золото. Так что сбавь немного тон, епископ!

Епископ Конрад некоторое время зло смотрел на него. Потом выбрался из ложа, накрыл наготу опончей. Присел на карлу. И долго молчал.

— Как ты мог, папуля, — укоризненно сказал Стенолаз, усаживаясь напротив. — Как ты мог? Ничего мне не сказав? Не поставив в известность?

— Не хотел тебя волновать, — гладко солгал Конрад. — У тебя столько забот в голове... Откуда тебе известно о том свидетеле?

— Магия. И доносители.

— Понимаю. С помощью магии и доносителей можно будет, думаю, того свидетеля выследить... И... хм-м... убрать? Вообще-то ссал я на этого свидетеля, а на недоброжелателей тем более. Ничего они не могут мне сделать. Но зачем мне эти хлопоты? Если б удалось свидетелю втихую свернуть шею... А? Биркарт, сын мой? Поможешь?

— У меня масса забот в голове.

— Хорошо, хорошо. *Mea culpa*^[129], — неохотно признался епископ. — Не злись. Ты прав. Я утаил! А что? Ты от меня ничего не утаиваешь?

— Зачем, — Стенолаз предпочитал не признаваться, что, и верно, утаивает, — зачем, поясни мне, князь епископ, ты грабанул деньги, которые якобы должны были послужить святому делу? Войне с чешской ересью. Круцьяте, к которой ты постоянно призываешь?

— Я эти деньги спас, — холодно ответил Конрад. — Благодаря мне они послужат тому, чему послужить должны. Будут истрачены на то, на что следует. На наемников, на коней, на сбрую, на орудия, на ружья, на порох. На все, с помощью чего мы сумеем преследовать, побить и уничтожить чешских отщепенцев. И можно быть уверенным, что никто эти деньги не растратит. Если бы собранные подати поехали по Франкфурт, их просто бы разворовали. Как всегда.

— Аргументация, — усмехнулся Стенолаз, — достаточно убедительная. Но сомневаюсь, чтобы папский легат дал себя убедить.

— Легат — самый большой ворюга. Впрочем, о чем мы говорим? И легат, и князя уже получили свое серебро, ведь после грабежа мы собрали подати еще раз. Как ими воспользовались, известно. Под Таховом! То, что не попало в их карманы, осталось на поле боя, с которого они позорно сбежали, все оставив гуситам! А та подать? О ней даже уже не вспоминают.

Это уже история.

— К сожалению, нет, — спокойно возразил Стенолаз. — Те подати одобрил Райхстаг. Тот, кто украл деньги, насмеялся над князьями электорами Райха, насмеялся над архиепископами. Они дела так не оставят. Будут нюхать, будут копать. В конце концов обнаружат правду. Либо у них возникнут обоснованные подозрения.

— И что мне сделают? Что они могут мне сделать? Навредить мне не смогут. Это Силезия! Здесь моя власть и сила! *Maior sum quam cui possit Fortuna nocere*^[130].

— *Quem dies vidit veniens superbum, hunc dies vidit fugiens iacentem*^[131], — столь же классической цитатой парировал Стенолаз. — Не слишком возносись, святой отец. Поостерегись. Даже если решится проблема неудобного свидетеля, следует подумать об окончательном завершении следствия, касающегося умыкания податей. И я имею в виду отнюдь не закрытие, а прекращение дела путем поимки и наказания виновного.

— По правде, — признался Конрад, — и я тоже об этом думаю. Если верить распространяемым слухам, на сборщика напал и собранное захватил Рейнмар фон Беляу, брат Петра фон Беляу, гуситского шпиона. Рейнмар сбежал в Чехию, к своим дружкам-еретикам. Поэтому мы заманим его в Силезию, схватим и подвергнем следствию. Доказательства его преступления найдутся.

— Ясно, — усмехнулся Стенолаз. — Разве нужно что-то еще, кроме признания обвиняемого? А Рейнмар признается во всех преступлениях, в каких мы его обвиним. Если достаточно долго уговаривать, признается любой. Разве что случайно умрет. Не успев признаться.

— Почему случайно? Мне кажется, совершенно явно и вполне нормально, что Беляу отдаст душу в пыточной, как только признается в нападении на сборщика. Но до того, как выдаст место укрытия разграбленного серебра.

— Ах. Ясно. Понимаю. Но...

— Что «но»?

— Люди, интересующиеся судьбой этих денег, могут, боюсь, по-прежнему сомневаться...

— Не будут. Отыщутся другие неоспоримые доказательства вины. В доме сообщника Беляу при обыске будет найден пустой сундук, тот самый, в котором сборщик вез деньги.

— Гениально. Кто будет этим сообщником?

— Еще не знаю. Но у меня составлен список. Что скажешь

относительно папского инквизитора, Гжегожа Гейнче?

— Но-но, не торопись, — насупился Стенолаз. — Излишество вредно. Я тебе уже сотню раз говорил: прекрати, святой отец, открытую войну с Гейнче. Война с Гейнче — это война с Римом, этот антагонизм тебе может только навредить. *Irritabis crabrones*, раздразнишь шершней. Хотя ты считаешь себя выше и сильнее Фортуны и ничего не боишься, тем не менее тут речь идет не только о твоей епископской заднице. Воюя с инквизитором, ты показываешь людям, что, во-первых, меж вами нет единства, что вы разделены и враждуете. Во-вторых, что инквизиции можно не бояться. А когда люди перестанут бояться, с вами, попами, может и действительно случиться нечто малоприятное.

Епископ какое-то время молчал, глядя на него исподлобья.

— Сын мой, — сказал наконец, — ты ценен для нас. Ты нам нужен. Наконец, ты нам мил и приятен. Но не раскрывай на нас слишком-то уж широко свое хайло, потому как мы можем потерять терпение. Не щерься, ибо, несмотря на истинно отчую любовь, кою мы к тебе испытываем, мы, если вывести нас из терпения, можем наказать эти зубы выбить. Все. Один за другим. С длинными перерывами, чтобы ты мог насладиться угощением.

— А кто тогда, — усмехнулся Стенолаз, — разрешит проблему неудобного свидетеля? Кто заманит в Силезию и схватит Рейневана фон Беляу?

— И верно. — Епископ задрал опончу, почесал волосатую лодыжку. — Болтаем, болтаем, словно играем, а самое главное уходит. Закрой дело, сын мой. Пусть тот свидетель исчезнет. Бесследно. Как исчез тот, которого два года назад Гейнче выкопал в Башне Шутов.

— Решено.

— А Рейнмар Беляу?

— Тоже решено.

— Ну, тогда выпьем. Давай кубок. Да сначала понюхай, какой букет. Молдавское! Я получил шесть бочонков в виде взятки. За должность схоластика в Легнице.

— Взятничество при раздаче пребенд? Скверно, папуля.

— Взятки не дают только засранцы, потому что у них кишка тонка. Так что же, сажать на церковные должности засранцев? А? Коли уж мы об этом заговорили, так, может, и ты хочешь какую-нито церковную должностишку, Грелленорт?

— Нет, князь епископ. Не хочу. Клир мне претит.

Сталеглазый, констатировал Вендель Домараск, сменил одежду,

совершенно изменил внешность. Вместо сутаны, рясы или патрицианского дублета сегодня на нем была короткая кожаная курточка, облегающие брюки и сапоги. Не было видно никакого оружия, и все же он теперь выглядел наемником, переодевание прекрасно камуфлировало. В последнее время Силезия была забита наемниками. Требовались люди, умеющие владеть оружием. Сильно требовались.

— Вскоре, — начал сталеглазый, — я исполню свою задачу. И как только выполню, тут же исчезну. Поэтому я хотел бы попрощаться с вами уже сегодня.

— С богом, — *magisters cholarum* сплел пальцы. — До встречи в лучшие времена.

— Хорошо бы. У меня есть последняя просьба.

— Считайте, что она уже выполнена.

— Я знал, да и убедился самолично, — начал сталеглазый после недолгого молчания, — что вы мастер мастеров в деле конспирации. И то, что должно быть укрыто, вы умеете укрыть. Полагаю, что сможете сделать и противоположное.

— Сделать так, — усмехнулся Домараск, — чтобы секрет перестал быть секретом? Проинформировать и одновременно дезинформировать?

— Вы читаете мои мысли.

— О чем или о ком?

Сталеглазый объяснил. Вендель Домараск долго молчал. Потом подтвердил, что сделает. Но не словами. Кивком головы.

Из-за приоткрытого оконца долетал хор голосов учеников опольской коллегиатской школы, декламирующих начало «Метаморфоз»:

*Aurea prima sata est aetas, quae vindice nullo,
sponte sua, sine lege fidem rectumque colebat.
Poena metusque aberant, nec verba minantia fixo
aere legebantur, nec supplex turba timebat
iudicis ora sui, sed erant sine vindice tuti...*

— Мудро писал великий Назон, — прервал долгое молчание прислушивавшийся сталеглазый. — Золотой был первый век, вечная весна мира. Но тот век уже не вернется. Прошел после него и серебряный, миновал и бронзовый. Теперь наступил век четвертый, век последний — железный, век стали, *de duro est ultima ferro*. Последний век — это век крови и гибели. Выбралась на свет зараза всяческого предательства. Вера и

правда отступили пред войной, убийством и пожарами. Торжествуют предательство и насилие. Ужаснувшись того, что творится, покинула землю Астрея, последняя из божеств. А когда уйдут боги... Что тогда? Потоп?

— Нет, — возразил Вендель Домараск. — Потопа не будет. И это не будет последний век. Гарантией тому хотя бы те мальчишки, которые долбят Овидия Назона. Мы, люди мрака, люди насилия и предательства, мы, это истинно, уйдем вместе с веком окровавленной стали. То, что мы делаем, делаем именно для них.

— Я тоже когда-то так думал.

— А теперь?

Сталеглазый не ответил. Пальцами, засунутыми в рукава курточки, тронул нож в прикрепленных к предплечью ножнах.

— Тебя предали, — нетерпеливо повторил Тибальд Раабе, который уже устал повторять одно и то же. — Тебя продали. Тебя превратили в приманку. Тебе угрожает смерть. Ты должна немедленно бежать. Ты понимаешь, что я говорю?

На этот раз — только на этот — Эленча фон Штетенкрон кивком головы подтвердила, а в разбавленной синеве ее глаз действительно что-то сверкнуло. Тибальда передернуло.

— Домой не возвращайся, — настойчиво сказал ом. — Не возвращайся ни в коем случае. Ни с кем не прощайся, никому ничего не говори, Коня я тебе привел, гнедого. Он стоит за больничной прачечной. Во вьюках есть все, что пригодится в пути. Прыгай в седло — и в путь. Немедленно. Ничего, что близится ночь. Ты на тракте будешь в большей безопасности, чем здесь, в Зембицах. Не ездь в Стшеллин, к монашенкам, прежде всего тебя станут искать именно на этой дороге. Поезжай во Франкенштайн, оттуда главным трактом на Вроцлав. Направляйся на таможенный пункт в Мухоборе. Там тебе любой укажет дорогу на Скалки, спрашивай о табуне госпожи Дзержки де Вирсинг. Госпожа Дзержка узнает этого коня, будет знать, что прислал тебя я. Ты расскажешь ей все. Поняла?

Она кивнула.

— У Дзержки... — Голиард беспокойно осмотрелся. — У Дзержки ты будешь в безопасности. Потом, когда все утихнет, я выведу тебя в Польшу. Если ты так уж этого хочешь, станешь клариской. Но в Старом Сонче или Завихосте. Польша, ну что ж, это не Силезия, но там тоже славно. Привыкнешь. А теперь — бывай. Да поможет тебе Бог, девочка.

— И вам, — шепнула она.

— Помни: домой не возвращайся. Сразу в путь.

— Помню.

Голиард скрылся во мраке так же неожиданно, как появился. Эленча фон Штетенкрон медленно развязала фартук, взглянула в окно, в котором ночь почти уже смазала, почти стерла с черного неба контур покрытых лесом гор.

Она взяла плащ, обвязала голову платком. И побежала. Но не за прачечную над рвом, а в противоположную сторону.

В комнате над уголком, в котором она жила, не было ничего, что ей хотелось бы взять с собой. Ничего, что она могла бы назвать своим. Ничего, о чем бы жалела.

Кроме кота.

К предостережению голиарда она отнеслась серьезно. Понимала, что это опасно. Помнила стальные глаза священника, который ее пытал, помнила страх, который он у нее вызвал. «Но ведь это всего лишь мгновение, — думала она, — я только возьму кота, ничего больше. Что может со мной случиться, ведь это всего лишь мгновение».

— Кис-кис... Кис-кис...

Оконце было приоткрыто. «Пошел, — подумала она с возрастающим страхом. — Как всегда, пошел в ночь, по своей кошачьей привычке... Как его теперь найти...»

— Кис-кис-кис. — Она выбежала во двор, путаясь в развешенных простынях. — Котик! Котик!

Сбежала по ступеням и сразу поняла, что что-то не так. Холодный ночной воздух вдруг сделался еще холодней, при вдохе перехватило горло. Холод уже не был бодрым и живительным, стал тяжелым, густым, как мокрота, как слизь, как свернувшаяся кровь. Он вдруг наполнился плотным, концентрированным злом.

В трех шагах перед ней на землю опустилась птица. Большой стенолаз.

Эленче показалось, что она вросла в землю, что вцепилась в землю корнями. Она была не в состоянии пошевелиться, не в состоянии была даже дрогнуть. Даже тогда, когда на ее глазах стенолаз начал расти. Менять форму. Превращаться в человека.

И тогда произошли две вещи одновременно. Громко замыкал кот. А из мрака ночи выскочил огромный волк.

Волк торопился, резко рванулся, вытянувшись, вперед, потом прыгнул. Но стенолаз уже опять становился птицей, размывался, уменьшался на глазах, хлопал крыльями, взлетал. Торжествующе заскрипел, когда ослепительно белые клыки кидающегося на него волка клацнули сразу за

рулевыми перьями его хвоста. После прыжка волк мягко упал и тут же помчался во мрак вслед за улетающей птицей.

Эленча схватила кота и побежала. Слезы застывали у нее на щеках.

* * *

Железный волк преследовал так, как преследует любой обычный волк, он мчался быстрым, ровным, выносливым бегом. Его чуткий нос хорошо и точно ловил напоенный магией ветер, вздымаемый крыльями летящего стенолаза. Лапы животного светились во мраке.

Шла погоня, смертельная гонка через Немчанское взгорье. Над долинами Олавы, Слензы и Быстрицы.

Дети просыпались в колыбелях, кричали, заходились плачем. Кони в конюшнях бесились. Скотина толкалась на скотных дворах.

Вскакивали разбуженные кошмаром рыцари пограничных застав.

У читающего *Nunc dimittis*^[132] сельского священника выпал молитвенник из трясущихся рук. Протирали глаза вооруженные люди на сторожевых вышках.

Шла погоня. Перед погоней, предваряя ее, словно гонец, бежал Ужас. За погоней оседала, как пыль, тревога.

Было в округе древнейшее место культа, плоский холм, а на нем помеченный кольцом камней магический солярный круг, в котором некогда молились богам, более древним, нежели народы, И было это также местом захоронения, кладбищем, некрополем людей, а может, нелюдей, названия которых затерялись во мраке веков и истории. В 1150 году, в ходе борьбы с язычеством и предрассудками, камни раскидали, а на их месте по распоряжению епископа Вальтера из Малоннэ возвели деревянную церквушку — или скорее часовенку, ораторий, ведь район был пустынный. Однако ораторий не простоял и года — сгорел от удара молнии. По тем же — либо подобным — причинам огонь уничтожал все поочередно возводимые на месте древнего акрополя церковки.

Борьба продолжалась лет двадцать, до самой смерти епископа Вальтера.

Народ стал шептать, что с древними богами лучше не задираться, а новый епископ, Жирослав, принял единственно верное решение: для возведения храма выбрал место совершенно новое, удаленное, более красивое, удачно расположенное и вообще много, много лучшее. Новой

церкви никто уже не мешал стоять и привлекать многочисленных верующих, а на старом кладбище чьи-то невидимые руки вернули культовые камни на прежнее место. Со временем их окружил венок искривленных скелетоподобных деревьев и кое-где спутанная живая изгородь усеянного убийственными иглами терна.

Место было залито лунным светом.

Подбежав трусцой к первым камням и барьеру терна, волк резко остановился, вздыбил шерсть, как перед охотничьими флажками. Он принюхивался к запаху кладбищенского разложения, постоянно витающему над возвышенностью, хоть трупы здесь не хоронили уже многие столетия. Почувствовал нагроможденные веками навалы древней магии, не дающей доступа существу, облеченному магией. Расплылся, изменил внешность. Стал человеком. Высоким человеком с глазами цвета стали.

Холодный ночной воздух, казалось, замер. Не дрогнул ни один сухой лист, ни одна метелка осоки. Тишина прямо-таки звенела в ушах.

Тишину нарушил звук шагов, тихий скрип щебня. В каменный круг вошел Стенолаз.

Стальной Волк шагнул, тоже вошел в круг. А круг неожиданно ожил. Из-за камней, из-под них, между ними, в гуще спутавшихся трав и хвороста вдруг загорелись, словно фонарики, десятки, сотни глаз, живых, подвижных, юрких, как светлячки. Ночную тишину заполнила волнующая мелодия шепотков, неразборчивое ворчание высоких, нечеловечьих голосов.

— Они пришли, — указал движением головы Стенолаз, — увидеть тебя и меня. Быть может, двух последних полиморфов в этой части света. Они видели, как мы изменяемся. Теперь хотят поглядеть, как мы будем убивать друг друга.

Он пошевелил предплечьем и ладонью, в ладонь скользнул нож, девятидюймовый толедский клинок заискрился отражением лунного света.

— Давай подарим им, — ответил хрипло Стальной Волк, — достойное зрелище. Нечто такое, о чем стоит рассказывать.

Он пошевелил рукой и ножом, который спустился ему из рукава прямо в руку.

— Ты погибнешь, Волк.

— Ты погибнешь, Птица.

Они пошли по кругу, медленно, осторожно ставя ноги, не спуская один с другого глаз. Дважды обошли круг. А потом прыгнули навстречу друг другу, нанося молниеносные удары. Стенолаз бил сверху, в лицо. Волк

отвел голову на четверть дюйма, сам ткнул снизу, в живот. Стенолаз ушел от удара, с разворота хлестнул наклонно, слева. Волк опять уберег горло умелым нырком, отпрыгнул, повернул нож в руке, обманным движением резанул снизу вверх, клинок со звоном ударился в также повернутое острие Стенолаза. Оба обменялись несколькими молниеносными ударами, отскочили.

Ни один не получил даже царапины.

— Ты погибнешь, Птица.

— Ты погибнешь, Волк.

Огоньки нечеловечьих глаз помигивали и раскачивались во мраке, мурлычущее и возбужденное бурчание нарастало, волновалось.

На этот раз они кружили дольше, то сокращая, то увеличивая дистанцию.

Напал Волк, крестом резанув ножом, который держал прямо, окончив рывок разворотом оружия и предательским ударом в шею.

Стенолаз уклонился, сам резанул слева, потом снизу направо, затем совсем низко, широким кошачьим замахом, окончившимся выпадом и тычком прямо. Волк парировал удары ножом, от тычка ушел полуоборотом, сам ткнул с выпада, финтом, с подскока ударил сверху, по боку шеи. На этот раз Стенолаз не закрылся предплечьем, развернулся, повернул нож в руке и сильно, подкрепив удар тела силой бедра, угодил Волку прямо в солнечное сплетение. Клинок вошел по самую рукоять.

Волк не издал ни звука. Только вздохнул, когда Стенолаз вырвал лезвие из раны и отступил, пригнувшись, готовый повторить удар. Но необходимости повторять не было. Нож выскользнул из пальцев Волка. Сам он упал на колени.

Стенолаз осторожно приблизился, всматриваясь в угасающие глаза цвета стали. Не произнес ни слова.

Стояла абсолютная тишина.

Стальной Волк снова вдохнул, наклонился, тяжело упал на бок. И больше уже не шевелился.

В каменном кругу валунов древнего кладбища, в пульсирующем древнейшем магией и мощью месте культа старых, забытых и вечных богов Стенолаз поднял руки и окровавленный нож. И закричал. Ликующе. Дико. Нечеловечески.

Все вокруг замерло в ужасе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой в некой корчме на развилке цветет и благоухает развлекательный промысел. Кости брошены, в результате происходит то, что якобы неизбежно и неотвратно. Тот, кто подумает, что все это должно означать начало бесчисленных осложнений, не ошибется.

Корчма на перепутье была единственной постройкой, оставшейся от бывшей здесь некогда деревни, от которой остались лишь несколько черных култей труб, жалкие остатки закопченных балок и все никак не желающий выветриваться запах гари. Кто сжег поселение, отгадать было сложно. Основное подозрение падало на немцев, либо силезцев — деревня лежала на трассе крестового похода, которой в июне 1420 года вел на Прагу король Зигмунт Люксембургский. Крестоносцы Зигмунта жгли все, что брал огонь, но корчмы старались щадить. По понятным соображениям.

Выжившая корчма была довольно типичной — приземистая, крытая стрехой, в которой старого заскорузлого мха было примерно столько же, сколько соломы, с несколькими входами и маленькими оконцами, в которых сейчас, в темноте, ползали огоньки каганков или свечей, шаткие и летучие, словно болотные огни. Из трубы выбивался, стелился по стрехе и уплывал в луга белый дым. Лаяла собака.

— Мы на месте, — остановил коня Шарлей. — Здесь, по моим сведениям, временно залег господин Фридуш Хунцледер.

— Фридуш Хунцледер, — ответил демерит на незаданный вопрос, — деловой человек, предприниматель. Удачно заполняющий пробел, возникший между спросом и предложением вследствие неких событий неканонического характера. Поставляет, назовем это так, некоторые пользующиеся спросом... эээ... артикулы.

— Содержит разъездной бордельчик, — продолжил как всегда догадливый Самсон Медок. — Либо шулерню. В смысле: игорный дом. А скорее всего и то, и другое.

— Именно так. В гуситской армии строго придерживаются военных порядков, установленных Жижкой. Пьянство, азартные игры и распутство в армии запрещены, за них грозят суровые кары вплоть до лишения жизни. Но армия это армия, в лагерях хотелось бы пить, резаться в карты и баловаться с девками. А тут — ни боже мой, нельзя. Никому. Жижковские

установления до безобразия демократичны — наказание всем без исключения. Независимо от положения и ранга. У этого есть и свои хорошие стороны: дело не доходит до расслабления и утраты боеспособности. Гейтманы это понимают, уставы одобряют, сурово и безжалостно наказывают. Но в основном, конечно, для видимости. Алебарщик, пехотинец с цепом, арбалетчик, возница — эти, верно, за кости, распутство либо кражу отправляются на порку или на виселицу, и сие правильно, ибо хорошо влияет на мораль. Но гейтман либо сотник...

— Перед нами, — догадался Рейневан, — кратко говоря, нелегальная «святыня», нелегально удовлетворяющая нелегальные потребности высших чинов. И как сильно мы рискуем?

— Хунцледер, — пожал плечами Шарлей, — действует, прикрываясь званием армейского поставщика, а принимает у себя только заслуживающих доверия офицеров. Но все равно когда-нибудь кто-нибудь его выдаст, а тогда веревка ему обеспечена. Возможно, для устрашения и примера повесят парочку тех, кого у него накроют... Но, во-первых, что за жизнь без риска. Во-вторых, в случае чего нас выручат Прокоп и Флютек. Я так думаю..

Даже если в его голосе и прозвучала едва заметная нотка неуверенности, демерит тут же приглушил ее.

— В-третьих, — махнул он рукой, — у нас тут дело.

У самой корчмы собака снова облаяла их, но сразу же убежала. Они слезли с коней.

— Основные принципы функционирования этого шалмана, я думаю, объяснять не надо. — Шарлей привязал вожжи к столбику. — Это пристанище нездоровых и запретных утех. Здесь можно упиться до смерти. Можно полюбоваться на голых девиц, можно отведать продажную любовь. Можно крупно рискнуть. Рекомендуются максимально осторожно действовать и не менее осторожно говорить. Впрочем, для ясности говорить буду только я. Играть, если дело дойдет до карт или костей, буду тоже только я.

— Понятно. — Самсон поднял с земли палочку. — Ясно, Шарлей.

— Я имел в виду не тебя.

— Я не ребенок, — поморщился Рейневан. — Говорить умею, знаю что и когда говорить. И в кости тоже играть умею.

— Нет, не умеешь. Во всяком случае, не с Хунцледером и его шулерами. Короче говоря, учти, что я сказал.

Когда они вошли, шум утих. Опустилась тишина, а несколько пар

неладно смотрящих глаз прилипли к ним, словно пиявки к дохлой плоти. Момент был неприятно беспокоящий, но, к счастью, длился недолго.

— Шарлей? Ты?

— Рад тебя видеть, Беренгар Таулер. Приветствую и тебя, господин Хунцледер. Как хозяина заведения.

За столом в обществе трех субъектов в кожаных кабатах сидел широкоплечий полный мужчина с большим носом и подбородком, изуродованным некрасивым шрамом. Его лицо было густо покрыто оспинами — интересно, что только на одной, левой стороне. Совсем так, словно складка над носом, сам нос и деформированный подбородок обозначали граничную линию, которую болезнь не осмелилась переступить.

— Господин Шарлей, — ответил он на приветствие. — Глазам своим не верю. Вдобавок с компанией, с людьми, которых я не знаю. Но коли они с тобой... Мы здесь охотно принимаем гостей. Не потому, что их любим. Ха, мы их зачастую совсем не любим. Но ими живем!

Мужчины в кожаных кабатах захохотали. Остальные радости и веселья не проявили, несомненно, слыша шутку Хунцледера не первый и не второй раз. Не засмеялся ни стоящий за стойкой дылда с красной чашей на лентнере, ни сопровождающий его бородач в черном. Законченный стереотип гуситского проповедника. Не засмеялась, как легко догадаться, ни одна из вызывающе одетых девушек, крутящихся по комнате с кувшинами и жбанам.

Не засмеялся поглаживавший кубок мужчина с темной многодневной щетиной, в куртке, порыжевшей от панциря, тот самый Беренгар Таулер, который приветствовал Шарлея сразу, как только они вошли. Именно туда, к столу Таулера, которого сопровождали еще трое, направлялся демерит.

— Приветствую и приглашаю. — Беренгар Таулер указал на лавку, любопытным взглядом окинул Рейневана и Самсона. — Представь нам... друзей.

— А зачем? — проговорил по-над своим кубком рыжеватый толстяк. — Младшего я уже видел в деле на Усти, при гейтманах. Они говорили, что он их лейбмедик.

— Рейнмар из Беявы.

— Приятно слышать. А тот?

— Тот, — ответил со свойственной ему небрежностью Шарлей, — это тот. Не помешает, не заденет. Он с деревяшками работает.

Действительно, Самсон Медок изобразил мину придурка, сел у стены и принялся строгать палочку.

— Если уж мы начали знакомиться, — Шарлей уселся, — то будь добр и ты, Беренгар...

Трое за столом поклонились. Рыжего толстяка сопровождал гордо выглядевший паренек, для гусита одетый довольно богато и цветасто, а также невысокий, худощавый и седой тип, похожий на венгра.

— Амадей Батя, — представился толстяк.

— А я — рыцарь Манфред фон Сальм, — сообщил цветастый паренек, а преувеличенная надменность, с которой он это сказал, свидетельствовала о том, что из него такой же рыцарь, как из козьей задницы труба, крещен он, вероятно, был Зденеком и ни с кем из фон Сальмов не только никогда не сидел, но даже и не стоял.

— Иштван Сеци, — подтвердил догадку мадьяр. — Выпьем? Предупреждаю, что в этом разбойничьем борделе жейдлик вина стоит три гроша, а полпинты пива — пять пенендзов.

— Но вино хорошее. — Таулер отхлебнул из кубка. — Для разбойничьего борделя и шулерни. Коли уж об этом речь, то которое из названных увеселений привело вас к Хунцледеру?

— В принципе ни одно. — Шарлей кивнул девушке со жбаном, а когда она подошла, он оценил ее взглядом. — Однако это не значит, что ни одним не воспользуемся. Выступления, к примеру, сегодня будут? Живые картинки?

— Конечно, — ухмыльнулся Таулер. — Конечно, будут. Я тут в основном из-за этого. Даже играть не буду. Боюсь, что меня освободят даже от того флорена, который надо отдать за зрелище.

— А кто это? — движением головы указал демерит.

— Тот, что у стойки, — Амадей Батя сдул пивную пену с усов, — который с чашей на груди, это Хабарт Моль из Моджелиц, сотник у Рогача. Бородач, смахивающий на священника, — его дружок. Они приехали вместе. С Хунцледером за столом сидят его шулера. Имя помню только одного, того лысого, его зовут Йежабек.

— Ну, уважаемые, — крикнул от своего стола Хунцледер, энергично и призывно потирая руки, — К столу, к столу, поиграем! Фортуна ждет!

Манфред фон Сальм сел за стол первый, его примеру последовал Шарлей, зашумели отодвигаемыми табуретами Иштван Сеци и Амадей Батя. Подсели украшенный чашей сотник от Рогача, оторвался от стойки его дружок, выглядевший проповедником, Рейневан, памятуя предупреждение Шарлея, остался. Беренгар Таулер тоже не двинулся из-за стола, кивком головы подозвал ближайшую девушку со жбаном. Она была рыжая и веснушчатая, веснушки покрывали даже ее оголенные предплечья.

Глаза у нее были обведены не такими большими и темными кругами, как у других, но лицо какое-то странно неживое.

— Во что сыграем? — спросил собравшихся за столом Хунцледер, ловко тасуя карты. — В пикет? В ронфу? В трентуно? В меноретто? Во что желаете, можно в криццу, можно баззетту... Можно и в трапполо, можно в буфф араджиато, или вы предпочитаете ганапьерде? Я знаю все *genera ludorum fortunae*^[133]! Согласен на любую. Наш клиент — наш хозяин. Выбирайте.

— Многовато нас для карт, — заметил Батя. — А пусть поиграют все. Предлагаю кости. По крайней мере для начала.

— В кости? В благородное *tessarae*. Клиент — наш хозяин. Я готов в любую игру...

— Особенно, — бросил без юмора Иштван Сеци, — в кости, которые у тебя в руке. Не считай нас идиотами, друг.

Хунцледер неискренне засмеялся, кости, которыми баловался, характерно желтые, он бросил в кубок, потрянул. Руки у него были маленькие, крепенькие, пальцы короткие, толстоватые. Его руки были полной противоположностью тому, что ассоциировалось с руками шулера и страстного игрока. Но в деле — что уж тут говорить — были хороши, шустрые как белочки.

Брошенные ловким движением из кубка желтые кости катились недолго, обе упали шестерками кверху. Продолжая кривить лицо в притворной улыбке, Хунцледер собрал кости, проделав это одним молниеносным движением, словно ловил муху со стола. Резко потрянул кубок, бросил. И снова двойная *sexta stantia*, дважды по *sex puncti*. Бросок. Два раза по шесть очков. Бросок. То же самое. Сотник снова выругался.

— Это была, — усмехнулся Хунцледер покрытой оспинами половиной лица, — всего лишь шутка. Этакая маленькая шуточка.

— Действительно, — ответил усмешкой Шарлей. — Маленькая, но со вкусом. И забавная. Однажды в Нюрнберге я был свидетелем, как за точно такую шуточку при игре на деньги шулеру сломали обе руки. На каменном порошке, при помощи кузнечного молота. Мы усмехались до слез, поверьте.

Глаза Фридуша Хунцледера неприятно разгорелись. Но он сдержался, снова ухмыльнулся рябоватой физиономией.

— Шутка, — повторил он, — это шутка. Шуткой и должна остаться. Для игры мы возьмем другие кости. Эти я убираю...

— Но не в карманы, сто чертей, — буркнул Манфред фон Сальм. — Клади их на стол. В качестве наглядного пособия. Время от времени мы будем с ними сравнивать другие.

— Как желаете, как желаете. — Шулер поднял руку, показывая, что согласен на все, все принимает и что клиент — его господин. — Какая игра вам нравится? Пятьдесят шесть? Шестерки и семерки?

— А может, — предложил Шарлей. — *Glukhaus*?

— Пусть будет *Glukhaus*. Шевелись, Йежабек.

Йежабек протер рукавом доски стола, начертил на них мелом разделенный на одиннадцать полей прямоугольник.

— Готово, — потер руки Хунцледер. — Можно ставить... А ты, брат Беренгар? Не почтишь нас? Жаль, жаль...

— Маловато искренности в твоём сожалении, брат. — Беренгар Таулер постарался сказать это так, чтобы «брат» прозвучал совсем не по-братски. — Ты ведь не можешь не помнить, как в прошлую субботу ощипал меня как гуся на святого Мартина. Из-за отсутствия денег я посижу, посмотрю на живые картины, порадуюсь кубку. И может, беседе, потому как Рейнмар тоже, вижу, не стремится в кости...

— Ваша воля, — пожал плечами Хунцледер. — Для нас же, панове, план таков: вначале поиграем в кости. Потом, когда нас приуменьшится, сыграем в пикет или в другой *ludus cartularum*. А по ходу игры будет представление, часть, значит, художественная. Фортуна, ждем тебя!

Некоторое время от стола доносились в основном ругань, стук кидаемых на стол монет, грохот *assozzamento*, стук костей, катающихся по столу.

— Насколько я знаю жизнь, — Беренгар Таулер отхлебнул из кубка, — Амадей проиграет за три пачежа и вернется сюда. Так что если у тебя есть что сказать мне по секрету, то давай.

— А почему ты думаешь, что есть?

— Интуиция.

— Ха. Ну ладно. Замок Троски, на Йичинском Погорье, вблизи Турнова...

— Я знаю, где находится замок Троски.

— Бывал там? Хорошо знаешь?

— Бывал неоднократно, знаю отлично. В чем дело?

— Мы хотим туда попасть. Беренгар снова отпил из кубка.

— С какой целью? — спросил он, казалось, равнодушно.

— Да так себе, смеха ради, — так же равнодушно ответил Рейневан. — Такая у нас фантазия и любимое развлечение: попадать в католические замки.

— Понимаю и больше вопросов не имею. Значит, Шарлей деликатно напоминает мне о моем долге. Таким путем я могу сровнять счет? Ладно.

Подумаем.

— То есть да или то есть нет?

— Значит, подумаем. Эй, Маркетка! Вина, будь добра.

Ему налила рыжая, веснушчатая, с мертвым лицом и пустыми глазами. Однако эти недостатки красоты с лихвой перекрывала фигура. Когда девушка отходила от стола, Рейневан не мог удержаться, чтобы не смотреть на ее талию и бедра, истинно гипнотизирующе покачивающиеся в легком танцевальном движении.

— Вижу, — улыбнувшись, заметил Таулер, — притягивает твой глаз наша Маркетка. Наша живая картина. Наша адамитка.

— Адамитка?

— Выходит, ты ничего не знаешь. Шарлей не говорил? А может, ты вообще не слышал об адамитах?

— Так, кое-что. Но я силезец, в Чехии всего два года.

— Закажи себе что-нибудь выпить. И сядь поудобнее.

— Когда произошел чешский переворот, — начал Беренгар Таулер, когда Рейневана уже обслужили, — возникла солидная группа чудаков и сумасшедших. В 1419 году по стране прокатилась волна религиозной истерии, сумасшествия и мистицизма. Повсюду кружили бесноватые пророки, пугая концом света. Люди бросали все и толпами шли в горы, где ждали второго пришествия Христа. На всем этом вылезли на свет старые, забытые секты. Из темных углов выползли разные хилиасты, адвентисты, никоалиты, патерниане, спиритуалы, вальденсы, бегарды, хрен их знает, кто еще. Считать не пересчитать.

За столом начался бурный спор, пошли в ход разные слова, в том числе и скверные. Громче всех кричал Манфред фон Сальм.

— Ну и началось, — продолжил Таулер, — проповеди, пророчества, вещания и апокалипсисы. Дескать, надвигается Третий Век, а прежде чем он начнется, старый свет должен погибнуть в огне, А потом Христос вернется во славе, наступит Царствие Божие, воскреснут святые, злые неотвратимо пойдут на вечные муки, а добрые будут жить в райском счастье. Все будет общее, исчезнет всякая собственность. Уже не будет богатых и бедных, не будет нужды и притеснения. На земле воцарится всеобщее благоденствие, счастье и мир. Не будет несчастий, войн и преследований. Некому будет нападать на другого или принуждать его ко греху. И никто не станет возжелать жены ближнего своего. Ибо жены тоже окажутся во всеобщем использовании.

Ну что ж, конец света, как видим, не наступил. Христос на землю не

снизошел, люди отрезвели, хилиазм и адвентизм начали терять приверженцев. Мечты о равенстве развеялись, так же как и фантазии о ликвидации всяческой власти и всяческого принуждения. Революционный Табор отреставрировал государственные структуры и уже осенью 1420 года начал взимать подати. Разумеется, не добровольные. Восстановлены были, а как же иначе-то, структуры церковной власти, таборитские, но все равно ведь структуры. Стоящий во главе этих структур гуситский епископ Микулаш из Пелгжинова возгласил с амвона канон истинной веры, а тех, кто канон не принял, объявил отступниками и еретиками. И вот гуситы, величайшие кацеры Европы, заимели собственных еретиков, собственных диссидентов. Пикартов.

— Название, — вставил Рейневан, — идет, кажется, от искаженных «бегардов».

— Так думают некоторые, — кивнул головой Таулер. — Но вероятнее всего, оно пошло от Пикардии, от вальденсов, которые именно оттуда пришли в 1418 году, найдя в Чехии укрытие и множество приверженцев. Движение быстро набрало силу и сторонников. Во главе которых встал моравец Мартинек Гуска, известный болтун. Сказать о них, что они были радикальными, значит сказать чертовски мало. Они призывали разрушать храмы, проповедовали истинную Божью церковь, утверждали, что это церковь странствующая. Полностью отрицали евхаристию. Отказывали в значимости всем предметам культа, уничтожали любую дароносицу и любую облатку, попадавшую им в лапы. Бог, возглашали они, это все, что существует, *ergo*, человек — тоже Бог.

Причастие, утверждали они, может дать каждый, а принимать его можно в любом виде. Этим утверждением они особенно досаждали каликстинцам. Как же так, кричали они, мэтр Гус позволил себя сжечь, а мы проливаем кровь за причастие *sub utraque specie*, то есть в хлебе и вине, а тут какой-то Мартинек Локвис дает его в виде каши, гороха и кислого молока?

Самсон в своем углу усиленно стругал, по острию его складного ножа закручивались красивые выющиеся стружки.

— В феврале 1421 года сектанты настолько надоели, что их изгнали из Табора, приказали уйти вон. Гору покинуло около четырехсот пикартов, которые основали собственный укрепленный лагерь в близлежащих Пшибеницах...

— О чем болтаете? — полюбопытствовал Амадей Батя, возвращаясь от игорного стола с преувеличенно веселой миной человека, которого обыграли.

— О пикартах.

— А, голышах. Хе-хе... Понимаю.

— Среди пшибеницких изгнанников, — продолжил рассказ Таулер, — уже не было Гуски-Локвиса, верховодил там проповедник Петр Кавниш. И его дружки: Ян Быдлин, Микулаш Слепой, Тршачек, Буриан. Они провозгласили полную ликвидацию семейных уз, отменили супружеские союзы, объявили братское равноправие и полную сексуальную свободу. Решили, что они безгрешны, как Адам и Ева, а поскольку среди безгрешных не место стыду, скинули одеяния и расхаживали голышом, в одежде Адама — отсюда пошло название «адамиты», все чаще ассоциирующееся с ними. С величайшим рвением придавались совместным оргиям. Однако вскоре между главарями-жрецами начались внутренние столкновения и разборки — кажется, в них меньше шла речь о религиозных проблемах, а больше о разделе гаремов. Несколько главарей ушли, захватив с собой группки сторонников и табунки бабенок. Впрочем, большинству бабенок очень нравилось быть в пикардских коммунах, где придерживались идеи полного равноправия полов. Воплощая ее в жизнь, *nota bene*, таким образом, что каждая баба могла связываться и... трахаться с кем только душеньке угодно. Впрочем, свобода эта была лишь видимостью, потому как роль петухов в этих курятниках исполняли Каниш и другие жрецы. Однако бабешки были так увлечены, так переполнены мистицизмом, что наперегонки стремились услужить какому-нибудь «святому мужу», считали разведение ног привилегией, религиозным служением и прямо-таки впадали в раж, если «святой» по своей доброте изволил воспользоваться их выпяченной... э... гузкой.

— Да, — философически вставил Амадей Батя, не отрывая глаз от задка одной из прислуживающих игрокам девушек, — такова уж женщина, любвеобильна. И в похоти ненасытна. Сколько свет стоит, так было и так будет *in saecula saeculorum*^[134].

— А вы, — подсел к ним Шарлей, которому, видимо, надоела игра, — как всегда, о бабах?

— Я излагаю твоему другу, — обрезал Беренгар Таулер, — краткий курс истории.

— Тогда и я охотно послушаю.

— У Жижки, — откашлялся Таулер, — пикарты все время были бревном в глазу. Против чехов снаряжали крестовые походы, католическая пропаганда раздувала проблему пикартского сектантства, адамиты оказались для нее прямо-таки пределом мечты. Вскоре вся Европа верила, что все чехи как один ходят голышом и трахаются все подряд в

соответствии с учением Яна Гуса. Перед угрозой крестовых походов анархия в рядах могла оказаться губительной. А у пикартов, что уж говорить, по-прежнему были в Таборе тихие союзники. В конце марта 1421 года Жижка ударил на коммуну Каниша. Часть сектантов вырезали, часть, несколько десятков человек, в том числе самого Каниша, поймали. Всех пойманных сожгли живьем. Произошло это в деревне Клокоты, во вторник перед святым Георгием. Место было выбрано не случайно. Клокоты лежат совсем рядом с Табором, и казнь можно было наблюдать со стен. Жижка предостерегал Табор...

Он замолчал, глянул в угол, на Самсона Медка.

— Ну и стругает же он этот колышек, — вздохнул он. — Аж стружки летят... А ему не опасно давать нож? Он себе рук не порежет?

— Не бойся. — Рейневан уже привык к таким вопросам. — Он вопреки видимости очень осторожен. Продолжай, брат Беренгар. Что было дальше?

— Поочередно прикончили других сектантов, пока не осталась только одна группа: коммуна Буриана. Эти прятались в лесах у реки Нежарки. Жуткая банда, наирадикальнейшие из радикальных, совершенно сбрендившие и убежденные в своей божественной миссии. Они начали нападать на окружающие деревни и поселения, как говорили, чтобы «обращать». В действительности убивали, грабили, жгли, куражились, совершали невероятные зверства. Не боялись никого. Буриан, их вожак, которого, как, впрочем, раньше Каниша, уже официально именовали «Иисусом» и «сыном Божиим», вдалбливал им, что, будучи избранниками, они неприкасаемы и бессмертны, что ни один нож их не возьмет и никакое оружие не может ранить. Окружил себя гаремом из двадцати с чем-то женщин и девушек. Наконец дошел до того, что...

— Ну?

— Начал причащать... Хм-м-м... С помощью... *fellatio*^[135]. Святое причащение, а? Но быстро приближался конец пикартского *intermezzo*. Жижка уже навис над ними как ястреб. В октябре выследил и окружил. Адамиты Буриана яростно сопротивлялись, дрались как дьяволы. Их вырезали, а примерно полсотни взяли живыми. Все сгорели на кострах. Половина были женщины, в большинстве — беременные. К ним отнеслись милостиво: адамитов перед сожжением подвергли жесточайшим мучениям. Адамиток сожгли без пыток.

— Всех?

— Нескольких, — покачал головой Беренгар Таулер, — оставили. В большом секрете, старательно спрятав от Жижки. О сексуальной свободе

адамитов в то время уже хорошо знали. Адамитки, шел слух, любят, раздеваясь догола, а когда касается этих дел, то прямо-таки обожают оргии, особенно групповые, ничто не доставляет им большего удовольствия, чем коллективные игры, по несколько на одну. Ну а если они это так любят...

— Не надо. — Рейневан стиснул зубы. — Не надо досказывать.

— Однако должен. Одна из тех, которых пощадили, последняя живая, как раз несет сюда жбанчик.

— Маркета, — подтвердил Амадей Батя. — Некогда любимая жопка адамита Буриана, его фаворитка. Хунцледер выкупил ее у таборитских братьев, когда она им осточертела. Сейчас она его рабыня. Собственность. Целиком и всегда. До самой смерти.

— Уйдя в коммуны, она сожгла мосты. — Таулер заметил удивленную мину Рейневана. — Возврата нет. Сектанты отказались от родственников...

— А охота на пикартов продолжается, — добавил, на первый взгляд равнодушно, Шарлей. — Почти ежедневно ловят и сжигают какого-нибудь, перед сожжением истязают. Девка вынуждена делать то, что приказывает Хунцледер, она отдана на его милость и немилость. И только благодаря ему живет.

— Живет? — Рейневан повернул голову. Никто ему не ответил.

Названная Маркетой рыжеволосая девушка наполнила кубки. Теперь Рейневан рассмотрел ее внимательнее. На этот раз, наливая ему, она подняла глаза. В ее взгляде не было того, что он ожидал, на что надеялся: боли, стыда, покорности, подчиненности рабыни. Глаза рыжеволосой девушки заполняла огромная, безбрежная пустота.

Уголком глаза он заметил то, что удивило его еще больше.

Самсон Медок перестал стругать.

— Ну, господа и братья. — Хунцледер поднялся из-за стола. — Время развяться после трудов. Слуги, передвинуть лавки! Двигайся, Йежабек! Эй, вы там, девки, нацедить вина и подать! А вам, гости, напоминаю, что это развлечение платное. Глаза может порадовать тот, кто не пожалеет флорена либо венгерского дуката. Или равноценности, то есть тридцати широких грошей. Однако не пожалеет тот, кто не поскупится! Дело стоит и десяти дукатов, ручаюсь!

Вскоре гости расселись в импровизированном зале за дубовым столом, на котором недавно играли.

Стол осветили фонарями. Один из кнехтов начал вдруг ритмично бить в бубен. Шум утих.

Из эркера вышла Маркета. Бубен умолк.

Она шла спокойно, босая, окутанная чем-то, что только спустя

некоторое время удалось определить как стихарь, настоящее литургическое одеяние. С помощью одного из слуг поднялась на стол. Немного постояла неподвижно, вслушиваясь в ритм бубна. Потом приподняла платье. Чуть повыше колен. Потом еще выше. Затанцевала легко, повернулась, легкая, как фривольная пастушка. Манфред фон Сальм восторженно крикнул, ударил в ладоши.

Маркета даже не обратила внимания. Каждый ее жест, каждое движение, каждый взгляд, каждая неестественная улыбка говорили об одном: я здесь одна. Я одна, одна, одинока и далека от вас. От вас и от всего того, чем вы являетесь. Я совершенно в другом мире.

Et in Arcadia ego, подумал Рейневан. *Et in Arcadia ego*^[136].

Бубен загудел быстрее, но девушка не подлаживалась к ритму. Наоборот — двигалась, выходя из ритма. Медленно, как бы сонно. Возбуждающе и гипнотизирующе. А подтянутый подол стихаря поднимался все выше и выше, непрерывно, дошел до середины бедер, выше, еще выше, приоткрывая наконец то, чего ждали все, при виде чего прореагировали невольными гримасами, кашлем, стоном, сопением, громким сглатыванием слюны. Бубен ударил сильно и замолк, а Маркета медленно подняла стихарь. И быстро стянула его через голову. Веснушки покрывали ее плечи и руки, мелкой пылью запорошили шею и груди. Ниже их уже не было.

Бубен зашелся дробью, а девушка начала поворачиваться, поворачиваться и раскачиваться, как вакханка, как Саломея. Теперь стало видно, что маковые зернышки веснушек покрывают также ее спину и шею. Буря волос вздыбилась как волны Красного моря за мгновение до того, как Моисей приказал ему расступиться.

Бубен загрохотал сильнее. Маркета замерла в позе столь же неприличной, сколь и противоестественной. Манфред снова заплодировал, рогачевский сотник ухнул, ухнул также Амадей Батя, колотя себя по бедрам, Хунцледер захохотал. Беренгар Таулер принялся выкрикивать «браво».

Но это не был конец представления.

Девушка присела, подхватила руками груди, сжав их и направив на зрителей. При этом раскачивалась и извивалась словно змея. И улыбалась. Но это не была улыбка. Это были спазмы мускулов, *spasmus musculi faciei*. По знаку бубна Маркета гладко и ловко перешла из присядки в посадку. Бубен принялся бить мелко и неистово, а девушка снова начала извиваться змеей. И наконец замерла, откинула голову назад и широко развела бедра. Так широко, что никого из зрителей не обошла ни одна деталь. Ни даже

деталь детали.

Прошло некоторое время.

Девушка схватила стихарь, прыгнула со стола и скрылась в эркере. Ее преследовали аплодисменты и рев зрителей. Манфред фон Сальм и сотник Рогача кричали и топали, Беренгар Таулер стоя аплодировал, Амадей Батя орал петухом.

— Ну что? — Фридуш Хунцледер встал, пересек комнату и сел за стол. — Как? Вы когда-нибудь видели такую же рыжую? Зрелище не стоило дуката? А коли мы уж об этом заговорили, милостивый государь Шарлей, то от тебя я получил только два. А ведь вы пришли втроем. А здесь каждая пара глаз идет в счет — кто смотрит, тот платит. У нас революция, все равны, мужчина и мальчик. А ну! Это я не тебе, а твоему хозяину! Ты возвращайся туда, где сидел, продолжай стругать свой колышек. Да и есть ли у тебя дукат-то? Ты когда-нибудь в жизни видел дукаты?

Рейневан не сразу понял, к кому обращается Хунцледер. Изумление прошло не сразу.

— Ты глухой? — спросил Хунцледер. — Или только глупый?

— Девушка, которая танцевала, — Самсон Медок стряхнул стружки с рукава. — Я хотел бы ее отсюда забрать.

— Чтоооооо?

— Хотел бы принять, я бы так сказал, права собственности на нее.

— Чтоооооо?

— Слишком мудро? — Самсон ни на тон не повысил голоса. — Тогда скажу проще: она твоя, а должна быть моей. Давай покончим с этим.

Хунцледер смотрел на него долго, словно не мог поверить собственным ушам и глазам. Наконец громко фыркнул.

— Господин Шарлей, — повернул он голову. — Это что за фокусы? Что, у вас всегда так? Он сам по себе? Или вы ему приказали?

— Он. — Шарлей доказал, что даже совершенно неожиданное событие не может застать его врасплох. — У него есть имя. Его зовут Самсон Медок. Я ничего ему не приказывал. И не запрещал. Он свободный человек. Имеет право на самостоятельные торговые сделки.

Хунцледер осмотрелся. Ему не понравились ни откровенный хохот Манфреда фон Сальма, ни фыркание Амадея Бати, ни явно насмешливые мины остальных. Они ему не нравились. Это можно было запросто прочесть по его лицу.

— Из самостоятельной сделки, — процедил он, — ничего не получится. Девка не продается, это раз. Я не торгую с идиотами, это два.

Выматывай отсюда, чурбан. Пошел вон. Приведи в порядок лошадей, очисти сральню или что-нибудь еще. Это заведение для игроков. Не играешь — выматывайся.

— Но ведь я именно игру имел в виду, — ответил Самсон, спокойный как изваяние. — Торговля людьми — занятие для разбойников и последних сукиных сынов. А вот риск... Ну что ж, при многочисленных недостатках он обладает и положительными качествами. В лотерейной игре, как на это указывает ее название, приходится поручить себя неведомой судьбе. Тебя не интересует непредугаданная судьба, Хунцледер? Ты вроде бы готов к любой игре. Так ну же, давай. Один бросок камнями.

В комнате воцарилась тишина. Лица некоторых присутствующих все еще искажали гримасы веселья, но уже никто не смеялся громко. Покрытая оспинами половина лица Хунцледера неприятно искривилась. Движениями головы он, приказав своим слугам выйти из тени. Потом бросил Самсону пару костей, тех, которыми играли. Себе взял свои, желтые.

— Ну что ж, сыграем, — проговорил он ледяным голосом, — Один бросок. Выиграешь — девка твоя. Тебе не придется даже доплачивать, знай наших. Однако если я выкину больше, чем ты...

Он щелкнул пальцами. Один из слуг подал ему небольшой топорик. Второй поднес заряженный арбалет. Шарлей быстро схватил Рейневана за руку.

— Если я выкину больше, — dokonчил шулер, кладя топорик перед собой на стол, — я отрублю тебе столько пальцев, сколько очков выкинешь ты. У рук. А понадобится, то и у ног. Как уж там в игре получится. И как решит неведомая судьба.

— Эй-эй, — зло сказал Иштван Сеце. — Это еще что такое? Брось свои желтые кости, зараза...

— Бойню, — подхватил Хабарт Моль из Моджелиц, сотник у Рогача, — собираешься здесь устроить?

— Теленок захотел поиграть! — заглушил обоих шулер. — Будет ему игра! Он вроде бы человек свободный. Имеющий якобы право на самостоятельность. Так что может еще отказаться. Самостоятельно признать, что сглупил, и самостоятельно уйти отсюда. Никто его не задержит, если не будет слишком долго тянуть с уходом.

Сотник, это было видно, может, и стал бы спорить, да и напряженные мины венгра и Бати тоже кое о чем свидетельствовали. Но прежде, чем кто-либо успел что-нибудь сказать, Самсон тряхнул костями и кинул их на стол. Одна упала кверху четверкой, вторая тройкой.

— Это, — сказал он с поразительным спокойствием, — будет семь

пунктов, если не ошибаюсь.

— Не ошибаешься. Четыре плюс три дают семь. А если считать твоими пальцами — десять да десять получается двадцать. Пока что.

Кости покатились. Все свидетели происходящего вдохнули в один голос. Йежабек выругался.

Обе желтые кости упали одним-единственным глазком кверху.

— Ты проиграл, — прервал гробовую тишину бас Самсона Медка. — Тебе не повезло. Девушка моя. Так что я забираю ее и действительно ухожу.

Хунцледер напал со скоростью дикой кошки. Топорик свистнул в воздухе, но не врезался, как должен был бы, в висок Самсона. Гигант был еще быстрее. Он отвел голову, левой рукой схватил шулера за локоть, правую стиснул на пальцах, держащих оружие. Все слышали, как Хунцледер взвыл и как хрустнули кости. Самсон вырвал топорик из раздавленных пальцев, отвел его, пригнул шулера к столу, обушком крепко саданул по пальцам второй руки, упирающейся в столешницу. Хунцледер завыл еще громче. Самсон ударил еще раз. Шулер повалился лицом на стол и потерял сознание.

Потерял сознание, не увидев, как Рейневан с ловкостью лесной кошки подскочил к слуге, целящемуся из арбалета, и подбил оружие так, что ложе с малоприятным звуком ударило по губам и зубам. Как Шарлей выводит из строя другого кнехта своим излюбленным пинком по колену и дробящим нос ударом. Как Амадей Батя валит одного из шулеров табуретом по крестцу, как Беренгар Таулер с помощью выхваченных неведомо откуда стилетов предупреждает других, что их вмешательство чревато риском, а Рейневан вырванным у слуги арбалетом придает предостережению опасную серьезность. Как Йежабек сидит, замерев с идиотски раскрытым ртом, из-за чего выглядит совершенно как деревянная деревенская статуэтка святого. Как Самсон спокойно направляется в эркер и выводит оттуда рыжую веснушчатую девушку. Девушка была бледной, шла неохотно, даже немного сопротивляясь, но Самсона это нисколько не волновало. Он бесцеремонно, но негрубо и решительно вел ее за собой.

— Пошли, — бросил он Рейневану и Шарлею. — Пошли отсюда.

— И поскорее, — подтвердил Беренгар Таулер, не выпуская из рук двух стилетов. — Пошли, и поскорее. Я и Амадей с вами.

Они отъехали не больше чем полмили, тракт вывел их из темного бора на поля ржи, светлые под звездами. Ведущий кавалькаду Беренгар Таулер остановился и повернул коня, преградив дорогу остальным.

— Стоять! — крикнул он. — Хорошего понемногу! Я хочу знать, во что мы играем! В чем тут, холера вас побери, дело?

Конь Шарлея дернул головой, заржал, прижал уши. Демерит успокоил его.

— На кой ляд, — не унимался Таулер, — был нужен этот дебош? За который все мы можем заплатить головами. На кой черт нам эта девка? Куда, зараза вас возьми, мы едем? И кроме того...

Он вдруг направил коня прямо на Самсона, словно хотел его таранить. Самсон даже не дрогнул. Не дрогнула сидящая на луке девушка с попрежнему равнодушным лицом и отсутствующим взглядом.

— Кроме того, — воскликнул Беренгар Таулер, — кто таков, черт побери, этот тип? Кто он?

Шарлей подъехал к нему, причем так решительно, что Таулер резко натянул вожжи.

— Я с вами дальше не поеду ни стояна, — сказал он уже значительно тише. — Пока не узнаю, в чем дело.

— Вольному воля, — процедил Шарлей, — и вольная дорога.

— В корчме мы вам помогли, да? Мы вмешались, да? А теперь сами оказались в затруднении, да? И нам не полагается даже слова объяснения, да?

— Да. То есть нет. Не полагается.

— Тогда я... — Таулер аж захлебнулся, — я...

— Не знаю, что ты. — Амадей Батя, всматривающийся в Самсона, подвел коня с другой стороны. — А я знаю, чего бы хотел. Так вот я хотел бы узнать, каким чудом на обманной кости вместо шестерки появляется одно очко. Охотно научился бы чему-нибудь такому, за плату, конечно. Я понимаю, что это чары, но можно ли это сделать? Или, чтобы что-то такое проделать, нужна особая сила? Какая же, интересно было бы узнать.

— Большая! — Прислушивающийся Рейневан наконец дал волю эмоциям. — Огромная! Невообразимая! Такая, что я всерьез сомневаюсь, есть ли смысл...

— Попридержи, — резко осадил его Шарлей. — Слишком много болтаешь!

— Говорю что хочу и как хочу!

— Я вижу, — фыркнул Беренгар Таулер, — что и меж вами нет единства относительно случившегося. И что в этом отношении дело идет к семейной сваре. А поскольку мы с Батей не родственники, то отъедем малость в сторонку. Когда вы уже все друг другу скажете, крикните. Решим, что и как.

Оставшись одни, они долго молчали. Рейневан почувствовал, что злость постепенно отходит. Но не знал, как и с чего начать. На Шарлея рассчитывать было нечего, в таких ситуациях он никогда не начинал первым. Кони похрапывали.

— В шулерне, — наконец заговорил Самсон Медок, — произошло то, что должно было произойти. Это было неизбежно. Это должно было произойти... Потому что... должно было. Ничто иное случиться не могло, другой ход событий был невозможен. Поскольку другое, альтернативное течение событий предполагало безразличие. Согласие. Приятие. Одобрение. То, что мы увидели в шулерне, свидетелями чего были, исключало безразличие и бездействие, а значит, альтернативы действительно не было. Случилось то, что должно было случиться. А кости... Ну что ж, кости, в принципе говоря, управляются при падении такими же законами. Падают так, как и должны упасть.

Рейневан слышал, как сидящая перед Самсоном девушка тихо вдохнула.

— В принципе, — продолжил Самсон, — мне больше нечего добавить. Если хотите о чем-то спросить... Рейнмар? Мне показалось, что тебя что-то гнетет.

— Одна мысль, — признался Рейневан, сам удивляясь своему спокойствию. — Только одна мысль. В течение года пражские магики маялись, пытаясь помочь тебе, дать возможность вернуться в свою нормальную форму, в свой нормальный мир, стихию, измерение, я уж и сам не знаю куда. У них не получилось. Сейчас мы запланировали довольно рискованный поход через Чехию, идем куда-то под Йичин и Турнов, почти к гуситской границе. Потому что стараемся тебе помочь. После того, что я сегодня видел, меня мучает некая мысль. Нужна ли тебе вообще и в чем-либо помощь? Самсон? Нужна ли тебе, способному изменить расположение брошенных костей, помощь обычных, мало что умеющих людей? Нужна ли тебе наша помощь? Необходима ли она тебе?

— Необходима, — немедленно, ни мгновения не поколебавшись, ответил гигант. — И я завишу от нее. Ведь, — добавил он очень тихо и мягко, — ведь оба вы знаете об этом.

Девушка — Маркета — вдохнула еще раз.

— Ладно, — вмешался Шарлей. — Произошло то, что произошло. Знай, Самсон, мне далеко до твоего фатализма. По-моему, от неизбежных событий и вещей очень легко защититься: надо просто их не делать. Точно так же обстоит дело с явлениями, на которые нельзя смотреть равнодушно... достаточно отвести глаза. Тем более что они оказываются на

этом свете скорее нормой, нежели исключением. Но это случилось и скорее всего, как я вижу, не отменится. Мы сделали доброе дело и заплатим за это, ибо за глупость всегда платят. Однако, прежде чем это случится, план будет таков: девушку надо где-то безопасно поместить.

— Я отвезу ее в Прагу, — заявил Самсон, — К пани Поспихаловой.

Маркета демонстративно дернулась на луке, замурлыкала по-кошачьему. Самсон не обратил внимания ни на демонстрацию, ни, кажется, на то, что она очень крепко сжимала ему запястье.

— Один ты с ней ехать не можешь, — решил Шарлей. — Что делать, поедем вместе. А как быть с Таулером и Батей? Если план добратся до Тросок по-прежнему действует, Таулер бы пригодился, он утверждает, что знает, как попасть в замок. Слишком многое ему выдавать нельзя, но факт остается фактом: в шулерне они встали на нашу сторону, и из-за нас у них могут быть неприятности. Хунцледер может отомстить. Оба они служат в таборитской армии, знают, кто из значительных гейтманов поигрывал... и проигрывал у Хунцледера...

— Пусть бы каким значительным ни был этот гейтман, — пообещал Рейневан, — его можно осадить. А шулера, если тот поднимет шум, тоже. Потому что против значительных есть более значительные.

— Флютек.

— Угадал. Поэтому все вы поедете в Прагу. А я поеду дальше. К Белой горе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в котором Рейневан удаляет камень из почки, в награду за что становится отцом. В рамках той же награды он дополнительно становится шпионом, со всеми сопутствующими благами.

Белой горой называли лысое взгорье к западу от Праги, неподалеку от остатков монастыря премонстратенсов в Страхове. Основание горы прибывающие к Праге войска неоднократно использовали для разбивки лагеря. В результате измученные реквизициями и грабежами жители окружающих деревушек убралась к черту, а район опустел. Армии приходили и уходили, но были у Белой горы и постоянные обитатели. Богухвал Неплах по прозвищу Флютек облюбовал Белую Гору в качестве своей главной квартиры и учебного центра для гуситской разведки. Флютек мог бы жить в самой Праге, но не хотел. Столичного города он не любил и боялся. Прага, что ни говори, даже в минуты покоя и порядка была чем-то вроде уснувшего, но непредсказуемого и всегда алчущего крови чудовища. Пражане легко впадали в ярость и взрывались, а во время взрыва были страшны. Для тех, кого не любили.

Флютека в Праге мало кто любил.

Поэтому Флютек предпочитал Белую гору. И тут пребывал. Благодаря тому, что он, Богухвал Неплах, здесь пребывал, название «Белая гора» войдет в историю Чехии, утверждал он, а детей, говаривал он, будут заставлять зазубривать это название.

Светало, когда Рейневан миновал некогда богатый, а теперь ограбленный и опустевший страховский монастырь. Светало, и начинал накрапывать дождь. Когда он добрался до Белой Горы, утро уже было в разгаре, а дождь полил как из ведра.

Промокшие стражники у частокола не обратили на него никакого внимания, часовой у ворот махнул рукой, указывая на площадь. Не расспрашиваемый никем, он завел коня в конюшню. Сидевшие там люди взглянули на него, никто ни о чем не спросил.

Шпионский центр строился, дождь еще больше усилил висящий над этим местом запах недавно рубленного теса и струганых досок, всюду было полно стружек. Из-за старых халуп и овинов выглядывали новые постройки, просвечивающие новой тесиной и испускающие смолу из

затесов. Не вызвав ни у кого интереса, Рейневан подошел к одному из таких новых домов — низкому, длинному, напоминающему большой склад. Вошел в сени, потом в комнату. Полную дыма, пара, влаги. И людей, жующих, говорящих, сушащих одежду. Они тоже глянули на него. И тоже ни о чем не спросили.

Заглянул в большую комнату. Тут на лавках сидели человек сорок мужчин, сосредоточенно слушающих лекцию. Рейневан знал преподавателя, почтенного старца, шпиона, как говорили, служившего еще Карлу IV. Дед был настолько ветхим, что слухам можно было верить. Да и вообще, судя по возрасту и внешности, старик мог шпионить и для Пршемькловичей^[137].

— А ежели что не так пошло, кхе-кхе... — поучал он, кашляя, — если вас, того-этого, окружили, то запомните: лучше всего учинить в таком людном месте шум-гам, мол, это евреи, мол, все это, того-этого, из-за евреев, что все это еврейские козни. Берите в рот кусок мыла, пускайте у городского колодца пену и кричите: спасите, помогите, помираю, отравили, отравили, евреи, евреи. Народ тут же кинется евреев громить; начнется, того-этого, кхе-кхе, дикая свалка. Инквизиция, о вас забыв, возьмется за евреев, а вы спокойненько сбежите. То же самое, если кого поймают и на пытки поведут. Тогда, того-этого, по-глупому орать, кричать, что, мол, невиновен, что ты слепое оружие, виноваты евреи, что они велели, золотом подкупили. Поверят, дело, того-этого, верное. В такое всегда, кхе-кхе, верят.

— Эй! Рейневан!

Окликнул его Славик Кандат, знакомый Рейневана еще по студенческим временам. Когда Рейневан начинал учебу, Славик Кандат уже учился по меньшей мере лет восемь и был старше большинства докторов, не говоря уж о магистрах. Впрочем, «учился» было словом неадекватным — Славик, правда, в училище бывал, иногда его удавалось там увидеть. Но в сто раз чаще можно было застать в каком-нибудь борделе на Перштыне либо на Краковской. Либо в городской тюрьме, куда его регулярно сажали за пьяные разборки и ночное дебоширство. Хоть и не мальчишка, Кандат любил стычки и драки, поэтому не было ничего странного в том, что после дефенестрации он с энтузиазмом влился в революционный поток. Рейневан нисколько не удивился, увидев его у Флютека весной 1426 года, во время первого посещения Белой Горы.

— Привет, Славик. Ты что, стал секретарем?

— Э? Ты об этом? — Кандат поднял листы бумаги и гусиные перья. — Это письма с неба.

— Откуда?

— Я продвинулся, — похвалился вечный студент, расчесывая пальцами бывшие волосы. — Брат Неплах перевел меня в отдел пропаганды. Я стал писарем. Художником. Почти поэтом. Пишу письма, упавшие с неба. Понимаешь?

— Нет.

— Ну, тогда послушай. — Кандат взял один из листов, прищурил близорукие глаза. — Упавшее с неба письмо Божьей Матери. Мое вчерашнее произведение. Народ неверный, поколение бесчестное и двуличное, — начал он читать голосом, впадающим в пропагандистский пафос. — Падет на вас гнев Божий и неудачи в трудах, и в стадах ваших, коими вы владеете. Ибо не следуете вы истинной вере, но слушаете римского антихриста, отвращу я от вас Мое лицо, а сын Мой осудит вас за зло, кое учинили вы в Его священной Церкви, и поразит вас, как поразил Он Содом и Гоморру. И будете вы зубами скрежетать и стенать. Аминь. Понимаешь, письма упавшие с неба, улавливаешь? — пояснил Кандат, видя, что Рейневан ничего не понимает. — Письма Иисуса, письма Марии, письма Петра. Мы пишем их. В пропаганде. Агитаторы и эмиссары вызубривают их, идут во вражеские страны оглашать народам тамошним. Дабы, как говорит начальник нашего отдела, так им в головы насрать, чтобы они не знали, кто свой, кто враг и где кто. Потому-то они и есть письма с неба, усек? Вот это, послушай, письмо Иисуса. Заметь, как шикарно написано...

— Знаешь, Славик, я немного спешу...

— Послушай, послушай! Грешники и негодяи, близится ваш конец. Терпелив я, но если с Римом, с этим зверем Вавилонским, вы не порвете, то прокляну я вас вместе с Отцом моим и ангелами моими...

— Брат Белява? — вырубил Рейневана голос сзади. — Брат Неплах желает вас срочно видеть, ждет. Извольте пойти. Я провожу.

* * *

Один из новопостроенных домов был видный, напоминал усадьбу. На первом этаже в нем было несколько гостиных, на втором — несколько поспартански обставленных комнат. В одной из них стояло большое и отнюдь не спартанское ложе. На ложе, накрытом периной, лежал и стонал Флютек.

— Ты где болтался? — дико взвыл он, увидев Рейневана. — Я посылал за тобой в Прагу, посылал под Колин! А ты... Оооо! Оооооо! Ааааааа!

— Что с тобой? А, не говори. Знаю.

— Ах, ты знаешь? Не может быть! Тогда скажи, что со мной!

— Вообще-то мочекаменная болезнь. А в настоящий момент у тебя колики. Сядь. Подними рубаху, повернись. Здесь болит? Где я стучу?

— Аaaaaa! А, курва!!

— Несомненно, почечные колики, — определил Рейневан. — Ты и сам прекрасно знаешь. Это наверняка не первый раз, а симптомы характерные: повторяющиеся приступы боли, отдающие вниз, тошнота, давление на мочевой пузырь...

— Перестань болтать. Начинай лечить, чертов знахарь.

— Ты, — усмехнулся Рейневан, — случайно оказался в хорошей компании. Тяжелой каменной болезнью и очень мучительными почечными приступами страдал Ян Гус в Констанции, сидя в тюрьме.

— Ха. — Флютек накрылся периной и страдальчески улыбнулся. — Значит, это наверняка признак святости... С другой стороны, меня уже не удивляет, что Гус тогда не отрекся... Он предпочел костер этим болям... Иисусе Христе, Рейневан, сделай же что-нибудь, умоляю...

— Сейчас приготовлю успокоительное. Но камни надо удалить. Необходим цирюльник. Лучше всего специализированный литотомист^[138]. Я знаю в Праге...

— Не хочу, — взвыл шпик, неизвестно, от боли или от ярости. — Был тут уже такой! Знаешь, что хотел сделать? Задницу мне разрезать! Понимаешь? Разрезать задницу!

— Не задницу, а промежность. Надо разрезать, иначе как добраться до камней? Через разрез в мочевой пузырь вводят длинные щипцы...

— Прекрати! — завыл Флютек, бледнея. — И не говори даже об этом! Не для того я тебя притащил, высылал сменных лошадей... Вылечи меня, Рейневан. Магически. Я знаю, ты сможешь.

— Ты, вероятно, бредишь от температуры. Колдовство это *peccatum mortalium* — смертный грех. Четвертый пражский канон велит колдунов карать смертью. Я приготовлю тебе успокоительный напиток для приема сейчас. И *perpenthes*, дурманящее лекарство на потом. Используешь, когда явится литотомист. Почти не почувствуешь, когда он станет резать. А введение щипцов как-нибудь выдержишь. Только не забудь взять в зубы палочку или кожаный ремень...

— Рейневан. — Флютек побелел как полотно. — Прошу тебя. Засыплю золотом...

— Ага, ясно... Засыплешь. Ненадолго, потому что у осужденных на сожжение колдунов золото конфискуют. Ты небось забыл, Неплах, что я

работал на тебя. Много видел. И многому научился. Впрочем, это пустопорожняя болтовня. Я не могу магически убрать камни, потому что, во-первых, это рискованная процедура. А во-вторых, я не чародей и не знаю заклинаний...

— Знаешь, — холодно прервал Флютек. — Прекрасно знаю, что знаешь. Вылечи меня, и я забуду, что знаю.

— Шантаж, да?

— Нет. Мелкий подхалимаж. Я буду твоим должником. В порядке выплаты долга забуду о некоторых делах. А если ты окажешься в трудном положении, сумею выручить и отблагодарить. Пусть меня поглотит пекло, если...

— Пекло, — на этот раз прервал Рейневан, — и без того тебя поглотит. Процедуру проведем в полночь. Никаких свидетелей, только ты и я. Мне понадобится горячая вода, серебряный кувшин или ковш, тарелка горячих углей, медный котелок, мед, березовая и вербная кора, свежие ореховые прутья, что-нибудь, сделанное из янтаря...

— Тебе доставят все, — заверил Флютек, кусая от боли губы, — что хочешь. Позови людей, отдавай приказы, все, что ты потребуешь, будет доставлено. Кажется, для нигромантии бывает иногда нужна человеческая кровь или органы... Мозг, печень... Не стесняйся, требуй. Понадобится, так... кого-нибудь выпотрошим.

— Хотелось бы верить, — Рейневан открыл шкатулку с амулетами, презент от Телесмы, — что ты спятил, Неплах. Что у тебя от боли разум помешался. Скажи, что то, что ты несешь, это сумасшествие. Скажи это, очень прошу.

— Рейневан?

— Что?

— Я действительно этого не забуду. Буду твоим должником. Клянусь, что исполню любое твоё желание.

— Любое? Прелестно.

У Рейневана были все поводы гордиться. Он гордился, во-первых, своей предусмотрительностью. Тем, что так долго приставал к доктору Фраундинсту, что тот — несмотря на первоначальное нежелание — выдал ему свои профессиональные секреты и научил нескольким медицинским заклинаниям. Горд он был и тем, что просидел штаны над переводами «Kitab Sirr al-Asar» Гебера и «Al Hawi» Разеса, что изучил «Regimen sanitatis» и «De morborum cognitione et curatione» — и что много внимания уделял болезням почек и мочевого пузыря, в том числе особо —

магическим аспектам терапии. Он был горд — в принципе — и тем, что вызвал в чародее Телесме достаточно симпатии, чтобы тот одарил его на дорогу несколькими очень практичными амулетами. Но больше всего, разумеется, Рейневан гордился эффектом. А эффект магической процедуры превзошел ожидания. Под воздействием заклинания и амулета камень в почке Флютека раздробился, простое, обычно используемое при родах заклинание расширило мочевод, сильные мочегонные чары и травы довершили дело. Разбуженный после глубокого усыпления Неплах выдал остатки камня вместе с ведрами мочи. Был, правда, и период кризиса — в определенный момент Флютек начал мочиться кровью, прежде чем Рейневан успел разъяснить, что после магической процедуры это совершенно нормальное явление, шпион орал, взывал к небесам, осыпал медика ругательствами, среди которых не было недостатка в таких определениях, как «*verflucher Hurensohn*»^[139] и «затраханый колдун». Глядя на свой брызгающий кровью член, Неплах призывал солдат и грозил медику сожжением на костре, насаживанием на кол и бичеванием. Именно в такой последовательности. Наконец ослаб, а поскольку облегчение от коллик тоже сделало свое, уснул. И спал полсутки с лишком.

Дождь не прекращался. Рейневан скучал. Забежал на лекцию престарелого деда, бывшего шпиона Карла IV. Посетил грамотеев, пишущих упавшие с неба письма и апокалипсисы, пришлось несколько штук выслушать. Заглянул в овин, в котором тренировались стенторы, специальное подразделение разведки, состоящее из мужиков с громкими — стенторскими — голосами. Стенторов обучали психологической войне; им предстояло деморализовывать защитников осажденных замков и городов. Тренировались они далеко от главного лагеря, потому что во время тренировок орал так, что уши закладывало.

— Сдавайся! Бросай оружие! Иначе вам всем крышка!!
— Громче! — кричал проводящий занятие, дирижирующий взмахами рук. — Ровней и громче! Раз-два! Раз-два!
— Дочерей! Ваших! Вырежем! Выре! Жем! На! Пики! Наса! Дим!
— Брат Белява, — потянул его за рукав уже известный ему адъютант Флютека. — Брат Неплах приглашает к себе.
— Шкуру! Сде! Рем!! — орал стенторы. — Яйца! У! Вас! Выр! Вем!

Богухвал Неплах чувствовал себя уже вполне нормально, ничто у него не болело, он был по-прежнему злобен и нагл. Выслушал то, что ему имел сказать Рейневан. Мина, с которой он слушал, ничего хорошего не предвещала.

— Вы идиоты, — оценил он вкратце и беспорядочно изложенные приключения в шулерне. — Так рисковать, и ради кого? Ради какой-то проститутки! Всем вам там могли глотки перерезать, я искренне удивляюсь, что не перерезали. Не иначе как Хунцледер дал в этот день своим лучшим охранникам выходной. Ну, не огорчайся, мой медик, милый моему сердцу и почкам. Шулер не страшен ни тебе, ни твоим друзьям-чужакам. Его предупредят о последствиях. Что касается другого дела, — Флютек сплел пальцы, — то тут вы показали себя еще большими идиотами. Подкарконоши в огне, гуситское пограничье горит, Бартенберки, Биберштайны, Догны и другие католические вельможи постоянно ведут с нами, как они это называют, виселичную войну. Отто де Бергов, пан в Тросках, уже заработал прозвище Гуситобоец. А то, что я поклялся исполнить твоё желание? Отменяю. Во-первых, ты ловко меня обошел, во-вторых, желание это идиотское, в-третьих, ты не хочешь сказать мне, что собираешься там искать. Рассмотрев все сказанное, я отказываю. Твоя смерть на католической шубенице была бы для нас потерей и печальной, и бессмысленной. А у нас в отношении тебя есть планы. Ты нужен нам в Силезии.

— Как разведчик?

— Ты заявлял о поддержке дела Чаши. Просился в ряды Божьих воинов. И хорошо! Каждый должен служить так, как лучше всего умеет.

— *Ad maiorem Dei gloriam?*

— Скажем так.

— Я гораздо лучше послужу в качестве лекаря, чем шпиона.

— Предоставь мне судить об этом.

— Подчиняюсь твоему решению. Потому что именно в твоей почке я раздробил камень.

Неплах долго молчал, скривив рот.

— Ну ладно. — Неплах вздохнул, отвел глаза. — Ты прав. Вылечил меня. Избавил от мучений. А я поклялся выполнить твоё желание. Если ты так уж этого жаждешь, если это твоя величайшая мечта, поедешь на Подкарконоше. Я же не только не стану пытывать, в чем тут дело, но еще и облегчу тебе эскападу. Дам людей, эскорт, деньги, контакты. Повторяю: я не спрашиваю, что за дела ты там собираешься свершить. Но ты должен управиться до Рождества Христова. И к этому времени быть в Силезии.

— В твоём распоряжении сотни шпионов. Обученных ремеслу, шпионящих ради денег либо идеи, но всегда охотно и без принуждения. А ты остановился на мне, дилетанте, который шпионом не хочет и не умеет быть, то есть не годится, пользы от него будет как от быка молока. Разве в

этом есть логика, Неплах?

— Я стал бы дурить тебе голову, если б не было? Ты нужен нам в Силезии, Рейневан, Ты. Не сотни обученных ремеслу или идейных шпииков, а ты. Лично ты. Для дел, с которыми никто, кроме тебя, справиться не сумеет. И в которых никто не может тебя заменить.

— Детали?

— Позже. Во-первых, ты едешь в опасный район, можешь не вернуться. Во-вторых, ты отказался сообщить мне подробности, значит, мы квиты. В-третьих, у меня сейчас нет времени. Я уезжаю под Колин, к Прокопу. По вопросам эскапады обратись к Гашеку Сикоре. Он же даст тебе людей, специальное подразделение. И помни: поспеши. К Рождеству Хри...

— Я должен быть в Силезии, ясно. Хоть и вовсе не хочу. А агент, который не хочет, — плохой агент. Который действует по принуждению...

Флютек какое-то время молчал. Наконец сказал:

— Ты меня вылечил. Вырвал из когтей боли. Я тебя отблагодарю. Сделаю так, что в Силезию ты поедешь без принуждения. И даже с желанием.

— То есть?

— Ты стал отцом, Рейнмар.

— Чтооооо?

— У тебя сын. Катажина Биберштайн, дочь Яна Биберштайна, хозяина Стольца, в июне 1426 года родила ребенка. Мальчика, родившегося в день святого Вита, окрестили именно этим именем. А теперь ему, как легко подсчитать, год и четыре месяца. По донесениям моих агентов, красивый малыш. Копия отца. Не говори мне, что не хотел бы его увидеть.

— Прекрасно, — повторил Шарлей. — Дважды прекрасно.

— Я послал ей с десятков писем, — горько вспомнил Рейневан. — Пожалуй, даже больше, чем десять. Знаю, время военное и беспокойное, но хотя бы одно письмо должно дойти. Почему она не отвечала? Почему не дала мне знать? Почему о собственном сыне я должен узнавать от Неплаха?

Демерит снял с коня путы.

— Вывод напрашивается сам, — вдохнул он. — Ты ей совершенно не нужен. Возможно, это звучит жестоко, но вполне логично. Может, даже...

— Что «может, даже»?

— Может даже, это совсем и не твой сын! Ладно, ладно, успокойся, не нервничай. Я просто мыслил вслух. Потому что, с другой стороны...

— Что «с другой стороны»?

— Может быть и так, что... А, нет! Не будем об этом. Скажу, а ты наделаешь глупостей.

— Говори, черт побери!

— Ты не дождался ответов на письма, потому что, может, старый Биберштайн, боясь позора, взбеленился и доченьку вместе с бекартом запер в башне. Алькасин и Николетта... Иисусе, не делай же таких мин, парень, меня прямо-таки страх берет...

— А ты не трепи языком, так я не стану морщиться. Договорились?

— Вполне.

Выехав из Праги, они направились на север. Дождь шел не прекращаясь, собственно, непрерывно, потому что если переставал идти, так начинал накрапывать, а если кончал накрапывать, начинало моросить. Конный отряд увязал в грязи и двигался в основном в темпе улитки — за два дня они едва добрались до Лабы, до моста, соединяющего Старый Болеслав и Брандисом. На третий день, обойдя города, двинулись дальше, к нимбургскому тракту.

Едущий за Шарлеем и Рейневаном Самсон Медок молчал, только время от времени глубоко вздыхал. Следующие за Самсоном Беренгар Таулер и Амадей Батя были заняты беседой. Беседа — виной тому, возможно, была погода — довольно часто переходила в ссору, к счастью, столь же кратковременную, сколь и бурную. На самом конце, вымокшие и угрюмые, ехали хелефеи и фелефеи^[140]. Увы.

Шарлей, Самсон, Таулер и Батя прибыли к Белой Горе в канун святой Урсулы, на следующее утро после отъезда Флютека, который по вызову Прокопа Голого отправился к Колину. Рыжеволосую Маркету, сообщили они, поместили в Праге, в доме на углу Щепана и На Рыбничке, у пани Блажены Поспихаловой. Пани Блажена приняла девушку, так как у нее было доброе сердце, к коему Шарлей для верности дополнительно добавил сто двадцать грошей наличными и обещание дальнейших дотаций. Маркета — свое настоящее имя девушка явно не хотела выдавать — была в относительной безопасности. Обе женщины, уверял Самсон Медок, пришли друг другу по вкусу и в ходе ближайших месяцев не должны были убить одна другую. А потом, продолжал он, видно будет.

То, что их компании по-прежнему держались Беренгар Таулер и Амадей Батя, несколько удивляло. Откровенно говоря, после расставания Рейневан уже не ожидал их увидеть снова. Таулер часто совещался с Шарлеем в сторонке и по секрету, поэтому Рейневан подозревал, что демерит привлек его какой-то сказкой, нафантазированной перспективой

нафантазированной добычи. Спрошенный напрямик Беренгар таинственно усмехнулся и сообщил, что предпочитает их общество таборитам Прокопа, которых покинул, потому что война — дело без будущего, а солдатчина — дело бесперспективное.

— И верно, — добавил Амадей Батя. — По-настоящему перспективное дело — обувное производство. Ботинки нужны каждому, нет? Мой тесть — сапожник. Вот соберу немного грошей, повидая свет, войду к нему в компанию, доведу мастерскую тестя до размеров мануфактуры. Буду изготавливать туфли. Масштабно. Вскоре весь мир будет носить туфли марки «Батя», вот увидите.

Дождь перестал накрапывать, начал моросить. Рейневан привстал на стременах, оглянулся. Хелефеи и фелефеи, промокшие и угрюмые, ехали за ними. Не потерялись в слякоти и тумане.

Увы!

Паршивыми спутниками, пестрым и неприятно пахнущим сбродом их наградил, как оказалось, Флютек. Опосредованно. Непосредственно же это счастье привалило со стороны Гашека Сикора, заместителя руководителя отдела пропаганды.

— Ах, добрый день, добрый день, — приветствовал их Гашек Сикора, когда Рейневан явился к нему с Шарлеем и Таулером. — Ах, в курсе. Поход на Подйештетье? Я получил соответствующие инструкции. Все подготовлено. Моментик, только закончу с гравюрами... Ох! Необходимо покончить, эмиссары ждут.

— Можно глянуть? — спросил Шарлей.

— О? — Сикора явно обожал это восклицание. — А! Глянуть? Конечно, конечно, извольте.

Пропагандистская гравюра, одна из многочисленных покрывающих стол, изображала страховидло с рогатой головой козла, козлиной бородой и издевательской, насмешливой козлиной ухмылкой. На плечах у чудища было что-то вроде стихаря, на рогатой голове — пылающая тиара, на ногах — туфли с крестами. В одной руке оно держало вилы, другую вздымало в жесте благословения. Над уродиной красовалась надпись: EGO SUM PAPA [\[141\]](#).

— Мало кто, — указал на надпись Шарлей, — умеет читать. А картина не очень четкая. Откуда простому человеку знать, что это папа? А может, это Гус?

— Да простит вам... — захлебнулся слюной Сикора, — Господь сие кощунствование... А... Люди будут знать, не бойтесь. Картинки с Гусом

штампуют они, то есть паписты. В виде зубастого гуся, богохульники, его изображают. Так уж привычно. Простой человек знает: Вельзевул, черт, рогатый как козел, — значит римский папа. А зубатая гусыня — значит Гус. Ах, вот и ваш эскорт, уже вот он. Тут.

Эскорт выстроился на площади в шеренгу. Не очень ровную. Это был десяток бандюг. Физиономии у них были, прямо сказать, отвратные. Остальное тоже. Они напоминали ряд разбойников и мародеров, вооруженных чем попало и одетых в то, что украли. Либо отыскивали на свалке.

— Вот, ах, — указал заместитель шефа отдела пропаганды, — ваши люди, с данного момента подчиненные вашей команде. Справа налево: Шперк, Шмейдлиж, Вой, Гнуй, Броук, Пштрос, Червенка, Пытлик, Грохоед и Маврикий Рвачка.

— Можно ли, — проговорил в зловещей тишине Шарлей, — попросить вас на два слова в сторонку?

— Ах?

— Я не спрашиваю, — процедил в сторонке демерит, — истинные ли имена у этих господ или это клички. Хотя в принципе должен был догадаться, потому что по кличкам и мордам различают бандитов. Но не в этом дело. Я спрашиваю о другом: я знаю от присутствующего здесь пана Рейнмара Белявы, что брат Неплах пообещал нам верный и вполне достойный доверия эскорт. Эскорт! А что за сброд стоит там в шеренге? Что за хелефеи и фелефеи? Что за Вуй, Хруй, Рвань, Срань и Дрянь?

Челюсть Гашека Сикоры опасно выпятилась вперед.

— Брат Неплах, — буркнул он, — приказал дать людей. А это кто? А? Может, пташки небесные? Может, рыбки водные? Может, лягушечки болотные? Никак нет. Это как раз люди. Те самые люди, которых я могу дать. Других у меня нет. Не нравятся, ах? Вы предпочитали бы, ах, сисястых бабешек? Святого Георгия на коне? Лознгрину на лебеде? Сожалею. Нет таковых. Кончились.

— Но...

— Берете этих? Или нет? Решайте.

Назавтра, о чудо, дождь прекратился. Шлёпающие по грязи кони пошли немного бодрее и быстрее. Амадей Батя начал посвистывать. Оживились даже хелефеи и фелефеи, то есть окрещенная этим именем руководимая Мавриkiem Рвачкой десятка. До того угрюмые, нахохлившиеся и казавшиеся обиженными на весь свет оборванцы начали болтать, перекидываться сальными шутками, хохотать. Наконец, ко

всеобщему удивлению, петь.

Na volavasky strani
skrwanci zpivaji,
ze za mou milenkou
vswaci chodeji.
Dostal bych ja milou
i s její perinou,
radši si ustelu
pod lipou zelenou...

Сын, думал Рейневан. У меня сын. Его зовут Вит. Он родился год и четыре месяца тому назад, в день святого Вита. Точно за день до боя под Усти. Моего первого большого боя. Боя, в котором я мог полечь, если бы события развивались иначе. Если бы тогда саксы разорвали вагенбург и рассеяли бы нас, была бы резня, я мог погибнуть. Мой сын потерял бы отца на следующий день после своего рождения.

А Николетта...

Воздушная Николетта, Николетта, стройная, как Ева кисти Мазаччо [\[142\]](#), как Мадонна Парлержа, ходила с животом. По моей вине. Как я взгляну ей в глаза? И вообще удастся ли мне взглянуть ей в глаза?

А, да что там. Должно удался.

Был четверг после Урсулы [\[143\]](#), когда они добрались до Крхлебы и направились в сторону Рождаловиц, лежащих на реке Мрлина, правом притоке Лабы. По-прежнему, следуя советам Флютека и Сикоры, они избегали людных дорог, в том числе торговый путь, ведущий из Праги в Лейпцик через Йичин, Турнов и Жутаву. От Йичина, откуда они намеревались провести разведку под Троски, их уже отделяло всего около трех миль.

Однако ландшафт над верхней Мрлиной их тут же предупредил, что они вступают на опасные территории, в район конфликтов, на постоянно пылающую полосу пограничья, разделяющую враждующие религии и нации. Кстати, слово «пылающая» было абсолютно точным — постоянными элементами пейзажа неожиданно стали пепелища. Следы от сожженных хат, усадеб, деревушек и деревень. Последние были поразительно похожи на остатки сел, в окружении которых стояла шулерня Хунцледера, арена недавних отягощенных последствиями событий: такие

же крытые сажей культи труб, такие же кучи слежавшегося пепла, утыканные остатками обуглившихся балок. Такой же свербящий в носу запах гари.

Хелефеи и фелефеи не пели уже некоторое время, теперь сосредоточились на приведении в порядок арбалетов. У ведущих кавалькаду Таулера и Бати арбалеты были наготове. Рейневан последовал их примеру.

На пятый день пути, в субботу, они наткнулись на село, в котором пепел еще дымил, а от пожарища все еще несло жаром. Мало того, можно было заметить несколько трупов в различных стадиях обугливания. А Маврикий выследил и вытащил из ближайшей землянки двух живых — деда и молодую девочку.

У девочки были светлая коса и серое платьице в дырах, прожженных искрами. У деда в окруженном седой бородой рту были два зуба — один сверху, другой снизу.

— Напали, — пояснил он невразумительно, когда его спросили, что произошло.

— Кто?

— Другие.

Попытка выяснить, кто были «другие», успеха не имела. Бормочущий старик не сумел охарактеризовать и назвать «других» иначе, чем «негодяи», «скверные люди», «адово отродье» или «покарай их Памбу». Раза два воспользовался выражением «мартагузы», с которым Рейневан никогда не встречался и не знал, что оно значит.

— Это по-венгерски. — Шарлей наморщил лоб, в его голосе прозвучало удивление. — Мартагузами называют похитителей и торговцев людьми. Вероятно, дед хотел этим сказать, что жителей села угнали. Взяли в рабство.

— Кто мог это сделать? — вдохнул Рейневан. — Паписты? Я думал, что эти территории контролируем мы.

Шарлей слегка охнул, услышав это «мы». А Беренгар Таулер усмехнулся.

— Цель нашего похода замок Троски, — спокойно пояснил он, — едва в двух милях отсюда. А пана де Бергова не без основания именуют Гуситобоем. Близко также Кость, Толстый Рогозец, Скала, Фридштейн, все — бастионы панов из католического ландфрида. Родовые поместья верных королю Зигмунду рыцарей.

— Ты знаешь и местность, и этих рыцарей, — ответил Рейневан, поглядывая, как дед и девочка с косой жадно поедают куски хлеба,

поджаренного им Самсоном. — Неплохо знаешь. Не пора ли сказать, откуда такое знание.

— Может, и пора, — согласился Таулер. — Дело в том, что моя родня — многие годы люди Бергов. Мы вместе с ними перебрались в Чехию из Тюрингии, где род де Бергов поддержал хозяина из Липы во время мятежа против Генриха Коринфского. Старшему рыцарю Оттону де Бергов, хозяину в Билине, служил еще мой отец. Я служил Оттону-младшему в Тросках. Некоторое время. Теперь уже не служу. Впрочем, это личное дело.

— Говоришь, личное?

— Да, так я говорю.

— Посему просим идти во главе экспедиции, — холодно сказал Шарлей, — брат Беренгар. Передовым дозором. На месте, соответствующем знатоку страны и ее жителей.

Наутро было воскресенье. Поскольку головы у них были заняты совершенно другим, самостоятельно они б до этого не додумались. Даже далекий звук колоколов не вызвал ассоциаций и ни о чем не напомнил — ни Рейневану, ни Самсону, ни Таулеру и Бате, не говоря уж о Шарлее, потому что Шарлей привык чихать на святые дни так же, как и на третью заповедь. Иначе, показалось, повели себя хелефеи и фелефеи, то есть Маврикий *et consortes*. Эти, увидев на развилке крест, подъехали, слезли с коней, опустились на колени всей десяткой, веночком, и принялись молиться. Очень яро и очень громко.

— Этот звон, — указал головой Шарлей, не слезая с коня, — уже может быть Йичин. А, Таулер?

— Возможно. Надо соблюдать осторожность. Будет скверно, если нас узнают.

— Особенно тебя, — хмыкнул демерит. — И вспомнят о твоих личных делишках. Интересно, какого калибра были эти делишки.

— Для вас это значения не имеет.

— Имеет, — возразил Шарлей. — Потому что от этого зависит, как ты запомнился пану де Бергову. Если скверно, как я подозреваю...

— Это несущественно, — прервал его Таулер. — Для вас главное то, что я обещал. Я знаю, как попасть в Троски.

— И как же?

— Есть некий способ. Если ничего не изменилось... Таулер не договорил, видя лицо Амадея Бати. И его расширяющиеся глаза.

Ведущая на север дорога скрывалась между двумя холмами. Оттуда, до сего времени укрытые, шагом выехали всадники. Много всадников. По

меньшей мере двадцать. Поросшие пихтой холмы могли с успехом скрывать еще столько же.

Отряд в основном состоял из кнехтов, простых арбалетчиков и копейщиков. У одного из них на нагруднике был большой красный крест. Шарлей выругался.

Таулер выругался. Батя выругался. Хелефеи и фелефеи глядели, раскрыв рты, все еще стоя на коленях и все еще молитвенно сложив руки.

Рыцари в латах вначале тоже удивились не меньше. Но от изумления отряхнулись чуточку позже. Прежде чем человек с крестом, несомненно, командир, поднял руку и выкрикнул команду, Таулер, Батя и Шарлей уже мчались галопом. Самсон и Рейневан заставляли коней пойти в галоп, а хелефеи и фелефеи запрыгивали в седла. Однако команда рыцаря в основном предназначалась арбалетчикам, и прежде чем десятка Маврикия Рвачки успела увеличить дистанцию, на них посыпался град болтов. Кто-то свалился с коня — возможно, это был Вуй, может, Гнуй... Рейневан не разобрал. Он слишком был занят спасением собственной шкуры.

Он мчался во весь опор через рощицу, белые стволы берез проносились мимо. Кто-то из хелефеев опередил его, мчась как сумасшедший галопом вслед за Таулером, Шарлеем и Батей. Рядом храпел конь Самсона. За спиной гремел гул копий, крики погони. Неожиданно усиленные вскриком того, которого нагнали. И почти сразу же догнали другого.

Они влетели в ложбину, узкую, но расширяющуюся, ведущую к реке. Перед ними Шарлей, Батя и Таулер разогнали воду в галопе, выбрались на берег, потом на склон ложбины. Склон оказался глинистым, конь Таулера поскользнулся, с диким ржанием съехал на зад. Таулер свалился с седла, но тут же вскочил, призывая на помощь. Маврикий Рвачка и несколько его подчиненных пронесли мимо, даже не подняв голов над конскими гривами. Рейневан свесился с седла, протянул руку. Таулер схватил, прыгнул на конский круп. Рейневан крикнул, ударил коня шпорами. Казалось, им удастся преодолеть скользкий и крутой склон. Но не удалось.

Конь съехал по глине, перевернулся, дико ржа и дергаясь. Оба наездника упали. Рейневан обеими руками заслонил голову, хотел откатиться, не сумел. Нога застряла в стремях, дикие рывки и визги коня сжали ее и болезненно стискивали. Таулер же, которого падение ошеломило, приподнялся, но так неудачно, что получил копытом по голове. Очень сильно. Так, что было слышно.

Кто-то схватил Рейневана за руки, рванул. Он вскрикнул от боли, но ступня вырвалась из заклиненного ремнем стремени. Конь вскочил и

убежал. Рейневан поднялся на ноги, увидел спешившегося Самсона, потом, к своему ужасу, группу конных, разбрызгивающих воду в реке. Они уже были рядом, рядом. Так близко, что Рейневан видел их перекошенные рожи. И окровавленные острия пик.

От смерти их спасли хелефеи и фелефеи. Маврикий Рвачка *et consortes*. Они не убежали, остановились на краю обрыва, оттуда, сверху, дали залп из арбалетов. Стреляли они метко. Рухнули в брызгах воды кони, рухнули в воду наездники. А хелефеи и фелефеи с криком спустились вниз, размахивая мечами и булавами, с криками ударили на копейщиков.

Воспользовавшись преимуществом мгновенной растерянности, они задержали преследователей. На несколько мгновений. Однако, по сути дела, это была самоубийственная атака. Преследователей было больше, на помощь копейщикам и стрелкам уже мчались тяжеловооруженные. Хелефеи и фелефеи один за другим валились с седел. Исколотые, изрубленные, посеченные, они один за другим падали в воду. Червенка, Броук и Пытлик — а может, это были Червенка, Пштос и Грохоед? Последним пал мужественный Маврикий Рвачка, сметенный с седла топором рыцаря с крестом на нагруднике и клещами камнетеса на щите.

Рейневан и Самсон, конечно, не стали ждать легко предсказуемого результата стычки. Побежали на склон. Самсон нес на руках все еще находившегося в обмороке Таулера. Рейневан нес арбалет, который успел поднять. Как оказалось, поступил разумно.

Их догоняли два конника, паношей, судя по оружию, верховым коням и сбруе. Они уже были рядом, рядом... Рейневан поднес арбалет к плечу. Прицелился в наездника, однако, памятуя бывшее обучение Дзержки де Вирсинг, изменил намерение и послал болт в грудь коню. Конь — прекрасное сивой масти животное, рухнул как громом пораженный, седок же проделал такой кульбит, что ему позавидовал бы профессиональный акробат.

Второй паноша развернул коня, прижался к гриве и сбежал. Решение было правильным. От леса неслась конница. Добрых полсотни вооруженных. Большинство с красной чашей на груди либо облаткой на щите.

— Наши, — рявкнул Рейневан. — Это наши, Самсон!

— Твои, — поправил, вздохнув, Самсон Медок. — Но, согласен, я тоже рад.

Конники с Чашей лавиной спустились по крутизне, от реки донеслись крики, стук и грохот. Паноша, мальчишка, тот, под которым Рейневан застрелил коня, вскочил на ноги, осмотрелся и кинулся бежать. Далеко он

не убежал. Один из конников обогнал его, хватанул плашмя мечом по затылку, повалил. Потом развернул коня, подъехал к Рейневану, Самсону и все еще находящемуся без сознания Таулеру. На груди, частично заслоненные выкроенной из красного сукна Чашей, у него были видны скрещенные остжевья.

— Привет, Рейневан, — сказал он, поднимая подвижное забрало салады. — Что нового?

— Бразда из Клинштейна!

— Из Роновицей. Приятно видеть и тебя, Самсон.

— Ты не знаешь, как приятно мне!

В яру, в речке и на ее берегах лежало с дюжину трупов. Трудно было сказать, скольких унесла вода.

— Чьи это были люди? — спросил командир пришедшего на выручку отряда, длинноволосый усач, молодой, худой, словно Кащей. — Они сбежали прежде, чем я понял кто. Вы их видели вблизи. Ну? Брат Беява?

Рейневан знал спрашивающего. Они познакомились в Градце Кралоуе два года назад. Это был быстро растущий среди сирот гейтман Ян Чапек из Сана. Прибывшие на выручку украшенные Чашами конники были сиротами. Божьими воинами, которые стали называть себя так, когда их, умирая, оставил сиротами любимый и почитаемый вождь, великий Ян Жижка из Троцнова.

— Рейневан! Я к тебе обращаюсь!

— Кроме кнехтов, было восемь поважнее, — ответил Рейневан. — Два рыцаря, шестеро паношей, один — тот, которого сейчас как раз связывают. У командира на латах был крест, а на щите клещи, а может, щипцы... Черные на серебряном поле...

— Так я и думал, — поморщился Ян Чапек из Сана. — Богуш из Коване, хозяин Фридштейна. Разбойник и предатель! Эх, жаль, успел сбежать... Я б с него шкуру... А вы что здесь делаете? Откуда свалились? Э?... Брат Шарлей?

— Путешествуем, знаешь ли...

— Путешествуете, — повторил Чапек. — Ну так вам повезло. Если б мы вовремя не подоспели, последний этап вашего путешествия окончился бы вертикально. На веревке вверх, на ветке. Пан Богуш большой любитель деревья висельниками украшать. У нас с ним свои счеты. Свои...

— Этот Богуш, — неожиданно вспомнил Рейневан, — Богуш из Коване, не занимается ли случайно торговлей людьми? Невольниками? Он, как их называют, не мартагуз ли?

— Странное название, — нахмурил брови гейтман сирот. — Богуш из Коване, это верно, зол на нашу веру. Взятых живыми вешает на месте, на ближайшем дереве. Если ему удастся схватить кого-нибудь из наших священников, забирает и сжигает на костре, публично, для острастки. Но ни о каких невольниках я никогда не слышал. А вам, повторяю, повезло. Посчастливилось вам...

— Не всем.

— Такова жизнь. — Чапек сплюнул. — Сейчас насыплем курганчик. Это который уже? Вся, эх, вся чешская земля полна курганов и могил, для новых уже скоро места не хватит... А этот? Тоже труп?

— Жив, — ответил Амадей Батя, вместе с Самсоном стоящий на коленях около Таулера. — Но как только глаза раскроет, они у него тут же закрываются.

— Конь его лягнул.

— Что делать, — вздохнул Чапек. — Тяжела доля неудачника. А коновала у нас нет.

— Есть. — Рейневан раскрыл торбу. — Пустите меня к нему.

Хоть обычно это и не случалось, Рейневан уснул в седле. И конечно, упал бы, если б едущий рядом Самсон его не поддержал.

— Где мы?

— Недалеко от цели. Уже видны башни замка.

— Какого замка?

— Я думаю, дружественного.

— Что с Таулером? Где Шарлей?

— Шарлей едет впереди с Чапекком и Браздой. Таулер без сознания. Его везут между конями. А тебе пора очнуться, Рейнмар, прийти в себя. Не время дремать.

— Я вовсе и не дремлю. Я хотел... Я хотел тебя кое о чем спросить, друг Самсон.

— Спрашивай, друг Рейнмар.

— Почему ты вмешался тогда, в шулерне? Зачем вступился за ту девушку? Не корми меня, если можно, общими фразами.

— Я оказался в темной глущи леса, — ответил цитатой гигант. — Какие пророческие слова. Так, словно мэтр Алигьери предчувствовал, что когда-нибудь я окажусь в мире, в котором общаться можно только с помощью лжи либо недосказанности, а чистую правду всегда считают ложью. Или доказательством недоразвитого сознания. Ты хотел бы, говоришь, знать истинную причину? Почему именно сейчас? До сих пор ты

не спрашивал о мотивах моих поступков.

— До сих пор они были мне понятны.

— Серьезно? Завидую, потому что некоторые я и сам не понимаю. Инцидент с Маркетой вписывается в эту схему. В определенной степени. Потому что есть, конечно, и другие причины. Однако сожалею, но познакомить тебя с ними я не могу. Во-первых, они слишком личные. Во-вторых, ты бы их не понял.

— То, что они непонятны, ясно. Они из иного мира. Даже Данте не помог бы этого понять?

— Данте, — улыбнулся гигант, — помогает всему. Ну хорошо. Если ты хочешь знать... В шулерне во время той отвратительной демонстрации затосковал дух мой.

— Хм-м... А немного побольше?

— С удовольствием.

E lo spirito mio, che gia cotanto
tempo era stato ch'a la sua presenza
non era di stupor, tremando, affranto,
sanza occhi aver piu conoscenza,
per occulta vertu che da lui mosse,
d'antico amor senti la gran potenza.

Оба долго молчали.

— *Amor*? — спросил наконец Рейневан. — Ты уверен, что *amor*?

— Я уверен, что *gran potenza*^[144].

Они ехали молча.

— Рейнмар?

— Слушаю тебя, Самсон.

— Самое время мне вернуться к себе. Постараемся, хорошо?

— Хорошо, друг. Постараемся. Клянусь. Уже мост? Да, пожалуй, уже мост.

Копыта громко застучали по брусьям и доскам, конные въехали на мост, перекинутый через глубокий овраг. Отсюда уже видно, что цель поездки, замок, стоит на крутом обрыве, над рекой, кажется, Изером. За мостом были массивные ворота, за воротами — просторное предзамковье, над ним вздымался собственно замок, увенчанный пузатым бергфридом^[145].

— Итак, мы дома! — громко возвестил Ян Чапек из Сана, как только

подковы зацокали по брусчатке предзамковья. — В Михаловицах. Значит, у меня!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой читатель, хоть и знакомится с несколькими историческими личностями и важными для фабулы особами, в принципе не узнает почти ничего сверх того, что кошка должна уметь ловить мышей, а мужик — разговаривать. А вообще-то самыми важными из всех приведенных в главе данных являются сведения о том, кто из коронованных особ и влиятельных личностей трахал в 1353 году некую в то время юную, а теперь старую бабу.

На ужин пригласили Рейневана и Шарлея. Беренгар Таулер, несмотря на лечебные процедуры, все еще лежал бездыханным, Амадей Батя заявил, что будет сидеть с ним. Самсон — как обычно — устроился в конюшне. Как обычно, играл там в кости с конюхами, надеявшимися обыграть дурачка. Кто кого в конечном счете обыгрывал, вероятно, говорить нет смысла.

Ужин подали в главной комнате верхнего замка, украшенной деревянной статуей архангела Михаила, гобеленом с единорогом и висящим под самым потолком большим красным гербовым щитом, на котором красовался поднявшийся на задние лапы серебряный лев. В углу гудел огнем камин, у камина сидела на табурете старушка, увлеченная прялкой, пряжей и весело подскакивающим веретеном.

В ужине принимали участие все гуситские гейтманы, местные и окружные, случайно оказавшиеся в замке. Кроме Яна Чапека из Сана и Бразды из Клинштейна, за столом сидел высокий стройный мужчина с орлиным носом и злыми пронзительными глазами, на шее у него была массивная золотая цепь, что пристало скорее городским советникам, нежели воинам. Рейневан его знал, встречал меж сирот в Градце Краловете. Однако только теперь их представили друг другу — это был Ян Колух из Весце.

Слева от Колуха сидел Щепан Тлах, гейтман поста в ближнем Чешском Дубе, не старый, но сильно поседевший мужчина с красным лицом плебея и грубыми руками плотника, носивший подватованный и богато расшитый рыцарский вамс, в котором явно чувствовал себя неловко. Рядом с Тлахом уселся худощавый блондин с некрасивым шрамом на щеке. Шрам выглядел боевито, но был памяткой от самого обычного, по-

дилетантски вскрытого чирья. Хозяин шрама представился Войтой Елинеком.

Как было принято у сирот, за столом у гейтманов не могло не быть служителя культа, посему между Чапеком и Браздой сидел одетый в черное кругленький и бородатый коротышка, которого представили как брата Бузека, слугу Божия. Слуга Божий, кажется, начал вкушать несколько раньше, поскольку был уже навеселе. Более чем слегка.

Деликатесов не подавали. Большие миски бараньих и бычьих костей с мясом были подкреплены только солидным количеством печеной репы и корзиной хлеба. Зато бочонков венгерина въехало на стол несколько штук. На всех был выжжен лев Марквартов. Увидев это — как и раньше гербовый щит под потолком, — Рейневан вспомнил Прагу. Шестое сентября. И Гинека из Кольштейна, падающего на брусчатку из окна дома «Под слоном».

Прежде чем приступить к ужину вплотную, надо было, как оказалось, завершить некоторые служебные дела. Четыре гусита втолкнули в зал пленника — того паренька, взятого в плен у реки. Того самого, под которым Рейневан убил из арбалета коня.

Парень был взъерошен и растрепан, на скуле у него вырастал и набирал силу большой роскошный синяк. Ян Чапек из Сана взглянул на сопровождающих довольно неприязненно, но ничего не сказал. Только дал знак, чтобы пленного отпустили. Рыцаренок стряхнул с себя их руки, выпрямился, взглянул на гуситских вожakov. Старался, чтобы это выглядело гордо, однако Рейневан видел, что колени у парня слегка дрожат.

Недолгое время стояла тишина, нарушаемая только тихим шелестом прялки сидящей в уголке старухи.

— Панич Никель фон Койшбург, — сказал Ян Чапек. — Приветствую, рады угостить. А принимать у себя вас будем до тех пор, пока сюда не явится выучный конь с выкупом. Впрочем, вы это знаете. Военные обычаи известны.

— Я служу пану Фридриху фон Догне! — вскинул голову паренек. — Господин фон Догна заплатит за меня выкуп.

— Ты так уверен? — Ян Колух из Весце направил на него обглоданную кость. — Понимаешь, дошел до нас слух, что ты строишь глазки Барбаре, дочке пана Фридриха, что подъезжаешь к ней. А как знать, нравятся ли пану фон Догне твои ухаживания? А может, он как раз руки потирает, радуясь, что мы его от тебя освободили? Молись, сынок, чтобы было иначе.

Рыцаренок вначале побледнел, потом покраснел.

— У меня есть еще родственники! — крикнул он. — Я из Койшбургов!

— Стало быть, и им молись, чтобы скупердяйство не взяло у них верх. Потому что задаром кормить тебя мы здесь не станем. Во всяком случае, не слишком долго.

— Недолго, — подтвердил Ян Чапек. — Ровно столько, чтобы проверить, а вдруг ты поумнел? А вдруг тебе обрыдл римский фарс, и ты обратишься к истинной вере? Не кривись, не кривись! И тем, что получше тебя, случалось. Пан Богуслав из Вамберка, упокой Господи душу его, почти через день судьбу свою изменил, из пленника в главного гейтмана Табора вышел. Когда его брат Жижка в плен взял и в пшибеницкой шатлаве запер, пан Богуслав прозрел и принял причастие из Чаши. Как видишь, у нас здесь есть поп. Так как же? Велеть принести Чашу?

Парень сплюнул на пол.

— Засунь себе свою Чашу, еретик, — гордо огрызнулся он. — Сам знаешь куда.

— Богохульник! — взвизгнул поп Бузек, подсакивая и обливая вином себя и соседей. — На костер его! Прикажи его сжечь, брат Чапек!

— Сжигать деньги? — мерзостно ухмыльнулся Ян Чапек из Сана. — Да ты упился, брат Бузек. Он стоит по меньшей мере семьдесят коп грошей. Пока есть хоть тень шансов, что за него дадут выкуп, волос у него с головы не падет, даже если он самого мэтра Гуса обзовет прокаженным и содомитом. Я верно говорю, братья?

Собравшиеся за столом гуситы радостно подтвердили, рыча и колотя кубками по столу. Чапек дал страже знак увести пленного. Поп Бузек одарил его злым взглядом, после чего одним духом влил в себя около полкварти венгрина.

— Алчные жадюги, — крикнул он заплетающимся языком, — фарисеи, польстившиеся на мерзкие гроши! А пишет Па... Павел Тимофею: «Корень всякого зла есть жадность к деньгам. За ними гоняясь, некоторые заплутали вдали от... Э-э-э-эм... От веры... А нет у алчного наследия в царство Христа и Бога... Нельзя служить Богу и Мамоне!»

— Мы не хотим, — засмеялся Ян Колюх из Веске, — но вынуждены! Ибо, скажу вам, воистину нет жизни без Мамоны.

— Но будет! — Проповедник снова налил себе и снова выпил одним духом. — Будет! Будет! Когда победим! Все будет общим, исчезнет собственность и всяческие блага. Не будет уже богатых и бедных. Не будет нужды и притеснения. Воцарятся на земле счастье и мир Божий!

— Ну, наплел, — отозвалась из угла сгорбившаяся над прялкой старуха. — Пьянчуга благочестивый.

— Божий мир, — сказал серьезно Ян Чапек, — мы завоюем. Нашими мечами. Нашей кровью окупим его. И за это нам по справедливости положена награда, включая сюда и Мамону. Не для того, братья, совершили мы революцию, чтобы я снова возвращался в Сан, в эту дыру. К моей рыцарской, прости Господи, крепости, к моей заставе, которую чуть было свинья не развалила, когда ей захотелось об угол почесаться. Революции делают для того, чтобы что-то изменилось. Проигравшим в худшую сторону, выигравшим — в лучшую. Видите, милые гости, любезный Рейнмар и Шарлей, вон там, на стене, высоко, герб? Это девиз пана Яна из Михаловиц, по прозвищу Михалец. Замок, где мы ныне пируем, Михаловице, ему принадлежал, его это было родовое поместье. И что? Выдрали мы его у него. Мы выиграли! Как только найду маленько свободного времени, принесу лестницу, сдеру этот щит, на землю брошу, да еще налью на него. А на стену своего гербового оленя повешу на щите раза в два побольше этого! И буду здесь властвовать! Пан Ян Чапек из Сана! С резиденцией в Михаловицах!

— О, вот, вот, — подхватил из-за обглоданных ребрышек Щепан Тлах. — Революция побеждает, Чаша торжествует. А мы станем большими панами! Выпьем!

— Паны, — сказала с ядовитым презрением бабка за прялкой, поправляя пряжу на пряслице. — Не иначе как курам на смех. Разбойники и голодранцы. Скупердяи, у которых краска на гербах от дождя плывет.

Щепан Тлах кинул в нее костью, промахнулся. Остальные гуситы не обратили на старуху никакого внимания.

— Но Мамоне, — не сдавался проповедник, все обильнее наливая себе и бормоча все невнятное, — Мамоне служить не годится. Да, да, Чаша побеждает, правое дело торжествует... Но алчные ничего не получают. Не обретут царствия Божиего. Слушайте, что я вам скажу... Ээээп...

— Прекрати, — махнул рукой Чапек. — Ты пьян.

— Не пьян я! Трезв... ээээп... И истинно говорю вам: почтим... Почтим... *Pax Dei*... Ибо прокляты будут... Торжествует Чаша... Торжееееее... Эээээ...

— Ну, не говорил я! Ведь пьян как свинья!

— Не пьян!

— Пьян!

— Чтобы доказать, что ты не пьян, — подкрутил ус Ян Колюх, — сделай, как я делаю, засунь два пальца в рот и скажи: Ххррр! Ххррр! Ххррр!

Священник Бозек выдержал первое «Ххррр», однако при втором

закашлялся, захрипел, вытаращил глаза, и его вырвало.

— Давай, давай, — ехидно бросила склонившаяся над пряжей бабка. — Чтоб ты собственную жопу выблевал.

И опять никто не обратил на нее внимания, видимо, все уже привыкли. Заблевавшегося проповедника вытолкали в сени. Было слышно, как он грохочет, катясь по лестнице.

— По правде-то говоря, милые гости, — сказал Колюх, протирая стол оставленной священником Бозеком шапкой, — нам еще малость недостает до полного-то торжества. Мы сидим и пируем в Михаловицах, выдранных, как сказал брат Чапек, у пана Яна Михальца. Мы заняли Михаловице, спалили Млады Болеслав, Бенешев, Мимонь и Яблонне. Но пан Михалец убежал недалеко, отступил за Бездез. А где он, Бездез? Подойдите к окну, гляньте на север, там она, Бездез, за рекой, едва в двух милях отсюда. Ежели кто из нас чихнет, так пан Михалец в Бездезе «Будь здоров» крикнет.

— К сожалению, — угрюмо сказал Щепан Тлах, — вовсе не здоровья желает нам пан Михалец, а смерти, к тому же злой. А мы его в Бездезе ни тронуть не можем, ни взять Бездез. На тамошних стенах все зубы пообломаешь.

— К сожалению, — бросил через плечо Войта Йелинек, занимавшийся облегчением мочевого пузыря прямо в дрова камина, — так оно и есть. Да и нет у нас под боком недостатка в замках и панах, желающих нам злой смерти. В трех шагах от нас, в Девине, сидит и каждый день грозитя Петр из Вартенберка. В шести милях отсюда Ральско, а там сидит пан Ян из Бартенберка по прозвищу Худоба...

— С Богушем из Коване, хозяином в Фридштейне, вы уже познакомились, — добавил Чапек. — Знаете, на что он способен. А есть и другие...

— Есть, есть, — буркнул Колюх. — Мы держим, конечно, самые главные замки: Вальтенберк, Липье, Чешский Дуб, Белую под Бездезем, ну и Михаловице. Однако торговый путь все еще в основном находится под контролем папистов и немцев. Паны фон Догна сидят в замках Фалькенберг и Графенштайн. В Хаммерштайне бургграф Микулаш Дахс, клиент лужицких Биберштайнов. В замке Роймунд засел старый разбойник Ганс Фолч, згожелецкий наемник, в Тольштейне — братья Ян и Генрик Берковы из Дубе...

— Родственники, — похвалился Бразда из Клинштейна. — Роновицы, как и я.

— Такие родственники, как ты, — вставила от прялки бабка, — собак у Берков на поводке водят.

— Из братьев из Дубе, — фыркнул Ян Колюх, — на нас особенно Генрик взелся, потому что мы у него Липье отняли. Кажется, он в жутавской церкви поклялся мяса в рот не брать, пока нас из липецкого замка не выпрет. Долгим, думается мне, будет у него этот пост.

— Верно! — саданул кулаком по столу Щепан Тлах. — Тот дьявола проглотит, кто нас отсюда двинуть захочет. Пусть только попробует! Мы, сироты, тут твердо сидим!

— Во-во! Твердо сидим!

— Не в том дело, чтобы только сидеть, — насупился Чапек. — И словно псы цепные полаивать. Не тому нас брат Жижка учил. Лучшая оборона — наступление! Бить врага, бить, бить, не давать ему передыха. Не ждать, пока он сюда с подмогой нагрянет, а самим идти на него войной, в его хозяйство нести меч и огонь. Идите против него, сказал Господь. И пора, пора! Пора собраться и ударить на Фридштейн, на Девин, на Ральско, на Роймунд, на Тольштейн...

— И еще дальше, — вставил с улыбкой Колюх. — На Лужице! На Графенштайн, Фридланд, Житаву, Згожеlec! Однако одним нам не одолеть. Сил маловато. А откуда ждать поддержки? Прага если предательства не готовит, то играет в перевороты и бунты. От Табора? Табор осаждает Колин. Чешский город. Словно нет мадьярских, австрийских, немецких!

— Говорят, — заметил Шарлей, — что Прокоп уже планирует что-то в этом роде. Поглядывает в сторону Венгрии и Австрии.

— Дай Бог. Но пока что вы сами видите, сами испытали, какие у нас здесь соседи.

— Об одном из соседей, — бросил как бы нехотя демерит, — вообще не было речи. Или он еще не надоел? Я имею в виду Оттона де Бергова в замке Троски. Находящемся от Михаловиц в каких-то четырех милях. Как, интересно, вам нравится такое соседство?

— Как колючка в зад, — ответила за гуситов бабка, продолжавшая корпеть у прялки. — Именно таким вы считаете пана де Бергова, верно, господина разбойники? Как шип в заднице!

Долгое время стояла тишина, свидетельствующая о том, что старуха попала очень близко к центру щита. Тишину прервал Ян Колюх из Весце.

— Мы — Божьи воины, — сказал он, поигрывая ножом. — Мы помним слова Господа, когда он устами пророка Иеремии речет: «И споткнется гордыня и упадет, и никто не поднимет его, и зажгу огонь в городах его, и пожрет все вокруг него»^[146].

— «Воздайте ему, — добавил столь же прыткий в библейских цитатах

Чапек, — ему по делам его; как он поступал, так поступите и с ним»^[147].

— Аминь.

— У Бергова в гербе крылатая рыба, — добавил Щепан Тлах зловеще и с нажимом. — То ли рыба, то ли птица. Придет день, когда мы с той рыбки чешую-то счистим. А птичку оциплем.

— И на это аминь, — встал Войта Елинек. — Сон меня, братцы, морит.

— И меня. — Ян Колюх тоже встал, Бразда из Клинштейна и Щепан Тлах последовали его примеру.

— Да... тяжелый был день... Ты идешь, брат Чапек?

— Посижу еще. С нашими гостями.

Потрескивал огонь. Вокруг башни погуливали неясны, тихо постукивала бабкина прялка.

— Мы одни, — прервал долгое молчание Ян Чапек из Сана. — Говорите.

Они сказали.

— Колдуна, — недоверчиво повторил гейтман сирот. — Ищете какого-то колдуна? Вы? Серьезные люди?

— Ни о каком Рупилиусе Силезце в жизни не слышал, — заявил он, когда серьезные люди подтвердили свои намерения. — Однако здесь, почитай, в каждом замке есть какой-нибудь ворожей, алхимик либо маг. Так что вполне вероятно, что и у де Бергова какой-нибудь гостит или сидит в темнице. В Тросках. Проблема в другом...

— Проблема в вас. — Оказалось, что сидящая за прялкой бабка все еще недурно слышит. — Ах, если б кого на кол насадить не было бы никаких проблем!

— Не обращайтесь на нее внимания, — поморщился Чапек. — Это вещь, мебель. Пан Михалец, когда от нас драпал, оставил массу вещей. Мебель, инвентарь, окорока в копильне, вина в подвале. Герб на стене. И эту бабку. Именно в этом углу, Я хотел было ее вместе с вертушкой выгнать в людскую, так она не дала, шуму наделала. А ведь из замка не выгонишь, подохнет с голоду. Пусть сидит, пряжу прядет...

— Посижу, посижу, — фыркнула бабка. — Дождусь времени, когда пан Михалец возвратится. И вас, голодранцев, на все четыре стороны отсюда попрет.

— Так на чем я кончил?

— На том, что проблема тут...

— Да, верно. Проблема же в том, что замок Троски, возможное

местонахождение вашего Рупилиуса, невозможно захватить. И осмотреть. В замок Троски не пройдешь.

— Среди нас, — понизил голос Шарлей, — есть люди, знающие, как это сделать.

— Ага, — догадался Чапек. — Те двое: получивший копытом Таулер и тот второй. Так вот советую, не очень-то доверяйте им. Будьте внимательны, особенно когда речь пойдет о подземном ходе. Вы же знаете, что все тайные проходы и подземные коридоры, якобы связывающие замок Троски с различными местами района, порой отстоящими на четверть мили, это легенды и выдумки. Трепотня. Если ваш Таулер обещает провести вас в крепость по тайному подземному ходу, то либо сам обманщик и враль, либо сдуру поверил чьей-то лжи. Обе возможности вам опасны. Мотаясь по околице в поисках тайного прохода, вы в конце концов попадете в лапы к немцам или папистам. Мы, сироты, — продолжал он, — сидим здесь, на Подъешедтее, с весны 1426 года. Если б были какие-то тайные проходы, мы бы их отыскивали. Если б можно было проникнуть в Троски, мы бы проникли. Потому что бабка правду сказала: Троски и треклятый немец де Бергов для нас словно шип в заднице. Мы день и ночь соображаем, как бы отделаться от этого шипа.

— Проход, — заметил Рейневан, — может быть магическим. Вы верите в магию?

— Верю, не верю, — выпятил губы Ян Чапек. — Магии нет. А если б случайно и существовала, то для обычных смертных была бы совершенно непонятна и недоступна. То есть если что-то и есть магическое, то это все равно что его вовсе и нет. Логично?

— Аж дух перехватило, — усмехнулся Шарлей. — С такой логикой не поспоришь. Поэтому вы посоветовали бы, гейтман, оставить эту затею и вернуться домой?

— Именно это я бы посоветовал. Домой. И терпеливо ждать. Де Бергов участвовал в заговоре идет слух, шестого сентября в Праге поддержал Гинека из Кольштейна. А тех, которые поддерживали заговор, Прокоп Голый не прощает. Уже осаждают Божка из Милетинка, вот-вот придет черед и остальных. Того и гляди де Бергову придет конец, и Троски будут наши. Со всем, что в Тросках есть. В том числе и с вашим чародеем.

— Мудрый совет, — оценил демерит, не спуская глаз с Рейневана. — Не правда ли, Рейнмар?

— Вы назвали, — неожиданно сказал Рейневан, — пана де Бергова «проклятым немцем». Других исконных немецких родов в округе нет, верно? Кроме панов фон Догна в Фалькенберге и Графенштайне?

— Угу. Есть только два эти рода. Ну и что?
— Ничего. Пока что.
— Пока что, — Чапек поднялся, — я иду спать. Спокойной ночи, братья.
— И тебе, брат.

Огонь в камине уже не потрескивал: только помигивал, то вспыхивая, то угасая. Прялка тоже молчала. Старуха не пряла. Сидела неподвижно.

— Да уж, досталось этому замку, — проговорила она неожиданно. — Он Михаилу Архангелу посвящен, годков сто и пятьдесят стоит, годов сто и пятьдесят здешние Маркнарты кличутся панами из Михаловиц. А ноне... И чтоб такая голытьба... Боже, Боже... На моей памяти здесь короли гостили... А теперь? Позор!

— Не ври, бабка, — сказал к удивлению уже немного сонного Рейневана Шарлей. — Нехорошо это, на краю могилы-то. Не видела ты, старая, в жизни своей короля. Разве что Ирода в кукольном-то вертепе.

— Сам ты старый, и чтоб у тебя язык отсох. А я более королей видела, чем ты дукатов.

— Где, хотелось бы знать.

— В Видне, дурень! — Бабка выпрямилась на табурете. — В Пасху лета Господня 1353-го съехались монархи этого света в Видень, там императ Карл, у коего тады жена, Анна Фальская, померла, уговаривался о малолетней Аннусе, племяннице свидницкого князя Волька. Ох, съехалось тады до Видня королей и господов...

— И значит, и ты там была, бабуля, а? Мед-пиво пила?

— Что ты знаешь, простолюдин? Глупец! А я... Ого, ладная была... Молодая... Первым меня сам императ Карл лапнул на галерее вечерней порой, через поручень перегнул, рубашку задрал... Бородой мне по шее щекотал, я так хохотала, что он из меня выскочил... Обозлился, ну, тады я его сразу в руку взяла и обратно куда след засунула. Ох, он ко мне тады: пришласть ты мне, маленька моравианочка, хошь, выдам тебя за лыцаря? Ну, куда мне тады было до замужества, кады столько пареньков красивеньких... Второй, — разомлела бабулька, — был Людовик, король венгерский. Пылкий, ну и пылкий же был мальчишечка... Потом глаз на меня король польский положил, Казимир Великий... Верно его назвали, ох верно, хи-хи...

— Врешь ты, баба.

— Рупрехт, палатин реньский... Староватый и к тому ж немец. От него ни любовных речей, ни комплиментов не дождешься, а только сразу: *Mach*

die Beine breit!^[148] Зато Арношт из Пардубиц, архиепископ пражский, у-у-у, энтот и поговорить умел, и в деле был ловок... Ох, знал он всякие штучки и фокусы хитрые. Хорош был и Пшеслав из Погожели, епископ вроцлавский, на лежанке хваткий, ничего не скажу, поляк ведь. А портянки у него воняли так, что и сам дьявол сбежал бы... Альбрехт, князь Ракуский...

Бабка захлебнулась и раскашлялась. Прошло некоторое время, пока она продолжила.

— Но лучше всех, — пустила она слюни, — меня удобрухал тады никакой не король и не епископ, а поэт один, тосканец. Мечта, не парень. Мало того что темпераментный, так вдобавок и говорил получшее всех энтих. Ну, да и верно, кошка должна ловко ловить, а парень сладко говорить. И-хэх, как он умел говорить... Даже стихами. Звали его... как того святого из Азизу. А по прозвищу... Надо ж, забыла... Рурка? Петрурка?

— Может, — вставил Рейневан, — может, Петрарка. Франческо Петрарка?

— А что, может, может, — согласилась бабка. — Может, сынок. Кто опосля стольких лет вспомнит?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Рейневану приходит в голову гениальная идея, в ходе реализации которой он узнает себе цену. Тот факт, что в конце главы цена эта в ускоренном темпе возрастает, должен был бы его в принципе радовать. Но не радует.

Шарлей совершенно изумил Рейневана. Выслушав основы гениального плана, не ехидничал, не насмехался, не называл его шутком и чурбаном, даже не постучал пальцем по лбу, что в их дискуссиях ему случалось делать довольно часто. Выслушав положения гениального плана, демерит спокойно поставил на стол кружку пива, которым запивал сухомятку, встал и молча покинул помещение. Не прореагировал на призывы, даже головы не повернул. Даже не пнул собаку, путавшуюся у него под ногами, а перешагнул через нее с вызывающим опасение спокойствием. Просто встал и ушел.

— Я его немного понимаю, — покачал головой Ян Чапек из Сана, появившийся в замковой кухне как раз вовремя, чтобы успеть выслушать принципы гениального плана. — Ты опасный человек, брат Белява. Был у меня дружок, тот частенько высказывал подобные идеи. Часто. И был он весьма серьезной опасностью. До недавнего времени.

— До недавнего?

— До недавнего. В результате его последней идеи его колесовали на рынке в Локте, год тому назад во время празднования дня святой Людмилы. Вместе с ним казнили еще двоих. Бывают идеи, которые вредят не только их авторам. Окружающим тоже. Увы.

— Мой план, — слегка надулся Рейневан, — наверняка никому не навредит, хотя бы потому, что выполнять его буду я сам. Рисковать буду только я. Лично.

— Но зато очень.

— А у нас есть выход? Нету! Таулер все еще лежит бездыханным, и даже если встанет, то ты сам сказал, брат Чапек, что секретный подземный ход в Троски — вымысел, что это ничего нам не даст. Время не терпит. Надо что-то предпринять. Мой план проникновения в замок я считаю вполне реальным и имеющим серьезные шансы на удачу.

— Ого! Рейневан нахохлился.

— Пан де Бергов — немец, — принялся он подсчитывать на пальцах. — Пан фон Догна — тоже немец. Гуситам, взявшим в плен юного Койшбурга, кстати, тоже немца, до Троски значительно ближе, чем до Фалькенберга. Совершенно нормально и логично, что они пошлют кого-нибудь с требованием выкупа к де Бергову. Ибо известно и очевидно, что пан де Бергов передаст это пану фон Догне, своему родственнику.

— Пан де Бергов, — покрутил головой Чапек, — возьмет гуситского посла за жопу, кинет в яму. Он обычно так делает.

— Гуситы, — торжествующе усмехнулся Рейневан, — знают, что он так делает. Уже знают, что при переговорах с ним клятвы ничего не значат, что можно не придерживаться рыцарского слова. Поэтому в качестве посла они используют человека совершенно стороннего. Иностранца. Случайно болтающегося по округе бродячего поэта из Шампани.

Чапек ничего не сказал. Только воздел очи горе. То есть к кухонному бревенчатому потолку.

— Странствующий поэт из Шампани, — покрутил головой Самсон. — Ох, Рейнмар, Рейнмар... А ты знаешь хотя бы три слова на языке франков?

— И даже больше, чем три. Не веришь?

Par montaignes et par valees
Et par forez longues et lees
Par leus estranges et sauvages
Et passa mainz felonz passages
Et maint peril et maint destroit...

— В меру свободно, — вздохнув, согласился Самсон. — И акцент, признаюсь, тоже сносный. А выбор фрагмента романа... Ну что ж, исключительно удачный и соответствующий обстоятельствам.

— Еще как соответствующий, — вклинился Шарлей, беззвучно вошедший в этот момент в кухню. — Уж лучше соответствовать воистину невозможно! Осталось только тебе, странствующий поэт из Шампани, придумать соответственно шампанское имя. Какое-то соответственно и удачно характеризующее тебя *nom de guerre*. Предлагаю: Ивейн ле Кретен. Когда отправляемся?

— Отправляюсь я. Один.

— Нет, — покрутил головой Самсон Медок. — Отправляюсь я. Это касается меня и только меня. Самое время взять собственное дело в

собственные руки. Предположив, что идея Рейнмара — идея удачная, можно кое-что модифицировать: гуситы, чтобы доставить в Троски требование выкупа за юного Койшбуга, могут воспользоваться бродячим идиотом. Это представляется мне вполне хорошим прикрытием, а моя внешность...

— Твоя внешность, — прервал Шарлей, — аж дух захватывает. Но этого немного маловато. Дело требует, чтобы за него взялся человек, имеющий определенные навыки в деле обмана, мошенничества, вождения ближних за нос и способности их надуть. Не обижайтесь, но среди нас троих есть только один, который может претендовать на звание специалиста.

— Идея была моя, — спокойно возразил Рейневан. — И я от нее не откажусь. Отправляюсь один. Это право принадлежит мне как человеку, подавшему идею. Уверен, что я лучше кого бы то ни было подхожу для выполнения этого мероприятия.

— Неправда, — возразил Шарлей. — Меньше кого-либо. Тебе, а не нам, предсказано остерегаться Бабы и Девы. Но ты, конечно, в предсказания не веришь. Когда тебе удобнее.

— Беру пример с тебя, — отрезал Рейневан. — Кончаем треп. Я отправляюсь. Один. Вы остаетесь. Потому что, если...

— Интересно. Если?

— Если что-нибудь пойдет не так... Если я попадусь, то хочу верить, что в резерве у меня вы оба. Что вы придете на помощь и вытащите меня...

Шарлей долго молчал. Наконец сказал:

— Мучает меня мысль, что если б я сейчас дал тебе, Рейнмар из Шампани, чем-нибудь твердым по голове, связал намертво и запер на какое-то время в подвале, то ты когда-нибудь поблагодарил бы меня за это. И меня, понимаешь, интересует, почему я этого не делаю.

— Потому что знаешь, что я б не поблагодарил.

* * *

Реализация идеи пошла нормально. Все еще гостивший в Михаловицах гейтман Войта Елинек, которому сообщили — без деталей — о мероприятии, по собственной инициативе и весьма поспешно предложил свою помощь. Направляясь с небольшим отрядом разведчиков к Роймунду, он сообщил, что готов немного удлинить путь и эскортировать Рейневана до Йичинского тракта, где тот запросто примкнет к какому-нибудь

купеческому каравану.

Они отправились в тот же день. Около полудня.

Ближе к вечеру проснулся и пришел в себя Беренгар Таулер. Его уже не рвало, он мог достаточно прямо стоять и даже ходить.

Сам пошел в отхожее место и без чьей-либо помощи вернулся обратно. Короче: походило на то, что он поправился. Настолько, чтобы Шарлей и Ян Чапек могли припереть его к стенке относительно ведущего в Троски секретного подземного хода. Изобразив мины инквизиторов, они засыпали выздоравливающего вопросами, имеющими целью обложить его и прищучить на жульничестве.

— Какой проход? — Бледный Таулер побледнел еще больше, заморгал, но отнюдь не испугался. — Какой подземный коридор? О чем вы?

— Как ты собирался ввести нас в Троски? Тайным проходом, да?

— Нет, черт побери! Я ничего не знаю ни о каком проходе! В Тросках у меня есть, вернее, был знакомый, старший конюх... Я рассчитывал на то, что он нам поможет... У него был передо мной долг благодарности... Он облегчил бы нам попадание в замок или сам выяснил для нас, что надо... В чем, черт побери, дело?

Шарлей и Чапек не ответили. Выбежали из комнаты, сбежали по лестнице, на бегу отдавая распоряжения.

* * *

Они чуть не загнали лошадей, стараясь успеть до темноты. Проехали по всему Йичинскому тракту, добрались почти до замка Кость. Встретили два купеческих обоза, котельщика с возом медных изделий, труппу странствующих акробатов. Попрошайку. Бабу с корзиной гусей.

Никто из встреченных не видел поэта из Шампани. И вообще никого с похожей внешностью. Ни сегодня, ни вообще.

Рейневан исчез. словно сквозь землю провалился...

Шарлей настаивал на том, чтобы ехать за Войтой Елинеком и его разведчиками, догнать их и выпросить, узнать, что случилось, где они оставили Рейневана. Ян Чапек не согласился, решительно отказался. Опережающего их на несколько часов отряда Елинека уже не догнать, заявил он. Опускается ночь. А район опасный. Слишком близко от католических замков. Слишком близко для насчитывающего всего двадцать коней отряда.

Они возвратились по собственным следам, той же самой дорогой, внимательно осматриваясь. Высматривая одинокого наездника. А когда совершенно стемнело — огонь костра.

Не высмотрели ничего. Рейневана след простыл.

Первым ощущением, которое он испытал, когда очнулся, был щиплющий мороз, тем более ощутимый, что он совершенно не мог ни пошевелиться, ни скорчиться, ни согнуться, чтобы сохранить остатки тепла. Он был словно парализован.

Потом поочередно просыпались и распознавали ситуацию другие органы чувств. Раскрытые глаза показали наверху звезды на черном октябрьском небе — Полярную, Малую и Большую Медведицы, Арктур в созвездии Волопаса, Вегу, Близнецов, Козерога. Обоняние получило удар вони, отвратительной и невыносимой, несмотря на холод и явный факт пребывания под открытым небом, на голой земле, твердой и смерзшейся. Слух зарегистрировал совсем близкие отчаянные крики. И хохот.

Шея и затылок болели жутко, несмотря на это, он дергался... рвался — уже успел понять, что изменить положение не сможет, потому что его обездвигивают прижимающиеся тела и что именно эти тела испускают отвратительную вонь. Тела прореагировали на его движения тем, что прижались еще плотнее и крепче. Кто-то застонал, кто-то заохал, кто-то призвал Бога. Кто-то выругался.

Слева от него, то есть в направлении Веги и созвездия Лиры, тьму ночи разгоняли вспышки огня. Запах дыма наконец пробился сквозь зловоние человеческих тел. Именно оттуда, от костра, долетали отчаянные крики, которые теперь перешли уже в стоны и спазматические рыдания.

Он дернулся снова, с величайшим усилием высвободил руку, резко столкнул с себя одно из тел, явно женское и отнюдь не тощее. Он выругался, подтянул колено.

— Перестаньте, пан, — зашептал кто-то совсем рядом. — Не делайте ничего. Беда будет, коли услышат...

— Где я?

— Тише, Услышат — бить станут.

— Кто?

— Они. Мартагузы. Бога ради, тише...

Шаги, скрип дерева. Вспышка факела. Хохот. Он повернул голову, взглянул.

У кого, кто держал факел, лицо было густо усыпано прыщами. Лба у него почти не было вообще. Черные прямые волосы, казалось, вырастают

прямо из бровей. Рейневан его уже видел.

Были еще трое. Один нес фонарь, в другой руке он тоже держал что-то. Двое тащили паренька лет четырнадцати-пятнадцати, которого держали под мышки. Паренек рыдал.

Его грубо толкнули на землю, наклонились, посветили на лежащих, теперь Рейневан уже видел, что лежащие были сбиты в кучу на окруженной редким частоколом площадке. Кого-то выбрали. Кто-то высоко и отчаянно крикнул, кто-то завыл, кто-то снова призвал Бога и святых. Засвистел бич, отрывистые крики заглушили звуки ударов. Вытащенный из огорожки паренек — еще более молодой, чем предыдущий, — плакал, умолял сжалиться. Спустя совсем немного из-за частокола долетел его душераздирающий крик. И хохот мартагузов.

Рейневан выругался, бессильно стиснул кулаки. Ну, вляпался, подумал он. Ну, попал.

Он помнил.

У него было скверное предчувствие уже тогда, когда в лесу на развилку дорог въехал на косматой пегой лошади этот прыщавый с волосами, вырастающими из бровей. Когда усмехнулся, демонстрируя черные остатки зубов. Когда вслед за ним из-за деревьев выехали еще четверо. Так же отвратительно выглядевших и усмехающихся.

Скверное предчувствие Рейневана перешло в уверенность, когда Прыщавый, движением руки поприветствовав Войту Елинека, глянул на него, окинул плотоядно оценивающим взглядом. Гейтман Войта Елинек тоже взглянул на него с презрительной гримасой, вполне однозначно говорившей: «Провели мы тебя как ребенка, наивный дурень».

Рейневан сделал вид, будто поправляет стремя, резко хватанул коня шпорой и рванул галопом в лес. Они это предвидели. Заблокировали его лошадьми, ударом свалили с седла, налетели, пригнули к земле. Спутали. Елинек, чтоб его проказа взяла, улыбаясь посматривал с высоты седла.

— Это какой-то важный, — бросил он Прыщавому. — Важный какой-то, не хмырь какой-нибудь. Дашь мне за него десять коп грошей, Гурковец.

— Ага, жди! — ответил Прыщавый. Прыщи у него были везде, даже на веках, даже на губах и даже прыщи на прыщах. — Важный, как же! По одежке судя, артист какой-то гребаный. Много я за него возьму? Один Памбу знает. Дам две копы. Что? Мало? Ну, тогда отвянь, Елинек. Вели его зарезать, в кустах листьями присыпать...

— Дай хотя бы восемь! Говорю тебе — это важный типчик!

— Три!

— Ты и так постоянно на мне зарабатываешь! Мало я тебе людей поставил? Целые деревни тебе продал, скряга.

— Пять.

— А, пусть будет хуже. Эй, чего он так дергается? А ну придушите его малость! Только с чувством!

Рейневан попытался вырваться. Впустую. Ему накинута ремень на шею. Придушили с чувством, несколько раз с чувством ударили по животу. Треснули по голове. Он потерял сознание. Надолго.

За частоколом, у костра, насилуемый юноша кричал и всхлипывал. Тот, которого изнасиловали раньше, стонал и рыдал.

— Что с нами сделают?

— Продадут, — ответил сосед, тот, который раньше предостерегал его. — Продадут на погибель. Это мартагузы, пан. Людей воруют.

Под утро Рейневан что было сил прижимался к другим, сбившимся в дышащий, стонущий и дрожащий клубок. Важна была каждая кроха тепла. Даже вонючего. Впрочем, он сам стоил не больше, чем эти воняющие.

А стоил он пять коп пражских грошей. То есть что-то около десяти венгерских дукатов. Или столько — примерно, — сколько стоили две коровы плюс кожух и вертель^[149] пива в придачу.

* * *

На рассвете был крик, ругань, мерзкие выкрики, удары ногами и бичами. Столпившихся в ограде по одному выгоняли через ворота в частоколе. Зажимали в колодки, доски с отверстиями для шеи и рук. Подгоняя ударами бичей, согнали в походную колонну.

Колодки Рейневана воняли рвотиной. Неудивительно. На них были засохшие следы.

Прыщавый, сидевший в седле косматой пегой лошади, свистнул, сунув два пальца в рот. Свистнули бичи. Колонна двинулась. Люди громко молились. Бичи летали со свистом и треском.

У кошмара была и своя добрая сторона. Задаваемый бичами полубег разогревал.

Судя по положению солнца, они шли на восток. Их уже не подгоняли так сильно, как на рассвете, не заставляли бежать. Отнюдь не из жалости или сочувствия. Два человека — пожилой мужчина и немолодая женщина

— упали и не могли встать, хоть похитители не жалели хлыстов и пинков. Колонну гнали дальше. Поэтому Рейневан уже не видел, что с ними случилось, но предчувствия были скверные. Он слышал злой голос Прыщавого, смешивавшего гейтмана Елинека с грязью за поставку «старых трупов» и проклинающего своих подчиненных за то, что они «поганят товар». В результате инцидента им позволили идти медленнее. И избивали реже.

Рейневан хромал, натер ногу, ему давно не приходилось столько ходить пешком. Справа от него дышал в колодках молодой человек, его ровесник. Этот уже ночью, будучи явно не столь отупевшим, как остальные, отрывистыми фразами представился как ученик столяра из Яромира, идущий на мандр — это слово означало поход, имеющий целью совершенствование в ремесле. Когда он направлялся из Йичина в Жутаву, на него напали и схватили мартагузы. Глотая слезы, подмастерье умолял Рейневана, чтобы тот, если ему каким-то чудом удастся выкрутиться, уведомил о его судьбе Альжбету, дочь мэтра Ружички, яромирского сапожника. Уверял, что если уцелеет он, то известит ту, которую укажет Рейневан. Рейневан не назвал никого. Он не доверял. И не верил в чудеса.

Шли оврагами, лесами, тенистыми буковинами, зелеными сосняками, мимо яворов, осин и вязов. Миновали стройные придорожные осенние красавицы березы, прекрасные, словно одетые в золотые короны королевны. Картина действительно могла ласкать взор и наполнять душу радостью.

Но как-то не ласкала. И не наполняла.

Солнце преодолело уже солидный отрезок пути до зенита, когда в голове колонны послышались крики и ржание коней. Сердце Рейневана прыгнуло в груди при виде вооруженных людей в капалинах, кольчужных капюшонах и вишневых накидках. Поэтому тягостным, болезненно тягостным оказался вид Прыщавого, пожимающего в радостном приветствии правую руку десятника.

Встреча явных знакомцев произошла на развилке, с которой усиленный эскорт погнал колонну в южном направлении. Быстро кончились чащи, лес поредел, песчанистая дорожка начала извиваться среди скалок фантастических очертаний. Стоящее высоко солнце просвечивало сквозь плывущие по голубизне кучевые облака.

И вдруг возникла цель их пути. Как на ладони. Очевидная.

— Это что ли... — простонал Рейневан, пытаясь отодвинуть от натертой шеи край колодки. — Это что ли...

— Ага... — угрюмо подтвердил подмастерье столяра. — Наверняка...

— Троски, — застонал кто-то у них за спиной. — Замок Троски, Господи, сохрани нас и помилуй...

Из поросшего редким лесом взгорья торчала одинокая, странная двурогая скала, словно чертова голова, словно чуткие уши притаившейся овчарки. Скала — Рейневан об этом не знал и знать не мог — была застывшей магмой, вылившейся массой вулканического базальта.

Необычная здесь, вздымающаяся над всей округой скала, видимо, приглянулась кому-то в качестве естественного фундамента под крепость. Кем-то — это-то Рейневан как раз знал, перед поездкой он раздобыл немного информации, — был знаменитый Ченек из Вартенберка, пражский бургграф при короле Вацлаве. Нанятый Ченеком строитель удачно использовал вулканический реликт: втопил замок в седло между базальтовыми рогами, а на самих рогах разместил башни. Более высокая, построенная на восточном, более стройная и четырехгранная, получила имя Дева, западная, пониже, пузатая и пятибокая — Баба.

В 1424 году — хозяином замка в то время был уже Отто де Бергов, лютый враг и жестокий преследователь всех причащающихся из Чаши, — замок осадили разъяренные табориты. Однако не помог долговременный обстрел из катапульт и бомбард, неудачей же закончился и штурм. Божьи воины вынуждены были отступить. С той поры считалось, что Троски захватить невозможно. Де Бергов же надувался и продолжал терзать окружающих гуситов железом, огнем и виселицей.

— Ну вы, там, — крикнул от головы колонны Прыщавый. — Замок перед нами! Подгоните этих свиней в гору, пусть начнут живее кульями шевелить!

Засвистели хлысты. Посыпались удары и ругань.

Их загнали через узкие ворота на огороженную стенами площадку, сужающуюся к западной стороне, погруженную в тень, отбрасываемую стеной верхнего замка. Когда они оказались в тесном пространстве между сходящимися стенами, с них сняли колодки. Рейневан онемевшей рукой ощупал шею и убедился в том, что она стерта до крови. Столярский подмастерье начал ему что-то говорить и тут же, крикнув, замолчал, когда ремень кнута хлестнул его по спине.

— Строиться, суки! — заревел Прыщавый. — Строиться, и ни звука!

Подгоняемые ударами и тычками, они выстроились вдоль стены. Только теперь Рейневан мог точно пересчитать: вместе с ним было тридцать три человека, в том числе семь женщин, четверо стариков и трое

подростков. Ни старики, ни мальчики явно не годились для рабского труда. Странно, что они оказались среди схваченных.

На то, чтобы продолжать удивляться, времени не достало.

Из «загона» к ведущим в верхний замок воротам можно было попасть по деревянным, частично прикрытым крышей ступеням. По ним сейчас как раз спускалась группа богато одетых мужчин.

Внизу их встретили капитан стражи и несколько бургманов.

— И что мы имеем, Гурковец? — заинтересовался идущий первым — стройный, со светлыми усами. Было ясно, кто это: свободный *haqueton* был украшен изображением крылатой рыбы, гербом рода Бергов. Мужчина был хозяин замка Троски — Отто де Бергов собственной персоной.

— Что мы имеем? — повторил он. — Пара сопляков, пара нищих, пара баб и пара детишек. Сдается мне, Гурковец, что мы уже раньше кое-что выяснили. Ты должен был, прохвост, привести сюда гуситов. Гуситов, а не случайно пойманных крестьян. Или ты думаешь, я стану платить тебе за крестьян? К тому ж наверняка в основном моих собственных?

— Да поразит меня Памбу. — Прыщавый хватанул себя по груди. — Да чтоб мне до завтра не дожить, ваша милостивая милость! Это ж гуситы, самые что ни на есть настоящие гуситы. Один к одному еретические стервы, настоящие гуситовы сыны.

— Не похоже, — заметил другой рыцарь, молодой и видный, в похжей на колокольчик шапке на завитых волосах. Почти по каждому краешку его одежды шли, как того требовала мода, вырезанные округленные на концах зубчики.

— Не похоже, — повторил де Бергов, подходя и прикрывая нос манжетом, тоже вырезанным зубчиками. — Но для порядка спросим. Эй, баба? Ты кто такая? Почитаешь Гуса как своего бога?

— Невиновная я! Господин, смилуйтесь! Я бедная вдова!

— А ты, парень? Принимаешь причастие обеими способами?

— Я невиновен! Смилуйтесь!

— Брешут, милостивый государь, — постоянно кланяясь, заверил Прыщавый. — Брешут, кацерские морды, шкуру чтобы сохранить. А вы б на их месте не брехали?

Красивый взглянул на него с убийственным презрением, походило на то, что ударит за предположение кулаком. Но он ограничился тем, что сплюнул.

Затем повернулся к де Бергову. И стоящему рядом пожилому рыцарю в простеганном вамсе, с красивым лицом и гордо выпяченными губами. Этого, Рейневан мог бы поклясться, он где-то уже видел. После недолгого

раздумья он пришел к выводу, что и того, в шапке колоколом, тоже.

— Не знаю, серьезно, не знаю, милостивый государь Оттон, — обратился он к Бергову, разводя руками. — У нас заказы от патрициатов Шести Городов. Мне заказал Будзишин. Присутствующий здесь пан Хартунг фон Клюкс из Чохи представляет интересы Згожельца, пан Лютпольд фон Кёкериц, который вот-вот явится, — Любью. Но наши заказы имеют в виду гуситов. А не какую-то случайную и достойную жалости голытьбу.

Отто де Бергов пожал плечами.

— Что же вам сказать, уважаемый пан Лотар фон Герсдорф? — спросил он. — Разве что одно: случайная голытьба, прежде чем сгорит на кострах в Будзишине или Згожельце, будет умолять о пощаде. Как настоящие гуситы. И не отличишь.

Лотар Герсдорф, понимая и одобряя логику, покивал головой. А Рейневан уже вспомнил, где и когда видел и его, и красивого, вырезанного зубчиками Хартунга фон Клюкса в шапке, напоминающей колокольчик. Он видел их два года назад. В Зембицах. На турнире в день праздника Пресвятой Девы Марии.

Герсдорф, Клюкс и несколько других рыцарей отошли в сторону, чтобы посоветоваться. Пленников подошли посмотреть очередные, до тех пор молчавшие. Двое никакими гербами не выделялись, у третьего, одетого наиболее богато, на вамсе красовался щит, шестикратно разделенный на серебряные и красные полосы, в котором можно было легко узнать герб Шаффов. Гочу Шаффа, хозяина Грифа, Рейневан также помнил по зембицкому турниру. Значит, в Тресках должен был быть его брат, Янко, наследник и хозяин замка Хойник.

Со стороны ворот и сторожевой башни послышался цокот копыт, на площадку въехала группа вооруженных. Первыми ехали два герольда. Один, одетый в белое, нес синюю хоругвь с тремя серебряными лилиями. На желтой хоругви второго герольда был изображен красный олений рог. Рейневан с трудом сглотнул. Он знал этот герб. Знакомых прибывало.

* * *

Вновь прибывшие остановили коней, слезли, небрежно бросив вожжи задышающимся слугам, подошли к хозяину замка, поклонились. Уважительно, но гордо. В седле, кроме кнехтов и стрелков, остался только молодой паж в большом берете с тремя страусовыми перьями. Паж крутил

коня, заставляя его плясать и выделять танцевальные движения. Подковы цокали по брусчатке.

— Пан де Бергов. Приветствуем, желаем здравствовать!

— Пан фон Биберштайн, пан фон Кёкериц. Гость в дом — Бог в дом.

— Позвольте представить пана Кёкерица и моих рыцарей и заказчиков: пан Микулаш Дахс, пан Генрик Зебанд, пан Вильрих фон Либенталь, Петр Нимпч, Ян Вальдау, Райнгольд Темриц. Мы успели к ужину?

— И к ужину, и к делам.

— Вижу, вижу. — Ульрик фон Биберштайн, хозяин Фридланда, окинул взглядом стоящих у стены пленников. — Однако картинка весьма убогая. Вероятно, это остатки, и Шесть Городов уже отобрали самый лучший товар. Приветствую, пан Герсдорф. Пан Клюкс. Пан Шафф. Ну как? Уже сговорились?

— Еще нет.

— Ну, значит, давайте договариваться, — потер руки Биберштайн. — И на ужин! Во имя святого Дионисия! Пить хочется, как незнамо что!

— Этому, — кивнул пажам Отто де Бергов, — мы легко поможем.

Прибывший с хозяином Фридланда Микулаш Дахс — Рейневан помнил по докладам гуситских гейтманов, что это был клиент Биберштайнов, — вернулся, осмотрев поставленных у стены пленников. Его мина говорила о многом. А о том, о чем не говорила, досказывали покачивания головы.

— Я гляжу, все хуже, — прокомментировал Биберштайн, принимая из рук слуги большой кубок. — Ты, ваша милость, предлагаешь все более жалкий товар, пан Отто, все самого скверного качества. Видимо, это знак времени, *signum temporis*, как говорит мой капеллан. Ну что ж, какова работа, такова и плата, так что поговорим о ценах. В 1419-м за пойманного и предназначенного на казнь гусита платили в Кутной Горе копу грошей, за еретического проповедника — пять коп...

— Но тогда спрос был больше, — прервал его де Бергов. — В девятнадцатом году было нетрудно поймать гусита, тогда побеждали католики. Сейчас верх у гуситов, а католиков бьют, так что гуситский пленник — вещь редкая, истинный раритет. Потому и дорогой. А господа из ландффридов завышают цены, создают прецеденты. Ольджих из Рожмберка платит по сто пятьдесят коп грошей выкупа. После таковской битвы баварцы и саксы платили за своих даже больше. И по двести коп за голову бывало.

— Я прислушиваюсь, — подошел и гордо задрал голову Лотар

Герсдорф, — и никак не пойму, то ли я поглупел, то ли вы. Хозяин из Рожмберка и немцы платили за господ, за дворян, за рыцарей. А кого вы нам на торг выставили? Каких-то нищих старцев! А ну ловите и предложите мне Рогача из Дубе, давайте Амброжа, Краловца, братьев Змрзликов, Яна Черника, Колюха, Чапека из Сана. На них я серебра не пожалею. На этих обоссанцев его расходовать и не подумаю. Какой мне толк от обоссанцев?

— Эти обоссанцы, — не опустил глаз де Бергов, — на кострах будут по-чешски вопить и молить о пощаде. А вас это интересует, разве не так?

— Это, — холодно подтвердил Биберштайн. — В городах у нас люди от страха перед чехами трясутся, паникуют. Помнят, что было в мае.

— Как сейчас, — угрюмо подтвердил Лютпольд Кёкериц. — Насмотрелись на гуситов со стен жители Фридланда, Жутавы, Згожельца и Львовка. И хоть отстояли эти города, героически отразили штурм, люди умолкают от ужаса всякий раз, когда кто-нибудь упоминает о страшной судьбе Острица, Бернштадта, Любаня, Злоторын. Надобно показать этим людям что-то такое, что поднимет их дух. Лучше всего, когда чеха-гусита на эшафоте обрабатывают. Ну, пан Отто, называйте цену. Если будет разумной, подумаю... Эй-эй! Держи кобылу-то за вожжи, Дуца.

Паж, тот паренек в берете с перьями, который похвалялся конем, подлетел к группе так резко, что чуть не повалил рыцарей. На такое ни один паж, оруженосец или юнкер не решился бы, понимая, к каким последствиям это может привести, в том числе к взбучке.

Пажик, о котором идет речь, явно не опасался последствий. Скорее всего потому, что пажиком не был.

Из-под задорно сидящего набекрень берета на рыцарей поглядывали смелые до наглости глаза цвета вод горного озера, окаймленные длинными, пожалуй, в полдюйма ресницами. Хищно задранный нос немного не соответствовал светлым локонам, румяным щечкам и губкам ангелочка, но целое все равно вызывало какое-то удивительное ощущение в том районе, который поэты переносно именовали *circa pectora*^[150].

Девушке было никак не больше пятнадцати лет. Одета она была в белую блузку в мережку и жилетку из пурпурного атласа. Мужскую курточку с соболиным воротником она носила по новейшей моде, просунув руки сквозь открытые боковые швы так, чтобы рукава свободно свисали на спину, а при езде галопом живописно развевались.

— Разрешите, милостивые государи, — представил ее с легкой усмешкой Лютпольд Кёкериц, — этот фокусничающий на коне шут — моя племянница, благородная панна Дуца фон Пак.

Рыцари — все, не исключая пожилых и горделивых, — молчали, вытаращив глаза. Дуца фон Пак развернула лошадь, стройную гнедую кобылу.

— Ты обещал, дядя, — сказала она громко. Голос был не очень приятный, сводящий на нет — не у всех — красоту и вызванный первым взглядом эффект.

— Раз обещал — выполню, — насупил брови Кёкериц. — Потерпи. Не подобает...

— Обещал, обещал. Я хочу сейчас, сразу. Ну же. Мне скучно!

— Ад и дьявол! Ну хорошо, хорошо. Одного получишь. Выбирай. Господин Оттон, одного из них я беру, заплачу сколько назначите. Потом рассчитаемся. Я обещал девчонке подарить, а видите сами, как она капризничает. Так пусть выбирает, что хочет...

Де Бергов оторвал взгляд от бедра девушки, поняв наконец, в чем дело.

— Денег не надо, — поклонился он. — Пусть будет от меня подарок. В честь красоты и обаяния. Извольте выбрать, милостивая панна.

Дуца фон Пак наклонилась в седле и улыбнулась. С истинно убийственным обаянием. Потом продефилировала перед онемевшими рыцарями. Подъехала к пленникам.

— Этот!

«Она выполнила обет, — подумал Рейневан, глядя как слуги вытаскивают из шеренги подмастерье из Яромира, — Она поклялась совершить доброе дело, пообещала кого-нибудь освободить. Столяру повезло. Истинное чудо... А ведь через него можно было дать знать Шарлею. Жаль...»

— Убегай, — прошипела девушка, наклоняясь с седла и показывая на ворота. — Беги!

— Нет! — крикнул Рейневан, вдруг поняв. — Не бе...

Один из мартагузов ударил его с размаха. Подмастерье побежал.

Бежал он быстро. Но далеко не убежал. Дуца фон Пак послала кобылу в галоп, выхватила копье у одного из конных кнехтов, догнала его почти у самых ворот, метнула на полном скаку. Копье угодило в середину спины, между лопатками, острие вышло под грудиной в фонтане крови. Подмастерье упал, дернул ногами, скорчился, застыл. Девушка равнодушно развернула лошадь, проехала через двор. Подковы ритмично цокали по каменным плитам.

— Она всегда так? — холодно полюбопытствовал Ульрик Биберштайн.

— Врожденное? — отнюдь не теплее спросил Лотар Герсдорф. — Или приобретенное?

— Послать бы в лес на кабанов, — откашлялся Янко Шафф. — Тогда что ни убьет, все мясо...

— Ей, — насупился Кёкериц, — кабаны давно наскучили. Теперешняя молодежь... Но ничего не поделаешь, родственница...

Дуца фон Пак подъехала ближе. Настолько близко, что он увидел выражение ее глаз.

— Хочу еще одного, дядюшка, — сказала она, напирая промежностью на луку. — Еще одного.

Кёкериц насупился еще больше, но прежде чем успел что-либо сказать, его опередил Хартунг Клюкс. Хозяин замка Чоха словно зачарованный не отрывал глаз от Дуцы. Теперь он выступил вперед, снял шапку-колокол, низко поклонился.

— Позвольте, — проговорил он, — мне подарить благородной панне то, о чем она просит. Преклоняясь перед ее красотой. Господин Отто?

— Разумеется, разумеется, — махнул рукой де Бергов. — Соболаговолите выбрать. Рассчитаемся позже.

Стоящие за Рейневаном женщины начали плакать. А он знал. Еще до того, как его окутал пар из ноздрей лошади. Прежде, чем увидел над собой глаза. Цвета глубин горного озера. Прекрасные. Обаятельные. И совершенно нечеловеческие.

— Этот.

— Этот дорогой, — отважился сказать согнувшийся в поклоне Прыщавый. — Самый дорогой... То есть он гусит, потому и цена значительная...

— Не с тобой, хмырь, — стиснул зубы Клюкс, — я буду торговаться, не ты будешь цену назначать. А я ради этой панны заплачу любую. Берите его!

Кнехты выволокли Рейневана, вытолкнули прямо перед грудью гнедой кобылы и богатым, шитым золотом нагрудником.

— Беги!

— Нет.

— Строптивый сыскался? — Дуца фон Пак наклонилась с седла, прошила его взглядом. — Не побежишь? Тогда стой. Думаешь, мне не все едино? Наеду и ткну. Но поспорю: ты не устоишь, начнешь удирать, подпрыгивать, А тогда заплатишь мне за несговорчивость. Заколю как свинью.

— Сорок коп грошей? — неожиданно рывкнул де Бергов. — Сорок коп? Да ты что, чокнулся, Гурковец? Не иначе как вши у тебя весь ум из дурной башки высосали. Ты не иначе как сдурел или меня идиотом

считаешь? Если первое, то прикажу отхлестать, если второе — как пса повешу!

— Важный гусит... — застонал Прыщавый. — Потому и цена... Но могу поторговаться...

— Я дам, — неожиданно проговорил Янко Шафф, — за него сорок коп без торговли. Но не в качестве какого-то подарка. Перед красотой панны Пак голову склоняю, но пусть она зарежет кого-нибудь другого, А этого я хочу получить живым и здоровым.

— Из чего следует, — подбоченился Кёкериц, — что ты, господин Шафф, знаешь, кто он таков. И чего стоит. И знанием этим не поделишься ли? А?

— Незачем, — бросил Лотар Герсдорф. — Потому что я тоже знаю, кто это. Я его узнал. Это силезец Рейнмар фон Беляу. Вроде бы чаровник. Алхимик. К тому же еретик и гуситский шпион. В Зембицах пытался покуситься на жизнь князя Яна, я был при этом. Похоже, его для этого гуситы наняли, но я скорее прислушаюсь к тем, кто говорит, что из-за сумасшедшей ревности, что дело было в женщине. Так оно, нет ли, черт знает, но факт, что этого Беляву разыскивают по всей Силезии. И вероятно, обещали заплатить за пойманного, ежели пан Янко готов запросто без торговли уплатить сорок коп. Но ничего не получится, ничего. Гуситский шпик шикарно украсит эшафот на будзишенском рынке, роскошная будет казнь. Людишки издалека сойдутся, чтобы поглазеть. Я перекрываю твою цену, Шафф. Будзишин, господа, дает пятьдесят!

— Что творится, — медленно и отчетливо проговорил де Бергов, — в моем замке чаровник, гуситский шпик и наемный убийца? Кто его сюда подослал?

— Я раньше, — Хартунг Клюкс словно его не слышал, — подарил вашего силезца панне Дуце. И заплачу...

— Сомневаюсь, — прервал Герсдорф. — У тебя нет таких денег.

— Здесь речь о моей чести и рыцарском слове, — рыкнул Клюкс. — Я готов за это отдать кровь и жизнь, а что говорить о пятидесяти гривнах! Впрочем, столько-то я найду запросто!

— А сто найдешь? — спросил молчавший некоторое время Ульрик фон Биберштайн. — Потому что я перебиваю, даю за него сто коп грошей. И нечего тут со своим гонором лезть. Объяснений не просите. Но если это действительно Рейнмар Белява, то он должен быть моим. Даю за него сто коп. Господин Отто де Бергов? Что скажете?

Де Бергов долго глядел на него. Потом обвел взглядом всех.

— Скажу, — вскинул он голову, — что ничего из этого не получится.

Торговлю ликвидирую. Беляву из торгога убираю.

— Это почему же?

— А потому, — Отто де Бергов не опустил головы, — что мне так нравится.

— Ну что ж. — Биберштайн в ярости засопел, сплюнул. — Ваш замок, ваша воля, ваше право. Только если вы так, то мне как-то расхотелось у вас гостить. Покончим с делами и кому в путь...

— Верно, — кивнул головой Лотар Герсдорф.

— Факт, — поддержал Янко Шафф. — И я тороплюсь как бы. Закончим торговлю и попрощаемся.

— В таком случае, чтоб вы меня все-таки лихом не поминали, — заявил де Бергов, явно сдерживаясь, — будет скидка. Специальная цена, как для брата. Как в Кутной Горе восемь лет тому назад. Копа грошей со лба. Баб и подростков добавляю даром.

— И не надо взаимно перебивать друг друга, — предложил Герсдорф, — а поделимся. Будзишин, Згожелец, Любий, Фридланд, Еленья Гура. Сначала поровну поделим баб и сопляков, а остальных...

— Остальные поровну не делятся, — сказал де Бергов, жестом призывая своих вооруженных. — Будет справедливо, черт побери, никто ущерба не пронесет. Эй, взять их! Этих четверых! Взять и связать!

Прежде чем мартагузы Прыщавого поняли, что происходит и в чем дело, они уже были связаны. Только когда их втолкнули между их же невольниками, они начали вырываться, орать и сыпать проклятиями, но их мгновенно и безжалостно успокоили ударами плеток, бичей и древками копий.

— Пан... — застонал Прыщавый, которого никто не коснулся. — Ну, как же так... Как же... Это ж мои люди.

— Может, хочешь к ним присоединиться? Есть у тебя такое желание?

— Нет, нет, чего бы ради. — Рот Прыщавого раззявился в широкой и заискивающей гримасе. — Никак нет! Что они мне, родные или как? Найду новых.

— Факт, всегда можно найти желающих. Так что иди. Да, чуть было не забыл...

— А-а-а?

Отто де Бергов ответил улыбкой, после чего кивнул Дуце фон Пак, державшей копьё поперек седла. Дуца сверкнула зубками, ее зелено-голубые глазенки загорелись.

— Ты привел мне в замок шпика и убийцу. Беги к воротам! Давай! А ну быстрее!

Прыщавый побледнел, сделался белым как рыбье брюхо. Он мгновенно остыл, развернулся и помчался к воротам, словно гончая. Бежал он быстро. Очень быстро. Походило на то, что добежит.

Нет, не добежал.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой оказывается, что ничто так положительно не влияет на прояснение ума, как голод и жажда. Если же требуется раскрыть какую-то загадку, то лучшие результаты дает описание человеческих останков. Обязательно в День Поминовения Усопших.

— Рейнмар фон Беляу из Силезии. — Отто де Бергов, владелец замка Троски, окинул Рейневана взглядом с головы до ног и обратно. — Чернокнижник. Алхимик. Гуситский шпик. А ко всему прочему еще и наемный убийца. Широкий, я бы так сказал, диапазон специальностей. С которой же из них ты прибыл в мой замок? Не отвечаешь? Не беда. Я и без того знаю.

Рейневан молчал. В горле у него пересохло, он не мог сглотнуть слюну. Яма была чудовищно холодной и чудовищно вонючей. Смрад, казалось, бил из-под прикрытого тяжелой железной решеткой отверстия в полу. Хотя спуск под башню по винтовой лестнице занял много времени, уровень, на котором они находились, был не самым нижним. Ниже было что-то еще. Темницы под Девой доходили, кажется, до чрева Земли.

Слуги воткнули факелы в железные ухваты. Решетка в полу со скрипом открылась. В темное и несущее гнилью отверстие опустили лестницу.

— Слезай, — подтвердил догадку Рейневана де Бергов. — Быстро.

Спуститься до самого низа ему не дали. Сильно дернули лестницу. Рейневан упал, ударился об утоптаный, твердый как камень глиняный пол, от падения надолго отшибло дыхание.

— Когда-то, — бросил сверху де Бергов, заслоня собой те крохи света, которые проникали сквозь отверстие, — был у меня в Тросках мудрила-магик, начитанный и болтливый. Так он утверждал, что такая яма, как эта, называется *oubliette*^[151]. Никогда в жизни не слышал, чтобы кто-нибудь, кроме того магика, пользовался этим словом. Оно якобы идет от галльского и означает, хе-хе, «забудка». Я тебя просвещу, почему именно такое название. Так вот эта решетка сейчас будет закрыта, а о тебе забудут совершенно, равно как о хлебе и воде. Поэтому я лично галльской «забудке» предпочитаю местное название ямки: «уморильня». Я уморю тебя голодом, господин фон Беляу. Разве что ты поумнеешь и скажешь, кто

тебя нанял, по чьему приказу ты собирался меня убить. Предупреждаю, вранье и выкрутасы тебе не помогут. Я знаю, кто стоит за покушением, ты добавишь мне только детали. И доказательства.

Рейневан застонал, сменил положение. Он сильно ударился, но вроде бы ничего себе не сломал. Сверху долетел щелчок и скрежет замыкаемой решетки.

— Да, совсем было упустил, — добавил сверху де Бергов, — Чары, если ты действительно колдун, тебе не помогут. Мудрила магик, о котором я упомянул окружил уморильню специальными защитными заклинаниями. Утверждал, что их не преодолел бы и сам Мерлин. Выяснилось, что он не лгал, и выяснилось это на его собственном примере. Он сгинул там внизу и теперь составит тебе компанию. А если оттуда не удалось сбежать Рупилиусу Силезцу, то и у тебя нет никаких шансов. Прощай. А поскольку вскоре ты там внизу будешь сосать собственную ногу, постольку заранее желаю здоровья и приятного аппетита.

Шаги и щелчок металла утихли в отдалении. Смолкло эхо. И опустилась тишина, глубокая и глухая.

Прошло некоторое время, пока глаза Рейневана привыкли к темноте. Настолько, что в углу ямы он смог разглядеть белый ощерившийся череп прикованного к стене скелета.

Слухи оправдались. Чародей Рупилиус действительно пребывал в замке Троски. Пребывал и остался в нем. На веки вечные.

Основной проблемой, связанной с чародейскими амулетами, пояснил некогда Рейневану Телесма, пражский чародей из «Архангела», является вопрос размеров. Размер амулета имеет даже большее значение, нежели его цена. Известно, что чем благороднее материал, из которого изготовлен талисман, тем он магически сильнее. Ну что ж, на мысль, что хороший значит дорогой, напали уже финикийцы. Покупая дешево, покупаешь дерьмо — эта аксиома тоже родилась в конторах Тира и Сидона.

Утверждение, что чем масса амулета значительнее, тем больше его сила, было трюизмом, к тому же трюизмом очень хлопотным. Сама природа чародейских периаптов^[152] требовала, чтобы они были сподручны. Талисман имеет смысл, если его можно носить с собой — в кармане, за пазухой, на пальце. Что с того, говаривал Телесма, что спрессованный и высушенный аист позволяет беспрепятственно читать чужие мысли? Что мумифицированная нога трупа безотказно защищает от порчи? Где это носить? На шнурке на шее? Ведь глупо же!

Остается, закончил чародей теоретические выкладки практическим

выводом, смириться с фактом, что амулеты, талисманы и им подобное годятся исключительно для более слабой магии, для чернокнижничества низшего уровня. А смирившись, следует делать свое — то есть миниатюризовать. Если такой объект не может быть более сильным в действии, так пусть хоть будет удобен при транспортировке. Поэтому Телесма много и с различными результатами экспериментировал. Когда же Рейневан уезжал, то получил в подарок медную, размером немного побольше двух кулаков, шкатулочку. Выстеленные атласом переборки скрывали ни более ни менее, а двенадцать малюток. Миниатюризованных амулетов различного назначения.

Разумеется, Рейневан тщательно стерег шкатулочку и не подвергал ее никакому риску. А поскольку одинокий поход в замок Троски был дьявольски рискованным мероприятием, шкатулочка осталась под присмотром Шарлея. За некоторыми исключениями. Рейневан прихватил с собой два амулета: перстень для вылечивания ран и периапт для обнаружения магии. Кроме того, что оба талисмана были полезными, они были еще и неброскими. Лечебный перстень отлили из олова — а внутри отливки скрывался крупный алмаз. Периапт, обнаруживающий магию, был изготовлен из золотой проволоки, замаскированной сеточкой из конского волоса.

Неброскость не спасла лечебный амулет — для мартаузов Гурковца все имело ценность, олово тоже. Потеряв кожаную сумку, шапку, кошелек, пояс и венецианский стилет, Рейневан потерял и перстень — хорошо еще, что не вместе с пальцем. А вот застегнутый на руке повыше локтя волосяной периапт для обнаружения магии не привлек внимания обыскивающих и уцелел. И теперь был единственной вещью, на которую узник мог рассчитывать.

А на что-нибудь рассчитывать узник должен был — к тому же не затягивая. Рейневан сообразил, что с последнего обеда прошло двое суток. Сорок восемь часов он не ел и почти не пил.

— *Visum repertum, visum repertum, visum repertum.*^[153] Кабустира, бустира, тира, ра.

Повторенное заклинание дало не больше, чем произнесенное впервые. Стены *oubliette* — или, как это называл де Бергов, уморильни — засветились как фосфор, разгорелись, как трухлявый пенек в лесу. Подтверждалась невеселая истина о перекрытии ямы каким-то сильным защитным заклинанием. В то же время не светился, не источал ни малейшего свечения прикованный к стене скелет, в котором Рейневан угадывал Рупилиуса, крупного теоретика и практика чернокнижеских тайн.

Крупный ли, нет ли, Рупилиус, представший в виде радостно лыбящегося скелета, в противоположность стенам никакой магии не излучал, из чего, несомненно, следовало, что дела магиков гораздо устойчивее, нежели они сами.

Рейневан несколько пал духом — у него была тихая надежда, что периапт позволит обнаружить что-нибудь, что в его положении оказалось бы полезным. Ведь будучи чародеем, Рупилиус мог пронести в яму какие-нибудь магические предметы, хотя бы в заднем проходе, как в свое время сделал заключенный в Башню Шутов магик Циркулюс. Однако при Рупилиусе Силезце не было ничего. И он был здесь, подсказывал рассудок, сидел в углу и щерил зубы посреди других истлевших и поломанных костей. Если б у него были другие возможности, подсказывал рассудок, он бы так не кончил.

Строго приказав рассудку помалкивать, Рейневан приложил амулет к губам, потом ко лбу.

— *Visum repertum, visum repertum, visum repertum...*

Руки у него немного дрожали, шепот с трудом проходил сквозь гортань и губы. Докучал голод. Жажда еще больше. Его начало охватывать очень неприятное чувство.

Чувство отчаяния.

Он не знал, сколько прошло времени, как долго он уже был в заточении. Счет времени он терял быстро, то и дело погружался в сон, порой неровный и мгновенный, порой глубокий, близкий к летаргии. Органы чувств обманывали, он слышал голоса, стоны, всхлипывания, скрип камня о камень, удары металла о металл. Где-то далеко, он мог бы поклясться, смеялась девушка. Кто-то, он поклялся бы, пел.

Cruonet der walt allenthalben,
Wa ist min geselle alse lange?
Der ist geriten hinnen,
O wi, wer sol mich minnen?

«Типичные проявления, — подумал он. — Голод и обезвоживание начинают брать свое. Я теряю разум. Схожу с ума».

И неожиданно случилось нечто, уверившее его в том. Что он уже сошел.

Противоположная стена узилища пошевелилась.

Щели стены явно деформировались, заколебались, как тронутая ветром узорчатая ткань. Стена вдруг вздулась, как парус, превратилась в огромный, быстро растущий пузырь. Пузырь лопнул с клейким звуком. И из него что-то выделилось.

Это что-то было невидимо, явно скрыто под чарой. Однако, ошарашенный, замерший и втиснувшийся в угол Рейневан видел контуры фигуры, фигуры прозрачной, меняющей форму, переливающейся при движении словно вода. Он понял, почему вообще в состоянии это видеть. В яме все еще висели остатки чары, высланной обнаруживающим магию периаптом.

Прозрачная фигура не заметила его, перемещаясь плавно в сторону скелета Рупилиуса. А Рейневан вдруг с ослепительной уверенностью понял, что это может быть его единственный шанс.

— *Video videndum!*^[154] — крикнул он, держа амулет в руке. — Алеф Тау!

Фигура материализовалась так бурно, что ее аж пошатнуло. И это серьезно облегчило Рейневану задачу. Он словно рысь прыгнул на прищельца, вцепился, повалил на глинобитный пол. Изо всей силы всадил кулак под ребра. Воздух вышел из прищельца вместе с ругательством, а Рейневан схватил его за горло. То есть хотел схватить, потому что неожиданно получил удар головой в лицо. И хоть у него аж в глазах потемнело, он ответил таким же ударом, калеча себе лоб о зубы. Получивший удар выругался снова, а потом неразборчиво крикнул. Обнаруживающий магию амулет начал действовать автоматически, в яме посветлело. «Ну конечно, — успел подумать Рейневан, чувствуя, как какая-то страшная сила поднимает его в воздух. — Это, несомненно, чародей, человек, знающий магию, — подумал, он. — Я нарвался на магика», — подумал он за мгновение до того, как с жуткой силой треснулся о стену. Сполз и свернулся в клубок, не способный на какие-либо действия.

Пришелец тронул его носком башмака и тихо спросил:

— Ты жив?

Рейневан не ответил.

— Кто ты, черт побери, такой?

Он не ответил и на этот раз, свернулся еще сильнее в клубок. Пришелец наклонился, поднял с пола амулет.

— Периапт Висумрепертум, — распознал он с нотками удивления в голосе. — Неплохо изготовлен. А мою фа-фиаду^[155] ты увидел с помощью Заклинания Истинного Видения... Толедо?

— *Alma...* — простонав Рейневан, ощупывая голову и затылок. — *Mater... Nostra... Clavis... Salomonis?*

— Ладно, ладно, достаточно, обойдемся без демонстрирования. Кто изготовил Висумрепертум? Ты?

— Телес... Йост Дун. Из Опатовиц.

— И из Гейдельберга, — небрежно добавил пришелец. — Как там у него?

— Все здоровы.

Пришелец переступил с ноги на ногу. Это был сорокалетний на первый взгляд мужчина, невысокий, полный, широкоплечий, сторбленный как бы под весом собственных плеч. На нем была серая, простая и не очень чистая одежда слуги или подмастерья. Однако Рейневан мог бы поспорить на что угодно, что пришелец не был ни подмастерьем, ни слугой.

— Дашь слово, — спросил пришелец, ощупывая нос, — что не бросишься на меня снова?

— Не дам.

— Э?..

— Я должен отсюда выбраться.

Мужчина какое-то время молчал.

— Понимаю, — наконец сказал хрипло. — Сидишь в *oubliette*, я знаю, для чего служит *oubliette*. Я принесу тебе еду и напиток. Только не делай из этого слишком далекоидущие выводы.

Рейневан поглощал хлеб, колбасу и сыр так, что едва успевал дышать. А жидким пивом чуть не захлебнулся. Насытив первый голод, стал есть медленнее, жевать тщательнее. Мужчина в серой одежде слуги с интересом присматривался к нему. Рейневан, наевшись и напившись, ответил тем же.

— Отто де Бергов, — бросил мужчина. — Тот кто тебя сюда засадил. Он знает о твоих магических способностях?

— В общих чертах.

— Как долго ты сидишь?

— А какой сегодня день?

— Сам... — Мужчина осекся. — То есть Поминание. *Commemoratio animarum*^[156].

Рейневан высосал из кувшина остатки пива, а корочку хлеба спрятал за пазуху.

— Можешь перестать водить меня за нос, — заявил он. — Когда ты пошел за едой, я осмотрел предметы, которые ты принес, те вон, что там лежат. Омела, кора березы, веточка тиса, свеча, железное кольцо, черный

камень. Типичные атрибуты церемониала для умерших. А сегодня, как следует из твоей оговорки, праздник Самайн. Ты проник через стену, чтобы почтить память этих костей... причем в соответствии с ритуалом Старших Рас. Следовательно, это был твой родственник. Либо друг.

— Не точно. Но перейдем к важным вещам. Я посоветую тебе, как избежать голодной смерти. Ты не первый. В *oubliette* бросали многих, а скелет здесь только один, не считая костей многовековой давности. Послушай как следует. Слушаешь?

— Слушаю.

— Сын Отто де Бергова, Ян, утраквист и гейтман в Таборе. Отто вбил себе в башку, что сыночек-гусит взъялся на него, хочет лишиться жизни и заграбастать имущество. Хотя, по моему мнению, это полнейшая чепуха, у Отто развилась мания преследования. Он за каждым углом видит наемного убийцу, в каждой пище усматривает отраву. А в каждом гусите унюхивает сына-паррицида^[157], отсюда и берется его ожесточенность на калишников^[158]. Все очень просто: ты должен признаться, что ты убийца, нанятый Яном де Берговым, при бывший в Троски, дабы прикончить Отто.

— Ты меня вконец утешил, — фыркнул Рейневан. — Отто де Бергов прикажет меня колесовать. Если принять, что поверит. Однако ему достаточно будет спросить, как выглядит сын, и шило вылезет из мешка.

— Ты магик. Не знаешь убеждающих и эмпатических заклинаний?

— Не знаю.

— Ну, значит, тебе не повезло.

— К черту! — взорвался Рейневан. — Перестань водить меня за нос! Я не хочу, дьявол побери, делать далекоидущие выводы, но ты вошел сюда, холера ясна, через стену. Так отвори ее и дай мне выйти!

Пришелец долго молчал, глядя не на собеседника, а на скелет.

— Сожалею, но это невыполнимо.

— Почему ж?

— Я не могу этого допустить... Сиди спокойно, иначе я наведу на тебя *Constrictio*^[159]. А ты на собственной шкуре испытал, что твоя магия моей не ровня.

В голосе пришельца прозвучала похвальба — и именно эта похвальба помогла Рейневану разрешить загадку, сыграла роль катализатора, благодаря которому мутный раствор сделался прозрачным. Было также не исключено, что именно голод так обострил восприятие.

— Подумать только, — медленно проговорил он. — Подумать только, ведь я прибыл в Троски именно для того, чтобы встретиться с тобой.

Именно с тобой.

— Да неужто?

— Мне с тобой в магии не состязаться, — цедил слова Рейневан, — ибо ты действительно могущественный чародей. К тому же полиглот, никто во всей округе не пользуется словом *oubliette*. Если б я сбежал отсюда по магическому проходу, если б загадочно исчез, объявили бы тревогу: в Тросках должен скрываться чародей. Чародей, способный преодолевать магически охраняемую яму. Поскольку сам эту магическую защиту и устанавливал. Я попал в Троски, чтобы встретиться с тобой, мэтр Рупилиус. Чтобы получить от тебя совет.

— Могу поздравить с богатой фантазией, — буркнул мужчина. — Тебе только романы писать... Что ты делаешь, черт побери?

— Хочу отлить. — Рейневан остановился около скелета, расставив ноги. — А что?

— Отойди оттуда, шлюха твоя мать, — взвизгнул пришелец. — Отойди, слышишь! И не вздумай поро...

Он осекся, подавился недосказанным словом. Рейневан повернулся с торжествующей улыбкой на губах.

— Так я и думал, — сказал он. — Не родственник, не друг, в День Поминовения приходит к останкам со свечой и омелой. И впадает в ярость, когда кто-то хочет эти останки обос... описать. Потому что я на твои собственные кости помочился бы, верно? Ведь это же твои собственные кости здесь лежат, мэтр Рупилиус Силезец, специалист по астральным телам и бытиям. В этой яме умерло твое тело, но не твоя личность. Ты астрально перенесся в чужую физическую форму. В форму того, чей дух пересадили в собственное тело. И кого вместо тебя здесь убил голод.

— Просто не верится, — проговорил после долгого молчания Рупилиус Силезец. — Просто не верится, какие титаны интеллекта прозябают втуне в нынешние времена по тюрьмам.

* * *

Рейневан долго оставался в одиночестве. Достаточно долго, чтобы решить, что пришел черный час и настало время сжевать корочку хлеба, именно на такой случай оставленную. Исчезая в стене, Рупилиус Силезец оставил его в страшном одиночестве, в страшном страхе, но еще более страшной была пытка надеждой. «Вернется, — билась у него в голове обманчивая надежда. — Не вернется, оставит меня здесь на гибель, —

подавала голос логика. — Зачем ему возвращаться, какая ему польза меня выручать? Проще оставить в *oubliette*, забыть, вычеркнуть из памяти...»

Наверху замигал огонек, звякнул металл. «Вытаскивают, — подумал Рейневан. — Есть надежда... Нет... Не иначе как де Бергову невтерпеж. И он решил вырвать у меня показания другим способом. Вытащат меня отсюда, но только для того, чтобы затащить в палаческую...»

Наверху что-то громогласно грохнуло, щелкнуло, зазвенело, решетка со скрежетом открылась, что-то застучало и захрипело. Кто-то заслонил собою свет, в темноте неожиданно возник контур спускаемой лестницы.

— Вылезай, Рейневан, — слышался сверху голос Рупилиуса Силезца. — Живо, живо!

«Я ему не сказал, как меня зовут, — сообразил Рейневан, карабкаясь по истертым перекладам. — Не сообщил ему своего имени, а тем более семейного прозвища. Он или телепат, или...»

Наверху оказалось, что именно «или». А Рейневан застонал в хорошо ему знакомом и достойном медведя объятии.

— Самсон!

— Конечно, Самсон, — подтвердил с легкой насмешкой стоящий рядом Рупилиус Силезец. — Можно позавидовать человеку, у которого такие друзья, парень. Недурные у тебя друзья, недурные. А теперь дальше, в путь.

— Но как...

— Время не ждет, — отрезал чародей. — В дорогу. А она у нас дальняя.

Они поднялись по ступеням вверх, откуда окованные двери вели в пыточную, полную инструментов и приспособлений, замораживающих кровь в жилах. В углу еле виднелась дверца, ведущая в узенький коридор. Они миновали многочисленные другие двери, Рупилиус остановился лишь у пятой, или шестой.

— *El Ab! Elevamini ianuae!*^[160]

Дверь послушалась жеста и библейского заклинания. Они вошли. Помещение было полно сундуков и свертков. Рупилиус поставил фонарь на один, сел на другой.

— Передохнем, — распорядился он. — Поговорим. Сундук, на который присел Рейневан, был полон книг.

Он отер пыль. «Culliyyat» Аверроэса, «Ars Magna» Раймунда Луллия, «De gradibus superbiae et humilitatis» Бернарда Клервоского.

— Это, — Рупилиус широким жестом обвел пачки, — мой скарб. Книги и все прочее. Необходимые в работе вещи. Некоторые из них имеют

цену. Большинство — нет. Большинство бесценно. Если вы понимаете, о чем я. Ты, Рейневан, Толедо. Кто ты, Самсон, я до конца не знаю, но и ты, несомненно, догадываешься о сути дела, что позволит нам сэкономить время и труд. Посему без подробностей, которые, не обижайтесь, вам, как говорится, до едрени фени, скажу: Отто де Бергов, в течение десяти лет бывший моим спонсором и добрым хозяином, неожиданно перестал быть добрым, начал выдвигать требования, которые я исполнить не мог. Или не хотел. Поэтому по господской милости вынужден был кончить жизнь в *oubliette* голодной смертью. Мне удалось сделать так, что в яме окончил земное существование мое старое доброе тело. И дух иного человека, отделенный от тела, того тела, которым я пользуюсь сейчас. Пересадка прошла в некоторой спешке, в спешке я также выбирал объект. В результате в Тросках я оказался всего лишь слугой. И как таковой не имею возможности унести отсюда свои вещи. Вещи, к которым я крепко привязан. Крепко, очень крепко, понимаете, привязан. Посему договоримся так: я обеспечу вам бегство из замка. Вы взамен вернетесь сюда до истечения двух лет и поможете мне перебраться. Договорились? Я жду.

— Вначале одно дело, метр Рупилиус, — сказал Рейневан, поглаживая «Enchiridion» папы Льва. — Я проник в Троски, чтобы...

— Я знаю, зачем ты сюда проник, — прервал чародей. — Мы об этом с Самсоном уже успели немного поболтать. И кое-что уже знаем.

— Это верно. — Гигант ответил улыбкой на взгляд Рейневана. — Кое-что уже знаем. Не все. Но определенный прогресс есть.

— Имелся в виду не определенный прогресс, — прикусил губу Рейневан, — а нахождение способа окончательного решения проблемы. Ты, Самсон, говорил, что тебе уже самое время вернуться к себе. Ты просил, чтобы я приложил старания. А теперь, когда возможность у нас на расстоянии вытянутой руки...

— Ты не слышал? — снова не дал ему докончить Рупилиус. — Я сказал, что мы поговорили. Что немного уже знаем. Но протягивать руки по-прежнему некуда. Увы. Временно.

— Мы уже знаем кое-что. В Праге Самсоном занимался Винцент Акслебен. Как ни говори, но это мэтр мэтров. Он утверждал, что речь идет об астральном теле. И *perisprite*. *Perisprite*... Хм... Позитивно циркулирующем.

— Циркулирующий перисприт, — поморщился Рупилиус. — Ну, ну. Воистину видать мэтра по гипотезе. А этот мэтр мэтров хотя бы объяснил вам, о чем в данном случае действительно идет речь?

Что такое перисприт, знал каждый, кто сталкивался с магией и тайными науками, Даже мимолетно. Каждого адепта эзотерических наук в самом начале посвящения пичкали долгим, запутанным и исключительно недоступно излагаемым доказательством, касающимся строения человеческого бытия. Из этих объяснений следовало, что человек складывается из физического аспекта, то бишь материального тела, через которое реагирует с окружающим его внешним материальным миром. Человек также обладает духом, построенным из бессмертного эфира. Существует также нечто, связывающее и сплавляющее дух и тело, посредничающее между духом и телом, и этим чем-то является флюидное тело, известное как перисприт, ля, ля, ля...

Хоть проблема — по крайней мере внешне — казалась простой, трудно было найти двух магов, имеющих согласные взгляды касательно перисприта. Спорили о том, является ли перисприт более примитивным или же более эфирным, то есть, в соответствии с Изумрудной Скрижалью^[161], он более тонок или более плотен. Не было согласия относительно того, стабилен ли перисприт, или изменчив. А также на что перисприт действительно влияет, а на что нет.

Существовала теория, приписывающая перисприту роли и возможности прямо-таки гигантские. В соответствии с ней, будучи по природе связкой между материальным телом и эфирной душой, он имеет решающее значение как в силе, так и в качестве спайки. Иными словами, дает телу больше души либо меньше. К тому же перисприт перисприту рознь. Одних наделяет пресловутым «великим духом» и делает их артистами. Иным дает большие аналитические способности, делая их учеными и изобретателями. Из третьих, обеспечивая им преимущества души, духа, делает вождей и государственных деятелей. Избранным позволяет увидеть невидимое, заглянуть в бездны астральных бытии, творя из них великих магов, спиритистов, пророков и ясновидцев. А другим, которым дух хоть и дан, но перисприт при этом так поскупился, что этим остается только сидеть в кабаке да напиваться пивом.

Обо всем этом, как уже сказано, Рейневан знал давно, это было элементарное знание. Однако после проведенного в Праге исследования Самсона Акслебен использовал определения «перисприт позиционный» и «циркулирующий», а эти уж относились к высшей школе, и магии «Архангела» разъяснили их Рейневану лишь позже. Итак, связь перисприта с духом была, как гласило большинство теорий, неразрывна, связь же с телом — нет. Перисприт, утверждали теории, может в любой момент решить, что связь духа с данным телом оному телу не соответствует. И

связь порвать. Обычно перисприт делает это в тот момент, когда связь возникает, то есть сразу в момент рождения, либо в первые недели жизни ребенка — отсюда и столь высокая детская смертность. Разрывая связь, перисприт высвобождает дух и вместе с ним переходит в эфирную сферу, астральную, и остается там навсегда, будучи — как и сам дух — непредрасположенным к материальному миру, относящимся к нему негативно. Случается, однако, утверждают теории, что перисприт может отделиться не только от тела, но и от духа. Это происходит тогда, когда перисприт более предрасположен к миру материи, нежели к миру духовному. Такой перисприт в отличие от «позиционного» кружит, вращается в своеобразной «зоне сумрака» между миром материальным и астральным, выискивая возможность связать какое-либо незанятое тело с каким-либо временно не имеющим пристанища, бездействующим духом. Самсон в его теперешней духовно-телесной форме является типичным примером такой связи.

Проблема состоит в том, что неизвестно, связывается ли перисприт наугад, или же руководствуется при соединении какой-то логикой. Но кто же, в конце концов, сегодня в состоянии понять логику такого перисприта. А пока не поймет, то ничего и сделать не сможет. То, что перисприт соединил, смертному человеку не разъединить.

— Выходит, — сказал с отчаянием в голосе Рейневан, — мы оказались в исходном пункте. Протопали впустую немалое расстояние и напрасно подставляли шеи...

— Другой, равный мне специалист по интересующим вас вопросам, — снова прервал его чародей, — живет в Гренаде. Это немного дальше, чем Троски. А тамошние эмиры к христианам не благоволят. Как правило, насаживают их на кол. Либо с них живьем кожу сдирают. В отличие от Акслебена я не именую себя мэтром мэтров, но что знаю — то знаю. И тоже умею высказать гипотезу. От высказанной мэтром мэтров она несколько отличается. В основном в отношении того, что возможно, а что невозможно, что выполнимо, а что нет. Выполнимо все, достаточно только знать, как выполнить.

— Не обижайтесь, — прервал на этот раз Рейневан. — Но гипотез-то у нас уже насобиралось достаточно. А как быть с Самсоном?

— Самсон, — Рупилиус даже не взглянул на него, — Самсон знает мою гипотезу, несколько отличающуюся от гипотезы Акслебена. Это гипотеза радикальная и рискованная, признаю, я не удивлюсь, если он ее не примет и не испытает. Но если примет, то ему придется подождать. Я

дойду до сути проблемы. Найду самый верный способ вторичной пересадки, на это мне потребуется самое большее два года. Вы спрашиваете, почему я назначаю вам именно такой срок? Из любви к четным числам? Это снова ведет нас к нашему уговору. Поэтому спрашиваю: мы договорились?

— Договорились.

— В течение двух лет?

— В течение двух лет.

— Ну тогда пошли.

Утомительное хождение по тесным коридорчикам и узеньким лесенкам Самсон скрасил Рейневану рассказом. Кое о чем Рейневан догадывался, но слушал охотно.

О том, что Рейневан попал в Тросках в лапы католиков, узнали совершенно случайно. У гуситов был шпион в замке Тольштейн, занятом братьями Яном и Генриком Берков в Дубе. В замок приехал с визитом пан Лотар Герсдорф. Сопровождавший семерых узников. Пока пан Герсдорф пировал с братьями, шпион выпрашивал узников. Один, кажется, бывший мартагуз, оказался особенно разговорчивым. И сообщил нечто важное. В результате полученной информации схватили и засадили в яму гейтмана Войту Елинека, обвинив в предательстве, шпионстве и преступном своекорыстии. В яме пришпаренный как следует Елинек осветил многое. В том числе и касающееся Рейневана.

Узнав, что Рейневан находится в Тросках в руках де Бергова, Ян Чапек и гуситские гейтманы сочли его погибшим и ни о каких спасательных операциях и слышать не хотели. За дело на свой страх и риск взялись Шарлей, Самсон, Таулер и Батя. К тому же у Таулера в резерве был еще его бывший знакомый, машталер. Однако решили, что в замок пойдет не Таулер, а Самсон. Было замечено, что в Троски часто наведываются деревенские мужики со снабжением. И не только на телегах, но и в одиночку. Стража к ним не цеплялась при условии, что приходящий подходил под тип селянина — то есть был очень неряшлив, очень вонюч, а по внешности напоминал придурка.

Самсон Медок подходил. В основном. Получив для конспирации гуся, кадушку масла и корзинку грибов, он зашел в нижний замок и, затерявшись в толпе, принялся разыскивать машталера. Прежде чем нашел он, нашли его.

Рупилиус Силезец быстро узнал о событиях нескольких предшествующих дней. О посещении силезских и лужицких панов и

рыцарей, о продаже пленников. И о каком-то то ли ворожее, то ли заклинателе, брошенном в уморильню. Будучи уверенным, что кто-нибудь о нем упомянет, Рупилиус следил за прибывающими в замок. Используя для этого магию. Магия безошибочно обнаружила Самсона.

— У меня сердце замерло, — признался Самсон, — когда он прихватил меня в конюшне...

— У меня замерло, — Рупилиус был столь же откровенен, — когда прихваченный схватил меня за горло. К счастью, мы быстро сообразили, кто есть кто.

Ни тот, ни другой слишком-то не распространялись о деталях. Рейневан не налегал, решив о деталях быстрого взаимораспознавания расспросить Самсона позже. Сейчас он выслушал продолжение — о том, что узнавшие друг друга Рупилиус и Самсон Медок решили вытащить Рейневана из *oubliette* и сделать это таким образом, который ни у кого не вызовет подозрений в колдовстве — то есть разбив замок решетки кузнечным молотом. Теперь, шепотом закончил Самсон, они идут к тайному проходу, связывающему замок Троски с окружающей местностью.

Ибо такой проход существует. И вопреки распространенной легенде — вовсе не легендарный.

— Быстрей, быстрей, — поторопил их Рупилиус. — Надо спешить. Чувствую, над замком нависло что-то недоброе.

* * *

Винтовая лестница была крутая, а ступени исключительно неровные. Спускались долго. До того момента, пока путь им не преградила монолитная плита, шероховатый камень. Не видно было ни двери, ни входа. Разумеется, для Рупилиуса это не было проблемой.

— *Yashiell, Vehiell, Baxasoxa! Effetha! Essc cecidit paries!*^[162] Стена, как на то, вроде бы, намекал библейский текст заклинания, не рухнула, а расступилась, раздвинулась, как занавес. За ней была черная бездна, из которой малоприятно несло воню.

— Дальше уже пойдете сами, — заявил Рупилиус Силезец, вручая Самсону фонарь. — Час хода, не больше, так что выйти вы должны будете затемно. Лампа — магическая, обеспечит вам свет на достаточно долгое время, но рекомендую все же поспешить. Это немного лабиринт, но простой, на разветвлениях всегда сворачивайте вправо. Справитесь. Не шныряйте по ответвлениям, не задерживайтесь слишком долго, старайтесь

не прикасаться к чему не надо. Будьте внимательны и чутки. Я уже говорил: что-то недоброе нависло над замком. Ну, пока.

— Где мы выйдем?

— Ох, — чародей хлопнул себя по лбу, — совсем забыл. Выход находится к северо-востоку от замка. Неподалеку от выхода будет ручей, следуя по его течению, дойдете до поселения, которое называется Ктова. Это почти у самого Живатского тракта... А где ожидают ваши?

— В лесах к северу от замка. Найдем.

— Ну, с Богом. Бывай, Самсон. Бывай, земляк Рейнмар. Не забудьте о нашем договоре.

— Не забудем. Благодарим за все, мэтр и земляк... Позволь спросить, из каких мест Силезии ты родом?

— Из Познани. Ну, идите. Фонарь магический, но не вечный.

Коридоры, по которым они шли, были, несомненно, естественного происхождения, промытые водой. Только в начальном участке, под самыми Тросками, были видны следы вмешательства человека. Однако стены были обработаны так грубо, а валяющиеся тут и там остатки всяких инструментов настолько разъела ржавчина, что было ясно — горные работы велись здесь несколько веков назад. Замок Троски, начало строительства которого датировали примерно 1370 годом, возник не на девственной скале. Несомненно, и Бабу, и Деву возвели на какой-то более древней, уходящей вглубь конструкции.

Чем дальше, тем было меньше следов горных работ, наконец они исчезли совершенно, уступив место естественным и величественным сталактитам, с которых вода капала на сталагмиты. Почва сделалась неровной, надо было идти медленнее и осторожнее. Когда под ногой Самсона что-то захрустело в очередной раз, гигант наклонился, осветил фонарем. И вздохнул.

Следы деятельности человека исчезли. Но не следы самого человека. А точнее, его останки. Они ступали по разбросанным человеческим костям.

Рейневан уже некоторое время держал периапт Висумрепертум в готовности, сейчас активировал его немного дрожащей рукой и заклинанием.

Он не ошибался — подземная пещера озарилась искрящимся светом. Свет фонаря пробуждал зловещие тени, они металась по стенам, как гигантские нетопыри. В такой иллюминации покрывающие стены изображения, казалось, оживали. Спиральные меандры вращались так, что начинала кружиться голова, лошади и олени, казалось, вставали на дыбы,

змеи скручивали и раскручивали кольца. Плясали рогатые люди.

— Кельты, — сказал Самсон.

Пожалуй, он был прав.

— Не будем останавливаться.

Человеческие черепа с грохотом выкатывались из-под ног, хрустели берцовые кости.

Перед ними открылась очередная пещера, потолок которой уходил высоко, так высоко, что свод скрывался во тьме. Свет фонаря и свечение периапта вырвали из мрака очередной наскальный рельеф. Они вздохнули в унисон.

Поверх сложенного из черепов кургана на них щерила зубы и таращила глаза жуткая морда, демоническая маска, лицо самого рогатого дьявола. Из-за покрова бледного мха просвечивала выцветшая красная краска, которой некогда был заляпан ужасающий идол. Вокруг валялись, громоздились кучами человеческие кости.

— Это, — сглотнул Рейневан, — не кельты.

— Нет, — согласился Самсон. Он говорил через силу, словно очень утомленно. — Не будем здесь задерживаться. Пошли, выйдем наконец отсюда. Что-то скверное висит над этим местом. И над всем районом.

Они шли, внимательно следя за тем, чтобы сворачивать направо, все время направо, а разветвления множились по мере того как коридор становился уже.

Наконец стало так тесно, что им пришлось идти гуськом. Где-то за стеной Рейневан явно слышал шум текущей воды.

Это мог быть ручей, о котором говорил Рупилиус. По подземельям они уже шли, по его подсчетам, значительно больше часа, уже удалились от замка Троски на значительное расстояние, никак не меньше четверти мили, может, даже больше.

— Мне кажется, — резко остановился он, — что я чувствую на лице дуновение... Прикрой фонарь. Может, увидим свет?

— Не увидим. Снаружи все еще ночь.

Проход становился все уже. Они уже не могли идти даже гуськом, приходилось двигаться боком, шаг за шагом. Рейневан то и дело терся по камню животом, скреб пуговицами куртки. Для имеющего значительно большие габариты Самсона Медка теснота прохода должна была быть истинной геенной, Рейневан слышал, как гигант стонет и ругается.

— Самсон?

— Иди, иди... Я за тобой...

— Пройдешь?

— Пройду... Как-нибудь... Ты иди... Найди выход... Дай знать... Уже близко.

Холодное дуновение на лице Рейневана стало заметнее, ощутимее, ему также казалось, что он чувствует запах леса, пихт, шишек. Он начал проталкиваться быстрее, проделывать все более резкие движения. Вдруг проход расширился, и он увидел звезды. Похоже, от выхода его отделял едва один шаг.

— Есть выход! — крикнул он. — Самсон! Я прошел! Про... ээээээээ!

Он потерял почву под ногами, с криком полетел вниз. Упал. К счастью, невысоко, на каменистый щебень, сглаженные водой кругляши выскальзывали под ним как живые, осыпались, съехали вместе с лавиной по крутому откосу, он перевернулся на обрыве, ударился о камень, наконец свалился на мох, погрузив обе руки в пенящуюся ледяную воду ручья.

И тут же понял, что не одинок.

Он понял это еще прежде, чем услышал храп коня, цокот копыт о камень. И голос.

— Рейнмар из Беявы. Приветствую, приветствую. Весьма рад.

Он знал этот голос. Выглядывающий сквозь прогал между тучами месяц дал достаточно света, чтобы Рейневан мог увидеть вороного коня и силуэт держащего вожжи человека, его светящееся во тьме, бледное, птичье лицо, черные волосы до плеч. Рейневан видел его уже раньше, слышал этот голос. А Ян Смижицкий из Смижиц выдал ему имя. Это был Биркарт Грелленорт, епископский доверенный и убийца. Человек, который убил Петерлина. Рейневан помертвел.

— Удивляешься? — сверкнул зубами Стенолаз. — Что я жду здесь? Несчастный глупец, я знаю этот проход много лет. Знал, что ты здесь попытаешься убежать. А о том, что ты в Тросках, мне донесли. У меня уши и глаза всюду. И я поймал тебя, Беява. Наконец-то поймал...

Загрохотали окатыши, сверху по камням съехал Самсон Медок. Словно буря. И ангел мести. Неожиданно гроыхнул гром, ослепительно блеснула — в ноябре! — молния. Конь Стенолаза поднялся на дыбы с диким ржанием, сам он выхватил из ножен меч. И на глазах Рейневана бросил его, отскочил в панике на несколько шагов назад.

— *Reavahyah!* — взвыл он. — *Bartzabel! Ha-Shartatan!*

Сверкнуло второй раз. Прежде чем его ослепило, Рейневан увидел, как у Стенолаза панически искривляется лицо, как зажимаются глаза, как он беспорядочно размахивает руками. И как неожиданно начинает уменьшаться, расплываться, изменять форму и наконец улетаёт, приняв вид отчаянно скрипящей птицы.

— *Adsuumus!* — донеслось откуда-то издалека, на зов ответили новые голоса, более близкие и более далекие. Раздалось ржание, яростный стук копыт.

— *Adsuumus! Adsuumus!*

— Хватай коня, — засопел Самсон, всовывая Рейневану вожжи вороного коня. — В седло — и в лес!

— А ты?

— Не думай обо мне. Мы должны разделиться. Засветло встретимся. Беги! Вперед!

Он вскочил в седло, Самсон сильно ударил коня по крупу, вороной заржал и кинулся галопом между пихтами. Хоть галоп по темному лесу грозил катастрофой, оглупевший от происходящего Рейневан не удерживал его. Конь, казалось, умел приспособливаться к условиям и управляться с преградами. А сзади, а потом сбоку долетал топот и дикие крики. Рейневан прижался к гриве.

— *Adsuumus! Adsuumus!*

Луна скрылась за тучами, погрузив мир в непроницаемую тьму. Только тогда Рейневан начал сдерживать коня — впрочем, без труда; галоп утомил вороного, конь хрипло дышал, покрывался пеной. Рейневан остановил его. Прислушался. По лесу все еще неслись крики. И свист. Вороной захрапел.

Опять пронзительный свист, близкий. Конь дернул головой и заржал. Рейневан схватил его за ноздри, не помогло, вороной выдернул морду, заржал еще громче. Понимая, что конь реагирует на призыв, Рейневан не раздумывая соскочил с седла, сорванной с куста веткой хлестнул коня по крупу. Конь взвизгнул, рванулся в галоп, а Рейневан бегом пустился через лес. В противоположную сторону. Лишь бы подальше. Он бежал опрометью, без передышки, тревога придавала сил и резвости.

Дорогу ему загородил вначале бурный поток, потом возвышение и яры среди скал удивительных форм. Поток он перешел не раздумывая, промокнув до бедер, побежал к ярам. И резко изменил план. Яры были слишком очевидным путем бегства, кроме того, могли загнать его в ловушку, в какой-нибудь *cul-de-sac*^[163]. Он принялся что было сил карабкаться на крутизну, вскоре забрался на голую вершину, сел, дрожа, втиснувшись между двумя камнями.

Не прошло и трех пачежей, как поток взбурлили храпящие кони и несколько наездников в черных плащах. Они форсировали ручей, погоня углубилась в яры.

Небо на востоке начало немного светлеть. Рейневан дрожал и щелкал

зубами. Мокрая одежда становилась жесткой, холод кусал как яростный пес.

Было совершенно тихо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой на Рейневана — последовательно — нападают, спасают, ловят, кормят и похищают, мандрагору же — благодаря некоему священнослужителю — засеивают на южном подножии Карконош.

Единственное, что двигалось в околице, была стая ворон, кружащих над лесом. Единственное, что было слышно, это дикое карканье вышеупомянутых ворон. От черных наездников не было и следа, ветер не доносил криков «Adsumus». Походило на то, что Рейневан отделался от погони. Несмотря на это, он долго не покидал своего укрытия на возвышенности. Хотел удостовериться полностью и окончательно. Кроме того, возвышенность позволяла сориентироваться в районе. То есть в лесной и каменной пустоши.

Однако его взгорье — точнее, холм, — не было достаточно высоким, чтоб с его вершины удавалось окинуть взглядом довольно широкий горизонт, который заслоняли другие, более крупные возвышенности.

Главное, нигде не было видно ни Бабы, ни Девы — башен замка Троски, которые позволили бы определить страны света.

Он подсчитал, что из-под Тросок они шли под землей больше часа, что дает расстояние около четверти мили. Потом была конная галопида по лесам, затем долгий бег. Положив, что галопировал он и бежал по прямой линии, получалось, что преодолел он не больше десяти стае. Значит, должен был быть не очень далеко от того места, где вышел из-под земли и где его застал врасплох Грелленорт и где Самсон...

Грелленорт, подумал он, испугался Самсона. Биркарт Грелленорт, убийца Петерлина. Колдун, ухитряющийся превращаться в птицу, *timor nocturnus*, демон, который уничтожает в полдень, епископский убийца, которого, как утверждал в Праге Ян Смижицкий, боится сам епископ. И такой тип впадает в панический ужас при виде Самсона Медока, гиганта с физиономией идиота.

То есть все-таки правда: Самсон Медок — не из этого мира. Это сразу понял Гуон фон Сагар, догадались магики из «Архангела», понял Акслебен, понял Рупилиус. Только я по-прежнему считаю Самсона добрым и грубовато-веселым другом, товарищем. У меня на глазах пелена, не дающая прозреть.

Он вздохнул, но одновременно почувствовал и облегчение. До того его немного мучили угрызения совести, мысль, что он послушал Самсона и сбежал, оставив друга в беде. Теперь понял, что Самсон прекрасно обошелся без его помощи. Он наверняка запросто отделался от погони, подумал Рейневан, вероятно, уже давно присоединился к Шарлею и остальной компании. Меня уже наверняка ищут.

Тем не менее надо идти, подумал он. Одежда за ночь совершенно не просохла, небо явно хмурится. Холодает. Если буду здесь сидеть, усну и замерзну. Движение меня разогревает. Если не на Самсона и Шарлея, то на кого-нибудь да наткнусь, встречу какую-нибудь добрую душу, расспрошу. Попаду на просеку или дорогу, выйду на тракт, замок Троски лежит неподалеку от часто используемой дороги, ведущей из Праги в Житаву через Йичин и Турнов. А к югу от Тросок есть другой путь, боковая дорога, ведущая в Житаву через Мимонь и Яблоне. Ее я знаю, именно по ней я ехал из Михайловиц, там Елинек продал меня мартагузам Гурковца. Елинек... Ну, дай только до тебя добраться, сукин кот...

Рупилиус говорил, что выход из подземелья находится к северо-востоку от замка. В районе деревни Ктовы или как-то так. Мы должны были после выхода из пещер идти по течению ручья. Ручей есть. Только тот ли, который нужен?

Ручей, в котором он так промок, что чуть было не скончался от переохлаждения, сильно петлял, исчезал в глубоком овраге. Куда он бежал, знал один только Бог. Тем не менее Рейневан решил что это единственная имеющая смысл дорога. Ручей должен куда-то впадать. Даже при полной дезориентации движение по берегу ручья исключает хождение по кругу. Вдоль ручья лежат деревни, неподалеку от ручьев устраивают свои пристанища углежог, смоляры и дровосеки.

Последние рассуждения о пользе ручьев он проводил уже на ходу.

Он шел очень быстро, насколько позволял дикий район. Устал и задыхался, зато разогрелся так, что влажная одежда прямо-таки парила на нем. Быстро высыхала и уже не холодила так докучливо. Однако, хотя он прошел уже достаточно много, никаких следов вдоль ручья не нашел, если не считать тропинок, вытопанных косяками, и ямок, сделанных в грязи кабанами.

Небо затянули тучи, и, как он предвидел, начал даже порошить снежок.

Лес неожиданно явно поредел, сквозь растущие на краю поляны яворы Рейневан увидел контуры деревянных построек. Сердце забилось быстрее,

он ускорил шаги, на поляну почти выбежал.

Постройки оказались крытыми корой шалашами, впрочем, в основном разрушенными. Не было даже смысла заглядывать внутрь. Все следы людей заросли травой и сорняками. Стружки и опилки, пластами покрывающие землю, почернели и даже уже не пахли смолой. Вбитый в ствол, видимо, забытый топор был красным от ржавчины. Дровосеки — шалаши, несомненно, принадлежали им — покинули поляну явно несколько лет назад.

— Есть тут кто? — захотел удостовериться Рейневан. — Эй! Эээй!

У него за спиной что-то зашелестело. Он быстро обернулся, но успел лишь заметить, как что-то скрывается за углом шалаша. Это что-то было маленькое. Как ребенок.

— Эй! — прыгнул он туда, — Стой! погоди! Не бойся!

Маленькое существо не было ребенком. Дети не бывают мохнатыми, и у них не бывает собачьих голов. И рук, достигающих до земли. Они не убегают странными прыжками, раскачиваясь на кривых и коротких ногах, при этом громко вереща. Рейневан кинулся в погоню. К прогалу в стене леса, указывающему на просеку. И дорогу. Когда он выбежал на дорогу, косматое существо задержалось. Повернулось. Вытаращило глаза. И оскалило собачьи зубы.

— Не бойся, — выдохнул Рейневан. — Я не...

Существо — лесной кобольд, вальдшрат — прервал его громким и как-то удивительно насмешливо прозвучавшим скрежетом. Ему ответил хор таких же скрежетов. Доносившихся со всех сторон. Прежде чем Рейневан сообразил, во что вляпался, на него накинuloсь, наверное, штук двадцать. Он ударил одного, кулаком свалил другого, а потом сам оказался на земле. Кобольды облепили его как вши. Рейневан орал, пинал, дергался, колотил вслепую, даже грыз. Безрезультатно. Когда он сбрасывал с себя одного, на освободившееся место тут же залезали двое новых. Положение становилось опасным. Неожиданно один кобольд впился ему когтями в волосы и уши, а второй уселся на лицо, заткнув нос и рот мохнатым задом. Рейневан начал задыхаться, его охватила паника. Он почувствовал, как на его бедрах и икрах стискиваются зубы. Он неловко дернулся, кобольды висели у него на ногах, не давая себя спихнуть. Рейневан вырвал голову из-под удушающего кудлатого зада и завыл. Дико и нелюдски.

И — как в сказке — подоспела помощь. Дорога неожиданно наполнилась криком, ржанием и ударами подкованных копыт. Сидящего на нем кобольда словно ветром сдуло, исчез также груз с ног. Рейневан увидел над собой живот коня и железный саботон в стремени, уловил глазом блеск

меча, увидел, как из рассеченной собачьей головы брызгает кровь. Рядом дергался и извивался второй вальдшрат, пригвожденный к земле рогатиной. Вокруг били копыта, взлетал мокрый песок. Кто-то ругался, кто-то другой смеялся, хохотал. Словно было над чем.

— Вставай! — услышал он сверху. — Мы прогнали чертиков.

Он встал. Его окружали вооруженные люди на конях. Среди них вытирающий кровь с клинка меча рыцарь в латах, тот, который велел ему вставать. Рейневан видел притененную поднятым хундскугелем усатую физиономию. Удивительно знакомую.

— Цел? Тебе ничего не отгрызли?

Вооруженные захохотали, когда он механически провел руками по изодранным клыками штанам. Рыцарь снял шлем. Рейневан сразу же узнал его.

— Однако стоило, — сказал он, упираясь кулаком в луку седла. — Я Янко Шафф, хозяин замка Хойник. Стоило, однако, покрутиться по району эти несколько дней. Я чувствовал, что ты сумеешь улизнуть из Тросок, Рейневан фон Беляу.

* * *

Они остановились передохнуть и перекусить неподалеку от дороги, под могучими дубами. Несколько вооруженных отправились в погоню за кобольдами, впрочем, скорее всего бесперспективную. Остальные некоторое время удивленно рассматривали трупы, переговаривались. Наконец четыре трупа убитых вальдшратов повесили за ноги на ветках, а оруженосцы принялись сдирать с них шкуры, коим предстояло стать доказательствами победы и трофеями. Рейневан угрюмо присматривался. У него не было уверенности в том, что и его заодно не примутся свежевать. Казавшаяся приятной и одновременно злоредно хитрой мина Янки Шаффа ничего хорошего не выражала. Рейневан не давал обмануть себя наигранной откровенностью.

— Твое счастье, — говорил хозяин Хойников, — что ты орал, а мы слышали. Иначе б скверно тебе пришлось. Мы этих кудлатых знаем, множество их бродит по карконошским чащам. Зимой их голод ближе к человеческому жилью подгоняет. Нападают кучей, живьем жрут, до костей обгладывают. Одни говорят, что рожают их тутошние гуральские бабы, которые с собаками спариваются, тьфу, гадость какая. Другие болтают, что это *simiae*^[164], заморские скотины, когда-то тамплиерами разведенные.

Третьи считают, что это дьяволы, по дырам из пекла вылезающие. Правда, Звикер?

— Все скверное от дьявола, — ответил проходивший мимо священник, окидывая Рейневана исключительно ядовитым взглядом из-под капюшона. — А каждый грех требует кары.

— Дурак, — вполголоса прокомментировал Шафф. — Эй, панич Беляу! Опасность миновала, а ты все хмуришься. Накормленный, переодетый, а все как бы не в себе. Почему бы это?

— В Тросках, — Рейневан решил говорить прямо, — вы хотели меня купить. Давали сорок коп пражских грошей, несомненно, затем, чтобы после перепродажи они вернулись к вам с лихвой. Интересно, кого вы в качестве купца присматривали? Инквизицию? Вроцлавского епископа?

— Епископа, — Шафф сплюнул, — пусть пес жрет. Инквизицию тоже. Я тебя от доброты сердечной выкупить хотел. Из-за симпатии.

— Симпатии к чему? Мы ж не знакомы.

— Мы знакомы лучше, чем тебе кажется. Твой брат Петр, упокой Господи душу его, был порядочным человеком. Нуждающимся ни в помощи никогда не отказывал, ни в деньгах. Когда нас, Шаффов, прижало, кто помог? Петр из Белявы!

— Ага.

— А кто сейчас взъелся на Рейневана, Петрова брата? Кто на него охотится? Епископ? Хрен ему, сказал я. Стерчи? Стерчи — обыкновенные разбойники. Князь зембицкий Ян зол на то, что Рейнмар у него любовницу увел, потому что та предпочла более молодого и пылкого? Наконец, Ян фон Биберштайн из Стольца. Вроде бы великого благородства господин, а что делает? За поимку шляхтича назначает награду как за сбежавшего раба. И за что? Что он ему дочку охмурил? Иисусе Христе! Так для того они и есть девки, для того их Памбучек создал, чтобы их с толку сбивать, а для того, чтобы они позволяли себя совращать, обдарил их курвинской натурой. Я неверно говорю? Увидев тебя в Тросках, — продолжал Шафф, не ожидая одобрения, — я подумал: возьму и спасу парня, не дам Шести Городам, не позволю, чтобы над братом Петра из Белявы палачи на эшафоте для сброда потеху делали. Выкуплю, подумал я, беднягу...

— Благодарю сердечно. Я — ваш должник...

— Сорок коп грошей, — Янко Шафф словно не слышал, — сумма, подумал я, не столь большая, покойный Петр некогда одолжил нам гораздо больше. Да и спасенный из лап лужицких палачей панич Рейнмар, подумал я, тоже сумеет отблагодарить. Ведь у панича Рейнмара есть пятьсот гривен, которые два года тому назад грабанили у сборщика податей. Сумеет

отблагодарить. И поделиться.

— И-эх, пан Шафф, — внешне беспечно вздохнул Рейневан. — Вы верите слухам? Сами же только что признались, что в Силезии за мной охотятся, что пользуются отвратительными методами. Что не гнушаются очернять и клеветать, что вредные слухи распространяют, лишь бы внушить ко мне отвращение. Ибо клевета и ложь, будто бы я напал на сборщика. Клевета и ложь, понимаете? За спасение благодарю, я этого не забуду. А теперь, если позволите, я попрощаюсь. Мне надо отыскать друзей, которые...

— Не торопись. — Шафф взглядом и жестом приказал вооруженным подойти поближе. — Не торопись, пан Белява. Хочешь попрощаться? Так скоро? А где же благодарность? В Тросках я не смог тебя выкупить, но все ж добрые пожелания тоже чего-то да стоят. Но от лесных чудов я тебя спас, не откажешься. Если б не я, тебе б каюк. Так что, когда гривнами сборщика станем делиться, я возьму триста, ты остальное. Так будет справедливо.

— Я не нападал на сборщика, и нет у меня этих денег! — О том, есть ли, что есть и где есть, — Шафф слегка прищурился, — мы еще поболтаем. В замке Хойник. Куда мы сейчас отправимся. Дашь мне рыцарское слово, что не попробуешь бежать, так я не прикажу тебя связывать. Да и куда тебе убегать? Леса кишмя кишат адовыми созданиями Де Бергов уже, несомненно, гоняется за тобой. Вероятно, под Тросками все еще сидит Ульрик Биберштайн, зверски на тебя взъевшийся. У меня тебе ничего плохого не сделают. Я даже оставлю тебе часть денег сборщика, себе возьму только... Только четыреста гривен. Поэтому...

Прежде чем хозяин Хойника уточнил, периапт Висумрепертум активизировался в руке Рейневана. Самопроизвольно.

Магия, запустившая амулет, была настолько сильной, что Рейневан запросто установил направление. Изумив и Шаффа, и его вооруженных, он перепрыгнул через дорогу за кусты можжевельника, перепрыгнул яму из-под вывороченного дерева и, не раздумывая, набросился на притаившегося за поваленным стволом человека в капюшоне. Резким ударом кулака выбил у него из рук напоминающую маленький ковчежец коробочку, пнул, дал по шее, добавил по уху. Капюшон свалился, сверкнула тонзура. Рейневан приложил бы попу еще раз, но люди Шаффа подбежали к нему и схватили.

— Ты что, черт побери, выделяешь? — рявкнул Шафф. — Спятил? Или сдурел?

— Посмотрите, — крикнул Рейневан еще громче. — Что у него! Спросите, что он делал?

— Что ты несешь? Это ж отец Звикер! Мой капеллан!

— Это предатель. У него чародейский коммуникатор! Он выслал сигнал, хотел с кем-то магически связаться! Кого-то сюда магически призвать! И я знаю кого!

Шафф подошел к лежащей на земле коробочке, резко попятился, слыша вибрирующий зуд. Не думая, одним ударом ботинка раздавил шкатулку, носком вдавил в песок. Капеллан, видя это, издал глухой стон.

— Ты не пожелаешь — подошел к нему Шафф, — объяснить мне это, Звикер? А?

— Объяснить, — крикнул все еще удерживаемый вооруженными Рейневан, — могу я! Этот поп предал меня! Притащил на мою шею преследователей, из-за него они чуть было вчера на меня не напали. Спросите его о Биркарте Грелленорте, чародее! Спросите, как давно он ему служит, как давно информирует! Как давно он предает также и вас!

— Биркарт Грелленорт, — зловеще повторил Янко Шафф, хватая капеллана за одежду. — Епископский наушник. Так вот оно что. Доносишь ему? При помощи чар доносишь епископу? Обо всем, что я говорю, что делаю, что замышляю? Продаешь меня?

Капеллан стиснул губы, отвернулся.

— Отвечай на обвинение, поп. Защищайся. Поклянись, что невиновен. Что ты мой послушный слуга. Что верностью отплачиваешь за хлеб, который ешь по моей милости. И за деньги, которые я милостиво позволяю тебе красть!

Священник молчал. Шафф притянул его к себе. А потом оттолкнул, кинул на землю.

— Связать эту пададь, — приказал он. — Палач с ним поговорит.

— Вероотступник! — завыл с земли Звикер. — Безбожник! Не ты мой господин, не тебе я служу! Служу Богу и тем, кто действует по велению Божьему! Дотянется до тебя их рука, дьявольский помет! А мое мученичество будет отмщено! Узнаешь ты гнев моих господ, как пес будешь выть от страха, когда они ночью на черных конях прибудут! А ты, Беява, мерзавец греховный, и за морем не скроешься! Для тебя в аду уже готово место! А здесь, на земле, испытаешь ты муки! Шкуру с тебя...

Один из вооруженных мощным пинком заставил его умолкнуть. Капеллан свернулся клубком, завизжал.

— По коням, — приказал Янко Шафф, не глядя на него. — В путь!

Кавалькада Шаффа насчитывала девять конных: двух бургманов, двух оруженосцев, трех стрелков и двух вооруженных слуг. В Троски их приезжало больше — сейчас с ними не было семерых невольников,

доставшихся Шаффу после раздела; вероятно, специально выделенный эскорт погнал их в сторону силезской границы. Сейчас единственными пленниками были капеллан и Рейневан. Рейневану в отличие от священника не связали рук и не спутали ног под животом у коня. Под нажимом он дал рыцарское слово, что не попытается бежать, поклявшись словом чести и крестом. Конечно, сбежать он намеревался при первой возможности, но Шарлей гордился бы им: принося ложную клятву, он не дал дрогнуть ни лицу, ни голосу; он сам почти поверил в клятву. Однако Шафф был не столь легковверным, он, несомненно, уже имел дело с клятвами. И людьми типа Шарлея. Рейневана не связали, но его коня вели за узду, а едущий сразу за ним стрелок не сводил с него глаз. И прицела.

Ехали они довольно быстро, не задерживаясь, направляясь на север, к горам. Трасса вела через дикие и безлюдные районы, было ясно, что Шафф специально избегает главных дорог и трактов. Рейневан Подкарконошья не знал и совершенно растерялся. Однако цель похода была известна — замок Хойник около Еленьей Гуры. Это было уже на силезской стороне Карконош, так что можно было предполагать, что отряд направится к какому-нибудь перевалу. Однако Рейневан слишком слабо знал район, чтобы догадываться, к какому именно.

Карконоши и окрестности, как уже сказано, он знал слабо, но о Хойнике он был наслышан вполне достаточно, чтобы беспокоиться. Овеянная множеством легенд древняя крепость стояла на вершине высокой и крутой горы, вздымающейся над бездной и якобы усеянной человеческими костями пропастью, которую, чтобы избежать недомолвок, называли Адской Долиной. Примерно пятьдесят лет назад современный каменный замок, построенный свидницко-яворскими Пястами, принял и включил в свои уже очень богатые владения знаменитый Гоче Шафф, еленогурский бургграф. От него замок унаследовал сын Янко. Второму сыну, Гоче-младшему, принадлежал замок Гриф. Братья нераздельно владели районом, в том числе отрезком важного торгового пути, идущего вдоль берега Бобра.

Генеалогия и имущественное состояние рода Шаффов интересовали Рейневана не очень. Иначе было с замком Хойник. Страшные рассказы о крепости можно было наверняка и большинстве своем отнести к сказкам, но факт оставался фактом: Хойник был крепостью, в которую попасть было трудно, а выбраться еще трудней. А значит, побег надо осуществить немедленно, в пути.

К тому была еще одна важная причина.

Земля на дороге была разрыта, мох на придорожной поляне сорван множеством копыт. Вооруженные люди Шаффа встали кругом, осматриваясь, держа руки на рукоятках. Стрелки натянули арбалеты, внимательно рассматривали дорогу и опушку леса.

— Здесь был бой, — оценил Гвидо Бушбах, невысокий, крепкий и уже немолодой оруженосец, проводник и разведчик отряда. — Коней тридцать. Рубились, потом поехали. Вчера, судя по конским яблокам.

— Кто с кем рубился? — спросил Шафф. — Есть какой-нибудь след?

— Только это. — Бушбах пожал плечами. — На суку висело. Много нам не скажет.

— Скажет, — решился слегка побледневший Рейневан, глядя на лоскут черной ткани. — Уже сказало. Я знаю, кто носит такие плащи.

— Так чего же ты ждешь? Говори!

— Вряд ли вы поверите.

— Я сам решу.

Янко Шафф выслушал рассказ о Стенолазе и черных всадниках, сосредоточенно наморщив лоб. Хоть Рейневан соответствующим образом перекроил и обработал рассказ, у хозяина Хойника с ним проблем не было. Рейневан несколько раз замечал в его глазах вспышки, которые могли свидетельствовать о том, что рыцарь уже кое-что слышал о черных всадниках, убитых купцах и ночных ужасах, демонах, уничтожающих в полдень, и других чудачествах, перечисленных в девяностом псалме.

— Рота Смерти, — буркнул он. — Всадники на черных конях. Значит, те самые, которыми меня поп пугал. Напали здесь на кого-то. Интересно, на кого?

— Кажется, пан де Бергов выслал погоню, — равнодушно напомнил Рейневан. — Пан Биберштайн тоже...

— Знаю, — обрезал Шафф. — Охотники гоняются за тобой. А Грелленорт и его черные всадники гоняются за охотниками. Чтобы отнять у них добычу. Их цель — ты.

— Несомненно. Поэтому я считаю...

— Что я должен тебя отпустить? — Наследник Хойника по-волчьи оскалился. — Заботясь о собственной безопасности? Недурной ход, Беява, недурной. Но со мной такие номера не проходят.

— Будьте хотя бы внимательнее.

— Не учи меня.

Все происшествие имело роковые последствия для священника Звикера. Поставленный перед Шаффом и засыпанный вопросами поп

стиснул зубы и не проронил ни слова. Даже несколько раз получив по морде.

— Белява! — нетерпеливо рявкнул Шафф. — Ты показал, что разбираешься в чарах. Так скажи: возможно ли, чтобы поп, хоть и спутанный, сумел каким-нибудь заклинанием притащить нам на шею этого Грелленорта?

Рейневан развел руками, пожал плечами. Шаффу этого было достаточно. Вожжу перекинули через сук, и через мгновение капеллан Звикер уже болтался на веревке, дергаясь и конвульсивно напрягая ноги, к чему вся кавалькада присматривалась с утомленными лицами.

— Надо будет заглянуть сюда спустя какое-то время, — сказал Гвидо Бушбах, — поп обоссался, видите? Наверняка здесь вырастет мандрагора.

Шаффа действительно не надо было учить, как поступают в опасных обстоятельствах. Они продолжали ехать по лесным дорогам, очень внимательно избегая особо заезженных. Двигались медленно, а впереди все время ехал дозор — Гвидо Бушбах со стрелком. Остальным хозяин Хойника сурово приказал соблюдать тишину, внимательность и осторожность. Отряд начал выглядеть таким боевым, что Рейневана почти покинул страх перед Стенолазом, он уже даже не горбился в седле, когда над просекой пролетала либо кричала какая-нибудь птица. Однако у палки, как водится, было два конца. При такой настороженности о бегстве трудно было даже и подумать.

Несмотря на это, Рейневан постоянно о нем думал.

На первый ночлег остановились в заброшенном селении старателей, летом добывающих и выплавляющих руду. Для второго ночного отдыха, вскоре после перехода речки, которую он называл Мумлявой, Гвидо Бушбах выбрал небольшую гуральскую деревушку — отрезанную от мира и скрытую в глубоком яре дыру с названием Мумлявске Удоли. Рейневан узнал и запомнил название из разговора Шаффа со старейшиной поселка, словно росوماха заросшим седым дядькой. Росوماха был явно напуган, даже паниковал так сильно, что Шафф смиростивился. Вместо того чтобы, по рыцарскому обычаю, наорать и побить, он решил сыграть роль доброго щедрого господина. Одаренный полугорстью мелких монет Росوماха посветлел как солнышко, а улыбка располовинила его заросшую физиономию так широко, что даже страшно. Он незамедлительно пригласил рыцаря в свои владения, а по пути пояснил, бормоча, почему он такой напуганный и почему вся деревушка пребывает в страхе.

Проносились туточки, пояснил он, недавно очень грозные, ну, очень грозные, очень конные и очень вооруженные, несколько раз пролетывали, а такие были, что уа-ха-ха и боже упаси Памбу. На то, чтобы установить, когда это было точно, потребовалось некоторое время, однако наконец выяснилось, что случилось это позавчера ночью и вчера на рассвете. Сказать, как наездники выглядели и в какие цвета одеты, крестьянин был явно не в состоянии.

Шафф хмурился, грыз усы, однако неожиданно настроение у него поправилось. Поправилось у всех. Из домушки Росомахи вдруг повеяло чем-то невероятно приятным, чем-то божественно и роскошно аппетитным, чем-то заботливо и тоскливо домашним, чем-то трогательно и умильно материнским, пахло каким-то чудесным, незабываемым, глубоко врезавшимся в память ароматом, ассоциирующимся со всем, что мило, добро и радостно, таком, что только садись и плачь от счастья. Говоря иначе и короче: из халупы повеяло топленным жиром и жарившимися в нем луком и мясом. У Шаффа, его забияк и Рейневана ручьем потекли слезы из глаз, а слюна потекла по зубам с силой горного водопада.

— Кабанчика побил, — пояснил Росомаха. — Потому как это, панове, время...

Хозяин Хойника не дал ему закончить. Полез в колет. Увидев монеты у него в руке, мужчина аж закачался, раскрыл рот, несколько мгновений казалось, что начнет выть. Однако он быстро пришел в себя.

— Приглашаю... — выдохнул он, пряча деньги за пазуху. — Угощаться.

— Те, которые здесь вроде бы ездили, — Янко Шафф согнал курицу со стола, — могут быть теми самыми черными всадниками. Ротой Смерти. Но могут быть и людьми Биберштайна. Либо из Тросок от де Бергова. Черти их принесли. Что так запрямятся — не ожидал. Что так уж ты им нужен, Беява.

— Если они на нас... — Вернер Дорфингер, один из хойницких бургманов, окинул Рейневана угрюмым взглядом, — если они на нас, не приведи Господи, нападут... Будем за него биться или как?

— Как будет, так и будет, — обрезал Шафф. — А будет то, что я решу. Ясно?

Они так объелись жареными на жире обрезками, что еле-еле могли двигаться, какое-то время казалось, что не проглотят уже ни куска. Выдержали до того момента, когда хозяйка начала вытаскивать из котла кровяные и набитые гречневой кашей колбаски. Едва они остыли, как все

накинулись на них, словно голодные волки.

— Господи Боже... — Дорфингер распустил пояс еще на две дырки. — Давно ж я таких колбасок не пробовал... Нет, съем еще, только сначала надо за овин...

— Кожух прихвати, — посоветовал входящий из сеней Ральф Мосер, второй бургман из Хойника, отряхивая снег с шапки и воротника. — Поп из-за гроба нам все еще вредит...

— Скорее помогает, — возразил Гвидо Бушбах, пинком отгоняя настырного козла, пытающегося пощипать его голенища. — Потому как если кто-то на нас ополчился, то сразу поймет, куда мы идем. Они могут устроить на нас засаду на Кругоношевой Хале, под Шреницей. Могут поджидать у Боровчанных Скал. Могут захотеть напасть на нас над верхней Шкляркой, прежде чем мы спустимся в долину Вжосовки... А в пурге и ветре мы, дай Бог, может, как-то и проскочим. Дайте-ка еще требушки...

— Дайте и мне. Святой Маврикий, покровитель рыцарей... Пряма сладость небывалая. Больше нету?

— Есть, панычек, есть.

— Нате-ка, добрый человек, еще денжат... Эй! А ты, Белява, куда?

— За овин надо.

— Иди с ним, Мосер. Чтоб ему какая-нибудь глупость в голову не пришла.

— Я ж только что с мороза, — запротестовал бургман. — А куда ему убегать? Зимой, в пургу? К волкам и чудам? На растерзание? Он же не дурак!

— Я сказал — двигайся.

Метель — не метель, волки — не волки, Рейневан не задумывался. Надо бежать, а это единственная возможность. Сейчас, ночью, когда Шафф и его люди обожрались, расслабились и их клонит в сон. В темноте сеней, пока Мосер обменивался несколькими словами и грубыми шутками с возвращающимся Дорфингером, Рейневан схватил кожух. И тяжелую гирю от стоящих там весов.

Двор встретил их холодом и пургой. И темнотой. За овин они шли почти на ощупь.

— Осторожней, — предостерег ведущий Мосер. — Тут где-то плуг лежит...

Он споткнулся, с грохотом перевернулся. А когда ругаясь на чем свет стоит поднялся на четвереньки, Рейневан уже шел к нему со своей гирей, уже собирался садануть беднягу по затылку. В этот момент на фоне

навозной кучи мелькнули быстрые тени, раздался глухой удар, Мосер застонал и упал ничком. В следующий момент в глазах Рейневана разгорелись сто свечей, а в голове прогремела сотня громов. Двор, халупа, овин и куча навоза заплясали и проделали дикий фортель, земля же и небо несколько раз поменялись местами.

Он не упал, поддерживаемый несколькими парами крепких рук. На голову ему натянули толстый мешок. Руки связали. Потащили. Бросили на седло хрипящего и топающего коня. Конь сразу рванулся в галоп, колотя копытами по камням. У Рейневана зубы стучали и звенели под мешком, он боялся, что откусит себе язык.

— В путь! — скомандовал кто-то хриплым, отвратительно злым голосом. — Вперед, вперед! Галопом.

Вихрь выл и свистел.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Рейневан возвращается в Силезию. С перспективой прожить не дольше, чем бабочка-однодневка, зато получив еще один повод для мести.

Когда резким рывком у него с головы стащили мешок, Рейневан сжался, морщась и зажмурившись. Искрящаяся полоса снега болезненно и полностью ослепила его. Он чувствовал запах дыма и конского пота, слышал топот, храп и ржание коней, звон сбруи, шум разговоров, понял, что его окружает много людей.

— Поздравляю, — услышал он прежде, чем начал видеть. — Поздравляю с удачной охотой, господин Дахс. Трудно было?

— Ничего особенного, — ответил из-за спины знакомый голос, злой и хриплый тогда, а сейчас вроде бы немного униженный. — Бывало трудней, милостивый государь Ульрик.

— Из людей Шаффа кто-нибудь пострадал? Зла никому не причинили?

— Ничего такого, чего мазь не заживит. Рейневан осторожно раскрыл глаза.

Он был в деревне, большой, над крышами домов, овинов и амбаров возвышалась церковная колокольня. Улицы заполняли конные в полных белых латах. Впрочем, прежде чем он увидел герб, Рейневан уже догадался, чьим пленником он оказался на сей раз:

— Подними голову.

Ульрик фон Биберштайн, хозяин Фридланда и Жар, дядя Никоветты, горой возвышался над ним на своем боевом жеребце.

Вместо того чтобы испугаться, Рейневан почувствовал облегчение. Потому что это был не Биркарт Грелленорт.

— Знаешь, кто я?

Он с трудом кивнул, несколько мгновений не мог издать ни звука, что было сочтено непочтением. Тот, со злым голосом, хватанул его кулаком по почке. Его Рейневан тоже видел в Тросках. Микуляш Дахс, припомнил он, клиент Биберштайнов. Бургграф какого-то замка. Забыл какого.

— Знаю... Я знаю, кто вы, господин Биберштайн.

Ульрик Биберштайн выпрямился в седле, став при этом еще выше. Рука в стальной перчатке уперлась в листовой фартук нюрнбергских лат.

— За то, что ты сделал, будешь наказан.

Он не ответил, рискуя снова получить удар. Однако на сей раз Микуляш Дахс не отреагировал.

— Снарядить его в дорогу, — приказал Биберштайн, — Дать одежду потеплее, чтобы не околел. Он должен дойти до Стольца целым, невредимым и полным сил.

Из группы рыцарей трое выехали шагом и приблизились. Двое были в полных латах, в белой броне современного типа. С утолщенным и увеличенным левым наплечником и опахой, что позволяло полностью отказаться от щита. Третий, самый молодой, не носил лат, под волчьей дохой на нем был лишь ватованный, немного грязноватый вамс. Рейневан узнал его сразу.

— Фортуна колесом катится! — презрительно фыркнул Никель фон Койшбург, недавний пленник в михаловицком замке. — Сегодня ты меня, завтра я тебя! Ну и как тебе это нравится, милостивый кацер? Я сегодня свободен, выкуплен из неволи. А ты — в путах! С вожжами на шее!

Заставив верхового коня переступить ногами, паренек подъехал ближе. Он явно намеревался втолкнуться конем между хозяином Фридланда и Рейневаном, этому помешал, загородив ему дорогу, Микуляш Дахс.

— По какому праву, — крикнул Койшбург, — вы забираете себе этого пленника, господин Биберштайн?

Ульрик фон Биберштайн выпятил губу и не думал отвечать. Рыцаренок покраснел от злости.

— Подаете скверный пример! — закричал он. — Пример своекорыстия! Из-за какой-то темной родовой вражды, из-за какой-то личной мести и самолюбивых счетов подвергаете опасности страну! Это позорный поступок! Позорный!

— Господин Фольч, — спокойным голосом прервал Биберштайн. — Вы — человек серьезный, известный мужеством и благоразумием. Так посоветуйте этому говнюку заткнуться.

Койшбург потянулся было к мечу, но один из наездников схватил его за руку железной перчаткой и стиснул так, что юноша скорчился в седле. Рейневан догадался, кто это. Он помнил услышанные в Михаловицах рассказы. Ганс Фольч из замка Роймунд, згожелецкий наемник.

— Ну, как же я могу ему советовать, — медленно проговорил Фольч, — если он прав? Пленник твой, господин Ульрик, высокий рангом гусит. Соратник самых значительных здешних гейтманов, запанибрата с ними. Он должен многое знать о намерениях кацеров и их секретных планах. Мы на войне, а на войне побеждает тот, что знает намерения врага.

Этого пленника надо в Згожелец либо Житавы забрать, на допросы. Понемногу, без спешки вытянуть из него все, что знает. Потому я и говорю: отдайте его нам. Ради блага страны откажитесь от вражды и отдайте его.

Ульрик фон Биберштайн глянул налево, глянул направо, послушные его взглядам рыцари, юнкера и кнехты сдвинулись с мест, начали подводить коней все ближе и ближе. К стоящему рядом с Рейневаном Микуляшу Дахсу подошел оруженосец с огромным биденхэндером^[165], держа оружие так, чтобы двенадцатидюймовая рукоять была у Дахса на удобном расстоянии от руки. Ганс Фольч все это видел.

— А если отказаться не захочу? — процедил Ульрик фон Биберштайн, упираясь кулаком в бок. — То что? Нападете на меня? Во имя блага страны?

Фольч даже не дрогнул. Но бургманы из Роймунда и вооруженные згожельцы тронули коней, подъехали, контролируя фронтом строй людей Биберштайна. Их было, как заметил Рейневан, немного больше. Кое-где в ножнах уже заскрежетали мечи, но спокойствие Ганса Фольча успокоило всех.

— Нет, господин фон Биберштайн, — холодно проговорил згожелецкий наемник. — Мы не ударим по вам. Потому что всякий раз, когда мы начинаем враждовать друг с другом, гуситы руки потирают. Я сказал вам то, что имел сказать.

— А я выслушал, — повысил голос хозяин Фридланда. — И на том конец. Прощайте. Пан Фольч. Пан Варнсдорф.

Пренебрежительно упущенный при прощании Койшбург побледнел от бешенства.

— Не конец! — взвизгнул он. — Не конец, о нет! Я этого так не оставлю! Вы ответите, господин Биберштайн! Если не перед судом, то на поединке.

— Тех, кто меня судами страшит, — повысил голос Ульрик Биберштайн, — я привык, как прислужников, палками угощать... Так что поостынь, щеняра, если тебе шкура дорога. Прикажу тебя побить не на утоптанной земле, не на поединке, а здесь, в грязи. Ты молокосос! Что из того, что намерен влезть в семейство Догнов? Пусть даже жена у тебя будет догнова рода, ты на этом не выгадаешь. Куда уж тебе да и с чем к старому-то дворянству? Тебе, сынку мерсебургских епископских министералов? Смех один!

Койшбург из бледного сделался пунцовым, как разрезанный буряк, казалось, он кинется на Биберштайна с голыми руками. Фольч ухватил его за руку, а второй рыцарь, названный Варнсдорфом, схватил коня за узду у

самого мундштука. Но остальные вооруженные згожельцы рвались в бой. Кто-то крикнул, кто-то крик подхватил, сверкнули мечи и барты. Заржали под ударами шпор кони, засверкали клинки и в руках людей Биберштайна. Микуляш Дахс схватил и поднял биденхэндер.

— Стоять, — рявкнул Ганс Фольч. — Стоять, мать вашу! Оружие — в ножны!

Роймундцы и згожельцы подчинились. Не очень охотно. Кони храпели, перетапывая снег в грязь.

— Двигайте отсюда, — зловеще проговорил Ульрик Биберштайн. — Отправляйтесь своей дорогой, господин Фольч. Немедленно. Пока дело не обернулось кое-чем похуже.

Снег растаял мгновенно,хватило той крохи солнца, которая пробилаьсквозь тучи. Ветер утих. Сделалось теплее.

Возвратилась осень.

Шклярская Поремба — Рейневан уже узнал название деревни с церковкой, прислушиваясь к разговорам, — немного опустела, когда отряд Фольча и Варнсдорфа скрылся в ущелье, ведущем к Якубовому Перевалу, отделяющему, как он помнил из чьих-то рассказов, Карконоши от Йизерских Гор. Микуляш Дахс какое-то время угрюмо посматривал вслед, сказал что-то Биберштайну, указывая то на отъезжающих, то на Рейневана. Биберштайн выпятил губы, окинул пленника злым взглядом, кивнул головой. Потом отдал приказы. Дахс поклонился.

— Пан Либенталь! — крикнул он, подходя. — Пан Строчил, пан Кун, пан Придланц — подойдите ко мне.

Четверо рыцарей вышли из группы, приблизились, посматривая с любопытством, но демонстративно неприязненно. Что совершенно не подействовало на Дахса.

— Вот этого правонарушителя, — указал он на Рейневана, — милостивый пан Ульрик фон Биберштайн приказывает доставить в Силезию, в замок Стольц, там передать в руки брата милостивого пана Ульрика пана Яна Биберштайна. Пленный должен быть доставлен не позже, чем через пять дней, то есть в понедельник, так как сегодня у нас четверг. Он должен быть доставлен живым, здоровым и невредимым. Командиром эскорта пан Биберштайн изволил назначить пана Либенталья. А за пленника и за выполнение приказа отвечают головой все. Вы поняли? Пан Либенталь?

— Почему именно мы? — нелюбезно спросил Либенталь, потирая черный от щетины подбородок. — И почему только вчетвером?

— Потому что так изволил распорядиться пан Ульрик. И потому что ему так посоветовал я.

— Благодарим сердечно, — сказал язвительно второй из эскорта, в надетой набекрень бобровой шапке. — Значит, надо довести его в Стольц целым и невредимым. А не довезем — головы сложим? Шикарно.

— А если он попытается сбежать? — Третий, дылда со светлыми усами, окинул Рейневана угрюмым взглядом. — Дозволено нам будет ему хоть ногу переломать?

— Имеется риск того, — холодно ответил Дахс, — что тогда хозяин Стольца прикажет переломать ноги вам.

— Так как же? — не сдавался усач. — Спутать его и везти в мешке? А может, засадить в железную бочку, такую, в которой Конрад Глоговский держал Генрика Толстого. А может...

— Достаточно! — отрезал Дахс. — Пленный должен быть в Стольце через пять дней целый и невредимый. Как вы это сделаете — ваша забота. И конец болтовне. От себя добавлю, что ему надо быть сумасшедшим, чтобы бежать. На него много ловцов охотится. И кому бы он в лапы ни попал, ждет его смерть. Притом и не скорая, и не легкая.

— А в Стольце что? Небось цветами осыплют?

— Не мое дело, — пожал плечами Дахс, — чем его там осыплют. Но что его ждет в Згожельце, Житаве либо Будзишине, знаю: пытки и костер. Если его схватят снова де Бергов или Шафф, тоже злой смерти не минует. Так что не думаю, чтобы он бежал...

— Я бежать не буду, — заявил Рейневан, которому надоело молчать. — Могу дать слово. Поклясться на кресте и всеми святыми!

Рыцари грохнули диким и искренним хохотом. Дахс аж прослезился.

— Ох, господин Беляу, — стер он слезы со щеки. — Ну, развеселил! Говоришь, поклянешься? А что ж, клянись сколько влезет. А мы тем временем свяжем тебя куском крепких вожжей. И посадим на крестьянскую косолапую кобылу, чтобы тебе, случаем, галопировать не вздумалось. Все это так, верности ради. Ничего личного.

Вскоре они двинулись. Рейневану в соответствии с обещанием Дахса связали руки, без всякой жестокости, но надежно и крепко. В соответствии с обещанием его посадили на лошадь, а точнее, на являющуюся только по названию таковой — противную, ленивую, криво ставящую задние ноги клячу, явно не способную не только на галоп, но даже на рысь. На таком «рысаке» действительно нечего было даже думать о бегстве — на ней невозможно было бы даже обогнать пару волов в ярме.

Они ехали на восток. В сторону Еленьей Гуры. В сторону тракта, связывающего Згожелец со Свидницей, Нисой и Рачибужем.

Еду в Силезию, подумал Рейневан, вытирая чешущийся нос о меховой воротник плаща. Возвращаюсь в Силезию, как обещал. Как поклялся. Себе и другим.

Если б Флютек знал, наверняка бы радовался. Начало ноября, едва четыре дня после Поминовения усопших. До Рождества уйма времени, а я уже в Силезии.

Они ехали на восток. В сторону Еленьей Гуры. В сторону тракта, который называли Подсудетской дорогой, соединяющей Згожелец со Свидницей, Нисой и Рачибужем. По дороге, проходящей через Франкенштайн. И район замка Столец.

Замка, думал Рейневан, вытирая нос о воротник, в котором находится моя Николетта. И мой сын.

Около полудня добрались до Гермсдорфа. Здесь заспешили, погнали коней, беспокойно посматривая в сторону возвышавшейся над селением гранитной скалы и башни замка Хойник. Микуляш Дахс, остерегаясь возможных подвохов со стороны преследователей, велел проявлять особую внимательность в районе Хойника. Рассудок подсказывал, что Яна Шаффа в замке быть не должно, путь через карконошские урочища и низины должен был отнять у него гораздо больше времени, чем у них, едущих по тракту. Но беспокойство не покинуло их до тех пор, пока замок не скрылся из виду.

В котловине они миновали Теплицу, село знаменитое своими теплыми источниками и лечебными водами. Вскоре увидели Еленью Гуру, церковную звонницу и возвышающуюся над городом башню. Которую, кажется, возвел больше трехсот лет назад Болеслав Кривоустый, Полянский князь, а надстроил двести лет тому его прапрапра... и так далее внук, Болько Свидницкий.

Ведущий эскорт Либенталь повернул коня, подъехал, уперся стремением в стремя Рейневана. Потом достал нож и перерезал ему веревки на руках.

— Мы едем через город, — сухо сказал он при этом. — Я не хочу, чтобы люди таращились. Понял?

— Понял и благодарю.

— Рано благодарить. Знай: попытаешься фокусничать, я тебе этим вот ножичком уши пообрезаю. Клянусь Святой Троицей, так и сделаю. Хоть и придется потом мне за это у Биберштайнов каяться, отрежу.

— Имей в виду. Имей также в виду, — добавил фон Придланц, тот, со светлыми усами, — что хоть с нами тебе свободы нет, но другие могут доставить гораздо большую неприятность. Те, которые за тобой гоняются, скверную тебе судьбу готовят, мучения и смерть, помнишь, что Дахс говорил. А знаешь, кто может за нами ехать? Может, Фольч и тот второй, Варнсдорф из Рогозца? Может, де Бергов? Клюкс? Янек Шафф? А здешние места, надобно тебе знать, Шаффам принадлежат и их родным и кумовьям: Нимпчам, Зедлицам, Редернам. Так что, если ты даже от нас и сбежишь, далеко не уйдешь. Тебя поймают крестьяне, выдадут своим господам.

— Это верно, — кивнул головой третий из эскорта. — Ей-богу, лучше дай нам тебя в Столец доставить. Рассчитывать на милосердие господина Биберштайна.

— Я не стану убегать, — заверил Рейневан, растирая запястья. — Я господина Яна Биберштайна не боюсь, потому что не чувствую перед ним никакой вины. Докажу свою невиновность.

— Аминь, — подытожил Либенталь. — Ну, стало быть, в путь.

* * *

На ночлег остановились недалеко за Еленьей Гурой, в деревне Майвальдау. Перекусили что было, а ночевали в сарае, в котором дующий с гор ветер свистел сквозь многочисленные щели в стенах и крыше.

Рейневан, утомленный переходами, уснул быстро. Так быстро, что явь перешла в сон гладко и незаметно, нереальность легко перетекла на место реальности. Ох, ох, господа, до чего ж тянет к какой-нибудь бабе. Чтоб тебя, Придланц, надо ж тебе было вспоминать, теперь не усну. Это ничего, скоро мы будем в Свиднице, я знаю там один борделик... А в Рихбахе в пригороде знаю двух веселых девиц-белошвеек...

Коня подо мной убил, моего Штурма, кипятился Никель Койшбург, размахивая обглоданной костью, из арбалета застрелил, сучий сын, сорок гривен за него отдал, но ничуть не пожалел, потому что хорош он был... Нет, нет, не гусит! Конь был хорош! Мой Штурм... А тот гусит, Рейнмар Беляу, чтоб его злая смерть не обошла...

Беги — шипит, щуря сине-зеленые глаза, Дуца фон Пак. В руке покачивается копьё. Беги — поддерживает стоящий рядом Биркарт фон Грелленорт. Все равно тебя поймаю. У меня уши и глаза повсюду. В каждом монастыре.

Он выберется, говорит Гжегож Гейнче, *inquisitor a Sede Apostolica*

specialiter deputatus во вrocławской епархии. И тогда появляется шанс, что приведет нас к...

Меня интересует птичье пение, говорит Конрад из Олесьницы, вrocławский епископ. Рейнмар Беляу наведет меня на путь птичьего пения.

Конник мчится в ночь, через леса и скалистые ущелья, колотит в окованную калитку укрепленного словно крепость монастыря. Ему открывает монах в белой рясе с черной ладанкой, украшенной крестом с буквой «S», обвившейся вокруг основания.

* * *

Ганс Фольч, згожелецкий наемник в Роймунде, выполнил свои обязанности вполне и до конца — лично доставил выкупленного из гуситского плена Никеля Койшбурга в стоящий на вершине Соколиной Горы замок Фалькенберг, одно из имений рода фон Догна. Освобожденного юношу в замке встречали с искренней радостью, а четырнадцатилетняя панночка Барбара Догновна аж поплакала от счастья. Поплакала также ее сестра, тринадцатилетняя Энеда — ведь такое же могло приключиться не сегодня-завтра с ее собственным воздыхателем Каспром Герсдорфом. За компанию поплакала мать Барбары и Энеды, ее милость Маргарета из Йенквичей. Поплакал дедушка, старый пан Бернгард фон Догна, но он был в преклонных летах и хоть смеялся и плакал частенько, но редко знал, по какому поводу и зачем.

Фридрих фон Догна, хозяин Фалькенберга, сын Бернгарда, супруг Маргареты и родитель девочек, особой радости не проявлял. Скорее криво улыбался, а счастье лишь изображал. Он не только стал беднее на выкуп в размере восьмидесяти коп грошей. Выплачивая гуситам за Койшбурга, он как бы признал его официальным кандидатом в зятя. А ведь он был уверен, что дочка могла попасть лучше. Поэтому он кусал ус, принужденно улыбался и не мог дожидаться ужина, на котором намеревался упиться вусмерть, чтобы забыться.

Среди остальных одним из немногочисленных действительно искренне радующихся был Ганс Фольч. У Фридриха фон Догна он взял на выкуп за Койшбурга сто коп грошей. С гуситским гейтманом Яном Чапеком сторговался на шестидесяти. Господину Фридриху сказал, что на восьмидесяти.

Когда рассказ о приключениях Никеля Койшбурга обошел уже равно и верхний, и нижний замки, Фалькенберг втихую покинул всадник.

Всадник не жалел коня. Спустя неполный час, вскоре после полуночи, он уже стучал в калитку укрепленного словно крепость монастыря целестинцев в Ойбине. В монастыре уже никто не спал — суровые целестинские законы требовали после того, как пробьет полночь, вставать с лежанок и приниматься за молитвы и работу.

— Откуда поступило сообщение?

— Из Ойбина, ваше преподобие, от целестинцев. От приора Бурхарда.

— Сильно запоздало?

— Сообщение дошло до Ойбина вчерашней ночью. А сегодня ночь после седьмого дня ноября. Гонец, позволю себе заметить, ехал днем и ночью, не жалея коней. Вести, которые он привез, следует считать вполне актуальными.

Гжегож Гейнче, *inquisitor a Sede Apostolica specialiter deputatus* во вроцлавской диоцезии, уселся поудобнее, протянул подошвы ботинок к идущему от камина теплу.

— Этого следовало ожидать, — буркнул он. — Следовало ожидать, что Рейнмар фон Беляу спокойно не усидит, тем более когда узнает о... о некоторых проблемах. Можно было также предвидеть, что Биберштайны его сцапают. Везут его, разумеется, в Столец?

— Разумеется, — подтвердил Лукаш Божичко, поляк, усердно и с великим тщанием трудившийся на Священную Инквизицию дьякон из Святого Лазаря. — Едут, конечно, по Подсудетской дороге, в данный момент они должны быть в районе Болькова. Ночами наверняка не движутся, а дни сейчас короткие. Ваше преподобие? Можно их в Свиднице перехватить. У нас там есть люди...

— Знаю, что есть.

— Если он... — Дьякон откашлялся в кулак. — Если Рейнмар из Белявы попадет в Столец, то живым он оттуда не выйдет. Если попадет в руки господина Яна Биберштайпа, то погибнет замученный. Он опозорил дочь господина Яна, господин Ян жестоко отомстит ему...

— Если виновен — то заслуживает наказания, — прервал Гейнче. — Ты ему сочувствуешь? Но это ж кацер, гусит, его смерть для нас, добрых католиков, радость, счастье и утешение. Чем более жестока смерть, тем радость больше. Ведь ты поклялся, вся Силезия поклялась. Надо напомнить клятву? *Die Ketzer und in dem christlichen Glauben irresame Leute zu tilgen und zu verderben...* Это так звучало, правда?

— Я только... — пробормотал дьякон, совершенно сбитый с панталыку сарказмом инквизитора. — Я только хотел обратить

благосклонное внимание вашего преподобия на то, что этот Рейнмар может очень многое знать... Ежели Биберштайн его замучает, то мы...

— Потеряем возможность замучить его сами, — закончил Гейнче. — Ну что ж, такой риск существует.

— Это почти наверняка.

— Наверняка бывают только подати. И то, что Римская Церковь — вечна.

Дьякону нечем было возразить.

— Отправь гонца в Свидницу, — немного помолчав, сказал инквизитор. — К доминиканцам. Пусть пошлют самых лучших агентов. Пусть следят и незаметно наблюдают. Ибо я думаю...

Гейнче сообразил, что говорит самому себе. Оторвал глаза от потолка на потолке, взглянул на немного побледневшего дьякона.

— Я думаю, — закончил он, — что Рейнмар из Белявы выкарабкается из положения. Думаю, есть шанс, что приведет нас к...

— ...приведет меня к Фогельзангу, — закончил Конрад из Олесьницы, вrocławский епископ. — Проблема украденной подати — мелочь, мы это так или иначе решим, как говорится, отложить не значит отменить. Но Фогельзанг... Вот если он доберется до Фогельзанга, ха, это будет фокус. А Рейневан де Беляу — субъект, надо признаться, все более любопытный... Он может привести меня к Фогельзангу.

Епископ допил фужер рейнского вина. С утренней молитвы он сегодня уже выпил, легко сосчитать, три гарнца разных вин. Вино давало здоровье, изгоняло меланхолию, усиливало потенцию и оберегало от заразы.

— Из того, — проговорил он, наливая себе, — что доносит из Ойбина приор Бурхард, следует, что этот Беляу должен быть где-то в районе Болькова, так что надо считать, что через два дня, в воскресенье, *nona die Novembris*^[166], он доберется до Свидницы. Ха. У меня есть агенты среди свидницких доминиканцев, но боюсь, многие работают на две стороны, то есть на Гейнче тоже. Придется послать кого-либо из приближенных... Ха. Я неохотно отсылаю приближенных и телохранителей, мне донесли о готовящемся на меня покушении. Гуситы, разумеется. Эх, показал бы я им, если б поймал тех, из Фогельзанга... Если бы их перетянул на свою сторону, перевербовал, если б они начали работать на меня... Ха! Ты понимаешь мой план, Биркарт, сын мой?

Стенолаз не ответил. Плотнее запахнул шубу, в комнате было холодно, дующий от Рыхлебов ветер всеми щелями пробирался внутрь нисского замка.

— Понимаешь, — сам себе ответил Конрад. — А значит, поймешь и

приказ, который я тебе сейчас даю: оставь Рейневана в покое. А как, кстати, каким чудом он ухитрился сбежать от тебя в Карконошах?

— Чудеса, — то ли лицо Стенолаза дрогнуло, то ли виной тому было помигивание свечи, — чудеса случаются. Ваше преосвященство сомневается в этом?

— Конечно. Сомневается, Ибо видело, как их делают. Но не время для диспутов. Видимо, провидение хотело, чтобы Рейневан от тебя сбежал. Не противься, сын мой, провидению. Отзови с тропы своих псов, свою прославленную Роту, своих черных всадников. Пусть тихо сидят в Сенсенберге, ждут приказов. Они понадобятся, когда придет время двигать вслед за Рейнмаром де Беляу, мы выследим Фогельзанг. Ты же, Биркарт фон Грелленорт, будешь постоянно при мне, рядом со мной. Здесь, в Нисе. В отмуховском замке. Во Вроцлаве. Словом, где бы ни случилось мне находиться. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной. Всегда и везде. Я же говорил, гуситы охотятся за мной, готовят покушение на мою жизнь...

Стенолаз кивнул головой. Он прекрасно знал, что «планируемое покушение» — блеф, его выдумал сам епископ, чтобы иметь повод усилить террор и преследования. Весьма сомнительной была также проблема связи личности Рейневана де Беляу с тайной гуситской организацией с криптонимом «Фогельзанг». Действительно, у епископа Конрада были многочисленные собственные источники информации, но однако они не всегда вызывали доверие. Слишком часто услужливые доносчики доносили епископу о том, о чем епископ хотел бы услышать.

— На случай этого покушения, — сказал Стенолаз, — может, будет лучше, если мои всадники...

— Твои всадники, — епископ хватанул кулаком по столу, — должны тихо сидеть в Сенсенберге! Я сказал! Слишком уж много об этих всадниках говорят. Гейнче не спускает глаз с моих рук, он обрадуется, если сможет связать меня с всадниками, с тобой, с черной магией и колдунами! Уж слишком много о вас болтают. Слишком много ходит сплетен!

— Мы постарались, чтобы ходили, — спокойно напомнил Стенолаз. — Чтобы вызывали ужас. В конце концов, это наша совместная инициатива, дорогой князь епископ. Я делал то, о чем мы договорились. И то, что ты лично приказывал мне делать. Ради дела. *Ad maiorem Dei gloriam*.

— Для дела? — Епископ отхлебнул из фужера, скривился так, словно в фужере была желчь, а не рейнское. — Гуситских шпионов и сторонников, из которых можно было бы выдавить информацию, ты приканчивал, не сморгнув глазом. Для удовольствия. Ради радости убиения. Так что не

говори, будто на то была Божья воля. Ибо Бог может осерчать.

— Предоставим, — лицо Стенолаза не дрогнуло, — это суду Божиему. А твой приказ я выполню. Мои люди останутся в Сенсенберге.

— Понимаю. Понимаю, сын мой. Они останутся в Сенсенберге. Ты же, если тебе понадобятся люди, подберешь себе кого-нибудь из моих наемников. Если хочешь — бери.

— Благодарствую.

— Я думаю. А теперь — иди. Разве что у тебя есть что-нибудь для меня.

— Так сложилось, что есть.

— И что же?

— Две вещи. Первая — предостережение. Вторая — просьба. Покорнейшая просьба.

— Я — весь внимание.

— Не надо недооценивать Рейнмара из Белявы, епископ. Ты не веришь в чудеса, насмехаешься над Тайнами, изволишь относиться к магии с презрительной усмешкой. Не очень-то это мудро, епископ, не очень мудро. *Magna Magia*^[167] существует, а чудеса случаются. Недавно я видел одно чудо. Рядом с Рейневаном, кстати.

— Правда? И что же такое ты видел?

— Существо, которого не должно быть. Которое не должно существовать.

— Ха. А ты, сын мой, случаем не глянул ли в зеркало? Стенолаз отвернулся. Епископ, хоть и был доволен удачному злорадству, не улыбался. Перевернул клепсидру — миновала *media nox*^[168], до *officium matutinum*^[169] оставалось около восьми часов. Самое время пойти наконец спать, подумал он. Слишком много я работаю. И что с этого имею? Кто это оценит? Папа Мартин, этот паршивец, *zum Teufel mit him*^[170], по-прежнему не желает слышать об архиепископстве для меня. Диоцезия по-прежнему формально подчиняется Гнезну!

Он повернулся к Стенолазу. Лицо было серьезное.

— Предостережение я понял. Приму во внимание. А просьба? Ты что-то сказал о просьбе?

— Я не знаю, какие у тебя планы, князь. Однако хотел бы, когда придет время, заняться этим Рейневаном... собственноручно. Им и его спутниками. Хотел бы, чтобы ваше преосвященство мне это пообещало.

— Обещаю, — кивнул головой епископ. — Ты их получишь.

«Если это будет в моих и церкви интересах», — добавил он мысленно.

Стенолаз посмотрел ему в глаза и усмехнулся.

Они ехали по дороге, идущей вдоль берега ревущего на быстринах Бобра, между рядами ольхи и вязов. Погода наладилась, порой даже проглядывало солнце. К сожалению, редко и ненадолго, ну что ж, как-никак ноябрь. *Septima Novembris*^[171]. Пятница. Вильрих фон Либенталь, назначенный Биберштайном командовать эскортом, вел свой род из Мисъни. Он был — якобы — далекой родней влиятельных Либенталей из Либенталя под Львовком. И любил это подчеркивать. Но в принципе это был один из немногих его недостатков.

С точки зрения недостатков мало в чем можно было упрекнуть и остальных членов эскорта. Рейневан в душе благодарил провидение, сознавая, что мог попасть в гораздо худшую компанию.

Бартош Строчил называл себя силезцем. Рейневан туманно помнил, что какой-то Строчил действительно держал аптеку во Вроцлаве, но предпочитал не делать выводов.

— Я знаю, — неведомо уже в который раз повторил Строчил, покачиваясь в седле. — Знаю в Свиднице нормальный бордельчик... А в Рыхбахе в пригороде я знал двух веселых девиц белошвеек. Правда, было это года два тому назад, они могли, курвозы, замуж повыходить.

— Это можно бы проверить, — вздохнул Стош фон Придланц. — Остановившись там...

— Надо будет.

— *Jo, jo*, — говорил Отто Кун. — Надо будет.

Стош фон Придланц, лужичанин, но с чешскими корнями, был клиентом Биберштайнов — как и его отец, дед и наверняка прадед. Отто Кун был родом из Баварии. Он не хвалился этим, будучи скорее молчуном, но если уж заговаривал, то его горловое бормотание не оставляло сомнений: так ухитрялись исковеркать благородную немецкую речь только баварцы.

— Ха! — подогнал коня Либенталь. — Значит, думается мне, остановимся в том свидницком борделе. У меня в последнее время тоже что-то частенько хорошая задница из ума не выходит, во мне, как я о жопе подумаю, поэт просыпается. Один к одному: Тангейзер.

— Эй! — Придланц вдруг дернулся, повернулся в седле. — Видели? Там?

— Что?

— Конные! С того холма за нами наблюдали! Сверху, из-за тех вон елок. Сейчас скрылись. Исчезли...

— Черт побери. Этого нам не хватало. Цвета распознал?

— Черный был. И конь вороной.

— Черный всадник! — захохотал Строчил. — Опять! Последнее время ничего больше, постоянно только черные всадники, черные призраки, Рота Смерти тут, Рота Смерти там, Рота проезжала, Рота проскакала, Рота на людей де Бергова за Йизерой напала... Но чтобы и тебе перепало? А, Придланц?

— Я видел, чтоб меня громом поразило! Он там был!

— Подгоните коней, — сухо приказал Вильрих Либенталь, не спуская глаз с опушки леса. — И будьте внимательны.

Его послушали, поехали быстрее, держа руки на рукоятках мечей. Кони храпели.

Рейневан чувствовал, как на него волнами накатывается страх.

Беспокойство передалось всем. Ехали настороженно, внимательно осматриваясь. Уже никто не шутил, совсем наоборот — к инциденту отнеслись очень серьезно. До такой степени, что организовали засаду. Быстро и ловко. В одном из оврагов Строчил и Кун спрыгнули с седел и спрятались в зарослях с готовыми к выстрелу арбалетами. Остальные поехали дальше, преувеличенно шумя и громко разговаривая.

Силезец и баварец ожидали в укрытии почти час. Впустую. Не дождались никого едущего следом. Но даже и тогда напряжение не уменьшилось. Они по-прежнему ехали осторожно и часто оглядывались.

— Похоже, мы, — вздохнул Строчил, — ушли от него...

— Или же, — заставил себя сказать Кун, — все же Придланцу привиделось.

— Ни то, ни другое, — проворчал Либенталь. — Этот паршивец едет следом, я только что его видел. На взгорье, слева. Не оглядывайтесь, черт побери.

— А какая-то хитрая тварь...

— За нами едет... Чего ему надо?

— Черт его знает...

— Что будем делать?

— Ничего. Оружие держать в готовности.

Они ехали, сосредоточенные и угрюмые, по дороге, бегущей по ущельям, вдоль берега шумящего на быстрине Бобра, среди осенних ольх, вязов, яворов и старых гигантских дубов. Картина была прекрасная и должна была успокаивать. Но не успокаивала. Рейневан краем глаза посматривал на рыцарей, наблюдая, как в них клочкотала злость. Кун,

осматривая арбалет, шептал какое-то гортанное баварское ругательство. Придланц сплевывал. Болтливый обычно Строчил молчал. Либенталь долго хранил видимость спокойствия, однако наконец и он не выдержал.

— А этот, — прохрипел он, окидывая Рейневана паскудным взглядом, — а этот, черт его нам на шею принес, едет на полудохлой кляче, и невозможно ускорить шага! Тянемся из-за него словно обосравшиеся улитки!

Рейневан отвернулся, решив не дать себя спровоцировать.

— Ишь еретическая его душа! — снова задел его Либенталь. — Что тебе вздумалось от истинной веры отступать? Отказываться от Божьей Матери? Гусу-дьяволу поклоняться? Над таинствами измываться?

— Прекрати, Вильрих, — спокойно посоветовал Стош фон Придланц. — Прекрати.

Либенталь засопел, но послушался. Они ехали в тяжелой тишине.

Рейневан же, до тех пор никак не решавшийся, наконец принял решение. Надо бежать. Получалось, что Биркарт Грелленорт не лгал, у него действительно всюду были уши и глаза. Повешенный у подножия Карконоши капеллан Звикер не был единственным его шпигом, был, оказывается, какой-то доносчик и в свите Ульрика Биберштайна. Везущий его в Силезию эскорт оказалось легко выследить, а в возможном столкновении с черным всадником у них скорее всего шансов выиграть не было. Один, думал он, я легче смогу спрятаться, легче обведу погоню.

Однако опытность рыцарей не прошла мимо его внимания. От этих людей нельзя было так вот просто сбежать. Необходим был способ. Метод.

Проехав примерно милю, точно в отмеченный колоколом церквушки полдень они въехали в Яновице, большое село над Бобром. Примерно через час добрались до развилки — их дорога пересекалась здесь с трактом, ведущим из Свежавы в Ландесхут. Пустынная до того дорога заполнилась людьми, а настроение эскорта явно поправилось. Рыцари перестали оглядываться, понимая, что сейчас среди народа они в гораздо большей безопасности, чем в лесной глуши карконошского предгорья. Придланц снова начал ныть, что он тоскует по бабе. Строчил не переставая расхваливал некогда посещенный бордель. Отто Кун мурлыкал себе под нос баварские песенки. Только Либенталь по-прежнему нервничал, был раздражен и зол. Почти каждый странник получал у него ворчливое оскорбление. Коробейник еврей превратился в «Христубийцу», «кровопийцу» и — а как же иначе? — «пархатого». Все купцы, натурально, были «ворюгами», а горняки из Близлежащей Медянки — «валлонскими

бродягами» Минориты удостоились имени «трахнутые бездельники», а вооруженные иоанниты — «банды содомитов».

— Знаете что? — неожиданно заговорил Строчил, безошибочно улавливая причину такого настроения. — Я думаю, то был не человек, ну, тот черный, который за нами следил.

— А кто же?

— Дух. Демон. Тут же Карконоши, забыли?

— Рюбецаль... — догадался Кун. — *Jo, jo...*

— У Рюбецаля, — убежденно изрек Придланц, — большие оленьи рога и огромнейшая бородища. У того — не было.

— Рюбецаль может обернуться кем угодно.

— Курва... Пригодилось бы распятие. Или другой какой-нибудь крест. У кого-нибудь есть? А у тебя, Беява, нет случайно креста?

— Нет.

— Остается святым молиться... Только которым?

— Четырнадцать Вспоможителям, — подсказал Строчил. — Всем сразу, кучей. Среди них есть несколько хватов. Хотя бы Георгий, известно. Из других Кирилл — дьявола на цепь посадил, Малгожата дракона обуздала, а Евстахий львов. Вит... Не помню, что делал Вит. Но несомненно, что-то делал.

— Вит, — вклинился Кун, — потешные прыжки отплясывал...

— Ну? А я что говорю?

— Заткнитесь наконец, холера вас заберит! — рявкнул Вильрих фон Либенталь. — Прямо удар можно получить, вас слушая!

— Глядите, какой кортеж богатый. Действительно, надо было признать,двигающийся со стороны Болькова кортеж выглядел шикарно. Впереди ехал???уфер в серебряно-голубых цветах и таким же знаменем. За ним следовали вооруженные верховые и нарядные дворяне, окружающие запряженную четверкой сивых лошадей повозку, обитую узорчатой тканью и украшенную голубыми лентами. В повозке, в окружении фрейлин, восседала крупная и источающая ауру величия матрона в чепце и белом головном платке.

— Розамунда фон Боршнитц, — узнал, кланяясь, Придланц.

— Из рода Больц, — вполголоса подтвердил Строчил. — Ха, изумительно когда-то, вероятно, выглядела эта женщина. Покойный отец рассказывал, как в его юные годы половина Силезии была в нее влюблена, кавалеры бегали за ней, как псы за сукой, потому что она была не только хороша собой, но и богата. В конце концов вышла замуж за Кунона

Боршнитца, того, который...

— Тех времен, когда твой папочка юным был, — ехидно прервал Либенталь, — даже самые пожилые люди не помнят. Вроцлавские епископы, кажется, в те времена еще были послушны гнезненской митрополии, Свидницким княжеством владели, кажется, Пясты, а чешский король Вацлав IV был, кажись, малюсеньким бутузом. Так давно это было. Боршнитцевой, старой бабе, должно быть, значит, много за шестьдесят годков, просто диво, что она еще не рассыпалась. Подгоните коней, неумоготу так плестись! Еретик, подгони кобылу! Эй! Стеганите кто-нибудь его кляче нагайкой по задку. Успокоился бы ты, Вильрих.

Ночевать им досталось в Болькове, городке, лежащем у подножия горы, на вершине которой обосновался знаменитый и грозный замок.

На этот раз спали на постоялом дворе — Либенталь наконец решился поглубже залезть в кошель, который получил от Дахса в качестве суммы на дорожные расходы. Они заказали себе ужин в виде крепко приправленных сметаной пирогов с капустой и грибами. Объевшись, Рейневан спал, не видя снов.

* * *

Назавтра небо снова затянули низкие тучи, начало моросить. Они ехали, изредка прерывая молчание. Осматривались, но преследующий их всадник больше не появлялся. Исчез. Как дух. Может, действительно он был духом? Может, это действительно был Рюбецаль, демон Карконошей? Может, причиной его исчезновения было то, что они удалились от Карконошей.

Моросило.

Распогодилось только значительно после полудня. Когда добрались до Свебодиц.

Они остановились на постоялом дворе «Под бородатым козлом».

— Уже поздно, — заявил Вильрих Либенталь, — не исключено, что в Свидницу мы не успеем до сумерек и закрытия ворот. А поскольку Свидница выполняет «закон мили», то в радиусе мили от города нам корчмы не найти. А из этого «Козла» чем-то аппетитно пахнет.

Пахло, оказывается, капустой, луком, кашей и копченой грудинкой, а прежде всего жареным гусем. Святой Мартин был на носу и напоминал о

себе. Перед расположенной в непосредственной близости от Болковских ворот корчмой стояло много телег, а в конюшне топталось много коней. Гостей могла заманить кухня «Козла», либо их вынудил исполняемый Свободицами дорожный закон.

— Многолюдно сегодня у вас, — обратился Рейневан к конюшенному пареньку. — Работы по уши, да? А чьи это кони?

Мальчик пояснил чьи. Поясняя, вздыхал. Он был очень возбужден. И очень болтлив. Они разговаривали бы дольше, если б не Либенталь.

— Эй? Ты! Белява! Что еще за разговорчики? Заткнись и давай сюда. Живо!

Наполненная дымом, чадом и приятным теплом корчма была забита людьми. В основном селянами, которым извечная деревенская традиция сурово наказывала в субботний вечер упиться до ризоположения. Были и купцы, были пилигримы в опончах, обшитых ракушками из Компостеллы. Были цистерцианские сборщики пожертвований, в быстром темпе опорожняющие как тарелки, так и жбаны. На скамье у камина сидели шестеро кнехтов в кожаных кабатах, а рядом у стола четверо одетых в черное грустных типов.

Громко и презрительно, как пристало рыцарям, заказали еду и напитки. Либенталь снова решил приуменьшить полученные на дорогу деньги, так что их стол заполнили тарелки с мясом, горшки с кашей, кувшины с вином и бутылки с яблочным напитком.

— У-ах... — простонал спустя некоторое время Придланц. — Ничего жратва. Да и питье подходящее.

— *Jo, jo*, — рыгнул Кун. — Хорошо, *gut. Wia sih's g'hort*.

— Значит, глотнем!

— Ваше здоровье! Наливай, Бартош!

— Ваше здоровье!

— Жаль, — вздохнул Бартош Строчил, — что, наевшись и напившись, не потрахаем. Но завтра, пся крев, будет по-другому. Вот увидите. Когда остановимся в Свиднице. О святой Георгий Чудотворец! Я знаю, есть в Свиднице борделик, девочки там словно твои лани...

— Надеюсь, — отер усы Либенталь, — что сведения эти достаточно современны. А, Строчил? Как давно ты этих ланей знавал? Хорошо б не оказалось, что теперь это ровесницы старухи Боршнитцевой. Такие же гнилушки!

— Преувеличиваете, господа, — проговорил Рейневан. — Кроме того, кажется мне, вы оскорбляете честь женщины.

— А тебя кто-то спрашивает? — крикнул Либенталь. — Чего ты хайло

раскрываешь?

— Тише, милостивые господа, — прошипел Придланц, беспокойно озираясь. — Немного потише. На нас уже посматривать начинают. А в чем дело, Белява?

— Благородная госпожа Боршнитцева вовсе не старуха. Моему отцу столько же лет, а он вовсе не старик.

— Чего-чего? Не понял?

— Шестьдесят лет, — возвысил голос Рейневан, — это не старость. Мой отец...

— Иди ты в жопу со своим отцом! — рывкнул Либенталь. — Чтоб дьявол твоего отца унес! Шестьдесят не старость? Ну и баран! Тот, кому шестая звездочка стукнет, тот головешка, рухлядь и старый пердун! Ясно?! А ты молчи и не возражай. Не то получишь по мордасам!

— Кричите громче, громче, — буркнул Придланц. — Еще не все вас слышали. Вот хотя бы тот грязнуха у двери. Он, пожалуй, не слышал.

— Кроме того, — тихо сказал Рейневан, глядя Либенталю прямо в глаза, — кроме того, мне не нравится, как ваши милости рассуждают о женщинах. Как бесчестно это рассматривают. Кто-нибудь может подумать, что всех женщин вы мерите одной меркой. Что для вас все они одинаковы.

— Чтоб меня удар хватил! — Либенталь саданул кулаком по столу так, что подскочила посуда. — Ради Бога! Я не сдержусь!

— Вы заткнетесь или нет? Черт побери...

— Господин Белява, — перегнулся Строчил через стол. — Что на тебя нашло? Перепили или как? А может, приболели? Сначала отец, теперь какие-то бабы... Что с гобой?

— Я не согласен с тем, что все женщины одинаковы.

— Все одинаковы! — зарычал Либенталь. — Одинаковые, мать и туда, и обратно! И одному и тому же служат!

— Ну нет! — Рейневан вскочил из-за стола, принялся размахивать руками. — Нет, господа! И слушать не хочу! Я едва сдержался, — он пискляво повысил голос, — когда вы Отца Святого оскорбляли, папу Мартина V, с жопой его сравнивая, обзывая старой развалиной и пердуном! Но отказывать в почестях Божьей Матери? Говорить, что ее почитать не следует? Что она такая же, как все женщины, что *cicut ceterae mulieres*^[172] зачала и родила? Нет, этого я спокойно слушать и не подумаю! Я вынужден покинуть ваше общество!

У Либенталья и Придланца отвисли челюсти.

Не успели они отвиснуть окончательно, как четверо грустных из-за стола в углу вскочили. Как по команде вскочили также и кнехты в кожаных

кабатах.

— Именем Святой Инквизиции! Вы арестованы! Либенталь оттолкнул стол, схватился за меч, Строчил пинком перевернул скамью, Придланц и Кун разом сверкнули выхваченными клинками. Но у четверых грустных неожиданно объявились сторонники. На лбу Куна с треском разбился глиняный горшок, брошенный с невероятной точностью и силой одним из обшитых раковинами пилигримов. Баварец ударился спиной о стену, и прежде чем пришел в себя, его уже крепко держали в объятиях два цистерцианца. Третий цистерцианец, высокий, но крепкий и мускулистый, ударил Либенталья плечом, хватил коротким и точным слева, добавил справа. Либенталь ответил, монах увернулся. Немного, но достаточно, чтобы кулак едва лизнул ему тонзуру, сам проделал снизу отличный хук, а потом еще выдал прямой. Прямо в нос. Либенталь залился кровью, скрылся под толпой навалившихся на него кнехтов. Другие уже успели обезоружить Строчила и Придланца.

— Вы арестованы, — повторил один из грустных. Никто из них в драку не ввязался. — Именем Святой Инквизиции — вы арестованы. За богохульство, святотатство и оскорбление чувств.

— Чтоб вас псы вусмерть затрахали! — ревел прижатый к полу Придланц.

— Это будет запротоколировано.

— Сукины дети!

— И ты тоже.

Вероятно, нет нужды добавлять, что Рейневана уже давно не было в комнате. Как только началась суматоха, он сбежал.

Конюшенный мальчишка выполнил просьбу, не расседлал одного из коней. До захода солнца было еще настолько далеко, что ворота не заперли, и настолько близко, чтобы на дороге уже не было ни души, никого, кто мог бы дать указания погоне. А Рейневан не сомневался в том, что погоня не заставит себя ждать, начнется сразу же, как все выяснится. Преследовать его будут, он это знал, не только его недавний эскорт, но и те грустные, в которых он безошибочно распознал людей инквизиции. Необходимо было как можно скорее увеличить дистанцию, удалиться настолько, чтобы надвигающиеся сумерки расстроили планы преследователей. Когда опустится мрак, он должен быть далеко. Любой ценой. Даже если для этого придется загнать коня.

Счастье, казалось, по-прежнему сопровождало его, конь пока что не проявлял в галопе признаков усталости. Начал мылиться и ходить боками

только тогда, когда доскакал до бора. Здесь Рейневан в любом случае должен был сбавить темп. В бору было уже почти совершенно темно.

Фарт кончился, когда стемнело окончательно. Когда он переезжал через мостик над ручьем, стук копыт по бревнам пошел эхом. Приглушая стук других копыт. Черный и невидимый в темноте всадник появился из тьмы как призрак. Прежде чем Рейневан успел прореагировать, его стянули с седла. Он защищался, но у черного всадника была прямо-таки нечеловеческая сила. Он поднял Рейневана и с высоты кинул на каменистый грунт.

Была вспышка, боль, парализующее бессилие. Потом твердая земля как бы расплылась под ним, всосала в пушистую тишь. В бездонную пропасть мягкого небытия...

Он пришел в себя в полулежачем положении. И в путах. Запястья были стянуты у кистей, ноги связаны в щиколотках. За последние десять дней, подумал он, меня все время кто-нибудь хватает, в пятый раз я оказываюсь чьим-то пленником. Похоже, я установил рекорд.

Это была его первая мысль. Предваряющая даже гораздо более осмысленную в его положении: а именно, кто схватил его на сей раз?

Спиной он упирался во что-то, что, вероятнее всего, было стеной, потому что было твердым и испускало запах старой известковой смеси. Остатки стены он тоже увидел сбоку, они заслоняли от ветра горящий костер. Ветер дул сильно, прямо-таки выл порывами. Шумели и поскрипывали пихты. Рейневан не мог отделаться от ощущения, что находится где-то высоко, на вершине горы либо холма.

— Очухался?

Человек-силач, который его поймал и связал, был в черном плаще из грубой шерсти. Были на нем также доспехи и рыцарский пояс. Он ничем не походил ни на Биркарта Грелленорта, ни на одного из его черных всадников. Рейневан отметил это с удивлением даже большим, нежели облегчение, — он считал, что его захватил именно Грелленорт. Тогда зачем схватил и кем был силач в доспехах? Ведь не Рюбецалем же, духом Карконошей?

Рейневан сглотнул. Он не верил в существование Рюбецаля. С другой стороны, за последние два года ему довелось столкнуться и увидеть множество того, во что он не верил.

— Ты Рейнмар из Беявы? Подтверди. Я не хотел бы совершить ошибки.

— Я Рейнмар из Беявы. А кто ты?

— Кто я? — Голос рыцаря в черном плаще немного изменился, к тому же не в лучшую сторону. — Скажем так — последствия.

— Последствия чего?

— Твоих давних поступков. И выступлений.

— Ага. Ангел мести? Посланец судьбы? Неумолимая рука правосудия?

Рейневан сам удивился, как легко у него это получается. Привычка, подумал он. Я просто приобрел опыт.

— Ты требовал подтвердить, что я — это я, — продолжал он беззаботно. — Следовательно, ты меня не знаешь. Я тебя тоже в жизни в глаза не видел. Следовательно, ты действуешь, это очевидно, от чьего-то имени и по чьему-то заданию. Чьему? У кого есть причины рассчитывать со мной за мои давние поступки? Попытаюсь угадать. Я знаю тех, кто на меня покушается.

— Ты страшно много болтаешь.

— Ян фон Биберштайн и инквизиция отпадают. Бергов и лужичане маловероятны. Кто остается? Вроцлавский епископ Конрад? Князь Ян Зембицкий? Буко фон Кроссиг? Может, Адель Стерчева?

Черный рыцарь уселся напротив. Огонь освещал его лицо, отблесками посверкивал на латах.

— Любопытные имена. Интересные личности. Особенно последняя. Адель фон Стерча. Я б тебя удивил, если б действовал именно от ее имени? По ее поручению?

— А это так?

— Попробуй угадать.

Оба молчали. Дул ветер, свистел, то приглушал, то раздувал огонь.

— В Силезии, — заговорил рыцарь — до черта и больше красивых девушек. Нет там недостатка и в родовитых лишенных предрассудков женах, а в последнее время быстро увеличивается количество красивых, охочих и сравнительно мало использованных вдовушек. А что ты, Беява, выбираешь из этого рога изобилия? Самую худшую ведьму, Адель фон Стерча. Что это тебя так к ней приперло? Что ты увидел в ней такого, чего нет у других?

— Ты странно много болтаешь.

— Тебя возбуждает, что она замужем? Что муж далеко, в чужой стороне? Что наверняка не ублажил женушку как следует? Что она истинное блаженство испытывает только с тобой? Это она тебе говорила? Шептала на ушко? Так вы вместе в постели превращали мужа в рогача во время любовных игр? Я думаю...

— Мне неинтересно, — резко прервал Рейневан, — что ты думаешь.

Ты говоришь о вещах, о которых понятия не имеешь, не имел и иметь не будешь. Так что прекрати.

— Ага! Болит болячка, когда ее тронешь, а? Смеяться над рогачом было весело, кончилось веселье, когда сам рогачом стал. Недурно, ох, недурную штучку тебе эта проститутка устроила... Половина Силезии бока надрывала, слушая, как ты приехал на турнир в Зембицы и перед князем Яном признавался в любви к шлюхе. Ох, уела прекрасная Адель твой рыцарский гонор, уела... На осмеяние выставила! Думаю, ты должен ее жутко ненавидеть. Но я тебя утешу... Душу твою порадую...

— Знаешь, — снова прервал Рейневан. — Я нисколько не чувствую себя обиженным. И не называй ее больше в моем присутствии проституткой. Ты чувствуешь себя в безопасности, потому что у меня руки связаны. Так что не волнуйся за мою честь, а лучше побереги свою, это дешевле. А я обойдусь без утешений, А так, из любопытства: чем и как ты намеревался меня утешить?

Черный рыцарь долго молчал, смотрел как-то странно. Наконец заговорил.

— Адель Стерча — мертва.

Опять долго стояла тишина. И снова прервать ее решился рыцарь.

— Князь Ян, хозяин Зембиц, — проговорил он, взвешивая слова, — задумал укрепить союз своего княжества с Клодзком, с господином Путой из Частоловиц. Оба решили, что лучшим для этого способом будет марьяж Яна с Анкой, младшей дочерью господина Путы. Но была проблема, и называлась эта проблема Аделью. Аделью фон Стерча, которая уже хозяйничала в Зембицах как госпожа и княжна. Которая, когда ей донесли о супружеских планах князя Яна, устроила такое пекло, что аж стены тряслись. Стало ясно, что это не очередная обычная метресса, не одна из многих любовниц на стороне, которую можно прогнать, подкупить либо сбавить вассалу. Было ясно, что брошенная Адель наделает много шума и крупно поскандалит. Поэтому господин Пута из Частоловиц крутил носом, скандала не желал, заявлял, что свою Анку никаким неприятностям не подвергнет. Помолвка, клялся он, состоится, клялся он всеми святыми, если жених будет чист как стеклышко, а на Зембицком дворе воцарятся порядок и благолепие. Он отдаст дочь в Зембицы не раньше, чем удостоверится, что ей там не будут угрожать ни сплетни, ни насмешки, ни какие-нибудь другие оскорбления.

Очень уж прытко, не иначе как с подсказки исповедника, Ян Зембицкий нашел способ отделаться от проблемы. Ты удивишься, но частично этим способом был ты, дорогой мой господин. Бургундка,

вспомнил князь, была когда-то в близких отношениях с Рейнмаром из Белявы, пресловутым чародеем. Странное, странное у тебя выражение лица. Я думал, тебя утешит месть, доставит удовольствие то, что частично тебе эта Иезавель обязана падением... Я полагал...

— Ты скверно полагал. Продолжай.

— Как дополнительно заметили, Адель действительно пыталась добавлять князю любчики, хваталась за любовное колдовство. Проблему исследовал величайший в округе специалист по колдовству, Николай Каппитц, аббат монастыря в Каменце. Он нашел Адель виновной, обнаружил в ней и вокруг нее дьявольскую атмосферу и ароматы. Говорят, что обнаружил это за сто венгерских дукатов, полученных от князя. Схватили бабу-травницу, припекли пятки. Она призналась, что Адель покупала у нее не только любовные напитки. Но, опасаясь, что князь Ян ее бросит, она заранее готовила месть. Заказала сатанинский декокт, который должен был вызвать у князя постоянное бессилие мужского члена. Что на всякий случай заказала также дурман. Для Анки из Частоловиц.

Показания травницы предъявили Адели. И предложили договориться. Но бургундка не испугалась. Процесс о колдовстве? Извольте. Будет о чем на процессе показывать, будет что послушать судьям, каноникам и аббатам. Она, Адель, знает много и с удовольствием расскажет. Посмотрим, обрадуется ли князь Ян огласке.

Ян, который уже считал проблему решенной, взбесился. Отдал распоряжения. Прекрасная бургундка неведомо как оказалась в ратушевой темнице... Из пуха и атласа — да на гнилую солому...

— Ее пытали... — Рейневан кашлем облегчил стесненное горло. — Ее пытали, да?

— Чего ради. Как ни говори, благородная. На такое свинство в отношении благородной Ян Зембицкий не решился. Заключением он хотел ее только напугать. Принудить к покладистости, сделать так, чтобы после освобождения она спокойненько и без шума покинула Зембицы. Он не знал...

— Чего... — Рейневан почувствовал, как жар начинает палить ему щеки. — Чего он не знал?

— В ратушеском карцере, — голос рыцаря изменился, а Рейневану показалось, что он слышит тихий скрежет зубов, — действовала, как оказалось, шайка. Смотрители, палаческие прислужники, драбы из городской стражи, несколько мещан, несколько слуг... Короче говоря, они устроили себе в узилище дармовой бордель. Когда сажали женщину, подозреваемую в чародействе, эти мерзавцы приходили ночью... — Он

осекся. — Однажды утром, — продолжил еще больше изменившимся голосом, — один из распутников в спешке забыл в камере поясok от штанов. Утром нашли Адель. Повесившуюся на этом ремешке.

Расследования, конечно, не было. Никого не покарали. Ян Зембицкий боялся огласки. Бургундку, так стали говорить, убил в тюрьме сам дьявол, потому как она предала его, намереваясь покаяться, просила, чтобы ей дали исповедаться. Все это подтвердил и огласил с амвона тот же самый Николай Каппитц, аббат каменицких цистерцианцев. Кстати, снова упомянул о тебе. Предостерегая, до чего доводят контакты с чародеями.

— И никто... — Рейневан проговорил с величайшим трудом. — Никто...

— Никто, — закончил рыцарь. — А кому какое дело? Да к тому времени все уже забыли. Может, кроме господина Путы из Частоловиц. Пута по-прежнему с князем Яном в хороших отношениях и союзе, но женитьба Яна на Анке постоянно откладывается.

— И не случится, — откашлялся Рейневан. — Я убью Яна. Поеду в Зембицы и убью. Хоть в церкви, но убью. Отомщу за Адель.

— Отомстишь?

— Отомщу. Да помогут мне Бог и Святой Крест.

— Не богохульствуй, — сухо и хрипло напомнил рыцарь. — В мести помощи Бога не ищут, и месть, чтобы быть истинной, должна быть жестокой. Тот, кто мстит, должен отринуть Бога. Он проклят. На века.

Молниеносным движением он выхватил мизерикордию, ухватил Рейневана за рубашку около шеи, поднял, удушая, приложил острие к горлу, приблизил лицо к лицу и глаза к глазам.

— Я Гельфрад фон Стерча.

Рейневан зажмурился, вздрогнул, чувствуя, как клинок мизерикордии нажимает ему на кожу на шее, а горячая кровь стекает на рубаху. Но это заняло только мгновение, долю мгновения, потом острие отступило. Он почувствовал, как ослабевают перерезанные путы.

Гельфрад фон Стерча, супруг Адели, выпрямился.

— Я был готов убить тебя, Белява, — хрипло проговорил он. — Узнав в Шклярской Порембе, кто ты, я следил за тобой, выжидая okazji. Знаю, ты не виновен в смерти Никласа. Два года назад ты подарил жизнь Вольфгеру: если б не твое благородство, я потерял бы двух братьев вместо одного. И все же я был готов лишить тебя жизни. Да, да, ты правильно предполагаешь: я хотел убить тебя из-за уязвленной мужской гордыни. Хотел твоей кровью смыть прилипшую к моему гербу грязь порока. Утопить в твоей крови позор жалкого субъекта, самого рогатого рогоносца.

Ну что ж... — закончил он, убирая мизерикордию в ножны. — Много изменилось. О том, что я жив, что нахожусь в Силезии, не знает никто, даже Апечко, ныне старший рода. Не знают даже Вольфганг и Морольд, мои родные братья. А долго я тут не пробуду. Покончу с тем, что надо, и не вернусь уже никогда. Я уже из Лужиц, на службе у Шести Городов... Жениться тоже буду на лужичанке. Вскоре. Уже хожу в женихах... Если б ты ее видел... Глаза голубые и не очень умные, нос картошкой и весь в веснушках, ноги короткие, зад большой. Ничего, то есть ну ничегошеньки от Франции, ничего от Бургундии... Может, у меня что-нибудь в жизни к лучшему изменится. Если хорошо пойдет. То, что ты сказал, — он отвернулся, — я рассматриваю как слово благородного человека. Знай, что я еду в Зембицы. Думаю, догадываешься зачем. Я еду в Зембицы исполнить долг. И исполню его, да поможет мне черт. Но если случайно не сумею... Если мне не повезет... Тогда ловлю тебя на слове, Белява. На *verbum nobile*^[173].

— Клянусь. — Рейневан потер одеревеневшие запястья. — Здесь, перед лицом этих извечных гор, клянусь, что мучители и убийцы Адели не будут спать спокойно и радоваться безнаказанностью. Клянусь, что Ян Зембицкий, прежде чем подохнет, узнает, за что умирает. Я клянусь и сдержу клятву, даже если мне придется продать душу дьяволу.

— Аминь. Прощай, Рейнмар фон Беляу.

— Прощай, Гельфрад фон Стерча.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой Зеленая Дама, не менее загадочная, чем Зеленый Рыцарь из знаменитой легенды, домогается от Рейневана различных услуг — в частности, того, чтобы он доставил ей удовольствие.

Их ждали в Мокшешове, деревне, лежащей в какой-нибудь полумиле за Свободицами, у ведущего в Свидницу тракта. Ждали недолго. Эскортировавшие его до вчерашнего дня рыцари покинули Свободицы ранним утром, когда он увидел их, приближающихся по тракту, в мокшешовской церкви все еще продолжалась воскресная месса, приходской священник, кажется, уже успел солидно напричащать и напричащаться.

Когда они его заметили, то изумились настолько, что тут же остановили лошадей. Дав Рейневану время рассмотреть их. Спровоцированная схватка с инквизицией, хоть наверняка быстро получившая объяснение, оставила следы. Придланцу подбили глаз. У Куна на лбу была повязка. Нос Либенталя, сломанный, был красно-синий и распух так, что слезы сами напрашивались на глаза от жалости к нему.

Именно Либенталь первый отряхнулся от изумления и отреагировал. Точно так, как Рейневан и ожидал: спрыгнул с седла и с ревом накинулся на него.

— Прекрати, Вильрих!

— Прибью мерзавца!

Рейневан лишь заслонялся от ударов кулаком, пятился, прикрывал голову. Даже не пытался отвечать. И все-таки — совершенно случайно — его запястье как-то зацепило вспухший нос рыцаря. Либенталь завыл и упал на колени, прикрывая лицо обеими руками. А к Рейневану подскочили Строчил и Придланц, схватили за плечи. Кун, убежденный, что Рейневан захочет бить стоящего на коленях Либенталя, заслонил его собственным телом.

— Господа, — прохрипел Рейневан, — к чему столько шума?.. Ведь я же вернулся. Я уже не буду пытаться убежать. Позволю, не сопротивляясь, доставить себя в Столец...

Либенталь вскочил, отер слезы с глаз и кровь с усов, выхватил нож.

— Держите его! — зарычал, вернее, загудел он. — Крепче держите

засранца! Я ему уши отрежу! Я поклялся отрезать! И отрежу!

— Прекрати, Вильрих, — повторил Придланц, поглядывая на выходящих из церкви людей. — Не психуй.

— Ты же видишь, — добавил Строчил, — он вернулся. Обещал, что сбегать не будет. Впрочем, для верности свяжем его, как барана.

— Хотя бы одно ухо! — Либенталь вырвался у пытающегося сдержать его Куна. — Хотя б одно! В наказание!

— Нет, его надо довести целым.

— Ну хоть кусочек уха!

— Нет.

— Тогда хоть в морду ему дам!

— Это можно.

— Эй! Милостивые господа! Что вы тут вытворяете?

Женщина, проговорившая эти слова, была высокой, а властная поза делала ее еще выше. На ней была дорожная *houppelande* простого покроя и серая, но сшитая из тонкого высококачественного сукна и украшенная беличьим воротником и так же обшитыми рукавами. Из белок был сшит колпак, надетый на муслиновый *souvref*^[174], прикрывающий волосы, щеки и шею. Из-под колпака поглядывала пара глаз. Глаз голубых и холодных как январское полуденное солнце.

— Кукольный театр господам привиделся? Хотя ещё даже адвент не начался.

Либенталь топнул, зло насупил брови, задрал голову, однако быстро успокоился. На это, в частности, повлиял вид вооруженных людей, появившихся вслед за женщиной из притвора. В частности. Потому что не только.

— Господин Либенталь, не так ли? — Женщина окинула его взглядом. — Прошлым летом я гостила в замке в Жарах, твоя милость был в эскorte, который мне затем выделили. Узнаю тебя, хоть твой нос тогда был несколько иной формы и цвета. А ты меня помнишь? Знаешь, кто я?

Либенталь глубоко поклонился. Придланц, Строчил и Кун последовали его примеру. Рейневан поклонился тоже.

— Я жду ответа. Что тут происходит?

— Этого, высокородная госпожа, — Либенталь указал на Рейневана, — мы должны срочно отвезти в Столец. По приказу его милости Ульрика Биберштайна. Мы должны доставить его в замок...

— Избитого?

— Нам приказано... — Рыцарь закашлялся, покраснел. — Я за это головой отвечаю...

— Твоя голова, — прервала женщина, — будет стоять меньше пучка соломы, если этот юноша доберется до Стольца хотя бы с одной царапиной. Ты знаешь хозяина Стольца, благородного Яна Биберштайна? Ибо я-то его знаю. И предупреждаю: он бывает несдержан.

— Так что мне делать? — задиристо загудел Либенталь. — Если он сопротивляется? Пытается сбежать?

Женщина махнула рукой, пальцы которой были унижены перстнями, общая ценность оправленных золотом камней превышала возможность быстрой их оценки. Приблизились слуги и вооруженные кнехты, за ними стрелки под командой толстого десятника в украшенной латунными шишечками бригантине и с широким кордом на боку.

— Я как раз направляюсь в Столец, — проговорила женщина, адресуясь скорее Рейневану, чем Либенталю. — Мой эскорт гарантирует вам безопасность в пути, — добавила она легко, как бы равнодушно. — И правильное исполнение приказа господина Ульрика. Я же гарантирую награду, солидную награду, которую господин Ян Биберштайн не покупится вам выдать, если я похвалю вас перед ним. Как вы на это, милостивый господин Либенталь?

У Либенталья не было иного выхода, как только снова поклониться.

— О том, чтобы к пленнику, — добавила женщина, продолжая смотреть на Рейневана, — относились хорошо, я позабочусь лично. Ты же, Рейнмар из Белявы, отблаговаришь меня приятной беседой в пути. Жду ответа.

Рейневан выпрямился. И поклонился.

— Я польщен.

— Разумеется, польщен. — Женщина улыбнулась отработанной улыбкой. — Тогда — в путь. Подай мне руку, юноша.

Она протянула руку, этот жест высвободил из-под беличьего манжета рукав облегающего платья, радующего глаз прекрасной, живой, сочной зеленью. Он взял ее руку. Прикосновение заставило его вздрогнуть.

— Ты знаешь меня, госпожа, — проговорил он. — Знаешь, кто я. Следовательно, у тебя значительное преимущество передо мной.

— Ты даже не знаешь, насколько значительное, — хищно улыбнулась она. — Поэтому называй меня...

Она замялась, глянула на рукав платья...

— Называй Зеленой Дамой. Что так глядишь? Считаешь, только вам, странствующим рыцарям, дозволено сохранять инкогнито под романтическими прозвищами? Для тебя я — Зеленая Дама, и точка. Дело даже не в цвете одежды. С тем Зеленым Рыцарем я смело могу

соперничать. Встречались такие, которые по одному моему кивку готовы были положить голову на плаху. Может, сомневаешься?

— Я бы не посмел. Пусть только будет случай, госпожа, и я не поколеблюсь.

— Говоришь, случай? Как знать. Посмотрим. А пока помоги мне забраться в седло.

Они ехали, держа справа синие на фоне туч хребты Судет. Зеленую Даму и Рейневана опережал только дозор: толстый сержант и два стрелка. Вслед за Дамой и Рейневаном двигались остальные: воины, оруженосцы и слуги, ведущие свободных и вьючных коней. Арьергард колонны составляли Либенталь *et consortes*.

Они были не одиноки, на дороге царило довольно оживленное движение. И неудивительно — ведь двигались они по известному и с давних времен используемому торговому пути, связывающему Запад с Востоком. До Згожельца, известная как *via Regia*, королевская дорога, идущая через Франкфурт, Эрфурт, Лейпциг и Дрезден до Вроцлава, в Згожельце разветвлялась в так называемую Подсудетскую дорогу, бегущую вдоль подножия гор через Еленью Гуру, Свидницу, Нису и Рачибуж, чтобы в Кракове снова соединиться с Вроцлавским трактом и идти на восток, к Черному морю. Неудивительно, что по Подсудетской дороге тащились телега за телегой, обоз за обозом. С востока на запад, к немецким странам, традиционно двигались волы, бараны, свиньи, кожи, меха, воск, поташ, мед и сало. В противоположную сторону везли вино. И изделия, изготавливаемые развитой на западе промышленностью, которая на востоке никак не хотела развиваться.

Зеленая Дама натянула поводья стройной белой кобылы, подъехала так близко, что коснулась коленом его колена.

— У тебя на воротнике, — заметила она, — засохшая кровь. Это их работа? Либенталья и компании?

— Нет.

— Короткий ответ, — надула она губы. — Однозначный до боли. А я, подумать только, в глубине души надеялась, что ты разовьешь тему и порадуешь меня приключенческой повестью. Напоминаю, ты должен был меня увеселять. Но коли тебе это не по вкусу, навязываться не стану.

Он не ответил, словно язык проглотил. Какое-то время ехали в тишине. Зеленая Дама, казалось, была полностью поглощена тем, что любовалась открывающимися видами. Рейневан то и дело поглядывал на нее украдкой. Во время одного такого как бы случайного взгляда она поймала его,

схватила глазами как паук муху. Он отвел глаза. Ее взгляд вызывал дрожь.

— Насколько я поняла, — довольно беспечно возобновила она разговор, перебивая повисшую между ними тишину. — Насколько я поняла, ты ухитрился сбежать от стражей. Для того, чтобы на следующий день вернуться. Добровольно. Свободой ты пользовался едва одну ночь. И теперь едешь в замок Столец отдать себя в руки и во власть господина Яна Биберштайна. Чтобы так поступить, у тебя должна быть причина. Была?

Он не ответил, только кивнул головой. Глаза Зеленой Дамы опасно прищурились.

— Серьезная причина?

Он снова хотел кивнуть, но вовремя одумался.

— Серьезная, госпожа. Но я предпочитал бы об этом не говорить. Не обижайтесь. А если обидел, каюсь и прошу прощения.

— Прощаю.

Он снова украдкой взглянул на нее, и снова она поймала его в ловушку своих глаз, выражение которых он не мог разгадать.

— У меня было и до сих пор есть желание поговорить. Вопросами я намеревалась только склонить тебя к большей разговорчивости. Потому что на большинство вопросов я и так знаю ответы.

— Правда?

— Ты отдаешься на милость господина Яна ради демонстрации. Чтобы попытаться убедить его, что у тебя совесть чиста. Я имею в виду — в отношении Катажины, естественно.

— Ты удивляешь меня, госпожа.

— Знаю. Я делаю это специально. Однако вернемся, как часто говорит мой исповедник, к *meritum*^[175]. На господина Яна, можешь мне поверить, твоя демонстрация впечатления не произведет. В замке Столец тебя ожидают, я так думаю, довольно неприятные процедуры. Которые окончатся весьма печально. Надо было убегать, пока возможно.

— Бегство подтвердило бы обоснованность обвинений. Было бы признанием вины.

— Ох. Значит, ты невиновен? Ничего нет на совести?

— Ты наслушалась сплетен обо мне.

— Верно, — согласилась она. — Их кружило множество. О тебе. О твоих делишках. И победах. Хочешь, не хочешь, а слушала.

— Знаешь, госпожа, — откашлялся он, — как оно бывает со слухами. Воробьем вылетит, волком вернется...

— Знаю и то, что нет дыма без огня. Прошу, не цитируй больше поговорок.

— Преступлений, которые мне приписывают, я не совершал. В частности, не нападал и не грабил сборщика податей. И у меня нет награбленных денег. Если тебя это интересует.

— Это — нет.

— Тогда что же?

— Я уже сказала: Катажина Биберштайн. Перед ней ты ни в чем не виновен. Ни один грех не тяготит твою совесть? Или хотя бы грешок?

— Вот как раз на эту тему, — стиснул он зубы, — я предпочитал бы не беседовать.

— Знаю, что предпочитал бы. Свидница перед нами.

В город они въехали через Стжегомские ворота, выехали через Нижние. Во время поездки Рейневан несколько раз вздохнул, узнавая хорошо ему знакомые и ассоциирующиеся с приятным местом — аптеку «Под Зеленым Линдвурмом»^[176], в которой он некогда практиковал, корчму «Под крестоносцем», в которой некогда попивал свидницкое мартовское и испытывал свои шансы у свидничанок, овощные ряды, куда ходил пытаться счастья у приезжающих с товаром селянок. Тоскливо посмотрел в сторону улицы Крашевицкой, где Юстус Шоттель, знакомый Шарлея, печатал игральные карты и свинские картинки.

Хоть он и был поглощен воспоминаниями, то и дело украдкой косился на едущую справа от него Зеленую Даму. И всякий раз, когда поглядывал, столько раз его мучали угрызения совести. Я люблю Николетту, повторял он себе. Люблю Катажину Биберштайн, которая родила мне сына. Я не думаю о других женщинах. Не думаю. Не должен думать. И думал.

Зеленая Дама тоже казалась погруженной в размышления. Она молчала все время. Заговорила только за селом Болесьчин, когда утихли звуки копыт коней кавалькады, проезжающей через мост на Пилаве.

— Через какую-то милю, — сказала она, — будет Фаульбрюк. Потом город Рыхбах. Потом Франкенштайн. А за Франкенштайном — замок Столец.

— Я немного знаю район, — позволил он себе слегка насмешливый тон. — Между Рыхбахом и Франкенштайном еще будут, кажется, Копаница и Козинец. Это имеет какое-то серьезное значение?

— Для меня — никакого, — пожала она плечами. — Однако на твоём месте я уделяла бы трассе больше внимания. Каждая пройденная миля и каждая местность, которую мы проезжаем, приближает тебя к Яну Биберштайну и его праведному гневу. Если б я была тобой, то в каждом из

этих поселков высматривала бы возможности...

— Я уже сказал, что не намерен бежать. Я не преступник. Я не боюсь оказаться перед Биберштайном. И его дочерью.

— Ну, ну, — прошила она его взглядом. — Такой искренний порыв. Что ты хочешь мне доказать, парень? Что невинен как дитя? Что тебя ничто не связывало с Касей Биберштайн? Что, если с тебя даже начнут кожу сдирать и кости ломать, ты не признаешь своим пухленького мальчишечку, который в Стольце цепляется за Касину юбку?

— Я понимаю... — Рейневан почувствовал, что краснеет, и это немного разозлило его. — Я понимаю свою ответственность. Да, именно так: ответственность. Не вину. Однако, как я уже сказал, я предпочел бы об этом не говорить. Можно беседовать о другом. Хотя бы о пейзаже. Эта речка — Пилава, а вон там Совиные Горы.

Она рассмеялась. Он украдкой вздохнул, ожидая другой реакции.

— Я пытаюсь понять мотивы твоего поведения. Я любопытна, такая, понимаешь ли, слабость женской натуры. Люблю знать, связывать причину со следствием, понимать. Мне это доставляет удовольствие, так доставь же мне удовольствие, Рейнмар. Если не из симпатии, то хотя бы из вежливости.

— Госпожа... Очень тебя прошу...

— Только одно, одна проблема, ответ на один вопрос. Не может быть, чтобы ты не боялся подземелий Стольца. Гнева Биберштайна? После того, как изнасиловал его единственную дочку.

— Прости, не понял.

— Опять святое возмущение? Ты взял Катажину Биберштайн силой. Вопреки ее воле. Это известно всем.

— Всем? — Он резко повернулся в седле. — Значит, кому?

— Ты мне скажи.

— Не я начинал. — Он почувствовал, как кровь снова приливает к лицу. — При всем уважении, не я начал этот разговор.

Она долго молчала. Потом неожиданно заговорила.

— Известные факты таковы: два года назад, четырнадцатого сентября, задолго до полудня ты и твои дружки напали в Голеньовских Борах на группу людей, с которой путешествовали благороднорожденные Катажина фон Биберштайн, дочь Яна Биберштайна из Стольца, и Ютта де Апольда, дочь чесника из Шёнау. Погоня, бросившаяся за вами спустя несколько часов, нашла экипаж. От девушек не было и следа.

— Я слушаю.

— Обеих девушек, — Зеленая Дама проницательно глянула на него, —

след пропал, говорю. Ты можешь что-нибудь добавить? Какие-то комментарии.

— Нет. Ничего.

— Преследователи кинулись по вашим следам, но потеряли их у Нисы, а дело уже было в сумерках. Только тогда решили послать конного в замок Стольц. Сообщение добралось ночью, господин Ян Биберштайн разослал гонцов по своим людям, но не мог ничего предпринять до рассвета. Прежде чем вооруженные собрались, цистерцианцы в Каменце уже звонили на сексту. А когда звонили на нону, в Стольц неожиданно явились в сопровождении армянского купца обе девушки, Катажина и Ютта. Обе целые, здоровые и на первый взгляд нетронутые. Это было, — продолжила она, видя, что Рейневан молчит, — одно из самых недолгих похищений в истории Силезии. Банальная афера быстро надоела всем, и о ней забыли. Забыли примерно до Громницкой Божьей Матери. То есть до того момента, когда благословенного состояния Катажины Биберштайн уже невозможно было скрывать.

У Рейневана на лице не дрогнул ни один мускул. Зеленая Дама рассматривала его сквозь полуприкрытые ресницы.

— Только тогда, — продолжила она, — Ян фон Биберштайн разъярился не на шутку. Назначил награду. Сто гривен серебра тому, кто укажет и выдаст похитителей, а если кто-то и сам окажется замешанным в аферу, дополнительно получит гарантию избежать наказания. Кроме того, господин Ян взял в оборот доченьку, но Кася уперлась: она ничего не знает, ничего не помнит, была без сознания и в обмороке. Ла-ла-ла... Уперлась также Ютта де Апольда, в отношении которой были серьезные подозрения, что и она тоже не соблюла веночка в целостности и сохранности.

Время шло, живот Катажины быстро и роскошно увеличивался, а непосредственный творец этого чуда природы по-прежнему оставался неизвестным. Ян Биберштайн бесился, вся Силезия занималась сплетнями. Но сто гривен — сумма немалая. Нашелся кто-то, кто пролил на проблему свет. Участник нападения и похищения, некий Ноткер Вейрах. Он был не настолько глуп, чтобы поверить в сказочку об иммунитете, дело предпочитал уладить на расстоянии. Через своих родственников, Больцев из Зайскенберга, перед которыми в присутствии священника дал показания и крестом поклялся. И вылезло шило из мешка. То есть вылез ты, дорогой мой эфеб.

К уважаемой дочери уважаемого господина Яна, поклялся Вейрах, похитители отнеслись с уважением, никто ее ни пальцем не тронул, ни даже не оскорбил ее чести более смелым взглядом. К сожалению, в

почтенной раубриттерской компании совершенно случайно оказался некий решительный мерзавец, сукин сын, извращенец и вдобавок чародей. Будучи за что-то страшно зол на господина Яна, он магическим образом похитил его дочь у похитителей. И несомненно, изнасиловал беднягу. Конечно, воспользовавшись черной магией, в результате чего бедняжка совершенно не осознавала того, что происходит. Этот паршивец скрывался под именем Рейнмара фон Хагенау, но слухи распространяются быстро, дважды два — четыре, масло всегда всплывает наверх. Это не кто иной, как Рейнмар де Беляу по прозвищу Рейневан.

— И в этом он поклялся на кресте? Воистину терпение небес беспредельно.

— И без креста, — фыркнула она, — в сообщение Вейраха поверили бы. Ведь репутация Рейнмара де Беляу была в Силезии известна. Ему случалось пользоваться чарами для того, чтобы принуждать женщин. Достаточно вспомнить аферу с Аделью фон Стерча... Я вижу, ты слегка побледнел. От страха?

— Нет. Не от страха.

— Так я и думала. Возвращаясь к теме: показания раубриттера никто не подвергал сомнению, в них никто не усомнился. Никого ничто не заставило задуматься. Кроме меня.

— Ага?

— Вейрах поклялся, что похитили только одну девушку: а именно Биберштайновну. Только ее. Вторая девушка осталась около сундука, ей приказали передать требование выкупа. Ты можешь что-нибудь добавить?

— Нет.

— И ничто тебя в этой истории не удивляет?

— Ничто.

— Даже то, что погоня не нашла второй девушки, Ютты де Апольда? Что наутро обе девушки вернулись в Столец? Обе вместе, хотя, если верить Вейраxu, одну на протяжении суток похищали дважды, а вторую — ни разу? Даже это тебя не удивляет?

— Даже это.

— Такой сопротивляемостью ты обладать не можешь. — Она неожиданно скривила губы, в голубых глазах засветилась злость. — А значит, ты издеваешься надо мной.

— Ты обижаешь меня, госпожа. Или, что гораздо вероятнее, играешь со мной.

— Как было дело с девушками, ты сам знаешь лучше, из первых рук. Ты был там, не отрицай, принимал участие в нападении. Показания

Вейраха делают из тебя отца ребенка Катажины Биберштайн, да ты и сам этого не отрицаешь, только пытаешься утверждать, будто сошлись вы по обоюдному согласию. Что кажется странным, прямо-таки невероятным. Однако исключить это нельзя... Ты, парень, бледнеешь и краснеешь попеременно. Это заставляет задуматься.

— Конечно, — взорвался он. — Должно заставлять. Я с ходу был признан виновным. Я — насильник, что доказывает свидетельство столь достойного доверия человека, как Ноткер Вейрах, разбойник и бандит. И меня, человека изнасиловавшего его дочь, Биберштайн прикажет казнить. Не дав мне, конечно, возможности защититься. И кому какое дело до того, что, когда меня потащат на казнь, я буду бледнеть и краснеть попеременно? Орать, что я невиновен? Так ведь каждый насильник орет. Только кто поверит?

— Ты так искренне возмущаешься, что я почти верю.

— Почти?

— Почти.

Она подогнала кобылу, проехала вперед. Подождала его. Посматривая с улыбкой, разгадать которую он не мог.

— Перед нами Фаульбрюк, — указала она на торчащую над лесом звонницу церкви. — Здесь остановимся. Я хочу есть. И пить. Тебе, Рейнмар, тоже выпивкой брезговать не следует, *carpe diem*^[177], парень, *carpe diem*: кто знает, что принесет день завтрашний. А посему... Поедем на опс^[178], как говаривал, пока был жив, мой родственник, краковский епископ Завиша из Курозвенк. Удивляешься? Я, надобно тебе знать, из великопольских Топоричей, Топоричи были родственниками Ружичей. Дай шпоры коню, рыцарек. Едем на опс!

В решительных движениях Зеленой Дамы, в том, как она держала голову, гордо и одновременно естественно, а особенно в том, как пила, изящно и свободно опустошая кубок за кубком, во всем этом действительно было что-то, заставлявшее вспоминать о Завише из Курозвенк. Касательно родственных связей Зеленая Дама могла, у Рейневана возникли некоторые сомнения, обычнейшим образом фантазировать. Топор в гербе можно было увидеть по меньшей мере у пятисот польских семейств, и все, они, как обычно в Польше, ухитрялись доказывать самые различные родственные отношения. Родство с краковским епископом было ничто по сравнению с утверждениями некоторых родов о кровных связях с королем Артуром, царем Соломоном и царем Приамом. Однако, глядя на Зеленую Даму,

Рейневан не мог отделаться от ассоциаций с личностью Завиши, легендарного епископа-гуляки. Вслед за этой шли другие ассоциации. Ведь епископ скончался вследствие греховных страстей — его избил отец, дочь которого тот пытался изнасиловать. А душу развратника черти отнесли напрямик в пекло, крича, как слышали многие, дикими голосами: «Едем на опс!»

— Твое здоровье, Рейнмар.

— Твое здоровье, госпожа.

Она переделалась к ужину. Беличий колпак заменила круглым рондельком с каймой и муслиновой *liripip*'ой. Открытые теперь темно-русые волосы на затылке охватывала золотая сеточка. На довольно смело оголенной шее поблескивала скромная ниточка жемчужин. У накинутаго на зеленое платье белой *cotehardie* по бокам были большие вырезы, позволяющие любоваться талией и ласкающей глаз округлостью бедер. Такие вырезы, невероятно модные, люди, недоброжелательно относящиеся к моде, называли *les fenetres d'enfer*, дорогой в ад, поскольку утверждалось, что они чертовски искусительны. Ну что ж, что-то в этом было.

Либенталь и компания заняли лавку в углу за камином и упивались там в угрюмом молчании.

Корчмарь метался как угорелый, девушки бегали с тарелками словно сумасшедшие, помогали также слуги Зеленой Дамы, в результате никому не приходилось дожидаться еды и напитков. Еда была простая, но вкусная, вино сносное, а для корчмы такого класса даже удивительно хорошее.

Какое-то время молчали, ограничиваясь достаточно напряженным вниманием и взглядами, всю же активность посвящая дрожжевой похлебке с желтками, местной форели из Пилавы, кабаньей колбасе, зайцу в сметане и пирогам.

Потом был калач с тмином, кипрская мальвазия, медовый пирог и еще больше мальвазии, огонь в камине потрескивал, слуги перестали мешать. Либенталь и его компания отправились спать в конюшни, сделалось очень тихо и очень тепло, даже жарко, кровь пульсировала в висках, горела на щеках. Пламя пробивалось в огненных взглядах.

— Твое здоровье, эфеб.

— Твое, госпожа.

— Пей. Хочешь что-то сказать?

— Я никогда... Никогда не покорил бы женщину. Ни силой, ни магией. Никогда-приникогда. Поверь мне, госпожа.

— Верю. Хотя дается мне это с трудом... У тебя глаза Тарквиния, прекрасный юноша.

- Нисколько.
- Порой, чтобы покорить, не требуется ни принуждения, ни магии.
- Что ты хочешь этим сказать?
- Я — загадка. Отгадай меня.
- Госпожа...
- Молчи. Пей. *In vino veritas*.

Огонь в камине пригас, покраснел. Зеленая Дама оперлась локтем о стол, а подбородок положила на фаланги пальцев.

— Завтра, — сказала она, а голос у нее возбуждающе дрогнул, — будем в Стольце. Как ни считай и как ни меряй, завтрашний день, ты прекрасно об этом знаешь, будет для тебя... Будет важным днем. Что произойдет, мы не знаем и не предвидим, ибо неисповедимы приговоры. Но... Может быть и так, что сегодняшняя ночь...

— Знаю, — ответил он, когда она заговорила тише, потом встал и глубоко поклонился. — Я отдаю себе отчет, о прекрасная госпожа, в значимости этой ночи. Знаю, что она может быть моей последней. Поэтому хотел бы провести ее... В молитвах.

Она какое-то время молчала, барабанила пальцами по столу. Смотрела ему прямо в глаза. Так долго, что он их опустил.

— В молитвах, — повторила она с улыбкой, и это была улыбка, достойная Лилит. — Да! Вот и способ против грешных мыслей... Что ж, тогда и я буду сегодня ночью молиться. И размышлять. Над бренностью бытия. Над тем, как *transit gloria*^[179].

Она встала, а он опустился на колени. Немедленно. Она коснулась его волос и тут же отдернула руку. Ему казалось, что он слышит вздох. Но это мог быть его собственный.

— Прекрасная дама, — он еще ниже опустил голову. — Зеленая Дама. Твоя gloria не пройдет никогда. Ни твоя gloria, ни твоя красота, не имеющая себе равных. Ах... Если б судьба свела нас при других...

— Ничего не говори, — проворчала она. — Ничего не говори и... иди. Я пойду тоже. Мне надо как можно скорее начать молиться.

Назавтра они доехали до Стольца.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

в которой в замке Столец выходят на явь разные разности. В том числе и тот факт, что во всем виноваты, в порядке очередности, коварство женщин и Вольфрам Панневиц.

Ян фон Биберштайн, хозяин замка Столец, был похож на брата Ульрика как близнец. Было известно, что хозяин Стольца значительно моложе хозяина Фридланда, однако это не бросалось в глаза. Причиной тому была внешность рыцарей истинно гомеровская: рост титанов, выправка героев, плечи достойные Аякса. К тому же, чтобы уж до конца исчерпать гомеровские сравнения, лица и греческие носы обоих господ Биберштайнов сразу же заставляли вспомнить Агамемнона Атридского, владыку Микен. Серьезного, гордого, барского, благородного — но пребывавшего в тот день в не самом лучшем настроении.

Ян фон Биберштайн ожидал их в арсенале, высокосводной, сурово холодной и воняющей железьяками комнате.

Нет, в прекрасном настроении он решительно не был.

— Всем выйти! — приказал он сразу же голосом, от которого задрожали рогатины и глевии на стояках вдоль стен. — Я буду обсуждать личные и семейные проблемы! Всем выйти, сказал я! Тебя, госпожа чесникова, это, само собой, не касается. Твоя особа мила нам, а присутствие желательно.

Зеленая Дама слегка кивнула головой, поправила манжет жестом, свидетельствующим об умеренном интересе. Рейневан не поверил. Она была заинтересована. И даже, пожалуй, очень.

Хозяин Стольца скрестил руки на груди. Возможно, случайно стоял он так, что висящий на стене щит с красным рогом был у него прямо над головой.

— Вероятно, дьявол... — проговорил он, глядя на Рейневана так, как должен был смотреть Полифем на Одиссея со спутниками. — Вероятно, дьявол искусил меня ехать на турнир в Зембицы тогда, в день Рождества Марии. Наверняка черт в этом участвовал, двух мнений быть не может. Если б не адовы силы, не было бы всех этих несчастий. Я никогда б о тебе не слышал. Не знал бы, что ты существуешь. Не вынужден был бы терзаться тем, что ты живешь. Не должен был бы задавать себе столько

труда, чтобы ты наконец существовать перестал.

Он ненадолго замолчал. Рейневан стоял тихо. Даже дышал и то тихо.

— Одни говорят, — продолжил Биберштайн, — что ты причинил зло моей дочери из мести, из ненависти, которую питал ко мне. Вроцлавский епископ, оказавший внимание афере, утверждает, что ты сделал все по гуситским и кацерским наущениям, чтобы опозорить меня как католика. Зембицкий же князь Ян утверждает, якобы ты вырожденец и такова твоя преступническая природа. Говорят также, что ты с дьяволом в сговоре и дьявол подбрасывает тебе жертвы. Мне, откровенно говоря, безразлично, но так, из любопытства, в чем все-таки дело? Отвечай, когда тебя спрашивают!

Рейневан неожиданно сообразил, что полностью и совершенно забыл текст защитительной речи, составленной на этот случай заблаговременно и в принципе долженствовавшей затмить речь сократову. Собразил он это с ощущением близким к изумлению.

— Я не думаю... — В то, чтобы голос вообще как-то прозвучал, он вложил все силы. — Я не собираюсь ни лгать, ни обелять себя. Я несу ответственность за... За то, что произошло. За последствия... Госпожа Катажина и я... Господин Ян, правда, я виноват. Но я не преступник, меня очернили в ваших глазах. В том, что произошло между мной и Катажиной... В этом не было скверных намерений. Клянусь могилой матери, ни злых намерений, ни предумышленности. Все решил случай...

— Случай, — медленно повторил Биберштайн. — Дозволь угадать: идешь это ты без злых намерений, возвращаешься, предположим, из корчмы домой. Ночка темная, хоть глаз коли. Из тьмы совершенно случайно на тебя натывается моя дочь и — бах-трах! — совершенно случайно натывается на куську, которая случайно торчит из ширинки. Так было? Если именно так, то в моих глазах ты не грешен.

— Я готов, — Рейневан набрал воздуха в легкие, — дать удовлетворение...

— Похвально, что готов. Ибо удовлетворишь. Уже сегодня.

— Я готов взять Катажину в жены.

— Ха! — Биберштайн повернул голову к Зеленой Даме, погруженной, казалось, в рассмотрение собственных ногтей. — Ты слышишь, госпожа чесникова. Он готов дать удовлетворение. А я, так предполагаю, при таком *dictum* должен вознестись от радости? Что у незаконнорожденного будет отец, а у Каськи муж! Или ему никто не объяснил ситуации? Что стоит мне только пальцем шевельнуть, и тут же выстроятся в очередь сорок желающих? Что я, Биберштайн, могу еще привередничать, выбирая мужей

для моей дочери? Послушай, ты, молокосос. Ты не выполняешь условий, требующихся для мужа моей Каськи. Ты — оглашенный. Ты еретик. И словно этого мало, ты совершенный голожопец. Нищий. Да, да. Ян Зембицкий конфисковал у вас, Беляв, все, что вы имели. За предательство и кацерство. А кроме того, — хозяин Стольца повысил голос, — необходим пример. Наглядный. Такой, чтоб о нем говорили в Силезии. Такой, чтобы долго помнили. Когда нет примеров наказания зла, когда преступления остаются безнаказанными, общество деморализуется. Я прав?

Никто не возражал. Ян Биберштайн подошел, заглянул Рейневану в глаза.

— Я долго раздумывал, — сказал он совершенно спокойно, — как с тобой поступлю, когда наконец тебя поймают. Немного подучился. Не принижая давние истории, наиболее поучительной оказалась история новейшая. Так в девятнадцатом году, едва восемь лет назад, чешские владетельные католики прямо-таки чуть ли не состязания устраивали, придумывая, как бы поизощреннее казнить пойманных каликстинцев. Я считаю, что пальма первенства принадлежит пану Яну Швиговскому из Рызмберка. Какому-то пойманному гуситу пан Швиговский приказал натолкать в рот и горло пороха, а затем этот порох поджечь. Очные свидетели утверждают, что при взрыве огонь и дым вырывались у еретика из задницы.

— Когда я об этом услышал, — продолжал Биберштайн, явно наслаждаясь выражением лица Рейневана, — меня осенило. Я уже знал, что прикажу сделать с тобой. Однако я пойду дальше пана Швиговского. Набив тебя порохом сколько влезет, я прикажу затолкать тебе в зад свинцовую пулю и измерю, на какое расстояние она после выстрела улетит. Такой жопный выстрел должен успокоить и мои отцовские чувства, и любопытство исследователя. Как ты думаешь?

— Я должен также не без удовольствия сообщить тебе, — продолжил он, не ожидая ответа, — что я чудовищно жестоко поступлю с тобой и после смерти. Я сам считал это идиотизмом и излишним действием, но мой капеллан уперся. Ты еретик, поэтому я не похороню то, что от тебя осталось, в освященной земле, а прикажу бросить останки где-нибудь в поле, на съедение воронам. Поскольку, если я правильно запомнил: *quibus viventibus non communicavimus mortuis communicare non possumus*.

— Я в ваших руках, господин Биберштайн. — Отчаяние помогло Рейневану собрать остатки отваги. — Отдан на вашу милость и немилость. Вы поступите со мной по своему желанию. Захотите по-палачески, кто ж вас удержит? А может, вы пугаете меня казнью, надеясь, что я начну

вопить, взывая к вашему милосердию? Так вот нет, господин Ян. Я шляхтич. И не унижусь в глазах отца девушки, которую люблю.

— Хорошо сказано, — холодно оценил хозяин Стольца. — Хорошо и смело. Ты опять пробуждаешь во мне любопытство исследователя: на сколько тебе хватит этой смелости? Ха, не будем терять времени, порох и пуля ждут. У тебя есть какое-нибудь последнее желание?

— Я хотел бы увидеть твою дочь.

— Ах! И что еще? Оттрахать ее напоследок?

— И моего сына. Ты не можешь мне этого запретить, господин Ян.

— Могу. И запрещаю.

— Я ее люблю.

— С этим мы сейчас покончим.

— Господин Ян, — проговорила Зеленая Дама, а тембр ее голоса заставлял вспомнить о многом, в том числе о меде. — Прояви великодушие. Прояви рыцарственность, примеров которой достаточно в новейшей истории. Даже чешские католические владетельные паны исполняли, я думаю, последние желания гуситов, прежде чем набивали их порохом. Исполни желание юноши из Беявы, господин Ян. Отсутствие примеров великодушия, замечу, деморализует общество не меньше, чем излишняя снисходительность. Кроме того, за него прошу я.

— И это самое главное, — наклонил голову Биберштайн. — Это перевешивает, госпожа. Быть по сему. Эй! Слуги!

Хозяин Стольца отдал распоряжение, слуги помчались их выполнять. После безжалостно тянущегося ожидания скрипнула дверь. В арсенал вошли две женщины. И один ребенок. Мальчик. Рейневан почувствовал, как его охватывает волна жара, а кровь ударяет в лицо. Он понял также, что невольно раскрывает рот. Тут же стиснул губы, не желая выглядеть одуревшим кретином. Он не был уверен в эффекте. Он не мог не выглядеть остолебеневшим кретином. Потому что таким себя чувствовал.

Одна из женщин была матроной, вторая молодой девушкой, а разница в возрасте и поразительное сходство не оставляли сомнению места — это были мать и дочь. Нетрудно было также установить генеалогию обеих, тем более тому, кто — как Рейневан — когда-то выслушал лекцию о типичных наследственных признаках женщин и девушек из самых знатных силезских родов, лекцию, которую некогда прочла Формоза фон Кроссиг в раубриттерском замке Бодак. И матрона, и девушка были скорее невысокого роста и скорее коренастенькие, широкие в бедрах, как вошедшие давно в род Биберштайнов погожелки, женщины из рода Погожелов. Маленькие, усыпанные веснушками картофелеобразные носы

однозначно говорили о текущей в их жилах погожелской крови.

Матрону Рейневан не знал и никогда не видел. Девушку видел. Когда-то. Один раз. У вцепившегося в ее юбку малыша были светлые глаза, пухлые ручки, вся в золотистых кудряшках голова, и вообще выглядел он как маленький дурашка — иначе говоря, как маленький, прелестный, толстенький и веснушчатый херувимчик. Рейневан понятия не имел, от кого пошла такая красота. И в принципе его это мало интересовало.

На то, чтобы все сказанное увидеть и оценить, Рейневану хватило всего нескольких мгновений и потребовалось несколько фраз. Поскольку, по мнению ученейших астрономов того времени, час — *hora* — делился на *puncta*, *momenta*, *unciae* и *atomī*, то можно считать, что размышление заняли у Рейневана не больше одной унции и тридцати атомов.

Примерно столько же унций и атомов потребовалось на анализ ситуации господину Яну Биберштайну. Лицо у него опасно потемнело, гомеровская бровь грозно нахмурилась, греческий нос насупился, усы зловеще встопорщились. Походило на то, что у ангелочка в дедушках ходит старый злой дьявол. Именно такового в тот момент напоминал хозяин Стольца. Настолько точно, что хоть бери и сразу же малой на церковной фреске.

— Не та девушка, — отметил он факт, а когда отмечал, в горле у него играло как у льва. — Получается, что это вовсе не та девушка. Выходит, кто-то пытается сделать из меня дурака.

— Госпожа жена, — его голос загрохотал в арсенале словно телега, нагруженная пустыми гробами, — изволь забрать дочку в женские комнаты. И обратиться к ее рассудку. Так, как ты сочтешь это должным, причем я, если позволишь, советую использовать розги по голому задку. До результата, то есть до получения нужных сведений. Когда ты уже получишь эти сведения, дорогая госпожа жена, и сможешь поделиться ими со мной, явись пред моими очами. Но до того или в других целях показываться не вздумай.

Матрона немного побледнела, но только сделала легкий книксен, не пискнув ни слова. Рейневан поймал ее взгляд, когда она потянула дочь за белый рукавчик, выглядывающий из-под зеленой котегардии. Нельзя сказать, что это был очень доброжелательный взгляд. Дочка — Катажина фон Биберштайн — взглянула тоже. Сквозь слезы. В ее взгляде был укор. И грусть. О чем она скорбела, за что его упрекала, он мог бы догадаться. Но ему не хотелось. Его это перестало интересовать. Его перестала интересовать особа Катажины фон Биберштайн. Все его мысли были устремлены к другому человеку. О котором, он вдруг понял это, он ничего не знал. Кроме имени, которое уже угадал.

Когда женщины вышли вместе с мальчиком, Ян фон Биберштайн выругался. Потом выругался опять.

— *Nec cras, nec heri, nunquam ne credas mulieri*^[180], — проворчал он. — Откуда в вас, женщинах, столько коварства? Госпожа чесникова? А?

— Мы коварны. — Зеленая Дама улыбнулась своей убийственно обворожительной улыбкой демоницы. — Мы любим крутить. Ибо мы — дочери Евы. Как-никак нас создали из кривого ребра.

— Это сказала ты.

— Однако, — Зеленая Дама взглянула на Рейневана из-под ресниц, — вопреки кажущемуся нас не так легко обмануть. Или соблазнить. Со времен райского сада нам случалось, это верно, уступать змеям. Но ужам — никогда.

— И что же это должно значить?

— Я — загадка. Отгадай меня, господин Ян. Просверк в глазу Яна Биберштайна погас так же быстро, как появился.

— Почтенная госпожа чесникова, — он сильнее, чем обычно, подчеркнул титул, — изволит лукавить. А нам тут не до лукавства. Правда, господин из Беявы? А может, я ошибаюсь? Может, тебе весело? Может, тебе кажется, что ты выкрутился? Словно угорь выскользнул из затруднительного положения? До этого еще далеко, ох как далеко. То, что не ты мою Каську обрюхатил, — твое счастье. Но ты напал на нее пограбительски, за одно это стоило бы тебя четвертовать. Либо, поскольку ты кацер, выдать епископу, пусть он тебя во Вроцлаве на костре изжарит... Ты хотела что-то сказать, госпожа? Или мне показалось?

— Тебе показалось.

Скрипнула дверь, в арсенал вошла матрона. Без чепца. Немного зарумянившаяся. С вздымающимся от волнения бюстом.

— О, — обрадовался господин Ян. — Так быстро получилось?

Ее милость Биберштайнова взглянула на мужа со снисходительностью свысока, подошла, что-то долго шептала на ухо. Чем она дольше шептала, тем сильнее разглаживалось и прямо-таки сияло лицо Яна.

— Ха! — выкрикнул он наконец, засияв до предела. — Юный Вольфрам Панневиц! Ха, черт меня побери! Болтался по Голеньевским Борам, играл в странствующего рыцаря! Наверно, наткнулся на нее, когда она от сундука в лес сбежала... Ха, сто рогатых дьяволов! Я ж помню! А когда потом сюда заезжал, помнишь, жена, как глазами стрелял, краснел и слюни пускал?.. Подарки привозил! Ха! А жениться желания не было. Ну так теперь будет. Потому как это недурная партия, госпожа жена. Совсем недурственная. Сейчас же поеду в Гомоль, к старому господину Панневицу,

поболтаем, два отца, о проказах наших потомков. Поговорим о чести и достоинстве...

Он осекся, взглянул на Зеленую Даму и Рейневана, словно удивившись, что они все еще здесь. Насупился.

— Я должен...

— Ничего ты не должен, — резко прервала Зеленая Дама. — Я все беру в свои руки. Забираю его и тотчас же уезжаю.

— И не заночуешь? До Шёнау немалая дорога...

— Выезжаю немедленно. Прощай, господин Ян.

Зеленая Дама спешила, принуждала свою свиту спешить. Они направились на север, к скалам и взгорьям. Ехали быстро, поглядывая на затянутый впереди туманом массив Слёнзы, а позади — синие Рыхлебы и Есёники. Рейневан ехал в конце кавалькады, не очень зная, куда и зачем. Он еще не остыл.

Однако ехали недолго. Зеленая Дама неожиданно приказала остановиться. Кивком пригласила Рейневана ехать за ней следом.

У подножия взгорья стоял каменный покаянный крест. Обычно такие кресты вызывали у Рейневана ассоциации, побуждали к размышлениям. Сейчас крест ничего не вызывал и ни к чему не побуждал.

— Слезай!

Он послушался. Она встала перед ним, ветер рвал ее плащ, облепляя фигуру.

— Здесь мы расстанемся, — сказала она. — Я еду в Стшеллин, оттуда домой, в Шёнау. Твое общество нежелательно. Понимаешь? Управляйся сам.

Он кивнул головой. Она подошла, вблизи заглянула ему в глаза. На одно лишь мгновение. Потом отвела взгляд.

— Ты соблазнил мою дочь, паршивец, — сказала она тихо. — А я... Я, вместо того, чтобы дать тебе по морде и проявить презрение, вынуждена краснеть. И мысленно быть тебе благодарной за... Знаешь, за что. О, ты тоже краснеешь? Прекрасно. Как-никак какое-то удовлетворение. Слабое, но все же...

Она прикусила губу.

— Я Агнес де Апольда. Супруга чесника Бертольда Апольды. Мать Ютты де Апольда.

— Я догадался.

— Лучше поздно, чем никогда.

— Меня интересует, когда догадалась ты.

— Раньше. Но меньше об этом.

— Тебе благоприятствует удача, — заговорила она. — Ты прямо-таки классический пример избранника судьбы. Но прекрати искушать лихо. Беги. Исчезни из Силезии. Лучше всего навсегда. Здесь ты не в безопасности. Биберштайн не был единственным твоим врагом, их у тебя здесь много. Рано или поздно кто-нибудь из них схватит тебя и прикончит.

— Я должен остаться, — прикусил он губу. — Я не уеду, пока не встречу с...

— С моей дочерью? — Она опасно прищурилась. — Запрещаю. Сожалею, но я не одобряю этой связи. Ты для Ютты неподходящая партия. Ян Зембицкий действительно лишил тебя всего и все отнял, но я не такая расчетливая, как Биберштайн, я согласилась бы на зятя бедного, богатого только сердцем, так пусть же любовь торжествует в шалаше. Но я не позволю дочери связать себя с преследуемым изгнанником. Ты сам, если в тебе есть хоть кроха порядочности, а я знаю, что есть, не допустишь, чтобы твои враги добрались по твоим следам до нее. Не подвергнешь ее опасности и риску. Подтверди.

— Подтверждаю. Но я хотел бы... я желал бы...

— Не желай, — тут же прервала она. — Это бессмысленно. Забудь о ней. И дай ей забыть. Ведь уже два года, парень. Я знаю, тебе будет больно, но я скажу: у времени огромные способности вылечивать. Стрела Амура, бывает, пойдет глубоко. Но и такие раны заживают со временем, если их не беречь. Она забудет. Возможно, уже забыла. Я говорю это не для того, чтобы ранить тебя. Наоборот, чтобы облегчить. Тебя гнетет мысль об ответственности, об обязанности. О долге. У тебя нет никаких долгов, Рейнмар. Ты свободен от обязательств. Возможно, я буду прозаичной до боли, но что здесь поэтизировать? То, что вы переспали друг с другом, — незначительный эпизод.

Он не ответил. Она подошла к нему. Очень близко.

— Встреча с тобой, — шепнула она, осторожно коснувшись его щеки, — встреча с тобой была удовольствием. Я буду ее помнить. Но не хотела бы никогда больше тебя встречать. И видеть. Никогда и нигде. Это ясно? Ответь.

— Ясно.

— На тот случай, если тебе что-нибудь придет в голову, знай: Ютты нет в Шёнау. Она уехала. Расспросы тамошних или окрестных жителей ничего не дадут. Никто не знает, где она сейчас. Понял?

— Понял.

— Значит, прощай.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Рейневан — благодаря некоему анархисту — наконец встречается со своей возлюбленной.

Проходящая мимо корчмарка глянула вопросительно, указав глазами на пустой кубок. Рейневан отрицательно покачал головой. Ему больше пить не хотелось, к тому же пиво было не из лучших. Говоря прямо, оно было скверным. Как и предлагаемая тут еда. Тот факт, что здесь останавливалось много гостей, можно было объяснить только отсутствием конкурентов. Сам Рейневан остановился здесь, в Тепловодах, узнав, что следующий трактир будет лишь в Пшежечине у Вроцлавского тракта. Однако до Пшежечина была миля с гаком, а дело шло к вечеру.

«Мне нужна чья-то помощь», — подумал он.

Около часа он анализировал ситуацию и пытался разработать более или менее приемлемый план действий. Всякий раз приходя к выводу, что без помощи ему не обойтись.

Расставшись с Агнес де Апольда, Зеленой Дамой, и преодолев вызванную ее словами подавленность, он поехал в Подвоевцы. То, что он там застал, удручило его еще больше. Хозяину, которого князь Ян Зембицкий посадил на конфискованные у Петерлина земли, вполне хватило неполных двух лет, чтобы известную и процветающую сукновальню развалить до тла. Никодемус Фербругген, фламандский мастер-красильщик, уехал, оказывается, куда-то в Великопольшу, не в силах перенести издевок. На счетах князя Яна прибывало записей. «Придет время, — скрежетнул зубами Рейневан, — придет время расчетов, милостивый князь. Время отчитываться. И расплачиваться. Однако пока что мне нужна помощь. Без помощи я не сделаю ничего».

В углу, склонившись над кубками, сидели два невзрачных человека. Одеты они были просто и бедно, но слишком чисто для обычных бродяг, на их лицах не было следа, свидетельствующего о постоянном недоедании. У одного были очень кустистые брови, у второго румяная и блестящая физиономия. Оба были в капюшонах. Оба, заметил Рейневан, часто — слишком часто — поглядывали в его сторону.

Мне нужна помощь. К кому обратиться? К канонику Оттону Беессу? Для этого надо ехать во Вроцлав, а это рискованно.

В Бжег, к духовникам? Сомнительно, чтобы они его еще помнили, минуло пять лет с того времени, когда он работал в госпитале. Кроме того, у Биркарта Грелленорта могли и там быть глаза и уши. Так, может, поехать в Свидницу? Юстус Шоттель и Шимон Унгер, знакомые Шарлея из печатни на Крашевской, наверняка помнили его, он четыре дня помогал им при работе над непристойными картинками и гравюрами.

Пожалуй, это самый лучшим план, подумал он. Шарлей и Самсон, которые будут разыскивать его в Силезии — а ведь искать будут несомненно, — наверняка заглянут в печатню. До тех пор я затаюсь и там обдумаю другие планы, в том числе...

В том числе план как скрытно приблизиться к Николетте.

Двое мужчин в углу разговаривали тихо, перегнувшись через стол и соприкоснувшись прикрытыми капюшонами головами. Уже долгое время они ни разу не взглянули в сторону Рейневана. Может, мне показалось, подумал он, может, это уже проявления болезненной подозрительности? Я уже всюду чую и вижу шпионов. Вот хотя бы сейчас — тот высокий тип у стойки, смуглый и темноволосый, похожий на бродячего подмастерье, украдкой посматривает на меня. Кажется мне, что посматривает.

Значит, в Свидницу, решил он, вставая и бросая на стол несколько монет. Из тех, которыми на прощание одарила его Зеленая Дама. В Свидницу, через Рыхбых. На коне, который подарила ему Зеленая Дама.

Выйдя из задымленного помещения, он вдохнул вечерний ноябрьский воздух, в котором уже чувствовалось северное дыхание зимы, предвестник морозов и буранов. Двенадцатое ноября, подумал он, день после святого Мартина. Через три недели начнется рождественский пост. Через следующие четыре — Рождество. Он немного постоял, глядя на небо, окрашенное закатом в пурпурно-огненные полосы.

Отправляюсь чуть свет, решил он, входя в переулок и направляясь к конюшне, в которой держал коня и в которой намеревался переночевать. Если не стану копать, успею в Свидницу до того, как закроют ворота...

Он споткнулся. О тело. На земле, у самого порога хибары, лежал человек. Он узнал его сразу. Это был один из тех, в углу, тот, с кустистыми бровями. Сейчас, когда капюшон и шапка свалились, стала видна тонзура. Он лежал в луже крови. Горло было перерезано от уха до уха.

Болт из арбалета врезался в бревно над головой с такой силой, что с чердака даже посыпалась солома. Рейневан отпрыгнул, сгорбился, второй болт ударил по беленой стене совсем рядом с его лицом, запудрив его известковой пылью.

Он кинулся в паническое бегство; увидев слева черное пространство

переулка, не колеблясь, прыгнул туда. Около уха пропели перья очередного болта.

Он перескочил через какие-то бочки, какую-то кучу навоза, влетел под свод галереи. И тут столкнулся с кем-то. Так крепко, что оба упали.

Тот вскочил первым. Это был второй из тех, что сидели в углу, тот, с блестящим лицом. У него тоже была тонзура. Рейневан схватил толстое полено из кучи у стены, размахнулся для удара.

— Нет! — крикнул человек с тонзурой, упираясь спиной о стену. — Нет! Я не...

Он захрипел, кашлянул кровью. Не упал, а повис. Из-под подбородка у него торчал болт, прибивший его к бревенчатой стене. Рейневан не слышал свиста. Он сжался и помчался в переулок.

— Эй! Стой!

Он остановился так резко, что даже проехал по скользкой траве прямо под копыта коня. Своего собственного коня. Гнедого, полученного от Зеленой Дамы, вожжи которого сейчас держал высокий смуглый тип с внешностью бродячего подмастерья.

— В седло! — скомандовал он хрипло, сунув ему вожжи. — В седло, Рейневан из Белявы. На тракт! И не останавливайся.

— Кто ты?

— Никто. Вперед! Рысью! Что он и сделал.

Далеко он не уехал. Ночь была непроглядно темная и дьявольски холодная. Натолкнувшись у дороги на скирду, Рейневан глубоко забрался в сено. Зубы у него стучали. От холода и от страха.

В Тепловодах кто-то покушался на его жизнь. Пытался убить. Кто? Биберштайн, продумав все глубже?

Разбойники князя Яна, до которого могли дойти вести? Слуги епископа? Инквизиция? Кем были люди с выбритыми тонзурами, которые рассматривали его в заезжем дворе? И почему их убили? Кем был тип с внешностью бродячего подмастерья, который его спас?

Он терялся в догадках. И заснул, полностью растерявшись.

На рассвете Рейневана разбудил холод, а сна окончательно лишил звон колоколов. Совсем близких, как оказалось. Когда, выбравшись из скирды, он осмотрелся, то увидел стены и башни. Картина была знакомая. Проступающий из туманной белизны и мистической ясности утра город был Немча — Рейневан здесь ходил в школу, добывал знания и зарабатывал розги.

Он въехал в город с группой странников. Голодный, он направился было в сторону кухонных ароматов, однако двигавшаяся по улицам толпа поволокла его за собой в сторону рынка. Рынок был забит народом, теснившимся голова к голове.

— Кого-то будут казнить, — убежденно сообщил спрошенный о причинах столпотворения огромный мужик в кожаном фартуке, — наверно, колесовать.

— Или на кол сажать, — облизнула губы толстая женщина в переднике, на вид — деревенская.

— Кажется, будут раздавать подаяния.

— И грехи отпускать, не даром, но вроде бы дешево. Это ж епископовы попы приехали. Из самого Вроцлава!

На возвышающемся над толпой помосте эшафота стояли четыре человека: два монаха в рясах доминиканцев, одетый в черное субъект с внешностью чиновника и грузный солдат в капалине и красно-желтой накидке, наброшенной на латы.

Один из доминиканцев говорил, то и дело преувеличенным жестом вздевая руки. Рейневан наострил уши.

— Нарушает эта мерзкая чешская ересь весь порядок! Скверные и двуличные учения возглашает о таинствах! Порочит супружество. Обращая взгляд к телесным удовольствиям и животной похоти, разрушает узы законов и всякий публичный порядок, с помощью коего обычно сдерживаются преступления. А прежде всего, алкая крови католической, требует каждого, кто с ее ошибками не соглашается, с чудовищной жестокостью убивать и сжигать, одним губы и носы отрезать, другим руки и члены, третьих четвертовать и различными способами мучить. Образы Иисуса Христа, его святой родительницы и других святых уничтожать или отдавать на поругание...

— Когда подаяние давать будете, а? — крикнул кто-то из толпы.

Солдат на эшафоте выпрямился, уперся руками в бока. Лицо у него было злое. Крикуна успокоили.

— Чтобы лучше осветить вам важность проблемы, добрые люди, — говорил тем временем черный чиновник, — чтобы открыть вам глаза на мерзость чешской ереси, здесь будет прочтено письмо, упавшее с неба. Оно упало с неба во Вроцлаве городе, перед самым кафедральным собором, а написано рукою Иисуса Христа, Господа нашего, аминь.

По толпе пробежал шепоток молитвы, люди крестились, толкая локтями соседей. Возникло некоторое замешательство. Рейневан начал выбираться, проталкиваясь сквозь толпу. С него хватило.

На эшафоте второй доминиканец развернул пергамент.

— О вы, грешники и негодники, — прочитал он с воодушевлением. — Близится ваш конец. Я терпелив, но если вы не порвете с чешским еретизмом, если Церковь-мать оскорблять будете, проклянута я вас на веки веков. Ниспошлю на вас град, огонь, молнии, громы и бури, дабы сгнули ваши работы, уничтожу ваши виноградники и отберу у вас овец ваших. Буду карать вас испорченным воздухом, найду на вас великую нужду... Посему указую вам и запрещаю подставлять ухо гусам, ересиархам, кацернахерам и другим сукиным сынам, слугам Сатаны. А кто отступится, тот не увидит жизни вечной, а в доме его родятся дети слепые, глухие...

— Мошенничество! — громким басом выкрикнул кто-то из толпы. — Жульническое поповское вранье! Не верьте этому, братья, добрые люди! Не верьте епископским мошенникам!

Солдат на эшафоте подбежал к краю, выкрикивал приказы, указывая туда, откуда кричали. Толпа заволновалась, когда в нее ворвались алебардники, расталкивая людей древками. Рейневан остановился. Делалось интересно.

— Матерью, — выкрикнул кто-то с совершенно противоположного конца площади голосом, который показался Рейневану знакомым, — Матерью именует себя эта римская церковь! А сама есть змея наихудшая, которая яд отравленный на христианство вылила, когда жестокий крест супротив чехов кровавыми воздвигла руками и продажными устами к крестовому походу против истинных христиан возвала, полной неправости книгой хочет убить в чехах бессмертную истину Божью, которая самого Бога полагает преумножителем и защитником. А кто на правду Божию руку поднимает, тому смерть и муки осуждения!

Чиновник на эшафоте отдал приказы, указал рукой, к кричащему стали сквозь толпу продираться грустные драбы в черных кабатах.

— Рим — продажная девка! — заорал кто-то басом с совершенно нового места. — Папа — антихрист!

— Римская курия, — раздался такой же бас, но совсем с другой стороны, — это шайка разбойников. Это не священники, а грешные мерзавцы.

Звякнула лютня, и хорошо знакомый Рейневану голос запел громко и звучно:

Prawda rzecz Krystowa,
leż — antykrystowa

Prawde popi taja
I ze sie jej lekaja,
lez pospolstwu baja!

Люди начали смеяться, подхватывать припевку. Алебардники и драбы метались во все стороны, ругались, толкали и были древками, прочесывали площадь в поисках крикунов. Впустую.

У Рейневана было больше шансов. Он знал, кого искать.

— Бог в помощь, Тибальд Раабе.

При звуке его слов голиард даже подскочил, ударился спиной о переборку, напугав стоящего за ней коня. Конь хватанул копытом по стене конюшни, захрапел, другие кони подхватили.

— Панич Рейнмар... — Тибальд Раабе перевел дыхание, но был все так же бледен. — Панич Рейнмар! В Силезии? Глазам своим не верю!

— Я его знаю, — сказал спутник голиарда, карлик в капюшоне. — Я его уже видел. Два года назад на Гороховой Горе, на слете по случаю праздника Мабон. Или, как говорите вы, *aequinocetium*^[181]. С красивой девушкой он был. Получается, это свой.

Он откинул капюшон. Рейневан невольно вздохнул.

Яйцеобразную и удлиненную голову существа — в том, что это не человек, сомнений быть не могло, — украшала щетинка рыжеватых волос, жестких, как ежовые колючки. Картину дополнял нос, искривленный, как у папы римского на гуситской листовке, и вылупленные, покрытые красными жилками глаза. И уши. Большие уши. Настолько большие, что слово «колоссальные» само просилось на язык.

Существо захохотало, видимо, радуясь произведенному эффекту.

— Я мамун, — похвалился он. — Не говори, что не слышал.

— Слышал. Только что, на рынке. Значит, правда то, что о вас говорят...

— Что мы можем по собственному желанию направлять звук?

Мамун раскрыл рот, но его басистый голос загремел за спиной Рейневана, который аж подпрыгнул от изумления.

— Конечно, можем. — Мамун радостно усмехнулся, а голос долетел откуда-то сбоку, из-за конюшенных переборок. — У нас это получается очень легко. В давние времена мы таким образом заманивали странников на болота, — продолжало существо, а его голос всякий раз долетал с другого места: из-за стены, из-под кучи соломы, с чердака. — Ради развлечения. Теперь тоже мамим^[182], но реже, приелись нам шуточки,

сколько ж можно, кур его заberi. Но порой искусство бывает полезным...

— Видел и слышал.

— Пойдем выпьем что-нибудь, — предложил Тибальд Раабе.

Рейневан сглотнул, мамун захохотал, натянул на голову облегающий капюшон.

— Не бойся, — улыбнувшись, пояснил голиард. — Это уже испытано. Если кто-то удивляется, мы говорим, что он иностранец. Прибывший издалека.

— Из Жмуди, — Карлик высморкался, вытер нос манжетом — Тибальд даже придумал мне жмудскую кличку. В действительности меня зовут Малевольт, Йон Малевольт. Но при людях называй меня Бразаускасом.

Корчмарь поставил на стол очередной кувшин, в очередной раз с любопытством взглянул на мамуна.

— Как там у вас дела, в вашей Жмуди? — не выдержал он. — Тоже такая дороговизна?

— Еще побольше, — серьезно ответил Йон Малевольт. — За какого-нибудь зачуханного медведя уже требуют пятнадцать грошей. Я б перебрался в ваши края навсегда, но тут немного сильновато разбавляют напитки.

Корчмарь отошел, ничто не говорило о том, что он понял намек. Тибальд Раабе чесал голову. Он внимательно выслушал рассказ Рейневана. Сосредоточенно, ни разу не прервав. Казалось, был погружен в воспоминания.

— Дорогой Рейнмар, — проговорил он наконец, отбросив нервирующую манеру титуловать его паничем. — Если ты ожидаешь от меня совета, то он будет прямо-таки банально простым. Убегай из Силезии. Я предупреждаю: у тебя здесь множество врагов, да ты и сам прекрасно знаешь. Именно из-за них ты здесь, правда? Тогда послушай доброго совета: беги в Чехию. Твои враги слишком могущественны, чтобы ты мог им навредить.

— Серьезно?

— Да, к сожалению. — Голиард быстро взглянул на него, почти пронзил взглядом. — Особенно Ян, князь Зембицкий, это чуточку высокомерно для тебя. Я знаю, он лишил тебя всего, я видел, во что он превратил красивую господину Петра. И достаточно много знаю об обстоятельствах смерти Адели Стерчевой, чтобы понять твои намерения. И советую: забудь о них. Для князя Яна твоя месть — это, прости за

сравнение, все равно как если б собака на солнце лаяла.

— Слишком скоропалительные выводы. — Рейневан опорожнил кубок вина, действительно малость излишне разбавленного. — Слишком опрометчивый, Тибальд. А может, у меня в Силезии другие задачи и дела, другая миссия? Ты хочешь меня отговорить? Ты? После того, что я видел сегодня на немчанском рынке?

Мамун захохотал.

— А здорово это было? — ощерил он кривые зубы. — Они мотались в толпе, как легавые псы, вертелись, как, прости, говно в проруби.

— Такая уж работа. — Тибальд Раабе был более серьезен. — Агитация — вещь важная. А Малевольт, как ты видел, сотрудничает, помогает мне. Поддерживает наше дело. Разделяет убеждения.

— О! — заинтересовался Рейневан. — Ты говоришь об учении Виклефа и Гуса? Ликвидации главенства папства? Коммунии — *sub utraque specie* (под двумя видами) и модификации литургии? Необходимости церковной реформы?

— Нет, — прервал мамун. — Ничего из этого. Я не идиот, а только идиот может верить, что ваша церковь поддается реформированию. Однако я поддерживаю все революционные движения и вспышки. Ибо цель — есть ничто, движение же — все. Необходимо сдвинуть с оснований глыбу мира. Вызвать хаос и замешательство! Анархия — мать порядка, курва ее мать. Да рухнет старый порядок, да сгорит он до основания. А под пеплом останется сияющий бриллиант, заря извечной победы.

— Понимаю.

— Как же. Корчмарь! Вина!

На корчмаря, о диво, кажется, подействовало ехидство Малевольта, потому что он начал подавать им менее разбавленное вино. Последствия не приказали себя долго ждать — поддельвающийся под жмудинца мамун захрапел, опершись о стену. А поскольку и постоянный двор опустел, постольку Рейневан решил, что пора поговорить откровенно.

— Мне необходимо место, в котором я мог бы укрыться, Тибальд. Причем на время скорее долгое, чем короткое. До *Wynachten*^[183]. Возможно, дольше.

Тибальд Раабе вопросительно поднял брови. Рейневан, не дожидаясь более явного поощрения, изложил ему события в Тепловодах. Не упуская деталей.

— У тебя в Силезии многочисленные враги, — подвел не столь уж неожиданный итог голиард. — На твоём месте я б не скрывался, а смотался

отсюда куда глаза глядят. По меньшей мере в Чехию. Ты не думал о такой возможности?

— Я должен... хм-м... остаться. — Рейневан отвел взгляд, не очень зная, сколько он может выдать. Однако Тибальд Раабе был стреляный воробей.

— Понимаю, — многозначительно подмигнул он. — У нас есть приказы, да? Я знал, что Неплах сумеет тебя использовать. Этого я ожидал. Этого же ожидал и Урбан Горн. Горн также догадывается, в чем тут дело.

— А в чем, если можно спросить?

— В Фогельзанге.

— Что такое Фогельзанг?

— Хм... кхм... — Тибальд неожиданно закашлялся, озабоченно почесал нос. — Не знаю, должен ли я тебе это говорить. Ну, коли спрашиваешь, значит, Флютек тебе не сказал. А мне сдается, тебе полезнее и не знать.

— Что такое Фогельзанг?

— В 1423 году, — объяснил Гжегож Гейнче прислушивающемуся к нему Лукашу Божичке, — Ян Жижка приказал создать группы для специальных заданий, которые следовало выслать за пределы Чехии, на территорию врага, куда Жижка уже в то время намеревался перенести борьбу за Чашу. Группам предстояло действовать в глубокой тайне, совершенно независимо от обычных шпионских сетей. Единственной их задачей была подготовка почвы для планируемых нападений на сопредельные страны. Они должны были помогать идущим в рейды таборитам диверсиями, саботажем, актами террора, распространением паники.

Группы были созданы, и их выслали. В Ракусы, в Баварию, в Венгрию, в Лужицу, в Саксонию. И в Силезию, разумеется. Силезская группа получила криптоним...

— Фогельзанг... — шепнул Божичко.

— Фогельзанг, — подтвердил Тибальд Раабе. — Как я сказал, группа получала приказы исключительно от верховного вождя. Контакт поддерживали посредством специальных связных. Случилось, что связной Фогельзанга скончался. Был убит. И тогда связь прервалась. Фогельзанг попросту исчез.

Объяснение напрашивалось само: группа опасалась предательства. Каждый новый связной мог быть подставным провокатором, такие

подозрения подкрепляла волна арестов, коснувшаяся созданных Фогельзангом сетей и подгрупп. Неплах долго размышлял над тем, кого послать. Кому Фогельзанг поверит и доверится.

— И надумал, — кивнул головой Рейневан. — Потому что тем связным был Петерлин. Правда?

— Правда.

— Неплах считает, что этот глубоко законспирированный Фогельзанг приоткроется мне? Только потому, что Петр был моим братом?

— Хоть и минимальный, но такой шанс имеется, — серьезно подтвердил голиард. — А Флютек в отчаянии. Известно, что Прокоп Голый давно планирует рейд в Силезию. Прокоп очень рассчитывает на Фогельзанг, учитывает эту группу в своей стратегии. Он должен знать не...

— Не предал ли Фогельзанг, — докончил в проблеске догадки Рейневан. — Группа могла быть раскрыта, ее члены схвачены и перевербованы. Если пытающийся найти группу связной провалится... То есть если я провалюсь, если меня поймают и казнят, то предательство будет доказано. Я прав?

— Прав. И что ты теперь ответишь на мой совет? Отнесешься к нему серьезно и убежишь отсюда, пока цел?

— Нет.

— Тебя подставляют под удар. А ты позволяешь себя подставить. Как наивный ребенок.

— Важно дело, — проговорил после долгого молчания Рейневан, и голос у него был как у епископа в праздник Тела Господня.

— Что?

— Самое главное — наше дело, — повторил Рейневан, и голос у него был тверд как надгробная плита. — Когда речь заходит о благе дела, единицы в расчет не идут. Если благодаря этому великое дело Чаши может сделать шаг к победе, если это должен быть камень на холм нашего окончательного триумфа... То я готов пожертвовать собой.

— Давно уже, — сказал мамун, оказывается, вовсе не спавший, — давно уже я не слышал ничего столь же глупого.

А мой папочка был фурман,
Что получит, несет к курвам,
Ну и я такой же сам,
Что имею, то им дам!

Жители деревни Мечники угрюмо посматривали на троих покачивающихся в седлах всадников. Тот, который пел, аккомпанируя себе на лютне, носил шапку с рогами, из-под нее выглядывали седые всклокоченные волосы. Один его спутник — симпатичный юноша, второй — несимпатичный карлик в облегающем капюшоне. Карлик, кажется, был самым пьяным из всех троих. Чуть не падал с коня, орал басом, свистел на пальцах, задевал девушек. У мужиков мины были злые, но они не подходили, драку не затевали. У красношапочного висел на поясе корд, и выглядел он серьезно. Несимпатичный карлик похлопывал по висящей на луке седла несимпатичной палке, более толстый конец которого был крепко окован железом и снабжен железным шипом. Мужики не могли знать, что эта палка — прославленный фландрский гёдендаг, оружие, с которым французское рыцарство очень неприятно столкнулось некогда под Куртуа, под Роосебеком, под Касселем и в других боях и стычках. Но им было достаточно одного внешнего вида.

— Не так громко, господа, — цыкнул симпатичный юноша. — Не так громко. Надо помнить о принципах конспирации.

— Срации-конспирации, — прокомментировал нетрезвым басом карлик в капюшоне. — Едем! Ого, Раабе! Где твоя якобы знаменитая корчма? Едем и едем, а в глотках пересохло.

— Еще около стае, — покачнулся в седле седой в красной рогатой шапке. — Еще стае... Или два... В путь! Подгони коня, Рейнмар из Белявы!

— Тибальд... *Nomina sunt odiosa*^[184]... Конспирация...

— А, хрен с ней!

Прачкой мать моя была,
Только не стирала,
Пока высохнет, ждала,
Хватъ! И убегала...

Карлик в капюшоне протяжно рыгнул.

— В путь! — зарычал басом, похлопывая висящий у седла гёдендаг. — В путь, благородные господа! А вы чего вылупились, хамы деревенские?..

Жители селения Граувайде посматривали угрюмо.

Когда настало время, называемое *nox intempesta*^[185], а монастырское село Гдземеж окуталось непроницаемой черной тьмой, к скупому освещенному постоялому двору «Под серебряным колокольчиком» подкрались двое. На обоих были черные, облегающие, но не стесняющие движений кубраки. Головы и лица обоих были прикрыты черными платками.

Они обошли двор, отыскивали на тылах кухонную дверь, через нее беззвучно пробрались внутрь. Скрывшись в темноте под лестницей, прислушивались к неразборчивым голосам, доносившимся, несмотря на поздний час, из гостевой комнаты на втором этаже.

«Они пьяны в дымину», — показал жестами один из одетых в черное другому. «Тем лучше, — ответил второй, тоже пользуясь условной азбукой знаков. — Я слышу только два голоса».

Первый какое-то время прислушивался. «Трубадур и карлик», — просигналил он. «Прекрасно. Упившийся провокатор спит в комнате рядом. За дело!»

Они осторожно поднялись по лестнице. Теперь они хорошо слышали голоса разговаривающих, в основном один голос, не очень четко рассуждающий бас. Из комнатки напротив долетало мерное и громкое похрапывание. В руках одетых в черное появилось оружие. Первый достал рыцарскую мизерикордию. Второй быстрым движением раскрыл наваху, складной нож с узким и острым как бритва лезвием, любимое оружие андалузских цыган.

По данному знаку влетели в комнатку, оба тигриными прыжками скакнули на топчан, прижали и приглушили периной спящего там человека. Оба одновременно погрузили ножи. Оба одновременно поняли, что их обманули.

Но было уже поздно.

Первый, получив по затылку гёдендагом, рухнул как дерево под топором лесоруба. Второго повалил упавший ниоткуда удар точеной ножкой стула. Оба упали, но все еще были в сознании, извивались на полу как черви, скребли доски. До тех пор, пока падающий на них гёдендаг не выбил у них это из голов.

— Смотри, Малевольт, — слышали они, прежде чем погрузились в небытие. — Не убей их.

— Не волнуйся. Ударю еще разок, и фертиг^[186].

У одного из связанных были светлые как солома волосы, такие же

брови и ресницы, такая же щетина на подбородке. У второго, постарше, большая лысина. Ни один не произнес ни слова, не издал ни звука. Оба сидели, связанные, опершись спинами о стену, тупо уставившись перед собой. Лица были мертвые, застывшие, без следов волнения. Они должны были бы быть хоть немного растеряны, удивлены хотя бы тем, что, несмотря на звуки попойки, ни один из их захватчиков не был навеселе. Тем, что голоса долетали с того места, в котором никого не было. Тем, что их ждали, что они попали в тонко обдуманную и расставленную ловушку. Они должны были быть удивлены. Возможно, и были. Но этого не показывали. Только иногда мигание свечей оживляло их мертвые глаза. Но так только казалось.

Рейневан сидел на топчане, смотрел и молчал. Мамун прятался в углу, опершись на гёдендаг. Тибальд Раабе поигрывал навахой, открывая ее и закрывая.

— Я тебя знаю, — первым прервал затянувшееся молчание голиард, указывая ножом на лысеющего. — Тебя зовут Якуб Ольбрам. Ты содержишь у генриковских цистерцианцев мельницу под Лагевниками. Забавно, повсюду тебя считали шпиком, доносящим аббату, или это было прикрытие? О, как вижу, ты не только доносить умеешь. Тайными убийствами тоже не гнушаешься.

Лысеющий тип не прореагировал. Даже не взглянул на говорившего, казалось, вообще не слышал его слов. Тибальд Раабе со щелчком раскрыл наваху и так и оставил ее.

— Тут недалеко в лесу есть озерко, — повернулся он к Рейневану. — Там на дне илу немерено. Никто их никогда не найдет. Свою миссию ты можешь считать несуществующей, — добавил он серьезно. — Ты нашел Фогельзанг. Только это уже не Фогельзанг. Это шайка разбойников, готовых убивать, защищая свою разбойничью добычу. Не понимаешь? Группа была снабжена огромными фондами. Колоссальные деньги на организацию сетей и диверсионных групп, на подготовку специальных операций. Они эти деньги присвоили, растратили. Знают, что их ждет, когда это вылезет наружу, а Флютек их найдет, поэтому они так избегали контакта. Сейчас, впад в панику, они стали опасными. Это они, а никто другой, совершили на тебя покушение в Тепловодах. Поэтому я советую: никакого снисхождения. Камень на шею — и в воду.

На лицах обоих связанных не появилось даже тени эмоций, в мертвых глазах не мелькнул даже след жизни. Рейневан встал, взял из руки голиарда наваху.

— Кто стрелял в меня из арбалета в Тепловодах? Кто убил монахов?

Вы?

Никакой реакции. Рейневан наклонился, перерезал веревки. Сначала у одного, потом у другого. Бросил им нож под ноги.

— Вы свободны, — сказал сухо. — Можете идти.

— Ты совершаешь ошибку, — сказал Тибальд Раабе.

— Очень глупую, — добавил из угла мамун.

— Я, — Рейневан их словно не слышал, — Рейнмар из Беявы. Брат хорошо вам известного Петра из Беявы. Я служу тому же делу, которому служил Петр. Я живу здесь, «Под серебряным колокольчиком». Буду жить здесь всю неделю. Если сюда явится инквизиция или люди епископа, сведения об этом попадут в Чехию. Если в какую-нибудь ночь я погибну от рук тайных убийц, сообщение об этом попадет в Чехию. Прокоп будет знать, что на Фогельзанг рассчитывать нельзя, ибо Фогельзанга уже нет.

— Если же, — заговорил он после паузы, — если все так, как говорит Тибальд, то используйте как следует эти семь дней. До того, как истечет неделя, я не пошлю в Чехию никаких сообщений. Вам должно хватить, за такое время можно уехать далеко. Неплах все равно вас отыщет, раньше или позже, но это уже дело ваше и его. Меня это не интересует. А теперь — убирайтесь отсюда.

Освобожденные смотрели на него, но так, словно глядели на предмет, на вещь, вдобавок совершенно им безразличную. Их глаза были мертвыми и пустыми. Они не произнесли ни слова, не издали ни звука. Просто вышли.

Молчание длилось долго.

— Ты только глянь на него, Раабе, — прервал тишину Йон Малевольт. — Пожертвовал собой ради дела. Интересно... а ведь вовсе не похож на идиота. Как же, однако, обманчива бывает внешность.

— Когда у гуситов будет собственный папа, — добавил Тибальд Раабе, — он должен будет объявить тебя святым, Рейнмар. Если он этого не сделает, то окажется неблагодарным кутасом.

Рейневан прожил «Под серебряным колокольчиком» неделю, днем сидел с арбалетом на коленях, ночью дремал с ножом под подушкой. Он был один — Тибальд Раабе и мамун Малевольт уехали и скрывались. Они говорили: слишком велик риск. Если что-нибудь случится, лучше быть подальше. Однако ничего не случилось. Никто не явился, чтобы Рейневана арестовать или убить. Шансы стать мучеником уменьшались со дня на день.

Двадцатого ноября появился Тибальд Раабе. С сообщениями и

слухами. Якуб Ольбрам из-под Лагевников исчез. Как в воду канул. Он, несомненно, прекрасно использовал предоставленную ему Рейневаном неделю промедления. За семь дней, заметил голиард, можно добраться до Любека, а оттуда кораблем хоть на край света. Короче говоря: Фогельзанга нет, о Фогельзанге можно забыть, на Фогельзанге можно проставить крест. И надо об этом донести Прокопу. Незамедлительно. Ждать больше нечего.

— Однако, для полной уверенности еще подождем, — попросил Рейневан. — Еще неделю. А лучше — полторы...

Однако Рейневан и сам уже потерял надежду до такой степени, что перестал просиживать «Под колокольчиком» и убивать скуку чтением «Horologium sapientiae»^[187] Генриха Сусо, оставленный в трактире каким-то бакалавром, который не мог заплатить за харч и вино. Рейневан седлал коня и уезжал. Довольно часто посматривал в сторону Бжега. В сторону села Шёнау, владения чесника Бертольда Апольды. Зеленая Дама утверждала, что Николетты в Шёнау нет, но, может, следовало бы проверить самому?

Тибальд, который все чаще заглядывал в Гдземез, довольно быстро его понял и расшифровал. Он не удовольствовался отговорками и увертками, принудил Рейневана признаться. Выслушав, помрачнел. Такие штуки, заметил, плохо кончаются.

— Ты легко выпутался из аферы с одной девкой, чудом выскользнул из лап Биберштайна и уже лезешь в новую петлю. Это может тебе дорого стоить, панич. Чесник Апольда не даст плюнуть себе в кашу, а епископ и Грелленорт тоже умеют сложить два и два и уже могут поджидать тебя в Шёнау. Может караулить Ян Зембицкий. Потому что о тебе уже много говорят в Силезии.

— Много? Это о чем же?

— Ходят слухи, — начал рассказывать голиард, — и не исключено, что кто-то распространяет их нарочно. В Зембицах князь Ян удвоил стражу, кажется, придворный астролог предупредил его о возможном покушении. В городе без обиняков говорят о каком-то мстителе, о возмездии за Адель. Широко комментируются коварные убийства, совершенные в Тепловодах. Эхом возвращается проблема нападения на сборщика податей. Разные странные люди появляются и задают разные странные вопросы. Словом, — подытожил Тибальд Раабе, — разумнее отказаться от эскапад по Силезии. А уж особенно в сторону Шёнау. Фогельзанга нет, но у тебя, Рейнмар, по-прежнему есть в Силезии миссия, которую ты должен исполнить. Перед Рождеством ты можешь ожидать посланца от Флютека. Появятся дела,

которые надо будет совершить, важные дела. Хорошо, если б ты их не провалил. А если провалишь и выяснится, что это случилось из-за ухаживаний и заигрываний, ты ответишь головой. А головы-то жалко.

Тибальд уехал. А Рейневан, не решившийся до конца к тому времени, теперь начал беспрерывно думать о Николетте.

Двадцать восьмого ноября в Гдземеж явился Йон Малевольт, мамун-анархист. С весьма неожиданным предложением: в окружающих лесах, сообщил он, многозначительно подмигивая и облизываясь, обосновались две лесные ведьмы — молодые, глупенькие и симпатичные, шибко жаждущие, но не склонные к моногамии. К тому же готов роскошный бигос. Он, Малевольт, как раз собирается к ведьмам с дружеским визитом, а вдвоем, как говорится, всегда приятней. Видя, что Рейневан вздыхает, колеблется и вообще виляет, мамун заказал бутылъ тройняка^[188] и принялся его выпытывать.

— Итак, ты любишь, — суммировал он то, что услышал, ковыряя ногтем в зубах. — Обожаешь, тоскуешь, стонешь и сохнешь, а вдобавок ко всему — совершенно непродуктивно. Дело вроде бы не новое, особенно у вас, людей, вам, похоже, даже нравится это, а ваши поэты, я знаю, двух строчек без чего-то такого слепить не в состоянии. Но ты-то ведь Толедо, брат. Для чего, спрашиваю я тебя, существует любовная магия? Для чего существует *philia*?

— И ее, и меня оскорбило бы, если б я попытался склонить ее к себе филией.

— Главное — результат, юноша, результат! В конечном итоге это вопрос полового влечения, которое обычно удовлетворяют, прости за прямоту, введением того, чего надо, туда, куда надо. Не гримасничай! Другого способа нет. Природа не предвидела. Но если уж ты такой правильный, такой *preux chevalier*^[189], то не настаиваю. Тогда завоюй ее классически. Наколдуй зимой цветы, дюжину роз, достань в городке двадцать пряников с глазурью и — айда свататься.

— Секрет в том, что... Что я как следует не знаю, где ее искать.

— Ха! — Мамун ударил себя по колену. — Эту проблему мы разрешим моргнуть не успеешь! Отыскать любимую особу? Пустяк. Нужно лишь малость магии. Вставай, едем.

— Я к ведьмам не поеду.

— Как хочешь, пропади ты пропадом. А я поеду, поем бигоса... Хм-м... А главное, привезу компоненты для заклинаний... Когда вернусь,

примемся за работу. Чтобы не терять времени, начерти здесь на полу Шеву.

— То есть четвертую пентаграмму Венеры?

— Вижу, ты в этом разбираешься. Надпись тоже знаешь?

— Элоим и Эль Джебил гебрайским шрифтом, Шии, Эли, Айиб алфавитом малахимов.

— Bravo. Добро, еду. Жди меня... Сегодня у нас какой день?

— Двадцать восьмое ноября. Пятница перед первой неделей адвента.

— Жди меня точно в воскресенье.

Мамун сдержал слово и срок. Тридцатого ноября, в первое воскресенье адвента, он явился, к тому же ранним утром. И сразу взялся за дело. Критическим оком окинул начерченную Рейневаном пентаграмму, проверил надпись, кивком дал знать, что все правильно, поставил и зажег в углах свечи из красного воска, вытряхнул из сумы компоненты, в основном пучки трав. Укрепил на треноге малюсенькую железную тарелочку.

— Я думал, — не выдержал Рейневан, — что ты воспользуешься магией древнего народа. Вашей собственной.

— Воспользуюсь.

— Ведь четвертая пентаграмма Венеры — это канон магии людей.

— А как ты думаешь, откуда люди взяли свои магические каноны? — выпрямился Малевольт. — Изобрели их?

— Однако...

— Однако, — прервал мамун, насыпая на тарелочку соль, травы и порошки, — соединим нужное с нужным. Человеческие секреты я знаю тоже. Изучал.

— Где? Как?

— В Болонье и Павии. А как? Нормально. А ты что думал? Ага, понимаю. Моя внешность. Тебя это удивляет? Ну, так я тебе скажу: для того, кто хочет, ничего трудного нет. Главное, мыслить позитивно.

— Похоже, — вздохнул Рейневан, — мы дождемся и того, что в училища станут принимать девушек.

— Тут ты малость перебрал, — кисло бросил мамун. — Девушек в университетах мы не дождемся, хоть век жди. А жаль, честно говоря. Но довольно, хватит фантазировать попусту, принимаемся за реальные дела... Черт возьми... куда подевался флакончик с кровью... О, есть.

— С кровью? Малевольт?.. Черная магия? Зачем?

— Для защиты. Прежде чем начнем Шеву, надо предохраниться.

— От чего?

— А как ты думаешь? От опасности.

— Какой?

— Входя в астрал и касаясь эфира, — терпеливо, словно ребенку, объяснял мамун, — мы подвергаем себя опасности. Приоткрываемся. Становимся легкой целью для *malocchio*, скверного глаза. Нельзя входить в астрал без предохранения. Я научился этому в Ломбардии, у девушек из Стрегерии. Ну, начинаем, жаль, маловато времени. Повторяй за мной:

На востоке Самаель, Габриель, Вионарай,
На западе Анаель, Бурхат, Сукератос.
С севера Аиель, Аквиель, Масагариель,
С юга Шарсиель, Уриель, Наромиель...

Огоньки свечей пульсировали. Красный воск постреливал.

О том, что скрывают катакомбы под церковью Святого Матфея, не знал никто, даже самые старые и бывалые жители Вроцлава. О том, что находится едва в паре сажен под основанием нефа, не знали даже ежедневно ступающие по нему крестовики с Красной Звездой, которым принадлежала церковь. Чтобы быть точным: из крестовиков секрет знали только двое. Двое из группы семи госпитальеров, служивших Стенолазу и являющихся его информаторами. Эти двое посвященных знали тайник. Знали открывающее его магическое слово. Оба, будучи адептами тайных наук, знали также тайны. Они должны были поддерживать *occultum* в порядке и в качестве аколитов ассистировать Стенолазу во время вивисекций, некромантских опытов и демонических конъюраций.

Сегодня Стенолазу прислуживал только один. Второй болел. Либо симулировал, чтобы не ассистировать.

Крипту заливал трупный свет нескольких свечей и мерцающий inferнальный отсвет горящих на большой треноге углей. Стенолаз, в черной одежде с капюшоном, стоял перед пюпитром, переворачивая страницы «*Necronomicon'a*» Абдула Альхазреда. Рядом лежали другие, менее известные и могучие гримуары: *Ars Notoria*, *Lemegeton*, *Arbatel*, *Picatrix*, а также *Liber Juratus* авторства Гонория Фебского, книга, пользующаяся дурной славой и настолько опасная, что мало кто отваживался воспользоваться содержащимися в ней заклинаниями и формулами.

На занимающем середину помещения гранитном блоке, огромном и плоском, как катафалк, лежал скелет. Собственно, это был не скелет, а

разложенные в соответствующем порядке отдельные кости человеческого скелета: череп, лопатки, ребра, таз, кости рук, лучевые, большие и малые берцовые кости. Скелет был неполный, отсутствовало много мелких костей ступней, пястей и пальцев, несколько шейных и поясничных позвонков, где-то затерялась правая ключица. Все кости были черные, некоторые сильно обугленные. Ассистировавший в качестве аколита госпитальер знал, что останки принадлежали некоему францисканцу, пять лет назад живьем сожженному за еретизм и колдовство. Госпитальер лично выгребал из пепла, собирал, сортировал и складывал кости, собственноручно, чтобы отыскать самые маленькие, просеивал холодные угли через сито.

Стенолаз отошел от пюпитра, остановился над мраморным столом, над разложенным свитком чистого пергамента. Подтянув рукава черной одежды, он поднял руки. В правой держал волшебную палочку, изготовленную из ветви тиса.

— *Veritas lux via*, — начал он спокойно, прямо-таки покорно склонившись над пергаментом, — *et vita omnium creaturarum, vivifica me. Yecologos Matharihon, Secromagnol, Secromehal. Veritas lux via, vivifica me.*

По крипте, можно было поклясться, пролетел вихрь. Огни свечей замигали, пламя на треноге резко вспыхнуло. Тени на стенах и своде обрели фантастические очертания. Стенолаз выпрямился, резким движением раскинул руки.

Conjure et confirmo super vos, Belethol et Corphandonos, et vos Heortahonos et Hacaphagon, in nomine Adonay, Adonay, Adonay, Eie, Eie, Eie, Ya, Ya, qui apparius monte Sinai cum glorificatione regis Adonay, Saday, Zebaoth, Anathay, Ya, Ya, Ya, Marinata, Abim, Jeia per nomen stellae, quae est Mars, et per quae est Saturnus, et per quae est Luciferus et per nomina omnia praedicta, super vos conjuro Rubiphaton, Simulaton, Usor, Dilapidator, Dentor, Divorator, Seductor, Seminador, ut pro me labores!

Огонь полыхал, тени плясали. На девственно чистом пергаменте неожиданно начали появляться иероглифы, символы, сигли и знаки, вначале бледные, но быстро темнеющие.

— *Helos, Resiphaga, Iozihon*, — декламировал Стенолаз, следя движениями палочки за появляющимися фигурами. — *Ythetendyn. Thahonos, Micemya. Nelos, Behebos. Belhores. Et diabolus stet a dextris.*

Госпитальер задрожал, распознав жесты и формулы. Настолько, чтобы иметь возможность угадать, что мэтр Грелленорт насылает на кого-то жутчайшее проклятие, чару, способную на расстоянии поразить выбранную особу слабостью, болезнью, параличом, даже смертью. Однако не было времени ни на страх, ни на анализирование, кого мэтр выбрал себе в

жертву. Стенолаз нетерпеливым жестом протянул руку. Аколит быстро вынул из деревянной клетки и подал ему белую голубку.

Стенолаз мягким прикосновением успокоил трепещущую птицу. И резким движением оторвал у нее голову. Сжимая в кулаке, выжал, словно лимон, прямо на *occultum*, брызгающая кровь выписывала на пергаменте путанные узоры.

— *Alon, Pion, Dhon, Mibizimi! Et diabolus stet a dextris!*

Следующую голубку Стенолаз разорвал, держа за крылья и ножку. Еще трем оторвал головы зубами.

— *Shaddai El Chai! El diabolus stet a dextris!*

Потребуется время, думал аколит, чтобы эти чары дошли туда, куда их посылают. Но когда уже дойдут, человек, который является целью, умрет.

Перья и пух летали по крипте, сгорали в огне, с теплым воздухом плавали под сводом. Стенолаз сплюнул прилепившиеся к измазанным кровью губам перышки, положил палочку на мокрый от крови пергамент:

— *Rtsa-brgyud-blama-gsum-gyaaaal!* — взвыл он. — *Baibkaa-sngags-ting-adsin-rgyaaaai!* Покажи мне его! Найди его! Убей!

На глазах изумленного аколита, который, как ни говори, видывал уже многое, обугленный скелет на катафалке начало вдруг охватывать красноватое свечение. Свечение густело быстро, приобретая форму, становилось все более и более материальным, быстро облекало скелет в светящееся тело. Карминовые жилы и сосуды из огня начали извиваться и спирально оплетать почерневшие кости.

— *N'ghaa, n'n'ghai-ghaaa!* *Ia! Ia!* Найди и убей!

Скелет вздрогнул. Пошевелился. Кости заскребли по граниту катафалка. Клацнул обгоревшими зубами черный череп.

— *Shoggog, phthaghn! Ia! Ia! Y-hah, y-nyah! Y-nyah!*

— *Scheva! Aradia!* — Малевольт сыпанул на угли горсть порошка, судя по запаху — смеси сушеной полыни и сосновых иголок. Во вспыхнувшее пламя влил из флакончика кровь. — *Aradia! Regina della streghe!* Пусть угаснет взгляд того, кто меня подстерегает. Пусть охватит его страх. *Fiat, fiat, fiat*, Эиа! — Мамун вылил на раскаленные угли три капли оливкового масла, щелкнул пальцами. — *Scheva! Eia!*

Соп tre goctiole d'olio,
Тремя каплями масла
Заклинаю тебя, сгинь, сгори,
Пропади могуществом Арадии.
Se la Pellegrina adedorai

Tutto tu otterai!

Огоньки свечей резко взвились кверху.

Свечи погасли моментально, наполняя крипту запахом копоти. Огонь на треножнике скрылся в глубине углей, притаившись там.

Скелет на катафалке с грохотом снова развалился на сотню черных, обугленных костей и косточек.

А покрытый некромантными иероглифами, залитый кровью и облепленный пухом голубок пергамент на пюпитре неожиданно разгорелся живым огнем, свернулся, почернел. И рассыпался.

Сделалось очень холодно. Магия, еще недавно заполняющая крипту теплым клеем, исчезла. Совершенно и бесповоротно.

Стенолаз грязно выругался.

Госпитальер вздохнул. С некоторым облегчением.

Так с магией бывало. Случались дни, когда ничего не получалось. Когда все портилось. Когда не оставалось ничего другого, как только оставить магию в покое.

Перед тем, как произнести нужное любовное заклинание, Малевольт по обычаю древнего народа украсил себя венком из засохших стеблей. Он выглядел в венке так потешно, что Рейневан с трудом сохранил серьезность.

Настоящее любовное заклинание было удивительно простым: мамун ограничился тем, что окропил пентаграмму экстрактом горечавки и, кажется, гелиотропа. Бросил на тлеющие угольки горстку сосновых иголок, насыпал на них щепотку растертых листков черники. Несколько раз щелкнул пальцами, посвистел, и то, и другое также было типичным для Старшей Магии. Однако когда он начал инвокацию^[190], то воспользовался стихом из «Песни Песней».

— *Pone me ut signaculum super cor tuum ut signaculum super brachium tuum quia fortis est ut mors*^[191]. *Ismi! Ismai!* Матерь Солнца, тело которой бело от молока звезд! *Elementorum omnium domino*, владычица Сотворения, Кормилица Мира! *Regina delle streghe!*

Una cosa voglio vedere,
Una cosa di amore
O vento, o acqua, o fiore!
Serpe strisciare, rana cantare
Ti prego di поп mi abbandonare!

— Смотри, — шепнул Малевольт. — Смотри, Рейневан.

В облачке, вознесшемся над пентаграммой, что-то пошевелилось, задрожало, заиграло мозаикой мерцающих пятнышек, Рейневан наклонился, присмотрелся. Какую-то долю мгновения ему казалось, что он видит женщину. Высокую, черноволосую, с глазами как звезды, со знаком полумесяца на лбу, одетую в пестрое платье, переливающееся множеством оттенков то белого, то медного, то пурпурного. Прежде чем он окончательно понял, на кого смотрит, видение исчезло, но присутствие Матери Вселенной все еще чувствовалось. Туман над пентаграммой уплотнился. А потом снова посветлел и он увидел то, что хотел увидеть.

— Николетта!

Казалось, она его услышала. На ней был колпак с меховой оторочкой, вышитый кубрачек, шерстяной шарф на шее. За ее спиной он видел сто белоствольных безлистных берез. А за березами стену. Строение. Замок? Застава? Храм?

Потом все исчезло. Совершенно, целиком и окончательно.

— Я знаю, где это, — сказал мамун, прежде чем Рейневан начал ныть. — Я узнал это место.

— Так говори же!

Мамун сказал. Прежде чем он окончил, Рейневан уже мчался в конюшню седлать коня.

Картина, показанная ему мамуном, не лгала. Он увидел ее на фоне белоствольных берез, еще более белых потому, что они стояли чуть поодаль черных древних дубов. Ее серая кобыла шла медленно, осторожно переставляя ноги в глубоком снегу. Он ударил коня шпорами, подъехал ближе. Кобыла заржала, его гнедой жеребец ответил.

— Николетта.

— Рейнмар.

На ней была мужская одежда: подватованный узорчато-расшитый кубрак с бобровым воротником, перчатки для конной езды, толстые, изготовленные из крашеной шерсти *bracciae*, то есть брюки, высокие

сапоги. Колпачок с меховой каймой был надет на прикрывающую шею и щеки шелковую ткань, шею охватывал шерстяной шарф, заброшенный концом на плечо на манер мужской *liripipe*.

— Ты навел на меня чары, магик, — холодно сказала она. — Я это чувствовала. Приехать сюда меня заставила какая-то сила. Я не могла ей противиться. Признайся, ты чаровал?

— Чаровал, Николетта.

— Меня зовут Ютта. Ютта де Апольда.

Он помнил ее другой. Вроде бы ничто не изменилось, ни лицо, овальное, как у Мадонны кисти Кампено, ни высокий лоб, ни правильные дуги бровей, ни форма губ, ни слегка вздернутый нос, ни выражение лица — обманчиво детское. Изменились глаза. А может, вовсе и не изменились, может, то, что он видел в них сейчас, было там всегда? Скрытое в бирюзово-голубой бездне холодное благоразумие — благоразумие и ожидающая разгадки загадка, ожидающая открытия тайна. Это он уже видел. В почти таких же голубых и таких же холодных глазах ее матери. Зеленой Дамы.

Он подъехал еще ближе. Кони фыркали, пар, вырывающийся из их ноздрей, смешивался.

— Рада видеть тебя здоровым, Рейнмар.

— Рад видеть тебя здоровой... Ютта. Прекрасное имя. Жаль, что ты так долго скрывала его от меня.

— А разве ты, — подняла она брови, — когда-нибудь спрашивал о моем имени?

— А как я мог? Я принимал тебя за другого человека. Ты обманула меня.

— Ты сам себя обманул, — взглянула она ему прямо в глаза. — Тебя обманула мечта. Возможно, в душе ты желал, чтобы я была кем-то другим? Во время похищения ты, ты сам, собственным пальцем показал меня друзьям как Биберштайновну.

— Я хотел... — Он натянул вожжи. — Я должен был защитить вас от...

— Вот именно, — подхватила она. — Так что мне оставалось тогда делать? Возражать? Показать твоим друзьям-разбойникам, кто есть кто в действительности? Ты же видел, Каська от страха чуть не умерла. Я предпочла сама дать себя похитить...

— А меня выставить дураком. На Гороховой Горе у тебя бровь не дрогнула, когда я называл тебя Катажиной. Тебе выгодней было сохранять инкогнито. Ты предпочитала, чтобы я ничего о тебе не знал. Ты ввела в

заблуждение меня, ввела в заблуждение Биберштайна, ввела в заблуждение всех...

— Обманывала, потому что была вынуждена. — Она закусила губу, опустила глаза. — Ты не понимаешь? Когда утром я спустилась с Гороховой Горы в Франкенштайн, то встретила купца, армянина. Он пообещал отвезти меня в Столец. И сразу же за городом, не веря своим глазам, я повстречала тех двух, Касю Биберштайн и Вольфрама Панневица-младшего. Они ничего не должны были говорить, достаточно было на них взглянуть, чтобы понять, что в ту ночь не только я познала... Хм-м... Что не только со мной случилось... Хм-м... любопытное приключение. Каська панически боялась отца, Вольфрам своего — еще больше... А что оставалось делать мне? Рассказать о чарах? О поднебесном полете на шабаш колдунов? Нет, для нас обеих лучше было изображать из себя идиоток и утверждать, что мы сбежали от похитителей. Я рассчитывала на то, что, перепугавшись мести господина Яна, раубриттеры сбегут за седьмую гору и правда никогда не выйдет наружу. Что никто даже не станет доискиваться. Ведь не могла же я знать, что Кася Биберштайн беременна...

— А изнасиловал ее, оказывается, я, — горько закончил он. — Тебя несколько не взволновал тот факт, что для меня это означало смертный приговор. И более тяжелый, чем смерть, позор. Пятно на чести. Ты — истинная Юдифь, Ютта. Помалкивая относительно насилования, ты «сделала» меня как твоя библейская тезка Олоферна. Ты отдала им мою голову.

— Ты не слушал, что я говорила? — Она дернула вожжи. — Очистить от обвинения в совершении насилия значило обвинить в чарах, а ты думаешь, твоей голове это было бы лучше? Впрочем, меня все равно никто и не послушал. Какое значение имеют слова девушки, как известно, неразумной, по сравнению со словом присягнувшего на кресте рыцаря? Меня высмеяли бы, решив, что я страдаю истерикой и бешенством матки. А ты был в безопасности. В Чехии, никто не мог тебя там достать. По крайней мере до тех пор, пока, как я ожидала, Вольфрам Панневиц одолеет свой страх и падет Биберштайну в ноги, прося у него Касиной руки.

— Он до сих пор этого не сделал.

— Потому что дурак. Мир, оказывается, кишмя кишит дурнями. Как с девушкой переспать, так каждый тут как тут. А что потом? Поджать хвост? Ноги в руки и драпануть в чужие края...

— Это ты мне?

— Ишь какой ты шустрый.

— Я писал тебе письма.

— Адресуя их Катажине Биберштайн. Но и она не получила ни одного. Времена не благоприятствуют переписке. Жаль. Я с радостью приняла бы сообщение, что ты жив. Охотно прочитала бы, что ты пишешь... Мой Рейнмар.

— Моя Николе... Ютта... Я люблю тебя, Ютта...

— Я люблю тебя, Рейнмар, — ответила она, отворачиваясь. — Но это ничего не меняет.

— Не меняет?

— Ты приехал в Силезию исключительно ради меня? — Возвысила она голос. — Ты любишь меня до самой смерти, ты жаждешь соединиться со мной до конца жизни? Если я соглашусь, ты бросишь все, и мы убежим вместе куда-нибудь на край света? Сразу, немедленно, так, как стоим? Два года назад, отдавшись тебе, я была готова. Но ты боялся. Теперь наверняка помехой будет важная миссия, которую ты должен исполнить. Признайся! Я права?

— Права, — признался он, неведомо почему краснея. — Это действительно важная миссия, действительно святая обязанность. То, что я делаю, я делаю и для тебя. Для нас. Моя миссия изменит картину мира, поправит этот мир, сделает его лучше и прекраснее. В таком мире, в истинном царстве Божием, когда оно настанет, мы будем жить, ты и я, жить и любить до конца. Я так хочу этого, Ютта. Я мечтаю об этом.

— Мне почти двадцать лет, — сказала она после долгого молчания. — Моей сестре пятнадцать, на Трех Царей она выходит замуж. Она смотрит на меня свысока и сочла бы сумасшедшей, если б узнала, что я совершенно не завидую ее приближающемуся замужеству, а тем более жениху, который в три раза старше ее, к тому же пьянь и неуч. А может, я действительно ненормальная? Может, отец был прав, отнимая у меня и сжигая книги Хильдегарды из Бингена и Кристины де Писан? Что ж, любимый мой Рейнмар, исполняй свою миссию, бейся за идеалы, ищи Грааль, изменяй и исправляй мир. Ты — мужчина, и мужское дело — драться за мечту, искать Грааль и исправлять мир. А я возвращаюсь в монастырь.

— Ютта!

— Не делай такой изумленной мины. Да, сейчас я нахожусь в монастыре кларисок в Белой Церкви. По собственной воле. Когда надо будет решать, что делать дальше, я приму решение тоже по собственной воле. Я ведь не только *conversa*^[192]... К тому же не полностью. Я подумываю. Над будущим...

— Ютта...

— Я еще не кончила. Я призналась тебе в любви, Рейнмар, потому что люблю тебя, люблю по-настоящему. Так что ты изменяй мир, а я буду ждать. Без всякой, откровенно говоря, альтернативы...

Он прервал ее, наклонился в седле и схватил за талию. Подняв на руках, стянул с седла, вырвал ноги из стремян, оба они опустились в глубокий сугроб. Заморгали, стряхивая сухой снег с век и ресниц, глядели друг другу в глаза. В потерянный и обретенный рай.

Трясущимися руками он ласкал ее кубрак, гладил нежный мех, упивался вызывающе резкой шероховатостью вышивки, дрожащими пальцами прослеживал несущие в себе тайну плисы и утолщения швов, касался подушечками, тискал и ласкал возбуждающе твердые бугорки и пуговички и чудесно таинственные застежки, вышивки, феретки и букли. Вдыхая, ласкал приятно раздражающую пальцы толстую вязку шерстяного шарфа, нежно гладил божественную мягкость дорогого турецкого шелка. Погружал лицо в мех воротника, напоенного роскошными ароматами всей счастливой Аравии. Ютта часто дышала и чуть постанывала, напряглась в его объятиях, вонзила ногти в рукава его куртки, прижалась щекой к стеганому сукну.

Резким движением он сбросил ее колпак, дрожащими пальцами раскутал шею, распутав шарф, обвивавший ее как змей Ермунганд^[193] — неторопливо отодвинул край шелковой подвйки, добрался, словно Марко Поло до Китая, до ее нагости, до голой кожи щеки. И до изумительно разнузданной нагости уха, выглядывающего из-под ткани. Коснулся уха нетерпеливыми губами. Николетта застонала, напряглась, вцепилась в его воротник, хищной рукой стискивая и лаская скользкую, латунно-твердую застежку его пояса.

Крепко обнявшись, они не разнимали губ в поцелуе долгом и страстном. Очень долгом и очень страстном. Ютта застонала.

— Мне холодно сзади, — жаркодохнула она ему прямо в ухо. — Я промокаю от снега.

Они встали, оба дрожа. От холода и возбуждения.

— Солнце заходит.

— Заходит.

— Я должна возвращаться.

— Николетта... А нельзя ли...

— Нет, нельзя, — прошептала она. — Я живу в монастыре, я же говорила. И начался адвент. В адвент нельзя...

— Но... Но я... Ютта...

— Поезжай, Рейнмар.

Когда он оглянулся в последний раз, она стояла на опушке леса, озаренная светом клонящегося к закату солнца. В этом блеске и зимней позвте, он отметил это с изумительной уверенностью, она уже не была Юттой де Апольда, чесноковной из Шёнау... обитающей у кларисок. На опушке леса, верхом на своей серой кобыле, стояла богиня, светозарная фигура дивной красоты, неземное явление, *divina facies*, *Miranda species*^[194].

Небесная Венера, владычица стихий. *Elementarum omnium domina*^[195].
Он любил ее и преклонялся перед ней.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой происходит множество встреч, разделенные друзья вновь
сходятся, и наступает тысяча четыреста двадцать восьмой
Господень год, изобилующий событиями.*

Возвращался он медленно, задумавшись, вперив глаза в гриву, позволяя коню сонно шлепать по мокрому снегу и чуть ли не самому выбирать дорогу. Пересек Вроцлавский тракт и поехал напрямую, той же дорогой, по которой приехал. Он не спешил, хотя уже смеркалось, а красный шар солнца заходил за верхушки деревьев.

Конь фыркнул, копыта загудели по бревнам и доскам, Рейневан поднял голову, натянул вожжи. Он раньше, чем ожидал, добрался до мостика, стягивающего края лесного яра, по дну которого, гудя и бурля, бежал юркий ручей. Мостик был не очень широк, хлипкий и довольно потрепан. Торопясь к Ютте, он проехал по нему верхом. Сейчас предпочел слезть и тянуть похрапывающего коня за трензель.

Он был на половине пути, когда заметил, как из-за буков за мостиком появляется всадник в черном плаще.

Рейневан испугался. Инстинктивно оглянулся, хотя о том, чтобы развернуть коня на мостике, и думать было нечего. Инстинкт его не подвел. За спиной тоже был всадник. Он скрежетнул зубами, проклиная в душе собственную беспечность и расхлябанность.

К стоящему на конце мостика коннику присоединился еще один.

Рейневан крепче ухватил вожжи и мундштук храпящего коня. Нащупал рукоять стилета. И ждал развития событий.

Блокирующие его люди явно тоже ожидали такого развития событий, потому что ни один не заговорил и не сделал никакого жеста. Рейневан глянул вниз, под мостик. То, что он увидел, ему не понравилось. Яр был глубокий, а у камней, вокруг которых пенилась вода, были отвратительно острые края и грани.

— Кто вы? — спросил он, хотя знал кто. — Чего вам от меня надо?

— Это тебе, — сказал тот задний, откидывая капюшон, — чего-то надо от нас. Пора уточнить чего? И по чьему приказу.

Рейневан узнал его сразу. Это был тот высокий и смуглый с ничего не выражающим лицом и внешностью странствующего подмастерья. Тот,

который вначале наблюдал за ним в корчме в Тепलोводах, а потом спас, подав коня.

Остальные тоже открыли лица. Одного из них он тоже знал. Это был белобрысый блондин с выдающимся подбородком, тот самый, который две недели назад ворвался в его стойло в конюшне с андалузской навахой в руке. Третьего, тощее и костлявое лицо которого напоминало череп мертвеца, он не знал и никогда не видел. Но догадывался, кто он такой.

— А где же четвертый? — смело спросил он. — Господин Ольбрам или как там его? Тот, которому «Под колокольчиком» не удалось заколоть меня во время сна?

Черепоглавый откинул свисающий набок коня плащ, приоткрыл заряженный арбалет. Небольшие размеры и эстетика изготовления выдавали охотничье, а не боевое оружие. Такие арбалеты уступали боевым в дальности и силе удара, но решительно превышали прицельностью. Умелый стрелок не промахивался из такого оружия, а с двадцати шагов попадал в яблоко так же уверенно, как Вильгельм Телль из кантона Ури.

— Я царапну твоего коня. — Черепоглавый словно читал в мыслях Рейневана. — Только царапну болтом. Конь дернется и свалит тебя с мостика. Найдя твой труп с переломанными костями на дне яра, твои хозяева из инквизиции решат, что это несчастный случай. Просто спишут тебя в потери и забудут.

— Я не служу инквизиции.

— Мне все едино, кому ты служишь. Я провокатора носом чую. Твоя вонь аж сюда долетает.

— У меня не менее чувствительный нос. — Рейневан, хоть и окаменел от страха, прикидывался храбрецом. — А воняет здесь предателем, разбойником и контрабандистом и к тому же обычным грабителем. Хватит болтать. Стреляй, убей меня, продажный мерзавец. Ох, радует меня мысль о том, что сделает с тобой Неплах, когда доберется до тебя.

— Ты трясешься от страха, шпик, — сказал блондин. — Каждый шпик — трус.

Рейневан отпустил трензель, достал стилет.

— Зайди на мосток, отважный, когда вы втроем. Здесь места аккуратно для двух. Ну давай. А может, ты свой испанский нож носишь только для того, чтобы спящих закалывать?

Черепоглавый опустил арбалет, сухо рассмеялся. Смуглый подмастерье подхватил, спустя мгновение захохотал и блондин.

— Ну, вылитый брат, — сказал он.

— Вылитый брат, — повторил черепоглавый. — Подойди к нам,

Рейнмар из Белявы, брат Петра из Белявы. Хотим пожать тебе руку, Рейневан, брат нашего друга, незабвенного Петерлина.

Рейневан стянул храпящего коня с мостика. Выражение лица у него было воинственное, а дрожь колен он кое-как унял. Черепоглавый пожал ему руку, хлопнул по плечу. Вблизи можно было видеть его невероятную худобу, прямо-таки живой труп.

— Извини нам излишнюю осторожность, — сказал он. — Нас научила этому жизнь. И благодаря этой науке мы живы. Как ты верно догадался, — продолжал он, — мы Фогельзанг. Мы не предали, нас не перевербовали, мы не поменяли сторону. Не растратили доверенные нам средства. Мы готовы действовать. Мы верим, что ты прибыл от Прокопа и Неплаха. Мы верим, что ты представляешь их, уполномочен ими. Что должен по их приказу направить нас, ибо время пришло. Управляй, Рейневан. Мы верим тебе. Меня зовут Дроссельбарт^[196].

— Бисклаврет^[197], — подавая руку, представился блондин.

— Жехорс^[198]. — Рука смуглого подмастерья была твердой и шершавой, как неоструганная доска.

— Благодарю за коня в Тепловодах.

— Не за что, — глаза у Жехорса были еще тверже, чем ладони. — Нас интересовало, куда ты на том коне поедешь.

— Вы ехали следом?

— Хотели знать, куда поедешь, — как эхо повторил блондин Бисклаврет. — У кого будешь искать помощи.

— Те монахи...

— Свидницкие доминиканцы — шпионы инквизиции. Они видели Жехорса, мы не хотели рисковать. Тем более что в корчме были еще двое, относительно которых у нас возникли подозрения. Поэтому...

— Поэтому мы сделали то, что надо, — спокойно закончил Жехорс. — И ехали следом за тобой. Некоторые из нас считали, что ты помчишься прямо в Свидницу, спрятаться под инквизиторским крылышком... Ольбрам...

— Кстати, — проговорил Рейневан, когда блондин замолчал, — а где он, господин Ольбрам? Мой неполучившийся убийца?

Бисклаврет долго молчал. Жехорс тихо кашлянул. На губах Дроссельбарта появилась странная гримаса.

— Мы разошлись во мнениях, — сказал наконец худой. — Относительно тебя, твоей особы. Относительно того, что следует делать. Мы не смогли договориться с ним, поэтому...

— Поэтому он уехал, — быстро вставил Жехорс. — Теперь нас трое. Давайте не будем здесь стоять, ночь наступает. Едем в Гдземеж.

— В Гдземеж?

— Мы проверили Гдземеж и твой постоянный двор «Под колокольчиком», — сказал Дроссельбарт. — Вполне приличное и безопасное место. Мы хотим туда перебраться. Имеешь что-нибудь против?

— Нет.

— Тогда по коням — и в путь.

Опустилась ночь — не совсем темная, светила луна, искрился и блестел снег.

— Долго вы мне не доверяли, — проговорил Рейневан, когда они выехали из леса на тракт. — Чуть не убили. Я брат Петерлина, и однако...

— Настало время, — прервал Дроссельбарт, — когда брат предает брата и оказывается для него Каином. Настало время, когда сын предает отца, мать — сына, жена — мужа. Подданный предает короля, солдат — командира, а священник — Бога. Мы подозревали тебя, Рейнмар. Были причины.

— Это какие же?

— Во Франкенштайне ты сидел в тюрьме инквизиции, — проговорил едущий с другого бока Жехорс. — Инквизитор Гейнче мог тебя завербовать. Принудить к сотрудничеству шантажом либо угрозой. Либо просто перекупить.

— Именно, — серьезно подтвердил Дроссельбарт, поправляя капюшон. — В этом дело. И не только в этом.

— В чем еще?

— Неплах, — фыркнул сзади Бисклаврет, — отправил тебя в Силезию в качестве приманки. Он — рыбак, мы — рыбы, а ты — червяк на крючке. Нам не хотелось верить, что ты до такой степени наивен, чтобы не разобраться что к чему. Не увидеть укрытой цели, двойной игры. Мы не знали, какова эта цель и что это за игра. А имели право предполагать самое худшее. Согласись.

— Имели, — неохотно согласился он.

Они ехали. Светила луна. Подковы цокали по замерзшей земле.

— Дроссельбарт?

— Да, Рейнмар?

— Вас было четверо. Теперь трое. А вначале? Вас не было больше?

— Было. Но... смылись.

Дроссельбарт, Бисклаврет и Жехорс устроились «Под колокольчиком»

с беззаботной свободой бывалых светских людей, какую до того Рейневан знал и видел только у Шарлея. У корчмаря вначале была растерянная мина и бегающие глаза, но его успокоил врученный Дроссельбартом солидный и набитый до металлической твердости кошелек. И заверения Рейневана, что все нормально и в порядке.

Реакция и мина корчмаря — это было сущей ерундой по сравнению с реакцией и миной Тибальда Раабе, явившегося в Гдземеж на завтра. Голиард буквально остолбенел. Конечно, он сразу же узнал Бисклаврета и знал, с кем имеет дело. Однако долго не мог остыть и отделаться от недоверия, для этого потребовался долгий мужской разговор, под конец, которого Тибальд Раабе вздохнул. И передал привезенное сообщение.

В любой момент, заявил он, в Гдземеж приедет эмиссар, посланник Прокопа и Неплаха.

«Любым моментом» оказалось лишь пятое декабря, пятница после святой Варвары. А долгожданным посланцем Прокопа и Флютека был, к великому изумлению и немалой радости Рейневана, старый знакомый Урбан Горн. Друзья сердечно поздоровались, однако вскоре настала очередь удивляться Горна, увидевшего выстроившихся перед ним в шеренгу Дроссельбарта, Жехорса и Бисклаврета.

— Уж скорее бы я смерти ожидал, — признался он, когда после презентации они остались вдвоем. — Неплах прислал меня, чтобы я помог тебе в поисках Фогельзанга. А ты, гляньте, люди, не только нашел их, но и явно приручил. Поздравляю, дружище, сердечно поздравляю. Прокоп обрадуется. Он рассчитывает на Фогельзанг.

— Кто передаст ему известие? Тибальд?

— Разумеется, Тибальд. Рейневан?

— А?

— Этот Фогельзанг... Их только трое... Немного маловато... Больше не было?

— Было. Но они смылись...

Пока правда башмаки натянет, ложь полсвета обежит — долгое общение с Фогельзангом с несомненностью доказывало справедливость этой поговорки. Все трое непрерывно ввали — всегда, при всех обстоятельствах, днем, ночью, в будни и воскресенья. Это были просто болезненные лгуны, люди, для которых понятие правды не существовало вообще. Несомненно, это был результат долголетней жизни в условиях конспирации — то есть в притворстве, во лжи, среди постоянно

создаваемой мнимой видимости.

В результате всего этого нельзя было быть уверенным и в отношении самих людей, их биографий или даже национальностей. Ложь искажала все. Бисклаврет, к примеру, называл себя французом, французским рыцарем, любил представляться галлийским ратником, *miles gallicus*^[199]. Другие два с удовольствием переделывали это на *morbus gallicus*^[200], что не обижало Бисклаврета, видать, привыкшего. Некогда он входил, как сам утверждал, в одну из банд знаменитых *Ecorcheurs*, лущителей, обдира, жестоких разбойников, которые жертв не только обирали, но и живьем сдирали с них кожу. Однако этой версии немного противоречил акцент, напоминающий скорее присущий окрестностям Кракова, нежели Парижа. Но и акцент тоже мог быть ложным.

Черепоглавый Дроссельбарт не скрывал, что носит чужое имя.

Verum nomen ignotum est^[201], гордо говорил он. Когда его спрашивали о национальности, он определял ее довольно общё как *di gente Alemanno*^[202]. Что могло быть правдой. Если не было ложью.

Жехорс не уточнял ни страны рождения, ни района, вообще об этом не говорил. А когда говорил о чем-либо другом, то его акцент и коловквиализмы создавали такую муть и смесь, что любой запутывался на первых же фразах. Что, несомненно, Жехорсу и требовалось.

Однако все троих отличали некие характерные признаки. У Рейневана было слишком мало опыта, чтобы их распознать, понять. Все три члена Фогельзанга страдали хроническим конъюнктивитом, часто потирали запястья, а когда ели, то всегда прикрывали предплечьем тарелку или миску. Шарлей, когда позже пригляделся к ним, быстро все понял. Дроссельбарт, Жехорс и Бисклаврет значительную часть жизни провели в тюрьмах. В ямах. В кандалах.

Когда беседа заходила о служебных делах, Фогельзанг переставал лгать, становился конкретным и деловым до отвращения. Во время нескольких затягивающихся далеко за полночь бесед тройка сообщила Рейневану и Горну все, что подготовила в Силезии. Дроссельбарт, Жехорс и Бисклаврет поочередно излагали сведения о завербованных и «спящих» агентах, которые у них были в большинстве городов Силезии, особенно в тех, которые лежали на направлении наиболее вероятных трасс продвижения гуситских армий. Без запинки — и даже явно гордясь своей солидностью — отчитался Фогельзанг и о состоянии своих финансов, несмотря на огромные расходы, по-прежнему более чем

удовлетворительном.

Обсуждение планов и стратегии дало понять Рейневану, что от нападения и войны их отделяют действительно только недели. Тройка из Фогельзанга была абсолютно уверена, что гуситы ударят на Силезию с наступлением весны. Урбан Горн не подтверждал и не возражал, скорее был таинственным. Когда Рейневан нажал на него, он слегка приподнял уголок тайны. То, что Прокоп ударит на Силезию, отметил он, более чем вероятно.

— Силезцы и клодичане трижды нападали на районы Броумова и Находа: в двадцать первом, двадцать пятом и в этом году, в августе, сразу после таховской виктории. Зверства, которые они тогда чинили, жаждут столь же жестокого возмездия. Епископа Вроцлава и Путу из Частоловиц следует проучить. Поэтому Прокоп преподаст им урок, да такой, что они сто лет не забудут. Это необходимо для повышения морали армии и народа.

— Ага!

— Это не все. Силезцы так плотно замкнули экономическую блокаду, что практически уничтожили торговлю. Эффективно закрывают пути для товаров из Польши, блокада слишком дорого обходится Чехии, и если затянется надолго, то может стоить Чехии жизни. Паписты и сторонники Люксембуржца не могут победить гуситов оружием, на полях боев терпят поражение за поражением. Зато на поле хозяйственной войны начинают побеждать, наносят гуситам чувствительные удары. Так продолжаться не может. Блокаду необходимо сломать. И Прокоп ее ломает. При случае, если удастся, переломив хребет Силезии. С хрустом. Так, чтобы покалечить на сто лет.

— И только в этом все дело? — разочарованно спросил Рейневан. — Только в этом? А миссия? А долг? А несение истинного слова Божия? А борьба за истинную апостольскую веру? За идеалы? За общественную справедливость? За новый лучший мир?

— Ну конечно! — Горн приподнял голову, улыбнулся уголками губ. — И за это тоже. О новом лучшем мире и истинной вере даже упоминать нет смысла. Настолько это очевидно. Поэтому я и не упомянул.

— Нападение на Силезию, — заговорил он, прервав долгую и тягостную тишину, — решено, сверх каких-либо сомнений оно случится весной. Единственное, чего я все еще не знаю, это направления, с которого Прокоп ударит. Где вступит: через Левинский Перевал? Через Междулесские Ворота? От Ландесхута? А может, войдет со стороны Лужиц, для начала проучив Шесть Городов? Этого я не знаю. А хотел бы знать. Куда, черт побери, делся Тибальд Раабе?

Тибальд Раабе вернулся двенадцатого декабря, в пятницу перед третьей неделей адвента. Ожидаемых Горном сведений не привез, а привез сплетни. В Кракове на святого Анджея королева Сонка родила польскому королю Ягелле третьего сына, нареченного Казимиром.

Радость поляков немного подпортил гороскоп знаменитого мага и астролога Генрика из Бжега, который показал, что третий сын Ягеллы был зачат и родился под зловещей конъюнкцией звезд. При его правлении, вещал астролог, Польское королевство постигнут многочисленные несчастья и поражения. Рейневан тер лоб, думал. Генрика из Бжега он знал и знал, что гороскопы тот покупал «Под архангелом» у Телесмы. А гороскопы Телесмы всегда исполнялись. В полном объеме.

Урбана Горна, это было видно, судьбы династии Ягеллонов интересовали средне. Он ожидал других вестей. Прежде чем Тибальд Раабе как следует отдохнул, его снова отправили в мир.

После третьего воскресенья адвента начались первые бураны. Несмотря на это, Рейневан несколько раз ездил в Белую Церковь на встречу с Юттой Апольда. Учитывая холод, они не могли встречаться в лесу, поэтому «сходки» происходили с разрешения улыбающейся настоятельницы совершенно открыто в монастырском саду, на любопытных глазах одетых в серое кларисок. И в силу обстоятельств молодые люди ограничивались тем, что держались за руки. Настоятельница демонстративно прикидывалась, будто ничего не видит, но любовники не решались ни на что большее.

Мамун Малевольт, заглянувший «Под колокольчик» семнадцатого декабря, имел нечто добавить относительно монастыря. Нечто, ибо кое-что Рейневан знал и без него. Например, то, что церковь с побеленными стенами, которая название *Alba Ecclesia*^[203] дала и всему лежащему рядом поселению, стоит здесь уже больше ста пятидесяти лет, что раньше село принадлежало хозяевам из Бычenea. Когда тот род вымер, князь Болько I Свидницкий, прапрадед Яна Зембицкого, подарил деревню стшелинским кларискам. И построил в Белой Церкви монастырчик. Препозитуру.

— Это не обычный монастырь и препозитура, — сообщил со странной гримасой Малевольт. — Белая Церковь, говорят, место наказания. Место ссылки. Для неблагонадежных монашенок. То есть таких, которые мыслят. Слишком много, слишком часто, слишком самостоятельно и слишком свободно. Кажется, там уже собралась истинная элита свободомыслящих.

— То есть? А Ютта?

— У твоей Ютты, — подмигнул мамун, — должны быть неплохие знакомства. Попасть в Белую Церковь — мечта большинства силезских монашенок и кандидаток в монашенки.

— Попасть в места наказания и изоляции?

— Ты что, недогадлив или как? Мы недавно разговаривали, о девушках и университетах, о том, что ни одно учебное заведение никогда, ни за что на свете не пустит девушек на свой порог. Но бабьи университеты уже существуют. Скрывающиеся по монастырям, таким именно, как Белая Церковь. Больше не скажу. Тебе должно этого хватить.

Больше сказал Урбан Горн спустя несколько дней.

— Университет? — поморщился он. — Что ж, можно и так назвать. Дошло до меня, что программа охватывает там науки, которых в других учебных заведениях не увидишь.

— Хильдегарда из Бингена? Кристина де Писан? Хм-м... Иоахим Флорасий?

— Мало. Добавь еще Мехтильду из Магдебурга, Беатриче из Назарета, Юлиану из Лиге, Бодонивию, Хадевийч из Брабанта. Добавь Эльзбет Стэнгл, Маргаретт Поретту и Бломардину из Брюсселя. И для красоты Майфреду да Пировано, папессу гвильельмиток; с последними именами будь поосторожнее, если не хочешь наделать хлопот своей милой.

Снег шел и шел, мир утонул в белом пухе, до половины стен утонула нем и корчма «Под колокольчиком». Дороги завалило вконец. Рейневан, хошь — не хошь, вынужден был отказаться от поездок в Белую Церковь и встреч с Юттой де Апольда. Снежные завалы были такие, что даже самая пылкая любовь увязала в них и стыла.

В последнее воскресенье перед Рождеством бураны прекратились, засыпи осели, дороги немного проторились. И тогда, к огромной радости Рейневана, Тибальд Раабе привел из Гдземежа Шарлея и Самсона Медка. Приветствующие и обнимающиеся друзья разволновались до такой степени, что у них появились слезы в глазах, и даже Шарлей раза два шмыгнул носом.

Мгновенно нашлась парочка бутылей, а поскольку рассказывать всем было много чего, то двумя бутылками дело не обошлось.

После бегства из Тросок Самсон отыскал Шарлея, Беренгара Таулера и Амадея Батю, и все незамедлительно решили двинуться на поиски Рейневана. Понимая, что вчетвером они мало что могут сделать против черных всадников Грелленрота, они что было сил в конях помчались в

Михаловицы — просить помощи у Яна Чапека. Чапек охотно согласился — похоже, больше чем судьба Рейневана его интересовал тот подземный проход, по которому сбежали Рейневан и Самсон из Тросок. Легко себе представить раздражение гейтмана, когда оказалось, что Самсон забыл расположение пещеры и отыскать ее не может. Искали целый день — безрезультатно. Раздражение Чапека возрастало. Когда Шарлей предложил вместо того, чтобы мотаться вверх и вниз по ручью, заняться наконец поисками следов Рейневана, разозлившийся гейтман сирот приказал своим возвращаться в Михаловицы, заявив компании, что дальше они могут шнырять одни.

— Мы уже искали сами, — вздохнул Шарлей. — Довольно долго. Добрались до Ештеда, под Роймунд и Хаммерштайн. Там нас опять отыскал Чапек, на этот раз в компании Щепана Тлаха из Чешского Дуба. И прибывшего из Белой Горы посланца Флютека.

Гейтман Тлах, оказалось, получил известие от своего информатора в монастыре целестинцев в Ойбине. Тайна исчезновения Рейневана раскрылась. К сожалению, следовать за людьми Биберштайна компании уже дано не было. Прибывший из Белой горы посланец привез приказ немедленно возвращаться. Приказ был категорический, а поскольку за исполнением приказа должен был следить гейтман, группа двинулась в путь с эскортом. Вернее — под конвоем.

Под Белой Горой Неплах оставил только Шарлея. Самсон рвался двинуться в Силезию один, но демерит убедил его отказаться от поездки в одиночку.

— Долго, — ехидно усмехнулся он, — убеждать не пришлось. У нашего друга Самсона нашлись в Праге важные дела. И он посвящал им целые дни, разгуливая с рыжей Маркетой по Здеразе либо под Славянами. Или же просиживая с ней на Подскалье, откуда оба часами смотрели, как течет Влтава и как заходит солнце. Держась за ручки.

— Шарлей.

— А что? Может, вру?

— *D'antico amor senti la gran potenza*, — вспомнил цитату Рейневан, тоже не в состоянии сдержать смех. — Как она себя чувствует, Самсон?

— Гораздо лучше. Выпьем.

* * *

— Ходят слухи, — сказал Шарлей, щуря глаза от солнца, — что

готовится рейд. Крупный рейд. Можно сказать — нападение. А можно сказать, война.

— Если ты был у Флютека под Белой горой, — потянулся Рейневан, — то наверняка знаешь, что готовится. Флютек не преминул тебя проинструктировать.

— Идет шумок, — не дал сбить себя Шарлей, — что тебе в этой войне предназначена весьма важная роль. Что, как говорят поэты, ты должен будешь оказаться в самой гуще событий... Из чего следует, что в гуще событий окажемся мы все.

Они сидели на террасе постоянного двора «Под колокольчиком», радуясь солнцу, приятно пригревающему, несмотря на легкий морозец. Снег искрился на подлесном склоне. Со свисающих с крыши сосулек лениво покапывала вода. Самсон, казалось, дремал. А может, и верно, дремал? Прошлую ночь они проговорили допоздна, и, пожалуй, совершенно напрасно он вытащил пробку из последней бутылки.

— В гуще военных действий, — тянул Шарлей, — к тому же долженствуя сыграть важную роль, невероятно легко получить по шее. Или по иной части тела. Невероятно легко, когда идет война, потерять какую-то часть тела. Случается, что этой частью оказывается голова. И тогда становится действительно скверно.

— Я знаю, куда ты клонишь. Прекрати.

— Выходит, ты читаешь мои мысли, так что добавлять ничего не надо. Ибо выводы, насколько я понимаю, ты уже вычитал.

— Вычитал. И заявляю: я борюсь за дело, за дело иду на войну и за дело сыграю ту роль, которая мне писана. Дело Чаши должно победить, на это направлены все наши усилия. Благодаря нашим усилиям и самоотверженности утраквизм и истинная вера восторжествуют, несправедливости придет конец, мир изменится к лучшему. За это я отдам кровь. И если потребуется — жизнь.

Шарлей вздохнул.

— Ведь мы не прячемся, — спокойно напомнил он. — Боремся. Ты делаешь карьеру в медицине и разведке. Я в Таборе продвигаюсь вверх по ступени войсковой иерархии и понемногу набираю добро. Малость уже насобирал. Служа Чаше, мы уже несколько раз ускользали из-под старухиной косы. И все ничего, только искушаем судьбу, лезем вслепую из аферы в аферу, и каждая следующая хуже предыдущей. Самое время серьезно поговорить с Флютеком и Прокопом. Пусть теперь молодые подставляют шеи в поле и на первой линии, мы уже заслужили отдых, сделали достаточно, чтобы остальную часть войны лениво пролежать *sub*

tegmine fagi^[204]. Возможно, за наши заслуги мы уже можем получить теплые штабные столики. Штабные столики, Рейнмар, кроме того, что они удобны и прибыльны, обладают еще одним неоценимым качеством. Когда все начнет раскачиваться, сыпаться и разваливаться, от таких столиков легко оттолкнуться, чтобы сбежать. И тогда можно с собой прихватить немало...

— Это что же может начать качаться и разваливаться? — насупился Рейневан. — Перед нами победа! Чаша восторжествует, настанет истинный *Regnum Dei*^[205]! За это мы боремся.

— Аллилуя, — подытожили Шарлей. — Трудно с тобой разговаривать, парень. Поэтому, отказавшись от аргументации, закончу кратким и деловым предложением. Слушаешь?

— Слушаю.

Самсон открыл глаза и приподнял голову, давая понять, что и он слушает тоже.

— Бежим отсюда, — спокойно сказал Шарлей. — В Константинополь.

— Куда?

— В Константинополь, — совершенно серьезно повторил домерит. — Это такой большой город у Босфора. Жемчужина и столица Византийского царства...

— Я знаю, что такое Константинополь и где он находится, — терпеливо прервал Рейневан. — Я спрашиваю, зачем нам туда ехать?

— Чтобы там поселиться.

— И зачем бы нам там поселяться?

— Рейнмар, Рейнмар, — с состраданием взглянул на него Шарлей. — Констан-ти-нополь! Не понимаешь? Великий мир, великая культура. Шикарная жизнь, изумительное место обитания. Ты — лекарь. Мы купили бы тебе *iatreion* вблизи ипподрома, вскоре бы ты прослыл специалистом по женским болезням. Самсона мы просунули бы в гвардию базилевса. Я, учитывая восприимчивую и не переносящую усилий натуру, не занимался бы вообще ничем... кроме медитации, карточной игры и случайного мелкого шулерства. После полудня мы ходили бы в Айя София помолиться о больших барышах, прогуливались бы по Мессе, ублажали бы глаза видом парусов на Мраморном море. В одной из таверн над Золотым Рогом откушивали бы плов из ягнятины и жареных осьминогов, обильно запивая вином с пряностями. Живи — не хочу. Только Константинополь, парни, нет, только Константинополь, только Византия. Оставим, говорю вам, за спиной Европу, эту темень и дичь, отряхнем омерзительную пыль с сандалий

наших. Поедем туда, где тепло, сытно и благостно, где культура и цивилизация. В Византию! В Константинополь, город городов!

— Ехать на чужбину? — Рейневан знал, что демерит шутит, но поддержал его игру. — Покинуть землю отцов и дедов? Шарлей! А где патриотизм?

— Я, — Шарлей непристойным жестом указал где, — я человек светский. *Patria mea totus hic mundus est.*^[206]

— Иными словами, — не сдавался Рейневан, — *ibi patria, ubi bene*^[207]. Философия, достойная бродяги либо цыгана. У тебя есть отчизна, у тебя, как ни говори, был отец. Ты ничего не вынес из отчего дома? Никаких наук?

— Ну как же, вынес. — Шарлей показно возмутился. — Много знаний, жизненных и других. Множество мудрых максим, воспоминание о которых позволяет мне сегодня жить прилично. У меня, — он театральным жестом отер слезы, — у меня в ушах до сих пор звучит доброжелательный голос моего отца. Я никогда не забуду его драгоценных указаний, которые запомнил и которыми неизменно руководствуюсь в жизни. Например, после святой Схоластики надень толстые штаны. Или: из пустого и Соломон не нальет. Или: кто с утра хватанет, тому на весь денек хватит. Или...

Самсон фыркнул. Рейневан вздохнул. С сосулек капало.

Рождество Христово, *Nativitas domini*, отмечали «Под колокольчиком» действительно шумно, хоть только в своей компании. После недолгого потепления снова начались метели, заваленные снегом дороги снова отрезали постоянный двор от мира, впрочем, в такую пору вообще мало кто путешествовал. Кроме Рейневана, Шарлея и Самсона, кроме Фогельзанга, Урбана Горна и Тибальда Раабе, праздник отмечал хозяин «Колокольчика» Марчин Праль, который по этому случаю без сожаления урезал запасы своего погребка на несколько бочонков рейнских, мальтийских и семиградских вин. Жена хозяина, Берта, позаботилась о богатом и вкусном меню. Единственным гостем «извне» оказался мамун Йон Малевольт, который, ко всеобщему удивлению, прибыл не один, а в обществе двух лесных ведьм. Неожиданность была колоссальная, но отнюдь не малоприятная. Ведьмы оказались симпатичными женщинами эффектной внешности и поведения, и после того как был сломан первый лед, они были приняты всеми, включая напуганную вначале БERTУ Праль.

Ведьмы придали торжеству блеск еще и тем, что притащили с собой

два большущих чана бигоса. Отличного бигоса. Определение «отличный» было здесь, впрочем, совершенно недостаточным, да и само название «бигос» было недостаточным и неадекватным. Приготовленное лесными колдуньями блюдо было истинным гимном во славу тушеной капусты, гимном, распеваемым совместно с лаудой в честь копченой грудинки и солонины, псалмом во славу дичи и дифирамбом жирному мясу, мелодичной и полной любви канцоной сушеным грибам, тмину и перцу.

Исключительно точно всей этой поэзии соответствовала привезенная Малевольтом полынная водка. Прозаичная, но эффективная.

Зима, уже и в декабре ядреная, лишь после *Circumcisio Domini* показала, на что способна. Бураны набрали силу, несколько суток не прекращая валило днем и ночью. Потом небо прояснилось, из-за туч пробилось бледное солнце. И ударил мороз. Он прихватил с такой силой, что мир, казалось, застонал. И замерз, окоченев.

Мороз был такой, что, даже выходя по нужде или по дрова, можно было крепко обморозиться. На Горна и Тибальда, которые на Трех Царей решили выехать, смотрели как на сумасшедших. Но Горн и Тибальд выехали. Им было необходимо.

Был год 1428-й.

Урбан Горн вернулся восемнадцатого января. Будоражающая весть, которую он привез, вырвала компанию из сонной зимней апатии.

На князя Яна Зембицкого совершили покушение. На Трех Царей, в день Откровения Господня. Когда князь после мессы выходил из церкви, покушавшийся пробился сквозь стражу и кинулся на него со стилетом. Ян уцелел исключительно благодаря самоотверженности двух своих рыцарей: Тимотия Фон Рисина и Ульрика фон Сейфферсдорфа, которые заслонили его собственными телами. Рисину даже достался предназначенный князю удар, этим воспользовались другие, обезоружившие нападавшего. Им оказался не кто иной, как Гельфрад фон Стерча, рыцарь, несколько лет пропадавший где-то в чужих краях, которого все, в том числе и собственный род, считали мертвым.

Слух о событии мгновенно облетел Силезию. Мало кто сомневался относительно мотивов Гельфрада Стерчи, ведь все знали о романе князя Яна с женой рыцаря, прелестной бургундкой Аделью. Все знали, как беспощадно князь Ян поступил с бывшей любовницей при окончании романа, все знали, какой смертью умерла Адель в результате этого поступка. И хотя никто, разумеется, действий Гельфрада не одобрял и не

пытался оправдать, в рыцарских бургах и заставах проблему обсуждали долго и серьезно. И постарались, чтобы весть о дискуссиях дошла до Зембиц, И хотя разъяренный князь требовал для покушавшегося жестокой казни с применением жутких мучений, ему пришлось под влиянием общественного мнения сбавить тон. За Гельфрада встали не только ближайшие родственники: Хаугвицы, Баруты и Рахенау, но и все другие владетельные рыцарские роды Силезии. Гельфрад Стерча, было заявлено, является рыцарем, причем рыцарем старинного рода, а действовал он в ослеплении, вызванном уроном, нанесенным его чести, а кто виновен в нанесении урона, известно. Князь Ян взбеленился, но советники быстро отговорили его от садистской казни. Дни, когда в любой момент можно ожидать гуситского нападения, заявили они, неподходящее время для того, чтобы восстанавливать против себя рыцарство. Так что сторону разъяренного князя держал один лишь, еще более ярый, вроцлавский епископ Конрад, возражал против тезы оскорбления чести, создавал из всего дела политическую аферу, утверждал, что Гельфрад Стерча действовал по гуситскому наущению, и требовал для него жестокой смерти за измену государству, колдовство и еретичество. Стерча, кричал епископ, действовал из побуждений столь же политических, как и подлец Хрен, убийца чешинского епископа Пшемыка, поэтому должен быть пален огнем и рван клещами. Однако силезское рыцарство не хотело и слышать ни о чем подобном, стояло твердо на своем и победило. Да так, что еще немного — и Гельфрада даже не сожгли бы, а просто изгнали. Ни на какое более строгое наказание силезские рыцари не соглашались. Так что, сколько бы ни бесились князь Ян и епископ, Гельфрад Стерча остался бы в живых, если б не мелкий факт. На суде рыцарь не только не раскаялся, но и заявил, что никакое изгнание не удержит его от дальнейших покушений на жизнь князя, что он не уснет, пока не прольет его вражьей крови. И отказаться от своих слов не пожелал. Против такого *dictum* у силезских вельмож уже аргументов не оказалось. Они умыли руки, а Ян Зембицкий с величайшим удовольствием осудил рыцаря на смерть. Путем отделения головы от тела мечом. Приговор исполнили быстро, пятнадцатого января, в четверг, перед вторым воскресеньем после Епифании. Гельфрад Стерча шел на смерть спокойно, энергично, но без ботинок. С эшафота не произнес ни слова. Только взглянул на князя Яна и проговорил одну фразу по-латыни.

— Что? — глухо спросил Рейневан. — Что он сказал?

— *Hodie mihi, cras tibi.*

Рейневан не сумел скрыть подавленности, это слишком бросалось и в глаза. Чувствуя потребность открыться, освободиться от гнетущего его

груза, он рассказал друзьям все. Об Адели, князе Яне, Гельфраде Стерче. О мести. Никто не прокомментировал. Кроме Дроссельбарта.

— Говорят, месть — это наслаждение, — заявил тощага. — Но обычно это бывает наслаждение идиота, упивающегося мечтами о наслаждении. Только идиот кладет голову на колоду, если может не класть. *Hodie mihi, cras tibi*, что сегодня мне, то завтра тебе. У тебя вспыхнули глаза при звуке этих слов, Рейнмар из Белявы, я заметил это. Знаю, о чем ты думаешь. И прошу об одном: не будь идиотом, можешь это пообещать? Всем нам?

Рейневан кивнул.

Так же неожиданно и резко, как некогда мороз, нынче наступило потепление. Истосковавшийся Рейневан оседлал коня и помчался галопом в Белую Церковь. Галопа было меньше, труднейшего преодоления тающих сугробов — больше. Поездка отняла несколько часов. А в конечном счете он услышал от привратницы, что Ютта уехала на свадьбу сестры и находится в Шёнау.

В Шёнау Рейневан поехать не мог. Слишком велик был риск. Вернулся в Гдземеж в сумерки. А наутро ему пришлось распрощаться с Йоном Малевольтом, мамуном-анархистом.

— А не остаться ли тебе, с нами, — спросил он мамуна, когда тот выводил из конюшни свою косматую коняшку. — Не вступить ли с нами в союз? То, в чем ты помогал Тибальду, имеет естественные последствия. Ты не хотел бы принять в них участия?

— Нет, Рейневан, не хотел бы.

— Но ведь ты утверждал, что стоишь за революцию, что поддерживаешь порывы. Что пора изменить старый порядок, сдвинуть с основ глыбу мира. Оставайся с нами. Мы изменим порядок, а глыбу мира, поверь, крепко тряханем. В любой момент...

— Знаю, — прервал Малевольт, — что начнется в любой момент. Я прислушивался к вашим разговорам, глядел в ваши глаза, когда вы говорили о войне. Я всем сердцем за революцию и за анархию, всей душой поддерживаю движение и перемены. Однако не рискну принять личное участие в этом процессе. В революционной борьбе за изменения изменяешься сам. Необходима большая сила, чтобы сдержаться, не превратиться в... Во что-то, во что превращаться не следует. Я не уверен в своих силах и самоконтроле. Поэтому предпочитаю отойти в сторонку. Баста! Но вам... Тебе... Желаю успеха. Прощай, Рейневан.

Мамун покинул их, но кое-что от себя оставил. Спустя несколько дней Рейневан увидел Самсона Медка, разучивающего на гумне удары и тычки

гёдендагом, окованной фламандской палкой. Самсон и Малевольт, пришедшиеся по душе друг другу, часами резались в карты и кости, так что гёдендаг мог быть выигрышем в игре. Мог это быть и подарок, презент на прощание.

Рейневан не спрашивал.

В день святого Винцентия, праздника почитаемого в Силезии сопокровителя вроцлавского кафедрального собора, в Гдземезе явился голиард Тибальд Раабе. Похоже, он обошел всех своих информаторов, потому что наконец привез вести из Чехии. Колин, сказал он, наконец капитулировал. После восьмидесяти четырех дней осады, во вторник перед святым Фомой, пан Дзивиш Божек из Милетинка сдал город при условии свободного выхода гарнизона. Прокоп условие принял. Он устал от осады. И планировал другое.

— Прокоп, — докладывал голиард, — уже мобилизует Табор, сирот и пражан. Рейд в Венгрию — верняк.

Тибальд уехал снова. Его не было очень долго, до самого воскресенья *Invocavit*^[208], когда он вернулся. С новыми сведениями. Как и ожидалось, войско под командованием Прокопа и Ярослава из Буковины ударило на Угерский Брод, а оттуда на мадьярские земли. Были захвачены и сожжены одна за другой Сеница, Скалица, Орешаны, Модра, Пезинок и Юр, а в Попельную среду, восемнадцатого января, чехи подошли к самому Пресбургу, пустили с дымом пригороды и все окружающие села. С телегами, полными трофеев, двинулись в обратный путь. Прошли, вызывая ужас у жителей, мимо Трнавы и Нового Мяста над Вагом. Никто не отважился преградить им дорогу или вступить с ними в бой.

— А в Мораву, — многозначительно продолжал Тибальд, — тем временем прибыли из Чехии сильные подкрепления. Боевые отряды из Нимбурка, Сланого, Уничева и Бжеслава.

— Стало быть, — свергнул зубами Бисклаврет, — очередь за Силезией.

— Пришло наше время, — кратко заметил Дроссельбарт. — Готовимся.

— Готовимся, — эхом повторил Урбан Горн.

Они готовились. Днями и ночами сидели над картами, планировали. Бисклаврет и Жехорс выехали, взяв с собой вьючных лошадей, и через два дня вернулись с грузом, большим и побрякивающим. На глаз в нем было несколько десятков гривен.

Рейневан снова съездил в Белую Церковь, но и на этот раз Ютты в

монастыре на застал. Получалось, что зима снова разлучила только что соединившихся любовников.

Продолжался Великий пост. Прошел святой Матвей, заканчивающий зиму. Поговорка не солгала. Зима кончалась, у нее уже не было сил сопротивляться дальше. Тронутые теплым южным ветром снега растаяли, из-под них выглянули белые колокольчики подснежников. В воздухе запахло весной.

С ветром и ароматом вернулся Тибальд Раабе. Увидев его приближение, они поняли: началось.

— Началось, — подтвердил, сверкнув глазами, голиард. — Началось, господа! Прокоп ударил! В масленицу перешел границу Опавского княжества.

— Значит, война.

— Война, — как эхо повторил Урбан Горн. — *Deus pro nobis!*^[209]

— А если с нами Бог, — глухо договорил Дроссельбарт, — то кто же против нас?

Ветер дул с юга.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой в Силезию вступает Табор, Рейневан начинает диверсионную деятельность, а князь Болько Волошек замахивается на колесницу истории.

На встречу с Табором отправились Рейневан, Урбан Горн и Жехорс. Бисклаврет и Дроссельбарт поехали к Глухолазам и Нисе, чтобы заниматься черной пропагандой и сеять панику. Шарлей и Самсон должны были присоединиться позже.

Вначале ехали трактом на Рачибуж, по Краковской дороге. Однако вскоре, за Прудником, начались неприятности — дорогу полностью загрохотали беженцы. В основном из-под Озоблоги и Глубчиц, откуда, как с тревогой в глазах утверждали беженцы, гуситов уже видно. Путанные, рванные сообщения говорили о сожжении Остравы, разграблении и уничтожении Гуквальдов. Об окружении Опавы. Гуситы, бормотали дрожащими голосами беглецы, идут жуткой силой, тьмой невидимой. Слыша это, Жехорс по-волчьи щерился. Пришло его время. Время сольных номеров черной пропаганды.

— Идут гуситы! — крикнул он проходящим мимо беженцам, изменяя голос так, чтобы в нем звучала паника. — Жуткая сила! Двадцать тысяч вооруженного люда! Идут, жгут, убивают! Бегите, люди! Смерть близится! Они уже здесь, здесь! Их уже видно. Сорок тысяч гуситов! Никакая сила их не удержит!

Вслед за беженцами и их телегами, перегруженными пожитками, на дорогах появилась армия. Явно тоже бегущая. Рыцари, копейщики и стрелки с достаточно угрюмыми минами слушали сообщения о надвигающихся пятидесяти тысячах гуситов, сведения, выкрикиваемые искусственно паническим голосом и плотно нафаршированные перевранными либо полностью выдуманными цитатами из Апокалипсиса и книг пророков.

— Идут гуситы! Сто тысяч! Горе нам, горе!

— Хватит, — проворчал Горн. — Притормози малость. Перебор — вреден.

Жехорс притормозил. Впрочем, уже некого было агитировать, дорога опустела. А спустя некоторое время они заметили два совершенно

одинаковых столба черного дыма, вздымающихся высоко в небо из-за стены леса.

— Новая Цереквия и Кетж, — указал головой один из последних беженцев, едущий вместе с женой и монахом-миноритом на телеге, полной имущества и детей. — Уже вторые сутки горят. Там, наверно, кучи побитых людей лежат...

— Это кара Божья, — сказал Жехорс. — Бегите, люди, да побыстрее! И подальше. Потому как, истинно глаголю вам, будет как нападение тому лет двести: дойдут вороги аж до Легницы. Так нас Бог карает. За грехи священников.

— Это что ж вы говорите?! — возмутился монах. — Какие грехи? У вас что, разум помешался? Не слушайте его, братья! Это ложный пророк! Или предатель!

— Бегите, добрые люди, бегите! — Жехорс подогнал коня, но еще повернулся в седле. — А монахам и попам не верьте! И воду в пригородах не пейте! Епископ вроцлавский приказал колодцы травить!

* * *

Они миновали притихшие в ужасе Глубчицы, ехали дальше, держа справа Опавские горы и массив Толстого Есёника. Направление указывали дымы, которых становилось все больше. Горели уже не только Новая Цереквия и Кетж, но и по меньшей мере пять других поселений.

Выехали на взгорье. И увиделидвигающийся Табор. Длинную колонну конницы, пехоты, телег. Услышали пение.

Slyste rytieri bozi, pripravte se jiz k boji,
chvalu bozi ku pokoji statecne spievajte!
Antikristus jiz chodi, zapalenu peci vodi,
knezstvo hrde jiz plodi, pro Buoh znamenajte!

Впереди едут хорунжие, над ними развеваются знаки. Знамя Табора — белый с золотой Чашей и девизом «*veritas vincit*»^[210]. И вторая хоругвь, полевых войск, тоже белая, на ней вышиты красная Чаша и золотая облатка, окруженные терновым венком.

За хорунжими едут командиры. Покрытые пылью и славой воины великие вожди. Прокоп Голый, которого легко узнать по фигуре и

огромным усищам. Рядом с ним Маркольт из Браславиц, знаменитый таборитский проповедник и идеолог. Он, как и Прокоп, поет, и так же, как на Прокопе, на нем меховой колпак и шуба. Поет также Ярослав из Буковины, командующий полевыми войсками Табора. Поет, чудовищно фальшивя, Ян Блех из Тешницы, гейтман общинных войск. Рядом с Блехом едет, но не поет, на боевом жеребце Блажей из Кралуп в тунике с большой красной Чашей на латах. Рядом Федька из Острога, дерущийся рядом с гуситами русский князь, атаман и дебошир. Дальше следуют вожаки городских рекрутов: Зигмунт из Вранова, гейтман Сланого и Отик из Лозы, гейтман Нимбурка. За ними — союзник таборитов, рыцарь Ян Змрзлик из Свойшина, в полных доспехах, на щите герб: три красные полосы на серебряном поле. Два едущих бок о бок со Змрзликом рыцаря также носят гербы. Польская Венява, черная буйволиная голова красуется на золотом щите Добеслава Пухалы, ветерана Грюнвальда, ведущего хоругвь, состоящую из поляков. На щите у Яна Товачовского из Чимбурка красные и серебряные зубцы. Он командует сильной ратью моравцев.

Trava, kvietie i povietrie, plac hluposti cloviecie,
zlato, kamenie drahe, pozelejte s nami!
Anjele archanjele, vy kristovi manzele,
trony, apostolove, pozelejte s nami!

Ветер дул от Есёника. Было одиннадцатое марта 1428 года Господня. Четверг перед воскресеньем *Letare*^[211], которое в Чехии называют Дружебным.

Конный разъезд. Легковооруженные в капалинах и саладах, с рогатинами.

— Урбан Горн и Рейнмар из Беявы. Фогельзанг.

— Знаю, кто вы, — не опускает глаз командир разъезда. — Вас ожидали. Брат Прокоп спрашивает, свободна ли дорога. Где неприятельские войска? Под Глубчицами?

— Под Глубчицами, — насмешливо улыбается Урбан Горн, — нет никого. Дорога свободна, никто ее вам не преградит. В округе нет никого, кто осмелился бы.

Глубчицкие пригороды полыхали, огонь быстро поедал соломенные крыши. Дым совершенно застил город и замок — объект хищных взглядов

таборитских командиров. Прокоп Голый заметил эти взгляды.

— Не трогать, — повторил он, выпрямляясь над поставленным посреди кузницы столом. — Не трогать больше ни Глубчиц, ни окружающих деревушек. Князь Вацлав погорельные выплатил. Договор заключен. Мы слово сдержим.

— Они, — буркнул проповедник Маркольт, — свое не сдерживают.

— А мы сдержим, — обрезал Прокоп. — Ибо мы Божьи воины и истинные христиане. Выдержим слово, данное князю глубчицкому, наследнику Опавы. Во всяком случае, до тех пор, пока хозяин Опавы будет держать свое. Но если предаст, если выступит против нас с оружием в руках, то, клянусь именем Господа, унаследует только дым и пепел.

Из присутствующих в превращенной в штаб кузнице командиров некоторые улыбнулись при мысли о резне. Ярослав из Буковины расхохотался в открытую, а Добко Пухала радостно потер руки. Ян Блех ощерился. Очами души своей уже видя, кажется, пожары и убийства. Прокоп заметил все.

— Мы идем в епископские земли, — заявил он, упираясь кулаками в покрывающие стол карты. — Там будет что жечь, будет что брать.

— Епископ Конрад, — проговорил Урбан Горн, — вместе с Путой из Частоловиц стягивает войска под Нисой. На помощь им идет Ян Зембицкий. Подходит также Рупрехт, князь Любина и Хойнова. И его брат, Людвик Олавский.

— Сколько их будет вкупе?

Горн взглянул на Жехорса. Жехорс кивнул, знал, что все ожидают, какими сведениями похвалится прославленный Фогельзанг.

— Епископ, Пута, князя, — Жехорс поднял голову после довольно долго продолжавшегося подсчета, — иоанниты из Стжегома и Малой Олесьницы. Наемники, городские контингенты... Вдобавок крестьянская пехота... Вместе — от семи до восьми тысяч человек. В том числе около трехсот копий конников.

— От Крапковиц и Глогувка, — вставил Ян Змрзлик из Свойшина, который как раз вернулся из разведки, — движется молодой князь Болько, наследник Опея. Его войско дошло до Казимежа, оседлало мост на Страдуни, стратегический пункт на тракте Ниса-Рачибуж. Какая может быть сила у Болько?

— Что-нибудь около шестидесяти копий, — спокойно ответил Жехорс. — Плюс примерно тысяча пехотинцев.

— Чтоб его дьявольская проказа взяла, этого опольца! — буркнул Ярослав из Буковины. — Блокирует нас, угрожает флангу. Мы не можем

идти на Нису, оставив его за спиной.

— Значит, ударим прямо на него, — предложил Ян Блех из Тешницы. — Всей силой. Сомнем...

— Он расположился в таком месте, где на него трудно будет ударить, — покрутил головой Жехорс. — Страдуня разлилась, берега топкие.

— Кроме того, — поднял голову Прокоп, — время не позволяет. Если ввяжемся в бой с Больком, епископ наберет больше сил, займет более удобные позиции. Когда увидит, что у нас трудности, очнутся в Рачибуже регентша Гелена, эта волчица, и ее вредный сынок Николай. Готов решиться на что-нибудь радикально глупое Пжемко Опавский, да и для Вацлава это может оказаться крепким искусом. Все окончилось бы окружением, боем на несколько фронтов. Нет, братья. Епископ — наш самый злейший враг, так что идем что есть духу на Нису. Выходим! Главные силы — на тракт, направление Озоблога... А для братьев Пухалы и Змрзлика у меня будет другое задание. Но об этом чуть погодя. Сначала... Рейневан!

— Брат Прокоп?

— Юный Опольчанин... Ты его знаешь, мне кажется?

— Болека Волошека? Учился с ним в Праге...

— Прекрасно получается. Поедешь к нему. Вместе с Горном. В качестве посла. От моего имени предложите ему соглашение...

— Он не захочет, — холодно сказал Урбан Горн, — нас слушать.

— Доверьтесь Богу, — Прокоп взглянул на ожидающих приказов Добка, Пухалу и Яна Змрзлика, губы его кривила злая гримаса. — На Бога и на меня. Уж я сделаю так, чтобы он захотел.

Весенняя Страдуня действительно оказалась достаточно серьезной преградой, болотистые поля стояли под водой, течение омывало стволы прибрежных верб, уже серебрящихся распухшими почками. На разливе было полно лягушек.

Конь Урбана Горна плясал по дороге, месил копытами грязь. Горн натянул вожжи.

— К князю Болеку! — крикнул стоящей на мосту страже. — Посольство!

Горн крикнул уже в третий раз. А стражники не отвечали. И не переставали целиться в них из арбалетов и упирающихся в поручни моста гаковниц. Рейневан начинал беспокоиться. То и дело оглядывался на лес, подумывая, успеет ли в случае погони домчаться до него.

Из леса на другом берегу выехали четверо конников. Трое остановились на предмостье, четвертый, в полных доспехах, въехал на мост, гремя подковами. Герб на его щите не был, как вначале подумал Рейневан, чешским Одживонсом — это был польский Огоньчик.

— Князь, — крикнул всадник, — послов примет! Давайте оба сюда, на наш берег.

— Рыцарское слово?

Огоньчик поправил опадающее забрало шлема, поднялся на стремянах.

— Э-эй! — В его голосе послышалось изумление. — Я ж вас знаю! Вы — Беява!

— Вы, — припомнил Рейневан, — рыцарь Кших... Из Костельца, да?

— Гарантирует ли князь Болько, — сухо прервал обмен любезностями Горн, — нам посольскую неприкосновенность?

— Его милость князь, — поднял бронированную руку Кших из Костельца, — дает рыцарское слово. А Рейневана из Беявы не обидит. Проезжайте.

— Прошу, прошу, прошу, — проговорил, затягивая слова, Болько Волошек, князь Глогувки, наследник Ополя. — Прокоп должен чувствовать уважение, если посылает ко мне столь значительных особ. Столь значительных и столь известных. Чтобы не сказать — пользующихся дурной известностью.

Свита князя, присутствующая на штабном совещании, зашептала и забурчала. Штаб собрался в хате на краю деревни Казимеж и состоял из одного герольда в голубом, украшенном золотым опольским орлом, пяти рыцарей в доспехах и одного священника, тоже, впрочем, в латах, носящего нагрудник и мышки^[212]. Из рыцарей трое были поляки — кроме Кшиха из Костельца, князя сопровождал знакомый Рейневану силезский Нечуя и неизвестный ему Правдиц. У четвертого рыцаря на щите был серебряный охотничий рог Фалькенхайнов. Пятым был иоаннит.

— Господин Урбан Горн, — продолжал князь, оглядывая послов недружелюбным взглядом, — известен по всей Силезии в основном по рассылаемым епископом и инквизицией приказам «хватать и не пущать». И извольте: господин Урбан Горн, безбожник, бегард, еретик и шпион, выполняет роль посла на службе Прокопа Голого, архиеретика и ересиарха.

Иоаннит враждебно заворчал. Князь сплюнул.

— А ты, — Волошек перевел взгляд на Рейневана, — как вижу,

окончательно примкнул к еретикам. Всей душой запродался сатане и самоотверженно ему служишь, коли тебя с посольством посылают. А может, кацермэтр Прокоп думал, что если пошлет тебя, то чего-нибудь добьется за счет нашей бывшей дружбы? Ха, если он на это рассчитывал, то просчитался. Потому что скажу тебе, Рейневан, когда в Силезии на тебя всех собак вешали, разбойником и вором изображали, приписывали тебе самые чудовищные преступления, включая насильование девушек, то я тебя защищал, не позволял очернять. И что из этого получилось? Что я был глупцом... Но поумнел, — закончил князь после недолгой тяжелой паузы. — Поумнел! Посольство антихриста мне до задницы, болтать с вами и не подумаю. А ну, стража, взять их! А эту пташку — в плен!

Рейневан рванулся и аж присел, с такой силой стоящий за ним Кших из Костельца прижал его, вцепившись могучими руками в плечи. Двое прислужников схватили Горна за руки, третий с большой ловкостью завязал ему вожжи вокруг локтей и шеи, стянул, затянул узел.

— Бог видит, — преувеличенным жестом воздел руки поп. — Видит Бог, князь, ты поступаешь правильно. *Firmetur manus tua*. Да будет крепка мышца твоя^[213], когда давит она гидру ереси.

— Мы — посланники... — простонал стискиваемый поляком Рейневан. — Ты дал слово...

— Вы — послы, но послы дьявола. А слово, данное еретiku, силы не имеет. Горн — предатель и еретик. И ты тоже еретик. Когда-то, Рейневан, ты был мне другом, поэтому я связывать тебя не велю. Но заткнись!

Он съежился.

— Его, — князь головой указал на Горна, — я выдам епископу. Это моя обязанность как доброго христианина и сына церкви. Что же до тебя... Однажды я тебя уже спас по старой дружбе. И сейчас тоже отпущу...

— Это как же так? — взвизгнул священник, а Фалькснхайн и иоанниты заворчали. — Кацера отпустите? Гусита?

— Ты заткнись, патер. — Волошек сверкнул из-под усов зубами. — И не пищи, пока не спросят. Отпущу тебя на волю, Рейневан из Беявы, помня когдатошнюю нашу дружбу. Но это последний раз, клянусь муками Господними! Последний раз! Не вздумай мне больше попадаться на глаза! Я стою во главе крестоносного войска, вскоре мы соединим свои силы с епископской армией, вместе пойдем на Опаву, чтобы вас, кацеров, стереть с лица земли. Даст Бог, оценит епископ Вроцлавский, какой я правоверный католик! Кто знает, может, за это простит мне мои долги. Кто знает, может, вернет то, что некогда грабанул у Опольского княжества! Выше крест, так хочет Бог, вперед, вперед на Опаву!

— Там, где были предместья Опавы, — проговорил связанный Горн, — сегодня ветер пепел разносит. Вчера Прокоп был уже под Глубчицами. Сегодня он еще ближе.

Болько Волошек подскочил и коротко ударил его кулаком по уху.

— Я сказал, — прошипел он, — что не стану с тобой болтать, предатель. А слушать твою болтовню — тем более. Рейневан! — резко повернулся он. — Что он об Опаве говорил? Что она вроде бы взята? Не верю! Отпусти его, Кжих!

— Опава защитилась. — Отпущенный Рейневан помассировал руку. — Но пригороды сожжены. Сожжены Кетж и Новая Цереквия, а до того еще Гуквальды и Острава. Градец на Моравице и Глубчицы уцелели, и все это благодаря исключительной разумности князя Вацлава. Он договорился с Прокопом, заплатил пожоговые, уберег княжество. Во всяком случае, его часть.

— И я должен в это поверить? Поверить, что Пшемек Опавский не стал биться? Что позволил сыну договариваться с гуситами?

— Князь Пшемек сидит за стенами опавского замка, как мышь под метлой. Посматривает на пожары, потому что в какую сторону ни глянет — всюду пожар. А у молодого князя Вацлава, видать, свой разум. Позавидовать и подражать.

— Бог накажет, — взвился священник, — тех, кто с кацерами стакивается, кто с ними договаривается. Договор с кацером — это договор с сатаной! Кто его заключит, тот будет на веки веков проклят. И здесь, на земле, при жизни покаран...

— Милостивый князь, — крикнул, влетая в комнату, солдат в капалине. — Посланец!

— Давай его сюда!

Гонец — это было видно и чувствовалось — не жалел ни себя, ни коня. Слой засохшей грязи покрывал его до пояса, а запах конского пота бил на несколько шагов.

— Говори!

— Идут чехи... — выдохнул гонец, хватая ртом воздух. — Большой силой... Все палят... Озоблога сожжена... Прудник взят...

— Чтоооо?

— Прудник взят... В городе жуткая резня... Чижовице горят... Белая горит... Захвачена... Гуситы...

— Ты что, вконец спятил?

— Гуситы... под Глогувком...

— А где епископская армия? Где Ян Зембицкий, где княжики Рупрехт

и Людвик? Где господин Пута?

— Под Нисой. Говорит, чтобы ясновельможный князь как можно скорее шел к ним...

— К ним?! — взорвался Волошек, стискивая засунутый за пояс буздыган. — Они пятятся, бросают мои города и имущество на погибель, а я должен идти к Нисе? Епископ приказывает? Конрад из Олесьницы, тот ворюга, пьяница и прелю... бабник, смеет мне приказывать? А вы чего зенки вытаращили? Советуйте, мать вашу! Советуйте! Что делать?

— В атаку! — рявкнул иоаннит. — *Gott mit uns!*^[214]

— Может, неверные сведения? — заморгал силезец герба Нечуя.

— Идем к Нисе, — твердо сказал Фалькенхайн, — соединяться с епископом Конрадом. Нас будет сила, в общем бою мы побьем еретиков. Отомстим за сожженные города...

Князь взглянул на него и скрежетнул зубами.

— Не советуй, как мстить. Советуй, как сохранить!

— Договориться? — бухнул Огончик. — Заплатить пожоговые?

— Чем платить? — скрипнул зубами Волошек. — Мой Прудник... Сладкий Иисусе! Мой Глогувек!

— Надо положиться, — снова проговорил священник, — на веру в Бога... Будет то, что Бог даст... Вот Библия... Раскрою наугад, что прочту, тому исполниться...

— И предали заклятию, — раздельно проговорил, опережая священника, Урбан Горн, — все, что в городе: и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом^[215].

Болько Волошек обжег его взглядом, Горн утих. Но тут же заговорил Рейневан.

— И сжег Иисус Гай, — подхватил он, — и обратил его и вечные развалины, в пустыню до сего дня^[216]. Подумай, Болько. Прими решение. Пока еще не поздно... Это революция, Болько, — продолжал он, видя, что Пяст не спешит его прерывать. — Мир обретает новый вид, набрав большие обороты. Колесница истории мчится, уже никакая сила не в состоянии удержать ее. Ты можешь сесть на нее либо позволить смести себя. Выбери.

— Ты, князь, можешь, — проговорил Горн, — быть с победителями либо среди побежденных. Побежденным, как утверждают классики, всегда горе. Победителям же... Победителям — власть и могущество. Ибо новый вид мир примет также на картах.

— Не понял?

— *Sapienti sat dictum est.*^[217] Пограничные столбы, милостивый князь, передвинутся в пользу победителей. И тех, кто с ними сподвижничает.

— Это что, — в глазах юного князя появилась искорка, — предложение? Оферт?

— *Sapienti sat.*

— Хм, — искорка не исчезла, — и, говоришь, в мою пользу? А конкретно?

Горн с превосходством усмехнулся, глазами указал на свои узы. По знаку Волошека их немедленно разрезали. Видя это, Фалькенхайн снова заворчал, а иоаннит ударил кулаком по рукояти меча. Священник аж подпрыгнул.

— Господин! — взвизгнул он. — Не слушай дьявольских наущений! Эти гуситские змеи сочат яд в уши твои! Помни веру предков! Помни...

— Заткни хайло, поп. Священник подскочил еще выше.

— Так вот какой ты? Такой? — крикнул он еще громче, размахивая руками перед самым носом князя. — Мы тебя знаем! Вероотступник! Ренегат! С кацерами стакиваешься! Рыцари! Бей его, кто в Бога верит! Проклинаю тебя! Будь ты проклят в доме и во дворе, будь проклят спящий, встающий, ходящий...

Болько Волошек с размаху саданул его буздыганом по виску. Железная шестиперая головка с громким треском переломила кость. Священник повалился как колода, выгибая спину и дергаясь. Князь отвернулся, на его яростно искривленных губах уже был приказ. Но ему не пришлось его отдавать. Поляки с опережением читали намерения своего хозяина. Кших из Костельца мощным ударом барты разбил голову выхватывающему меч иоанниту, Правдиц мизерикордией ткнул Фалькенхайма в горло, силезский Нечуя добавил стилетом в спину. Трупы повалились на глинобитный пол, разлилась лужа крови.

Прислужники и пажи глядели, раззявив рты.

— Ох, — широко улыбнулся Огоньчик. — Вот денек счастливый. Давненько не доводилось прибить крестовика.

— К армии! — крикнул князь. — К людям! Успокоить! Особенно немцев. Если кто начнет возражать — топором по лбу! И готовиться к походу!

— К Нисе?

— Нет. К Крапковицам и Ополю. Исполнять!

— Так точно!

Болько Волошек повернулся, уставился горящими глазами на Рейневана и Горна. Он дышал быстро, громко и неровно. Руки у него

дрожали.

— *Sapienti sat*, — проговорил он хрипло. — Вы слышали, что я приказал? Отвести войска, притом так, чтобы избежать контакта с вашими разведчиками. Я не пойду к Нисе, не поддержу епископа. Прокоп должен воспринять это как союзнический акт. Вы взамен сохраните мои владения. Глогувек... Но это не все. Не все, клянусь муками Спасителя! Передайте Прокопу... — Юный князь гордо поднял голову. — Передайте, что союз со мной потребует существенных изменений на картах. Конкретно...

— Конкретно, — повторил Горн, — Волочек пожелал получить пожизненные лены: Гуквальдов, Пжибора, Остравы и Френштата. Как мы решили, я ему это пообещал. Но ему показалось мало, он добивался Намыслова, Ключборка, Грыжова, Рыбника, Пщины и Бытома. Я пообещал их ему, брат Прокоп, поручившись твоим именем. Наверно, поспешил?

Прокоп Голый ответил не сразу. Опершись спиной о боевую телегу, он ел, не сядясь, липовой ложкой черпал из горшка клецки, подносил ко рту. Молоко высыхало у него на губах.

За телегой и спиной Прокопа ревел и зверствовал пожар, огромным костром полыхал город Глухолазы, пылала как факел деревянная приходская церковь. Огонь пожирал крыши и стрехи, дым вздымался в небо черными клубами. Крики убиваемых не утихали ни на мгновение.

— Нет, брат, не поспешил. — Прокоп Голый облизнул ложку. — Ты поступил правильно, пообещав от моего имени. Мы дадим ему все, что обещано. Болеку полагается возмещение. За обиду. Потому что как-то так получилось, что Змрзлик и Пухала, пустив с дымом Белую и Прудник, с разгона спалили также и его любимый Глогувек. Мы подровняем ему этот ущерб. Большинство мест, которые он желает получить, все равно, по правде говоря, придется сначала захватить. Посмотрим при захвате, какой из Болека союзник. И наградим по заслугам перед нашим делом.

— И заслугам перед Богом, — вставил с полным ртом проповедник Маркольт. — Наследник Ополя должен принять причастие из Чаши и присягнуть четырем догматам.

— Придет и это время. — Прокоп отставил миску. — Кончайте есть.

На усах Прокопа засыхало молоко и мука от клецок. За спиной у Прокопа город Глухолазы превращался в пепелище. Убиваемые жители выли на разные голоса.

— Приготовиться к маршу. На Нису, Божьи воины, на Нису!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой в четверг восемнадцатого марта 1428 года, или, как принято писать в хрониках: in crastino Sancte Gertrudis Anno Domini МСССХХVІІІ, всего каких-то XIV тысяч мужчин дорываются до вражеских глоток в битве под Нисой. Потери побежденных составляют М павших. Потери победителей, по хроникерскому обычаю, умалчиваются.

— Гус кацер, — скандировали первые шеренги епископской армии, построенной на Монашьем лугу. — Гус кацер! Гу! Гу! Гу!

Известие о идущих на Нису таборитах должно было дойти до вроцлавского епископа уже давно — и неудивительно, не так-то, пожалуй, просто совершить скрытный маневр армии, насчитывающей свыше семи тысяч людей и почти две сотни телег, — особенно если эта армия сжигает все поселения на трассе марша и вдоль нее, четко помечая свой путь пожарами и дымами. Следовательно, у епископа Конрада было достаточно времени, чтобы сформировать войско. Достаточно времени было и у клодзкого старосты, господина Путы из Частоловиц, чтобы прибыть с помощью. Собрав под своей командой тысячу сто коней конницы и почти шесть тысяч крестьянской пехоты, имея мощный резерв и тылы в виде вооруженных горожан и городских стен, епископ и Пута решили принять бой в поле. Когда Прокоп Голый явился к Нисе, он застал в районе Монашьего луга силезцев под оружием и штандартами, построенных и готовых к бою. И принял вызов.

Когда гейтманы проверили войско — а проверили они его быстро, — Прокоп приступил к молитве. Он молился спокойно и негромко. Не обращая никакого внимания на выкрикиваемые силезцами оскорбления.

— Гус кацер! Гус кацер! Гу! Гу! Гу!

— Господь, — говорил он, сложив руки. — Владыка всех Сил Небесных. К Тебе обращаем мы молитвы наши... Будь нашим щитом и защитой, оплотом и твердыней в опасностях войны и разливе крови. Да пребудет с нами, грешными людьми, милость Твоя.

— Сыны дьявола! Сыны дьявола! Гу! Гу! Гу!

— Отпусти нам вины и прегрешения наши. Вооружи силой войско. Пребудь с нами в бою, дай нам отвагу и мужество. Будь нашей утехой и

прибежищем, дай силу, чтоб могли мы победить антихристов, врагов наших и Твоих.

Прокоп перекрестился, знаком креста осенили себя другие: Ярослав из Буковины, Ян Блех, Отик из Лозы, Ян Товачовский. Широко, по-православному, перекрестился князь Федор из Острога, который только что вернулся, спалив Малую Щинаву. Перекрестились Добко Пухала и Ян Змрзлик, которые вернулись, спалив Стшелечки и Крапковице. Стоявший на коленях около бомбарды Маркольт крестился, бил себя в грудь и твердил, что его *culpa*^[218].

— Боже на небеси, — возвел очи горе Прокоп, — Ты покоряешь бушующее море, Ты обуздываешь его бурлящие волны. Ты истоптал Рахаба^[219] как падаль, раскидал могущественных врагов десницей Твоей. Сделай так, чтобы и сегодня, с этого поля, побежденной ушла сила вражья. В бой, братья. Начинайте во имя Господа!

— Вперед! — заорал Ян Блех из Тешницы, выезжая на пляшущем коне перед фронтом армии. — Вперед, братья!

— Вперед, Божьи воины! — махнул буздыганом Зигмунт из Вранова, давая знак, чтобы перед ратью подняли дароносицу. — Начинайте!

— Нааааачинаать! — прошли вдоль линии армии крики сотников. — Нааааачинаать... Чииннааать... ииннааать...

Масса таборитской пехоты дрогнула, заскрипела доспехами и оружием, как дракон чешуей. И словно гигантский дракон ринулась вперед армия — фронтом шириной в полторы тысячи, — армия, насчитывающая четыре тысячи. Прямо на собранные под Нисой силезские войска. Встроенные в шеренги, тарактели телеги.

Рейневан, который по примеру Шарлея для лучшего обозрения забрался на грушу, росшую на меже, высматривал, но высмотреть епископа среди силезцев не сумел. Он видел только красно-золотую епископскую хоругвь. Распознал знамена Путы из Частоловиц и самого Путу, галопирующего перед линиями рыцарства и сдерживающего его от беспорядочной атаки. Видел многочисленную рать иоаннитов, среди которых должен был быть Рупрехт, любинский князь, являвшийся как-никак великим приором Ордена. Он приметил знаки и цвета Людовика, князя Олавы и Немчи. Заметил — и скрежетнул зубами — хоругвь Яна Зембицкого с получерным-полукрасным орлом.

Табориты шли, двигаясь ровным, размеренным шагом. Поскрипывали оси телег. Укрытая за щитами, оцетинившаяся остриями линия силезской крестьянской пехоты не дрогнула, командующий ею наемник, рыцарь в

полных пластинчатых латах, галопировал вдоль шеренг, кричал.

— Выдержат... — бросил Прокопу Блажей из Кралуп, в его голосе дрожало беспокойство. — Переждут, подпустят на выстрел... Раньше конники не двинутся...

— Понадеемся на Бога, — ответил Прокоп, не отрывая взгляда от поля. — Надежда на Бога, брат.

Табориты шли. Все увидели, как Ян Блех выезжает вперед, вперед строем. Как подает знак. Все видели, какой отдает приказ. Над головами марширующих рот взвилась песня. Боевой хорал.

Ktoz jsu bozi bojovnici
a zakona jeho!
Prostez od Boha pomoci
a doufejte v neho!

Силезская линия явно дрогнула, щиты качнулись, копья и алебарды заколебались. Наемник — Рейневан уже различил баранью голову на его щите и знал, что это Хаугвиц, — орал, командовал. Песня гудела, громовым грохотом перекатывалась над полем.

Kristus vam za skody stoji
stokrat vic slibuje!
Pakli kdo pron zivot slozi,
vecny mit bude!

Tent Pan veli se nebati
zahubcu telesnych!
Velit i zyvot slo ziti
pro lasku svych bliznich!

Из-за силезских щитов выглянули арбалеты и пищали, Хаугвиц орал до хрипоты, запрещал стрелять, приказывал ждать. Это была ошибка.

С подошедших на триста шагов гуситских телег выстрелили тарасницы, по щитам загрохотал град пуль. Через мгновение с шипением на силезцев полетела плотная туча болтов.

Повалились убитые, завyli раненые, линия щитов заколебалась,

силезские пехотинцы ответили огнем, но беспорядочным и неприцельным. У стрелков дрожали руки. Потому что по команде Блеха таборитская рать ускорила шаги, А потом побежала. С диким ором.

— Не устоят... — В голосе Блажея из Кралуп прозвучало вначале недоверие, потом надежда. А потом уверенность. Не устоят! С нами Бог!

Хоть это казалось невероятным, силезская линия вдруг распалась, словно неожиданно сдутая ветром. Бросив щиты и копья, крестьянская пехота кинулась наутек. Хаугвица, пытавшегося их удержать, повалили вместе с конем. В сумятице и панике, бросая оружие, прикрывая на бегу головы руками, силезские крестьяне мчались к пригороду и приречным кустам.

— На них! — ревел Ян Блех. — Гыр на них! Бей!

На Монашьем лугу загудели рога. Видя, что уже самое время, Пути из Частоловиц поднимал рыцарство. Наклонив копья, тысяча сто железных конников ринулись в атаку. Земля задрожала.

Блех и Зигмунт из Вранова мгновенно поняли серьезность положения. По их приказу таборитская пехота тут же сплотилась в закрытого щитами ежа. Телеги развернули боками, из-за опущенных бортов выглянули зевы хуфниц.

Железная лавина скачущего рыцарства четко перестроилась, разделилась на три группы. Центральная, под хоругвью епископа, с самим Путой впереди, должна была клином расщепить и разделить таборитский строй. Две другие намеревались схватить его словно в клещи: иоанниты Рупрехта справа, зембицкий и олавский княжики — слева.

Конники пошли сотрясающим землю галопом. Табориты, хоть в их охваченных ужасом глазах вырастали салады и железные налобники коней, ответили смелым ором, из-за щитов выглянули и наклонились сотни глевий, альшписов, рогатин, вил и гизарм, поднялись сотни алебард, цепов и моргенштернов. Градом посыпались болты, гукнули пищали и гаковницы, грохотнули и плюнули сечкой хуфницы. Смертоносный залп перемешал иоаннитов Рупрехта, ранив и пугая коней, притормозил конницу из Зембиц и Олавы. Однако наемники епископа и одетые в металл люди Пути из Частоловиц не позволили себя придержать, с натиском и грохотом навалились на чешскую пехоту. Загрохотало железо по железу. Завизжали кони. Закричали и завыли люди.

— Сейчас! Вперед! — указал буздыганом Прокоп Голый. — Начинай, Ярослав!

Ему ответил рев сотен глоток. С левого фланга на поле рванулась конная рать Ярослава из Буковины и Отика из Лозы, а с правого ударили

моравцы Товачовского, поляки Пухалы и дружина Федьки из Острога. За ними помчался в поле пеший резерв — ужасные станские цепники.

— Гырррр на ниииих!

Они добежали. Над визгом коней и ревом людей взвился громкий и звучный грохот оружия, дубасящего по латам.

Атаку Отика из Лозы пытались сдержать иоанниты, нимбуржцы смели их первым же ударом, туники с белыми крестами мгновенно устлали пропитавшуюся кровью землю. Зембичане мужественно стояли, не только не отступили под напором, но даже отбросили копейщиков Ярослава из Буковины. Рыцари и оруженосцы из Олавы тоже храбро выдержали напор атаки Добека Пухалы и Товачовского, но не сдержали сыплющихся на них ударов польских и моравских мечей, заколебались. А когда увидели, как Пухала страшным ударом топора раскрыл голову Типранда де Рено, командира наемников, надломились. Закачался и словно стекло лопнул весь левый фланг. Пута из Частоловиц увидел это. И хоть был завязан боем с пехотой, хоть был забрызган кровью, мгновенно заметил и понял угрозу. А когда, поднявшись на стременах, увидел обходящую его справа конницу Ярослава из Буковины, тогда заметил продирающихся к нему латников Отика из Лозы и мчащуюся на помощь орду ценников, понял, что проиграл. Уже охрипшим голосом выкрикивая команды, развернулся, чтобы увидеть, как бегут епископские наемники, как бежит с поля боя гофмейстер Вавжинец фон Рограу, как бежит Гинче фон Боршнитц, как убегает Николай Зейдлиц, отмуховский бургграф. Как разбежится разбитое рыцарство из Зембиц. Как под напором моравцев и поляков показывает тыл разреженная Олава. Как погибает командор Дитмар де Альзей, как, видя это, кидаются бежать недобитые иоанниты, как безжалостно рубят их конники Отика из Лозы. Как зацепленный крюком гизармы падает с коня юный оруженосец Ян Четтерванг, сын клодзского патриция. Которому он, Пута из Частоловиц, клодзский староста, поклялся, что в бою будет охранять единственного сына.

— Ко мне! — рявкнул он. — Ко мне, Клодзк!

Но крик криком, а бой и армия распоряжаются своими законами. Пока по его призыву клодзское рыцарство и остатки наемников оказывали гуситам яростное, но уже бесполезное сопротивление, Пута из Частоловиц развернул коня и сбежал. Такова была нужда, так надо было. Необходимо было спасти Нису — все еще крепко вооруженную и способную сопротивляться епископскую столицу. Надо было спасти Силезию. Клодзскую землю.

И собственную кожу.

Находясь уже совсем близко от рва, городских стен и Таможенных ворот, безжалостно принуждаемый к галопу конь Путы изорвал в клочья брошенную, втопанную в весеннюю грязь епископскую хоругвь. Черных орлов и красные лилии.

Так — сокрушительным ударом и очередным триумфом Прокопа Великого — закончилась битва под Нисой, проходящая на Монашьем поле и в его околицах на завтра после святой Гертруды лета Господня 1428-го.

Потом все было как обычно. Упоенные победой толпы гуситов принялись дорезать раненых и обдирать убитых. Последних насчитали около тысячи, но Рейневан уже во время ужина услышал песенку, доведшую результат до трех тысяч. В сумерки песенка удлинилась еще на два куплета, а количество убитых увеличилось на следующие две тысячи.

Теперь пришла очередь торжествующих чехов выкрикивать под стенами Нисы оскорбления, угрозы, насмешки и разные мерзости о папе, а защитникам досталось сидеть как мышам под метлой. Был сожжен пригород, не пощадили ни одной халупы, но город не атаковали. Прокоп ограничился обстрелом из бомбард, впрочем, не очень интенсивным, а проповедник Маркольт организовал у стен вечернее шествие с факелами и насаженными на острия пик головами polegших.

Наутро, прежде чем закончили загружать добычу на телеги, к Горну и Рейневану явился Фогельзанг в лице сбежавшего из города Дроссельбарта. Незамедлительно отправились к Прокопу. Ниса, доложил Дроссельбарт, хорошо готова к обороне, Пута владеет ситуацией, поддерживает железную дисциплину, в зародыше душит любые проявления паники и пораженчества. У него достаточно сил и средств, чтобы в случае осады эффективно и долго оборонять город даже после того, как сбежали епископ и княжичи.

— Пока вы здесь устраивали парады с трупными головами на пиках, — довольно нагло сообщил тощага, — епископ сбежал через Вроцлавские ворота. Не отстали от него князья Рупрехт, Людвик Олавский и Ян Зембицкий.

Прокоп Голый не прокомментировал, только вопросительно глядел. Дроссельбарт понял без слов.

— О Рупрехте, — заявил он, — вы можете временно забыть, он будет бежать аж до Хойнова, на вашем пути уже не встанет. Если хотите знать мое мнение, вот-вот удерет также и его дядюшка. Людвик Бжеский, Людвик, как вы наверняка заметили, в бою участия не принимал, даже не

двинулся от Бжега, хоть епископ лаялся. У него немалая сила, что-то около ста копий конников. А боя избегает. Или трусит, или... относительно этого ходят другие слухи... Говорить?

— Слушаю. — Прокоп задумчиво поигрывал кончиком уса. — Я внимательно слушаю.

— Жена Людвика Бжеского, Эльжбета, является, как вы знаете, дочерью бранденбургского курфюрста Фридерика. Курфюрст договаривается с польским королем Ягеллой, сватает к его дочери сына. Знает, что польский король тайно благоволит чехам, поэтому, чтобы его не раздражать и не подпортить шансов на марьяж с Польшей, курфюрст через дочь воздействует на князя Людвика, чтобы тот избегал...

— Достаточно. — Прокоп отпустил ус. — Какие-то глупости, жаль время тратить. Но подкармливайте эти слухи, подкармливайте. Пусть кружат. Что скажете о Яне Зембицком? И о юном князе Олавы?

— Прежде чем они сбежали из Нисы, был скандал. Между ними двумя и Путой из Частоловиц. Не секрет, в чем дело. Оба хотят спасти свои княжества. Короче говоря, хотят договориться. Откупиться.

— Тех, кто с нами связывается, — медленно сказал Прокоп, — Люксембуржец грозит лишить жизни, чести и имущества. Церковь для коллекции добавляет проклятие. Они забыли об этом? Или считают угрозы пустышками?

— Люксембуржец далеко, — пожал плечами Дроссельбарт. — Очень далеко. Слишком далеко для короля. Король обязан защищать подданных. А что делает Зигмунт? Сидит в Буде. В стычке с Путой князя воспользовались этим аргументом не один раз.

— Каково ваше мнение? — поднял голову Прокоп Голый. — Горн? Беява?

— Ян Зембицкий — предатель, — поспешно выпалил Рейневан. — Завравшийся мерзавец! Сбежал из Нисы, предал и оставил одного Путу, своего будущего тестя. Он предает Люксембуржца, хочет договориться с нами, потому что сегодня ему так выгоднее. Завтра он ради выгоды предаст нас!

Прокоп долго смотрел на него, наконец сказал:

— Я полагаю, что Ян Зембицкий и Людвик Олавский в нерешительности, что они колеблются, что не знают, как подойти к нам. Облегчим им задачу, сделав первый шаг. Если они действительно хотят вести переговоры, то ухватятся за возможность обеими руками. Поедете в Зембицы и Олаву, передадите предложение. Если они заплатят пожоговые и воздержатся от вооруженных действий, я пощажу их княжества. Если не

заплатят или договор нарушат, то и за сто лет не поднимутся из развалин и пепелищ. Поедете немедленно, Горн и брат Дроссельбарт.

— А я? — спросил Рейневан. — Я — нет?

— Ты — нет, — спокойно ответил Прокоп. — Ты что-то слишком уж возбуждаешься. Я чувствую в этом что-то личное, какую-то злость, какую-то личную месть. Мы в этой кампании реализуем высшие цели и идеи. Несем истинное слово Божие. Жжем церкви, в которых вместо Бога почитают римского антихриста. Караем продавшихся Риму прелатов, притеснителей и угнетателей народа. Караем жаждущих славянской крови немцев. Но кроме высоких идей, есть у нас и практические интересы. Урожай был скверный, кроме того, мы начинаем ощущать результаты блокады. Стрых^[220] овса стоит в Праге четыре гроша, Рейнмар, четыре гроша! Чехам грозит голод. Мы отправились в Силезию за добычей и трофеями. За деньгами. Если я могу получить деньги без боев и человеческих жертв, тем лучше, тем больше выгода. Договоры и союзы, запомни, это столь же хороший способ ведения войны, как и обстрел из бомбард. Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Прекрасно. Но я все равно подожду, пока это отстоится в твоей душе. А пока в Зембицы и Олаву пойдут Горн и Дроссельбарт. Без тебя. Для тебя у меня есть другое задание...

На следующий день, в субботу перед воскресеньем *Judica*^[221], которую в Силезии называют Белой, а в Чехии Смертной, Прокоп начал переговоры с Путой из Частоловиц относительно откупных за взятых в бою пленников. В это время Ярослав из Буковины и Зигмунт из Вранова спалили Отмухов и Пачков, украсив небо двумя могучими, видимыми издали столбами дыма. Отик из Лозы, Змрзлик и Товачовский тоже не бездействовали — спалили Виднаву и захватили замок Яворник. Не сплеховал Пухала, тщательно и методично сжигавший епископские деревни и фольварки.

Однако Прокоп нашел время для Рейневана. Оторвался от переговоров, чтобы попрощаться. И дать последние указания.

— Твое задание имеет первостепенное значение для кампании. Сейчас, с глазу на глаз, я говорю тебе: оно гораздо важнее, чем соглашения, заключаемые Горном и Дроссельбартом. Я говорю это тебе, так как вижу, что ты все еще дуешься на меня за то, что я не послал тебя с ними. Повторяю: ты получаешь задание стократ более важное. И не скрываю: во

сто раз более трудное.

— Я выполню его, брат Прокоп, — поклялся Рейневан. — Во славу Чаши.

— Во славу Чаши, — повторил с нажимом Прокоп Голый. — Хорошо, что ты так это понимаешь. И что понимаешь, сколь крепко ты связан с делом Чаши. Как и то, что только с нами ты отомстишь за брата и нанесенные тебе папистами обиды. Только таким, никаким иным образом ты не сможешь это сделать. Помни!

— Буду помнить!

— Поезжай с Богом.

Они отправились в полдень на пяти конях: Рейневан, Шарлей, Самсон, Бисклаврет и Жехорс. Самсон вез притороченный к луке седла фламандский гёдендаг, Шарлей вооружился грозно выглядевшим оружием, называемым фальшьоном, кривым, расширяющимся книзу булатом. Такое оружие, несмотря на сарацинский вид, выковывали во всей Европе, особенно популярным оно было в Италии. Фальшьон был легче меча и значительно более удобен в бою, особенно в толпе.

Под сожженным Отмуховом они переправились на левый берег Нисы и направились к цепи Рыхлебов. Ехали по трассе, по которой несколько дней тому прошли гуситские отряды, всюду, докуда хватал глаз, видны были следы этого движения и знаки реализации несомых Табором высоких целей и идей. От церквей, в которых почитали римского антихриста, остались одни пепелища. Там и тут на сухом суку висел какой-нибудь продавшийся Риму прелат. Вороны, вороны, волки и одичавшие собаки обгладывали трупы. В принципе следовало считать, что это трупы исключительно алчущих славянской крови немцев и врагов Чаши, надо было считать, что среди убитых нет ни в чем не повинных и случайных людей. Можно было так считать. Но никто так не считал.

Миновали епископское село Яворник, направились в горы, на Крутвальдский перевал. И здесь, весной, их прихватила зима.

* * *

Началось невинно, с того, что немножко сильнее захмурилось и подул более холодный ветер, ну и упало несколько мелких снежинок. Без предупреждения, моментально, несколько снежинок превратились в плотную белую метель. Падающий большими хлопьями снег мгновенно

покрыл дорогу, побелил сосны, заполнил колеи. Путникам облепил лица, тая на ресницах, наполнил глаза водой. Чем выше к перевалу, тем делалось хуже — яростно дующий ветер вызвал вьюгу, они перестали видеть что-либо, кроме белых от снега конских грив. Ослепив их, вьюга принялась заигрывать с другими органами чувств — в снежной круговерти, можно поклясться, раздались дикий хохот, крики, вой. Никто из группы не был чрезмерно суеверным, но все вдруг начали как-то странно кукситься, горбиться, сжиматься в седлах, а кони, совершенно не подгоняемые, пошли быстрее, только порой беспокойно храпя.

К счастью, дорога вывела их в котловину, к тому же прикрытую буковым лесом. А потом они почувствовали дым и увидели огоньки.

Стояла тишина. В такую погоду даже собакам не хотелось лаять.

В корчме, кроме пива, подавали исключительно селедку, капусту и горох без жира — как-никак продолжался Великий пост. Народа же было столько, что для Рейневана и компании с трудом нашлось место. Среди гостей преобладали горняки с Золотого Склона и Цукмантля, не было недостатка и в военных беженцах — из-под Пачкова, из-под Виднавы, даже из-под Глухолазов. Гуситское нашествие определяло, разумеется, тематику разговоров, отодвинув даже экономику и секс. Все говорили о гуситах. Жехорс не был бы собой, если б не воспользовался оказией.

— Уж что я вам скажу, то скажу, — начал он, когда ему удалось заговорить. — Один на свете честно трудится и справедливо обретает хлеб свой насущный. Но другие едят этот хлеб как преступники и грабители, ибо не заработали его, а просто отняли у работающих и присвоили. А это как раз господа, прелаты, князья, монахи и монашенки, сосущие народ навроде пиявок, делающие сааавсем не то, чему учат и что наказывают Евангелии, а вовсе даже наоборот и вопреки. Все они, значит, закона Божьего враги и заслуживают кары. Знаете, братья, каким образом недавно сохранили свои дома и имущество крестьяне под Кетрой и Глубчицами? Тем, что взяли дело в свои руки. Когда чехи до них дошли, то увидели хозяйский замок и церковь уже в угольках, а хозяина с приходским священником — болтающимися на виселице. Обдумайте это дело, братья христиане. Как следует обдумайте!

Слушатели кивали головами, да, да, правда, правда, он верно говорит, притесняют нас вельможи и хозяева, жить не дают, еще пива, хозяин, а попы и монахи самые что ни на есть злющие кровопийцы, чтоб их черти взяли, пива, пива, *mehr Bier*^[222], а податями, *verfluchte Scheisse*^[223], так нас, наверно, скоро совсем удушат, тяжкие времена настали, у женщин токмо

одно распутство в головах, молодежь бесится и старших не слушается, давней иначе было, больше пива, *mehr Bier*, открывай бочонок, хозяин, ух и соленая же эта ваша селедка, прям холера живая.

Шарлей втихую ругался, склонившись над миской, Самсон стругал прутик и вздыхал. Рейневан жевал горох, без жира такой же вкусный как, корм для кур. Под низким оконченным бревенчатым потолком стелился дым, волновалась паутина и плясали обманчивые тени.

* * *

Переночевали они в конюшне, рано утром отправились в дальнейший путь. В сторону Лондка. Рейневан и Шарлей не забыли Жехорсу его вчерашних выступлений. Отвели в сторонку, и ему пришлось выслушать несколько замечаний, в основном касающихся принципов конспирации. В Клодзко, напомнил Рейневан, Фогельзанг направляется с секретной и важной миссией. Это требует деликатности и скрытности. Чрезмерно обращая на себя внимание, можно повредить миссии. Жехорс сначала надулся, сослался на данные ему непосредственно Прокопом приказы. Именно распространяемая среди крестьян пропаганда, бахвалился он, порушила моральное состояние епископской пехоты под Нисой. И так далее, и так далее. Наконец согласился соблюдать несколько большую сдержанность. Выдержал каких-то полмили, до лежащей в полумиле за Лондком деревни Радохов.

— Вот что я вам скажу, вот что скажу! — выкрикивал он, забравшись на бочку, кучке крестьян и беженцев. — Попы и вельможи болтают, будто чехи несут войну. Ложь! Это не война, а братская помощь, мирноносная миссия. С мирной миссией идут в Силезию Божьи воины, ибо мир *pac Dei* — для добрых чехов величайшая святыня. Но чтобы был мир, надобно победить врагов мира, и если надо, то оружием и силой! Не силезский народ, побратим, враг чехов, а епископ Вроцлава, прохвост, притеснитель и тиран. Вроцлавский епископ в сговоре с дьяволом, отравляет колодцы, задумал заразу по Силезии распространить, народ выморить. Поэтому чехи только против епископа, против попов, против немцев! Простой люд не должен бояться чехов!

Когда толпа погустела, поле для пропаганды нашел и Бисклаврет, который прочел собравшимся письмо Иисуса Христа, павшее с неба на поле в районе Опавы.

— О вы, грешники и паршивцы. Надвигается ваш конец, —

воодушевленно читал он. — Я терпелив, но если вы с Римом, с этой вавилонской бестией не порвете, то прокляну я вас вместе с Отцом моим и ангелами моими на веки веков. Ниспошлю на вас град, огонь, молнии и бури, дабы погибли ваши труды, и изведу ваши виноградники, и заберу у вас всех овец ваших. Буду карать вас скверным воздухом, наведу на вас великую нужду. Запрещаю отдавать десятину негодным папистам, пресвитерам и епископам, слугам антихристовым; запрещаю слушать их. А кто отступит, тот не узрит жизни вечной, а в доме его народятся дети слепые, глухие и пархатые...

Слушатели крестились с искривленными ужасом лицами. Шарлей ругался себе под нос. Самсон спокойно молчал и прикидывался идиотом. Рейневан вздыхал, но уже ничего не предпринимал и ничего не говорил.

Долина Белой вывела их прямо в Клодзскую Котловину. На отдых они остановились в корчме у селения Желязно. Обилие строений и корчем не удивляло; они двигались по торговому пути, которым особенно любили пользоваться купцы, желавшие по дороге в Чехию обойти клодзские мыта^[224] и таможенные пункты. Учитывая значительную высоту Крутвальдского перевала, дорога была слишком тяжела для нагруженных телег, но купцы, странствующие налегке, часто выбирали именно эту дорогу. Компания избрала ее по другим причинам.

В корчме в Желязне, кроме купцов, путников и привычных в последнее время военных беженцев, задержалась группа вагантов, комедиантов и веселых жаков, создававших много шума и замешательства. Жехорс и Бисклаврет, конечно, не выдержали. Искушение было слишком велико. После того, как были рассказаны несколько весьма сальных анекдотов относительно папы, вроцлавского епископа и вообще клира, началась игра в политические загадки.

— Римская курия овечек пасет? — вопрошал Жехорс.

— Потому что с них, шерсть стрижет! — хором отвечали ваганты, колотя кружками по столу.

— А теперь внимание! — кричал Бисклаврет. — О римской иерархии. Кто угадает? *Virtus, ecctesia, clerus, diabolus! Cessat, calcatur, errat, regnat!*

— Добродетель гибнет! — Жаки быстро соединяли слова в пары. — Церковь давит! Клир блудит! Дьявол правит!

Корчмарь крутил головой, несколько купцов демонстративно отвернулись спинами. Явно не нравилась вагантская потеха и пятерым одетым в коричневое странникам за соседним столом. Особенно одному из них, субъекту с кожей темной как у цыгана.

— Тихо, вы! — наконец потребовал темный. — Тихо, вы не одни в доме! Поговорить невозможно из-за вашего крика!

— Ого! — ответили ваганты. — Гляньте-ка! Диспутант нашелся! Кто б подумал!

— Заткнитесь, сказал я! — не сдавался темный. — Довольно озоровать.

Ваганты заглушили его свистом и поддельными звуками ветров. Но забавляться продолжали уже немного потише, по меньшей мере на несколько тонов ниже. Возможно, поэтому как раз и произошло то, что произошло. Слух Рейневана больше не приглушал смех, вызванный глуповатыми анекдотами о папах, антипапах, епископах и приорах, а сам Рейневан начал прислушиваться к другим звукам и голосам. Он и сам не знал, когда из бестолковщины и хаоса выловил нечто иное, а именно обрывки разговоров тех пяти бурых путников. Что-то было в их беседе, что-то такое, что привлекло его слух, какое-то слово, порядок слов, фраза. Может, имя? Сам не зная почему, Рейневан смочил палец в вине и начертал на столе знак Супирре, применяемый для подслушивания. Поймав на себе удивленный взгляд Самсона, Рейневан сухим пальцем повторил знак, нарочно выйдя за пределы линии, увеличивая его. И сразу же стал слышать четче.

— Можно узнать, — мягко проговорил Самсон, прекращая стругать веточку, — что ты задумал?

— Пожалуйста, не мешай. — Рейневан сосредоточился. — Супирре, *spe, vero. Aures quia audiunt*^[225]. Супирре, *spe, vero*.

Он начал слышать каждое слово, прежде чем прозвучало заклинание.

— Чтоб я сдох, если вру, — говорил тип с темным лицом. — Такой фигуры я ни у одной бабы не видел. Никогда, Грудь, как у святой Цецилии на картине в церкви, а твердые, прямо мраморные, когда она навзничь лежала, они торчали. Неудивительно, что князь Ян так сдурел от той французицы.

— Но потом поумнел, — фыркнул другой. — И отделался от нее. Приказал в яме запереть.

— За что да вознаградит его Бог, — захохотал темный. — Иначе не было бы нам дано попользоваться ею. А было, говорю вам, такое пользование, что ого-го. Мы там, в зембицком закутке, каждую ночь собирались... И каждую ночь ее сообщача... Защищалась она, говорю вам, так жаро, не раз морды нам не хуже кошки исцарапывала... Но из-за этого утеха еще лучшее была.

— И не боялись? Что заколдует, сглазит? Говорили, мол, бургундская

ведьма с дьяволом в сговоре. Вроде бы сам каменецкий аббат сказал...

— И верно, — признался темный, — не совру, вначале побаивались мы. Но охота победила, хе, хе. Что, часто вам случается драть красотку, которую прежде сам милостивый князь Ян Зембицкий на атласах крутил? Кроме того, нас успокоили те тюремные прислуги, мол, они уж три года как насильно трахают всех молодок, которые туды попадают, а уж с обвинением в чародействе — боле всего. Трахают их как хотят. И никому ничего не было. Перебирают с этими чарами-то.

— А поп на исповеди?

— А что мне поп? Я вам правду толкую, не видели вы ее, ту Адельку, значит. Увидели бы, догола раздетую, мигом бы у вас страхи улетели. В которую-то ночь мы ее...

Того, что случилось в которую-то ночь, компаньоны темного уже никогда не смогли узнать. Рейневан начал действовать как в трансе, почти бессознательно. Встал, как двинутый пружиной, подскочил, с размаха саданул болтуна кулаком по лицу. Хрустнул нос, брызнула кровь, Рейневан качнулся в бедрах, ударил еще раз. Получивший удар взвыл, взвыл так душераздирающе и жутко, что корчма замерла. Люди начали пробираться к дверям. Спутники воющего вскочили, но стояли словно окаменев. А когда получивший третий раз темный свалился с лавки на пол, сбежали. Бисклаврет и Жехорс вытолкали к выходу жаков и вагантов, Шарлей придержал подбегающего корчмаря. Девка-прислужница принялась тонко кричать.

Лежащий на полу темный тоже кричал. Тоже тонко, отчаянно, умоляюще. Подавился, когда Рейневан со всей силы пнул его по губам. Когда его подняли с пола, он бормотал, плевался кровью и зубами, тряс головой, сверкал белками глаз, размякал, обвисал. Рейневан примерился, но кулака ему стало недостаточно, он был совершенно неадекватным. Мир вокруг сделался ослепительно ярким, белым, светящимся. Он толкнул путника на столб, схватил со стола жбан, жбан разлетелся при первом же ударе, Рейневан нащупал на столе толстый посох, ударил опирающегося о столб по руке выше локтя. Хрустнуло, темный заскулил как пес. Рейневан ударил еще раз, изо всей силы, по другой руке. Потом по ноге. Падающего ударил по голове, лежащего на полу ударил в живот, другой ногой добавил под живот. Темный уже не кричал, только конвульсивно дергался, дрожал как в лихорадке. Рейневан тоже дрожал. Отбросил посох, встал на колени на лежащем, схватил за волосы, в бешенстве принялся колотить того затылком по доскам. Чувствовал, как ломаются и поддаются кости черепа. Словно яичная скорлупа. Кто-то схватил его, насильно оттащил. Самсон.

— Довольно, — повторял гигант, крепко держа его. — Довольно, довольно, довольно. Опомнись!

— Если так, — кашлянул Жехорс, — должна в вашем исполнении выглядеть конспирация и скрытность, то я вас от всего сердца поздравляю.

— У нас миссия, — добавил Бисклаврет. — А теперь нас станут преследовать за убийство. Рейневан! Что на тебя напало? Зачем ты его так...

— Видимо, была причина, — обрезал его Шарлей.

— Ага, — догадался Жехорс. — Догадываюсь. Адель Стерча. Рейневан! Ты же обещал...

— Замолкни.

Вокруг головы лежащего расцветала огромная, блестящая, черная при свете каганков лужа. Шарлей присел рядом, взял его за виски, крепко сжал, резко и сильно свернул. Хрустнуло, мужчина напрягся. И обмяк. Рейневан все еще видел все это в тональности светящейся искристой белизны. Слышал все как сквозь воду. Ноги были ватными, если б не объятия Самсона — он бы упал.

Шарлей поднялся.

— Ну что ж, Рейнмар, — холодно сказал он. — Первый жизненный рубеж у тебя уже позади. Но ты еще многому должен научиться. Я имею в виду технику.

— Бежим отсюда, — сказал Бисклаврет. — Да побыстрее.

— Верно, — сказал Самсон.

* * *

Они не разговаривали. Убегали молча, галопом, по течению Белой в Клодзкскую котловину. Неведомо когда оказались на перепутье, на тракте, идущем по правому берегу Нисы. По большой дороге с юга тащились толпы беженцев. В панике и замешательстве.

Они смешались с толпами. Никто не обращал на них внимания. Никто ими не интересовался. Никто их не преследовал. Никого не интересовало заурядное преступление, ничего не значащее убийство, незначительная жертва, незначительный исполнитель. Были дела поважнее. Гораздо важнее. Гораздо опаснее. Вибрирующие в ломких голосах бегущих с юга людей.

Бобошев сожжен. Левин сожжен. Замки Гомоле и Щерба осаждены. Междулесье в огне. По долине Нисы, сжигая и убивая всех подряд, идут

захватчики. Могучая, многотысячная армия гуситских кацеров. Сволочная рать сирот под командой сволочного Яна Краловца.

Почти спустя полвека, крутясь на жестком табурете, старый монах-летописец из Жаганского монастыря августинцев поправил и подровнял пергамент на пюпитре, обмакнул перо в чернила.

In medio quadragesime anno domini MCCCCXXVIII traxerunt capitanei de secta Orphanorum Johannes dictus Krahwycz, Procopius Parvus dictus Prokupko et Johannes dictus Colda de Zampach in Slesiam cum CC equites et IV milia peditum et cum CL curribus et versus civitatem Cladzco processerunt. Civitatem dictam Mezilezi et civitatem dictam Landek concremaverunt et plures villas et opida in eodem districtu destruxerunt et per voraginem ignis magnum nocumentum fecerunt...

Монах поднял голову, испуганно потянул носом. Но это всего лишь сжигали сорняки в монастырском саду.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Рейневан пытается помочь захватить город Клодзк — усиленно, яростно и различными способами, то есть, как полвека спустя напишет летописец: per diversis modis.

Клодзк, панораму которого они увидели утром, оказался притулившейся к склону горы массой красных крыш и золотых стрех, спускающихся по склону в самый низ, до вод омывающей взгорье Млыновки. Смотрящийся в поток широко разлившейся здесь Нисы склон венчала возвышающаяся над городом, украшенная башнями, Замковая гора.

Дорогу по-прежнему заполняли повозки беженцев, их воняющее хозяйство и их воняющие дети. Чем ближе в городу, тем все больше становилось телег, гул разрастался, дети, казалось, самопроизвольно размножались, а вонь резко набирала силу.

— Перед нами Старый Конский Тарг, — указал Жехорс. — И пригород. Выгон. Сейчас будет мост через Едловник.

Едловник оказался быстрой речкой, а мост был намертво запружен. Рейневан и компания не стали ждать, пока дорога освободится, по примеру других конников погнали коней в воду, без труда форсировали речушку. Дальше по обеим сторонам дороги уже стояли хаты, клетки, сараи, люди занимались повседневным трудом, не обращая на проезжающих никакого внимания, если не считать мимолетных взглядов.

Они какое-то время ехали довольно быстро, но наконец их снова задержала очередная пробка. На сей раз ее уже невозможно было объехать.

— Мост на Нисе, — сказал Бисклаврет, поднимаясь на стременах. — Это там закупорило. Ничего не поделаешь. Надо ждать.

Они ждали. Очередь передвигалась медленно, в темпе, позволяющем любоваться ландшафтом.

— Ого, — буркнул Жехорс. — Вижу много перемен. Стены и башни отремонтированы, на берегах Млыновки — валы, заграждения, новенькие частоколы... Пути времени зря не терял. Чует, видать, дело носом.

— Кое-чему, — ответил Шарлей, — его научил третьегодний рейд Амброжа. А это видите?

Толкотню на дороге усилили телеги, нагруженные животными,

камнями и связками болтов.

— Готовятся к обороне... а там что творится? Разбирают строения?

— Монастырь францисканцев, — пояснил Бисклаврет. — Правильно делают, что разваливают. При осаде он был бы готовой осадной башней, вдобавок каменной. Самая большая дальность боя пушек — четыреста шагов, шары, выстреленные с монастырской стены, попадали бы в середину города, в самую ратушу. Умно делают, что разрушают.

— При разрушении, — заметил Шарлей, — активнее всего трудятся сами францисканцы, работают, как я вижу, с удивительным жаром, прямо-таки радостно. Воистину символичная игра судьбы. Сами собственный монастырь разрушают, к тому же с охотой.

— Я же сказал, расторопно действуют. Но толкучка на мосту... Черт побери... Контролируют или как?

— Если, — Жехорс глянул на все еще молчащего Рейневана, — до них уже дошло известие...

— Не дошло, — обрезал Шарлей. — Не могло. Не паникуй.

— Не буду, потому что не привык, — осек его Жехорс. — А теперь прощайте. Я в город не пойду, вам нужен будет связник вне стен. Бисклаврет? Сигналы те же, что всегда?

— Ясно. До встречи.

Жехорс подогнал коня, растворился в толпе, исчез. Остальные в черепашьем темпе двигались в сторону каменного моста. Рейневан молчал. Шарлей подъехал ближе, тронул стремянем.

— То, что ты сделал, то сделал, — сухо бросил он. — Это не отстанет. Несколько ночей вместо того, чтобы спать, будешь пялиться в потолок и корить себя. Но сейчас возьми себя в руки.

Рейневан откашлялся, взглянул на Самсона. Самсон глаз не отвел. Кивнул, соглашаясь с Шарлеем.

Не улыбнувшись.

На предмостье стоял отряд алебардистов и группа монахов в черных рясах с черными поясами — видимо, августинцы.

— Внимание! — покрикивали десятичники. — Внимание, люди! Город готовится к обороне, поэтому на мост ход только тем, кто владеет оружием и к бою способен! Только тем, кто оружием владеет! Кто не владеет, а работать способен, идут монастырь разрушать и частокол ставить. Их семьи могут остаться в Клодзке. Остальные идут дальше, в пригород Рыбаки, там братья-францисканцы варят и выдают пищу, лечат больных. Оттуда, когда передохнете, уходите на север, к Барду. Повторяю. Клодзк готовится к обороне, вход только тем, кто владеет оружием! Эти

немедленно направятся на рынок, в распоряжение цеховых мастеров...

Толпа шумела и возмущалась, но алебардисты держались решительно. Толпа тут же разделилась — одни свернули на мост, остальные — из них часть ругаясь на чем свет стоит — ехали дальше по Вроцлавскому тракту, идущему между берегом Нисы и халупами пригорода.

Сделалось немного свободнее.

— Внимание! Город будет защищаться! Вход только для тех, кто владеет оружием!

На предместье началась толкотня. Кто-то с кем-то препирался, были слышны возмущенные голоса. Рейневан поднялся на стременах. Три священника в дорожных одеждах ругались с сотником с сине-белым кругом на тунике. К спорящим подошел высокий августинец с орлиным носом и кустистыми бровями.

— Ваше преподобие отец Фесслер? — узнал он. — Из прихода в Вальтерсдорфе? Что вас привело в Клодзк?

— Забавная шутка, воистину, — ответил священник, преувеличенно морща лоб. — Словно не знаете, что приводит. Давайте не будем дискутировать у хамов на глазах. Убери солдат, брат! Загораживать можете бродягам, а не мне. Я целую ночь в пути, мне необходимо перед дальней дорогой передохнуть.

— И куда ж это, — медленно спросил августинец, — ведет дальняя дорога, если можно спросить?

— Не прикидывайся дурнем, — не успокаивался священник. — На нас идут дьявольские гуситы огромной силой, жгут, грабят, убивают. Мне жизнь дорога. Я еду во Вроцлав, может, они туда не дойдут. Вам советую сделать то же самое.

— За совет благодарю, — наклонил голову августинец. — Но меня здесь, в Клодзке, обязанности держат. Мы с господином Путой будем город оборонять. И обороним с Божьей помощью.

— Может, обороните, может, нет, — обрезал Фесслер. — Это ваше дело. Уйди с дороги.

— Защитим Клодзк, — монах и не думал уступать, — с Божьей помощью и добрых людей. Любая помощь пригодится. И твоей не побрезгуем, Фесслер. Ты своих прихожан в беде бросил. Имеешь возможность вину искупить.

— Что ты мне виной в глаза тычешь? — разорался священник. — И искуплением? Прочь с дороги! И думай, что говоришь! Ты в моем лице оскорбляешь Церковь! Тебе-то какое дело, голытьба нищая? Что я ухожу? Да, ухожу, ибо это моя обязанность — спасти себя, свою особу и Церковь!

Надвигаются еретики, священников убивают, я в своем лице Церковь спасаю! Ибо Церковь — это я!

— Нет, — спокойно возразил августинец. — Не ты. Церковь — это верующие и верные. Твои прихожане, которых ты бросил в Вальтерсдорфе, хоть обязан был им помочь и быть опорой. Это эти вот люди, которые готовятся к обороне, а не к бегству. Так что брось мешок, преподобный, бери кирку и отправляйся работать. И помалкивай, Фесслер, помалкивай. Я человек послушный, но здесь находится господин сотник. Он, прости его Господи, не грешит ни покорностью, ни излишним терпением. Он может приказать тебя на работу батогами гнать. А может и повесить приказать. Господин Пута наделил его широкими полномочиями.

Фесслер раскрыл было рот, готовясь возразить, но мина сотника заставила его быстро закрыть. Отчаявшись, он принял врученную ему кирку. Его спутники взяли лопаты. Лица у всех были истинно мученическими.

— В работе счастье Божие! — крикнул им вслед монах. — И не советую лениться и лодырничать! Сотник смотрит!

— Ох, — буркнул себе под нос Бисклаврет. — Ох, легко-то у нас здесь не пройдет. Эй, люди! Кто он, этот монах? Кто-нибудь его знает?

— Это Генрик Фогсдорф, — подсказал им один из возниц, управляющий телегой, наполненной каменными шарами для бомбард. — Августинский приор. Пользуется уважением в народе.

— Оно и видно.

Со стороны Рыбаков приближался на рысях конный отряд, направляющийся в сторону Нижних Мостовых ворот. Алебардисты немедленно остановили колонну беженцев. Отряд приблизился, было видно, что он состоит из одних вельмож. Сопровождавший их от моста на Нисе возница, везущий снаряды для бомбард, оказался человеком хорошо информированным и разговорчивым.

— Тот, что впереди, наш староста, его милость господин Пута из Частоловиц, — сообщил он, впрочем, без нужды. Господина Путу знали все, повсеместно знаком был также его герб, диагональные голубые полосы на серебряном поле. Рейневан обменялся взглядами с Бисклавретом — присутствие Путы в Клодзке означало, что Прокоп ушел от Нисы.

— Рядом со старостой, — показывал возница, — едет господин подстароста Гануш Ченебис. За ними господин Николай Мошен, командир наемных войск, и знатный господин Вольфрам фон Панневиц. Дальше — Ян фон Мальтвиц, хозяин Экерсдорфа. Господа из городского совета:

Четтерванг, Греммель, Лишке...

Свита господина Путы с грохотом въехала в Нижние ворота, эхом прогремел под сводом ворот звон копыт. Когда конники проехали мост через Млыновку и скрылись в Верхних воротах, алебардники освободили дорогу, беженцы двинулись. Бисклаврет резко крикнул, ногой тронул стремя Рейневана. В этом не было нужды. Рейневан уже заметил. Заметили все. Какая-то женщина глухо крикнула у них за спинами.

С ризалитов башни над Верхними воротами свисали, надетые на крючья, четыре труп. Трупы четырех людей. Точнее, остатков людей. Потому что тела были лишены всего, что обычно выступает из человека, включая сюда и уши. Над верхними и нижними конечностями, это было видно, трудились долго и упорно, в результате чего они походили на конечности только в общих чертах.

— Это гуситские шпионы! — натянул вожжи возница. — Одного поймали, он, не выдержав истязаний, назвал соучастников. Если б гуситы подошли к Клодзку, они должны были втихаря отпереть ворота, а в городе учинить пожары. Позавчера их на рынке казнили. Жутко мучали, другим на страх. Раскаленными клещами и крючьями рвали, кости ломали. А ворота теперь как следует стерегут ночью и днем. Вот увидите.

Действительно, увидели. Верхние ворота стерег отряд по меньшей мере в тридцать вооруженных до зубов солдат. Выпускал из-под крышки пар висящий над костром котелок. Командир роты, верзила с физиономией бандита, играл с собакой, бросая ей палку.

Бисклаврет смотрел угрюмо. Молчал.

— Среди тех, которые висели над воротами, — вроде бы равнодушно спросил Шарлей, — были знакомые?

Бисклаврет не повернул головы. Лицо у него было неподвижным.

— Да, — сказал он наконец. — Но скорее дальние, чем близкие.

Речной порт тоже охранялся такой же крупной командой. Бисклаврет тихо выругался.

— Будет непросто, — проговорил наконец. — Ручаюсь, что у других ворот будет так же. Скверно, скверно, скверно. С идеей захватить и открыть которые-нибудь из ворот можем распрощаться. Надо менять планы.

— Что предлагаешь? — прищурился Шарлей. — Крууугом и марш из города? Пока еще можно?

— Нет, — бросил Рейневан. — Остаемся.

— А ты, — демерит окинул его взглядом, — в своем уме? А? Еще в состоянии решать?

— Я в своем уме и во всех своих силах. Остаемся в Клодзке.

— Надеюсь, не ради покаяния? Спрашиваю, потому что еще мгновение назад ты выглядел так, словно жаждешь искупительного покаяния.

— Кончай с впечатлениями. — Рейневан насупил брони. — Я выслушал твой совет и взял себя в руки. А взяв, заявляю: мы получили приказы. Сироты на нас рассчитывают, мы должны помочь захватить город. Надо проверить все ворота.

Проверили. Рейневан, Шарлей и Самсон занялись стеной от Мостовых ворот до Замковой горы. Осмотр не воодушевлял. Банный проход был наглухо забаррикадирован камнями и бревнами. Вдобавок у ближайшей приходской церкви расположилось армейское подразделение. У остальных ворот, Зеленых и Чешских, стояли на страже боевые роты наемников.

С Бисклавретом они встретились в условленном месте позади пекарни на улице Гродской. Кроме сообщения, что Водные и Пжиленцкие ворота стерегут сильные отряды стражи, Бисклаврет принес слухи, в основном с фронта. Подтвердилось, что Прокоп ушел из-под Нисы, повел Табор на север, на Надодре. Миссия Горна и Дроссельбарта должна была пройти удачно, потому табориты не напали ни на Зембицы, ни на Стжелин, ни на Олаву. Этот факт широко комментировали, а мнения были различные. В соответствии с одними Ян Зембицкий и Людвик Олавский совершили преступление, поскольку, договорившись с еретиками, оказались не лучше предателя Болько Волошека и шпионов, повешенных на Мостовой башне. Однако были и такие, которые считали, что князья поступили разумно, сохранив договорами имущество и жизнь множества людей. Хорошо б, добавляли многозначительно, но тихо, если бы и другие проявили такой же ум. Второе мнение начало заметно перевешивать, когда до Клодзка дошла весть о разрушенном и полностью сожженном Немодлине, так как немодлинский князь Бернард, дядя Волошека, опрометчиво отказался договариваться с Прокопом Голым.

Однако больше и живее, чем табориты Прокопа, горожан занимали надвигающиеся с юга сироты. Дошедшие только что сообщения о сиротах вызвали в городе крупный переполох, поскольку из них следовало, что вся страна к югу от Клодзка полыхает огнем и разливается кровью, а гуситы неудержимо прут на север. Пала, рассказывали дрожащими голосами беженцы и очевидцы, считавшаяся неприступной крепость Гомоле, охраняющая Левинский перевал. Взяты и обращены в развалины две другие крепости, долженствовавшие сдерживать нашествие, — Щерба и

Карпень. Пущены по ветру Левин, Мендзылесье, Шнелленштайн, Лёндек и многие села. Кто не убежал, тот пошел под нож, рассказывали бледные от ужаса беженцы и очевидцы, а жители Клодзка были в волоске от всеохватывающей паники.

Бисклаврет потер руки, но радость его была недолгой. На рынок он попал как раз в тот момент, когда к собравшейся толпе обратился Пута из Частоловиц. Рядом с ним стоял приор Фогсдорф.

— *Necessitas in loco, spes in virtute, salus in victoria!* — кричал Пута. — Клянусь здесь, пред вами, нашей Клодзкской Девой Марией и Святым Крестом, что не отступлю ни на шаг, защищу город либо полягу на его развалинах.

— Никого из вас, — без всякой напыщенности добавил приор Фогсдорф, — даже самого прераспоследнего слуги, не оставлю я без защиты. Никого. Клянусь этим Святым Крестом.

— Не повезло, — равнодушно отметил Бисклаврет. — Хуже мы попасть не могли. Чертов Пута *sans per et sans reproche*^[226], в компании с встречающимся реже единорога мужественным и добропорядочным попом. Непруха!

— Непруха, — спокойно согласился Шарлей. — Нет, видать, нам счастья. Подведем итоги. Раскрыть какие-нибудь ворота не удастся. Вызвать панику среди защитников будет трудновато. Что остается?

— Убийство, — скривил рот француз. — Покушение. Террористический акт. Можно попытаться изъять Путу и приора. Положимся в этом на Рейневана, вчера вечером он в Желязне проявил талант...

— Довольно, — обрезал его Рейневан. — Больше об этом не хочу и слышать. Жду серьезных предложений. Что у нас остается?

— Поджог, — подал плечами Бисклаврет. — Разжигание пожара, вернее, пожаров. В нескольких местах одновременно. Но это тоже отпадает. Я за такое дело не возьмусь.

— Это почему ж?

— Рейневан, — голос француз был холоден, а взгляд еще холоднее, — можешь изображать из себя идейного борца, если хочешь, если думаешь, что это тебе к лицу. Можешь, если есть желание, бороться за Виклифа, Гуса, Бога, причастие *sub utraque specie*, благо народа и общественную справедливость. Но я — профессионал. Я хочу исполнить работу и остаться живым. Что, не дошло? Диверсионные пожары, чтобы они были эффективны, необходимо разжечь в самый момент штурма. Понимаешь?

— Я понимаю, — заявил Шарлей. — В самый момент штурма, когда уже нет возможности убежать. Те, что с нашей помощью захватят город, с энтузиазмом прирежут нас во время вошедшей в обычай победной резни.

— Можно договориться о каком-то знаке...

— Повесить себе, как Раав в Иерихоне, веревку из красных нитей? Слишком ты проповедей наслушался, парень. Не приплетай литературы к серьезным делам. Я поддерживаю Бисклаврета и говорю: я тоже не пойду на такой риск. Я тоже, напоминаю, профессионал. У меня даже несколько профессий. И каждая мне дорога. Настолько, чтобы любить и ценить свою жизнь.

— Есть, пожалуй, способ, — сказал после долгого раздумья Рейневан, — поджечь город, не подвергая опасности ценных шкур господ профессионалов.

— И ты его знаешь?

— Знаю. Потому что я, господа, — не профессионал.

Могло бы показаться, что пражская аптека «Под архангелом», прибежище ученых и философов, уголок мысли и прогресса, — последнее место, где можно обучиться изготовлять магические зажигательные бомбы. И однако тот, кто так подумает, сильно ошибется. «Под архангелом» можно было постичь все вообразимые тайны и умения. И надо ж было случиться такому, что Рейневан лично участвовал в изготовлении зажигательной бомбы большой силы. Бомбы, которую на магическом жаргоне именовали *Ignis Inextinguibilis*^[227], решили изготовить Теггендорф и Радим Тврдик, жутко обозленные на непорядочного конкурента, халтурившего вне цеха дилетанта-чародея, бывшего приходского в Святом Щепане. Вначале планировали анонимно донести на него и отдать под городскую юрисдикцию, но потом сочли это малочестной мезьей. Чародей-попик имел прекрасный сельский домик в Бубнах, куда с известными целями приглашал девушек и замужних дам. Теггендорф и Тврдик избрали этот дом целью. Вот уж, гнусно радовались они, попище рот раскроет, когда, вернувшись из Праги с очередной задницей, увидит на месте своей халупы черную дыру в земле!

Однако злость у магиков быстро иссякла, до желаемого покушения дело не дошло. Но *Ignis Inextinguibilis* все же изготовили. В соответствии с древними арабскими рецептами, вычитанными из изданных в Константинополе книг. При активном участии ассистирующего мероприятию Рейневана. Который теперь, больше чем через год, в Клодзке, точно знал, что ему нужно.

— Мне нужно, — уверенно и четко заявил он довольно критично поглядывающим на него компаньонам, — две кадки оливкового или другого масла, ведро или два дегтя, ведерко меда, четыре фунта селитры, два фунта серы, столько же гашеной извести. И две либры^[228] сурьмяного порошка. Он бывает в аптеках.

— Это все?

— Я думаю, мы сделаем пять бомб. Поэтому потребуются пять глиняных кувшинов с узкими горлышками. Солома, чтобы их обернуть. И много смолы, чтобы все это залить...

— А морской змей? — спокойно спросил Бисклаврет. — Копье святого Маврикия? Стая попугаев? Обезьяны? Не понадобятся? Ты, Рейневан, не иначе как здорово головой ушибся. Город ждет осаду, хлеб уже ограничивают, купить соль — искусство, а ты посылаешь нас за серой и сурьмой.

— Еще мне нужно, — Рейневан не обратил внимания на это, — помещение, в котором я смог бы работать. Так что не тани, берись за дело. Я уверен, что у Фогельзанга есть в Клодзке резидент. Возможно, не один.

— Ты видел, — обрезал Бисклаврет, — тех, что висели на воротах? Они как раз и были резидентами Фогельзанга. Да, ты совершенно прав, это не все, есть у нас еще один. Но связаться с ним сейчас значит наверняка сдать его на повешение. На пытках — выговариваются, Рейневан. И предают.

— Господа, — включился Шарлей. — Так нельзя, заранее говорить о провале, даже не предприняв хотя бы попытки. Давай список, Рейнмар. Обойдем город, посмотрим, что из этих ингредиентов можно будет добыть. Помещение тоже найдем. Есть деньги, есть время...

— Со временем дело скверно, — возразил Бисклаврет. — Сегодня двадцать второе марта, понедельник после Белого воскресенья. Сироты Краловца будут здесь в среду. Самое большее — в четверг.

— Успеем, — уверенно сказал Рейневан. — До субботы, господа.

Резидентом и временно неактивным агентом Фогельзанга в Клодзке оказался альтарист у Девы Марии по имени Йоханн Трутвайн. Увидев Бисклаврета, он чуть не упал в обморок. Однако, надо отдать ему должное, пришел в себя настолько, чтобы отвечать на вопросы. Зубы у него немного позвякивали, когда он рассказывал о судьбе других агентов, которых пытали вначале в подвалах ратуши, потом на рынке, на глазах зевак. Сам альтарист уцелел только потому, что несчастные ничего о нем не знали. Фогельзанг был достаточно умен, чтобы не держать все яйца в одной

кошелке. Но то, что Йоханн Трутвайн набрался страха по уши, так это факт.

Однако Бисклаврет знал безотказное средство против навязчивого страха.

Увидев туго набитый деньгами кошелек, агент посветлел, а узнав, зачем они пришли, начал действовать удивительно четко. Тут же обеспечил конспираторам помещение: лежащее на улице Млечной жилье купца, убежавшего из города, доверив Трутвайну ключ и присмотр. Незамедлительно предложил также помощь в приобретении необходимого сырья. Не спрашивал, зачем это сырье понадобится. И хорошо сделал, потому что ему все равно никто б не сказал. В тот же день Рейневан с помощью заклинаний и амулетов начал в купеческом доме изготавливать магические зажигалки, именуемые *ignis suspensus*^[229]. Остальная часть команды отправилась в город купить что надо. И возникла проблема.

Проблемой, как ни странно, оказалась не сера и не селитра, которые без особых трудов приобрели у городских аптекарей, не смола, которая в достатке оказалась у сбежавших под защиту стен ближайших смолокуров, не сурьмяный порошок, который — потребовав, правда, истинно сказочную цену — продал им сбежавший из Быстрицы алхимик. Сложность составил наименее, казалось бы, сложный компонент — масло. Масла в Клодзке не было. Все раскупили.

В городе было очень мало специализированных маслобоев, потребность в масле полностью покрывали городские давяльни. Изготовление масла *intra muros*^[230] осуществлялось в мельницах как побочная деятельность. Занимались ею мельничные подмастерья. Сейчас, учитывая опасность осады, часть подмастерьев ушла под оружие, остальные днем и ночью мололи муку для хлеба.

Бесценный альтарист у Девы Марии нашел средство и на это. Услышал в приходской церковке передаваемую шепотом новость, что у одного из городских маслобойщиков есть запасы, но он их скрывает, чтобы в соответствующий момент разбогатеть на спекуляции. Возможно, он согласится продать кадку или две. Заявив о готовности посредничать в переговорах, альтарист ушел, потому что надвигались сумерки.

Назавтра в городе началось смятение и возбуждение, люди бежали к Зеленым воротам. Отправилась туда и компания. Столпившийся на стенах народ указывал пальцами на вздымающиеся на юге столбы дыма. Горели, шел слух, Регенсдорф, Мартинов, Ганнсдорф и Желязно. Черный дым, превращаемый ветром в рваные султаны, вскоре взмыл к западу от города, над Шведельдорфом и Рошицами. Возбуждение горожан достигло высшей

точки. Вкупе с более ранними сообщениями о сожжении Кунцендорфа думы на западе могли означать только одно — гуситы брали Клодзк в клещи.

— Завтра, — сказал Бисклаврет многозначительно глядя на Рейневана, — завтра Краловец будет у города.

— Успею, — указал Рейневан на пять уже обернутых соломой кувшинов. — Достаточно будет залить масло, перемешать, зашпунтовать, осмолить. И готово. Потом останется подложить их туда, куда надо. Ты подумал когда?

Бисклаврет по-волчьи усмехнулся.

— А как же, — зловеще процедил он сквозь зубы. — Это уже распланировано.

— Вот-вот подойдет Трутвайн. Он уже должен здесь быть. Даст Бог, с хорошими вестями.

Однако Йоханн явился лишь в десятом часу дня, через час после того, как у августинцев отзвонили нону. Но новости он действительно принес хорошие. Маслобойщик, сказал, масло продаст. Однако требует...

Услышав названную ему на ухо цену, Бисклаврет зловеще поморщился. Отозвал альтариста в сторону, они там долго торговались.

— Решено, — сообщил он, вернувшись. — За товаром пойдем ночью. Маслобойщик требует, чтобы операция прошла скрытно.

* * *

К вечеру пожары были уже в пределах видимости невооруженным глазом. Загорелись Лещины, Павлона, Рушовицы, монастырское село Подзамок. Гражданских лиц со стен согнали, их место заняли латники. Готовили бомбарды, катапульты и другие грозно выглядывшие машины.

Колокола города били на Ангела. Бисклаврет воздержался от комментариев, но Рейневан видел и знал то же, что и все.

— Француз?

— Что?

— Я понимаю, что у тебя есть возможность сконтактировать с Жехорсом?

— Правильно понимаешь.

— А наш путь бегства? Ты об этом подумал?

— Ты занимайся своими бомбами, Рейневан. Чтобы они взорвались. Чтобы заклинание подействовало на расстоянии.

— Я занимаюсь этим. Даже очень. Ты и понятия не имеешь, насколько очень.

Колокол у Девы Марии тремя — быстро один за другим последовавшими — ударами огласил *ingitegium*, приказ погасить огни и свет. Порядочные горожане при таком знаке обязаны отправляться в постель.

Рейневан, Бисклаврет, Шарлей и Самсон не были порядочными гражданами. Не относился к таковым также и Йоханн Трутвайн, явившийся на Млечной в сумерках. Когда опустилась тьма, им надо было прокрадываться в район Водной Фурты, на улицу Резницкую.

Несмотря на объявленный *ingitegium*, город не спал. Город волновался. Да и ничего удивительного, на юге и западе небо было светлым от зарев пожаров, неприятель был уже почти у ворот, а вдоль валов горели солдатские костры, часовые перекликались на стенах, по улицам гудели шаги патрулей. При таких условиях дорога отняла у них гораздо больше времени, чем они предполагали. Трутвайн начал бояться, что маслобойщик не станет ждать, решив, что они отказались.

Его опасения были обоснованными. На Резницкой стояла тьма, ни в одном окне не светилась ни свеча, ни каганок. Однако калитка во двор была открыта.

— Шарлей, Самсон, — шепнул Бисклаврет. — Оставайтесь здесь. Смотрите в оба.

Шарлей положил руку на рукоять фальшьона, Самсон тоже многозначительно поднял свой гёдендаг. Рейневан нащупал рукоять стилета и вслед за Бисклавретом и Трутвайном углубился в темноту воняющих котлами ворот.

В окне, на самом конце двора, помигивал и поблескивал огонек свечи.

— Там... — шепнул Трутвайн. — Идем...

— погоди, — прошипел Бисклаврет. — Стой. Что-то здесь не так. Что-то здесь...

Из тьмы выскочили и кинулись на них несколько драбов.

Рейневан уже некоторое время сжимал в кулаке один из амулетов Телесмы, изготовленный из обломка фульгурита. Сейчас достаточно было выкрикнуть заклинание.

— *Fulgur fragro!*

Раздался оглушительный грохот, ослепительная вспышка, воздух взорвался со сверлящим уши свистом. Рейневан кинулся бежать следом за Трутвайном. За ними помчался Бисклаврет, успевший хлестануть своей андалузской навахой несколько ослепших и оглохших драбов.

Однако засада была подготовлена точно. Путь к отступлению был отрезан. Выскочив на улицу, они попали прямо в потасовку. Шарлей и Самсон сопротивлялись большой группе толпящихся подмастерьев.

— Живыми брать! Живыми! — раздался громкий приказ.

Рейневан знал голос приказывающего.

Почувствовал, как кто-то хватает его за шею. Выхватил стилет, резанул с размаху, повернул лезвие в руке, ударил сверху. Развернул, хлестнул широко, используя инерцию и позицию, справа налево. Услышал крик, кровь обрызгала ему лицо, под ноги упало два тела. Кровь обрызгала его снова, но в этот раз это была работа Шарлея и его кривого фальшьона. В него снова кто-то вцепился, одновременно блокируя руку с ножом. Глухо стукнуло, хватка ослабла. Самсон был рядом, сокрушительными ударами гёдендага валил на землю очередных нападающих. Но атакующих прибывало.

— Бежим! — крикнул Бисклаврет, рубя и криво коля навахой. — Ходу! За мной!

За французом помчался Шарлей, на бегу работая фальшьоном, атакующие расступались перед ним. Рейневана снова кто-то схватил, но, получив стилетом в глаз, взвыл и отскочил. Когда Рейневан парировал удар другого, нож щелкнул по ножу, сталь о сталь так, что посыпались искры. К счастью, владелец ножа упал под ударом гёдендага, как бык в резне. Он вырвал из-за пазухи обернутый соломой горшочек. Пять бомб осталось в купеческом доме на Млечной, Это была шестая.

— *Ignis! Atrox!* Йах, Дах, Горах!

Зашипело, жутко грохотнуло, все вокруг осветил мощный взрыв, жидкий огонь разбрызгался и разлился широко, лепясь ко всему, что было поблизости. И все, что было поблизости, загорелось. В том числе поленница дров, побеленная стена дома, камни мостовой и помой в канаве. И несколько нападающих. Визги и крики ошпаренных вознеслись под самое звездное небо. А в свете огня Рейневан заметил знакомую фигуру. Черный плащ, черный вамс, черные, доходящие до плеч волосы. Птичье лицо и нос как птичий клюв.

— Брать живьем! — крикнул Стенолаз, заслоня лицо от гудящего огня. — Они нужны мне живыми!

— Бежим! — Самсон рванул за руку парализованного ужасом Рейневана. — Бежим!

Они мчались что было сил, улочка за ними грохотала топотом преследователей.

— Живыми их! Живыыыыими!

— Я горю! Горююююю!

Они бежали что было сил, а сил добавлял панический страх. Они понимали, что означает приказ: «брать живыми». Долгое, медленное умирание в палаческой, бока, палимые раскаленным железом, выламываемые суставы, кости, дробимые в тисках и дыбах. Чудовищная смерть на эшафоте. Только не это, думал Рейневан, мчась как гончая. Только не Биркарт Грелленорт.

Кто-то их догонял, Самсон с полуоборота вдарил одного из преследующих гёдендагом. Второго Рейневан ткнул снизу, в мякоть, раненый завыл, свернулся на мостовой, третий споткнулся о него; прежде чем он упал, Рейневан распластал ему лицо.

Они убегали, получив некоторое преимущество. Увидели Шарлея, указывающего им путь — в узкий заулоч. Побежали. Перед ними бежал Бисклаврет. Трутвайн исчез.

— Бегом! Теперь налево!

Звуки погони немного утихли, кажется, им удалось ненадолго обмануть преследователей, которых задержали люди, бегущие с ведрами на пожар. Но Рейневан и Самсон не останавливались, бежали без передышки. Под ногами захлюпала грязь, заплескалась вода, в нос ударила вонь, отвратный запах мочи. Бисклаврет и Шарлей с треском выламывали какие-то доски.

— Влезайте! Дальше, живее!

Прошло немного времени, прежде чем Рейневан сообразил, что француз велит ему лезть в выгребную яму, прямо в самую дыру, в разящую жутким смрадом клоаку. В этой яме уже с плеском исчезал Шарлей. Лучше говно, чем камера пыток, подумал Рейневан. Он глубоко вздохнул. Месиво внизу встретило его приятным теплом. И огромной волной, когда вниз спрыгнул Самсон. Вонь удушала.

— Сюда, тьфу... — Бисклаврет выплюнул то, что вместе с волной попало ему в рот. — В канал. Выше голову. Это только вначале плохо. Потом будет просторнее.

Звуки преследования начали приближаться. Рейневан зажал пальцами нос и нырнул.

Как он на четвереньках пробирался по облицованному камнями каналу, он предпочитал не помнить. Вымарал это из памяти. Просвет под каменным сводом был то выше, то ниже, рот оказывался то над, то под жидким дерьмом. Руки и колени увязали в том, что толстым слоем покрывало дно. То есть в основном в том, что, обладая консистенцией гончарной глины, оседало здесь в течение шестидесяти лет, или, как

Рейневан узнал позже, с начала клодзкской канализации, которую датировали 1368 годом.

Сколь долго тянулась эта геенна, трудно было сказать. Казалось, целый век. Но неожиданно вспыхнули ослепительная радость свежего воздуха и выжимающая слезы роскошь чистой воды — прямо из стока они попали в Млыновку. Отсюда уже недалеко было до Нисы, в которой можно было обмыться более быстрым течением. Они кинулись в воду, переплыли на правый берег. Поверхность реки золотым и красным освещал пожар, это кострами полыхали сараи и постройки на Рыбаках и Выгоне. Мелькали силуэты всадников.

— Холера, — утомленно проговорил Шарлей. — В кармане был кусок хлеба... Наверно, выпал. Пропал завтрак...

— Кто нас выдал? Трутвайн?

— Не думаю. — Рейневан уселся в мелкой воде, наслаждаясь омывающим его течением. — Бомба, которую я взорвал, была у меня как раз благодаря ему... Он доставил мне ветку оливы. Стащил в церкви...

— Олива в церкви?

— С последнего помазания.

На прибрежном песке глухо загудели копыта коней.

— Фогельзанг! Приятно видеть вас живыми, сукины дети!

— Жехорс! Ха! И Бразда из Клинштейна?

— Ты жив, Рейневан? Привет, Шарлей! Здравствуй, Самсон!

— Беренгар Таулер? Ты здесь?

— Собственной персоной. Из Табора я перешел к сиротам. Но по-прежнему считаю, что солдатчина — дело без будущего... Ну вы и воняете же говном...

— На коней, — прервал беседу Бразда из Клинштейна. — Краловец и Прокоп Малый хотят вас видеть. Они ждут.

Штаб сирот располагался в пригороде Нойленде, в корчме.

Когда Рейневан, введенный Браздой и Жехорсом, вошел, наступила тишина.

Он знал главнокомандующего сиротскими полевыми войсками, гейтмана Яна Краловца из Градка, угрюмца и злословца, но пользующегося заслуженной репутацией способного командира, любимого воинами почти так же, как некогда Жижка. Знал он и Йиру из Жечицы, гейтмана из старой жижковской гвардии. Знал, разумеется, и не уступающего гейтманам проповедника Прокоупека. Знал всегда улыбающегося и неизменно пребывающего в хорошем настроении рыцаря Яна Колду из Жампах. Не

знал молодого шляхтича в полных доспехах, с гербовым щитом, поделенным на черные, серебряные и красные поля, ему сообщили, что это Матей Салава из Липы, гейтман Полички. Он нигде не видел Петра из Лихвина, по прозвищу Петр Поляк, и тоже лишь позже узнал, что тот остался с гарнизоном в захваченной крепости Гомоле.

Известие о том, что диверсия в городе не удалась, ни одни ворота Клодзка открыты не будут, поджогов не будет, Краловец воспринял спокойно.

— Ну что ж, такова жизнь, — пожал он плечами. — Впрочем, я всегда считал, что Прокоп и Флютек слишком высоко тебя оценивают, Рейневан из Беявы. Тебя явно перехвалили. К тому же, прости, ты ужасно воняешь.

— Я выбрался из Клодзка по сточному каналу.

— Словом, — Краловец по-прежнему был спокоен, — город тебя... высрал. Весьма символично. Иди умойся, очистись. Нас тут ждет немалая работа и серьезные задачи. Надо самому, без посторонней помощи взять этот город.

— Мне кажется, — ляпнул Рейневан, — Клодзк следовало бы обойти. Оборона у него очень сильная, командиры смелые, моральность гарнизона высокая... Не лучше ли пойти на Камонец? На цистерцианский монастырь? Очень богатый монастырь.

Йира из Речицы прыснул, Колдта покрутил головой. Краловец молчал, кривя рот, смотрел на Рейневана долго и упорно.

— Когда мне понадобится твое мнение касательно военных вопросов, — сказал наконец, — дам тебе знать. Иди.

Над монастырским садом пластался седой дым, пахло сорняками. Старый монах-летописец обмакнул перо в чернила.

Anno Domini MCCCXXVIII feria IV ante palmarum Viclefiste de secta Orphanorum cum pixidibus et machinis castrum dictum Cladzco circumvallaverunt, in quo castro erant capitanei dominus Puotha de Czastolowicz et Nicolaus dictus Mosco, et ibi dictis pixidibus et machinis sagittantes et per sturm et aliis diversis modis ipsum castrum conabantur aquirere et lucrare; ipsi vero se viriliter defenderunt...

Перо скрипело. Пахло чернилами.

* * *

— Вперед! — орал, перекрывая гул и крики, Ян Колда из Жампах. —

Вперед, Божьи воины! На стены! На стены!

Камень, выпущенный, вероятно, с вала из катапульты или метательной машины, грохнул по щиту с такой силой, что чуть не повалил его вместе с укрытым за ним Рейневаном и остальной командой. К счастью, с ними был Самсон. Гигант покачнулся от удара, но на ногах устоял, а подпору щита не отпустил. К счастью, потому что со стен непрерывно сыпался град снарядов. На глазах Рейневана стрелок, выглянувший из-под соседнего осадного щита, получил прямо в лоб, снаряд развалил ему череп на куски.

Из-под Чешских ворот раздавался дикий крик. Сиротам удалось там приставить лестницы, и теперь они взбирались по ним, выбиваемые огнем сверху. На них лили смолу и кипяток, сваливали камни и утыканные гвоздями бревна. Не лучше дело шло и у роты Йиры из Жечицы, атакующей участок между Зелеными воротами и Банным проходом, — они уже дважды приставляли лестницы и дважды их отталкивали.

Таулер и Самсон снова продвинули щит вперед. Жехорс ругался, надрываясь над заевшим воротком арбалета. Шарлей и Бисклаврет, набив гаковницы, выставили стволы из-за заслонов и дали огня, в тот же момент выстрелила из-за соседнего щита установленная на возке двенадцатифунтовая пушка. Все затянул дым, а Рейневан на мгновение полностью оглох. Не слышал ничего, ни гула, ни криков, ни богохульственной ругани, ни воя раненых. Прежде чем не получил рукояткой арапника по руке, не слышал даже гейтмана Яна Краловца, который подъехал на коне, демонстрируя гордое пренебрежение к свистящим вокруг него стрелам.

— ... рва! — дошло наконец до Рейневана. — Не слышишь, чума твою мать! Тебе запретили идти на штурм! Мы запретили тебе играть в войну. Ты нужен для другого! Прочь отсюда, в тыл! Все в тыл! Мы отступаем!

Воины Колды не могли у стен слышать приказ Краловца, да он и не был им нужен. Бросив лестницы, они отступали. Часть отступала в порядке, строем, прячась за щитами и тревожа защитников плотным огнем из арбалетов. Часть, однако, просто бежала, удирала в панике, только бы подальше от стен и сыплющейся с них смерти. Из-под Зеленых Ворот, Рейневан это видел, отступали к Заречью и Нойленду сироты Йиры из Жечицы. Защитники на стенах торжествующе орали, размахивали оружием, махали знаменами, не обращали внимания на зажигательные снаряды, пули, болты и секанцы из хуфниц, которыми их все еще снизу поражали штурмующие. С башни над воротами подняли бело-синее знамя Путы из Частоловиц и огромное распятие для процессий, люди орали, пели. Торжествовали. Хоть четверть города горела, торжествовали.

Бисклаврет зацепил крюк за край щита, прицелился, приткнул фитиль к запальному отверстию. Гаковница выстрелила с грохотом.

— Вот если бы, — проворчал из дыма Бисклаврет, — если б вот так да господину Путе прямо в задницу! Веди мой снаряд, Матерь Божья!

— Отступаем. — Шарлей отер лицо, размазал сажу. — Отступаем, парни. Конец игре.

Клодзк отразил атаку.

— Ииииииииисцуууусе! — орал благим матом лежащий на помосте гурдиии^[231] Парсифаль Рахенау. — Иииииисуууске Хрииистееее!

— Прекрати, — шикнул склонившийся над ним Генрик Барут по прозвищу Скворушка. — Держись же! Не будь бабой!

— Баба... — зарыдал Парсифаль. — Я уже баба! Хрииистееее! Мне оторвало... Мне там всееееееее оторвало! Боже, Боже...

Скворушка наклонился, почти коснувшись носом кровоточащей ягодицы друга, профессионально осмотрел рану.

— Ничего тебе не оторвало, — решительно заявил он. — Все что надо на месте. Просто пуля в заднице застряла. Совсем неглубоко. Видно, издали выстрелили, силы не было уже...

Парсифаль завыл, заохал и разрыдался. От боли, от стыда, от страха и от облегчения. Глазами души он уже видел, четко и в деталях, воистину infernalную и поднимающую волосы дыбом сцену: вот он, лично он, разговаривающий тонким фальцетом, превращенный в каплуна, словно Пьер Абеляр, сидит и пишет глупые трактаты и письма Офке фон Барут, а Офка тем временем кувыркается в постели с другим, полноценным мужчиной, у которого есть все, что надо, на соответствующем месте. Война, с ужасом понял паренек, страшная вещь.

— Все... есть? — удостоверился он, глотая слезы. — Скворушка... Глянь-ка еще раз.

— Есть, все есть, — успокоил его Скворушка. — И уже почти не кровоточит. Держись. Сюда уже бежит монах с бинтами, сейчас тебе пулю из задницы вытащит. Вытри же слезы, люди смотрят.

Однако защитники Клодзка не смотрели. Их не интересовали ни слезы, ни кровавая дыра в заднице Парсифаля фон Рахенау. Они были заняты тем, что выкрикивали на стенах победные лозунги. Господина Путу из Частоловиц и приора Фогсдорфа носили на руках.

— Как-никак, — неожиданно простонал Парсифаль, — я ношу на шее священный медальон с Богородицей... У монахов купил... Он должен был меня от вражеских пуль хранить! Так как же?

— Замолкни же, зараза.
— Он должен был меня хранить, — завыл паренек. — Почему же? Что это за...
— Заткнись, — прошипел Скворушка. — Захлопни орало, иначе беда будет.

Перо скрипело.
Свидетели дицебатур, каков Краловыч, капитанеус Орфанорум, мужественным сопротивлением защитников рассержен будучи, велел своим специальным крикунам, стенторами именуемым, под стенами громко кричать и защитникам жуткими муками угрожать, если они города не сдадут. Ужас хотел оным кламором в них возбудить. Видючи, сколько порожнее то старание, повелел взять штуку полотна белого и на оном надпись учинить, гласящую: СДАТЬСЯ ИЛИ СМЕРТЬ и оный защитникам демонстраре, на том стен отрезке, коего приор Генрикус ет фратрес каноници регулярес защищали, читать умеющие. Однако ж приор Генрикус, Гектор Клодский, будучи мужественного сердца, не испужался. Приказал братьям такоже штуку полотна взять и на нем на презрение оным виклифистам написать: BEATA VIRGO MARIA ASSISTE NOBIS^[232].

— Что? — проворчал Ян Колда. — Что они там накарябали?
Бразда из Клишштейна фыркнул. Йира из Жечицы захохотал.
На полотне, повешенном на стенах орущими и лающими защитниками, была огромными буквами намалевана надпись.

DEINE MUTTER DIE HUR^[233]

Краловец долго разглядывал транспарант, долго и упорно, словно рассчитывал на то, что литеры расположатся как-то иначе. Наконец обернулся, отыскал взглядом Рейневана.

— Говоришь, Каменец? Монастырь цистерцианцев? Богатый монастырь цистерцианцев? Так ты сказал?

— Так.

— Ну, тогда... — Краловец еще раз глянул на Клодзк, немного как бы тоскливо. — Ну, так чего же мы ждем? Пошли.

Et sic Orphani, выписывало на пергаменте скрипящее перо, а Cladzco

feria II pascere cesserunt^[234].

Летописец поставил точку, отложил перо, охнул, распрямил уставшие руки.

Летописание обессиливало.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

**в которой участники, очевидцы и хроникеры вспоминают некоторые события периода, непосредственно предшествующего Пасхе 1428 года.
И опять неизвестно, кому верить.**

— Зовут меня, Святой Трибунал, брат Зефирин. Из Каменецкого монастыря цистерианского ордена. Милостиво прошу, преподобные отцы, простить мое смущение, но ведь я впервые оказался перед Коллегией... Правда, только для того, чтобы дать *testimonium*^[235], но все же... Так точно, я уже готов, уже перехожу к делу. То есть к тому, что случилось в монастыре в тот трагический день. В Великий вторник 1428-го лета Господня. И что я собственными глазами видел. И здесь под присягой покажу, да поможет мне... Простите, что? Ближе к делу? *Bene, bene.*^[236] Уже говорю.

Наши монастырские братья частично сбежали уже раньше, в субботу перед тем воскресеньем, когда Господу воспевают *Judica te Deus*^[237], когда еретики сжигали Отмухов, Пачков и Помянов. Зарева в ту ночь я видел на полнебосклона, а утром солнышко едва сквозь дымы могло пробиться... Тогда, как я уже сказал, в некоторых *fraters* дух упал, сбежали, токмо то забрав, сколь в две руки уместилось... Аббат поносил их всячески, трусами обзывал, карой Божией грозил, ох, ежели б он знал, что ему достанется, он бы первым же сбег. И я тоже, не солгу пред Святым Трибуналом, сбег бы, токмо не было куда. Сам-то я по урождению ломбардец, из города Тортоны, а в Силезию прибыл из Альтенцелле, сперва в Любёнж, а из Любёнжского монастыря попал в Каменец... Э?.. Держаться темы? *Bene, bene*, уже держуся. Уж говорю, как оно было.

Вскоре *post dominicam Judica quadragesimalem*^[238] слышу от беженцев: ушли кацеры, пошли куды-то на Гродков. Ну, полегчало мне, побег я в церковь, к алтарю, бух крестом на пол, *gratias tibi Domine*, благодарю тебя, великий Боже. А туточки снова крик, ор начались, дескать, идут новые последователи сатаны Гуса, сиротами именуемые, идут от Клодзка. Бардо огнем пожгли, уж по другому разу, второй, говорю, раз этот несчастный город жгут. В нас сразу надежда, а ну, как боком пройдут, может, на Франкенштейн пойдут главным Вроцлавским трактом, может, не захотится

им на Каменец сворачивать. Ну, я тады тут же в церковь и давай молиться, того желая, *Sancta Maria, Mater Christi, Sancta Virgo Virginum, libera nos a malo, sancte Stanislaus, sancte Andrea, ora te pro nobis*^[239]...

Но ничего не дали нам наши молитвы, видать, пожелал нас Господь как Аида проучить, чтобы, значит, мы... Ах да, знаю. Надыть темы держаться. Ну так кратко скажу: тема была такая, что напали адовы силы на монастырь в Великий вторник. Напали внезапно, как гром с ясного неба, через стены перелезли, ворота выломали, прежде чем я *peccatores te rogamus*^[240] крикнуть успел, уже целая их куча во внутри была. И давай бить-колотить-резать... Кошмар! *Sanctus Deus, sanctus fortis, sanctus immortalis, miserere nobis*^[241]... Брата Адальберта копьем проткнули, брата Пиуса мечами, как святого Дионисия... Брат Матей был из арбалета устрелян, из других многих *graviter vulneratis*^[242]... А гуситы, покарай их Бог, принялись коров из хлевов выгонять, поросят, баранов... Забрали всех, до последней штуки... Тьфу, собачья их мать, мало того что *haeretici*, так к тому еще и *latrines et fures*^[243]! Из церкви вытащили сосуды, раку, ризы, мантии, огромный серебряный крест, дары наалтарные, подсвечники... Ничего не обошли. Нас, кои в живых остались, согнали во двор, к стене. Пришел вожак той банды, морда паскудная, сразу видать, что кацер, Кралович его называли, с им другой, какой-то Колда. Зовут мужиков. Потом, надобно Святому Трибуналу знать, что с оными гуситскими чехами и тутошние мужики шли, безбожники, святотатцы. Оным приказал еретик Кралович, де, так, мол, и сяк, а ну-ка, укажите, которые тут монахи народ теснили, теперь будет им суд. Теперь этих кровопивцев толстозадых — так он на нас — карать будем. А энти крестьянские Иуды сразу на брата Матернуса указали, дескать, он притеснял. Ну, оно, конечно, правда, тяжеловат был для крестьянства фратер Матернус, завсегда говорил, *rustica gens optima flens*. И получил. Выволокли его, цепами насмерть били, разбойники. Сразу опосля *celerarius* Шолер был убит, указали на него крестьяне, потому как он девок щупал, да и за хлопчиками, бываючи, бегал... После него *custos* Венцель, брат Идзи, брат Лаврентий... Крик, стон, умоления, удары, кровь брызжет, мы на колени, а плач *ab ira tua, ab odio et omni mala voluntate libera nos, Domine*^[244]...

Как было с отцом аббатом, пытаете? Уже говорю. Уж собрались гуситы уходить, когда вбежал какой-то господинчик, светловолосый, прыткий, глаза злые, гримаса на губах... Реневан его называли. Никак нет, преподобный отец, не ошибаюсь, хорошо слышал: Реневан. Могу крестом поклясться. Тут энтот Реневан хватить отца-аббата за рясу. Он это, кричит,

Николай Каппитц, аббат каменецкий, найгорший народа обижитель, мерзавец, подлец, доносчик и инквизиторский... хм-м, хм-м... простите, инквизиторский пес. А к аббату, наклонившись, помнишь, говорит, и зубами скрежещет, Адель, сучий сын? Которую ты в Зембицах за сто дукатов в колдовстве обвинил? На смерть послал? Теперь за это заплатишь. Вспоминай Аделью по дороге в ад, поп подлый. Так аббату говорил, пока его во двор не выволок. Я верно слышал. Каждюсенькое слово. Могу крестом поклясться...

Придерживаясь темы: забили аббата Каппитца. Палками били, топорами... Тот Реневан не бил. Только стоял и смотрел.

И это уже все, что тады случилось, Святой Трибунал, в тот Великий вторник лета Господня 1428-го. Да поможет мне Бог, правду я тут сказал, всю правду и только правду. Подожгли кацеры нашу церковь и монастырь. Подложили огонь под сарай, под мельницу, под пекарню, под пивоварню. И ушли, по пути спалив Радковице, нашу монастырскую деревеньку. А с нас, которые в живых остались, под конец рясы содрали. Тогда я еще не знал, зачем они это делают. Только позже стало ведомо. Тогда, когда эти разбойники на Франкенштайн напали...

— Кто такие? — кричал часовой с Клодзкской башни. Рядом выглядывали несколько других с арбалетами, готовыми к стрельбе. — Ворота закрыты. В город никого не впускаем!

— Мы из Каменца! — крикнул из-под монашеского капюшона Жехорс. — Цистерцианцы. Лесами сбежали от резни. Монастырь горит! Отопри ворота, добрый человек!

— Еще чего! Как же! Запрещено! Понимаешь, монах? Нельзя!

— Ну впустите же, Бога ради, — умоляюще закричал Рейневан, — братья во Христе! Кацеры нам на пятки наступают! Не бросайте нас на погибель! Не берите нашу кровь на свою совесть! Отворите!

— А я знаю, кто вы? Может, гуситы переодетые?

— Мы орденские, добрые и порядочные христиане! Каменецкие цистерциане! Не видите рясы? Отворите. Бога ради!

Рядом с командиром стражи появился монах, судя по рясе, божогробовец.

— Если вы действительно цистерцианцы из Каменца, — крикнул он, — то как зовут вашего аббата?

— Николай Каппитц!

— Что поете на *laudes* в воскресенье и праздники?

Рейневан и Бисклаврет переглянулись с глупыми минами. Ситуацию

спас Шарлей.

— Кантик Трех Отроков, — уверенно сказал он. — То есть *Benedicite Dominum*.

— Пропойте.

— Что?

— Петь! — рывкнул часовой. — И погромче! Иначе мы вас, курва, болтами нашпигуем!

— *Benedicite, omnia opera Domini, Dominol* — фальшиво забубнил демерит, снова спасая ситуацию. — *Laudate et superexaltate eum in saecula! Benedicite, caeli, Domino, benedicite, angeli Domini*^[245]...

— Это и верно монахи, — убежденно сказал божогробовец. — Надо их впустить. Открывайте затворы! Быстро, быстро!

А это, оказалось, было предательство, это не были никакие не монахи, а еретики, *qui se Orphanus apellaverunt*, переодетые в рясы, сорванные с цистерцианцев, когда *in feria III pasce* на *monasterium Cisterciense de Kamenz* напали, который *monasterium eodem die efractum et concrematum est*. Не Божьи овечки это были, а волки *lupi in vestimento ovium*, те самые пресловутые предатели, которые сами себя именовали Фогельзангом, предатели. Иуды, мерзавцы без совести и веры. Ворвались сукины дети через по-глупому раскрытые ворота, ударили на стражу, за ними толпой другие *Orphani*, до того скрывавшиеся на телеге под полотнищем, как ахейцы в коне деревянном. Перебили стражу, ворота настезь, и уже повалили еретические *equites* гуртом, за конными — пехота бегом, через два пачежа было в городе кацеров с полдюжины сотен, а новые все прибывали. И учинилась тревога страшная...

Когда они бежали вдоль Новоградского вала, по улице Новой, никто не осмелился преградить им дороги. Было их едва двадцать, но шума и гама они делали за сотню. Гуситы ревели, галдели, стучали деревянными колотушками. Бисклаврет и Жехорс трубили в латунные трубы, Шарлей дубасил по жестяному бубну. Напуганные и ошеломленные оглушительным гвалтом жители Франкенштайна расступались перед ними, убегали в сторону рынка. Только один раз из окна пивоварни их обстреляли из арбалетов и самопалов, но совершенно беспорядочно. Они даже не сбавили скорости и не перестали шуметь. С юга, со стороны взятых раньше Клодзских ворот, а вскоре и с запада, нарастал крик и пальба, сироты, видимо, уже штурмовали замок и церковь Святой Анны.

Они бежали. На Нижнебанной их обстреляли снова. На этот раз

эффективней, два тела остались лежать в грязи канав. Беспорядочным арбалетным залпом их также встретила состоящая из полутора десятков человек охрана Зембицких ворот, однако у стрелков тряслись руки, и неудивительно: они уже видели поднимающийся над крышами черный дым, слышали крики убиваемых.

Они ударили по стражникам сразу, яростно, походило на то, что сироты хотели отыграться на них за свой смертоубийственный бег.

Моментально упали тела, кровь обагрила брусчатку подворотни. Рейневан не принимал участия в бое. Вместе с Беренгаром Таулером и Самсоном они подбежали к воротам, принялись сбрасывать ригли. Шарлей защищал им спины... Стражника, который на них напал, посек быстрыми ударами фальшьона.

Засовы и брусья упали со звоном, получившие удар сзади крылья ворот распахнулись, грохоча копытами, в ворота ворвались конники, за ними с ревом сыпанула пехота. Мостовая загудела от подков, сироты рекой влились в город, прямо в улицу Зембицкую.

— Прекрасная работа, Рейневан! — крикнул, осадив перед ним коня, Ян Краловец из Градца. — Прекрасно справился с этими воротами! Я меняю о тебе мнение. А теперь вперед, вперед! Город все еще не наш!

Когда добежали до рынка, казалось, что Краловец ошибается, говоря, что Франкенштайн уже в руках сирот. Горел дом генриковского аббата, горели суконницы, горели лавки и палатки, дым и пламя вырывались из окон цеховых домов. Продолжался штурм ратуши, поверх боевого рева нападающих уже взмывали высокие крики убиваемых, выбрасываемые из окон люди падали прямо на подставленные сулицы и алебарды. Бойня шла под сводами рыночных домов. С южной стороны города все еще были слышны выстрелы, атакуемый Колдой из Жампах замок, видимо, защищался. Но звонница Святой Анны уже стояла в дыму и огне.

На рынок влетели пешие гуситы, за ними конники под командой Матея Салавы. У юного рыцаря лицо было черным от сажи, в руке — обагренный кровью меч.

— Туда! — указал буздыганом Краловец, сдерживая скользящего по крови коня. — Здесь мы сами справимся, бегите туда! На доминиканский монастырь! На монастырь, Божьи воины!

— А ну, парни! — повернулся Рейневан. — К монастырю. Бежим. Шарлей, Жехорс...

— Мы бежим, о мужественный Рейнмар, Открыватель Ворот.

— Таулер, ты здесь? Самсон?

— Тоже.

Конники Салавы, совершенно не пригодные в уличных боях, разъехали по улочкам, предоставив пехоте штурмовать доминиканский монастырь. Штурмовали больше, чем сотня людей, руководимых Смилем Пульпаном, находским подгейтманом, толстоватым субъектом с остриженной наголо головой. Рейневан его знал. Встречался раньше.

— Вперед! Гыр на них! Смерть папистам!

Поддерживаемые горожанами и цеховиками доминиканцы храбро и яростно защищали свою обитель. Но оборона была безнадежной. У сирот был подавляющий перевес, ярость их атаки — страшная. Монахи отступали под напором, пятились, оставляя тела в белых рясах, отдавая гуситам одну монастырскую постройку за другой.

Последним бастионом обороны была церковь Крестовоздвижения, притвор и забаррикадированный главный вход. Здесь монахи бились до последнего болта в арбалете и последней пули в пищалях. И до последнего человека.

Когда разъяренные сопротивлением сироты ворвались по трупам в церковь, сочившаяся сквозь витражи многоцветная радуга явила их глазам только двух живых монахов. Один, склонив голову, стоял на коленях у алтаря. Второй заслонял коленопреклоненного, собою и распятием.

— *Templum Dei sanctum est!*^[246] — Его голос, приятно высокий, взвился и отозвался эхом под сводом. — Тот, кто уничтожает святыню Бога, того уничтожает Бог! Изыдите, силы адовы! Изыдите, сатаны, еретики, пока Бог вас не поразил!

— Это Ян Буда, — услужливо пояснил один из союзных сиротам силезцев. — А тот, который на коленях, Николай Карпентариус, ихний приор. Оба проповедовали супротив учения мэтра Гуса. Хороший чех — это мертвый чех, так они оканчивали каждую проповедь. Оба освящали оружие войск, идущих в поход.

У Смиля Пульпана щека и шея были в крови, рукой он держался за ухо, значительную часть которого оторвал болт из арбалета. При штурме монастыря и церкви погибло около дюжины человек, да столько же было ранено, но ухо, походило на то, взбесило его гораздо больше.

— Хороший чех — мертвый чех, да? — зловеще повторил он. — Значит, не повезло вам, попы. Потому что вы попали в руки к живым и плохим. Мы покажем вам, каким может быть живой чех. Взять их. И во двор!

— Не смейте ко мне прикасаться! — взвизгнул Ян Буда. — Не смейте! Получив кулаком по лицу, он умолк. Приор не сопротивлялся.

— *Vexilla Regis prodeunt...* — скулил он, когда его тащили по нефу. — *Fulget Crucis mysterium... Quo carne carnis conditor... Suspensus est patibulo*^[247]...

— Он явно помешался, — вынес приговор один из сирот.

— Это гимн, — пояснил Смил Пульпан. Рейневан слышал, что до революции он был ризничим. — Это гимн *Vexilla Regis*. Его поют на Великую неделю. А сегодня Великая пятница. Вполне подходящий день для мученичества.

Перед церковью обоих монахов окружила толпа сирот. Почти тут же последовал удар кулаком, потом в дело пошли палки и обухи. Приор упал. Ян Буда держался на ногах, громко молился, выплевывая кровь из разбитого рта. Смил Пульпан с ненавистью смотрел на него. По данному им знаку из дровяного сарая принесли пень для рубки поленьев.

— Ты, вроде бы освящал оружие идущих на Наход. Тому, как мы тебя за это накажем, нас научили в Находе именно епископские разбойники. Тащите его сюда, братцы.

Яна Буду притащили, положили его ногу на пень. Один из гуситов, могучий мужик, поднял топор и рубанул. Ян Буда жутко заорал, из культи пульсирующей струей хлынула кровь. Сироты подняли спазматически мечущегося доминиканца, положили на пень вторую ногу. Топор упал с глухим стуком и чавканьем, от удара аж вздрогнула земля. Ян Буда зарычал еще чудовищнее.

Беренгар Таулер сделал несколько неуверенных шагов, обеими руками уперся в стену церкви, и его вырвало. Рейневан держался, но из последних сил. Самсон сильно побледнел, неожиданно взглянул наверх, в небо. Смотрел долго. Словно чего-то оттуда ожидал.

На пне, служащем для рубки дров, оные палачи, еретики, желая превзойти в злобе и жестокости самого дьявола, их мэтра и учителя, топорами все extremitatis^[248] *у несчастных этих одну за другой отсекли. Такого зверства и жестокости перо мое описать не в состоянии, рука моя дрожит, lacrimae*^[249] *из глаз льются...* Николаус Карпен тариус, Йоханнес Буда и Андреас Канторус, *martyres de Ordine Fratrum Praedicatorum*^[250], замученные за Слово Божие и свидетельства, кои тому имели. Боже, Боже, к тебе взываю! *Usque quo, Domine sanctus et verus, non iudicas sanguinem nostrum?*^[251]

Тем временем сироты очистили церковь от всего, что представляло

какую-либо ценность. Священные образы, доски со скамей и порубленные остатки алтаря, не представлявшие ценности, горели на огромном костре. По приказу Пульпана обоих искалеченных и умирающих монахов подтащили к костру и бросили на него. Стоящие веночком гуситы смотрели, как два лишенных конечностей тела бестолково шевелятся и извиваются в языках пламени. Впрочем, горели скверно, пошел дождь. Смил Пульпан щупал разорванное ухо, ругался и сплевывал.

— Поймали еще одного! — крикнули выбегающие из притвора. — Брат Пульпан! Поймали! На амвоне прятался!

— Давайте его сюда. Тащите паписта.

Тот, кого тащили гуситы, воющий, вырывающийся и дергающийся, был — Рейневан узнал его сразу — дьякон Анджей Кантор. В одной рубаше, видимо, его схватили в тот момент, когда он пытался освободиться от доминиканской рясы. Когда его тащили мимо, он заметил Рейневана и завыл:

— Господииин Беляу! Не отдавай меня на муки! Не отдавааай! Спаси, госпооооодин!

— Ты предал меня, Кантор. Помнишь? Послал на смерть, как Иуда. Поэтому и подохнешь, как Иуда.

— Господин! Смилуйся!

— Давайте его сюда. — Пульпан указал на окровавленный пенъ. — Будет третий мученик. *Omne trinum perfectum.* ^[252]

Возможно, все решил импульс, какое-то туманное воспоминание. Возможно, это была минутная слабость, усталость. Может, пойманный краешком глаза взгляд Самсона Медка, полный глубокой печали. Рейневан не до конца знал, что склонило его к действию, к такому, а не другому поступку. Он вырвал арбалет из рук стоящего рядом чеха, прицелился, нажал спуск. Болт ударил Кантора под грудь с такой силой, что прошел навылет, почти вырвав дьякона из рук палачей. Когда он упал на землю, то был уже мертв.

— У меня с ним, — пояснил Рейневан в глубокой и убийственно мертвой тишине. — У меня с ним были личные счета.

— Понимаю, — кивнул головой Смил Пульпан, — но не делай, брат, этого никогда больше. Потому что другие могут не понять.

Пламя с ревом пробилось сквозь крышу церкви. Стропила и балки рухнули внутрь, в огонь. Через мгновение начали разваливаться и рушиться стены. В небо взвился сноп искр и дыма. Черные хлопья кружили над огнем словно вороны над полем боя.

Церковь Святой Анны разрушилась полностью. В море огня чернела только арка портала. Словно врата ада.

Всадник, влетевший на площадь, остановил покрытого пеной коня перед гейтманами сирот: Яном Краловцом, Прокоупеком, Колдой из Жампаха, Йирой из Жечицы, Браздой из Клишштейна и Матеем Салавой из Липы.

— Брат Ян! Брат Прокоп развернулся от Олавы, идет через Стжелин на Рыхбах. Требуется, чтобы вы незамедлительно шли туда!

— Слышали? — Краловец повернулся к своему штабу. — Табор зовет.

— Замок, — напомнил Прокоупек, — все еще сопротивляется.

— Его счастье. Командиры, к подразделениям! Грузить трофеи на телеги, сгонять коров! Марш! Идем на Рыхбах, братья! На Рыхбах!

— Привет, братья! Привет, Табор!

— С Богом, желаем здоровья, братья! Привет, сироты!

Приветственным крикам не было конца, радость встречи и эйфория охватили всех. Вскоре Ян Краловец из Градка пожимал руку Прокопа Голого. Прокоупек расцеловывал кудлатые щеки Маркольта, Ян Змрзлик из Свойшина колотил по железным наплечникам Матея Салаву из Липы, а Ярослав из Буковины стонал в могучем объятии Яна Колды из Жампаха. Урбан Горн обнимал Рейневана. Жехорс — Дроссельбарта. Цепники и стрелки сирот здоровались с табористскими копейщиками, сланские судличники и нимбургские топорники обнимали хрудимских арбалетчиков. Здоровались возницы боевых телег, при этом чудовищно, по присущей им привычке, ругаясь.

Ветер рвал развевающиеся хоругви — рядом с *Veritas vincit*^[253], хостией и терновой короной Табора плескался Пеликан сирот, роняющий капли крови в золотую Чашу. Божьи воины ликовали, кидали кверху шапки и шлемы.

И все это происходило на фоне полыхающего и извергающего клубы черного дыма города Рыхбах, подожженного таборитами и уже раньше покинутого охваченными паникой жителями.

Прокоп, все еще державший руку на плече Яна Краловца, с довольной улыбкой смотрел на выстраивающуюся армию, насчитывающую теперь свыше тысячи конников, больше десяти тысяч пехоты и трех сотен наспигованных артиллерией боевых телег. Он знал, что во всей Силезии нет никого, кто мог бы в поле противостоять этой силе. Силезцам оставались только стены городов. Либо — как жителям Рыхбаха — бегство в леса.

— Отправляемся! — крикнул он гейтманам. — Строиться к походу! На Вроцлав!

— На Вроцлав! — подхватил Ярослав из Буковины. — На епископа Конрада! Маааааарш!

— Сегодня Пасхальный день! — крикнул Краловец. — *Festum festorum!*^[254] Христос воскрес! Воистину воскрес!

— *Resurrexit sicut dixit*^[255], — подхватил Прокоупек. — Аллилуйя!

— Аллилуйя! Воспоем Богу, братия!

Из глоток сиротских цепников и таборитских копейщиков вырвалась и взвилась под небеса громовая песнь. И тут же подхватили ее мощными голосами судличники из Хрудима, щитники из Нимбурка, арбалетчики из Сланого.

Buoch vsemoguci
vstal z mrtwych zaduci!
Chvalmez Boha s veselim,
to nam vsem Pismo veli!
Kyrieleison!

Начиная движение, пение подхватили копьеносцы Зигмунта из Вранова, латники Змрзлика, за ними возницы боевых телег, легкая кавалерия Колды из Жампаха, конники Салавы, моравцы Товачовского. В конце в качестве арьергарда ехали с громким пением на устах поляки Пухалы.

Chrystus Pan wstal z martwych,
Po Swych mekach twardych,
Stad mamy pociech wiele,
Chyrystus nasze wesele!
Zmiluy sie, Panie!

Пыль стояла столбом над Вроцлавским трактом, оставляя позади догорающий Рыхбах, таборитско-сиротская армия Прокопа Голого шла на север. В сторону темнеющей на горизонте окутанной облаками Слёнзы.

Jezukriste, vstal si,
nam na prikklad dal si,

ze nam z mrtwych ustati,
s Bohem prebyvati.
Kyrieleison!

Пожары в городе еще бушевали, пригород же выгорел почти дотла, только дымил, помигивал угасающими язычками на обугленных бревнах и столбах. Слыша, что гуситское пение замирает вдали, люди начали вылезать из укрытий, выходить из лесов, спускаться со взгорий. Осматривались, перепуганные, плакали, глядя на гибель своего города. Отирали с лиц сажу и слезы. И пели. Как-никак — была Пасха.

Christ, der ist erstanden
von der marter alle
des sull wir alle fro sein
Christ sol unser trosl sein.
Kyrieleyson!

Вышли из укрытий и спустились в горы Винник францисканские монахи. Они шли, рыдая и распевая песни, к сожженному городу.
Была Пасха.

Christus surrexit
Mala nostra texit
Et quos dilexit
Hoc ad celos vexit
Kyrieleison!

Армия Прокопа Голого двигалась на север. Клубы огня и столбы дыма висели над деревнями, сжигаемыми разведчиками Салавы и Федьки из Острога. Светло-красным огнем вспыхивали стрехи Учехова. Запылали Праус, Гартау и Рудельсдорф. Вскоре почти весь горизонт полыхал огнем.
Была Пасха.

Божьи воины маршировали на север. С песней на устах.

Vschni sveti, proste,
nam toho spomozte,

bychom s vami bydlili,
Jezukrista chvalili!
Kyrieleison!

Была Пасха. Христос воистину воскрес. Пожары охватили страну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой различные люди — с различных точек зрения — наблюдают за тем, что проделывает история. А история, сорвавшись с цепи, проделывает черт-те что. И показывает, на что способна.

— Бедная силезская земля.

— Проклятая силезская земля!

Лагерь беженцев, расположившийся поблизости от Сьрёды, у речки Сьрёдская Вода, был забит до предела, просто трещал по швам. Обычно смена приходящих и уходящих позволяла как-то существовать, но сегодня Держку де Вирсинг прямо-таки в ужас повергла перспектива появления новых беженцев.

Дух она перевела, когда начало смеркаться — ночью редко кто-нибудь прибывал, а она знала, что множество людей намерено уйти на рассвете. Гуситы ушли. Отправились на юг, по тракту, ведущему на Костомлоты, Стжегом, Больков и Ландесхут. Может, возвратились в Чехию? Днем небо уже не чернили дымы, ночью не освещали зарева. Люди утомились от скитаний, хотели возвращаться. К пепелищам. К полностью выгоревшим городкам и деревням. В Собутку, Гнеховцы, Гурки, Франкенталь, Арнольдсмюле, Восковицы, Ракошицы, Слуп. И многие, многие другие, названия которых звучали чуждо. И не вызывали эмоций.

Ревел вол, блеяла коза. Где-то около телег заплакал ребенок, мимо Держки быстро прошла Эленча фон Штетенкрон. Окончив вместе с другими работу на кухне, Эленча не пошла с ними спать, чтобы выспаться и отдохнуть. Эленча, казалось, не отдыхала никогда. В те семь дней, во время которых Держка де Вирсинг поддерживала лагерь организационно и финансово, Эленча отдыхала, только получив категорический приказ. Держке не хотелось быть с Эленчей слишком категоричной. Она видела, как девушка реагирует на это. Увидела в первый же день, когда Эленча Штетенкрон прибыла в Скалку на каштанке Тибальда Раабе. Держке пришла в голову дурная мысль, будто она знает, как лучше всего вырвать девушку из оцепенения и апатии.

— Бедная силезская земля, — повторил полноватый вроцлавец, торговец, которого даже нападение не удержало от того, чтобы выйти на дорогу с телегой, набитой доверху товаром.

— Проклятая силезская земля, — повторил мельник из Марчинковиц.

Собравшиеся вокруг костра беженцы — что-то вроде стихийно сформировавшегося совета старейшин лагеря, люди с авторитетом, который невозможно скрыть, — покачали головами, поворчали. Держка была в этой компании единственной женщиной. В основном тут были крестьяне с лицами и фигурами природных вожаков. Кроме полноватого вроцлавца, были еще мельник из лежащих под Бжегом Марчинковиц, хозяин откуда-то из-под Контов, два солдата в цветах, затертых пылью многочисленных дорог, и корчмарь с Горки. Был — и очень пригодился — цирюльник из Собутки. Был монах-минорит из Сьрэдского монастыря — один из самых пожилых, — более молодые бесконечно возились с больными и ранеными. Был еврей, неведомо откуда. Был рыцарь. Из давно обнищавших, но все равно вызвавший сенсацию своим присутствием.

— Дважды, — говорил полноватый торговец, — ежилась у нас во Вроцлаве шкура. Первый раз это было в четверг перед Пальмовым воскресеньем^[256], когда, разорив Бжег и спалив Ручин, главные силы гуситов встали под Олавой. Хорошо были видны зарева и дымы, ветер доносил запах гари. А ведь от Олавы до Вроцлава можно шапкой докинуть... Вроде бы стены у города крепкие, на них пушки, полно солдат, а шкура ежится... Но Бог уберег. Они ушли.

— Ненадолго, — заметил один из солдат.

— Верно... Едва-едва вздохнули, услышавши, что Прокоп поворачивает к Стжелину, едва беспокойную Пасху отпраздновали, а тут снова колокола звонят на всех звонницах. Гуситы возвращаются! Идут еще большей силой. Соединившись с теми адовыми сиротами, жгут Рыхбах, жгут Собутку, дороги черным-черны от беженцев. А в пятницу перед воскресеньем *Misericordiae*^[257] снова видим со стен дымы, тем разом на западе: это горят Конты. Громыхнула весть, что под Сьрэдой большой лагерь, что Прокоп к штурму готовится. Опять колокола бьют, женщины и дети прячутся в церквях...

— Но и на этот раз вам повезло, — сказала Держка. — Штурма не было, как все мы знаем. Спустя два дня, именно в воскресенье *Misericordiae*, чехи ушли.

— Ушли, — подтвердил второй солдат, — на Стжегом. Все думали, что ударят на Свидницу. Но не ударили. Видать, испугались укреплений...

— Не поэтому, — возразил рыцарь. — Свидница уже год назад заключила с гуситами тайный договор. Поэтому и уцелела.

— И сидел себе, — насмешливо сказал мельник из Марчинковиц, —

господин староста Колдиц за свидницкими стенами. Сидел в безопасности и благе. А что ему, что вся страна горит и кровью исходит. Ему-то ничего не будет, он договорился. Тьфу!

Какое-то время стояла тишина. Прервал ее корчмарь из Горки.

— Из-под Стжегома, — сказал он, — двинулись гуситы на запад. Прошли Явор, не напав. Но Свежану ограбили и сожгли. Дотла разграбили и спалили Добков, фольварк любьёнских монахов. И пошли дальше, на Злоторыю. А сегодня я на дороге знакомого встретил, он сказал, что Злоторья сожжена. Невезучее место. Уж второй раз ее гуситы жгут. А Проккоп и сироты идут вроде бы на Львовек...

— Устаревшие сведения, — вставил цирюльник из Собутки. — Я тоже беженцев расспрашивал. Гуситы подошли к Львовеку неделю назад, в четверг, но через Бобр не перебрались. А лужицкое рыцарство, железные господа, которые должны были идти на помощь Силезии, сдрейфили, трусливо драпанули на левый берег и сидят там, как мыши под метлой. Не придут к нам лужичане с помощью. Одни мы, дети. Несчастливая силезская земля.

— Проклятая силезская земля.

Заревел вол, разлаялась собака. Заплакал очередной ребенок. Эленча повернула голову, но идти не могла, она как раз качала на руках, успокаивала мальчонку, а девчушка чуть постарше держалась за ее подол. Эленча вздохнула, потянула носом. Держка присматривалась к ней. Она никогда не рожала, у нее никогда не было собственных детей, но она никогда об этом не жалела, это никогда не было проблемой. Никогда до сих пор, подумала она с неожиданным испугом, охватившим холодком грудь и стискивающим горло.

— Вся надежда на то, — заговорил вроцлавец, — что рейд все продолжается и продолжается. Гуситы должны утомиться, перегрузиться собранной добычей.

— Утомляет только поражение, — сказал рыцарь. — Ноги немеют у тех, кто убегает, только уносимое при бегстве добро к земле гнетет. Виктория сил придает, добыча становится легкой как перышко! Кто побеждает, тому польза. Их кони едят пшеницу из наших амбаров, наш пепел нюхают. Но что верно, то верно — воюют они уже давно. От Бобра близко до Карконошских перевалов, близко до Чехии. Даст Бог, уйдут.

— Надолго ли? — выкрикнул мельник из Марчинковиц. — Ведь узнали, что мы слабы, что супротив них в поле не устоим. Что духа в нас нету! Что некому нас в бой вести! Что силезские рыцари, стоит им гуситов увидеть, тут же ноги в руки и не хуже зайцев драпают. Ха, князя удирают!

Что сделал Людвик Бжегский? Ему надо было защищать город, безоружных людей, своих подданных. Когда он их данью прижимал, они говорили: «Это ничего, кровушкой платим, зато защитит нас добрый наш хозяин, когда срок придет». А что учинил добрый хозяин? Трусливо сбежал, отдал Бжег на милость нападникам. Разграбили город гуситы до последней крошки, приходскую церковь спалили, а коллегияту Святой Ядвиги превратили в конюшню, богохульники!

— И за все за это, — покрутил головой цирюльник из Собутки, — не разит их гром с ясного неба, не падет на них гнев Божий. И как же тут не сомневаться... Хм-м... Я хотел сказать: тяжело, ох тяжело нас Бог испытывает...

— Надо будет вам к этим испытаниям, — неожиданно заговорил еврей, — привыкнуть... Ай, я вам говорю, это только вначале трудно. Со временем привыкаешь.

Какое-то время стояла тишина. Прервал ее рыцарь.

— Возвращаясь, — сказал он, — к князю Людовику: истинная правда, не по-рыцарски он поступил, бросив Бжег на милость и немилость гуситам. Не по-рыцарски и не по-княжески. Но...

— Но не он один, хотели вы сказать? — зло прервал его мельник. — Верно! Потому как другие тоже спины врагу показывали, пятная честь. Где же, о, где же ты, князь Генрик Благочестивый, который полег, но с поля не ушел!

— Я хотел сказать, — слегка заикнулся рыцарь, — что гуситы силу предательством доказали. Предательством и пропагандой. Распространением ложных сообщений, сеянием паники...

— А откуда оно, предательство-то? — неожиданно задал вопрос монах-минорит. — Почему его зерно так быстро пробивается и буйно цветет, почему у него такой урожай? Вельможи и рыцари без боя сдают крепости и замки, переходят на сторону врага. Крестьяне льнут к гуситам, служат им проводатыми, указывают и выдают на смерть священников, мало того, сами нападают на монастыри, грабят церкви. Нет недостатка в вероотступниках и среди духовников. И нет, нет князя, который бы, как Генрик Благочестивый, *pro defensione christiane fidei*^[258], бороться и полечь был бы готов. Откуда, если подумать, это берется?

— Может, оттуда, — проговорил басом один из крестьян, могучий мужик с буйной шевелюрой. — Может, оттуда, что не с сарацинами, не с турками биться пришлось, не с теми татарами, которые на силезскую землю при наших прадедах напали. Те, кажись, черными были, красноглазыми, огнем из ртов шпыряли, дьявольские знаки несли,

колдовством занимались и душили наших предков адской вонью. Сразу видно, чья сила их вела. А ныне? Над чешским войском дароносицы, на щитах облатки и богобоязненные слова. На марше они Бога воспевают, перед боем на коленях молятся, причастие принимают. Божьими воинами себя величают. Так, может... Может...

— Может, Бог на их стороне? — договорил, криво усмехнувшись, монах.

Еще год назад, подумала Дзержка в наступившей мертвой тишине, год назад никто даже и подумать о чем-то подобном не решился бы, не то что сказать. Меняется мир, совершенно изменяется. Однако почему так получается, что изменение мира обязательно должно сопровождаться резней и пожарами? Всегда, словно Поппее^[259] в молоке, миру, для того, чтобы обновиться, надо купаться в крови?

— Начинаю, — заявил сидящий на ступенях алтаря Шарлей. — Начинаю активнее поддерживать учение Гуса, Виклифа, Пайна и остальных гуситских идеологов. Церкви действительно пора начать изменять... Ну, может, не сразу превращать в конюшни, как бжегскую коллегияту, но в ночлежные дома это уж точно. Только гляньте, как здесь приятно. На голову не льет, не дует, блох кот наплакал. Да, Рейнмар. Если говорить о церквях, я перехожу в твою религию, начинаю послушничество. Можешь рассматривать меня как кандидата в члены.

Рейневан покачал головой, подбрасывая дров в костер, который вместе с Беренгаром Таулером разжег посреди главного нефа. Самсон вздохнул. Он сидел в сторонке, читая при свече книгу, которую раскопал среди прочих, сваленных в кучу. Когда церковь грабили, на книги никто не польстился. Пользы от них не было никакой. Известное дело.

— В церкви сплошная роскошь. — Дроссельбарт выломал из галереи в пресвитерне очередную доску. — Деревя на костер в достатке. Можно жечь хоть до лета.

— И есть что пожевать, — добавил Бисклаврет, разрывая зубами найденную в ризнице сухую как щепка колбасу. — Получается, верно говорят: *qui altari servut, et altari vivit*^[260].

— И всегда найдется какой-нибудь сосуд для питья, — Жехорс поднял наполненную добытым вином чашу для мессы. — Не то чтобы словно пес из бочки лакать... И почитать можно... Правда, Самсон? Эй, Самсон!

— Что? — поднял голову гигант. — А, да... Вы не поверите, но в этом латинском произведении я нашел фразу по-польски. А написано это в 1231

году, во времена Генрика Бородатого. На титульной странице, извольте, дата: *Anno verum Millesimo CCXXXI*^[261], а внизу написано черным по белому: *benefactor noster Henricus Cum Barba Dei gratia dux Slesie, Cracouie et Poloniae...*

— И как же звучит эта польская фраза? — заинтересовался Дроссельбарт.

— *Pomny myla pani*, — прочитал Самсон Медок, — *naszy mylowani, wyerne serdce boley przydaci co letom kwyetu bywaci*^[262].

— Идиотизм.

— Правда.

— И рифма никудышная.

— Тоже правда.

Со стороны притвора раздались и эхом разошлись шаги, звяканье, гул возбужденных голосов. Мрак осветили факелы и лучины, в их свете удалось различить входящих в церковь. Шарлей выругался. Оказывается, навестил их Пешек Крейчиж, проповедник сирот, один из подчиненных Прокоупека. За Крейчижем шли несколько вооруженных подростков. Шарлей выругался снова.

Как войско Табора, так и армию сирот всегда в походах сопровождали женщины, в основном занимающиеся снабжением и кухней, порой уходом за ранеными и больными. Женщины, как правило, вдовы, брали с собой детей. Из подросших ребят со временем образовывались характерные для гуситских армии подразделения: подростковые отряды. Поглощая в маршах сельских пастухов и городских уличных мальчишек, эти отрядики быстро росли. Быстро также стали армейскими талисманами и любимчиками, цацками, которых баловали и опекали все. Почувствовав свой статус и преимущества, любимые мальчишечки обнаглели жутко. Гуситская пропаганда, делая из них «Божьих детей нового порядка», прививала и подпитывала в мальчишках фанатизм и жестокость, и зерно такое — как у каждого ребенка — падало на невероятно благодатную почву. Веселое стадо именовали пращничками, потому что в основном их вооружали пращами и рогатками, оружием сорванцов и пастухов. Однако Рейневан никогда не видел, чтобы пращнички использовали оружие в бою. Да и вообще воевали. Зато он видел мальчишек при других обстоятельствах. После битвы под Усти Божьи дети выкалывали поверженным саксонцам глаза, тыкая заостренными прутиками в щели шлемов. Теперь, недавно, в Глухолазах, под Нисой, Барде, во Франкенштайне и в Златорые раненых избивали, пинали, колотили камнями, калечили, поливали кипятком и

кипящим молоком.

— Что это? — сурово спросил Крейчиж, указывая на кубок, из которого отхлебывал Жехорс. — Нарушаешь закон, брат? Ищешь наказания? Добыча должна быть положена в общую кадку! Кто задержит хотя бы крошку, тот будет наказан! В соответствии с буквой Священного Писания! Ахал, сын Зары из колена Иудина, взявший из добычи, положенной Богу, плащ и укравший золото, сожжен был огнем и побит камнями в долине Ахор!

— Но это же всего лишь посеребренная латунь... — буркнул Жехорс. — Ну ладно, отдадим, берите.

— А это? — проповедник вырвал из руки Самсона книгу. — Это что? Не знаешь, брат, что, наступает Новая Эра? Что в Новой Эре будут не нужны книги и писания никакие, ибо закон Божий будет выписан в сердцах? А старый мир — да горит он огнем!

Книга с польской фразой 1231 года полетела в костер. — Да сгинет старый мир! А его лживая мудрость вместе с ним! Прочь! Прочь! Прочь!

При каждом восклицании в пламя летела книга. Полетел в огонь какой-то «Tractatus...», какой-то «Odex...» и какая-то «Cronica sive gesta...». Самсон стоял, опустив руки, и улыбался. Рейневану очень не нравилась его улыбка. Крейчиж же, отряхнул руки от пыли, вырвал у одного из мальчишек окованную и украшенную кнопками вежеру, осмотрелся, вошел в боковой неф. Увидел картину «Культ ребенка».

— Новая Эра! — рявкнул он. — Бросит человек кротам и летучим мышам серебряных своих идолов и золотых своих идолов. Бог сказал: отвернитесь от своих идолов и от всех своих отвратностей отвернитесь. — Потом он размахнулся, палица с треском разбила раскрашенную доску. Один из подростков глуповато засмеялся. — Не делай себе кумира и никакого, — рычал проповедник, колотя вежерой по очередным картинкам, — изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в воде ниже земли.

Разлетелось в щепы «Изгнание из Рая», упал со стены разбитый триптих «Благовещенья», разбилось об пол «Поклонение трех царей», превратилась в щепки «Святая Ядвига», светозарная и туманная, словно из-под кисти Мэтра из Флемалье^[263]. Крейчиж дубасил так, что даже эхо шло по церкви. В бешенстве исколотил настенные росписи, изувечил личики херувимов на фризе пилястра. И тут увидел скульптуру. Раскрашенную деревянную фигуру. Ее увидели все. И замерли.

Она стояла, слегка наклонив голову. Придерживая маленькими руками драпирующую одежду, каждая вырезанная складка которой воспевала

искусство резчика. Слегка перегнувшись, легко, но гордо, словно желая показать увеличенный живот, беременная Мадонна смотрела на них филигранно вырезанными и покрашенными глазами, а в глазах этих были *Gratia*^[264] и *Agape*^[265]. Беременная Мадонна улыбалась, и в этой улыбке художник выразил величие, славу, надежду, ясность мира после темной ночи. И слова *magnificat anima mea Dominum*, произнесенные тихо и с любовью.

Magnificat anima mea Dominum.

Et omnia quae intra te sunt... ^[266]

— Никаких фигур! — зарычал Крейчиж, вздымая веkerу. — Никаких скульптур! Покараю идолов Вавилона!

Никто не знал, каким образом Самсон вдруг оказался перед фигурой, между нею и проповедником. Но он оказался там и был там, перекрывая доступ к ней распростертыми крестом руками. Что он делает, подумал Рейневан, видя испуганную мину Таулера и застывшее в гримасе отчаяния лицо Шарлея. Что он такое делает? Идти против проповедника сирот — это самоубийство... Впрочем, Крейчиж в принципе прав... В Новой Эре не будут поклоняться ни идолам, ни скульптурам, не станут бить перед ними челом. Рисковать ради какой-то фигуры, выструганной из ствола липы? Самсон...

Проповедник попятился на шаг, пораженный. Но быстро остыл.

— Божка заслоняешь? Идола оберегаешь? Насмехаешься над словами Библии, богохульник?

— Уничтожь что-нибудь другое, — спокойно ответил Самсон. — Это нельзя.

— Нельзя? Нельзя? — У Крейчижа пена выступила на губах. — Я тебя... Я тебя... Вперед, дети! На него! Бей!

Мгновенно, моментально рядом с Самсоном встал Шарлей, рядом с Шарлем — Таулер, рядом с ними Дроссельбарт, Жехорс и Бисклаврет. И Рейневан. Сам не зная, как и зачем. Но встал рядом. Заслонял. Самсона. И скульптуру.

— Так? Значит, так, еретики? — взвизгнул Крейчиж. — Идолопоклонники! А ну, дети! На них!

— Стоять, — раздался от притвора звучный и властный голос. — Стоять, сказал я.

Вместе с Прокопом Голым в церковь вошли Краловец, Прокоупек,

Ярослав из Буковины, Урбан Горн. Их шаги, когда они шли по нефу, гудели и звенели, пробуждали грозное эхо. Факелы отбрасывали зловещие тени.

Прокоп подошел, быстрым и суровым взглядом осмотрел и оценил ситуацию. Под его взглядом пращички опустили головы, напрасно пытаясь спрятаться за полами рясы Крейчижа.

— А потому что, брат, так... — забормотал проповедник. — Эти вот... вот они, эти...

Прокоп Голый прервал его жестом. Вполне решительным.

— Брат Белява, брат Дроссельбарт. — Таким же жестом он призвал обоих. — Пойдемте, я должен перед походом обсудить некоторые вопросы. А ты, брат Крейчиж... Уйди. Уйди и...

Он остановился, взглянул на скульптуру.

— Уничтожь что-нибудь другое, — закончил почти сразу же.

* * *

Ревел вол, бляла коза. Дым стелился низко, плыл к камышам над рекой. Стонал и охал раненый, только что сшитый цирюльником из Собутки. Среди беженцев словно духи кружили минориты, выискивая признаки возможной заразы. Бог их послал, этих монахов, подумала Держка. Разбираются в заразах, высмотрят в случае чего. И не боятся. В случае чего не сбегут. Не они. Они не знают страха. В них всегда живет скромное и тихое мужество Франциска.

Ночь была теплая, пахло весной. Кто-то рядом громко молился.

Спящая на подоле Держки Эленча пошевелилась, застонала. Она устала, подумала Держка. Она истощена. Поэтому спит так беспокойно. Поэтому ее мучают кошмары.

Опять.

Эленча застонала во сне. Ей снились бой и кровь.

Идущий по золотому полю черный тур, думал Рейневан, глядя на полуутопленный в грязи щит. Такой герб профессионалы называют *d'or, au taureau passant de sable*. А тот, другой герб, на другом щите, едва видимый из-под засохшей крови, тот, с красными розами на скошенной серебряной полосе, называется: *d'azur, a labanded'argent, chargee de trois roses de gueules*.

Он нервным движением протер лицо.

Taureau de sable, черный тур — это рыцарь Генрик Барут. Тот самый Генрик Барут, который три года назад оскорблял меня, бил и пинал на зембицком турнире. Теперь досталось ему — удар железным билом цепы так расплющил и деформировал армет, что о том, как выглядит голова там, внутри, лучше не думать. Гуситы содрали с погибшего рыцаря баварские латы, но погнутый шлем не тронули. Поэтому Барут сейчас лежал как какой-то гигантский гротеск, в штанах, рубахе, в кольчужном чепце, в шлеме и в луже крови, вытекшей из-под шлема.

А три розы, *trois roses*, это Кристиан Дер. В детстве я играл с ним в рощах за Бальбиновом, над Лягушачьими прудами, на повойовицких лугах. Мы играли в рыцарей Круглого Стола, в Зигфрида и Гагена, в Дитриха и Гильдебранда. А потом вместе гонялись за волвольницкой мельниковой дочерью, справедливо полагая, что кому-нибудь из нас она наконец позволит пощупать кое-что рукой. Потом Петерлин взял в жены Гризельду фон Дер, а Кристиан стал моим дядей... А теперь вот лежит в красной грязи, глядит в небо остекленевшим глазом. И настолько мертв, что мертвее уж не бывает.

Он отвел взгляд.

Война — дело без будущего, а солдатчина — дело бесперспективное, утверждал Беренгар Таулер. Из военной заварухи родится Новый Прекрасный Мир, доказывал — неискренне и слишком обманчиво — Дроссельбарт. Двадцатого апреля 1428 года, во вторник, в селе Мочидло, развеялись надежды обоих. Таулера — на будущее и перспективы, Дроссельбарта — на что бы то ни было.

В Мочидло им приказал ехать Прокоп Голый. С агитацией. Опасаться, что кому-нибудь в Силезии еще придет в голову идея сформировать из крестьян пехоту, скорее всего было нечего, однако Прокоп, как говорится, предпочитал дуть на холодное. Под Нисой, крутил он ус, хорошо сагитированные крестьяне сбежали, прежде чем дело дошло до столкновения. Поэтому надо продолжать агитацию. Имея в виду будущие стычки.

Они отправились утром, десятеро конных и одна боевая телега. Конников выделил князь Федька из Острога, это были, как и большинство княжеской дружины, венгры и словаки. Телега, четырехконная, как каждая боевая, принадлежала нимбургцам Отика из Лозы и охранялась стандартным эскортом: тележным гейтманом, возницами, четырьмя стрелками с пищалями и пятью людьми, вооруженными цепями, глевиями и судлицами. С ними ехали Дроссельбарт в качестве агитатора, Жехорс — в качестве помощника агитатора, Рейневан в качестве помощника

помощника, Шарлей в качестве помощника Рейневана, Беренгар Таулер в качестве избытка Прокоповой милости и Самсон в качестве Самсона.

Конные венгры, которых чехи презрительно называли кумахами, согнали жителей Мочидла на площадь, а затем быстро разъехались по халупам, чтобы по своему обычаю попытаться что-нибудь украсть, а может, кого и изнасиловать. Кумашские привычки в гуситской армии сурово наказывались, поэтому острогские мадьяры осмеливались действовать только втихую, во время дальних поездок, когда никто не видел. Тележный гейтман решил, что ему видеть не хочется. Его подчиненные тоже всю активность направили на сонную болтовню, почесывание задниц и ковыряние в носу.

Дроссельбарт, залезши на телегу, агитировал. Проповедовал, Утверждал, что все происходящее кругом вовсе не война и отнюдь не грабительский налет, а братская помощь и мирная миссия, а все вооруженные акции Божьих воинов направлены исключительно против вроцлавского епископа, который есть подлец, притеснитель и тиран. И ни в коем случае не против силезского братского народа. Ибо мы, Божьи воины, очень любим силезский народ, благо силезского народа близко нашему сердцу. Так близко, что ой-ей-ей, и помощи нам Памбу.

Дроссельбарт проповедовал с величайшим запалом, казалось, он и сам верит в то, что говорит. Рейневан, конечно, знал, что Дроссельбарт не верит, а говорит то, что ему велели говорить Прокоп и Маркольт. Как могут, удивлялся Рейневан, люди, казалось бы, разумные считать, что кто-нибудь поверит в так грубо шитую белыми нитками и столь очевидную брехню о том, что это мирная миссия? Ведь в подобное не должен верить никто, если у него в голове есть хоть кроха смысла. Даже крестьянин, жизнь которого проходит в перекладывании одной кучи дерьма на другую, не поверит ничему подобному. Теорию Шарлея, гласящую, что в достаточно долго повторяемую нелепицу поверят все, Рейневан всерьез не воспринимал.

Дроссельбарт покончил с первой агиткой, начал вторую. О грядущих Новых Временах. Лица крестьян, каменные во время «мирной миссии», неожиданно оживились. Новые Времена, в противоположность «миссии мирной», имели для деревенских жителей несколько интересных аспектов.

— В это время на земле не будет ни человеческой власти, ни принуждения, ни подданства, прекратятся барщина и подати. Исчезнут короли, князья, прелаты, а всякое притеснение бедного люда кончится. Крестьяне перестанут платить своим господам арендную плату и служить им, а запруды, и пруды, и луга, и леса будут принадлежать вам...

Наверняка крестьянам достались бы и рощи, и пущи, но литанию

Дроссельбарта грубо прервал арбалетный болт, выпущенный из ближайшего леска. А прежде чем получивший прямо в живот тощага свалился с телеги, из леска галопом вылетел отряд конников. И навалился на них так молниеносно, что они мало что могли сделать.

Часть нимбуржцев, конечно, сбежала, пытаясь — по примеру крестьян — найти защиту среди халуп, клетей и заборчиков. И началась сечь. Их порубили во время бегства. Остальных окружили на телеге и вокруг нее. Пошла рубка. Беренгар Таулер был одним из первых павших. Остальные табориты бились как дьяволы. Вместе с ними Рейневан, Шарлей, Жехорс и Самсон, опустошавший ряды противников своим гёдендагом. Однако дело было совсем скверно, они не выдержали бы, если б не вылетевшие из-за хат кумаши. Бой отдалился от телеги, перенесся ближе к краям площади, превратился в конные гонки и поединки.

— Там... — ахнул Жехорс, вылезая из-под телеги и всовывая Рейневану в руки арбалет. — Видишь его? Того, на серой лошади, с туром на щите? Это командир... У меня перебита рука... Стреляй, Рейнмар...

Рейневан схватил арбалет, для верности подбежал ближе, выстрелил. Болт с громким звоном отразился от утолщенного наплечника. А рыцарь обратил на него внимание. Заорал в глубине забрала, мечом указал на Рейневана второму коннику, оба подскочили к нему на всем скаку.

Шарлей схватил с земли пицаль — без фитиля. Самсон заметил это, ловко бросил ему головешку из разметанного копытами костра. Демерит так же прытко и ловко поймал тлеющее полено, развернулся, прицелился из-под мышки. В цинтлохе^[267], к счастью, еще оставался порох, гукнуло, из дула рванул огонь и дым, нападающий конник вылетел из седла, словно из пращи, прямо под копыта коней, преследующих мадьяр. Другой рыцарь, тот, что с туром в гербе, навис над Рейневаном с мечом, поднятым для удара, неожиданно напрягся, выпустил меч и трензель — это один из нимбуржцев угодил ему сулицей под мышку. Второй подбежал с цепом, саданул так, что загудело, из-под разваленного как сухой стручок армета хлынула кровь.

— Ну, дали мы им! — повторял тележный гейтман, покачиваясь на ногах и отирая с лица текущую с шевелюры кровь. — Дали мы... Им...

На площади торжествующе орали венгры. Уносящих ноги силезских рыцарей никто не преследовал. Посмурнело.

Убитых силезцев было четверо. Гуситов poleglo пятеро, раненых было в два раза больше. Прежде чем трупы вынесли за оградки к березовой роще, один из раненых умер. Понадобилась большая яма.

Беренгар Таулер. Дроссельбарт из Фогельзанга. Генрик Барут, идущий

черный тур. Кристиан Дер, Trois roses со львом, какой-то конный стрелок. Какой-то оруженосец. Какой-то Адамец, какой-то Збожил, какой-то Рачек, которых напрасно будут ожидать дома какая-нибудь Адамецова и какая-нибудь Рачкова.

— Дайте мне заступ, — сказал в тишине Самсон Медок. — Я буду копать.

Он вбил заступ в землю, крепко нажал ногой и отбросил ком земли.

— Я буду копать в порядке покаяния. Ибо виноват! *Iniquitates meae supergressae sunt caput meum!*^[268] Пошел на войну! Из любопытства! Я мог удержать других и не удержал. Я мог поучать. Мог манипулировать. Мог хватануть кого следует по заднице! Мог, наконец, наплевав на все, сидеть в Подскалье с Маркетой, мог вместе с ней молчать и смотреть, как течет Влтава. А я отправился на войну. Из самых низких побуждений: из-за любопытности самой войны и любопытства, присущего человеческой натуре. Поэтому я виновен в смерти тех, которые здесь лежат. Виновен буду в тех смертях и тех несчастьях, которые только еще наступят. Поэтому, курва, я буду копать эту могилу. Из этой ямы, *de profundis, clamo ad te, Domine* из глубины взываю к Тебе, Господи...^[269] *Miserere mei Deus*, помилуй меня, Боже, по великой милости твоей и по множеству щедрот твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня. Ибо беззакония мои я сознаю и грех мой всегда предо мною^[270].

С третьей фразы он уже говорил не один. Другие копали тоже.

Дзержка задремала, разбудили ее повышенные голоса. Она подняла голову, пощупала вокруг себя руками, почувствовала под пальцами предплечье Эленчи. Девушка дернула головой, сухо закашляла.

— Есть известия, — говорил стоящий внутри круга францисканец. Ряса у него была подобрана, на ногах вместо сандалий кавалерийские ботинки, было видно, что он примчался прямо из Сьрёды, из монастыря. — Есть сведения от наших братьев, любинских духаков.

— Говори, фратер.

— Гуситы напали на Хойнов. В субботу перед воскресеньем *Jubilate*^[271].

— Пять дней тому назад, — быстро подсчитал кто-то. — Будь милостив, Христос.

— А князь Рупрехт?

— Еще до наступления сбежал с рыцарями в Любин. Бросил Хойнов

на погибель.

Длившийся несколько дней обстрел зажигательными снарядами оказался удивительно продуктивным. Красный петух бушевал на крышах домов, во многих местах горели также деревянные балкончики на стенах, огонь сгонял с них защитников эффективнее, чем обстрел из метательных машин, пищалей и тарасниц. Вынужденные гасить пожары хойновцы не смогли защитить стены, на которые сейчас взбирались массы гуситов — табориты по обеим сторонам Легницких ворот, сироты почти по всей длине северной стороны.

Боевой крик и рев неожиданно усилились. Подожженные и обстреливаемые из бомбарды Легницкие ворота затрещали, одно крыло повисло, второе рухнуло в фейерверке искр. К воротам с диким ревом кинулась пехота, цепники Яна Блеха, за ними спешившиеся конники — чехи Змрзлика и Отика из Лозы, моравцы Товачовского и поляки Пухалы.

Рейневан и Шарлей бежали с ними. На сей раз им никто не запрещал воевать, совсем наоборот — чтобы принудить хойновцев растянуть оборону, Прокоп и Краловец приказали взяться за оружие всем, способным его носить.

За воротами они влетели прямо в огненное жерло пожара — узкую улочку между пылающими домами. Защитников, которые пытались сопротивляться в улочке, вырезали мгновенно, остальные сбежали. С севера выстрелы затихали, а крик нарастал, было ясно, что сироты форсировали стену и ворвались в глубь города.

Они выбежали на удлинённый рынок, перед ними выросла каменная глыба церкви. И высокая, окутанная дымом башня. Прежде чем они успели подумать, башня плюнула в них огнем и железом. Рейневан видел, как снаряды и болты распаивают землю вокруг, как кругом падают люди. Рев оглушал.

Он опустился на колени. Одному раненому зажал разорванную болтом шейную артерию. Рядом ползал и выл другой, которому снаряд из хандканоны оторвал ногу ниже колена. Третий извивался, хлестал кровью из живота. Четвертый только дергался.

— Вставай, Рейневан! Вперед, к башне!

Он не послушался, занятый кровотечением, которое безуспешно пытался остановить. Когда раненый выхаркал кровь и замер, он занялся тем, у которого оторвало ногу. Разрывал рубаху на ленты. Перевязывал. Раненый выл.

Из пылающего дома выскочил мужчина с копьем, за ним выбежал

подросток в обгоревшей одежде, несущий щенка. Мужчине тут же размозжили голову цепом. Подростка острием пики пришили к двери. Насквозь, вместе со щенком. Подросток повис на пике, щенок рвался, визжал, молотил воздух передним лапками.

Рейневан перевязывал. У окутанной дымом, полыхающей огнем церкви толпились наступающие. С башни все еще стреляли, пули и болты свистели в воздухе.

— Гыр на нииииих!

Из боковой улочки, гоня перед собой и валя трупы убегающих в панике хойновцев, вылетели сироты, в саже, черные как черти. Шарлей дернул Рейневана за руку. Тот оставил перебинтованного, побежал, перепрыгивая через трупы.

Однако на рынке у церкви все уже кончилось. Защитников башни — в том числе много женщин и детей — выволокли из здания, согнали под стену. Там был Ярослав из Буковины, он отдавал приказы. Долетающие с южной стороны города звуки бойни заглушали его голос, но жест, который он сделал, сомнений не оставлял. Пленных собрали в кучу, придавили к стене. Из толпы вытаскивали по одному, по двое. Бросали на колени. И убивали. Кровь лилась потоками, плыла пенистой рекой, выплескивая из канав мелкорубленную солому и навоз.

— Помилосердствуйте! Лююююди! — завывала кинутая на колени горожанка в коричневой юбке. — За что? Зачем? Богом молю...

Удар палицей разбил ей голову, как яблоко. Она упала, не застонав.

— Потому что я звал — и вы не отвечали, — пояснил стоящий сбоку Прокоп Голый, — говорил, а вы не слушали, но делали злое в очах моих и избирали то, что было неуютно мне^[272]. Поэтому я предназначаю вас под меч. Все вы погибнете.

— Братья! Божьи воины! — воскликнул Краловец. — Не жалеть! Никого не спасать, всех под нож! Резать! А город сжечь! Сжечь дотла! Чтобы сто лет здесь ничего не выросло!

Огонь с гулом взвился над крышами Хойнова. А крики убиваемых вознеслись еще выше. Гораздо выше клубящегося дыма.

— Спалив Хойнов, — продолжал монах, — и выбив всех его жителей, гуситы снова повернули и по Згожелецкому тракту пошли на Болеславец. При известии об их приближении население убежало в леса, подпалив город собственными руками.

— Иисусе Христе... — Вроцлавский торговец перекрестился, но лицо у него тут же посветлело. — Ха! Если Прокоп пошел на Болеславец, значит,

нас не тронет! Он идет на Лужицы!

— Пустопорожняя надежда, — возразил минорит под вздохи собравшихся. — Прокоп от Болеславца снова завернул в Силезию. Ударил на Любин.

— Христе, будь милостив! — слышались голоса — *Gott erbarme*^[273]

...

— Еще вчера, — сложил руки монах, — Любин держался. Горел пригород, горел и город, потому что налетчики метали огненные снаряды на крыши, но защищался стойко, отражал штурмы. Наверняка дошли вести из Хойнова, любиняне знают, что их ждет, если поддадутся. Вот и держатся.

— Ров там глубокий, — буркнул пожилой солдат, — стены в семь локтей вышиной, башен больше десятка... Сдержат. Если духом не падут, сдержат.

— Дай-то Бог.

Эленча дрожала и стонала во сне.

Дзержка, несмотря на усиленные старания, вынуждена была все же задремать, из сна ее вырвал рывок. Дернул ее собственный подчиненный и работник, Собек Снорбайн. Снорбайн командовал группой конюхов, по приказу Дзержки объезжающих дороги и бездорожья в поисках потерявшихся и бесхозных коней, особенно породистых жеребцов и рыцарских декстриариев, хорошего материала для увеличения поголовья скалецкого табуна. Эленче, которая, широко раскрыв глаза, изумленно слушала отдаваемые Снорбайну приказы, Дзержка так же кратко, но и ясно пояснила, что упускать выгоду — значит совершать грех, конечно, бескорыстное великодушие — вещь прекрасная, но только в свободное от занятий время, а вообще-то кони будут возвращены, если отыщется хозяин и докажет свои на них права. Эленча вопросов не задавала. Тем более что вскоре после этого Дзержка организовала лагерь беженцев, посвящая ему без остатка и праздничные, и будничные дни.

— Госпожа, — Собек Снорбайн наклонился к уху торговли лошадами, — дело скверное. Идут чехи. Они сожгли пригород Счиनावы. Горят Проховицы, гуситы идут на Вроцлав... Значит, пройдут здесь...

Дзержка де Вирсинг тут же протрезвела. Пружинисто поднялась.

— Седлай наших коней, Собек. Эленча, вставай.

— Что?

— Вставай. Я ненадолго загляну к монахам. Когда вернусь, ты должна

быть готова. Идут гуситы.

— Обязательно так спешить? Отсюда до Проховиц...

— Я знаю, сколько отсюда до Проховиц, — отрезала Дзержка. — А торопиться надо. Гуситская разведка, поверь мне, может появиться здесь в любой момент. Некоторые чехи...

Она осеклась, взглянула на Снорбайна, потом буркнула:

— Некоторые из них ездят на чертовски хороших конях.

* * *

— Иисусе, — вздохнул Ян Краловец. — Посреди моря этот город стоит, что ли?

— Это Одра и ее рукав, — указал на широко разлившуюся воду Урбан Горн. — А это Олава, она окружает город с юга.

— И неплохо защищает подступы, — заметил Йира из Жечицы. — Я бы сказал, и стены не нужны.

— Однако они есть, — сказал Блажей из Кралуп. — И крепкие. Да и в башнях тоже нет недостатка. А уж церковных-то... Почти как в Праге!

— Та, первая, — показал, хвалясь знанием, Горн, — Святой Николай на Щецине, а там вон Николайские ворота. Вон та большая церковь с высокой башней — приходская, Марии Магдалины. Та вон башня — ратуша. А та — церковь...

— Святая Дорога, — бесстрастно продолжил Прокоп Голый, видимо, не хуже его знающий Вроцлав. — А там, на острове Песок, — храм Девы Марии. За Песком — Тумский остров, за ним Овентокшиская коллегията, рядом кафедральный собор, все еще строится. Там, подальше... Олбин, большой премонстрантский собор. А там вон — Святая Катаржина и доминиканский Святой Войцех. Вы удовлетворены? Уже все знаете? Ну прекрасно, потому что вблизи вам вроцлавские церкви... осмотреть не удастся. Во всяком случае, не в этот раз.

— Ясно, — кивнул головой Ян Товачовский из Чимбурка. — Было бы сумасшествием ударить по городу.

— Маловер! — поморщился и сплюнул Прокоупек. — Если б Иисус Навин думал так же, как ты, то Иерихон стоял бы и по сей день! Могущество Бога рушит стены...

— Оставьте Бога в покое, — спокойно прервал Добко Пухала. — Иерихон — не Иерихон, сейчас штурмовать Вроцлав мог бы только совсем уж неразумный человек.

Гуситские военачальники зашумели. В большинстве своём соглашаясь с мнением моравца и поляков. Впрочем, искорки в глазах Краловца, Яна Блеха и Отика из Лозы ясно говорили о том, что вообще-то они б охотно попытались.

— Однако наш путь, — Прокоп, как всегда, не пропустил этих искорок, — к гнезду антихриста был достаточно долог. Позади у нас столько трудных и тяжких дорог, что было бы грешно не уделить антихристу толику религиозных знаний.

Перед ними, под взгорьем, в неглубокой долине текла река Сленза, широко по-весеннему разлившаяся по лугам, по которым бродили аисты. Уже зеленели березняки красивой свежей весенней зеленью. Расцвела черемуха. На заливных лугах цвели калужницы и лютики, золотились ковры осота. Рейневан оглянулся. Главные силы Тabora и сирот переходили Быстрицу по захваченному мосту в Лесьнице, рядом с догорающим таможенным постом.

— Прочтем, — продолжил Прокоп, — вроцлавцам и епископу-антихристу наглядную лекцию. Вон та деревенька, под взгорьем, как называется?

— Мерники, добрый господин, — поспешил пояснить один из услужливых крестьянских проводников. — А тамочки — Мухобур...

— Сжечь обе. Займись этим, брат Пухала. О, а вон там я вижу мельницу... Там — вторую. Там деревушка... И там деревушка... А там что? Церковка? Брат Салава!

— Слушаюсь, брат Прокоп!

Не прошло и часа, как в небо взвились огни и дымы, а свежий майский воздух сделался душным от смрада гари.

Ta vojna pesi, ta me netesi,
tesila by me ma nejmilejsi...

В репертуаре походных песен армии Прокопа заметно начали преобладать все более грустные. Военная усталость давала о себе знать все явственнее.

Оставив за собой Вроцлав, они шли на юг, держа справа Слёнзу, неожиданно и грозно вырастающую из плоского ландшафта. Вершина горы, вовсе не такая уж недоступная, как всегда, тонула в растянувшихся лентах облаков — казалось, плывущие по небу облака задевали за вершину и оставались на ней, будто их удерживал якорь.

Они шли на Стшелин и Зембицы довольно быстро, даже не очень отвлекаясь на грабежи. Оставленный же на слёнзенском плацдарме Ян Колда из Жампаха не сидел сложа руки в замке, часто выезжал, грабя все, что удавалось взять, и сжигая все, что удавалось спалить. Висящих кое-где на придорожных деревьях попов или монахов тоже скорее всего следовало отнести на счет Колды, хотя не исключалась и личная инициатива местного деревенского общества, часто пользующегося подвернувшейся возможностью расквитаться с приходскими священниками либо монастырем за давние обиды и психические травмы. Рейневан очень боялся за Белую Церковь, надеялся на договоренность, заключенную с патрициатом Стшелина и князем Олавы. И на прячущие монастырь густые леса...

Картина Зембиц, вызвавшая воспоминания об Адели и князе Яне, подействовала на него как красная тряпка на быка. Он пытался поговорить с Прокопом, надеясь убедить того нарушить договор с Яном и напасть на город. Прокоп и слушать не хотел.

Единственное, чего он добился, это разрешения присоединиться к конникам Добека Пухалы, мытарившим округу наездами. Прокоп не возражал. Рейневан ему уже нужен не был. А Рейневан давал выход злобе, вместе с поляками сжигая подзембицкие села и фольварки.

Пятого мая, наутро после святого Флориана, в гуситский лагерь прибыло странное посольство, Несколько богато одетых горожан, несколько духовных особ высшего ранга, несколько рыцарей, в том числе, судя по гербам, Зейдлиц, Райхенбах и Больц, и вдобавок какой-то польский Топорчик. Вся эта компания в течение нескольких ночных часов секретно переговаривалась с Прокопом, Ярославом из Буковины и Краловцем в единственном уцелевшем здании цистерцианского фольварка. Когда на рассвете Прокоп дал приказ выходить, все выяснилось. Были заключены очередные соглашения. После Яна из Зембиц, немодлинского Бернарда и Людвика Олавского свое имущество решили спасти договорами рачибужская Гелена, опавский Пжемек, освенцимский Казько и чешинский Болько.

Переговоры с силезскими князьями подпитали в войске слух, что это конец рейда, что пришел час возвращения. Ходили слухи, будто объявленный Прокопом марш к Нисе будет продолжен на Опаву, а оттуда войско напрямик двинется в Моравию, на Одру.

— Возможно, — подтвердил слух Добко Пухала, — на Троицу мы уже будем дома. В таком случае, — добавил он, подмигнув Рейневану, — неплохо было бы еще здесь что-нибудь хапнуть, а?

Ach, moj smetku, ma zalosci!
Nie moge sie dowiedzieci,
Gdzie nam pirwy nocleg mieci,
Gdy dusza z ciala wyleci...

Небо затянуло черными тучами, повеял холодный ветер, временами моросил дождь, колкий как иголки. Погода явно влияла на распеваемые поляками песни.

Falszywy mi swiat powiedal
Bych ja deugo zyw byci mial,
Wczora mi tego nie powiedal,
Bych ja dlugo zyw byci mial...

Целью Пухалы была деревня Берздорф, Грангия Генриковского монастыря. Сам монастырь защищала зембицкая договоренность. Желая одним махом пустить с дымом княжеский фольварк в Остренжной и каким-то чудом уцелевшую церквушку в Вигансдорфе, но при этом не очень отстать от резво идущего на Нису войска, Добко разделил отряд на три боевые группы. Рейневан и Самсон остались при командире. Шарлей в мероприятии участия не принял, он страдал поносом, да таким жестоким, что ему не могли помочь даже магические лекарства.

Ехали напрямую, через овраги, по дну которых текли ручьи, притоки Олавы, несущие темную от торфа воду через каменные перевалы и завалы из старых стволов. У одного из таких ручьев Рейневан увидел Прачку^[274].

Ее не заметил никто, кроме него и Самсона. Она же, хоть отряд переходил поток всего-то в двухстах шагах от нее, вообще не подняла головы. Она была очень тонкая, худобу тела дополнительно подчеркивало облегающее платье. Лица Рейневан не видел — оно было скрыто очень длинными, прямыми, темными, ласкаемыми медленным течением волосами, падающими до самой воды, над которой она стояла на коленях.

В восково-белых, погруженных по локти руках она держала рубашку или гезло, ритмично растирая ее и отжимая кошмарно медленными движениями. Из гезла, словно дым, выделялись пульсирующие облачка крови. Кровь текла по воде, окрашивая ее в темно-красный цвет, розовой пеной омывала ноги коней.

Повеял ветер, резкий, злой ветер, начал шевелить уже зеленые ветки,

сорвал со склона яра облако засохших прошлогодних сорняков. Рейневан и Самсон зажмурились. Когда открыли глаза, видение исчезло.

Но по воде все еще текла кровь.

Они некоторое время молчали.

— Едем, — наконец откашлялся Самсон. — Или возвращаемся?

Рейневан не ответил, кольнул коня шпорой, следуя за Пухалой и поляками, уже скрывающимися среди зеленеющих ольх.

В следующем яру они наткнулись на засаду.

С противоположного склона из зарослей грохнули выстрелы, звякнули тетивы, на поляков посыпался град пуль и болтов. Вскрикнули люди, завизжали кони, некоторые встали на дыбы и упали вниз, на дно яра. В том числе и конь Самсона.

— Прячься! — рявкнул Пухала. — С коней — и прячься!

Заросли снова запели тетивами, снова зашипели болты.

Рейневан почувствовал удар в бок, такой сильный, что свалился на землю, неудачно, на устланный мокрыми листьями склон. Листья были скользкие, как мыло, он съехал по ним на дно и только там, пытаясь встать, увидел торчащее под клю-чицей оперение болта. Господи, только бы не артерия, успел он подумать, прежде чем потерял способность двигаться.

Он видел, как Самсон выбирается из-под убитого коня, как поднимается, встает. И как падает с окровавленной головой, еще прежде, чем прозвучал гул выстрелившей из зарослей ручницы.

Рейневан крикнул, крик заглушил очередной залп пищалей. Яр полностью затянуло дымом. Свистели болты. Выли раненые.

Хоть руки и ноги у него были словно соломенные, а любое движение вызывало приступы боли, Рейневан подполз к Самсону. Вокруг головы гиганта уже успела разлиться большая лужа крови, однако Рейневан видел, что пуля только задела кожу. Череп, подумал он, череп может быть поврежден. Черт побери, даже наверняка поврежден. Его глаза...

Глаза Самсона, затянутые мглой, неожиданно заплясали в глазницах. Рейневан с ужасом увидел, как голова великана затряслась, губы искривились, из них потекла слюна. Из горла, казалось, вот-вот вырвется крик.

— Темно, — невнятно забормотал он не своим голосом. — Темно, Мрачно... Иисусе... Где я? Здесь ночь... Я хочу до... Домой! Где я...

Струхнувший Рейневан прижал к его кровоточащему виску руку, прошептал, вернее, прохрипел выученную формулировку чары Алкмоны. Чувствовал, как его охватывает холод, идущий от плеча, от воткнувшегося

под ключицей болта. Самсон дернулся, махнул рукой, словно что-то отгонял. Вдруг взглянул осознаннее. Разумнее.

— Рейневан... — выдохнул он. — Что-то... Со мной что-то происходит. Пока я могу... Скажу тебе... Я должен тебе сказать...

— Лежи спокойно... — Рейневан кусал от боли губы. — Лежи...

Глаза Самсона в одну секунду затянула мгла и тревога. Гигант завизжал, зарыдал, свернулся в позу зародыша.

Происходит замена. В кружащейся голове Рейневана вихрем проносились воспоминания и ассоциации. Кто-то уходит от нас, кто-то к нам приходит. Монастырский дурачок возвращается из тьмы, в которую попал, возвращается в свою прежнюю оболочку. Привыкшее бродить во тьме *negotium*^[275] уходит во тьму. Возвращается к себе. Странник, *Viator* возвращается к себе. То, что не удалось сделать чародеям, на моих глазах совершает Смерть.

Боль снова заставила его напрячься, спазм стиснул легкие и гортань, полностью отнял власть в ногах. Дрожащей рукой он ощупал спину. Да, как он и ожидал, из лопатки торчал наконечник. И там было очень больно.

— Эй вы, сукины дети! — рывкнул кто-то из зарослей за яром. — Кацеры! Бездомные псины!

— Сами вы сукины дети! — ответил криком с другой стороны яра Добко Пухала. — Паписты гребаные!

— Хотите биться? Тогда идите, курва ваша мать, на нашу сторону!

— Идите вы, мать ваша курва, на нашу!

— Надаем вам по жопам!

— Это мы надаем вам по жопам!

Казалось, малоизысканный и до боли тривиальный обмен словами будет тянуться до бесконечности. Но не тянулся.

— Пухала? — недоверчиво спросил голос из зарослей. — Добеслав Пухала? Венявец?

— А кто ж, курва, спрашивает?

— Отто Ностиц.

— А, курва! Грюнвальд?

— Грюнвальд! Тысяча четыреста девятый. День Призвания Апостолов!

Какое-то время стояла тишина. Однако ветер доносил запах тлеющих фитилей.

— Эй, Пухала? Не станем же мы кидаться друг на друга? Мы ж соратники, в одном бою воевали. Не годится, мать ее так.

— Никак не годится. Мы же оба фронтовики. Так что? Мы — в свою,

вы — в свою дорогу? Что скажешь, Ностиц?

— Думаю, так и следует.

— У меня внизу раненые. Если я их возьму, так они помрут у меня в дороге. Позаботишься?

— Слово рыцаря. Мы ж фронтовики.

Рейневан, сам не зная, откуда взялась сила, непрерывно повторяемым заклинанием остановил наконец кровотечение из головы Самсона. И увидел, что сам прямо-таки плавает в крови. В глазах у него потемнело. Боли он уже не чувствовал.

Потому что потерял сознание.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

в которой температура то снижается, то повышается, а боли все чувствительнее. Да к тому же еще и убежать надо.

Он очнулся в полумраке, видел, как тьма уступает место свету, свет вкрапливается в тьму и перемешивается с нею, образуя серую полупрозрачную взвесь. *Umbram fugat claritas*, — пронеслось в мозгу. — *Noctem lux dimmat*^[276]. Аврора, *Eos rhododactylos*^[277], встает и розовит небо на востоке.

Он лежал на твердой лежанке, попытка пошевелиться вызвала резкую боль в плече и лопатке. Еще не успев дотронуться до плотно перевязанного места, он вспомнил со всеми подробностями болт, который там сидел, войдя спереди по самое оперение из гусиных перьев, а сзади торчавший дюймовым куском ясеневое дерева и такой же длины железным наконечником. Сейчас там тоже торчал болт. Невидимый и нематериальный болт боли.

Он знал, где находится. Побывал во многих госпиталях, для него не была новостью духота, вызванная множеством температурающих тел, запах камфоры, мочи, крови и разложения. И накладывающаяся на это непрекращающаяся и назойливая мелодия болезненных хрипов, стонов, охов и вздохов.

Разбуженная боль пульсировала в лопатке, не отступала, не смягчала, отдавалась по всей спине, по шее и ниже, до ягодиц. Рейневан коснулся лба, почувствовал под рукой совершенно мокрые волосы. У меня жар, подумал он. Рана гноится. Плохо дело.

— *Romahaj Pambu*^[278], братья. Живем. Очередная ночь позади. Может, выкарабкается.

— Ты чех? — Рейневан повернул голову в сторону нар справа, откуда пожелал ему здоровья сосед, белый как смерть, с запавшими щеками. — Тогда что это за место? Где я? Среди своих?

— Угу, среди своих, — забормотал бледный. — Потому что все мы здесь истинные чехи. Но по правде, брат, от наших-то мы далёко.

— Не пони... — Рейневан попытался подняться и со стоном упал. — Не понимаю. Что это за госпиталь? Где мы?

— В Олаве. — В Олаве?

— В Олаве, — подтвердил чех. — Город такой в Силезии. Брат Прокоп с местным герцогом^[279] заключил перемирие и договор... Что земель его не опустошит... а герцог ему за это пообещал, что будет о таборитских немощных заботиться.

— А где Прокоп? Где табориты? И какой у нас сейчас день?

— Табориты? Даааалеко... В дороге домой. А день? Вторник. А послезавтра, в четверг, будет праздник. Nanebevstoopeni Pane.

— Вознесение Господне, — быстро подсчитал Рейневан. Сорок дней после Пасхи. Приходится на тринадцатое мая. Значит, сегодня одиннадцатое. Меня ранило восьмого. Получается, что три дня я лежал без сознания.

— Так ты говоришь, брат, — продолжил он допытываться, — что табориты покидают Силезию? Выходит — конец рейду? Уже не воюют?

— Сказано было, — раздался женский голос, — что о политике говорить запрещено? Было. Поэтому прошу не разговаривать. Прошу молиться Богу о здоровье. И о душе. И о душах жертвователей на этот госпиталь, добродетелях наших и жертвователях прошу в молитвах не забывать. Ну, братья во Христе! Кто способен подняться — в часовню!

Он знал этот голос.

— Ты пришел в сознание, юный Ланселот. Наконец-то. Я рада.

— Дорота... — вздохнул он, узнав. — Дорота Фабер...

— Приятно... — блудница радостно улыбнулась, — откровенно приятно, что ты меня узнал, юный господин. Искренне приятно. Я рада, что ты наконец очнулся... О, и подушка сегодня не очень заплевана... Значит, возможно, выздоровеешь. Будем менять перевязку. Эленча!

— Сестра Дорота, — застонал кто-то от противоположной стены. — Страшно болит нога...

— Нет у тебя ноги, сынок, я тебе уже говорила. Эленча, подойди.

Он узнал ее не сразу. Возможно, из-за температуры, возможно, из-за ушедшего времени, но он довольно долго, не понимая, глядел на светловолосую тонкогубую девушку с блеклыми водянистыми глазами. С медленно отрастающими, когда-то выщипанными бровями.

Прошло некоторое время, пока он наконец понял, кто она. Помогло то, что девушка явно знала, кто он. Он увидел это в ее испуганном взгляде.

— Дочь рыцаря Штетенкрона... Голеньевский Бор... Счиборова Поремба. Ты жива? Выжила?

Она кивнула головой, бессознательным движением разгладила халат. А он неожиданно понял, откуда у нее в глазах страх, откуда испуганная

grimаса и дрожь тонких губ.

— Это не я... — пробормотал он. — Не я напал на сборщика... У меня не было с этим ничего общего... Все, что обо мне... Все, что ты слышала, это сплетни и ложь...

— Хватит болтать, — обрезала, пытаясь казаться строгой, Дорота Фабер. — Надо сменить перевязку. Помоги, Эленча.

Они старались действовать аккуратно, и все же он несколько раз со свистом втягивал воздух, несколько раз громко застонал. Когда сняли бинты, он хотел осмотреть рану, но не смог поднять головы. Приходилось ограничиться прикосновением. И обонянием. Оба диагноза были не из лучших.

— Гноится, — спокойно сказала Дорота Фабер. — И опухает. С того момента, когда цирюльник щепочки вынул. Но уже лучше, чем было. Лучше, юный господин Ланселот.

Её лицо было озарено святостью, светло-золотой нимб, казалось, окружал также голову Эленчи фон Штетенкрон. Марфа и Мария из Вифании, подумал он, чувствуя головокружение. Божественно прекрасные. Обе божественно прекрасные.

— Меня зовут не... — Голова у него кружилась все больше. — Меня зовут не Ланселот... И не Хагенау... Я Рейнмар из Белявы..

— Мы знаем, — ответили из сияния голоса Марфы и Марии.

— Где мой друг? Огромный мужчина, почти гигант... Его зовут Самсон...

— Он здесь, успокойся. Ранен в голову. Цирюльник его лечит.

— Что с ним?

— Говорит, что выздоровеет. Он очень сильный, сказали. Стойкий. Поистине неземно стойкий.

— Холера... Я должен его увидеть... Помочь...

— Лежи, господин Рейнмар. — Дорога Фабер поправила ему подушку. — В таком состоянии ты никому не поможешь. А себе можешь навредить.

Размещенный при церкви Святого Сверада Отшельника и находящийся тоже под покровительством Сверада госпиталь — один из двух, имевшихся в Олаве, — находился в ведении городского совета, а содержали его премонстраты из Святого Винцента во Вроцлаве. Кроме премонстратов, в госпитале работали в основном добровольцы — и доброволки, такие как Дорота Фабер и Эленча фон Штетенкрон. Пациентами же сейчас были исключительно табориты и сироты, гуситы, в

основном тяжелораненные или очень тяжело больные. А также калеки. Все в состоянии, которое вынудило Прокопа оставить их как непригодных к транспортировке. В силу перемирия и договора, к которому принудили олавского князя Людвика, их пустили в госпиталь Святого Сверада. Здесь их лечили, а выздоровевшим гарантировали возвращение в Чехию. Однако некоторые из лечившихся чехов не очень доверяли слову князя Людвика, а в отношении перемирия и гарантий проявляли далекоидущий пессимизм. Чем Прокоп дальше, утверждали они, тем менее действенно перемирие. Когда Божьи воины стояли у самых ворот, а перед ним была перспектива пожара и уничтожения, князь Людвик уступал и обещал — что угодно, лишь бы сохранить княжество. Сейчас, когда Божьи воины ушли за леса и горы, угроза исчезла, а клятвы превратились в обещания. Обещания же — дело известное — не более чем красивые слова.

Назавтра, очнувшись, Рейневан кинул взгляд на нары слева.

На них лежал Самсон Медок с перевязанной головой. И без сознания.

Рейневан хотел встать, взглянуть, что с ним. Не смог. Он был еще слишком слаб. Распухшее левое плечо пульсировало болью. Пальцы левой руки деревенели, он их почти не чувствовал. Запах гангрены усиливался.

— Среди моих вещей... — простонал он, впустую пытаясь приподняться, — была шкатулка... Медная шкатулка...

Эленча вздохнула, Дорота Фабер покрутила головой.

— Когда тебя сюда привезли, у тебя вещей не было. Не было даже ботинок. К тебе отнеслись милосердно, но на твое имущество милосердие не распространили. Обобрали до нитки.

Рейневан почувствовал, как его охватывает волна жара. Однако, прежде чем успел выругаться и скрежетнуть зубами, память вернулась. А с ней и облегчение. Бесценная шкатулка осталась у Шарлея. Страдавшего поносом Рейневан лечил магически, пользуясь амулетами чародея Телесмы. Отправляясь с Пухалой на вылазку, он оставил шкатулку у больного.

Облегчение было очень кратким. Амулеты, хоть они наверняка и сохранились, шли вместе с Шарлеем и всем Табором в Чехию, то есть были временно недоступны. А ситуация требовала доступа. Гноящаяся рана требовала магии. Оставить ее на волю традиционных методов значило потерять руку до самого плечевого сустава. В лучшем случае. В самом скверном — потерять жизнь.

— В Олаве... — простонал он, хватая распутницу за руку, — в Олаве есть аптека... У аптекаря наверняка есть тайная алхимическая

лаборатория... Только для посвященных... Для людей из магического братства... Мне нужны магические лекарства. Для Самсона... Для него мне нужно лекарство с названием *dodecatheon*^[280]. Для меня, для моей руки, нужна *unguentum achilleum*^[281]...

— Аптекарь... — Дорота отвернула голову, — аптекарь не продаст нам ничего. Даже на порог не пустит. Вся Олава знает, кого мы здесь лечим. Госпиталь находится под княжеской стражей и охраной. Но жители вас ненавидят. И не помогут. Ходить бессмысленно. И на улице страшно.

— Я пойду, — сказала Эленча Штетенкрон. — Пойду в аптеку, попрошу...

— Скажешь пароль: *Visita Inferiora Terrae*. Аптекарь поймет. *Visita Inferiora Terrae*. Запомнишь?

— Запомню.

Рейневан с огромным трудом сумел сосредоточить на ней расплывающееся от температуры зрение. Ему снова показалось, что ее окружает свечение. Нимб. Ореол.

— Медикаменты... — Он чувствовал, что теряет сознание. — Названия... *Dodecatheon*... *inguentum achilleum*. Не забудешь?

— Не забуду. — Она отвернулась. — Не могу. Бог, кажется, наказал меня невозможностью забывать.

Он был слишком болен, чтобы заметить, как горько это прозвучало.

— Дорота?

— Да, Рейнмар?

— Когда мы встретились три года назад, здесь, как раз под Олавой, на Стшеллинском тракте, ты собиралась отправиться в мир, сказала, хоть и до самого Вроцлава. За хлебом насущным... Что-то ты недалеко зашла...

— Я была во Вроцлаве. — Распутница отставила тарелку, из которой его кормила. — Побыла и вернулась. Хлеб, оказывается, везде одинаков. И везде одинаково трудно на него зарабатывать. Тогда я вернулась на старое место, в Бжег, в замтуз «Под Короной». Пусть уж меня, подумала я, когда умру, на том же самом могильнике, что и мою матушку, похоронят. А потом, как началась война, монахам в госпиталях потребовалась помощь, раненых и больных было не счесть. Надо было помогать... Вот я и помогала. Сначала в Бжеге, у Святого Духа. Потом сюда попала, в Олаву.

— Решилась работать в госпитале? Это трудная и тяжелая работа, мне кое-что о ней известно... Пожалуй, тяжелее и гораздо неблагодарней, чем в...

— Нет, Рейнмар, не гораздо.

Хоть это граничило с чудом, олавский аптекарь располагал нужными препаратами. Хоть это граничило с чудом, он продал их Эленче фон Штетенкрон. Хоть это граничило с чудом, уже после первых процедур эффект был замечен. Тысячелистник, *achillea millefolium*, растение, являющееся основным компонентом *unquentum achilleum*, неспроста содержало в названии имя героя Трои — безотказно, быстро и наверняка лечило раны, полученные в бою. Мазь, которую втирали по нескольку раз в день, остановила гангрену, понизила температуру и заметно уменьшила опухлость. После одного дня лечения Рейневан уже мог садиться, через следующие два — правда, не без помощи Дороты и Эленчи, — встать. И заняться Самсоном. Всего через одни сутки использования *dodecatheona*, микстуры, которая по своей эффективности уступала только легендарному *moly*^[282], Самсон открыл глаза. Несмотря на то что добытая в олавской аптеке доза лекарства была минимальной, спустя еще два дня гигант пришел в себя. Настолько, чтобы начать жаловаться на невыносимую боль в голове. Против этого лекарства не требовалось, головную боль Рейневан лечил заклинаниями и наложением рук. Однако боль Самсона оказалась серьезным делом, и прежде чем он с ней управился, намучился крепко. Оба, врач и пациент, почти бездыханными пролежали очередной день. До девятнадцатого мая.

А девятнадцатого мая начались неприятности.

— Черноволосый, — повторила Дорота Фабер. — Одетый в черное. Волосы черные, длинные, до плеч. Физиономия как бы птичья. Нос — как клюв. И взгляд дьявольский. Ты знаешь кого-нибудь похожего?

— Знаю, пся крев, — процедил Рейневан, отирая холодный пот, неожиданно выступивший на лбу. — Знаю, а как же.

— Потому что он тебя знает. Был у госпитальмэтра и сочно ему тебя описал. Спрашивал, нет ли здесь такого. На счастье, госпитальмэтр человек порядочный, к тому же памяти на лица у него нет ни на грош. Он совершенно честно ответил, что никого подобного тебе ему видеть не доводилось и никого такого в госпитале нет и не было. А когда тот черный птицеклювый начал требовать, чтобы его впустили в госпиталь, госпитальмэтр согласия не дал, сослался на княжеские приказы, на договор, гарантирующий гуситам безопасное укрытие. Тот вначале пугать пробовал, угрожать, но когда увидел, что это впустую, ушел. Однако пообещал, что вернется с княжеским разрешением в руках, что тогда весь госпиталь перетрясет, а когда тебя найдет и окажется, что госпитальмэтр

лгал, будет беда.

— Ты совершенно права.

— Мне что-то тоже кажется, что он вернется с княжеским разрешением.

— Ты совершенно права. Надо отсюда сбегать, Дорота. Немедленно. Сегодня же.

— Мне тоже надо убегать, — охнула Эленча, бледная, как бумага. — Я тоже, — выдавила она, — знаю того... человека. Думаю, он по моим следам добрался до Олавы. Он меня преследует.

— Невозможно, — возразил Рейневан. — Он преследует меня! Он за мной охотится. Его цель — я.

— Нет, я. Уверена, что я.

Самсон уселся на нарах. Взгляд у него был вполне осмысленный.

— Я думаю, — проговорил он совершенно нормально, — что оба вы ошибаетесь.

Они покинули Олаву перед сумерками, незаметно. Оказалось, что у Дороты Фабер многочисленные знакомства среди нужных людей. Одежду предоставил и тайно выйти из госпиталя помог им госпитальный швейцар, поглядывающий на рыжеволосую куртизанку масляными глазками. Такой же взгляд был и у плечистого парня, который повел их в конюшню, помогая Самсону идти. А помогать было нужно. Впрочем, Рейневан тоже был не в самой лучшей форме. С беспокойством думал о ждущей их конной поездке.

Дорота и Эленча, как оказалось, подумали об этом. С помощью швейцара и паренька привязали обоих к седлам ремнями так, чтобы они могли удерживать в седлах более или менее прямое положение, не сползая, не падая. Это было не очень-то удобно. Однако Рейневан не ныл. У него были основания полагать, что если их схватит Биркарт Грелленорт, то удобства окажутся еще менее приятными.

Они покинули город через калитку, расположенную неподалеку от Бжегских ворот, в юго-восточной части города. Сделать это пришлось не выбирая, а по необходимости. У Дороты были знакомства среди здешних стражников. На сей раз красоты или многообещающих улыбок оказалось мало — необходимы были звонкие аргументы. Долг Рейневана куртизанке быстро увеличивался.

— У тебя могут быть неприятности, — сказал он, когда они прощались, — Деньги они взяли, но в случае чего выдадут тебя, не сморгнув глазом. Не хочешь бежать с нами?

— Я управлюсь.

— Наверняка?

— Это всего лишь мужчины. Я умею с ними обращаться. Поезжайте с Богом. Дай тебе здоровья, Эленча.

— И тебе, госпожа Дорота. Благодарю за все.

Они объехали город с юга. По дорожке меж лозняка добрались до реки. Нашли брод, переправились на левый берег. Вскоре копыта лошадей застучали по более твердой земле. Они были на тракте.

— Планы не изменились? — уточнила Эленча, вовсе не плохо, как оказалось, пользовавшаяся седлом. — Едем туда, куда и должны?

— Да, именно туда.

— Держитесь хорошо?

— Держимся.

— Тогда в путь. Оставим Вроцлавский тракт и поедem на запад. Быстрее! Надо, пока светло, уехать насколько удастся.

— Эленча.

— Слушаю.

— Благодарю тебя.

— Не благодари.

Майская ночь пахла черемухой.

Сказав, что они держатся, Рейневан солгал Эленче Штетенкрон. По правде говоря, их — его и Самсона — держали в седлах исключительно ременные упряжи. И страх перед Грелленортом.

Ночная дорога была настоящей дорогой на Голгофу. Истинным благом было то, что Рейневан мало что о ней помнил и ассоциировал, его снова начала трясти лихорадка, что в значительной степени лишило его связи с окружающим миром.

С Самсоном было не лучше, гигант стонал, ежился и горбился в седле, словно пьяный покачиваясь над гривой коня. Эленча завела своего коня между ними, поддерживала обоих.

— Эленча?

— Слушаю.

— Три года тому назад, в Счиборовой Порембе... Как тебе удалось уцелеть?

— Не хочу об этом говорить.

— Дорота говорила, что позже, в декабре, ты пережила резню в Барде...

— Об этом я тоже говорить не хочу.

— Прости.

— Мне нечего тебе прощать. Держись в седле, пожалуйста. Выпрямись... Не наклоняйся так. Боже, когда же наконец кончится эта ночь...

— Эленча...

— Твой друг ужасно тяжелый.

— Не знаю... как тебя отблагодарить...

— Знаю, что не знаешь.

— Что с тобой?

— У меня немеют руки... Выпрямись, пожалуйста. И двигайся вперед. Они двигались.

Светало.

— Рейнмар?

— Самсон? Я думал, что...

— Я в сознании. В общем-то. Где мы? Далеко еще?

— Не знаю.

— Близко, — бросила Эленча. — Монастырь близко. Я слышу колокол... Утренняя молитва... Мы приехали...

Голос и слова девушки прибавили им сил, эйфория превозмогла усталость и температуру. Отделяющее их от цели расстояние они преодолели быстро, даже не заметив. Выбирающийся из липкой и лохматой серости мир сделался совершенно нереальным, призрачным, иллюзорным, непонятным, все, что происходило вокруг, происходило как во сне. Словно из сна были носящиеся в воздухе козодои, словно из сна был монастырь, как из сна была монастырская калитка, скрежещущая петлями. Из тумана, как из сна, появилась монахиня-привратница в серой рясе из грубой фризской шерсти. Словно из иного мира прозвучал ее окрик... И колокол. Утренняя молитва, колотилось в голове Рейневана, *laudes matutine*... А где пение? Почему монашенки не поют? Ах, да, это же Белая Церковь, орден кларисок, клариски часовые молитвы не распевают, а просто читают их... Ютта... Ютта? Ютта!

— Рейневан!

— Ютта...

— Что с тобой? В чем дело? Ты ранен? Матерь Божия! Снимите его с седла... Рейневан!

— Ютта... Я...

— Помогите... Поднимите его... Ах! Что с тобой?

— Рука... Ютта... Уже все... Я могу стоять... Только ноги у меня ослабли... Позаботьтесь о Самсоне...

— Мы обоих забираем в инфирмерию^[283]. Сейчас, немедленно. Сестра, помогите...

— Подожди.

Эленча фон Штетенкрон не слезла, ожидала в седле, отвернув голову. Взглянула на него только тогда, когда он произнес ее имя.

— Ты говорила, что тебе есть куда ехать. Но, может останешься?

— Нет. Еду сразу.

— Куда? Если я захочу тебя найти...

— Сомневаюсь, чтобы тебе захотелось.

— И все же?

— Скалка под Вроцлавом... — сказала она медленно и как бы с трудом. — Владения и табун госпожи Дзержки де Вирсинг.

— У Дзержки? — Он не скрыл изумления. — Ты — у Дзержки?

— Прощай, Рейнмар из Беявы. — Она развернула коня. — Позаботься о себе. А я... Я постараюсь забыть, — сказала она тихо, будучи уже достаточно далеко от монастырской калитки, чтобы он никоим образом не мог услышать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

в которой лето года Господня 1428-го, проведенное Рейневаном в любви и идиллическом блаженстве, проносится как мимолетное мгновение.

На этом так и хотелось бы закончить историю стандартными словами: «А потом они жили долго и счастливо». Но мало ли, что хотелось бы, если, увы, не получается.

В монастырской инфирмерии Рейневан пролежал до Троицы, первого воскресенья после Зеленых святок. Ровно девять дней. Однако насчитал он эти дни только по факту, возвращающаяся волнами лихорадка привела к тому, что о самом пребывании и лечении он помнил немного. Помнил Ютту де Апольда, проводившую много времени у его ложа страданий, помнил полную инфирмеристку, которую звали — очень удачно — Мизерикордией. Помнил лечившую его настоятельницу, высокую серьезную монашенку со светлыми серо-голубыми глазами. Помнил процедуры, которым она его подвергала, чертовски болезненные и неизменно вызывавшие после себя горячку и бред. Именно благодаря этим процедурам он все еще сохранял руку и кое-как мог ею владеть. Слышал, о чем разговаривали монашенки во время процедур — а разговор шел о ключице и локтевом суставе, о подключичной артерии, о подмышечном нерве, о лимфатических узлах и фасциях. Он слышал достаточно, чтобы понимать, что от множества серьезных проблем его спасли медицинские знания настоятельницы. А также медикаменты, которые у нее имелись и которыми она умела пользоваться. Некоторые из лекарств были магическими, кое-какие из них Рейневан узнавал то по запаху, то по реакции, которую они вызывали. Использовался также *dodecatheon* — значительно более сильный, чем добытый в Олаве, как и *peristereon*, снадобье очень редкое, очень дорогое и очень действенное при воспалительных процессах. Для несколько раз открывавшихся ран настоятельница использовала лекарство, известное как *garwa*, секрет которого пришел, кажется, из Ирландии, от тамошних друидов. Рейневан по характерному маковому запаху распознал *wundkraut*, магическую траву валькирии, которой жрецы Вотана лечили раненых после битвы в Тевтобургском лесу. Запах сушеных листьев белены выдавал *hierobotane*, а запах тополиной коры — *leukis* — два сильных противогангренозных

лекарства. Плауном пахла присыпка, именуемая *lycopodium bellonarium*. Когда начали применять *lycopodium bellonarium*, Рейневан уже мог вставать. Пальцы левой руки уже не немели, и он мог ими удерживать различные предметы, благодаря чему смог помогать монашенкам лечить Самсона. Который, хоть и был в полном сознании, вставать еще не мог.

Ютта не отходила от Рейневана ни на шаг. Ее глаза блестели от слез и любви.

Война, о которой они уже успели забыть, напомнила о себе вскоре после Троицы. Утром первого июня Рейневана, Ютту и монахинь из Белой Церкви взбудоражил гул орудий, долетающий с запада. Еще прежде чем до монастыря дошли точные сообщения, Рейневан догадался, в чем дело. Ян Колда из Жампаха не ушел вместе с армией Прокопа Голого, а остался в Силезии, укрепившись на Слэнзе. Он сам и его дружина были для силезцев солью в глазу и шилом в зад, они слишком докучали, чтобы их можно было терпеть. Сильный и вооруженный тяжелыми бомбардами вроцлавско-свидницкий контингент осадил слэнзенский замок и начал обстрел, призывая Яна Колду сдаться. Колда, как гласила стоустая весть, в ответ обозвал осаждающих популярным в народе названием мужских половых органов и предложил им заняться взаимным самцеложством. После чего ответил со стен огнем собственной артиллерии. Взаимообмен огнем и оскорблениями продолжался неделю, и в течение всей этой недели Рейневан прямо-таки кипел от желания двинуться к Слэнзе и как-то помочь Колде хотя бы диверсией и саботажем. Он едва ходил, о конной езде мог только мечтать, но рвался в бой. В конце концов рвение придушила, а боевые потуги разнесла в пух и прах Ютта. Ютта была решительной. Либо она, либо война — поставила она ультиматум. Рейневан выбрал ее.

Ян Колда из Жампаха оборонялся всю следующую неделю, нанеся силезцам столь серьезный урон, что к тому времени, когда наконец исчерпались возможности дальнейшего сопротивления, он оказался в прекрасном положении для начала переговоров. На следующий день после святого Антония он капитулировал, но на почетных условиях, выговорив себе право свободного отхода в Чехию. Слэнзенский же замок, чтобы он, не приведи Господи, не послужил какому-нибудь следующему Колде, силезцы разрушили, не оставив камня на камне.

Все эти подробности Рейневан узнал от садовника, работающего в примонастырской грангии, большого любителя пользоваться не только достоверными источниками информации, но и слухами, а также, при

отсутствии таковых, искусно создавать собственные, в чем он был большой мастак. После падения Слёнзы садовник принес слухи скорее беспокойные. Силезия наконец оправилась от пасхального гуситского рейда. И начала реагировать в свою очередь. Резко и довольно кроваво. Эшафоты обагрились кровью тех, кто трусил в бою или договаривался с чехами. На кострах корчились не только явные сторонники гусизма, но и те, которых лишь подозревали в симпатиях. Умирали на кольях и жердях сотрудничавшие с гуситами селяне. Виселицы прогибались под тяжестью тех, на которых поступили доносы. Попутно обезглавливали также тех, у которых вообще не было ничего общего с гусизмом. То есть как обычно: евреев, вольнодумцев, трубадуров, алхимиков и бабок, промышлявших абортами.

Безопасное, казалось бы, сидение за монастырскими стенами неожиданно потеряло смысл. Рейневан, проходящий период реабилитации, вскакивал весь в поту при каждом звонке или стуке в калитку. И облегченно засыпал, узнав, что это не инквизиция, и не Биркарт Грелленорт.

А всего лишь рыботорговец, принесшим свой товар.

Шло время, покой, забота и процедуры брали свое. Раны заживали, медленно, но хорошо. После святого Антония Самсон начал вставать, а после Горвазия и Протазия чувствовал себя уже достаточно уверенно, чтобы помогать садовнику. Рейневан же выздоровел настолько, что ему перестало хватать в общении с Юттой простого контакта глаз и рук.

Подошла ночь на Ивана Купалу. Клариски из Белой Церкви отметили ее дополнительной мессой. Рейневан же и Ютта, сопровождаемые любопытными взглядами монашек, побежали в лес, чтобы поискать цветок папоротника. Уже в полосе берез на опушке Рейневан объяснил Ютте, что цветок папоротника — легенда и искать его, хоть это весьма романтично и будоражит, в принципе бессмысленно и немного жаль на это тратить время, разве что она так сильно жаждет уважить многовековую традицию. Ютта очень быстро призналась, что традицию она, конечно, уважает, и даже очень, тем не менее короткую июньскую ночь предпочла бы в принципе использовать лучше, разумнее и приятнее.

Рейневан, который был того же мнения, разостлал на земле плащ и помог ей раздеться.

— *Adsum favens*, — шептала девушка, медленно и постепенно освобождаясь от одежд, словно Афродита от пены морской.

— *Adsum favens et propitia*, ласковая прихожу и милостивая. Оставь уж

плачи и сожаления, изгони прочь отчаяние, вот уже по милости моей светает день избавления^[284].

Она шептала, а глазам Рейневана являлась красота. Ослепительная красота нагости, гордость тончайшей женственности. Грааль, реликвия, святость. Перед его глазами возникала *donna angelicata*, достойная кисти известных ему мастеров. Таких, как Доменико Венециано, Симоне де Сьен, Мэтр из Флемалле, Томмазо Мазаччо, Масолино, братья Лимбург, Сасетта, Ян ван Эйк. И тех, которых он знать еще не мог, которым еще только суждено было явиться. Имена которых — Фра Анжелико, Пьеро Делла Франческа, Квартон, Рогир ван дер Вейден, Жан Фуже, Хьюго ван дер Гоэс — восхищенному человечеству еще только предстояло узнать.

— *Sit satis laborum*, — шепнула она, обнимая его шею руками. — Пусть наконец придет конец мукам.

Видя, что раненое плечо все еще тревожит Рейневана, она взяла инициативу в свои руки. Положив его навзничь, соединилась с ним в позе, в которой поэт Марциал обычно описывал Гектора и Андромаху.

Они любили друг друга, как Гектор и Андромаха. Они любили друг друга в ночь на Ивана Купалу. Откуда-то свысока гремели хоры, не исключено, что это были хоры ангельские. А вокруг плясали, подпевая, лесные гномы.

Auf Johanni Bluht der Holler
Da wuird die Liebe noch toller

В следующие ночи — а зачастую и дни — они не затрудняли себя беганьем в лес Любили тут же, за монастырской стеной, в прокаленном солнцем укрытии среди кустов терновника и черной бузины. Они любили, а вокруг — даже днем — плясали лесные гномы.

Petersilie, Suppenkraul wachst in uns'ren Garten
Schone Juttaist die Braut, soll nicht langer warten
Hinter einem Holderbusch gab sie Reynewan den Kuss
Roter Wein, weisser Weinmrgen soll die Hochzeit sein!

Монастырь в Белой Церкви был разделен на три части, неодолимо ассоциировавшиеся у Рейневана с тремя кругами посвящения. Круг первый, разумеется, по форме вовсе не бывший кругом, составляла

хозяйственная часть монастыря, сад, инфермерия, трапезная и опочивальни послушниц, а также спальни и помещения для гостей. Круг второй, сердцем которого являлась церковь, был гостям недоступен и состоял из прицерковного здания с библиотекой и скрипториумом^[285], а также жилищем настоятельницы. Кругом третьим была полностью и тщательно изолированная клаузура^[286], главная трапезная и спальни монахинь.

Клариски из Белой Церкви придерживались — по крайней мере внешне — суровых монашеских правил, постились, мяса в монастырском меню не видели. Хранили молчание во время еды, полную тишину в обязательном порядке выдерживали от комплеты до конвентуальной мессы^[287]. Весь день у них был занят работой, молитвой, покаяниями и созерцанием, на личные дела и отдых полагался только один час. За исключением пятницы, в которую отдыха не было. У *conversae* — а кроме Ютты, их в монастыре было четыре, все девушки из знатных родов — гораздо менее строгие обязанности сводились в принципе к участию в мессе; от них даже не требовали присутствия на богослужениях.

Однако, чем дольше Рейневан находился в монастыре, тем больше отступлений от правил замечал. Сразу же бросалось в глаза довольно свободное отношение к клаузуре. Абсолютно недоступная снаружи, изнутри клаузура не была преградой — монашки ходили по всей территории монастыря. Даже присутствие в монастыре двух мужчин, Рейневана и Самсона, не влияло на свободу перемещения. Существовал лишь один строго выполняемый своеобразный церемониал — монашки делали вид, будто мужчин в монастыре нет, мужчины прикидывались, что не видят монашенок. Это не касалось настоятельницы, она делала что хотела и как хотела. Полной свободой контактов обладали также сестра-экономка и сестра-инфирмерка.

Чем больше монашенки привыкали к Рейневану и признавали его достойным доверия, тем больше ему позволялось видеть. И он видел, что предписанные правилами покаяния и созерцания заменялись в Белой Церкви обучением, чтением книг, различных сочинений, толкованием евангелий, дискуссиями и даже диспутами. Однако к этим запретным делам он допущен не был. И хоть Ютта имела к ним доступ, он его не имел.

Однако шоком оказалась лишь месса. Рейневан на мессу не ходил. Атмосфера Белой Церкви позволяла ему чувствовать себя в безопасности, и он даже не думал скрывать того факта, что, будучи каликстинцем и утраквистом, не признает ни папистской мессы, ни причастия.

Однако однажды он ощутил потребность и на мессу пошел, решив

после раздумий, что вряд ли Богу интересно копаться в литургических нюансах и заниматься ими. Он пошел в церковь и был шокирован. Мессу проводила настоятельница.

Женщина.

Через несколько дней настоятельница неожиданно вызвала Рейневана к себе. Направляясь к ней, он равно сознавал как почетность этого действия, так и возможность наказания. Впрочем, этого он ожидал уже давно.

Когда он вошел, она читала разложенную на пюпитре инкунабулу. Будучи библиофилом и библиоманом, Рейневан сразу же по оформлению и гравюрам узнал «*Psalterium Decem Cordatum*» Иоахима Флорского. Не остались незамеченными и другие лежащие под рукой произведения: «*Liber Divinorum Operum*» Гильдегарды из Бингена, «*De amore Dei*» святого Бернарда, «*Theogonia*» Гесиода, «*De ruina ecclesiae*» Николя де Клеманже. Непонятно почему, его нисколько не удивил в этом наборе потрепанный экземпляр «*Necronomicon*».

Настоятельница некоторое время поглядывала на него поверх шлифованных стекол очков, словно проверяя, долго ли он сможет выдержать ее взгляд.

— Невероятное дело, — проговорила она наконец, а гримаса на ее губах могла в равной степени быть улыбкой и не быть ею. — Невероятное дело. Мало того что я лечу в моем монастыре гусита, мало того что прячу еретика. Мало того, что я терплю здесь чернокнижника, а как знать, не некроманта ли. Мало того что я покрываю его и лечу, так я еще позволяю ему предаваться любовным играм с вверенной моей опеке послушницей. Благородной девицей, за которую отвечаю.

— Мы любим друг друга... — начал он.

Она не дала ему закончить.

— Верно. Вы проделываете это очень часто. А о возможных последствиях, интересно было бы знать, вам хоть иногда случается подумать? Ну хотя бы чуточку?

— Я — врач...

— Во-первых, не забывай об этом. Во-вторых, я имею в виду не только предохранение.

Она какое-то время молчала, поигрывая перепоясывающим рясу льняным шнуром, завязанным на четыре узла, символизирующих четыре обета святой Клары, покровительницы и основательницы ордена Смиренных Дев.

— Я имею в виду будущее. — Она приложила руку ко лбу. — Дело весьма сомнительное в наши времена. Меня интересует, думаете ли вы о будущем. Думаешь ли о будущем ты. Нет, нет, детали меня не интересуют. Только сам факт.

— Я думаю о будущем, почтенная мать.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Радужки у нее были серо-голубые, светлые. Черты ее лица ему кого-то напоминали, кого-то неотступно приводили на память. Однако он не мог вспомнить кого.

— Ты говоришь, что думаешь. — Она наклонила голову. — И что же, интересно, в твоих мыслях перевешивает? Чего в них больше? Ютты и того, что для нее хорошо? Или, может, войны? Борьбы за справедливое дело? Стремления изменить мир? А если, предположим, дело дойдет до конфликта, если идеалы столкнутся... что ты выберешь? А от чего откажешься?

Он молчал.

— Повсеместно известно, — продолжила она, — что, когда речь заходит о благе чего-то великого и важного, единицы в счет не идут. Единицами жертвуют. Ютта — единица. Что будет с нею? Ты бросишь ее как камень на бруствер?

— Не знаю... — Он с трудом сглотнул. — Не могу и не хочу прикидываться перед тобой, почтенная мать. Я действительно не знаю.

Она долго смотрела ему в глаза. Наконец сказала:

— Знаю, что не знаешь. Я не ждала ответа. Просто хотела, чтобы ты немного об этом подумал.

Вскоре после Петра и Павла, когда все поля уже голубели от васильков, наступило неприятное длительное ненастье. Места, в которых Рейневан и Ютта привыкли предаваться любовным утехам, превратились в грязные болота. Настоятельница какое-то время посматривала, как влюбленные кружат под аркадами монастырского сада, как смотрят друг другу в глаза, чтобы наконец расстаться и разойтись. Однажды вечером, совершив в аббатстве некоторые реорганизации по размещению монахинь, она вызвала их к себе. И провела в келью, выскобленную, вымытую и украшенную цветами.

— Здесь вы будете жить, — сухо сообщила она. — И спать. Оба. С этого часа. С этой ночи.

— Благодарим тебя, мать.

— Не благодарите, И не теряйте времени. *Hora ruit, redimite tempus.*

Пришло лето. Жаркое лето 1428 года.

Неутомимый садовник неутомимо приносил все новые и новые сплетни. Капитуляция Яна Колды и потеря слёнзенского плацдарма, рассказывал он, растапывая вытащенных из гнезд голеньких мышат, взбесили гуситов. В середине июля, в четверг после святой Маргариты, сироты в порядке реванша быстрой вылазкой напали и захватили Еленью Гуру, спалив город дотла.

Хоть это отняло у него немного больше времени, садовник принес также слухи из Чехии, вести, которых Рейневан и Самсон ожидали с нетерпением. Гейтман Нового Пражского Града, Велек Кудельник из Бжезницы, рассказывал садовник, сдирая дерьмо с вил, около святого Урбана ударил на страну баварцев. Гуситы сожгли Мосбах, резиденцию пфальцграфа Оттона, по долине реки Нааб дошли аж до Регенсбурга. Полностью разграбили и совершенно разрушили цистерцианское аббатство в Вальдербахе. С телегами, полными награбленного добра, вернулись в Чехию, оставив за собой пепелища.

Примерно в то же время, рассказывал садовник, ковыряя в носу и внимательно рассматривая извлеченное содержимое, Табор, чтобы выбить дурь из головы князя Альбрехта, вошел с диким рейдом в Ракусы. Сжигая, опустошая, грабя и не встречая сопротивления, табориты дошли до самого Дуная. И хоть лишь небольшой кусок отделял их от Вены, огромную реку форсировать они не смогли. И только демонстрации ради немного погрохотали с левого берега. Погрохотали и ушли.

— Наверно, — бросил Самсону Рейневан, — и наш Шарлей там был. И демонстрировал.

— Наверняка, — зевнул гигант, почесывая когтями шрам на голове. — Не думаю, чтобы в Константинополь он отправился без нас.

Накануне святого Иакова настоятельница снова вызвала Рейневана к себе.

На сей раз она читала «Книгу Божеского утешения» мэтра Экхарта, красивое и богатое издание.

— Ты давно не был в церкви, — заметила она, поглядывая поверх очков. — Забежал бы как-нибудь, перед алтарем постоял на коленях. Подумал о том о сём. Обдумал то да сё... Ах, правда, — подняла она голову, не дождавшись ответа. — У тебя нет времени. Вы заняты, ты и Ютта, страшно заняты. Ну что ж, понимаю вас и не осуждаю. Не всегда я

была монашкой. В юности, стыдно признаться, мне тоже случалось активно воздавать почести Приапу и Астарте. И не раз мне казалось, что, будучи в объятиях мужчины, я оказываюсь ближе к Богу, чем в храме. Я заблуждалась. Однако это не мешает мне понимать тех, которым надо еще подождать, чтобы понять свою ошибку.

— Мы предоставили тебе здесь, — продолжила она, немного помолчав, — убежище и заботу. То, что нами руководствовало не только милосердие, ты уже наверняка понял. Наша симпатия также не полностью была результатом склонности и расположения, которые испытывает к тебе очень милая нам Ютта де Апольда. Были и другие причины. О которых пора поговорить.

Твой внимательный взгляд уже наверняка обнаружил, что наш монастырь несколько отличается от других. И он, следует тебе знать, отнюдь не единственный. Не только вы, утраквисты, видите необходимость реформы Церкви, не только вы к ней стремитесь. И хоть порой вам кажется, что вы очень радикальны в своих стремлениях, это не так. Есть такие, которые желают более значительных изменений. Идут гораздо дальше.

— Думаю, — продолжала она, — тебе известны тезы братьев из ордена Франциска, кои черпали из кладезя великой и таинственной мудрости, той самой, кою познал воодушевленный своею мыслью и волей Иоахим Флорский? Напомню: мир наш разделен на три Века и на три Завета. Век и Завет Отца, протянувшийся от Адама до Христа, был заветом и законом суровой справедливости и преоборения. Второй, Век и Завет Сына, начавшийся от Спасителя, был законом любви и мудрости. Третий Век наступил, когда великий Святой из Ассизы начал свое дело, и это есть век Духа Святого. Заветом которого является закон любви и милосердия. И царствовать будет Дух Святой до конца времен.

Сила Духа Святого, говорит вдохновенный мэтр Экхарт, — настоятельница положила руку на раскрытую книгу, — по-настоящему вознесет то, что наиболее чисто, наиболее тонко, наиболее возвышенно, воздымает искру души и возносит ее к самым вершинам в воспламенении и любви. Точно так, как это происходит с деревом: сила солнца берет то, что в корне его самое чистое и самое деликатное, и возносит до самых ветвей, на коих оно становится цветком. Точно таким же образом искра души возносится к свету, оторванная от своего первоначала. И достигает полного единения с Богом.

Так что видишь, юноша, приход Века Духа делает ненужным и излишним посредничество Церкви и священников, ибо все сообщество

верующих непосредственно охвачено светом Духа, посредством Духа связывается и сливается с Богом. Посредники не нужны. Особенно посредники грешные и лживые.

— По сути, — откашлявшись, отважился Рейневан, — у нас, сдается мне, одинаковы и взгляды, и цели. Ибо точно то же говорили Ян Гус и Иероним, а до них Виклиф...

— То же самое, — прервала она, — говорил и говорит Петр Хелчицкий. Тогда почему же вы не слушаете его слов? Когда он учит, что произвол нельзя победить произволом, что на насилие нельзя отвечать насилием? Что война никогда не оканчивается победой, но порождает очередную войну, что ничего, кроме очередной войны, война принести не может? Петр Хелчицкий знал и любил Гуса, но ему было не по пути с насильниками и убийцами. Не по пути ему было с людьми, кои обращают взор к Богу, преклонив колени на устланном трупами побоище. Кои чертят знак креста руками, по локти обагренными кровью.

— Вы, — продолжала она, прежде чем он успел ответить, — пошли в Пасху 1419 года на горы. На Фаворе, на Оребе, на Беранке, на Сионе, на Оливной горе вы создавали братское сообщество Детей Божиих, напоенных Духом Святым и любовью к ближнему. Тогда вы были истинными Божиими воинами, у вас были божески чистые души и сердца, ибо вы страстно несли слово Божие, возглашали любовь Божью. Но это длилось пятнадцать недель, юноша, всего пятнадцать недель. Уже в день святого Абдона, тридцатого июля, вы выкидывали людей из окон на пики, убивали на улицах, в церквях и домах, творили насилие и резню. Вместо милости Господней начали возглашать апокалипсис. И название Божиих воинов вам уже не подходит. Ибо то, что вы творите, больше радует дьявола. По лестницам из трупов не вступают в Царствие небесное. По ним спускаются в ад.

— И однако, — вставил он, сдерживая ярость, — ты говорила, что утраквизм тебе близок. Что ты видишь необходимость реформы Церкви, что осознаешь необходимость далекоидущих изменений. В то время, когда Хелчицкий зывал: «Пятое: не убий!», на Прагу шли папские круцьяты. Если б мы тогда послушались Хелчицкого, призывавшего нас защищаться исключительно верой и молитвой, если б мы противопоставили римским ордам только покорность и любовь к ближнему, нас перебили бы всех до единого. Чехия изошла бы кровью, а надежды и мечты развеялись бы как дым. Не было бы никаких изменений, никакой реформы. Был бы Рим, в торжестве своем еще более высокомерный, зазнавшийся и наглый, еще более лживый, еще более противоречащий Христу. Было за что бороться,

поэтому мы боролись.

Настоятельница улыбнулась, а Рейневан покраснел. Он не мог противиться ощущению, что улыбку докрасила насмешка. Что настоятельница знает, в сколь смешное положение он попадает, говоря «мы» и «нас», в то время как на горы в Пасху 1419 года он взирал со стороны, в ошеломлении, со страхом и без каких-либо признаков понимания. Что шокированный июльской дефенестрацией, сбежал из сумасшествующей революционной Праги, что шмыгнул из Чехии, смертельно ужаснувшись развитием событий. Что даже сейчас он всего лишь едва-едва неофит. И ведет себя именно как неофит.

— Относительно изменений и реформ, — проговорила, все еще продолжая улыбаться, клариска, — мы действительно согласны. Ты и я. Однако нас различает не только способ, но и пределы, и размеры действий. Вы хотите перемен в литургии и реформы клира по принципу *sola Scriptura*. Мы — я ведь сказала тебе, нас много, — хотим значительно, значительно большего. Взгляни.

Напротив настоятельницы висело единственное украшение комнаты: картина, доска, изображающая белую голубку, взмывающую с распростертыми крыльями в падающий сверху луч света, Клариска подняла руку, что-то едва слышно шепнула. Воздух неожиданно заполнился ароматом руты и вербены, характерным для белой магии, которую называют арадийской.

Луч света на картине разгорелся, нарисованная на доске голубка взмахнула крыльями, взлетела и исчезла в луче света. На ее месте на картине появилась женщина. Высокая, черноволосая, с глазами как звезды, одетая в многоцветное платье, переливающееся множеством оттенков белого, медного, пурпурного...

— И явилось на небе великое знамение. — Настоятельница начала тихим голосом комментировать все более четкие детали картины. — Жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд^[289]. Пророк, говоря о Духе, речет: как утешает кого-либо мать его, так утешу я вас.^[290] Взгляни. Вот Мать. *Esse femina!*^[291] *Esse Columba qui tollit peccata mundi*^[292]. Вот Церковь Третья, Истинная и в истинности своей последняя. Церковь Духа Святого, закон которого — любовь. Коя длится будет до конца света.

Взгляни: Великая Матерь, Пантея-Всебогиня, Регина-Королева, Генетрикс-Родительница, Креатрикс-Создательница, Виктрикс-Триумфаторка, Феликс-Благодатная. Божественная Дева. *Virgo caelestus*.

Матерь природы, владычица стихий, *astorum Domina*, извечное начало всесущности. Величайшая богиня, владелица тени, госпожа сияющих высот, неба, жизнетворного дыхания моря, тиши подземелий. Та, единую и многоликую божественность которой почитает весь мир под различными именами и в различных обрядах.

— *Descendet sicut pluvia in vellus.*^[293] Она спустится как дождь на траву, как дождь обильный, напоивший землю. В ее дни расцветет справедливость и всеобщий мир, пока не угаснет луна. И царить она будет от моря до моря, от реки и до краев земли. И так будет до конца света, ибо она — это дух.

Склонись пред нею — прими и пойми ее власть.

Самсон, потирая шрам на обритой голове, выслушал рассказ, ознакомился с опасениями Рейневана — как обычно, без комментариев, как обычно, без эмоций и без малейших проявлений нетерпения. Однако Рейневана не покидало неотразимое ощущение того, что гиганта вообще не интересует ни движение Строителей Третьей Церкви, ни возрождающийся культ Всебогини. Что ему вообще малоинтересно деление истории мира на три эпохи. Что вообще ему совершенно безразлично, исповедует ли настоятельница монастыря кларисок в Белой Церкви и проводит ли в жизнь тезисы вальденсов и хилиастов, или же склоняется к доктринам Братьев и Сестер Вольного Духа. Походило на то, что Самсону практически нет дела до бегардов, бегинок и гвилельмиток. Что же касается Иоахима Флорского и мэтра Экхарта, то чувствовалось... хм-м... что оба они ему, грубо говоря, до едрени-фени.

— Я уезжаю, — совершенно неожиданно заявил гигант, вежливо выслушав откровения Рейневана. — Придется тебе самому управляться со своими проблемами. Я еду в Чехию. В Прагу.

— Ты присутствовал при том, как меня ранили, — продолжал он, не дожидаясь, пока Рейневан остынет и издаст хотя бы звук. — Ты видел, что произошло, когда пуля прошла по моему черепу. Ты был свидетелем, имел возможность рассмотреть вблизи. Я был готов к чему-то подобному. Мне говорили об этом и даже... Даже советовали. В Праге Акслебен, в Тросках — Рупилиус. Они назвали это: возвращение через смерть. Методом возвращения в мой собственный универсум и в мою собственную... телесную, я так выражусь, форму является освобождение от теперешней материальной оболочки. Короче говоря: проще всего было бы убить эту огромную тушу. Уничтожить ее, решительно прервать происходящие в ней жизненные процессы. Покончить с ее материальным

существованием. Тогда мой собственный духовный элемент высвободится и вернется туда, куда вернуться должен. Так утверждали Акслебен и Рупилиус. То, что произошло восьмого мая, кажется, подтверждает их правоту.

В чем состоит проблема, ты, несомненно, догадываешься. Понимаешь, по каким причинам присоветованный метод не очень мне нравится, по каким причинам я предпочел бы что-то менее сильнодействующее. Во-первых, я не хочу, чтобы на моей совести лежала смерть монастырского придурка, будучи одетым в тело которого я расхаживаю по свету уже три года. Во-вторых, ни Рупилиус, ни Акслебен не решались гарантировать стопроцентного успеха. А в-третьих, самое главное: что-то мне не очень хочется торопиться с возвращением. Главной причиной этого являются волосы цвета меди и их носительница по имени Маркета. Коя пребывает в Праге. Поэтому я возвращаюсь в Прагу, друг Рейнмар.

— Самсон...

— Ни слова, пожалуйста. Я возвращаюсь один. Ты оставайся. Я был бы скверным другом, если б попытался вытащить тебя отсюда, отделить от того, чем является это место для тебя. Это твоя Огигия, Рейнмар, остров счастья. Поэтому останься и изведай его. Как можно дольше и как можно полнее. Останься и поступай умно. Отделяй то, что subtiliter, от того, что плотно. Тогда ты обретишь прелесть этого мира. И всякая тьма обойдет тебя стороной. Это говорю тебе я, твой друг, существо, известное тебе, как Самсон Медок. Ты должен мне верить, ибо *vocatus sum Hermes Trismegistus, habens tres partes philosophia totius mundi*. Послушай внимательно. Пожар отнюдь не потушен и не придушен, он только пригас, угли его тлеют. В любой день мир снова окажется в огне, и мы встретимся опять. А до того времени... Прощай, друг.

— Прощай, друг. Счастливого пути. И пожелай от меня всего лучшего Праге.

На опушке леса Самсон обернулся в седле и помахал им рукой. Они ответили ему тем же, прежде чем он скрылся между деревьями.

— Боюсь я за него, — прошептал Рейневан. — До Чехии далек путь. Времена трудные и опасные...

— Доедет безопасно, — прильнула к его боку Ютта. — Не бойся. Он доедет безопасно. Без скверных приключений. И не блуждая. Его ждут. Чей-то фонарик загорится во мраке, укажет нужную дорогу. Как Леандр, он безопасно преодолет Геллеспонт. Ибо ожидает его Гера и ее любовь.

Было первое августа. День святого Петра в Узах. У Старших Народов и ведьм — праздник Глафмас. Праздник жатвы.

Целую неделю Рейневан готовился к разговору с Юттой. Боялся такого разговора, боялся его последствий.

Ютта неоднократно разговаривала с ним об учении Гуса и Иеронима, о четырех пражских догмах и вообще о принципах гуситской реформы. И хотя в отношении некоторых доктрин утраквизма она была настроена достаточно скептически, никогда, ни единым словом, ни самым малейшим намеком или замечанием не проявляла того, чего он опасался: неофитского запала. Монастырь в Белой Церкви — беседа с настоятельницей не оставляла в этом отношении никаких сомнений — был заражен ошибками Иоахима Флорского, Строителей Третьей Церкви и Сестринств Свободного Духа; настоятельница, монахини, а наверняка и послушницы — почитали Извечную и Тройственную Великую Матерь, что связывало их с движением поклонников Гвилельмины Чешки как женской инкарнации Святого Духа. И Майфреды да Пировано, первой гвилельмитской папессы. Кроме того, монашенки совершенно явно занимались белой магией, связываясь тем самым с культом Арадии, королевы ведьм, именуемой в Италии *La Bella Pellegrina*^[294]. Но хотя Рейневан кружил вокруг Ютты чуткий как журавль, ловя знак или сигнал, ни разу ничего подобного не поймал. Либо Ютта настолько хорошо умела камуфлироваться и скрываться, либо отнюдь не была горячей неофиткой иоахимитской, гвилельмитской и арадийской ереси. Рейневан не мог исключить ни первого, ни второго. Ютта также была достаточно ловкой, чтобы уметь маскироваться, и достаточно разумной, чтобы не сразу и не с головой прыгать куда глаза глядят и погружаться в неизведанное. Несмотря на чувства, которые, казалось, их соединяли, помимо частых, восторженных и творческих занятий любовью, помимо того, что у их тел, казалось бы, уже нет от партнеров тайн, Рейневан понимал, что еще далеко не все знает о девушке и далеко не все ее секреты сумел расшифровать. А если Ютта еще не связалась с ересью целиком и полностью, еще колебалась, сомневалась либо даже относилась к ней критически, то поднимать тему не следовало.

С другой стороны, оттягивать и бездейственно присматриваться не следовало также. До сих пор он все еще принимал близко к сердцу слова Зеленой Дамы. В Силезии он был извращенцем, преследуемым изгнанником, гуситом, врагом, шпионом и диверсантом. Тем, кем он был в действительности, во что верил и чем занимался, он ставил Ютту в опасное и рискованное положение. Зеленая Дама, Агнес де Апольда, мать Ютты, была права — если в нем была хотя бы кроха порядочности, он не должен

был ставить девушку под удар, не мог позволить, чтобы из-за него она пострадала.

Беседа с настоятельницей изменила все, во всяком случае, многое. Монастырь в Белой Церкви, сам факт пребывания в нем был, оказывается, для Ютты гораздо опаснее, нежели знакомство и связь с Рейневаном. Тезы Иоахима и спиритуалов, ересь — он все еще не мог думать об этом иначе, найти другое слово — Строителей Третьей Церкви, культ Гвилельмины и Майфреды были для Рима и инквизиции вероотступничеством столь же тяжким, как гусизм. Впрочем, все ереси и отклонения Рим бросал в один мешок. Каждый кацер был слугой дьявола. Это касалось (что было уже несомненной ерундистикой) также культа Великой Матери, более древнего, чем человечество. И дьявола, которого выдумал лишь Рим.

Но факт оставался фактом: культ Всематери, поклонение Гвилельмине, ошибки Иоахима, Сестринство Свободного Духа, Третья Церковь — любого одного было достаточно, чтобы попасть в тюрьму и на костер, или на пожизненное погребение в доминиканских темницах. Ютта не должна оставаться в монастыре.

Необходимо было что-то предпринять.

Рейневан знал что. Во всяком случае, чувствовал.

— Ты зимой спрашивала меня, — он повернулся боком, заглянул ей в глаза, — ты спрашивала, готов ли я бросить все. Готов ли вот так, как стою, убежать, отправиться вместе с тобой на край света. Отвечаю: да. Я люблю тебя, Ютта. Хочу соединиться с тобой до конца жизни. Мир, похоже, делает все возможное, чтобы нам в этом помешать. Поэтому давай бросим все и убежим. Хотя бы в Константинополь.

Она долго молчала, задумчиво лаская его.

— А твоя миссия? — спросила наконец, медленно выговаривая и взвешивая слова. — Ведь у тебя есть миссия. Убеждения. Действительно важная и святая обязанность. Ты хочешь изменить картину мира, исправить его, сделать лучше. Так что же? Откажешься от миссии? Бросишь ее? Забудешь о Граале?

Опасность, подумал он. Внимание. Опасность.

— Миссия, — продолжала она, еще медленнее выговаривая слова. — Убеждения. Призвание. Отдача. Идеалы. Царствие Божие и желание, чтобы оно осуществилось. Разве от всего этого можно отречься, Рейнмар?

— Ютта, — решил он, приподнимаясь на локте. — Я не могу видеть, как ты подвергаешься опасности. Слухи о том, что вы здесь проповедуете, кружат, многие знают, что творится в здешнем монастыре, я сам узнал об

этом еще зимой, в конце прошлого года. Так что это никакая не тайна. Доносы уже могли дойти до адресатов. Над вами нависла страшная опасность. Майфреда да Пирована сгорела на костре в Милане. Спустя пятнадцать лет, в 1315 году, в Свиднице сожгли полсотни бегинок...

«А адамитка в Чехии? — подумал он вдруг, — А замученные и сожженные пикардки? Дело, которому я себя посвятил, преследует диссидентов не менее жестоко, чем Рим...»

— Каждый день, — отогнал он эту мысль, — может быть днем твоей гибели, Ютта. Ты можешь погибнуть...

— Ты тоже можешь погибнуть, — прервала она. — Мог полечь на войне. Ты тоже рисковал.

— Да, но не во имя...

— Иллюзии, да? Давай скажи это громко. Иллюзии. Женские фантазии.

— Я вовсе не хотел.

— Хотел.

Они замолчали. За окном была августовская ночь. И сверчки.

— Ютта.

— Слушаю тебя, Рейнмар.

— Уедем. Я люблю тебя. Мы любим друг друга, а любовь... Отыщем Царствие Божье в себе. В нас самих.

— Я должна тебе поверить? Что ты откажешься...

— Поверь.

— Ты жертвуешь ради меня многим, — сказала она после долгой паузы. — Я это ценю. Я еще больше люблю за то. Но если мы откажемся от идеалов... Если ты откажешься от своих, а я от моих... Я не могу противиться мысли, что это было бы, как...

— Как что?

— Как *endura*^[295]. Без надежды на *consolamentum*^[296].

— Ты говоришь как катарка.

— Монсегюр живет, — шепнула она, прижав губы к его уху. — Грааля до сих пор не нашли.

Она прикоснулась к нему, прикоснулась и пронзила нежной, но электризующей лаской. Когда она поднялась на колени, ее глаза пылали во тьме. Когда склонялась к нему, она была медленно мягкой, как волна, поглаживающая песок пляжа. Ее дыхание было горячим, горячее ее губ. Самсон был прав, успел подумать Рейневан, прежде чем блаженство отняло у него способность мыслить. Самсон был прав. Это место — моя Огигия. А она — моя Калипсо.

— Монсегюр живет. — Прошло несколько мгновений, прежде чем он услышал ее громкий шепот. — И выживет. Не поддастся и никогда не будет завоеван.

Август 1428 года был жарким, прямо-таки непереносимая жара стояла до середины месяца, до дня Успения Девы Марии, который в народе называли праздником Матери Божьей Злаковой. Сентябрь тоже выдался очень теплым. Серьезно погода начала портиться лишь после Матвея. Двадцать третьего сентября пошел дождь.

А двадцать четвертого возвратились старые знакомые.

Первый сигнал о возвращении старых знакомых принесли — при помощи безотказного монастырского садовника — слухи, вначале туманные и неопределенные, со временем все более конкретные. На рынке в Бжеге кто-то разбросал листовки, изображающие козлоголовое страховидло в папской тиаре на рогатой голове. Спустя несколько дней такие же по стилю картинки появились в Вензове и Стшелине — на них была изображена свинья, украшенная митрой, а не оставляющая сомнений надпись гласила: *Conradus episcopus sum*^[297].

Спустя несколько недель случилось нечто более важное. Неназванные исполнители — слухи довели их количество до двадцати человек — напали и убили стилетами на вроцлавском рынке господина Руперта фон Зейдлица, заместителя шефа контрразведки Свидницы, известного жестокими преследованиями людей, подозреваемых в прогуситских симпатиях. От удара ножом скончался в Гродкове писарь из ратуши, похвалявшийся тем, что выдал больше сотни людей. В Собутке болт из арбалета настиг — на амвоне — приходского из Святой Анны, особенно взъевшегося на слишком свободомыслящих прихожан.

В пятницу после Матвея, двадцать четвертого сентября — еще прежде чем до монастыря дошел слух о старосте, заколотом стилетами в совсем близлежащем Пшеворне, — в Белой Церкви появились Бисклаврет и Жехорс. Разумеется, за калитку их не пустили, и они ожидали Рейневана в монастырской грангии. Около колодца. Жехорс смывал в корыте кровь с рукавов кабата. Обдирала Бисклаврет бесцеремонно мыл липкую от крови наваху.

— Конец лентяйству, дорогой брат Рейнмар, — Жехорс отжал выстиранный рукав, — работа ждет.

— Такая? — Рейневан указал на кровавую пену, стекающую с корыта. Бисклаврет фыркнул.

— Я тоже тебя люблю, — съехидничал он. — Тоже соскучился и рад видеть в добром здравии. Хотя вроде бы малость исхудавшего. Это тебя пост так допек? Монастырская еда? Или интенсивные занятия любовными играми?

— Убери, черт подери, свой нож.

— А что? Не нравится? Действует на тонкие чувства? Вижу, изменил тебя этот монастырь. Полгода назад, в Желязне под Клодзком, ты на моих глазах голыми руками удушил человека. Из личной мести, ради частного реванша. А на нас, борющихся за дело, смеешь посматривать свысока? По-господски морщить нос?

— Спрячь нож, я сказал. Зачем приехали?

— Догадайся. — Жехорс скрестил руки на груди. — А догадавшись, собирайся. Мы же говорим, есть работа. Фогельзанг контратакует, а ты все еще Фогельзанг, никто тебя из Фогельзанга не отчислил и от обязанностей не освободил. Прокоп и Неплах отдали приказы. Касающиеся также и тебя. Знаешь, чем грозит неисполнение?

— Я вас тоже люблю, — у Рейневана не дрогнул ни один мускул, — и меня прямо-таки понос разбирает при виде вас. Но сбавьте немного тон, парни. Что касается приказов, то вы всего лишь посланцы, ничего больше. Приказывать-то — мое дело. А ну давайте говорите, что имеете передать, да побыстрее и поточнее. Это приказ. Знаете, что грозит за неисполнение?

— Ну, не говорил я? — засмеялся Бисклаврет. — Не говорил, чтобы так с ним не обращаться?

— Вырос, — улыбнувшись, согласился Жехорс. — Вылитый брат. Петерлин один к одному. А может, даже и Петерлина перегнал.

— Знают, — Бисклаврет, спрятав наконец наваху, преувеличенно, по-обезьяньему поклонился, — знают об этом братья Прокоп Голый и Богухвал Неплах по прозвищу Флютек. Знают, какой Петерлинов брат рьяный утравкист и какой ярый сторонник дела Чаши. Посему вышеупомянутые братья почтительно просят нашими недостойными устами брата Рейневана, чтобы он еще раз доказал свою преданность Чаше. Братья униженно просят...

— Заткнись, француз. Говори ты, Жехорс. Кратко и по-человечески.

Приказ Прокопа Фогельзангу был действительно кратким и звучал так: восстановить сеть. И сделать это быстро. Настолько быстро, чтобы сетью можно было воспользоваться во время очередного удара по Силезии. Когда должен будет последовать этот удар. Прокоп не уточнял.

Рейневан не очень знал, каким образом он лично может

восстанавливать то, о чем он имел представление только в общих чертах и скорее туманно — сеть, о которой он практически не знал ничего, кроме того, что она якобы существует. Призванные к порядку Жехорс и Бисклаврет сказали, что в основном усматривают его помощь в том, что, как они выразились, втроем действовать безопаснее, чем вдвоем.

Несмотря на якобы невероятную важность задачи, Рейневан не согласился отправляться немедленно. Он хотел приструнить Фогельзанг и научить большему почтению к своей персоне. А прежде всего ему необходимо было решить дела с Юттой. Как он и ожидал, второе было значительно труднее. Но все равно все прошло легче, чем он ожидал.

— Ну что ж, — сказала она, когда миновала первая злость. — Можно было ожидать. Галахад любит, обещает и клянется. Якобы на века. А в действительности только до того момента, когда дойдет весть о Граале.

— Все не так, Ютта, — запротестовал он. — Ничего не изменилось. Это всего лишь несколько дней. Потом я вернусь... Ничего не изменилось.

Они разговаривали в церкви, перед алтарем и картиной, изображающей — как же иначе-то! — взлетающую голубку. Но у Рейневана перед глазами стояла несчастная Майфреда да Пировано, горящая на костре на пьядца дель Дуото.

— Когда отправляешься? — спросила она уже спокойно.

— Утром после *fesium angelorum*.

— Значит, у нас есть еще несколько дней.

— Есть.

— И ночей, — вздохнула она. — Это хорошо. Опустимся на колени. Помолимся Богине.

Тридцатого сентября, утром после Михаила, Гавриила и Рафаила, вернулись Жехорс и Бисклаврет. Готовые в путь, Рейневан ждал их. Он тоже был готов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой возвращается дух уничтожения, являющийся — якобы — одновременно духом созидания. Рейневан же оказывается перед выбором.

За несколько лет существования Фогельзанг сумел создать в Силезии достаточно многочисленную и неплохо разветвленную сеть «усыпленных» агентов, так что в принципе было из кого восстанавливать. Проблема состояла в том, что прокатившаяся за последнее время по Силезии волна преследований не могла не оказать влияния на завербованных. Часть, следовало опасаться, вошла в историю как мученики, от них могло не остаться даже пепла. Часть из уцелевших могла под влиянием свирепствующей инквизиции радикально пересмотреть свои взгляды и прийти к выводу, что уже не хочет симпатизировать Виклифу, а Гуса любит значительно меньше, нежели раньше. В числе последних могли оказаться и те, которые по собственной воле либо под давлением изменили пристрастия. Перетянутые на свою сторону или перевербованные агенты теперь ждали, что кто-нибудь к ним обратится. А если обратится, они вприпрыжку помчатся доносить соответствующим органам.

Поэтому контакт с каждым давним агентом всегда был очень рискованным, и его нельзя было устанавливать, не обезопасившись прежде как следует. А втроем, несомненно, это сделать гораздо легче, чем вдвоем.

В течение месяца с лишком Рейневан, Жехорс и Бисклаврет мотались по Силезии — в холод и осеннюю слякоть, под жарким солнцем и в паутине бабьего лета. Посетили множество мест — начиная с больших городов, таких как Вроцлав, Легница и Свидница, и кончая Дорвахами, Горками и Булками, полные названия которых никак не хотели оставаться в памяти. Посещали различных людей, различным людям — различными методами и с различными результатами — напоминали о том, что те некогда поклялись быть верными этому делу. Сбегать в панике пришлось только три раза. Первый — в Рачибуже, когда Жехорс выскользнул из расставленного инквизицией котла, выскочив через окно со второго этажа каменного дома на рынке, после чего последовала внушительная галопида по улице Длинной до самых Николайских ворот. Второй раз вся тройка пробивалась сквозь облаву в счинавском пригороде, чему очень помог

туман, как по заказу поднявшийся с надодранских заливных лугов. Третий раз, в Скорогоще, им пришлось стремглав убежать от преследования, когда охраняющий таможенный пункт и мост на Нисе отряд наемников заподозрил их в чем-то.

Однако под Намысловом, когда тамошний бондарь-отец выслушивал Жехорса и Рейневана, охраняющий их Бисклаврет поймал и приволок в дом двенадцатилетнего сына, тайно отправленного к городской страже в город. Не успел бы кто-нибудь трижды прокричать «Иуда Искарот», как сын бондаря извивался на глинобитном полу, получив в бок навахой. Бондарь визжал и хлестал кровью из перерезанного горла, жена и дочери бондаря голосили на разные голоса, а компания мчалась по огородам к оставленным в зарослях коням.

— В борьбе за святое дело не до этики, — гордо выпрямился Жехорс, когда какое-то время спустя Рейневан выговаривал ему в основном за двенадцатилетнего мальчишку. — Когда правое дело требует убивать, надо убивать. Дух уничтожения есть одновременно и дух созидания. Убиение за правое дело не является преступлением, поэтому перед убиением за справедливое дело колебаться нельзя. Мы с гордо поднятой головой и уверенными шагами вступаем на сцену истории, И меняем и формируем историю, Рейнмар. Когда наступит Новый Порядок, дети будут это изучать в школах. А название того, что мы делаем, будет знать весь мир. Слова «терроризм» на устах у всего света.

— Аминь, — закончил Бисклаврет.

Вернулись они через два дня. Жехорс и Бисклаврет узнали имя намысловского агента, который перевербовал бондаря. И прикончили его. Закололи ножами, когда тот возвращался из корчмы.

Следует признать, что со дня на день дух уничтожения становился все более и более творческим.

— Не ворчи, не ворчи, — морщился Бисклаврет, видя мину Рейневана. — Придет день, мы получим от Флютека приказ, тогда пойдем вместе, втроем всаживать нож в брюхо тому Грелленорту, который убил твоего брата. Либо князю Яну Зембицкому. А то и самому вроцлавскому епископу. Что, тогда ты тоже будешь брюзжать, нести вздор об этике и чести?

Рейневан не отвечал.

В ночь с седьмого на восьмое ноября на условленное место у покаянного креста на краю дубравы у перевала Томпадла, разделяющего массивы Слёнзы и Радуни, прибыли на встречу те, кому следовало. Те

«разбуженные» агенты, которых Фогельзанг считал самыми верными и нужными для выполнения специального задания. Конечно, были соблюдены необходимые предосторожности — присутствия шпиона среди конспираторов все еще нельзя было исключить. На перевале Томпадла прибывающих ждал только один представитель Фогельзанга — выбор пал на Жехорса. Если бы все прошло без неожиданностей, Жехорс должен был провести собранную группу на восток, к пастушеским шалашам, где их ожидал Рейневан. Если и здесь не было засады, то группа двигалась на восток до гряды Бенковицы, где ожидал Бисклаврет. Который вытянул самую короткую соломинку.

Но все прошло гладко, и всего за одну ночь количественный состав Фогельзанга вырос до девяти человек. Очень разных — счетовода из Вроцлава, лавочника из Проховиц, столяра из Тшебницы, подмастерья каменотеса из Среды, учителя из Контов, управляющего грангией монастыря в Любенже, оруженосца, некогда служившего Бользам из Зайскенберга, бывшего монаха из Емельницы, в данный момент продающего индульгенции, а до того — как-никак повышение — приходского в Сердце Иерусалимском из Погожели.

Передвигаясь ночами — группа была уже достаточно многочисленной, чтобы, не вызывая подозрений, ездить днем, — добрались до Рыхбаха, оттуда до Ламперсдорфа и Совиных Гор, на Юговский перевал. Здесь, на поляне в лесах под селом Югов, от которого получил название перевал, они встретились с группой, прибывшей из Чехии. Группа состояла из четырнадцати специалистов. Нетрудно было угадать, специалистов какого дела. Впрочем, Рейневану не нужно было угадывать. Двоих он знал, выдвывая под Белой Горой. Они обучались в отделе убийств.

Привел группу знакомый.

— Урбан Горн, — сказал Лукаш Божичко. — Группу из Чехии привел Урбан Горн. Собственной персоной.

Гжегош Гейнче, *inquisitor a Sede Apostolica specialiter deputatus* во вроцлавской диоцезии, кивнул головой в знак того, что догадывался. И отнюдь не удивлен. Лукаш Божичко откашлялся, решив, что можно продолжать доклад.

— Речь, естественно, шла о Клодзке. Наш человек был свидетелем разговора Горна с Рейнмаром из Белявы и теми двумя из Фогельзанга, Жехорсом и Бисклавретом. Клодзк, сказал им Горн, это ворота и ключ к Силезии. И добавил, что господин Пута из Частоловиц начинает становиться неудобным символом, опасным для нас... То есть для них...

Для гуситов, значит... И что на этот раз Клодзк должен пасть.

— Это, — поднял голову инквизитор, — точные слова нашего человека?

— Один к одному, — сказал дьякон. — Эти слова передал наш человек нашему агенту в Клодзке. А тот — мне.

— Продолжай.

— Тот, из Фогельзанга, Бисклаврет, сказал, что их знакомый Трутвайн выжил и действует снова. Что накапливает масло, смолу и другие ингредиенты. Что на этот раз ни в чем не будет недостатка, и они разожгут в Клодзке такой костер, что... это его собственные слова... у господина Путы в замке усы сгорят. И что на этот раз не они, а господин Пута будет сбегать через дыру в сральне. Так он сказал, этими самыми словами: через дыру в сральне.

— Значит, — догадался Гейнче, — группу перебросили в Клодзк. Когда начали переброску?

— В пятницу после святого Мартина. Перебросили не всех сразу, а постепенно, по двое-трое, чтобы не вызывать подозрений. Наш человек, к счастью, был в одной из первых переброшенных группок. Поэтому мы и знаем, что сказанное относительно Трутвайна — правда. Этот Трутвайн, Йоханн Трутвайн, альтарист из церкви Пресветлой Девы Марии, давний гуситский шпион. Именно вокруг него, оказывается, уже несколько лет сколачивается в Клодзке зародыш шпионско-диверсионной ячейки.

— В данный момент, — инквизитор оттолкнул печать, которой играл. — В данный момент вся группа уже в Клодзке, насколько я понимаю? Все?

— Все. Кроме Горна, Белявы, Бисклаврета и еще троих. Те на святого Мартина уехали из-под Югова. Наш человек не знает куда. Какие будут распоряжения, ваше преподобие? Что предпримем?

Из-за окна доходил шум города, на Курином рынке переругивались перекупщицы. Папский инквизитор молчал, потирая нос.

— Этот наш человек, — спросил наконец. — Он кто?

— Каспер Домпинг, счетовод. Отсюда, из Вроцлава.

— Домпинг... Его не шантажировали. Я помнил бы, если б было так, я б помнил, я не забываю шантажей... Но платить, сдается мне, мы ему тоже не платили. Неужто идеалист?

— Идеалист.

— Значит, посматривай за ним, Лукаш.

— Ясно, ваше преподобие.

— Ты спрашивал, — потянулся Гжегож Гейнче, — что нам делать.

Сейчас — ничего. Но если начнется нападение, если гуситы подойдут под Клодзк, если город окажется под угрозой, тогда наш человек должен будет провалить всю группу. Должен будет немедленно выдать всех контрразведке господина Путы.

— А не лучше ли, — усмехнулся Лукаш Божичко, — если это будет наша заслуга? Епископ Конрад...

— Меня не интересует епископ Конрад. А Святая Инквизиция существует не для того, чтобы коллекционировать заслуги. Повторяю: наш человек должен будет выдать группу контрразведке Клодзка. Именно господин Пута из Частоловиц должен ликвидировать диверсантов. И еще больше возвыситься как символ, вызывающий ужас у гуситов. Ясно?

— Ясно, ваше преподобие.

— Рейневана... Рейнмара из Белявы, говоришь, нет в клодзкской группе? Говоришь, уехал. С Горном. Может, в тот монастырь, что в Белой Церкви? Потому что, насколько я понимаю, с этим монастырем все ясно?

— Ясно, ваше преподобие, утверждаю. Предпримем там... действия?

— Пока что нет. Послушай, Лукаш. Если все же Рейневан вернется в Клодзк... Если присоединится к диверсантам... Короче: если он попадет в лапы господина Путы, вы должны будете его оттуда вытянуть. Живым и невредимым. Понял?

— Так точно, ваше преподобие.

— А теперь оставь меня. Я хочу помолиться.

В Свидницу они отправились на шести конях — Горн, Рейневан, Бисклаврет и трое прибывших с Горном убийц. Однако убийцы сопровождали их только до Франкенштайна, не въезжая в город, отделились и умчались в синюю даль. Не тратя слов на прощание. У них, несомненно, были в Силезии какие-то собственные задачи и цели. Горн мог эти цели знать, мог знать, кого они намерены убить. Но мог и не знать. Рейневан ни о чем не спрашивал. Однако он не был бы собой, если б не произнес речи об этике и морали.

Горн терпеливо слушал. Он снова был прежним Горном, таким, которого Рейневан узнал, знал и помнил. Горном в элегантном, коротком сером плаще, скрепленном серебряной пряжкой, в обшитом серебряным галуном вамсе, Горном, носящим на поясе стилет с рубином в рукояти, в украшенных латунью шпорах на тисненых козловой кожи ботинках. С головой, украшенной атласным шапероном с длинной и фантазийно охватывающей шею лирипипой. Горном с пронизательными глазами и губами, кривящимися слегка нагловатой улыбкой. Улыбка была тем

выразительнее, чем больше Рейневан погружался в проблемы моральности, этических норм, правил и военных законов, в том числе в особенности использования террора как инструмента войны.

— Война несет с собой террор, — ответил он, когда Рейневан кончил. — И на террор опирается. Война сама по себе есть террор. *Ipso facto*.^[298]

— Завиша Черный из Гарбова с тобой не согласился бы. Он иначе понимал войну и *jus militare*^[299].

— Завиша Черный умер.

— Что?

— До тебя не дошли слухи? — Горн повернулся в седле. — Не дошло известие о смерти одного из знаменитейших рыцарей современной Европы? Завиша Черный poleg. Будучи верным вассалом, он потащился с Люксембуржцем в экспедицию против турок, осаждать крепость Голубац над Дунаем. Турки разбили их под Голубацем, Люксембуржец по своему обыкновению сбежал в одиночку, Завиша — по своему обыкновению — прикрывал отход. И погиб. Ходят слухи, что турки отрубили ему голову. Произошло это двадцать восьмого мая, в пятницу после святого Урбана, моего патрона, поэтому я так хорошо помню дату. И нет уже на свете Завиши Черного из Гарбова, славного рыцаря. *Sic transit gloria*^[300].

— Я думаю, — сказал Рейневан, — что гораздо больше. Много больше, чем gloria.

Когда они приехали в Свидницу, то сразу стало видно царящее в городе возбуждение. Когда въехали через Нижние ворота и по утопающей в грязи улице Длинной добрались до рынка, то им показалось, что они попали на какое-то празднество — было ясно, что причина возбуждения скорее радостная, чем наоборот. Бисклаврет направился в толпу выпросить, в чем дело, однако Рейневан сразу же ассоциировал с происходящим и вспомнил Прагу лета 1427 года, вскипевшую и обрадованную вестью о победе под Таховом. Ассоциация оказалась очень точной. А мина Бисклаврета, когда он вернулся, очень кислой. Лицо Горна, когда он выслушивал сообщаемые ему на ухо сведения, мрачнело и хмурилось по мере шептания.

— Что случилось? — не выдержал Рейневан. — В чем дело?

— Потом, — отрезал Горн. — Потом, Рейневан. Сейчас у нас впереди встреча. И серьезные беседы. Пошли. Ты, Бисклаврет, отыщи здесь кого-нибудь, кому можно верить и кто хорошо информирован. Я хочу знать

больше.

Встреча произошла в шинке на улице Лучничей, неподалеку от ворот с таким же названием, а важные разговоры касались доставки оружия и коней из Польши. Собеседником был знакомый Рейневану раубриттер, поляк, именующий себя Пораем Блажеем Якубовским. Якубовский не узнал Рейневана. И неудивительно. Прошло столько времени. И кое-что произошло.

Разговору немного мешала царящая суматоха и слишком веселое настроение переполнявших корчму гостей. У свидничан явно был какой-то повод торжествовать. И не только Рейневана интересовало какой.

— Вас, кажется, побили? — неожиданно прервал переговоры Якубовский, движением головы указывая на ликующих горожан. — На Лужицах? Под каким-то Кратцау или что-то такое? Кажется, вам там здорово врезали господу Поленц и Колдиц, хорошего, болтают, дали вам пинка. Э? Ну говори же, Горн, интересуюсь деталями.

— Сейчас не время об этом говорить.

Тут вернулся Бисклаврет. Порай сразу же догадался, с чем. И уперся на том, что, однако, самое время. Выхода не было.

— Сироты Яна Краловца, — медленно начал Обдирала, — окружили в Чехии какую-то крепость, мой информатор забыл, какую и где. У них кончилась пища, конца осады видно не было, поэтому они решили пойти несколькими ратями на поиски, подграбить. На Лужицы. Шестого ноября сожгли Фридланд, а в следующие дни опустошили околицы Згожельца, Любия и Житавы. Нагрузили телеги добром, согнали скот и двинулись обратно. По тракту через Градек над Нисой. И тут...

— На них напали, да?

— Напали, — неохотно признал Бисклаврет. — Краловец слишком зазнался... Недооценил немцев, отнесся к ним легкомысленно. А тем временем Шесть Городов мобилизовали сильный контингент под командой Лотара Герсдорфа и Ульрика Биберштайна. Из Нижних Лужиц быстрым маршем прибыл на поддержку ландвойт Ганс фон Поленц, из Свидницы потянулся Альбрехт фон Колдиц. Быстро присоединились князья, Ян Жаганский и его брат Генрик Старший в Глогове, вдобавок привел свою дружину Гоче Шафф из замка Гриф. Они двинулись в погоню за Краловцем, в день святого Мартина на рассвете неожиданно ударили по походной колонне сирот. В миле за Градком. Под Кратцау.

— И побили их.

— Еще как побили. — У Бисклаврета было выражение лица человека, который не может выплюнуть, а вынужден проглотить. — Краловец

ушел... Потерял... Потерял несколько...

— Сотен человек, — закончил поляк. — Телеги. И всю добычу.

— Но немецких трупов, — проворчал Обдирала, — тоже под Кратцау на поле много осталось. С Лотаром Герсдорфом во главе.

— Однако же, — проворчал Якубовский, — Кратцау показал, что вы не непобедимы.

— Лишь Бог непобедим.

— И те, что у Бога в милости, — криво усмехнулся поляк. — Или вы, гуситы, уже лишились этой милости?

— Пути Господни, — Горн взглянул ему прямо в глаза, — неисповедимы, ваша милость Якубовский. Их не узнаешь и не предвидишь. Другое дело с людьми, эти предугадываемы. Впрочем, жаль тратить время на болтовню. Вернемся к нашему гешефту. Сейчас это важнее.

* * *

Других важных дел у Урбана Горна было немало. А у поднятого до ранга ассистента Рейневана было все меньше шансов быстро вернуться к Ютте.

В Свиднице они пробыли недолго, поехали в Нису, предварительно попрощавшись с Бисклавретом.

— Увидимся, — Обдирала на прощание заглянул Рейневану глубоко в глаза. — Увидимся, когда придет время. А чтобы ты об этом не забыл, я явлюсь. Явлюсь в твой уютный монастырчик и напомню об обязанностях. — Это прозвучало немножко как бы угрозой, но Рейневан не испугался. У него не было времени. Горн торопил.

Они поехали в Ополе, район, который Горн считал сравнительно безопасным. В Опольском и Немодлинском княжествах все большее влияние и вес приобретал наследник земель, юный князь Болько Волошек. Антипатия Болька к епископу и отвращение к клиру и инквизиции были широко известны. На Опольщине преследование гуситов согласия не получило. Епископ и инквизитор угрожали юному князю отлучением от Церкви, но Волошек чихал на это.

У Горна и Рейневана не было постоянной базы, все время перемещаясь, они действовали между Ключборком, Ополем, Стжельцами и Гливицами, контактируя с людьми, прибывающими из Польши — из Олькуша, из Хенчин, из Тжебини, из Велуня, из Пабаниц и даже из Кракова. Дел, требующих выполнения, и действий, нуждающихся в

обсуждений, было много. Рейневана, который в основном молча присутствовал на переговорах, поражали торговые таланты Урбана Горна. Не меньше поражала степень сложности вопросов, которые он раньше считал банально простыми.

Оказывается, пуля пуле рознь. Используемые гуситами пищали в основном стреляли шариками калибра один палец. Палец и одно зерно ячменя были типичным калибром стволов ручниц и легких гаковниц, стволы более тяжелых гаковниц и хандканон имели калибр, равный двум пальцам, стволы тарасниц были унифицированы под пули калибра двух пальцев и одного зерна. Урбану Горну надо было договориться с представителями польских кузниц о доставке всех этих видов пуль в соответствующих количествах.

Как выяснилось, ружейный порох тоже не был просто порохом, он уже давно перестал быть тем, чем был во времена Бертольда Шварца. Пропорции селитры, серы и древесного угля должны были строго соответствовать оружию, для которого порох предназначался: ручное оружие требовало больше пороха с большим содержанием селитры, для хуфниц, тарасниц и бомбард требовался порох, содержащий больше серы. Если смесь была не та, порох годился исключительно для фейерверков, да и то не очень. Порох также должен был быть соответствующим образом гранулирован, если не был — разлагался при транспортировке: более тяжелая селитра «опускалась» вниз, к дну емкости, более легкий уголь оставался наверху. Стабильный и легко воспламеняющийся гранулят получали путем орошения размолотого пороха человеческой мочой, причем самый лучший эффект давала моча обильно и часто выпивающих людей. Поэтому неудивительно, что порох, производимый в Польше, пользовался на рынке повышенным спросом, а польские пороховые мельницы — заслуженной славой.

— Чуть не забыл, — сказал Горн, когда они возвращались после заключения очередной сделки. — Шарлей велел пожелать тебе здоровья. Просил передать, что чувствует себя хорошо. Он все еще в Таборе, в полевых войсках. Гейтманом полевых войск сейчас назначен Якуб Кромешин из Бжезовиц, Ярослав из Буковины погиб в октябре во время осады Бехини. Шарлей там тоже был, участвовал также в рейдах на Ракусы и в атаке на Верхний Палатинат. Чувствует он себя, кажется, я уже сказал, хорошо. Здоров и весел. Порой излишне.

— А Самсон Медок?

— Самсон в Чехии? Не знал.

Назавтра поехали в Тошек, поговорить с поляками о пулях, калибрах,

сере и селитре. Рейневану все это начало слегка надоедать. Он мечтал о возвращении в монастырь, к Ютте. Мечтал, чтобы случилось что-нибудь такое, что позволило бы ему вернуться.

И домечтался.

— Будем возвращаться, — заявил насупившийся Горн, вернувшись из опольской коллегиатской школы, куда ходил часто, но всегда один. Без Рейневана. — Я должен выехать. Не ожидал... Признаюсь, не ожидал, что это случится так быстро. У нас, Рейнмар, снова война. Сироты Краловца перешли силезскую границу. По Левинскому перевалу. Идут словно буря прямо на Клодзк. Может оказаться, что ты не успеешь добраться до города прежде, чем Краловец начнет осаду. Но ты должен туда ехать. Сейчас же. На коня, друг.

— Прощай, Горн.

Было пятое декабря 1428 года. Второе воскресенье адвента.

Он поехал на Бжег, по Краковскому тракту, а по дороге его догоняли вести. Сироты Краловца огнем и мечом опустошили Клодзкскую котловину. Сожгли Быстрицу, в городе учинили бойню. На сам Клодзк, как следовало из сообщений, Краловец еще не ударил, даже не подошел близко. Но Силезию, как и в марте, начала охватывать паника. На дорогах было тесно от беженцев.

Рейневан спешил. Но не в Клодзк. Он ехал в Белую Церковь к Ютте.

Он был уже недалеко. Проехал Пшеворно, уже видел Руммелсберг. И тут на лесной дороге почувствовал магию.

* * *

У дороги лежал конский скелет, уже сильно проросший травой, однозначная памятка о весеннем рейде. Конь Рейневана пугался и капризничал, фыркал, топал ногами на месте. Однако пугал коня не скелет, не был это волк или какой-то другой зверь. Рейневан чувствовал магию. Он умел ее воспринимать. Сейчас он чувствовал ее, обонял, слышал и видел в крепком аромате влаги и плесени, в карканье ворон, в покорицневевших и застывших в холоде стеблях дягиля. Он чувствовал магию. А когда осмотрелся, увидел ее источник.

Гуща голых деревьев прикрывала деревянный домик. Церквушку. Пожалуй, листовенничную. Со стройной иглообразной звонничкой. Он слез

с коня.

Церквушку, лежащую точно на трассе движения Божьих воинов, пробовали сжечь, об этом свидетельствовал полностью почерневший фасад и сильно обуглившиеся столбы у входа. Однако огонь не уничтожил строение, погашенный скорее всего дождем. Либо чем-то другим.

Внутри было совершенно пусто, церквушку очистили от всего, что в ней было, а было, пожалуй, немного. Все остальное уничтожили. Закрывающая неф треугольная пресвитерня была забита досками и тряпьем, вероятно, остатками алтаря. Здесь тоже были видны следы огня, черные пятна гари.

Был ли это огонь зла, огонь уничтожения и ненависти, огонь слепого возмездия за костер в Констанции? Или же обычный бивуачный костер, разожженный, чтобы хоть немного разогреть котелок со слипшейся вчерашней кашей там, где можно укрыться от дождя и холода? Уверенности не было. Рейневан встречал в захваченных церквях оба рода огня.

Магия, которую он чувствовал, эманировала именно отсюда. Потому что именно здесь, на том месте, где когда-то был алтарь, лежал *гех*. Шестиугольник, сплетенный из прутьев, лыка, полосок березовой коры, цветной шерсти и нитей с добавкой пожелтевших папоротников, ясенника, листьев дуба и травы, называемой *erysimon*, значительно увеличивающей *Dwimmerkraft*, то есть магическую силу. Исполнение гекса было типичным для деревенской колдуньи или кого-нибудь из Старшей Расы. Кто-то — колдунья или Старший — принес его и положил. Чтобы воздать почести. Проявить уважение. И сочувствие.

На грубоструганых досках, покрывающих стены пресвитерии, было что-то нарисовано. На рисунках не были видны следы обработки топором, они не были испачканы копотью и экскрементами, видимо, у остановившихся здесь Божьих воинов не было времени. Или настроения.

Рейневан приблизился.

Картина окружала всю пресвитерию. Потому что это был цикл картин, ряд идущих одна за другой сцен.

Totentanz.

Художник не был большим мастером. Был скорее неважным и, вне всякого сомнения, доморощенным. Как знать, может, из соображений экономии кистью поработал сам пробощ, либо викарий? Фигуры были выполнены примитивно, до смешного неправильные пропорции. Комичные до жути были скелеты-палочки — подпрыгивающие и срывающиеся в смертельную пляску отдельные *dramatis personae* картины: папы, кесаря в

короне, рыцаря в латах и с пикой, купца с мешком золота, астролога с преувеличенно семитскими чертами лица. Все фигуры были комичными, жалостно патетическими, вызывали если не смех, то усмешку сочувствия. Заслуживала жалости и сама Смерть, гротескно смешная, в позе и балахоне словно из вертепа, возглашающая своё эсхатологическое *memento mori*^[301], выписанное над ее головой черными угловатыми литерам. Литеры были ровные, надписи четкие, художник был явно лучшим каллиграфом, чем рисовальщиком.

Heran ihr Sterbhchen
umsonst ist alles Klagen
Ihr musset einen Tanz
nach meiner Pfeife wagen!

Текс неожиданно запульсировал магической силой. А Смерть вдруг обрела гротескную голову трупа. И перестала быть гротескной. Стала страшной. В темном чреве церквушки потемнело еще больше. А изображение на досках, наоборот, посветлело. Балахон Смерти побелел, глаза трупа разгорелись, убийственно заблестело острое косы, которую держали костлявые руки.

Перед Смертью, покорно склонившись, стояла Дева, одна из аллегорических фигур смертельного хоровода. У Девы были черты Ютты. И голос Ютты. Голосом Ютты она умоляла Смерть помиловать ее. Умоляющий голос Ютты звучал в мозгу Рейневана как флейта, как сигнальный рожок.

Sum sponsa formosa
mundo et speciosa...

Голос Смерти, когда она отвечала на мольбу, был словно хруст ломаемой кости, скрип железа по стеклу, скрежет разъеденных ржавчиной кладбищенских цепей.

Iam es mutata,
a colore nunc spoliata!

Рейневан понял. Выбежал из церкви, вскочил на коня, криком и ударами шпор заставив его пойти в галоп. В ушах у него все еще скрежетал и хрипел мученический голос.

Iam es mutata,
a colore spoliata!

Уже издалека он видел, что в монастыре что-то не так. Обычно наглухо запертая изнутри калитка была распахнута настежь, на дворе сновали фигурки людей и коней. Рейневан сжался в седле и заставил коня идти еще быстрее. И тут на него напали.

Сначала была чара, заклинание, молниеносный удар силы, испугавшей коня и свалившей Рейневана с седла. Не успел он подняться, как из рвов и из-за деревьев выскочили и бросились на него несколько человек. Он сумел выхватить нож из-за голенища, двумя широкими взмахами резанул двоих, коротким тычком в лицо остановил третьего. Но остальные его достали. Оглушили тяжелыми ударами, повалили на землю. Начали бить ногами. Придушили. Связали руки за спиной. Лишили возможности двигаться.

— Крепче, — услышал он знакомый голос. — Крепче затягивайте вожжами, не жалейте! Если что-нибудь у него сломается, невелика беда. Пусть знает, что его ждет.

Его поставили на ноги. Он открыл глаза. И задрожал.

Перед ним стоял Стенолаз. Биркарт Грелленорт.

От удара в лицо у него полыхнуло в глазах, щека и глаз загорелись словно прижатые железом. Стенолаз отодвинулся, ударил его еще раз, теперь слева, обратной стороной руки в перчатке. Рейневан почувствовал во рту вкус крови.

— Это было, — тихо пояснил Стенолаз, — только для того, чтобы обратить твое внимание. Чтобы ты сконцентрировался. Ты сконцентрировался?

Рейневан не ответил. Выворачивая голову, пытался увидеть, что происходит за монастырской калиткой, что за кони там кружат и что за кнехты бегают. Ясно было одно — это не черные всадники из Роты. Те, которые его держали, походили на обычных наемных убийц. Рядом с убийцами стоял человечек с круглой физиономией в одежде, выдающей в нем валона. Именно этот валон, догадался Рейневан, сбросил его с седла заклинанием.

— Ты тешил себя надеждой? — процедил Стенолаз, — что о тебе забыли? Или что я тебя не отыщу? Я предупреждал, что у меня везде есть глаза и уши.

Он размахнулся и ударил Рейневана еще раз, прямо по уже распухающей щеке. Болевшее после предыдущего удара веко начало слезиться. Потекло и из-под другого. И из носа. Стенолаз наклонился к нему. Очень близко.

— Мне казалось, — прошипел он, — что ты все еще не относишься ко мне с полной серьезностью. А я требую — полной. Напряги думалку. И выслушай предложение. Ты влип. Живым тебе не уйти. Но я могу тебя из этого вытащить. Могу спасти шкуру. Если ты пообещаешь провести меня к... Ты знаешь, к кому. К тому астралу, который маскируется под полного идиота. Спасешь свою жизнь, если приведешь меня к нему...

— Э-эй! Господин Гелленорт!

С высоты седла на них смотрел рыцарь в полных пластинчатых латах. На коне, прикрытом попоной в сине-золотых узорах. Рейневан знал его. Помнил.

— Князь требует, чтобы мы доставили его к нему. Немедленно.

— Ну как? — успел прошептать Стенолаз. — Приведешь?

— Нет.

— Пожалеешь.

На монастырском дворе толпились конные, бегали пешие. В отличие от пестрых и скорее обшарпанных убийц Стенолаза стрелки и кнехты во дворе были одеты прилично и одинаково, в черно-красные цвета. Меж конных было больше всего латников и оруженосцев. И гербовых.

— Давай его сюда! Давай гусита!

Рейневан знал этот голос. Знал фигуру, красивое мужественное лицо, модно по-рыцарски выбритый затылок. Знал черно-красного орла.

Вооруженными людьми на монастырском дворе командовал Ян, зембицкий князь. Собственной княжеской персоной, в плаще, обшитом горностаями, поверх миланских лат.

— Давай его сюда, ближе, — властно кивнул он головой. — Господин маршал Боршнитц! Господин Грелленорт! Давайте его сюда! А того валона уберите с глаз моих! Терпеть не могу колдунов!

Рейневана подвели ближе. Князь взглянул на него с высоты рыцарского седла. Глаза у него были светлые, серо-голубые. Рейневан уже знал, кого напоминали ему глаза и черты лица настоятельницы.

— Господь Бог медлителен, но справедлив, — проговорил Ян Зембицкий патетически и с прононсом. — Медлителен, но справедлив, да,

да. Ты пренебрег религией и крестом, Беляу, Иуда. Занимался чернокнижничеством. Готовил покушение на меня. За преступление тебя ждет кара, Беляу, за преступление будет кара.

Когда он кончал фразу, то уже не смотрел на Рейневана. Смотрел в сторону монастырского сада. Там стояли четыре монахини. Среди них настоятельница.

— В этом монастыре, — громко возгласил Ян, поднимаясь на стременах, — скрывали гуситов! Здесь давали укрытие шпионам и предателям. Это не останется безнаказанным! Слышишь, женщина?

— Не тебе меня наказывать, — ответила настоятельница звучным и бесстрашным голосом. — Не тебе! Ты нарушаешь закон, князь Ян! Нарушаешь закон! Ты не имеешь права заходить на территорию монастыря!

— Это мои земли, и здесь моя власть! А этот монастырь стоит здесь со времен моих дедов и прадедов!

— Монастырь стоит по Божьей милости! И не подчиняется ни твоей власти, ни юрисдикции! Ты не имеешь права ни входить сюда, ни пребывать тут. Ни ты, ни твои вооруженные люди! И не этот мерзавец, и не его люди.

— А он? — Ян Зембицкий поднялся на стременах, указал на Рейневана. — Имел право находиться здесь? Все лето? Что, можно, госпожа сестра, скрывать здесь еретиков? Таких вот, как тот, который вон там лежит?

Рейневан взглянул туда, куда указывал князь; там, где стена, окружающая сад, сходилась с покрытой сухими стеблями плюща стеной инфирмерии, лежал Бисклаврет. Рейневан узнал его по сшитой по размеру курточке из телячьей кожи, которую француз недавно себе справил и требовал, чтобы ею все восхищались. Только по курточке его и можно было узнать. Труп был жутко изуродован. Светловолосый *miles gallicus*, бывший *Ecorcheur*, Обдирала, должен был, когда его окружили, тяжело драться. И взять себя живым не дал.

— Так как? — ехидно спросил князь. — Неужто у монастыря было разрешение привечать кацеров и преступников? Знаю, что не было! Посему — замолчи, женщина, замолчи. Смирись. Господин Вершнитц! Прикажи людям обыскать те вон сараи! Там могут прятаться другие!

Стенолаз схватил связанного Рейневана за воротник, приволок к настоятельнице, встал очень близко, лицом к лицу.

— Где, — заскрипел он, — его дружок? Гигант с мордой идиота? Говори, монашка.

— Не знаю, о чем ты, — бесстрашно ответила настоятельница. — И о ком.

— Знаешь. И скажешь мне, что знаешь.

— *Arago*^[302], дьявольский помет.

В глазах Стенолаза зажегся адский огонь, но настоятельница и на сей раз не опустила глаз. Стенолаз наклонился к ней.

— Говори, баба. Или я сделаю так, что ты горько пожалеешь. Ты и твои монашенки.

— Э-эй, Грелленорт! — Князь не тронул коня, только гордо выпрямился в седле. — Это еще что? Ты действуешь самостоятельно? Приказы здесь отдаю я! Я сужу и я наказания выношу! Не ты!

— Монашки укрывают больше кацеров, милостивый государь. Я уверен. Они скрывают их в клаузуре. Думают, что мы туда не войдем, и смеются над нами.

Ян Зембицкий помолчал, кусая губы.

— Значит, обыщем и клаузуру, — решил наконец холодно. — Господин Боршнитц!

— Ты не посмеешь! — крикнула настоятельница. — Это святотатство, Ян! Тебя за это отлучат!

— Отодвинься, сестра. Господин Боршнитц, за дело.

— Рыцари! — крикнула настоятельница, воздевая руки и преграждая вооруженным дорогу. — Солдаты! Не слушайте безбожные приказы, не выполняйте волю вероотступника и святотатца! Если вы его послушаете, проклятие падет и на вас! И не найдется для вас места меж христианами! Никто не подаст зам ни пищи, ни воды! Солда...

По данному Стенолазом знаку его наемники схватили настоятельницу, один стиснул ей лицо рукой в железной перчатке. Из-под перчатки потекла кровь. Рейневан рванулся, вырвался из рук изумленных слуг. Подскочил, несмотря на связанные руки, пинком перевернул одного из разбойников, плечом оттолкнул другого, Но зембицкие кнехты уже сидели на нем, повалили на землю. Колотили кулаками.

— Обыскать постройки, — приказал князь Ян, — всю клаузуру тоже. А если найдем там мужчин... Если найдем хоть одного укрываемого гусита, то клянусь Богом, монастырь дорого за это заплатит. И ты заплатишь дорого, госпожа моя сестра.

— Не называй меня сестрой! — выкрикнула, отплевываясь кровью, вырывающаяся из рук убийц настоятельница. — Ты мне не брат! Я отрекаюсь от тебя!

— Обыскать монастырь! А ну, живо. Господин Боршнитц! Господин

Рисин! Чего вы ждете? Я приказал!

Боршнитц поморщился, пробормотал проклятие. У подгоняемых приказом зембицких оруженосцев и кнехтов мины были растерянные. Многие зло бурчали себе под нос. Сестра-экономка расплакалась. А небо неожиданно похмурнело. Князь Ян глянул наверх. Как бы с легким опасением.

— Ты, патер, — кашлянув, он кивнул сопровождаемому его капеллану, — иди с ними. Чтобы обыск был со священником и чтобы как положено — религиозный! Чтобы потом не болтали.

Вскоре из обыскиваемых помещений донесся грохот и треск ломаемой мебели. Из клаузуры вырвался крик, писк, вопли. А из окон скрипториума и личных помещений настоятельницы начали вылетать пергаменты и книги. Стенолаз поднял несколько.

— Виклиф? — рассмеялся он, поворачиваясь к настоятельнице. — Иоахим, Вальдхаузер? Это здесь читают? И ты, ведьма, решаешься нам угрожать? За эти книжечки ты сгниешь в епископском карцере, покроешься там плесенью. А отлучение, которым ты угрожаешь, падет на весь твой еретический монастырь.

— Довольно, довольно, Грелленорт, — ворчливо прервал его Ян Зембицкий. — Сбавь тон и оставь ее в покое, слишком уж ты раскомандовался. Господин Зайфферсдорф, подгони обыскивающих, что-то очень медленно у них идет дело. А эти книги и листки — в кучу! И сжечь!

— Доказательства ереси?

— Грелленорт. Не заставляй меня призывать тебя к порядку.

Книги чернели и извивались в огне. Обыск закончили. Никаких мужчин или гуситов в клаузуре не нашли. Яростная мина Стенолаза говорила сама за себя. Зато кислая гримаса князя Яна неожиданно обратилась в улыбку, красивое лицо посветлело. Рейневан, которого держали слуги, вывернул шею, оглянулся. Увидел, что так порадовало князя. И сердце у него ухнуло куда-то в пятки.

Боршнитц и Рисин выводили из клаузуры Ютту.

— Так, так, Беляу, — услышал он, казалось, откуда-то издалека голос князя. — Много я знаю о тебе. Как думаешь, откуда я знал, что найду тебя здесь? В Клодзке поймали гуситских шпииков, всех взяли живьем. Один, твой дружок, многое знал. Он долго отказывался говорить, но в конце концов заговорил. И сказал все. Об этом монастыре. О тебе. И о твоих интрижках тоже.

Как и ожидал Рейневан, свита князя Яна двинулась прямо на

Зембицкий тракт. Однако вопреки ожиданиям князь не поехал в Зембицы, а приказал остановиться в Генрикове. Тут же, неподалеку от монастыря цистерцианцев, которые выбежали его приветствовать, князь поблагодарил за гостеприимство, однако бивуак приказал разбить на опушке леса, под огромные дубом. Здесь разожгли огромный костер из стволов, начали готовить принесенную монахами еду, откупорили бочонки. Рейневан посматривал на это с коня, с которого ему не позволили слезть. Трое вооруженных неустанно сторожили его. От врезающихся в тело узлов он цепенел, оцепенев — замерзал.

Увидеть Ютту случая не было. Ее держали на одной из закрытых телег, не разрешили выйти. Во время езды сам князь несколько раз подъезжал, заглядывал под тент. Несколько раз в телегу заглядывал также Стенолаз. Рейневан дрожал, предчувствуя самое худшее.

Вскоре выяснилось, зачем и почему остановились как раз под дубом. На край деревни начали съезжаться всадники. Рыцари в полных доспехах. В более или менее многочисленном сопровождении оруженосцев, стрелков и слуг.

Гостей приветствовал Гинче фон Борщнитц, маршал княжеского двора. Сам Ян Зембицкий только выпячивал губы, минимальным движением головы давая знать, что изволил заметить полные уважения поклоны. Только один из рыцарей заслужил у Яна немного больше внимания. На его щите было изображено зеленое, пробитое тремя мечами яблоко. Герб Фюльштайнов.

— Приветствую вас, господа, — соизволил наконец проговорить князь Ян. — Благодарен тем, кому вы служите, за то, что они по моей просьбе прислали вас в качестве послов. Благодарю и вас за труды. Приветствую на моих землях. Приветствую Опаву и Глубчицкое княжество в лице благородного господина Фюльштайна. Приветствую вроцлавское епископство и город Гродков в лице господина старосты Танненфельда. Приветствую Вроцлав, приветствую Свидницу.

Названные отвечали поклонами. Послы Вроцлава не носили знаков, но в одном из них Рейневан с изумлением узнал раубриттера Хайна фон Чирне. Свидницу представлял рыцарь, несший в гербе серебряный багор Оппельнов. У посла епископа, гродковского старосты Танненфельда, при седле висел щит с зеленым венком из руты на черно-белых полосах — знаком, напоминающим герб асканской династии.

— Уважаемые господа наверняка догадываются о причинах, по которым милостивый князь призвал вас, — обратился к собравшимся Гинче Боршнитц. — Чешские еретики вновь напали на наши земли. Вновь

угрожают городу Клодзку. И вновь, справившись с Клодзком, двинутся на нас. Значит, пора собирать силы, дать отпор!

— С Клодзком гуситам не справиться, — оценил ситуацию посланец Свидницы, Оппельн с багром на щите. — Господин Пу́та из Частолови́ц город укрепил, гарнизон там сильный и боевой. Предательством они его тоже не возьмут, потому что гуситских шпионов он выловил как раков из реки. Сейчас берет их на пытки и казнит по одному и для этого нанял нашего свидницкого палача. Говорят, хе, хе, у мэтра много с гуситами работы.

— А мы, — подкрутил усы Боршнитц, — благодаря этому получаем хорошую информацию. Знаем о враге достаточно! Вы что-то хотели сказать, милостивый господин Райбнитц?

— Только то, — сказал посланец Вроцлава, спутник Хайна фон Чирне, — что сведения о гуситах не являются тайной, только вам доступной. Все знают о них. Командует ими Ян Краловец из Градка. С ним мы уже познакомились. Под ним две сотни конных, примерно три четвертых тысячи пеших и двести телег с пушечниками. О чем мы будем советоваться, я догадываюсь. И спрашиваю: наберем ли мы силу, способную померяться с краловцевой?

— Об этом мы сейчас узнаем, — отозвался Ян Зембицкий. — Именно от вас, милостивые государи. Ведь, надеюсь, вас прислали сюда с добрыми вестями. Так сообщите мне эти вести. По очереди. Ты, Райбнитц, первым, коли уж говорить начал.

— Милостивый князь, — выпрямился вроцлавец. — Прости, но я не говорю, а спрашиваю. Я, Йорг Райбнитц из Фалькенберга, простой наемник, делаю то, что приказывают. Господа советники города Вроцлава приказали мне не говорить, а слушать. Поэтому вначале я выслушаю, кто из здесь присутствующих намерен воевать с гуситами. А кто, как обычно, предпочтет договариваться с ними и заключать перемирия.

Фюльштайн из Опавы слегка покраснел, но смолчал, только гордо поднял голову. Ян Зембицкий надул губы, Оппельн не выдержал.

— Что было, то было, — взорвался он. — А теперь — нету! Свидница доказала, что биться с кацерами умеет, доказала это так убедительно, как не доказал ни один из вас, стоящих здесь. Кто под Кратцау гуситов разгромил, наголову побил того же самого Краловца, который сейчас под Клодзком стоит? Мы! Господин староста Альбрехт фон Колдиц и господин подстароста Стош! Свидницкое рыцарство в бою под Кратцау было, еретическими трупами там поле усеяно. Не дело похваться перед Свидницей тому, кто до сих пор от гуситов только и знал, что бежал!

— Хорошо сказано. — Звучный голос князя Яна взвился над общим гулом. — Верное и важное слово сказал рыцарь фон Оппельн. Важное название — Кратцау, господа рыцари. Запомните: Кратцау!

— Одно Кратцау погоды не делает, — заметил молчавший до того Тамш фон Танненфельд, староста епископского Гродкова. — С той битвы месяц прошел, а якобы разгромленный Краловец снова нам заботы на шею вешает. Не спорю, Кратцау — битва важная, но разумнее рассматривать ее как счастливую удачу.

— Либо, — сказал Райбнитц, — как зерно. Которое слепой курице попало.

Рыцари захохотали. Оппельн покраснел.

— Зависть в вас говорит! — крикнул он, — Завидуете славе и заслугам Свидниц и Лужиц. Господа Колдитц и фон Поленц смело в бой пошли, высоко подняв головы и штандарты, в конном строю, воистину как Ричард Львиное Сердце под Аскалоном, а поскольку *audaces fortuna iuvat*^[303], кацеров в поле побили, устроили им кровавую баню, добычу и телеги отняли, вон из Лужиц прогнали. А вы завидуете! Потому что вы в ту весну удары и тумачи получали, от гуситов не хуже зайцев драпали...

— Следите за словами, — прошипел Хайн фон Чирне.

— А что, неправда, может? — упер руки в боки отнюдь не сраженный его яростной миной Оппельн. — Прокоп половину Силезии сжег, а вы за вроцлавскими стенами со страха в портки наклали!

У Хайна темный кармин выступил на щеки, Йорг Райбнитц быстро удержал его, положив руку на наплечник.

— Колдитц и Поленц, — сказал он, — ударили под Кратцау на растянутую маршевую колонну, на телеги, нагруженные трофейным добром так, что они еле двигались. Неожиданным нападением разорвали гуситский строй, посекали захваченных врасплох и запаниковавших, не дали им времени ни орудия набить, ни использовать их. Иначе там не Аскалон был бы, а Гаттин. А в Свиднице вместо ликования — огромная скорбь.

— Но именно за это Свиднице и лужичанам хвала! — засмеялся маршал Боршнитц. — Умно использовав место, время и перевес, повернуть обстоятельства в свою пользу, неожиданно на врага ударить, мудрой тактикой застать его врасплох — это качества крупных вождей. Именно таким манером побеждали Жижка и Прокоп, честь и хвала господам ландвойтам, что они гуситов собственным их оружием сумели побить. Я им в этом завидую, их триумфу и славе завидую. И вовсе этого не стыжусь.

— Победа под Кратцау, — добавил Фюльштайн, — вдохнула в нас новый дух. Вернула надежду, которую мы уже теряли. Дай нам Бог вторую

такую викторию.

— Даст, — заявил, гордо выпрямляясь, Ян Зембицкий. — И я дам ее вам. В бой с еретиками поведу вас сам. К виктории, коя ту, лужицкую, затмит. Я поведу вас, знайте, к такой глории, что Поленц и Колдитц будут забыты. Они под Кратцау едва-едва царапнули Краловца. Мы разотрем его в порошок. Кацерские трупы уложим кучами, а с пойманных будем на эшафотах шкуру сдирать. Именно это я предлагаю вам, вашим князьям, старостам и советам. Соединиться, совместно ударить на чехов, их гибелью почтить Рождество Христово. Кто со мной? И с какими силами? А? Что скажет Вроцлав? Свидница? Опава?

— От имени Вроцлава Пшемковича, милостивого князя Глубчиц и Градца, — быстро проговорил Фюльштайн, словно боясь, что его кто-нибудь опередит, — обещает сто копий опавского рыцарства. Милостивый князь лично поведет войско.

— Епископ Конрад, — немного подумав, сказал староста Танненфельд, — поставит полную хоругвь. Усиленную ратями из Гродкова и Отмухова. Всего — семьдесят копий.

— Город Вроцлав, — уперся руками в бока Йорг Райбнитц, — даст сто пятьдесят конников. А что же Свидница?

— Город Свидница, — гордо заявил Оппельн, — внес решающий вклад в победу под Кратцау. Ежели теперь его милость князь Ян обещает викторию, которая Кратцау затмит, то Свидницы там не может не быть. Так легко мы не дадим себя затмить и вычеркнуть со страниц истории. Свидница выставит сто пятьдесят коней лучшей кавалерии под командой господина подстаросты Стоша. Все мы в Свиднице рады будем увидеть гуситов, растертых в порошок. Однако вначале пусть нам его милость князь Ян пояснит, каким методом он намеревается сие растирание совершить.

— Во-первых, я сделаю это силой, — сразу же ответил Ян Зембицкий. — Из того, что вы здесь сказали, я подсчитал нашу возможность примерно в тысячу конных, в том числе триста коней тяжеловооруженного рыцарства. У Краловца четыре тысячи пеших и едва двести конных, А поскольку рыцарь в латах стоит десяти пеших замухрышек, постольку перевес будет на нашей стороне. Во-вторых, мы разделаемся с ними тем же манером, что и под Кратцау. Нападем из засады на маршевую колонну. Предварительно установив, что они пошли туда, где мы будем их ожидать.

— А каким образом мы это установим? — поднял брови Оппельн.

— Есть такие способы.

Скрипящий и толкающийся у окна Ниского замка большой стенолаз застал вроцлавского епископа Конрада врасплох, но и епископ, надо признать, так же крепко удивил стенолаза. В своей охраняемой комнате он предавался, о диво, не оргии, пьянке или азарту. Он не отсыпался после оргии, пьянки или азартной игры. Нет. Он читал. Посвящал время чтению.

Впущенный в комнату стенолаз быстро трансформировался в человека. Бросил взгляд на лежащую на пюпитре книгу. Покрутил головой, изумленный почти до предела.

Мало того что это было Священное Писание, прекрасно иллюстрированная Библия. Вдобавок это была Библия немецкая.

— Я знаю, с чем ты пришел, вернее, прилетел, — удивил Стенолаза Конрад Пяст, князь Олесьницы, епископ Вроцлава и наместник короля Зигмунта Люксембургского в Силезии. — Зря трудился. Я отказываю тебе в твоей просьбе.

— Сегодня двадцать второе декабря 1428 года. — Стенолаз сел, протянул руку к стоящему на комодке графину. — Седьмого ноября 1427 года, то есть немного больше года тому назад, здесь, в этом замке, в этой комнате я покорно просил, а ваша епископская милость сооблаговолила пообещать мне...

— Наша милость изменила решение, — обрезал Стенолаза Конрад из Олесьницы. — А сделала она это *ad maiorem Dei gloriam*. Рейнмар Беляу стал важной пешкой в игре, а ставка сделалась дьявольски высокой. На что ты рассчитывал? Что я отдам тебе этого Беляу, чтобы ты мог его замучить? Ради какого-то неясного для меня твоего личного дела? Знаю, знаю, когда-то у нас были в отношении Белявы планы, он должен был послужить нам для затушевывания аферы с нападением на сборщика. Но теперь благо Церкви и страны требует совершенно другого. Я приказываю тебе сотрудничать с князем Яном в поисках этого паршивца. Разрешил Яну войти в монастырь в Белой Церкви. Ха, он наверняка вошел бы и без позволения, монастырь стоит на его землях, а настоятельница — его сестра, но это несущественно. Существенно то, что Ян Зембицкий решился на поступок действительно значительный. Если военное мероприятие удастся... а имеются большие шансы успеха, то мы нанесем еретикам крепчайший удар, удар, какого они до сих пор не получали. Ты понимаешь это, Биркарт, хватает ли у тебя ума осмыслить это? Вначале тяжелое поражение под Кратцау, сейчас разгром, который вскоре учинит им Ян Зембицкий. Развеется миф, утверждающий, будто бы гуситов невозможно победить в бою. Вслед за нами пойдут другие. Это будет началом их конца.

Их конца, сын мой... я был под Прагой в двадцатом году, на коронации Зигмунта. Смотрел с Града на этот город, притаившийся за рекой как бешеный пес. А когда мы оттуда уходили, я поклялся себе, что когда-нибудь вернусь. Что собственными глазами увижу, как этому бешеному псу выбьют клыки, как вся эта кацерская нация понесет наказание за свои преступления. Как кровь хлынет по всем улицам этого подлого города, а Влтава сделается красной. И так будет, да поможет мне Бог. А серьезным шагом к этому есть Ян, князь Зембицкий. И военный план, который я обдумал, а Ян исполнит. Этот план должен удался. Этого хочет Бог. И я тоже этого хочу.

— Поэтому, — епископ выпрямился, — я категорически запрещаю тебе осуществлять какие-либо действия, которые могли бы этому плану навредить. Или хотя бы его усложнить. Ян держит Рейнмара фон Беляу в темнице зембицкого замка. Я запрещаю тебе приближаться к этой темнице хоть на шаг, запрещаю разговаривать с Рейнмаром, запрещаю тронуть его хотя бы пальцем. Я запрещаю тебе это категорически и строго. Я знаю, что ты — чародей, полиморф и некромант, знаю, что проходил сквозь стены, чтобы во Вроцлаве добраться до узников. Знаю, что ты можешь и на что способен. Но предупреждаю: если ты не слушаешься моего запрета, то навлечешь на себя мой гнев. И тогда узнаешь, на что способен я. Ты понял, Биркарт, сын мой? Подчинишься?

— А у меня есть выход? Отец мой?

Епископ зло засопел. Потом с треском захлопнул Библию, а на ее титульной доске поставил кубок. И налил в него бургундского с корицей.

— Ну а так, между нами, — спросил он немного погодя, совершенно спокойно, — зачем тебе был нужен этот Беляу? Ведь не ради же одной только приятности мстить и убивать? Что-то ты хотел из него выжать, о чем-то важном выпросить? Но о чем? Ха, вероятно, ты не захочешь сказать... Подробности не выдашь. Но, может, в общих чертах?

Стенолаз усмехнулся, и была эта ухмылка исключительно мерзостная.

— Если в общих чертах, — процедил он сквозь ухмыляющиеся губы, — то почему бы и нет? Из Рейнмара Беляу я намеревался выжать информацию, которая привела бы меня к одному из его компаньонов. А из того я выдавил бы дальнейшие сведения. Получив тем самым некоторые знания. Общие. В частности, о том, действительно ли книга, которую ты только что читал, есть то, чем ее обычно считают. Или, может, она стоит не больше, чем басни Эзопа Фригийца.

— Любопытно, — проговорил после недолгого раздумья Конрад. — Действительно, любопытно. Тем не менее мои приказы остаются в силе. *Ad*

maiozem Dei Gloriam. А баснями мы займемся в лучшие времена.

Стенолаз спорхнул с зубцов Ниского замка, закружил, подхваченный дующим с Рыхлебов вихрем. Выровнял полет, заскрипел, помчался в ночь. Он летел в сторону массива Слёнзы. Но не на самую Слёнзу. Слёнзу избрали любители, дилетанты. Как место для чар она была немного тривиальна и скорее перехвалена. Стенолаз летел на Радуню, на ее продолговатую вершину, на каменный вал и покоящийся в его центре магический, напоминающий катафалк камень. Монолит, который лежал здесь уже тогда, когда по Судетскому предгорью топали мамонты, а гигантские черепахи откладывали яйца на теперешнем острове Песок.

Опустившись на камень, Стенолаз изменил внешность. Вихрь заиграл его черными волосами. Подняв обе руки, он закричал. Дико, громко, протяжно. Вся Радуня, казалось, задрожала от этого крика.

На далеком безлюдье, на вершине далекой горы зажглись красные огни в окнах вздымающегося над скальным обрывом замка Сенсенберг. Небо над старой крепостью осветилось красным заревом. Ворота с грохотом раскрылись. Раздался демонический крик и топот коней. Черные всадники спешили на вызов.

— Я решил, — заявил Ян, князь Зембиц, поигрывая стилетом. — Я решил дать тебе шанс, Рейнмар Беляу.

Рейневан заморгал, ослепленный светом свечей, больно режущим глаза после долгого пребывания в темнице. Кроме князя, в комнате были еще люди. Он знал только Боршнитца.

— Хотя преступления твои тяжелы и требуют строжайшей кары, — князь поигрывал стилетом, — я решил дать тебе шанс. Чтобы ты хоть чуточку искупил свои прегрешения, раскаянием заслужил Божью милость. Иисус за нас страдал, а Бог милосерден, отпускает грехи и очищает от любой греховности. Даже «если будут грехи ваши, как багряное, говорит Господь, как снег убелю»^[304]. На заступничество Иисуса и милосердие Господа нашего может рассчитывать каждый, даже такой отщепенец, богохульник, колдун, извращенный паршивец, крысиный помет, незаживающая язва, мусор, ошметчик, сукин сын и собачий кутас, как ты. Однако условием является раскаяние и исправление. Я дам тебе возможность исправиться, Рейнмар Беляу.

— Гуситы, — Ян Зембицкий бросил стилет на покрывающую стол карту, — все еще не решаясь штурмовать Клодзк, залегли сторожевым лагерем к югу от города, неподалеку от деревни Регенсдорф, у самого

Междулеувского тракта. Ты знаешь, где это, правда? Поедешь туда. Краловец знает тебя и доверяет, значит, послушает. Ты уговоришь его свернуть лагерь и пойти на север. Искусишь его какой-нибудь ложью, обещанием богатой добычи, возможностью сокрушительного удара по епископским войскам, возможностью взять живым в плен самого епископа... Впрочем, твое дело, какой ложью ты его убедишь. Важно, чтобы он отправился на север, через Шведельдорф и деревню Рощицы в долину Счинавки и дальше — на Новую Руду. Разумеется, гуситы так далеко не уйдут. Мы займемся ими... раньше. Однако важно... Ты меня слушаешь?

— Нет.

— Что?

— Тебе не сделать из меня предателя.

— Ты уже и так предатель. Теперь только сменишь стороны.

— Нет.

— Рейневан, ты знаешь, что можно сделать с человеком при помощи раскаленных щипцов и кипящей смолы? Я скажу тебе: можно так долго припекать бока, что внутренние органы станут видны из-за ребер.

— Нет.

— Герой, да? — Ян Зембицкий махнул рукой. — Не предаст? Даже если его затащить в палаческую? А что будет, если окажется, что туда затащили вовсе никакого не героя? Что припекать бока станут кому-то другому? А героя заставят на это смотреть?

Помертвевший и совершенно парализованный угрозой Рейневан знал еще прежде, чем князь махнул рукой. Знал, прежде чем слуги затащили в комнату Ютту. Бледную и даже не сопротивляющуюся.

Князь Ян жестом приказал подвести ее ближе. Если до этого Рейневан еще тешил себя надеждой, что феодал не осмелится ни держать в темнице, ни оскорблять дочь Апольды, что не сделает чего-то скверного шляхтичке, девушке из рыцарского рода, то теперь выражение лица и глаз князя развеяли его надежды и рассеяли их как пыль. Плотоядно-жестоко ухмыляющийся Ян Зембицкий коснулся щеки Ютты, девушка резко отдернула лицо. Князь засмеялся, потом встал позади нее, резким движением сорвал с плеч котегардию и рубашку, на глазах вырывающегося у слуг Рейневана сжал руками обнаженные груди. Ютта зашипела и рванулась. Напрасно. Ее держали крепко.

— Прежде чем мы начнем прижигать две эти одинаковые прелести, — засмеялся Ян, грубо играя бюстом девушки, — я возьму девицу к себе в ложе. А если ты и дальше будешь изображать из себя героя, то девица

попадет в карцер ратуши, пусть и тамошние потешатся. А следует тебе знать, Белява, что они всегда там забавляются, надзиратели и охранники, та же самая компания, которая была, когда туда попала бургундка. Парни получают другую, надоевшую князю, хе, хе. А тебя я прикажу запереть в соседней камере. Чтобы ты все слышал и представлял себе. А потом... Потом начнем припекать.

— Отпусти ее... — выдохнул едва слышно Рейневан. — Отпусти ее... Оставь... Не смей... Пожалей ее... Князь... Я сделаю все, что ты прикажешь.

— Что? Я не расслышал!

— Сделаю, что прикажешь!

Конь, которого ему дали, был норовистым, нервным и беспокойным — а может быть, ему просто передалось беспокойство седока. На тракт за Гродскими воротами его проводил эскорт рыцарей, среди них Боршнитц, Зайфферсдорф и Рисин. И князь Ян собственной персоной.

Было холодно. Замерзшие, покрытые инеем стебли похрустывали под копытами коней. Небо на юге потемнело, предвещая бурю.

— Гуситы, — Ян Зембицкий натянул поводья своего коня, — должны направиться в долину Счинавки! И дальше по Новорудскому тракту. Поэтому будь убедительным, Беляу. Будь убедительным, пусть поддерживает тебя мысль, что, если получится, если гуситы окажутся там, где я хочу их видеть, ты сбережешь девицу. Подведешь, предашь — погубишь ее, отдашь на поругание и муки. Так что старайся. Рейневан не ответил. Князь выпрямился в седле.

— Пусть тебе в этом деле поможет мысль, что, уничтожая еретиков, ты спасаешь свою бессмертную душу. Если с твоей помощью мы выкорчем их под корень, то добрый Боже наверняка засчитает тебе это деяние.

Рейневан не ответил и на этот раз. Только смотрел. Князь не спускал с него взгляда.

— Ах, какой взгляд, какой взгляд, — скривил он губы. — Ну прямо-таки как у Гельфрада Стерчи, с которым тебя как-никак многое связывает и связывало. Не попробуешь пугать меня, как Стерча с эшафота? Не скажешь: *hodie mihi, cras tibi*, что сегодня меня, завтра встретит тебя? Не скажешь этого?

— Не скажу.

— Разумно. Потому что я за каждый произнесенный слог отплатил бы тебе. Вернее, твоей девке. За каждый слог — одно прижатие раскаленного железа. Не забывай об этом. Ни на мгновение не забывай.

— Не забуду.

— Поезжай!

В Гродских воротах кучкой сидели попрошайки, прокаженные и бродяги. Князь Ян, весьма довольный собой, приказал маршалу Боршнитцу кинуть им горсть монет, нищие дрались за медяки, свита ехала, цокот подков громким эхом отдавался под сводами ворот.

— Милостивый князь?

— Да?

— Если Беява... — Гинче Боршнитц кашлянул в кулак. — Если Беява справится... Если выполнит то, что вы ему приказали... Вы отпустите девушку? Его простите тоже?

Ян Зембицкий сухо рассмеялся. Этого смеха в принципе должно было бы хватить Боршнитцу. Однако князь соизволил расширить ответ.

— Бог, — начал он, — милостив. Прощает и извиняет. Однако порой разгоняется в своем милосердии так, что, пожалуй, не знает, что делает. Когда-то мне это сказал вроцлавский епископ Конрад, а епископ — это тебе не какой-то поп, следовательно, знает, что делает. Поэтому, говорил епископ, Бог грешников простит, но надобно здесь, и на этой земной юдоли, присмотреть, чтобы грешники за свои грехи и провинности как следует пострадали. Так говорил епископ, и я думаю, он говорил правильно. Рейнмар из Беявы и его подружка должны пострадать. Крепко пострадать. А когда после страданий встанут пред лицом Бога, пусть им Бог прощает, если на то будет воля Его. Ты понял, маршал?

— Понял, князь.

Небо темнело, обещающая снежную метель. И что-то еще похуже. Хуже потому, что неизвестно, что именно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

в которой Рейневан делает выбор. Но не все кончится добром.

Он проехал Франкенштайн, объезжая города с юга, через Садльно. Голова болела жутко, заклинания не помогали, дрожащие от волнения руки не слушались. Боль затуманивала глаза.

Он ехал как во сне. В кошмаре. Дорога, Клодзский тракт, часть торгового тракта Вроцлав — Прага, неожиданно перестала быть обычной дорогой, хорошо знакомой Рейневану трассой. Превратилась в нечто, чего Рейневан не знал и никогда не видел.

В затянутое тучами и без того темное небо неожиданно, как чернила в воду, влилось вращающееся и пульсирующее облако плотного мрака. Подул, сгибая деревья, дикий вихрь. Конь дергал головой, ржал, визжал, горячился. Рейневан ехал, с трудом отыскивая дорогу в тьме египетской.

Во тьме горят движущиеся огоньки. И красные глаза. Из-за черных туч бледно пробивается луна.

Конь ржет, Становится на дыбы.

В том месте, где должно быть село Тарное, нет села. Вместо него кладбище среди диковинных деревьев. На могилах перекосившиеся кресты. Некоторые торчат наоборот, вверх ногами. Между могилами горят костры, в их мигающем свете видны пляшущие фигуры. Кладбище полным-полно чудовищ, лемуры царапают могилы когтями. Из-под промерзшей земли выдираются эмпузы и нецурапы. Муруны и мормолики задирают головы, воют на луну.

Между уродцами — Рейневан четко видит это — сидит Дроссельбарт. Сейчас, после смерти, он еще костлявее, чем при жизни, еще мертвее, чем *cadaver*, мертвецы, выглядит совершенно как мумия, как древний скелет, обтянутый сухой кожей. Один из лемунов держит его зубами за локоть, грызет и жует. Дроссельбарт этого не замечает.

— Когда речь идет о благе дела, — кричит он, глядя на Рейневана, — единицы не в счет! Докажи, что ты готов жертвовать собой! Порой надо жертвовать тем, что любишь!

— Камень на бруствер! — воют лемуны. — Камень на бруствер!

За кладбищем развилка. Под крестом, опершись спиной, сидит Жехорс. Лицо наполовину заслонено, всего его покрывает саван,

пропитавшаяся кровью ткань из мешковины.

— Колесница истории мчится, — говорит он нечетко, с трудом. — Никакая сила уже не в состоянии ее задержать. Посвяти себя ей! Ты должен посвятить себя ей! Во имя дела! Во имя Чаши! Чаша должна восторжествовать!

— Камень на бруствер! — скрипят, подпрыгивая, большеухие шретли. — Кинь её, как камень на бруствер, на защитный вал!

— Впрочем, она и без того погибла, — говорит, поднимаясь из придорожного рва, Бисклаврет. Неизвестно, как он говорит и чем, вместо горла и челюсти у него кровавое месиво. — Ян Зембицкий не выпустит ее из лап. Независимо от того, что ты сделаешь, её ты все равно не спасешь. Она уже мертва. Потеряна.

Из рва по другую сторону встает Гельфрад фон Стерча. Без головы. Голову он держит под мышкой.

— Ты поклялся, — говорит голова, — ты дал *verbum nobile*, честное благородное слово. Ты должен ею пожертвовать. Я пожертвовал собой. Выполнил обязанность. Я поклялся ему... *Hodie mihi, cras tibi...*

Копыта стучат по земле. Рейневан мчится галопом, наклонившись в седле. Где-то здесь должна быть деревня Баумгартен. Но ее нет. Есть только голые, многовековые деревья, дикий лес, зимняя пуща.

— Вы были хорошей парой, — кричит из-за деревьев зеленокожее существо с фосфоресцирующими глазами. — Жойоза и бахеляр. Были, были!

— Камень на бруствер! — воют поднимающиеся из бурелома бледные типы. — Камень на бруствер!

Из-за стволов выглядывают альпы. Высокие, темнокожие и беловолосые остроухие альпы.

— *Tempus odii*, — плывет к нему их назойливый, хорошо слышный шепот. — *Tempus odii*, время ненависти...

Здесь должна быть деревня Буковчик. Нет ее.

— Новая Эра! — кричит, выскакивая словно из-под земли, Крейчиж, проповедник сирот. Весь он залит кровью, она течет из руки, отрубленной повыше локтя, и из чудовищной раны на голове.

— Новая Эра. А старый мир пусть погибнет в огне! Пожертвуй ею! Пожертвуй ею для блага дела!

— Камень на бруствер! Камень на бруствер!

— Приидет Царствие Божие! — воет Крейчиж. — Истинное *Regnum Dei*. Мы восторжествуем. Истинная вера восторжествует, придет конец несправедливостям, мир изменится! Чтобы так случилось, ты должен

пожертвовать ею!

— Должен пожертвовать ею!

По склону взгорья длинной бесконечной чередой, хороводом спускается *Totentanz, danse macabre*. Сотни одетых в изодранные саваны скелетов пляшут и скачут, дергаясь в диких и гротескных прыжках. Развеваются истрепанные хоругви и знамена. Гремят адские барабаны. Слышен хруст костей, клцанье зубов. И дикий, распеваемый скрипящими голосами хорал.

Ktoz jsu bozi bojovniki
a zakona jehol

Над хороводом трупов кружат и каркают тысячи ворон, воронов и чаек. Ветер доносит отвратительную трупную вонь. Стучат кости, клцают зубы. Гремят вскрики и кошмарные вопли. И пение.

Ktoz jsu bozi bojovniki
a zakona jehol

Камень на бруствер. Ты должен ею пожертвовать.

Рейневан вжимается лицом в гриву, бьет коня шпорами.

Копыта стучат по замерзшей земле.

Кошмар окончился резче, чем начался. Мрак развеялся мгновенно. Возвратился нормальный свет. Нормальное декабрьское небо с висящей на нем бледной как сыр луной. Деревня Франкенберг оказалась там, где ей положено быть, лаяли собаки, дым сползал со стрех, стелился по яру. Далеко на юге, в направлении езды, то есть, пожалуй, в Варде, звонили на нону.

Рейневан ехал, конь мотал головой, косился.

Головная боль прекратилась.

Он проехал Бардо, все еще носящее следы разрушений и пожаров. Переехал на левый берег Нисы. Поднялся на хребет над изломом реки, проехал рядом с деревней Эйхау, спустился в Клодзскую долину.

В Клодзке звонили на нешпоры.

Объехал город с севера, снова переправившись через Нису. Добрался до развилки дорог, места, где Междулеский тракт пересекался с трактом,

ведущим на Левин и Наход.

И здесь, у деревни, названия которой он не знал, его остановила гуситская *hlidka*. Разведка, патруль, состоящий из трех конных арбалетчиков.

— Я из Фогельзгана, — ответил он на окрик. — Рейнмар из Беявы. Ведите к командиру.

Сироты были на марше. Покинув лагерь под Ренгерсдорфом, армия Краловца двигалась на север. Они идут прямо в долину Счинавки, подумал Рейневан. Мне не придется их уговаривать, убеждать, они без моего участия делают точно то, чего хотел князь Ян. Неужели знак Божий? Мне не надо ничего делать. Я никого не предаю. По крайней мере активно действуя. Просто буду молчать. Утаю то, что произошло. Ютта будет спасена.

Охраняемая с флангов конниками и пехотинцами колонна длиной, пожалуй, в полмили — в ее состав входили на глаз что-то около ста пятидесяти боевых телег и с полсотни грузовых, которые назывались «продуктовыми». Прошло некоторое время, пока патруль подвел Рейневана к гейтманам. В самую голову колонны, бывшую уже далеко за Шведельдорфом.

— Рейневан! — Ян Краловец из Градка, казалось, очень удивился. — Ты жив? Говорили, что тебя в Клодзке Пута замучил. Что вы попали ему в лапы, ты и Жехорс... Каким чудом...

— Сейчас не время об этом, брат. Не время.

— Понимаю. — Лицо Краловца стянуло льдом. — Говори, с чем приехал.

Рейневан глубоко вздохнул. Ютта, подумал он. Ютта, прости.

— Ян Зембицкий идет на вас с севера с тысячей тяжеловооруженных конников. Собираются ударить вас на марше. Устроить вам второе Кратцау.

Краловец стиснул зубы, услышав это название. Другие гейтманы глухо зашумели. Среди них был Ян Колда из Жампаха. Был Матей Салава из Липы. Был кто-то похожий на Матея и носящий такой же герб, то есть, несомненно, его брат Ян. Был сидящий на большом рыцарском сивом коне Бразда из Клишштейна, как обычно носивший родовые острия Роновичей. Был знакомый Рейневану с виду Вилем Йеник из Мечкова, гейтман Литомысля. Был считавшийся поляком Петр из Лихвина, теперешний комендант захваченного весной замка Гомоле. И именно черный как ворон Петр Поляк заговорил первым.

— Что еще, — спросил он злым голосом, — тебе приказали передать

Зембицкий и Пута? К чему ты должен нас склонить?

— Должен был, — с нажимом ответил Рейневан, повернувшись лицом не к Поляку, а к Краловцу. — Я должен был уговорить вас сделать то, что вы как раз делаете сами. Двигаться на север, в долину Счинавки. Вы сами лезете в засаду. Прямо в пасть Яну Зембицкому. Если б я был провокатором, как предполагает господин из Лихвина, мне достаточно было бы молчать. А я вас предостерегаю. спасаю от поражения и гибели. Вы даже не знаете, какой ценой я это делаю. Если вы считаете меня шпионом — убейте. Больше я не скажу ни слова.

— Это Рейневан, — сказал Бразда из Клинштейна. — Это один из нас! И он нас предостерегает. Что он может выгадать, предостерегая нас?

— То, что мы задержимся в походе, — медленно проговорил Вилем Йеник. — Что дадим врагам время убежать со всем добром, которое мы идем захватить. Я этого человека не знаю...

— А я знаю, — резко оборвал его Краловец. — Приказываю остановить колонну. Брат Вилем, патрули и разведку на север и в сторону Клодзка. Брат Петр, брат Матей, сформируйте колонну.

— Поставим *hradby*?

— Поставим, — подтвердил Краловец, поднимаясь на стремянах и оглядываясь. — Там, за той вон речкой, под взгорьем. Как называлось то село, которое мы миновали? Кто-нибудь знает?

— Старый Велислав.

— Вот там и поставим. Вперед, братья.

Установку вагенбурга, *vozovej hradby*, Рейневан видел уже не раз. Но никогда в таком идеальном исполнении, как сейчас. Сироты Краловца бежали изо всех сил, а порядок и организация вызывали удивление. Вначале организовали центр *nukleus* — кольцо из телег с провиантом, внутри которого укрыли вьючных коней и скот. Вокруг центра быстро начала создаваться истинная *hradba*: четырехугольник боевых телег. Возницы ловко подводили телеги на нужные позиции. Коней выпрягали и отводили в центр. Устанавливали телеги по системе «колесо в колесо», так, чтобы левое заднее колесо передней телеги можно было связать цепью с передним правым колесом следующей, в результате чего стена вала из телег имела ступенчатую форму. В оставляемые через несколько телег разрывы вводили артиллерию — хуфницы, тарасницы, малые пушки. Каждую из стен составляли пятьдесят боевых телег, весь вагенбург образовывал квадрат с длиной стороны самое малое двести шагов.

Прежде чем начало смеркаться, вагенбург был готов. И ждал.

— Клодзк мы планировали взять при помощи лазутчика, — повторил Бразда из Клинштейна, задумчиво держа ложку над горшком. — Но из этого ничего не получилось. Всех наших, что были в городе, выловили. И до смерти замучили. Среди них был Жехорс, кажется, его страшно истязали на эшафоте на рынке. А ходили слухи, что и ты там тоже жутко с жизнью расстался. Я рад, что ты уцелел.

— И я рад, — стиснул зубы Рейневан. — А Бисклаврет погиб. Убили его. Это конец Фогельзанга.

— Остался ты. Выжил.

— Выжил.

Бразда снова взялся вычерпывать суп, но вычерпывал недолго.

— Если силезцы не придут... Если окажется, что... У тебя могут быть неприятности, Рейневан. Не боишься?

— Нет.

Они помолчали, хлебая суп. Стелился дым от костров. Храпели кони во внутреннем кольце вагенбурга.

— Бразда?

— Что?

— Я не видел при штабе ни одного проповедника. Ни Прокоупека, ни Крейчижа...

— Прокоупек... — Роновиц высморкался, вытер нос. — Прокоупек в Праге, делает карьеру. Готов выйти в епископы. Крейчиж погиб под Кратцау, зарубили его вместе с прашниками, так искромсали, что собирать было нечего. Был у нас еще один священник, но уж совсем немощный, хворал. Умер он. Под Душниками его я похоронил. Два воскресенья тому.

— И вы остались... — Рейневан откашлялся. — И мы остались, выходит, без духовной утехи?

— Есть водка.

Довольно быстро и довольно резко — как ни говори: двадцать шестое декабря, — опустилась тьма. И тогда возвратились разведчики, патрули, конники Петра Поляка. На освещенную огнями костров площадь вагенбурга начали вливаться конные.

— Идут! — доложил Краловцу задыхающийся Петр Поляк. — Идут, брат. Немчик Рейневан правду сказал. Идут! Сплошь рыцари, добрых тысяча коней! На хоругвях силезские орлы, видны также знаки Опавы! Они спустились в низину, уже находятся под Клодзком! На рассвете будут здесь.

— Ударят? — спросил Ян Колда. — Видать, собирались, как под

Кратцау, напасть на движущуюся колонну. А когда увидят, что мы готовы? Ударят?

— Это только Богу известно, — ответил Крловец. — А у нас все равно выхода нет, надо ждать. Помолимся, Божьи воины! Отче наш, сущий на небесах...

Было холодно, пошел мелкий сухой снег.

— Что там за деревня?

— Маковец, милостивый князь. А дальше — Шведендорф...

— Значит, пора! Пора! Хоругви вперед! Пойдем в атаку под знаками!

Вперед выдвинулись знаменосцы. Первой заплескалась перед фронтом армии хоругвь Зембиц с наполовину черным, наполовину красным орлом. Рядом с ней взвился епископский знак, черные орлы и красные лилии. Рядом белым и карминовым запылал штандарт Опавы. По флангам — свидницкая хоругвь, черные орлы и красно-белые шашечницы. И черный орел Вроцлава.

По бокам одетого в миланские латы Яна из Зембиц встали командиры. Молодой Вацлав, наследник Опавы, князь Глубчиц. Командующий епископской хоругвью Николай Зейдлиц из Альценау, староста Отмухова с золотой подковой на красном щите, епископский маршал Вавжинец фон Рограу, гродковский староста Тамш фон Танненфельд. Командующий свидницким контингентом подстароста Гинко Стош. Командир вроцлавцев Йежи Цеттриц, которого легко было узнать по красно-серебряной турьей голове в гербе.

— Вперед!

— Милостивый князь! Молодой Курцбах из разведки!

— Давай сюда. Давай! И говори! Какие сведения? Где гуситы?

— Стоят... — ответил с седла юный рыцаренок с тремя золотыми рыбами в гербе. — Стоят под Старым Велиславом...

— Не на марше?

— Нет. Лагерем стоят.

Командиры зашумели. Гинко Стош выругался. Танненфельд сплюнул. Ян Зембицкий закружил на коне.

— Ну и что?! — выкрикнул он. — Не беда!

— Видимо, твой шпион предал нас, князь, — тихо проговорил Йежи Циттриц. — Неожиданности не получилось. И что теперь?

— Не беда, сказал я! Наступаем!

— На вагенбург? — проворчал Вавжинец фон Рограу. — Милостивый князь... Чехи в готовности...

— Нет! — возразил князь. — Белява не предал. Не смог бы. Он трус и слабак! Знает, что он у меня в руках, что я могу его страшно изувечить, его и его девку... Он не решился бы... Краловец, ручаюсь, ничего о нас не знает, он не построил вагенбурга, просто разбил обыкновенный ночной лагерь! Наше преимущество возросло! Подойдем до рассвета, в темноте ударим по спящим, рассеем и вырежем. Им не сдержать наступления, разнесем их в клочья! Бог с нами! Миновала полночь, сегодня двадцать седьмое декабря, день святого Иоанна Богослова, моего покровителя! Во имя Бога и святого Иоанна, вперед, господа рыцари!

— Вперед! — крикнул Вацлав Опавский.

— Вперед! — подхватил Николай Зейдлиц, отмуховский староста. Вроде бы не столь уверенно.

— Вперед! *Gott mit uns!*

На телегах вагенбурга, между них и под ними ждали в готовности две с половиной тысячи Божьих воинов. Тысяча ждала в плотном резерве, готовая заменить погибших и раненых. Посреди площади столпился штурмовой отряд сирот, двести коней легкой кавалерии. Костры погасили, около телег красным светились котелки с угольями.

— Идут, — докладывали возвращающиеся *hlidki*. — Идут.

— Готовься! — скомандовал гейтман Краловец. — Рейневан — ты около меня.

— Я хочу драться на телеге. В первой линии. Прошу тебя, брат.

Краловец долго молчал, кусал ус. В свете луны невозможно было разглядеть выражение его лица.

— Понимаю, — ответил он наконец. — А вернее, догадываюсь. В просьбе отказываю. Останешься рядом со мной. Оба, когда настанет время, пойдем вместе с конниками в бой. На нас идет тысяча коней, парень. Тысяча коней. На телеге, в поле... всюду, поверь мне, одинаковые шансы... умереть.

Вагенбург ждал в напряжении и тишине, мертвой тишине, которую лишь временами прерывал храп коня, лязг оружия или кашель кого-нибудь из воинов.

Земля начала ощутимо дрожать. Вначале легко, потом все сильнее и сильнее. До слуха Рейневана дошли глухие удары копыт, бьющих по замерзшей земле. Сироты начали нервно покашливать, кони храпеть. На телегах и под ними тлели и помигивали огоньки фитилей.

— Ждать, — время от времени повторял Краловец.

Командиры передавали приказ по линии.

Гул копыт возрастал. Усиливался. Сомнений уже не было. Скрытая темнотой тяжелая конница переходила с рыси на галоп. Вагенбург сирот был целью наступления.

— Иисусе Христе! — неожиданно сказал Крловец. — Иисусе Христе... Ведь не могут же! Ведь не могут они быть настолько глупыми!

Грохот копыт возрастал. Земля дрожала, звенели связывающие телеги цепи. Лязгали и звенели, сталкиваясь, острия гизарм и алебард. Все сильнее дрожали сжимающие древки руки. Нарастал нервный кашель.

— Двести шагов! — крикнул от телег Вилем Йеник.

— Готовьсь!

— Готовьсь! — повторил Ян Колда.

— Сто шагов! Вииидно! — Зажигай!

Вагенбург вспыхнул огнем тысячи стволов. И заговорил оглушительным грохотом тысячи выстрелов.

В визге коней, в криках, гуле и лязге неожиданно разгорелся огонь. Вначале хилый, едва посвечивающий, подпитываемый начавшимся в предрассвете ветром, и наконец взвился с силой и бешенством. Ярким, высоким пламенем разгорелись стрехи хат Шведендорфа и Старого Велислава, запылали стога под Красной Горой, сараи, овины и клетки над Велиславкой. Одни подожгли по приказу Крловца, другие в момент атаки приказал своим поджечь князь Ян. Цель была одна и та же: чтоб стало светло. Достаточно светло, чтобы можно было убивать.

Залп вагенбурга имел истинно убийственные последствия. Под долбящим по латам дождем пуль и болтов первая линия атакующих рухнула как сметенная вихрем, в скопище поваленных коней и людей ворвалась, топча всех подряд, вторая линия, атакующие кони спотыкались и переворачивались на убитых и раненых конях, бесились, под жуткий визг и ржание сбрасывали седоков. С визгом коней смешивался и взметался в небо вопль людей.

До телег дошла лишь третья линия, и хотя напор ее атаки был в значительной степени приторможен, вагенбург задрожал, затрясся под ударами бронированной конницы. Телеги дрогнули под напором. Но выстояли. А на припертых к ним рыцарей валилась лавина железа. Прижимаемые собственными напирющими сзади товарищами, не в состоянии ни отступить, ни убежать, они защищались как могли от сыплющихся на них ударов. Гуситские цепи, топоры и моргенштерны взламывали шлемы, алебарды разрубали наплечники, бердыши отрубали

руки, дубасили векры и чеканы, судлицы и альшписы дырявили латы. Укрытые под телегами арбалетчики всаживали болт за болтом в конские животы, другие резали ноги всадников сидящими торчком косами. Визг, грохот железа и рев взмывали над полем боя, в оружии кроваво отражались огни пожаров.

Первой поддалась и разбежалась епископская хоругвь. Прореженная при атаке залпом, она застряла у вагенбурга, наткнувшись как на громадного ежа на лес наставленных на нее пик, гизарм и рогатин. При виде этого у Николая Зедлица окончательно сердце в пятки ушло. Выкрикивая какие-то путаные и бессмысленные команды, староста Отмухова вдруг развернул коня, бросил на землю щит с золотой подковой и просто-напросто сбежал. Следом галопом умчался маршал Вавжинец фон Рограу. За ними рванулась вся хоругвь. Вернее, то, что от нее осталось.

Следующим был Вацлав, князь из Глубчиц, сын Пшемка Опавского. Вацлав, увлекавшийся оккультными науками, всю дорогу размышлял над загадочным гороскопом, который перед походом составили ему придворные астрологи. Сейчас, когда опавские рыцари начали валиться под ударами гуситских цепов, князь Вацлав решил, что обстоятельства ему не благоприятствуют, а предсказания плохи. И что пора домой. По его приказу весь опавский контингент начал отступать. Довольно панически.

Ян Зембицкий, Гинко Стош и Йежи Цеттриц охрипли от выкрикиваемых приказов. Рыцарство отступало от вагенбурга, чтобы перегруппироваться. Это была последняя и самая скверная ошибка командиров в бою. Сироты тем временем успели зарядить хуфницы и тарасницы, у стрелков в руках уже были гаковницы и пищали, готовы были и арбалетчики. В оглушительном грохоте вагенбург вновь расцвел огнем и дымом, на отступающих силезцев посыпался убийственный град снарядов. Снова пули и болты с треском и хрустом дырявили пластины, снова падали, визжа, покалеченные кони. А те, которые ещё были в состоянии, обратились в бегство.

Удирал в панике, опережая подчиненных, гродский староста Тамш фон Танненфельд. Вместе с остатками уцелевших свидницких рыцарей сбежал с поля боя подстароста Стош. Не слыша отчаянных призывов князя Яна и Цеттрица, разбежались вроцлавские и зембицкие рыцари.

— Сейчас! — заревел Ян Краловец из Градка. — Сейчааас! На них. Божьи воины! На них! Бей!

Из стен вагенбурга моментально убрали несколько телег, через возникшие щели в поле вылилась чешская конница. На более легких и отдохнувших конях, меньше нагруженные оружием, гуситские конники

мигом догнали убегающих силезцев. Тех, кого догоняли, немилосердно, не жалея, рубили и кололи.

Вслед за конницей из-за телег высыпала пехота. Тем из силезцев, которых пощадили мечи кавалерии, теперь досталось умирать от цепов.

— На них! Гыррр на ниииих!

По полю стелился дым и смрад гари. Пожары догасали. Но на востоке уже вставал кровавый рассвет.

— Гыр на них! — ревел Рейневан, мчась галопом в строю между Салавой и Браздой из Клинштейна. — Бей, убивай!

Они догнали силезцев, ястребами навалились на них, началась дикая сечь. Мечи звенели на латах, искры сыпались с клинков. Рейневан рубил что было сил, орал, криком придавая себе храбрости. Силезцы вырвались из бойни, бежали. Рейневан помчался в погоню.

И тут его увидел Стенолаз.

* * *

Стенолаз в битве участия не принимал, не принимал и не собирался. Он прибыл к Велиславу, скрытно двигаясь вслед за силезским войском, только с одной целью. Исключительно с единственной целью он привел сюда десять черных всадников из Сенсенберга. Предвидя события, они призраками налетели на поле боя. Кружа и высматривая.

То, что в боевой круговерти, дикой мешанине и освещаемой сполохами пожаров тьме Стенолаз сумел высмотреть Рейневана, было чистой случайностью. Если бы не это везение, ничем не помогла бы Стенолазу ни магия, ни гашиш.

Заметив Рейневана, Стенолаз модулированно заскрипел. Черные всадники тут же развернули коней. Хрипя из-за забрал, они помчались в указанном направлении. Сумасшедшим галопом, рубя и коля стоящих на пути, валя, топча.

— *Adsumus! Adsuuuuuuuumuuuuus!*

Рейневан увидел их. И помертвел.

Но случайности и мгновения счастья выпадают всем. Ни у кого нет на них монопольных прав. Особенно в ту ночь.

Когда вслед за гуситской конницей из-за телег в погоню за силезцами ринулась пехота, некоторые из артиллеристов присоединились к преследователям. Не все. Части из них так полюбили огоньное оружие,

что даже в погоню они не шли без него. Хуфницы, у которых лафеты были на колесах, прямо-таки идеально годились для таких маневров. Понадобилась удача, чтобы три артиллерийских расчета вытолкнули и выкатили свои хуфницы в поле точно напротив атакующих черных всадников. Видя, к чему дело идет, пушкари развернули лафеты. И поднесли фитили к запалам.

Град свинцовой дроби, обрезков железа и насеченных гвоздей был для закованных в пластины всадников не более, чем горохом и как горох от стены отскочил от нагрудников. Однако угол подъема стволов был таков, что большая часть зарядов досталась коням. И учинила среди них настоящее побоище. Ни один из коней не выдержал залпа, ни один не устоял. Несколько всадников оказались придавленными телами коней, нескольких раздавили дергающиеся копыта. Другие поднимались с земли, вставали, хрипели, водя дурными от гашиша глазами. Остыть им не дали.

Из-за телег вагенбурга вылетел последний резерв сирот. Легко раненные. Повозочные. Кузнецы и шорники. Женщины, подростки. Вооруженные чем придется. Черных всадников оттеснили и перевернули вилами, партизанами и гизармами, перевернутых сироты покрыли, словно муравьи. Поднимались и опускались клоницы, секиры, палицы, тележные валки и молоты, колотя по забралам шлемов, по шорцам, налокотникам, наколенникам. В щели лат втыкались острия ножей, заостренные концы палок и серпов. Хрип превратился в дикий, душераздирающий скрежет.

Черные всадники умирали тяжело, И долго. Долго не хотели расставаться с жизнью. Но гуситы били, били, били и били.

До результата.

Стенолаз видел все это, и Рейневан видел все это. Рейневан видел Стенолаза, Стенолаз видел Рейневана. Они смотрели друг на друга сквозь кровавое поле боя туманящимися от ненависти глазами. Наконец Рейневан, яростно взревев, ударил коня шпорами и помчался на Стенолаза, размахивая мечом.

Стенолаз отпустил трензеля, резким движением поднял обе руки, проделал ими в воздухе сложное движение. Его моментально окружил потрескивающий и искрящийся отсвет, вокруг распростертых рук качал расти и вспухать огненный шар. Но чару Стенолаз бросить не смог. Не успел. Рейневан неся галопом, а со стороны поля боя на Стенолаза мчалась группа конников, уже готовых вот-вот навалиться на него.

От телег бежала толпа литомысских пехотинцев с цепами и алебардами. Стенолаз прокричал заклинание, замахал руками как

крыльями. На глазах у Рейневана и изумленных сирот с седла вороного жеребца сорвалась, размахивая крыльями, большая птица. Сорвалась, подпрыгнула и унеслась в небо, дико скрежеща. Улетела и исчезла.

— Чары! — рывкнул Матей Салава из Липы. — Папские чары! Тьфу!

Чтобы разрядить злость, он хватанул вороного жеребца топором по лбу. Жеребец упал на колени, потом повалился набок, засучил ногами.

— Туда! — заорал Салава, указывая рукой. — Там они, собачья мать! Туда убегают! На них, братья! Бить! За Кратцау!

— За Кратцау! Бить! Никого не жалеть!

Вырвавшись из мешанины боя, Ян Зембицкий в панике убегал, выжимая в галопе из хрипящего коня остатки сил.

Направлялся он к северу, в сторону дгорающего Шведельдорфа. Куда направляется, точно он не знал, впрочем, ему это было безразлично. Одуревший от страха, он бежал туда, куда бежали все. Лишь бы подальше от побоища.

Догнал нескольких рыцарей на едва плетущихся, белых от пены конях.

— Рисин? Боршнитц? Курцбах?

— Милостивый князь!

— По коням, скорее! Уходим!

— Туда... — просипел Гинче Боршнитц, указывая направление. — За речку...

— По коням!

Идея с речкой оказалась глупой. Глупейшей из возможных. Мало того что на фоне пылающих халуп Шведендорфа их было видно как на ладони, так берега оказались никогда не замерзающим болотом. Когда подковы разбивали тоненький слой льда на поверхности, тяжелые рыцарские кони проваливались и увязали, некоторые по брюхо.

Прежде чем ужас положения окончательно дошел до них, погоня уже сидела на шее, вокруг закишели гуситские конники в саладах и капалинах. Рисин завыл, исколотый пиками. Курцбах начал всхрипывать, скорчился на седле, получил булавой по голове, свалился под коня. Боршнитц зарычал, принялся размахивать мечом, остальные последовали его примеру. Ян Зембицкий меч потерял во время бегства, видя окружающих его гуситов, схватил висящий у седла топор, взмахнул им, выкрикивая богохульства, в панике махнул так неудачно, что кривая рукоять выскользнула у него из руки, топор полетел бог знает куда. Гуситы окружили его со всех сторон. Он получил по спине, потом по голове. Под шлемом оглушительно загудело, он сполз с седла, упал. Пробовал подняться, получил еще раз, в

— Ну что ж, пожалуй, да, — кивнул головой Рейневан. — Пожалуй, вполне.

Так погиб и такой эпитафии дождался Ян, князь Зембицкий. Пяст от Пястов, по прямой линии потомок Семовита и Мешка, кровь от крови и кость от кости Храброго и Кривоустого. Погиб двадцать седьмого декабря 1428 года, или, как сказал бы летописец: *vicesima septima die mensis Decembris Anno Domini MCCCCXXVIII*. Он погиб в бою под деревушкой Старый Велеслав, в какой-то миле к западу от Клодзка. Как утверждают некоторые летописцы, он погиб как его прапра- и что-то там еще — дед, Генрик Благодетельный, *pro defensione christiane fidei et sue gentis*^[305]. Другие говорят, что он погиб по собственной глупости. Как бы там ни было — погиб. Умер.

А мужская линия зембицких Пястов умерла вместе с ним.

Бой все еще продолжался. Некоторые силезцы, которые не могли или не хотели убегать, продолжали яростно сопротивляться. Сбившись в кольца, они отражали яростно атакующих сирот. Некоторые дрались в одиночку. Например, Йежи Цеттриц, командир вроцлавцев. Под Цеттрицем уже убили двух коней, первого почти сразу, в начале боя, под вагенбургом, второго — когда он убегал. Убегать в общем-то было некуда. Без шлема, с окровавленными волосами, Цеттриц, кроме того, был ранен в ногу, гуситская гизарма ударила его в бедро, продырявив выкованный в Нюрнберге набедренник. Кровь лилась по пластинам бейгвантов. Опершись о вербу на меже, Цеттриц покачивался, едва стоял, но мужественно размахивал полутораручным мечом, отгонял окружающих его атакующих, слишком настойчивых рубил так, что звенело. Его уже окружало кольцо раненых, когда кому-то из чехов наконец удалось двинуть его глевией по щеке так, что хрустнули зубы. Цеттриц покачнулся, но устоял на ногах. Выплюнул кровь на нагрудник, богохульно выругался. И отогнал нападающих широкими размахами полутораручника.

— Честное слово, господин Цеттриц, — крикнул, подъезжая шагом, Бразда из Клинштейна. — Может, достаточно?

Йежи Цеттриц сплюнул кровью, взглянул на остжевьё на груди Бразды. Тяжело вздохнул. Схватил меч за клинки поднял в знак того, что отдается на его милость. И потерял сознание.

— Бог победил, — утомленным голосом сказал Ян Краловец из Градка.

— Так хотел Бог, — добавил он без всякого пафоса. — Отсечен рог Моава и мышца его сокрушена^[306].

— Бог победил! — поднял окровавленный меч Петр Поляк. — Мы победили, Божьи воины! Кичливое немецкое рыцарство лежит в прахе! Кто теперь нас удержит?

— Мы отомстили за Кратцау! — крикнул, вытирая кровь с лица, Матей Салава из Липы. — Бог с нами.

— Бог с нами!

Торжествующий крик тысячи глоток Божьих воинов окончательно, казалось, развеял полумрак и мглу. Пробиваясь сквозь дым пожаров, вставал и светлел день. *Dies illucens*.

— Я должен ехать, — повторил Рейневан. Всею силой воли он сжимал зубы, которые почему-то норовили щелкать. — Должен ехать, брат Ян.

— Мы сломали их, — повторил Ян Краловец из Градка. — Отсекли им рог Моава. Ян Зембицкий убит, Свидница и Вроцлав наполовину перебиты. Теперь никто нас не задержит. Мы воспользуемся победой. Силезия практически в наших руках. Ты хочешь мстить? Иди с нами!

— Я должен ехать.

Солнце пробивалось сквозь тучи. День обещал быть холодным. Двадцать седьмое декабря 1428 года. Понедельник после Рождества Господня.

Краловец тяжело вздохнул.

— Ну что ж, коли должен, то должен. Поезжай с Богом!

На голове повешенного сидела ворона. День, хоть холодный, был изумительно солнечным, почти совсем безветренным. Повешенный только слегка покачивался и разворачивался на скрипящей веревке, что, казалось, совершенно не мешало вороне. Вцепившись когтями в остатки волос трупа, птица методично и спокойно выклевывало то, что еще можно было выклевать.

На башнях Зембиц блестели в декабрьском солнце черепицы. По дороге в сторону Гродских ворот тянулась вереница беженцев. Вести о приближающихся гуситах, видимо, распространились быстро.

Рейневан пошлепал взмыленную от пены шею коня. Шесть миль, отделяющих Старый Велислав от Зембиц, он преодолел всего за полтора часа. В результате коня он почти доконал. Последний отрезок пути тот едва шлепал. Да и то с остановками.

Ворона взмыла с головы повешенного, отлетела, каркая, села немного

повыше, на горизонтальную балку шубеницы.

— Насколько я понимаю, Рейнмар из Белявы?

Задавший вопрос человек появился неведомо откуда. Словно вырос из-под земли. Он сидел на пегой коняшке. Одет был по-городскому. Лицо было неприметное, а акцент польский.

— Конечно, Рейнмар из Белявы, — ответил он сам себе. — Я поджидаю здесь именно вас, господин.

Рейневан вместо того, чтобы ответить, потянулся к мечу. Человек с неприметным лицом даже не дрогнул.

— Я ожидал, — спокойно сказал он, — без каких-либо злых намерений. Только для того, чтобы передать сообщение. Важное сообщение. Можно говорить? Вы, господин, выслушаете спокойно?

Рейневан не собирался подтверждать. Незнакомец это заметил. Когда он заговорил, голос у него изменился. В нем прозвучали металлические и зловещие нотки.

— В город тебе ехать незачем, Рейнмар из Белявы. Ты ехал быстро, не щадя коня. И все же запоздал.

Рейневан пересилил неожиданно охватившее его отчаяние. Сдержал слабость. Сдержал подскочившее к горлу сердце. Начавшие дрожать руки укрыв за лукой седла. До боли стиснул зубы.

— Девушки, спасти которую ты спешил, в Зембицах уже нет, — сказал незнакомец. — Спокойно! Без глупостей. Терпение, больше терпения. Выслушай меня...

Рейневан и не думал слушать. Выхватил меч и ударил коня шпорой. Конь дернулся, шаркнул копытом, зафыркал, поднял и повернул голову. И не сделал ни шага.

— Больше терпения, — повторил незнакомец. — Не делай глупостей. Твой конь не двинется с места, а ты сам не приблизишься ко мне. Пожалуйста, выслушай меня.

— Говори. Что с Юттой?

— Госпожа Ютта де Апольда цела и невредима. Но покинула Зембицы.

— Откуда... — Рейневан глубоко вздохнул. — Откуда мне знать, что ты не лжешь?

Незнакомец некрасиво усмехнулся.

— *Veritatem dicam, quam nemo audebit prohibere*^[307]. — Его прекрасная латынь наравне с акцентом выдавала в нем поляка. — Госпожи Ютты уже нет в Зембицах. Мы решили, что в руках князя Яна она не будет в безопасности. И что люди, на попечение которых князь ее оставил, не

обеспечат ей телесной неприкосновенности. Поэтому мы решили высвободить госпожу Ютту из зембицкой тюрьмы. Нам повезло, и мы ее высвободили. И приняли, я сказал бы так: *sub tutelam*^[308].

— Где она сейчас?

— В безопасном месте. Спокойно, юноша, спокойно. Ей ничто не угрожает. У нее волос с головы не упадет. Она, как я сказал, под нашей опекой.

— Это значит под чьей? Под чьей, черт побери?

— Ты поразительно недогадлив.

— Инквизиции?

— *Tu dicis*, — усмехнулся незнакомец, — Ты сказал.

Рейневан опять пробовал послать коня вперед, но конь снова захрапел и затопал на одном месте.

— Других вы за магию сжигаете, — сплюнул он. — Засранцы лицемерные. Я не спрашиваю, чего вы хотите от меня или какова цель шантажа, догадываюсь, в чем дело. И лояльно предупреждаю: я только что прикончил одного сукина сына шантажиста. И крепко решил приканчивать следующих, всех, которые появятся. Передай это Гжегожу Гейнче. А тебя, посланец, я запомню, будь спокоен. Ты не будешь знать ни дня, ни часа.

— Тише, Рейнмар, спокойно, — скривил губы незнакомец. — Сдерживай себя и контролируй поведение. Поскольку отсутствие контроля может вызвать труднопредвидимые неприятные последствия. Очень неприятные последствия.

— Для Ютты? Понимаю.

— Не понимаешь. Спрячь меч и выслушай меня. Выслушаешь?

— А у меня есть выход? Ведь в противном-то случае будут неприятные последствия. Ютта в ваших руках. В ваших подземельях.

— Ни в каких она не подземельях, — прервал незнакомец. — Никто ее не обидит, пальцем не тронет, ничем не унижит и не обесчестит. Ютта де Апольда под нашей охраной. Да, она изолирована... Впрочем, с ведома и согласия матери, госпожи Агнес Апольда из Шёнау. Госпожа Ютта находится в безопасном месте. Удалена и изолирована от опасностей этого мира. От определенных идей, которые некогда привели на костер Майфреду да Пировано. И от тебя. Особенно от тебя. И пока что девица Ютта останется удаленной и изолированной.

— Пока что?

— До времени.

— До какого времени? Когда вы ее освободите?

— Когда придет время. И при некоторых условиях.

— Да говори же, — рявкнул Рейневан, все еще впустую пытаюсь сдвинуть коня. — К делу! Я слушаю! Что за условия? Кого я должен предать на сей раз? Кого послать на смерть? А когда сделаю то, что вы хотите, вы отдадите мне Ютту, да? А может, еще и тридцать сребреников добавите?

— Терпение! — поднял руку незнакомец. — Не нервничай, не спеши. Я сказал тебе то, что имел сказать. Теперь возвращайся к своим. К сиротам, которые, по слухам, идут маршем на север и вот-вот будут здесь. Преподобный Гейнче передает тебе для размышления слова пророка Осии: пути Господни прямы, по ним идут праведные, но спотыкаются грешники. Пришло время не спотыкаться, Рейневан из Белявы. Пора вернуться на прямую дорогу. Мы попытаемся помочь тебе.

— В этом я не сомневаюсь.

— Жди сообщений. Мы найдем тебя.

— Так уж уверены, что найдете?

— Найдем, — усмехнулся посланец инквизиции. — Запросто. Ведь ты же как душица. Появляешься часто. Во всех блюдах. Меня зовут Лукаш Божичко.

— Запомню.

Лукаш Божичко засмеялся. Во всяком случае, как казалось, не обратив никакого внимания на звучащую в голосе Рейневана угрозу. Откинув плащ на плечо, развернул пегую лошаденку. Дал ей шпоры. И рысью уехал в сторону Гродских ворот, к которым направлялось все больше и больше беженцев.

Рейневан долго смотрел ему вслед. Он умирал от усталости и недосыпа. Но знал: сейчас не время ни для отдыха, ни для сна. Натянул поводья, повернул в сторону Франкенштейна. Конь храпел. Дорога была забита людьми. Вести об идущих с рейдом сиротах расходились со скоростью молнии. Силезию снова охватила паника.

А Ютта была в руках инквизиции.

Небо на юге затянуло тучами, мрачнело, предвещая приближающуюся метель.

И кое-что похуже метели.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АВТОРА

К главе первой

«...пятьсот гривен, отобранных у сборщика...» — гривна (в неславянских странах именуемая маркой) была платежной, но не монетарной единицей. По массе она равнялась полуфунту чистого серебра, из которого в принципе чеканили 60 монет, или «копу» пражских грошей. Так было еще около 1300-го года, потом начали чеканить все больше грошей из полуфунта, в результате чего из-за уменьшения содержания драгоценного металла грош падал в цене. Сколько грошей фактически чеканили из одной гривны, зависело от того, сколь сильно владыка намеревался «надуть» своих подданных... Как видим, с тех времен в этом деле мало что изменилось.

«...Якубек из Вжосовиц, гейтман Билины» — слово «гейтман» преднамеренно написано так, чтобы отличить от «гетмана», обозначающего у нас командира очень высокого ранга, порой даже главнокомандующего. У гуситов гейтман (лат. *capitaneus*) был просто командиром, ближе по значению к нему казацкий атаман, впрочем, тоже берущий название напрямую от немецкого *Hauptmann*. У гуситов в гейтманах мог ходить уже возница боевой телеги — старший над обслуживающей ее командой в количестве 16–21 человека. Слово «гейтман» могло также означать не только войскового командира, но и административного чиновника, так что титул «земской гейтман» следует, например, переводить как «староста». Так, именуя Якубка из Вжосовиц гейтманом Билины, мы имели в виду не только старосту (руководителя) города и городской округи, но и воинского командира выставленного Билиной вооруженного контингента, так называемой «городской готовности».

«...Das Fechtbuch авторства Ганса Тальхоффера» — анахронизм. Знаменитый учебник боя с применением холодного оружия был написан и издан несколько позже, его датируют 1443 годом. Что касается «*Flos duellatorum*», то здесь все в порядке.

К главе второй

«...паноши Яна Местецкого...» — слово «паноша» в чешской и средневековой польской традиции имело несколько значений. Я пользуюсь самым популярным: это молодой, еще не посвященный в рыцари шляхтич на службе у рыцаря, то есть попросту гермек (армигер, оруженосец).

«*Cave, ne cadas...*» — «смотри не упади». Когда в Римском государстве победившему вождю сенат устраивал триумф, то стоящий за спиной у вождя невольник должен был время от времени повторять: «*Respiciens post te, hominem memento te: cave, ne cadas*» («Оглядываясь, помни, что ты человек: старайся не упасть»). Иными словами: «Не возгордись почестями и похвалами, выдержи на пути заслуг, ибо народ, который умеет за них награждать, зазнавшегося может и превратить в ничто».

«*Nescis, mi fili, diem neque horam...*». — Евангелие от Матфея, 25:13 — «...не знаете ни дня, ни часа». Дальше Самсон безошибочно предсказывает будущее. Ян Смижицкий из Смижиц пережил гуситские события, нажил на них солидное состояние в северной Чехии и, будучи обвинен в государственной измене, обезглавлен в 1453 году.

К главе третьей

«*V.I.T.R.I.O.L...*» — тайная, загадочная и многозначная алхимическая формула, часто используемая для определения процесса трансмутации. Обычно это сокращение интерпретируется как начальные буквы формулы «*Visita Inferiora Terrae Rectificando Invenies Occultum Lapidem*», то есть: «Исследуй низшие сферы Земли, усовершенствуй их и найдешь скрытый камень». Речь, конечно, идет о камне мудрости, знаменитом *lapis philosophorum*, философском камне.

«*Ego vos invoco...*» — и далее ритуал конъюрации и заклинаний, частично — не напрямую — опирающийся на «Гептамерон» Пьера ди Абано, один из немногих аутентичных, сохранившихся в целости чародейских гримуаров.

«*Verum, sine mendacio, certum et verissimum*» — «Истина без лжи,

верная и наиправдивейшая; то, что внизу, суть таково же, что есть наверху, а то, что есть наверху, суть таково же, что есть внизу, чудо же свершается силой Единения» («Изумрудная Скрижаль». Перевод автора).

«*Completum est...*» — «То, что я имел сказать о вещах солнечных, я сказал» (там же).

К главе четвертой

«...главнокомандующий, то есть исполнитель» — богемизм, введенный для колорита. По-чешски «*spravce*» — это управитель, руководитель; не следует путать с «неведомым исполнителем», скорее можно сравнить с польским «осуществляющий власть».

К главе пятой

«...пять вооруженных бургманов...» — обедневшие шляхтичи, не имеющие ничего за душой, вынуждены были наниматься на службу к богатым феодалам. Таких называли «клиентами» или «манами» (от нем. *man* — человек, мужчина). Клиентов, в обязанности которых в основном входил дозор и оборона замка феодала, называли бургманами.

«*Dwor nam pokazil kaplany*», т. е. «двор нам испортил священников» — Бернат из Люблина. Правда, текст возник лишь в 1522 году. Ну и что?

«Я получил шесть бочонков в виде взятки...» — о взяточничестве епископа Конрада при присуждении пребенд и церковных чинов во вроцлавской диоцезии свидетельствует Ева Малечинская — «Гуситское движение в Чехии и Польше», «Книга и Знание», 1959 год.

«*Aurea prima sata est aetas*» — см. «Некоторые пояснения и замечания переводчика».

К главе шестой

«...жейдлик вина стоит три гроша, а полпинты пива пять денежек» —

жейдлик равнялся примерно половине литра. Четыре жейдлика составляли пинту, восемь пинт шло на один скопек. В ведре было четыре скопка, четыре ведра давали бочку емкостью примерно в два с половиной гектолитра. Что касается монетарных единиц, то в то время в Чехии (и не только) основным был пражский грош, именуемый также «белым» либо «широким». Грош делился на 7 денежек, равных 14 гелерам, или 28 оболам. Во время гуситских войн гроши не чеканили вообще, что не мешало им быть самой популярной монетой как при оплатах, так и при расчетах.

«...кто не пожалеет флорена либо венгерского дуката...». У флорена, или гульдена, или рейнского злого курс всегда был ниже, чем у венгерского дуката. В 1419 году, году дефенестрации, за венгерский дукат давали 23 пражских гроша, за флорен же только 19. Бурное время гуситских войн вызвало бурный рост спекулятивной стоимости золотой монеты, поэтому у меня Хунцледер устанавливает курс в 30 грошей.

К главе седьмой

«*E lo spilitomio...*» — см. «Некоторые пояснения и замечания переводчика».

К главе девятой

«*Par montaignes et par valees...*» — см. «Некоторые пояснения и замечания переводчика».

«Один Памбу знает» — Памбу или Памбучек — от «Пан Буг» (Pan Buh) — чешский народный колоквиализм.

К главе двенадцатой

«...тебе, сынку мерсебурских министриалов...» — министриалы были служивым рыцарством, своеобразными невольниками своих хозяев. Их, как настоящих невольников, можно было продать либо обменять, они не имели права жениться без согласия пана, их дети становились

собственностью господина. В XIII веке институт министриалов фактически прекратил существование.

«*Die Ketzer und in dem christlichen Glauben irresame Leute*» — «Кацеров и людей заблуждающихся в вере христианской, преследовать и уничтожать...» — исторический фрагмент присяги, которую в рамках борьбы с гуситской ересью обязан был в 1322 году под угрозой наказания принять каждый житель Лужиц, которому исполнилось четырнадцать лет. Распространяя эту присягу на жителей Силезии, я совершаю так называемое «обоснованное историческое предположение», иначе говоря: придумываю.

К главе четырнадцатой

«...пойманному гуситу пан Швиховский приказал натолкать в рот и горло пороха...» — исторический факт, который приводят «Старые чешские летописи».

«*Quibus viventibus non communicavimus...*» — «С кем мы не были вместе при жизни, с тем не будем вместе и после смерти» — слова, приписываемые римскому папе Льву Великому.

«...не больше, чем одну унцию и тридцать атомов» — расчет был следующий: 1 хора = 4 пунктам = 40 моментам = 480 унциям = 21600 атомам.

К главе пятнадцатой

«*Una cosa voglio vedere...*» — я сконструировал эти строки, довольно свободно основываясь на «*Aradia, or the Gospel of the Witches*» Чарлза Дж. Леланда. И сам себе перевел. Вот эффект (подстрочник мой — *E. B.*):

Rzecz jedna wiszciec pragne
Rzecz milsoci dotyczaca
W wietrze, w wodzie, we kwiecie
Waz syczy, zaba spiewa
Nie opuszczysz mnie, blagam, prosze

Одно я хочу видеть —
То, что касается любви,
В ветре, в воде, в цветке.
Змея шипит, лягушка поет:
Не покидай меня, умоляю, пожалуйста

К главе семнадцатой

«*Slusterytieribози*» — «Послушайте, рыцари Божьи» — песня «из эпохи», взятая мною из так называемого «Йистебницкого Канционала» (первая половина XV века).

«...в том числе около трехсот копий конницы...» — тактическая единица конницы, называемая копьем, состояла обычно из рыцаря, оруженосца, вооруженного слуги и конного стрелка с арбалетом. Бывали копы в количестве трех человек, бывали и шестерых.

К главе восемнадцатой

«...маневр армии, насчитывающей свыше семи тысяч...» — мне встречались источники, определявшие силы гуситов под Нисой в 25 тысяч человек. Авторы, видимо, поддались пропаганде Фогельзанга. Либо опирались на немецкие источники, которые полученные от гуситов страшные удары объясняли и оправдывали «подавляющим преимуществом врага». В действительности Табор и сироты вместе взятые (а не надо забывать, что под Нисой воевал только Табор, без сирот) никогда не были в состоянии направить в рейд армию, превышающую 15–18 тысяч, а обычно 7–9 тысяч человек при принятом у гуситов соотношении конницы и пехоты как 1: 10. Плюс боевые телеги из расчета одна на 20–25 пехотинцев.

«...песенку, доведшую результат до трех тысяч» — некоторые источники (даже чешские) опираются, пожалуй, именно на солдатские песенки, потому что потери силезцев под Нисой определяют в четыре и даже (*sic!*) девять тысяч убитых. Это явное преувеличение, если вообще не

чепуха. В считающихся крупнейшими и кровопролитнейшими битвах гуситских времен потери побежденной стороны составляли по новейшим исследованиям: под Выгешрадом от 300 до 500 погибших, под братоубийственным Мелешовым — около 1500, под Усти на Лабе — 4000, под Гильтерсридом в Верхнем (Горном) Палатинате — 1200 (гуситов), под австрийским Вайдхофеном — 900 (тоже гуситов), под трагическими Липанами — 1300. Под Нисой потери побежденных не могли быть больше. Я принял число погибших близким к тысяче и не думаю, чтобы слишком-то ошибся.

«Мир подобен морю...» — микс аутентичной проповеди Яна Желинского и аутентичных хилиастских манифестов (в моей редакции).

«*In medio quadraquesime Anno Domini MCCCCXXVIII*» — «В середине Великого поста лета Господня 1428-го направились вожди секты Сироток Ян Краловец, Прокоп Малый по прозвищу Прокоупек и Ян Колда из Жампаха в Силезию с 200 конными и 4000 пешими и 150 боевыми телегами к городу Клодзку. Города Мендзылесье и Лондек сожгли, а также многие деревни и поселки в округе уничтожили и огнем прожорливым огромные вреды причинили».

«Фрагмент хроники» этот (как и дальнейшие) является моей выдумкой и компиляцией, однако в качестве «шаблона» мне послужила аутентичная хроника Бартошека из Драговиц, свидетеля эпохи. Я также старался копировать бартошекову латынь, которую некоторые исследователи называют «варварской». Так что в случае чего прошу хихикать над Бартошеком, а не надо мной.

К главе девятнадцатой

«*Necessitas in loco, spes in virtute, salus in victoria*» — «необходимость боя определяется местом, надежда — мужеством, спасение — победой». В действительности-то это слова гетмана Жулкевского, произнесенные перед боем под Клушином.

«*Anno Domini MCCCCXXVIII feria IV ante palmorum*» — «Лета господня 1428-го в среду перед Пальмовым воскресеньем (последнее воскресенье перед Пасхой) обложили виклифисты из секты сирот с орудиями и осадными машинами город Клодзк, в коем вождями были

господин Пута из Частоловиц и господин Николай фон Мошен, и при помощи оных орудий и катапульт, а также штурмом и разными иными способами замок хотели захватить и взять; однако гарнизон оборонял его воистину мужественно».

К главе двадцатой

«*Rustica gens optima flens*» — «Деревенское мужичье самое хорошее, когда плачет (а самое худшее, когда веселится)». Поговорка той эпохи. Впрочем, вневременная. Всегда актуальная.

К главе двадцать первой

«*Ach, moj smetku...*» («Ах, моя печаль») — произведение, известное как «Жалоба умирающего», 1461 год, но, вероятнее всего, это перевод более ранней чешской песни.

К главе двадцать третьей

«*Adsum favens... Sit satis laborum...*» — см. «Некоторые пояснения и замечания переводчика».

«*Auf Johanni blüht der Holler...*»

На святого Иоанна зацветает бузина.
Любовь будет еще прекраснее.

Бузина — Черная сирень (*Holunder, Holder, Holler, Sambucus nigra*) — кустарник, посвященный Великой Богине, зацветающий в ночь накануне Ивана Купалы, летнего равноденствия, был крепко связан с эротической магией.

«*Petersilie, Suppenkraut wächst in uns'ren Garten...*»

В нашем садике растут петрушка, всяческая зелень,

Юная дева, прекрасная Ютта, уже больше ждать не должна.
За кустом бузины подарила Рейневану поцелуй.
Красное вино, белое вино, завтра будет шумная свадьба!

Народная эротическая (в моей — автора — переработке) немецкая припевка, связанная с магическими и афродизиальными свойствами петрушки и черной сирени (бузины). Упоминание о «красном и белом вине» — аллегория потери девственности.

Текст — предыдущий тоже — цитируется по *Hexenmedizin*, Клаудиа Мюллер-Эбелинг, Христиан Рэч, Вольф Дитер, AT Volag, Аару, 1999.

«Величайшая Богиня, царица тени...» — опять Апулей.

«...говорит вдохновенный мэтр Экхарт...» — то, что в этом абзаце говорит мэтр, я в основном почерпнул из книги «Времена кафедр».

«*Sic habebis gloriam totius mundi...*» — «и тогда обретешь ты славу этого мира. И всякая тьма тебя минует». «Изумрудная Скрижаль», перевод автора.

«...*vocatus sum Hermes Trismegistus...*» — «зовут меня Гермес Трисмегист, ибо обладаю я тройственной сущностью всей мудрости мира» (опять «Изумрудная Скрижаль»).

К главе двадцать четвертой

«Палец и одно ячменное зерно был типичным калибром...» — палец (*prst*) — 1, 992 см, ячменное зерно (*ječne zrno*) — 0, 498 см.

«Heran ihr Sterblichen...»

А-ну, смертные,
Напрасно вы стенаете,
Когда я вам сыграю,
Вы в пляс пойдете.

«*Sum sponsa formosa, mundo et speciosa...*» — Дева из Пляски Смерти говорит: «Я невеста прекрасная, пред миром изящная». Смерть отвечает: «Ты уже изменена, своего цветения лишена».

НЕКОТОРЫЕ ПОЯСНЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Для начала следует сказать, что по согласованию с Автором я принятое в Польше обращение «пан, пани» заменил, когда действие происходит в Силезии, на «господин, госпожа», поскольку население Силезии отнюдь не было однородно польским, и даже наоборот. Что же касается Чехии и чехов, то я оставил в силе обращение «пан, пани».

А теперь собственно «Пояснения», которые в значительной степени обязаны своим появлением существенной помощи Автора.

К главе первой

«...сапожник Скуба победил вавельского дракона...» — польская легенда. В подземелье под Вавелем (краковском королевском дворце) проживал страшный дракон. Все его боялись, никто не решался вступить с ним в бой. Наконец бедный сапожник Скуба убил дракона, отравив его — подкинул овцу, набитую серой. Сжигаемый отравой дракон пил воду из Вислы до тех пор, пока не лопнул с перепития.

«...В воскресенье после святого Вита» — святой Вит приходится на 15 июня, бой под Усти на Лабе проходит 16 июня 1426 года. Это было воскресенье, когда нельзя проводить битв. Немцы не уважили воскресенье, этим фактом впоследствии объясняли их страшное поражение и невероятно большие потери.

«Вагенбург» — оборонное построение чехов-гуситов из составленных особым образом телег и орудий. Более полно — в тексте книги.

«...сослаться на Никейский символ веры» — речь идет о формуле сути веры, начинающейся со слов «Credo» (Верую), определенной Никейским собором в 325 году. Никея — город в Малой Азии.

Вольфрам фон Эшенбах стал победителем поэтического турнира в Вартбурге на самую возвышенную похвалу своему князю.

«...Господин небес воздел свою десницу...» — Рокицана ссылается на Книгу Судей (довольно свободно), 7:12, Книгу Самуила, 11:11 и вторую книгу Царств, 19:35.

К главе второй

«...в субботу перед Рождеством Девы Марии» — 6 сентября 1427 года.

«...мои предки бились под Леньяно...» — под Миланом (1158) и под Леньяно (1176) Фридрих Барбаросса бился с итальянскими городами — республиками. Аскалон и Арсуф (1191) — это места боев крестоносцев Ричарда Львиное Сердце (Третий Крестовый поход). Под Мюльдорфом (1322) Людовик Баварский бился с Фридрихом Габсбургом за римскую корону. Что было под Креси — известно (во время Столетней войны войска английского короля Эдуарда III разгромили армию французского короля Филиппа VI).

К главе третьей

«...в пятницу перед воскресеньем „Кантате“», то есть 16 мая 1427 года (Кантата — четвертое воскресенье после Пасхи (название от псалма 97; 1 «Воспойте Господу»)).

«...Станислав из Щепанова» — святой Станислав, вероятнее всего, обезглавленный по приказу короля Болеслава Храброго. По церковной легенде, ясно придуманной позже, под влиянием истории Томаса Бекета, Станислав был убит в церкви палачами короля. Некоторые версии даже утверждают, что лично королем.

«...Ян из Помука» — святой Ян-мученик, отданный по приказу чешского короля Вацлава IV палачам, а затем утопленный во Влтаве. По церковной легенде, его истязали для того, чтобы он выдал тайну исповеди королевы. История утверждает — чтобы выдал соучастников антикоролевского заговора.

«*Quare insidiaris animae meae?*» — Рейневан имеет в виду Библию

(Первую Книгу Царств, 28). Царь Саул требовал от Аэндорской Волшебницы, чтобы та вызвала ему дух Самуила. Поскольку такие дела карались в Израиле смертью, волшебница, боясь кары, спрашивает: «Для чего же ты расставляешь сеть душе моей?» Саул успокаивает ее, говоря: «Не будет тебе беды за это дело».

«*Ego vos invoco...*» — Призываю вас и, призывая, заклинаю тем, которому послушны все существа и чье имя непроизносимо. Тетраграмматон Иегова, коий создал все, при гласе коего стихии умолкают, воздух сотрясается, море отступает, огонь гаснет, Земля дрожит, все воинства Неба, Земли и Ада дрожат и умолкают.

«*Venite, venite, quid tardatis?*» — Приидите, приидите, почему же вы медлите?

К главе четвертой

«...сто даров Константиновых в глаза показал...» — дело касается легендарного «Послания Константина», то есть передачи Константином Великим всей земной власти папе Сильвестру I и Римской Курии, а также придания римской церкви верховенства над всеми другими церквями и религиями. Дарования должны были быть обязательны для всех последующих пап, оные и оправдывали тезу о «двух мечях» папства, объединяющего в своей руке полную власть над миром — как духовную, так и телесную. Уже в конце XV века было доказано, что «дар» представляет собою фальсификат и выдумку.

К главе пятой

«*In niva fert animus mutatis dicere...*» — «Хочу воспевать тела в новые формы перемененные» — Овидий, «Метаморфозы»; 1, 1. Перевод С. В. Шервинского.

«*Aurea prima sata est aeras...*»

Первым век золотой народился, не знавший возмездий,
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность.

Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решенья суда, — в безопасности жили без судей.

Овидий, «Метаморфозы»; 1; 89–93. Перевод с латинского С. В. Шервинского.

К главе седьмой

«E lo spirito mio...»

И дух мой, — хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим прикосновением она,
А здесь неполным было созерцанье, —
Пред тайной силой, шедшей от нее,
былой любви изведаль обаянье,
Едва в лицо ударила мое
Та сила, чье, став отроком, я вскоре
Разящее почуял острие.

Данте Алигьери, «Божественная Комедия», Чистилище, песнь XXX.
Перевод М. Лозинского.

К главе девятой

«Par montaignes et par valees...»

Через горы и долины,
Через дикие пущи,
Через странный, дикий край,
Многочисленные, полные ужаса
И смертельных опасностей места.

Кретьен де Труа «Ивейн, или Рыцарь с львом». Перевод со старофранцузского А. Сапковского (подстрочник мой. — Е. В.).

«У нас заказы от шести Городов...» В 1346 году шесть лужицких городов заключили так называемый *Sechtaedtebund*, Союз Шести Городов, с целью обеспечения безопасности торговых путей и борьбы с бандитизмом, в том числе раубриттерством. В союз вступили: Згожелец, Любань, Житава, Будзишин, Каменец (теперь — Каменц) и Любий (теперь Лебау).

К главе двадцать третьей

«...до Троицы, первого воскресенья после Зеленых Святков». Зеленые Святки, или Пентекост отмечаются через пятьдесят дней после Пасхи. В 1428 году это было 23 мая, день Святой Троицы отмечается всегда в первое воскресенье после Пентекоста. В 1428 году это воскресенье пришлось на 30 мая.

«...po festum angelorum» — то есть после приходящегося на 29 сентября дня архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила. Поскольку архангел Михаил в этом перечне идет первым, постольку обычно и популярно этот праздник назывался Святым Михаилом.

---

notes

Примечания

Африка, где живут львы (лат). — Здесь и далее примеч. пер., за исключением особо оговоренных случаев

2

Край земли (лат.)

3

где восток соединяется с севером (лат.)

кровопроливцы, полипы, осьминоги, лангусты, крабы (лат.)

Древняя матросская поговорка: «Плыть необходимо» (лат)

морские карты (компасные), употреблявшиеся в XIII и XIV веках
(порт.)

7

что и требовалось доказать (лат.)

описаниях (порт.)

9

29 июня

10

Среда, предшествующая 25 июля

глава (столица) королевства (лат.)

Яна Желивского и его сподвижников обезглавили 9 марта 1422 года. В понедельник

Здесь: предполагаемый (лат.)

во-первых (лат.)

во-вторых (лат.)

в-третьих (лат.)

Кн Судей. 7:12

Мясные торговые ряды

род вокальной или инструментальной композиции (лат.)

Первое воскресенье после Пасхи, названное по словам 1 послания Св. Петра, 2:2 (лат.)

21

посмертное окоченение мышц (лат.)

От fluido — разжижать (лат.)

Место, где в своем «Парсивале» Эшенбах поместил замок Грааля

в итоге (лат.)

Объяснение принятых в средневековые мер и весов, монетарных единиц, пояснение наиболее трудных слов, перевод некоторых латинских сентенций, песен, гимнов, хоралов и хроник, библиографические данные источников, а также различные любопытные «штучки», свойственные эпохе, читатель найдет в конце книги. Хотя — предупреждаю заранее — не все. Ибо Автор, как известно, считает, что нет большего удовольствия, чем самостоятельно копаться в словарях, справочниках и энциклопедиях, и лишать Читателя этого удовольствия не годится. — Примеч. автора.

4 Царств, 18; 13:19; Ис. 36; 1:37

Псалом, 1; 4; I Царств, 11:11

Бог победил! Истина победила!

Тебя, Господи, славим! (лат.)

Здесь: наскоро (лат.)

средневековый стилет с трехгранным острием

«Советы дуэлянтам» (лат.)

да почиет в мире (лат.)

голова королевства (лат.)

помни, что ты (только) человек (лат.) — слова, которые шептал невольник, стоящий на колеснице за триумфатором в Древнем Риме

в целом (лат.)

Пребенда — доходная церковная должность (от лат. *prebere* — дарить),
аннаты — годовые выплаты с первогодových церковных доходов

все зло от церковников (лат.)

мэтр в Пражском университете, медик

вскрытие вен в целях кровопускания

41

24 июля

Иоанна Крестителя обезглавили 29 августа

великий мэтр черной магии (лат.)

Виннокислый калий (хим.)

ткань из тополиной коры (хим.)

Здесь: досточтимый, недостижимый (лат.)

Койне — греческий язык, которым пользовались народы восточного Средиземноморья

укромная (тайная, секретная и т. д.) комната (лат.)

зме́й любви́ (лат.)

перегонные кубы

выделения (от «эфир») (лат.) — бульканье

открытый с двух сторон глиняный горшок в форме груши

53

ртуть (живое серебро)

селитра

Дословно: «голова трупa» — осадок после алхимических процессов
(лат.)

Полубессмысленный набор немецких ругательств, представляющий собой нанизывание слов на одну нить (нем.)

Примерно то же, но с другим «набором» (нем.)

Данте Алигьери, «Божественная комедия». «Ад», песнь XXXIV,
Перевод М. Лозинского

Ада (лат.) (Имеется в виду «Божественная комедия»)

молился и работал (лат.)

61

право преподавать (лат.)

Наипочтеннейший доктор (лат.)

Дивинация — магия «угадывающая»

особая смесь для опрыскивания (см. дальше)

Рука Силы

Великий экспериментатор и чернокнижник (лат.)

по плодам их (познаете их). Матф., 7, 16:20

Там же

чернила из киновари, квасцов

КОЛДОВСТВО, ВОЛШЕБСТВО

Знаком Божьего креста!

неудачи (лат.)

Шем — бумажка с магическим словом, которую, если верить одной из версий легенды, пражский раввин вложил в рот голема, чтобы его оживить.

ничто не происходит без причины (лат.)

действующая (движущая) причина (лат.)

Знать и понимать — равносильно познанию причин (Аристотель, «Вторые аналитики»)

«Растворяй и сгущай» — основные алхимические действия: превращение твердой материи в жидкую (растворением в жидкости) и жидкой в твердую (выпариванием)

Кенигсберг

Альберт из Колоньн (Кельна) — Альберт фон Больштедт, немецкий богослов и философ

Микеле Скотто — астролог XIII в., Гвидо Бонатти — астролог XIII в.,
Азденте — сапожник-предсказатель

Дьявол может внешние органы человека преобразить и обмануть (лат.)

для демонстрации своей власти, для покаяния за грехи, для исправления грешных либо для нашего поучения (лат.)

В цитате регулярно С вместо грамматически правильного Т (прим. пирата).

Местность в Австрии

Стенторы — у Гомера герольды греческих войск

Карловом университете

Знаменитая книга, выполненная по заказу известного библиофила, князя Жана де Берри в 1410–1416 годах, содержащая, кроме библейских композиций, прекрасный «календарь», изображающий 12 месяцев

14 сентября

Рождественский пост

совершенно четко (лат.)

лишение чести по суду

Кацер (нем. Ketzer) — название, даваемое католиками отступникам от официальной доктрины церкви, в основном в период реформации (использовалось наряду со словом «еретик»)

оскорбление достоинства величества (лат.)

Мир, заключенный 22.09.1422 г., лишил поляков выхода к морю

Ничья вещь становится собственностью первого овладевшего ею (лат.)

Город-крепость на территории тогдашнем Восточной Пруссии (теперь — в Польше)

«Слава в вышних...» (лат.)

Псалом 17:43

Книга Иеремии, 9:16

смертный грех (лат.)

преподаватель (лат.)

школа при церкви, при которой имеется капитул

«Фиваида»

городские советы

Пляска смерти (нем.)

То же (фр.)

Смену времен и круговорот латинского года
Я объясню, и заход и восхождение светил.

Овидий. Фасты, кн. 1. (прим. пирата).

«Фасты» — произведение с описанием римских религиозных праздников

Благослови же меня на твоих прославление предков,
Из моего изгони сердца ты трепетный страх.

Овидий. Фасты, кн. 1 (прим. пирата).

«Дерьмо, мальчики, проститутка, свиная мать» — в этом роде

пятнадцатого сентября Лета Господня 1425-го (лат.)

113

община (лат.)

«Художникам, как и поэтам, издавна дано право дерзать на все, что угодно». Гораций. «Наука поэзии», 9-10. Перевод М. Гаспарова

в легендах о сказочных временах Польши — обительница озера
Гопло

заместитель и помощник приходского священника

осознания и отречения от ереси перед трибуналом инквизиции (лат.)

Премонстратенсы или норбертиане — орден, основанный святым Норбертом во Франции

Ереси и многочисленные злостности плодятся в нашей диоцезии (лат.)

Святой Инквизиции (лат.)

имеет княжеские полномочия

К вящей славе Божией (лат.)

123

тот против меня (лат.)

третьего не дано (лат.)

Сказано: для понимающего достаточно (лат)

«Тристан и Изольда» — поэма Бируля (конец XII века)

«Эрек» — рыцарский рома Хартманна фон Ауе (XII век)

Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу. Марк 4:22

Моя вина (лат.)

«Так я могуча, что мне повредить не в силах Фортуна». Овидий,
«Метаморфозы». Перевод С.В. Шервинского

«Тот, кого утро видит вознесенным, вечер видит поверженным».
Сенека

Ныне отпускаешъ (раба твоего, владыко) Лука, 2:29

разновидности азартных игр (лат.)

во веки веков (лат.)

фаллос (ит.)

И я в Аркадии (лат.)

Чешская династия X-XIII веков

камнеудалитель

проклятый сын потаскухи (нем.)

Здесь: «всякий сброд». 2-я Царств, 8:18, 15:18

Я — ПАПА (лат.)

Томмасо Мазаччо (1401–1428) — флорентийский художник. Писал сцены изгнания из Рая (а на них — нагую Еву)

Т.е. 21 октября

великая сила (ит.)

145

центральная самая высокая башня средневекового замка (нем.)

Иеремия, 50:32

Там же, 50:29

Ноги разведи! (нем.)

149

23.25 литра

Здесь: чувствительное место (лат.)

подземная тюрьма, каменный мешок (фр.)

Здесь: амулеты, талисманы

Увидено, обнаружено (лат.)

Вижу видимое! (лат.)

накидка-невидимка (ирланд.)

Поминовение усопших (лат.)

От лат. parricida — убийство ближайших родственников
(отцеубийство)

т. е. каликстинцев

Заклинание, лишаящее возможности двигаться (действовать) (лат.)

«Поднимите, врата, верхи ваши...» Псалом 23:7

Таинственный и неясный текст якобы авторства самого Гермеса Трисмегиста, считающийся праисточником всех алхимических знаний, а также рецептом для создания философского камня

«И вот, падет стена». Иезекииль, 13:12

163

тупик (фр)

обезьяны (лат.)

165

двуручный меч (иск. нем.)

166

девятое ноября (лат.)

Великая Магия (лат.)

полночь (лат.)

утренняя служба (лат.)

черт его побери (нем.)

171

седьмое ноября (лат.)

чуть только подросла (иск. лат)

честном слове (лат.)

головной убор, в данном случае платок (фр)

к сути (лат.)

линдвурм (или лндорм) — бескрылый двуногий дракон с длинным хвостом и змеиной шеей и головой, символизирующий в алхимии первичную материю. До сих пор в Германии встречаются аптеки с названием «Lindwurm Apotheke»

пользуйся случаем (лат.)

От нем. «hors» — отправиться погулять, выпить, позабавиться (старопольск.)

проходит слава (лат.)

Ни завтра, ни сегодня — никогда не верь женщине (лат.)

равноденствие (лат.)

Мамить — манить, привлекать, вводить в заблуждение

Рождество (нем.)

Имена называть нежелательно, это может навредить (лат.)

глубокая ночь (лат.)

ГОТОВО (HEM.)

«Часы (времена) человеческие» (лат.)

напиток, состоящий из $\frac{1}{3}$ меда и $\frac{2}{3}$ воды — «Медовуха»

доблестный рыцарь (фр.)

просьба о вдохновении, обращенная к высшему существу (лат.)

ПесньПесней, 8:6

Здесь: послушница

Ермунганд — в скандинавской мифологии — мировой змей, окружающий обитаемую Землю — Мидгард

божественный образ, поразительное видение (лат.)

Владычица всего сущего (лат.)

Дроздобород (нем.)

Волколак (бретон.)

Обдирала (фр.)

галлийский воин (лат.)

200

галлийский убийца (лат.)

201

Истинное имя значения не имеет (лат.)

из германцев (ит.)

Белая Церковь (лат.)

в тени бука (лат.) «Буколики» Вергилия

Царствие Божие (лат.)

Моя родина — весь мир (лат.)

где хорошо, там мое отечество (лат.)

Шестое воскресенье перед Пасхой

С нами Бог! (лат.)

Истина восторжествует (лат.)

Третье воскресенье перед Пасхой

212

часть лат, прикрывающая предплечья

Псалом 88:14

С нами Бог! (нем.)

Книга Иисуса Навина, 6:20

Там же, 8:28

Умному достаточно (лат.)

вина (лат.)

Мифическое морское чудовище, символическое название Египта. В Новом Завете — символ Сатаны

220

Стрых, или корец — 93 литра

Второе воскресенье перед Пасхой

222

больше пива (нем.)

223

дерьмо проклятое (нем.)

места сбора податей и пошлин

...уши ваши, что слышат (Матф, 15:16) (лат.)

бесстрашный и безупречный (фр.)

Огонь неугасимый (лат.)

228

два фунта

229

слабый огонь (лат.)

230

меж делом (лат.)

деревянный балкончик, с которого на врагов бросали снаряды и лили кипяток

Пресвятая дева Мария покровительствует правым (лат)

Шлюхатвоямать (нем.)

И так сироты в понедельник перед Пасхой от Клодзка отступили (лат.)

235

показания (лат.)

236

Хорошо, хорошо (лат.)

Суди меня, Боже (пс.42;1)

после прощальной сороковицы (лат.)

Святая Мария, Матерь Христова, святая Дева непорочная, спаси нас и помилуй, святой Станислав, святой Андрей, к вам взываю (лат.)

240

грешен, взываю (лат.)

Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас
(лат.)

тяжело ранили (лат.)

разбойники и грабители (лат.)

спаси нас, Боже, от гнева Твоего, от ненависти и всяческого зла избави нас (лат.)

Кн. Даниила, 3:57-58

246

Храм Господен свят! (лат.)

Литургический гимн в вольном переводе автора: Вздвигаются знамена
царя (т. е. Христа), // Блещет тайна Креста, // Но хоть смерть победила
жизнь, // Со смертью жизнь воскресла.

выступающие части (лат.)

249

слезы (лат.)

мученики из ордена доминиканцев

Апокалипсис св. Иоанна, 6:10: «Доколе, Владыка Святой и Истинный, не судить и не мстить живущим на земле за кровь нашу?»

Все, что тройственно, — идеально (лат.)

Истина в единении (в единении Сила) (лат.)

Праздник праздников! (лат.)

Как говорится — истинное воскресение (лат.)

То есть 25 марта 1428 г. — последнее воскресенье перед Пасхой

То есть перед воскресеньем 16 апреля 1428 г.

обороня христианскую веру (лат.)

Вторая жена Нерона Поппея Сабина славилась своими косметическими процедурами, особенно купанием в молоке ослицы

260

тот, кто служит алтарю, за счет алтаря живет (лат.)

261

1231 год

Непереводимый придуманный автором текст, подражающий старой польской речи

Мэтр из Флемалье — Роберт Кампен

Прощение (лат.)

Небесная любовь в противоположность земной (греч.)

«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя...». Псалом
102:1

отверстие в стволе (нем.)

«Ибо беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя
отяготели на мне». Псалом 37:5

Псалом 130:1

270

Псалом 50; 3:5

То есть перед воскресеньем 24 апреля 1428 г.

Исайя 65:12

Господи упаси (нем.)

Легенда гласит, что человека, увидевшего стирающую в ручье белье Прачку, ждут неприятности

создание (лат.)

Свет изгоняет тъму. Ясность убивает ночь (лат.)

Эос розовоперстая (лат.)

Бог в помощь (чеш.)

князем (чеш.)

280

первоцвет (лат.)

281

ахиллесова мазь (лат.)

282

волшебное лечебное средство, защитившее Одиссея от чар Цирцеи
(Гомер)

283

комната для больных (пол. уст.)

Апулей. «Метаморфозы». Перевод М. Кузьмина

помещение, в котором копировали рукописные книги

часть монастыря, закрытая для посторонних

самая главная и самая торжественная месса в течение дня

Время бежит быстро, используйте его (лат)

Апокалипсис. 12:1

Исайя 66:13

Травестация: Esse homo. Евангелие от Иоанна, 19:5

Травестация молитвы на основе Евангелия от Иоанна, 1:29

От того гордость, как ожерелье, обложила их. Псалом: 72:6

Прекрасная Пеллегринна (ит.)

страдание (лат.)

утешение (лат.)

Аз есмь епископ Конрад (лат.)

Сие есть факт (лат.)

права (закон) войны (лат.)

300

Так проходит (земная) слава (лат.)

301

помни о смерти (лат.)

Изыди (фр.)

303

смелым сопутствует удача (лат.)

Исайя 1:18

защищая христианскую веру к свой народ (Генрик Благочестивый
погиб в 1241 году в битве с татарским нашествием)

Иеремия 48:25

Я говорю правду, которую никто не сможет опровергнуть (лат.)

308

под опеку (лат.)